

A. MEILLET

MEMBRE DE L'INSTITUT, PROFESSEUR AU COLLÈGE DE FRANCE

INTRODUCTION
À L'ÉTUDE COMPARATIVE
DES LANGUES
INDOEUROPÉENNES

SEPTIÈME ÉDITION REFONDUE

А. МЕЙЕ

ЧЛЕН АКАДЕМИИ, ПРОФЕССОР COLLÈGE DE FRANCE

**ВВЕДЕНИЕ
В СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ
ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ
ЯЗЫКОВ**

ПЕРЕВОД *Ж. КУДРЯВСКОГО*,
ПЕРЕРАБОТАННЫЙ И ДОПОЛНЕННЫЙ ПО СЕДЬМОМУ
ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ *А. СУХОТИНЫМ*
ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРИМЕЧАНИЯМИ *Р. ШОР*
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ *М. СЕРГИЕВСКОГО*

Допущен Всесоюзным Комитетом по делам высшей школы при
СНК СССР в качестве учебного пособия для филологических
факультетов государственных университетов

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО**
МОСКВА — 1938 — ЛЕНИНГРАД

АНТУАН МЕЙЕ И ЕГО „ВВЕДЕНИЕ В СРАВНИТЕЛЬНОЕ
ИЗУЧЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ“

I

Антуан Мейе, скончавшийся в конце сентября 1936 г. в Париже, в возрасте 70 лет, в последние годы своей жизни был профессором Collège de France, директором École Pratique des Hautes Études, неперменным секретарем и фактическим руководителем Парижского лингвистического общества (Société de linguistique de Paris), а также организатором специального Института славяноведения (Institut d'études slaves) и редактором его органа „Revue des études slaves“. Уже один этот перечень свидетельствует о разносторонности научной активности французского ученого, а если добавить к этому, что его научная продукция исчисляется сотнями отдельных публикаций, начиная от объемистых трудов и кончая руководящими обзорами и рецензиями¹, то неудивительно, что Мейе по справедливости являлся одним из ученых с мировым именем и признанным крупнейшим языковедом современной Франции. У нас Мейе впервые стал известен читателю после выхода в свет перевода его книги „Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков“, сделанного в 1911 г. проф. Юрьевского университета Д. Н. Кудрявским и выдержавшего два издания; третье издание этой книги и выходит теперь с дополнениями согласно последнему французскому изданию этого труда. Но, помимо этого, редкий лингвист, работавший в области индоевропейских языков, не ссылался в своих работах на труды и мнения Мейе, так что известность его в СССР была гораздо шире, чем можно думать на основании перевода одного из его трудов.

В самом деле, если учесть хотя главнейшие ученые труды французского ученого, то приходится прежде всего отметить

¹ Библиография трудов Мейе, составленная Э. Бенвенистом, включает 24 книги и 540 статей (см. BSLP, т. 38 за 1937 г.).

разносторонность и широту его интересов и знаний. Помимо уже упомянутого очерка сравнительной грамматики индоевропейских языков, Мейе дал ряд трудов по отдельным языкам, притом трудов основополагающего значения. Начав сперва с классических языков, Мейе в 1906 г. выпустил свою работу о латинском склонении¹, а затем дал очерк истории греческого языка, выдержавший при жизни автора четыре издания². Этот очерк в доступной форме излагает сложную историю образования и развития литературного языка в древней Греции и показывает, каким образом развился современный греческий язык из того единообразного языка эллинистической эпохи, который сменил прежнюю диалектальную стадию. Почти одновременно он начинает специально заниматься древнеармянским и древнеперсидским языками, и результатом этих занятий являются его книги, посвященные именно этим языкам³. К ним примыкают занятия Мейе «тохарским» языком. Состояние изучения и наших сведений о нем было представлено им в небольшой сводной работе в 1914 г.⁴ Вскоре затем он переходит к специальным занятиям германскими и славянскими языками. Прекрасный очерк своеобразных черт германских языков, сделанный им, является и теперь, пожалуй, наилучшим по ясности и систематичности изложения⁵. В нем Мейе показывает те черты германских языков, которые отделяют последние от всех остальных языков индоевропейской системы, и тем самым совершенно убедительно выявляет нелепость и полную несостоятельность взгляда, защищаемого ранее германскими лингвистами-шовинистами, а ныне фашистами, будто германцы и германские языки сохранили исконную чистоту индоевропейского языка и расы. В отношении же славянских языков ему принадлежит основополагающий труд по так называемому общеславянскому языку⁶, а также очерки по отдельным языкам, преимущественно южным. Следует отметить, что Мейе справедливо оценивает огромное значение славянских языков для сравнительно-исторического изучения языков индоевропейских, указывая, что именно славянские языки наиболее

¹ „De quelques innovations de la déclinaison latine“, Paris, 1906.

² „Aperçu d'une histoire de la langue grecque“, Paris, 1913; 4 éd., 1935.

³ „Altarmenisches Elementarbuch“, Heidelberg, 1913 и „Grammaire du vieux perse“, Paris, 1915. Первой книге предшествовала более краткая: „Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique“, Vienne, 1903; 2 éd. 1936.

⁴ „Le tokharien“ (в „Indogermanisches Jahrbuch“, I).

⁵ „Les caractères généraux des langues germaniques“, Paris, 1917; 4 éd. 1930.

⁶ „Le slave commun“, Paris, 1924; 2 éd. 1934.

четко сохранили древний языковый тип, разрушенный в греческом, латинском и особенно в германских языках¹. Среди славянских языков Мейе всегда выделяет язык русский — как язык мирового значения, язык одной из величайших художественных литератур, изучение которого далеко выходит за пределы славяноведческих изысканий². Вновь возвращается Мейе к занятиям классическими языками, и плодом этих занятий являются его очерки, в сотрудничестве с Ж. Вандриесом, сравнительной грамматики латинского и греческого языков³, а затем очерк истории латинского языка⁴, отличающийся теми же достоинствами, что и выше отмеченный очерк истории греческого языка. Интересуясь проблемами сравнительной грамматики индоевропейских языков в целом, он посвящает одну свою работу специальному вопросу о диалектах индоевропейского языка; эта работа представляет собой сводку обширного материала, который по этому вопросу был накоплен и рассеян в различных исследованиях в течение всего предшествующего периода создания сравнительного индоевропейского языковедения после Шлейхера⁵.

Занимаясь по преимуществу индоевропейскими языками, Мейе тем не менее интересовался и состоянием изучения и положением других языков мира. Так, Мейе вместе с языковедом-антифашистом Марселем Когеном⁶ является главным редактором коллективного издания, предпринятого французскими учеными и посвященного обозрению языков мира, которому предпосылает введение с изложением принципиальных своих воззрений о классификации языков⁷. Вопросы методологического порядка рано начали интересовать Мейе, и он высказывался по этому поводу сперва в отдельных своих статьях, которые собрал и издал позже отдельной книгой⁸, а затем выступил с изложением своих методологических воззрений в серии лекций, прочтенных им в Осло в 1924 г. в Институте комплексного изучения культуры⁹. Не будем уже касаться много-

¹ Ср. „Le slave commun“, 2 éd., P., 1934, p. 13; ср. также предлагаемый труд, стр. 101, 104, 441.

² Ср. „Le slave commun“, 2 éd., p. 517; ср. также предлагаемый труд, стр. 103, 105.

³ „Traité de grammaire comparée des langues classiques“, Paris, 1925; 2 éd. 1927.

⁴ „Esquisse d'une histoire de la langue latine“, Paris, 1928, 3 éd. 1933.

⁵ „Les dialectes indo-européens“, Paris, 1908; 2 éd. 1922.

⁶ Ср. его статью в сборнике „À la lumière du marxisme (Conférences faites à la Commission Scientifique du Cercle de la Russie Neuve en 1933—1934)“, P., 1936.

⁷ „Les langues du monde“, Paris, 1925.

⁸ „Linguistique historique et linguistique générale“, Paris, t. I, 1921; 2 éd. 1926.

⁹ „La méthode comparative en linguistique historique“, Oslo, 1925.

численных отдельных статей, обзоров и рецензий, рассеянных по многочисленным журналам¹ и всегда заключающих оценки с позиций, которые Мейе считал правильными и защищал в своих работах.

Эти его позиции станут нам понятны, если мы вспомним тот факт, что Мейе был учеником знаменитого Фердинанда де Соссюра, место которого он занял в *École Pratique des Hautes Études*. Мейе углубил и развил некоторые его идеи и явился наиболее ярким выразителем так называемой „социологической школы“ в языкознании — школы, к которой примыкают в настоящее время наиболее видные деятели-антифашисты среди лингвистов, как американский языковед Э. Сепир, французы Соважо и М. Коген и мн. др.² С этими принципами мы познакомимся в дальнейшем, но сперва ознакомимся подробнее с Мейе как с представителем сравнительно-исторического языкознания. Само собой разумеется, нам придется ограничиться лишь общим обзором взглядов и воззрений Мейе, так как в краткой статье невозможно рассматривать все его оригинальные истолкования и объяснения многочисленных частных фактов из истории языков, которыми он занимался. Мы можем здесь коснуться лишь важнейших моментов в его деятельности и наметить в общих чертах значение, какое он имел в истории развития языкознания за последние десятилетия.

II

Выйдя из школы де Соссюра и воспитавшись на занятиях сравнительно-историческим изучением индоевропейских языков, Мейе остался до конца своей жизни представителем этой области лингвистической науки. Вышеназванный его труд, посвященный основам сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков, является самым популярным из его трудов вообще, выдержавшим за двадцать лет семь изданий³. Специальным дополнением к нему является исследование об индоевропейских диалектах. В этих работах мы имеем изложение современной стадии разви-

¹ Большинство их помещено в руководимом им „Bulletin de la Société de linguistique de Paris“.

² Изложение принципов этой школы сделано было учеником Мейе норвежским ученым Альфом Коммерфельдом в статье: „La philosophie linguistique française“, напечатанной в „Bulletin de la Société de linguistique de Paris“, t. XXV (1924—1925). См. также русский перевод книги Ф. де Соссюра „Курсы общей лингвистики“, М., 1933.

³ „L'introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes“, Paris, 1903; 7-e éd. 1934.

тия сравнительной грамматики индоевропейских языков. На них стоит остановиться подробнее потому, что они дают нам представление о том, как развивалась эта область лингвистики за более чем полувековой период, прошедший со времени выхода в свет знаменитого труда Шлейхера „Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков“, появившегося первым изданием в 1861 г.

„... «Материя и форма родного языка», — писал в полемике с Дюрингом Ф. Энгельс, — только тогда могут быть поняты, когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки“¹. Обращаясь к оценке современного ему языкознания, Энгельс далее решительно противопоставляет „старомодной, выкроенной в стиле древней классической филологии, технической грамматике, со всей ее казуистикой и произвольностью, порождаемыми отсутствием в ней исторического основания“, — „историческое языкознание, так сильно и плодотворно развившееся в последние 60 лет“. Основоположниками этого исторического языкознания Энгельс называет Боппа, создавшего сравнительную грамматику индоевропейских языков, и положивших основы сравнительной грамматики языков германских — Гримма — и языков романских — Дица.

Сравнительная грамматика индоевропейских языков была создана со времени появления в 1816 г. труда Ф. Боппа „О системе спряжения санскрита в сравнении со спряжением греческого, латинского, персидского и германских языков“. С 1833 по 1849 г. Бопп опубликовал первую сравнительную грамматику индоевропейских языков, где в предисловии формулировал свою задачу следующим образом: „Я намерен дать в этом труде описание организма различных языков, указанных в заглавии, сравнить их однородные явления, изучить физические и механические законы, которые управляют этими языками, и исследовать происхождение форм, выражающих грамматические отношения. Первоначальное значение и, следовательно, происхождение грамматических форм вскрываются большей частью сами собой, лишь только расширяется круг их исследования и сближаются одни с другими языки, вышедшие из одной и той же семьи, которые, несмотря на произошедшее несколько тысяч лет тому назад раз-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. XIV, стр. 327.

деление, носят на себе бесспорную печать их общего происхождения". В этом тезисе уже заключено важнейшее положение сравнительной грамматики, именно признание родства языков известной группы, основанного на общности происхождения от когда-то единого языка-родоначальника, или, как стали говорить со времен Шлейхера, „праязыка“. Вместе с тем ясно, что Бопп видел основную задачу науки сравнительного языкознания не столько в прослеживании исторического развития языков, сколько в установлении первичного значения и происхождения грамматических элементов в языках данной семьи. У самого Боппа еще господствовала мысль о постепенном разрушении и деградации первоначального гармонически стройного языкового организма — мысль, глубоко анти-историческая. Игнорируя длительную историю индоевропейских языков, предшествующую древнейшим их памятникам, Бопп думал открыть в этих памятниках первоначальный строй языка, где грамматические элементы являлись еще значимыми самостоятельными корнями. Так, он объяснял, например, происхождение личных окончаний глаголов из некогда самостоятельных личных местоименных форм, а также образование отдельных глагольных суффиксов или окончаний времен — из глагольных же корней. Таким образом, стремление Боппа проникнуть в существо языкотворческого процесса не могло увенчаться успехом благодаря недостаточной разработанности всего огромного материала, приводившей к искажению исторической перспективы.

Когда через несколько десятилетий Август Шлейхер издавал свой „Компендий“, трудами лингвистов (Гримма, Потта, Цейса, Востокова и др.) был накоплен богатый материал — как по сравнительной фонетике, еще недостаточно учитывавшейся Боппом, так и материал некоторых наблюдений над живыми языками, а также данных по индоевропейским языкам, еще мало известным Боппу (балтийским, кельтским). Вместе с тем, под влиянием философских идей эпохи несколько видоизменились и общие представления о движении в языке. Сам Шлейхер, большой почитатель теории Дарвина, был проникнут естественнонаучными идеями, что вполне понятно на фоне общих успехов естествознания первой половины XIX в. Идея развития, эволюции, является ведущей для всего лингвистического мышления Шлейхера. Поклонник гегелевской философии, он пытался применить к языкознанию некоторые элементы последней, начиная с известного учения Гегеля о развитии по системе триады. Шлейхер старался прежде всего установить общие и частные законы эволюции языка, особенно

обращая внимание на звуковые изменения. Он строил — явно под влиянием естественных наук — свою теорию родословного древа для объяснения происхождения родственных языков из общего родоначальника — „праязыка“, причем для него этот последний представлял совершенно реальную величину. Характер и даже детали его могли быть, по мнению Шлейхера, совершенно точно вскрыты путем применения установленных законов его развития. Шлейхер, воссоздавая индоевропейский „праязык“, был настолько уверен в его реальной значимости, что даже воспроизвел на нем целую басню. Столь характерное для Боппа стремление отыскать происхождение и первоначальное значение морфологических элементов „праязыка“ у Шлейхера отошло на задний план, так как для него главное было воссоздание „праязыка“ и прослеживание эволюции его форм в отдельных языках в результате перенесения их миграцией в новую среду и приспособления их к этой новой среде. Сам же „праязык“ индоевропейской семьи мыслится Шлейхером, в отличие от Боппа, не как первобытный язык, но как продукт длительного и сложного развития, идущего от простой клеточки-корня к сложному флективному строю. При всем том Шлейхер еще разделял общее его времени антиисторическое заблуждение, что процесс развития этого языка-предка представляет упадок и разложение первоначальной стройности и совершенства.

Последовавший в дальнейшие годы расцвет языковедения связан с появлением новой школы ученых, принявшей наименование младограмматической. С одной стороны, окончательно укрепляется убеждение, что индоевропейский „праязык“ является отнюдь не примитивным типом языкового развития, но, наоборот, явлением весьма сложным, изучение которого не дает возможности проникнуть в происхождение его структуры: этому способствовал ряд открытий, показавших с несомненностью, что прежние представления о простоте состава звуков и форм индоевропейского „праязыка“ не могут оставаться неизменными. Амелунг и Бругман в 1876 г. выступают с признанием наличия во всех индоевропейских языках не только гласных звуков а, i, u, как думали Бопп и Шлейхер, но и гласных е, о. В 1877 г. этот взгляд находит решающие аргументы в работах Коллитца и де Соссюра. В следующем году де Соссюр публикует свой знаменитый „Мемуар о системе гласных в индоевропейских языках“, где уже развивается теория слабых и сильных звуковых видов корней и устанавливается наличие в исходной ситуации индоевропей-

ского вокализма слоговых сонорных сонантов, а считавшиеся самыми примитивными звуками *i* и *u* оказываются теперь слабым видом дифтонгов. Устанавливается наличие двух рядов задненёбных и средненёбных взрывных согласных, впервые сформулированное Асколи в 1870 г. Открытие Вернером в 1877 г. доказательств подвижности ударения в германских языках на древнейшей стадии их развития окончательно разрешает вопрос о характере индоевропейского ударения и т. д. В результате центр тяжести начинает переноситься на исследование развития фактов, установленных для индоевропейского „праязыка“, в истории каждого языка или группы ближайше родственных языков. Языковеды углубляются в исследование тончайших деталей отдельных языков, часто теряя из поля своего зрения то общее, что есть во всяком особенном. Эмпиризм надолго укрепляется в языковедении. Что касается „праязыка“, то его начинают рассматривать как исторически сложившееся явление, известное нам лишь в момент своего распада на отдельные языки, но отнюдь не пригодное для выяснения проблем первобытного языкового строя и происхождения элементов человеческой речи. Он сам имеет за собой длинную и сложную историю, скрытую пока от взоров исследователей. Проникнуть в нее возможно только сравнивая индоевропейский „праязык“ с аналогичными же реконструкциями языков-источников других лингвистических семей, т. е. „праязыков“ семитического, турко-татарского, угро-финского и т. п., лежащих в основе соответствующих семей языков, родство которых определяется теми же методами, что и в сравнительной грамматике индоевропейских языков.

С другой стороны, все более точные наблюдения над историей развития звуков речи, связанные с указанными открытиями и изучением истории отдельных языков, привели ученых новой школы к выводам о возможности вскрыть в языковых явлениях определенные и точные законы развития. Господствующая в 60-х годах XIX в. в языковедении вульгарно-материалистическая натуралистическая философская мысль дала основание рассматривать эти законы как результат физиологического развития, определяемого известной эволюцией в пределах органов речи, т. е. в конечном итоге игнорировать лежащие в основе истории языка общественные факторы. Отсюда выросло и учение младограмматиков о фонетических законах, управляющих всем языковым развитием без всякого участия сознания людей, действующих слепо и без исключений, как всякие законы при-

роды. Вместе с тем младограмматики устанавливали и признавали значение и важную роль другого фактора в развитии языка — уже психологического, именно аналогии, основанной на принципах психологической ассоциации представлений. Этот фактор своим вмешательством в сферу чисто физиологических законов может вызывать видимое нарушение фонетических законов, чем объясняются в огромном большинстве своем всякие исключения из установленных законов развития звуков речи. В дальнейшем, правда, были внесены еще дополнительные ограничения в понимание фонетических законов, именно сфера действия каждого из них определялась в строгих хронологических рамках, а также на определенной лишь территории; устанавливалось также изъятие из действия фонетических законов для заимствований в языках, вошедших в периоды, последующие за действием известных законов. В конечном счете младограмматики создали чрезвычайно стройный и удобный аппарат для установления звуковых соответствий как между отдельными языками, так и в пределах каждого изучаемого языка. Вместе с этим звуковая история, как определяющая все языковое развитие по представлениям младограмматиков, оказалась наиболее изученной и разработанной в ущерб другим разделам исторического изучения языков. Только несколько десятилетий спустя было обращено больше внимания, например, на семантику, или учение о значении слов и законах или нормах изменения этих значений.

В своем наиболее завершенном виде учение младограмматиков представлено в Германии в трудах Карла Бругмана (ум. 1919), А. Лескина (ум. 1916), Г. Пауля (ум. 1920), В. Штрейтберга (ум. 1927) и ряда других ученых. В России оно же развивалось в трудах Ф. Ф. Фортунатова (ум. 1914) и его учеников. Во Франции младограмматическая школа получила своеобразную окраску в учении де Соссюра, в течение 1881—1891 гг. преподававшего в *École des Hautes Études*, из аудитории которого вышел и А. Мейе.

Конечно, развитие науки на этом не останавливалось, и к концу XIX в. накопилось уже не мало новых данных, способствовавших начавшемуся вскоре пересмотру ряда положений младограмматической школы. С самого начала ее появления и завоевания себе господствующего положения были налицо и диссиденты, критически относившиеся к основным ее принципам (Шухардт в Австрии, Есперсен в Дании, Бодуэн-де-Куртенэ в России). Их критика, в свое время недостаточно воспринятая, стала позднее оправдываться во многих отношениях. Развитие изучения живых языков

и диалектов, принципиально провозглашенное как важнейшая задача нового языкознания теми же младограмматиками¹, дало новый и богатейший материал наблюдений над явлениями языкового развития и в конце концов привело к созданию особой отрасли лингвистической науки, именно лингвистической географии. Последняя в свою очередь поставила ряд вопросов и показала ряд фактов, необъяснимых при помощи младограмматических методов. В результате, с начала XX в. постепенно готовится почва для критического пересмотра основных положений господствующей школы, который начнется одновременно с разных сторон уже в послевоенное время.

III

В области сравнительно-исторического языкознания Мейе во многом продолжает идеи младограмматизма, но уже высказанные положения начинают у него звучать по-новому. Так, Мейе стоит за признание как единственно ценной и научной генеалогической классификации языков, основанной на понятии родства языков („*Les langues du monde*“, стр. 1 и след.). Иными словами, он твердо опирается на принципы родства языков, а самое понятие родства определяет так: „Два языка называются родственными, когда они оба являются результатом двух различных эволюций одного и того же языка, бывшего в употреблении раньше“ („Введение“, стр. 50). Совокупность родственных языков образует „языковую семью“. Но как только мы обращаемся к самой проблеме „праязыка“, то сразу видно иное представление о нем, которое развивает Мейе в своих работах и которое очень далеко ушло от Шлейхера. Правда, и для Мейе индоевропейские языки, представленные ныне родственными между собой языками (индийскими, иранскими, армянским, албанским, балтийскими, славянскими, германскими, греческим, кельтскими и романскими), являются все результатом развития некогда существовавшего одного и того же языка. Следовательно, продолжает Мейе, в какой-то момент прошлого все эти языки были одним языком. Но самое восстановление индоевропейского языка-предка не может быть нами достигнуто путем сравнения языков между собою. Единственной реальностью, с которой мы имеем дело, являются „соответствия между засвидетельствованными языками“ („Введение“, стр. 73). „Метод сравнитель-

¹ Brugmann und Osthoff, *Morphologische Untersuchungen*, I. Teil, Leipzig, 1878. Предисловие.

ной грамматики применим не для восстановления индоевропейского языка в том виде, как на нем говорили, а лишь для установления определенной системы соответствий между исторически засвидетельствованными языками», утверждает и повторяет неоднократно Мейе („Введение“, стр. 79). „Соответствия предполагают общую основу, но об этой общей основе можно составить себе представление только путем гипотез, и притом таких гипотез, которые проверить нельзя, поэтому только одни соответствия и составляют объект науки“ (там же, стр. 73).

Таким образом, центральная проблема прежнего сравнительного языкознания — восстановление „праязыка“ — совсем отмечается Мейе, остающимся только на почве реально существующих языковых соответствий. Вместо шлейхеровского прямолинейного понимания „праязыка“ остается только „совокупность соответствий, которая составляет то, что называют индоевропейским языком“ (там же, стр. 81); отпадает всякая возможность путем сравнения и реконструкции в н у т р и индоевропейской семьи языков уходить вглубь, за пределы той исходной ситуации, которую приходится принимать для развития исторически засвидетельствованных индоевропейских языков. Истокование Боппом происхождения личных окончаний или объяснение чередования звуковых видов корня путем известных фонетических изменений, сколь бы ни были остроумны, остаются совершенно недоказуемыми. Объяснить исторически ту или иную форму можно, только зная более древнюю ее ступень, а этого-то как раз и нет в применении к индоевропейскому языку. Тем более нет никаких оснований рассматривать этот язык как язык примитивный, позволяющий проникнуть в проблему происхождения человеческого языка вообще. „Сравнительная грамматика индоевропейских языков не бросает ни малейшего света на первые ступени языка“ (там же, стр. 81). Индоевропейский язык по своей структуре и характеру нисколько не более примитивен, чем, например, древнеегипетский или древнеавилонский язык.

Таким образом, сравнительно-исторический метод Мейе очень далеко отошел от той стадии развития, которая была характерна для начала младограмматического периода. „Праязык“ как таковой не интересует исследователя. Остается признанным только самый факт его существования, хотя и в недоступном для реконструкции виде, но и здесь взгляды Мейе мало чем напоминают прежние представления. Исследуя проблему индоевропейских диалектов, Мейе рассматривает индоевропейский язык отнюдь не как единый, но, наоборот, как состоящий из диалектов и, очевидно, распростра-

женный на обширной территории. Используя современный метод определения диалектов как известных территориальных языковых единиц, ограниченных целой связкой изоглосс¹, Мейе, на основании сопоставления тех или иных соответствий между языками, делает вывод о наличии в индоевропейском языке тех диалектов, которые потом развились в самостоятельные языки или целые ветви. При этом он подчеркивает, что процесс распада единого языка не является единственным фактором языкового развития, но в истории языков известны и явления обратного порядка — объединения диалектов в общий язык. „История языков, таким образом, слагается из последовательности крупных объединений и больших дифференциаций, к которым следует добавить частичные объединения, постоянно происходящие на более или менее обширных территориях, ... и таковые же дифференциации, совершающиеся в группе наиболее объединенных говоров“.

В результате индоевропейский язык для Мейе уже не является тем единым источником, который Шлейхер считал возможным реконструировать и который мыслился им существующим на ограниченной территории. Это — состоящий из многих диалектов, растянутый на обширном пространстве язык, реконструкция которого как такового лишь увела бы исследователя в сферу предположений от реально данных соответствий между исторически известными языкам.

Признавая, в сущности, проблему „праязыка“ лишенной всякого реального значения, Мейе защищает самый сравнительный метод „как основное орудие, которым располагает лингвист для построения истории языков“ („La méthode comparative“, стр. 11). Отсюда его вывод, что если язык оказывается изолированным, он не может быть восстановлен в своей истории. Но сравнение возможно не на отдельных фактах, но на сопоставлении одной лингвистической системы с другой. Поэтому Мейе особенно настаивает на применении строгих и точных методов сравнения. Идет ли дело о морфологии, фонетике или о лексике, всюду должны наблюдаться точные нормы соответствий, установленные на ряде аналогичных явлений при сопоставлении. Отсюда его осторожность в установлении этимологий и особенно в возведении слов, представленных в отдельных лишь языках, к общему источнику. „Чем более даст себе свободы лингвист, тем более его сближения вну-

¹ Под этим термином понимается пограничная линия, определяющая пределы распространения каждого отдельного языкового явления; фонетического, морфологического, лексикологического и т. д.

зашаут сомнения и тем более его доказательства являются недостаточными“ (там же, стр. 41). Мейе излагает в своих трудах важнейшие методы, применение которых позволяет лингвисту избежать этих опасностей, но он в то же время сознает их недостаточность и ставит проблему дальнейшего их усовершенствования не в пример многим ученым, твердо стоящим на позициях прежнего младограмматизма. Мейе использует новейшие достижения лингвистической географии в вопросе о диалектах и о распространении языковых явлений. Вместе с этим он намечает новые проблемы, над которыми должна работать наука, — изучение „общих законов языка“ на конкретном материале отдельной группы языков — семьи индоевропейских языков („Введение“, стр. 444), и таким путем от эмпирического наблюдения он ~~обращается к более общим~~ и принципиальным вопросам языкознания.

IV

Чтобы оценить его позиции в общетеоретических проблемах лингвистики, необходимо иметь в виду, что Мейе является представителем и выразителем так называемой „социологической школы“ в языкознании. Последняя ведет свое начало от идей де Соссюра. По утверждению де Соссюра язык представляет собой систему лингвистических знаков, присущих всему говорящему на данном языке коллективу, и потому обладает реальностью вне каждого отдельного индивидуума, как известное социальное достояние. Язык, по де Соссюру, „социальный продукт речевой способности“, „совокупность необходимых условий, усвоенных общественным коллективом для осуществления этой способности у отдельных лиц“ („Курс общей лингвистики“, стр. 34). И Мейе постоянно подтверждает, что язык есть социальный факт, что он немислим вне общества, как и человеческое общество без языка, что социальные условия определяют языковые явления¹. Отсюда и его положение, что изменение общественной структуры, а не физиологические или психологические причины, определяет языковые изменения, поскольку физиологические и психологические условия человеческой жизни в общем одни и те же повсюду. Мейе, в отличие от младограмматиков, не видит в фонетических изменениях основной движущей силы языковых изменений, но лишь результат этих языковых изменений, вызванных причинами общественного порядка. Признавая принцип регулярности фонетических

¹ См. „Bulletin de la Société de linguistique“, t. XXV, fasc. 2, p. 2.

соответствий как необходимый в языковых сопоставлениях, Мейе в споре между защитниками и противниками фонетических законов говорит, что правы и те и другие, или, лучше, ни те, ни другие, так как одни говорят о языке (*langue*), а другие — об индивидуальном говорении (*parole*), пользуясь терминами де Соссюра¹.

Социальная природа языка вскрывается особенно ясно, как только мы переходим к явлениям изменения значений слов. В специальной статье, посвященной этой проблеме², Мейе защищает положение, что основная причина изменения значения слов лежит в явлениях чисто социального порядка. Именно слова изменяют свое значение при переходе из одной социальной категории в другую. При этом, если слово переходит из более широкой группы в менее широкую, его значение сужается, при обратном явлении — наоборот. Так объясняется, например, почему латинское слово *paganus*, означавшее сперва просто сельского жителя, получило значение язычника, так как оно сперва в этом смысле употреблялось прозелитами христианства в городах. В устах одной социальной группы оно сузило свое значение. Наоборот, французское *piais* („простоватый“), входившее в обиход языка охотников и связанное с словом *nid* „гнездо“ обозначение „неоперившегося птенца“, при усвоении его всем общественным коллективом, расширило свое значение и стало общим обозначением качества. Психология каждой социальной группы имеет свои особые черты, которые отражаются в языке группы. Напротив, в разных языках у одних и тех же социальных групп встречаются сходные и общие черты.

С социологических позиций подходит Мейе к объяснению явлений заимствования. Последнее он рассматривает как один из важнейших факторов языкового развития, наравне с фонетическими изменениями. Он обращает внимание, что заимствование происходит не только из одного языка в другой, но и в пределах одного языка из социальных диалектов в общий язык, из общего литературного языка в диалекты, и, как мы только что видели, придает этому факту решающее значение в самом процессе изменения значений слов. В соответствии с этим Мейе придает большое значение и процессу языкового смешения, о котором он упоминает в ряде своих статей. Поскольку ни один язык не является „чистым“, характер этого смешения может быть различен. Обычно

¹ См. „Bulletin“, t. XXIX, fasc. 2, p. 16.

² „Comment les mots changent le sens“; перепечатана в „Linguistique historique et linguistique générale“.

при соприкосновении двух языков играет решающую роль больший престиж одного из них как языка более культурного или имеющего политическое значение, как языка господствующего. Таким путем латинский язык усваивал, например, греческие слова и, в свою очередь, был усвоен населением римских провинций. И, присоединяясь к идеям Жильберона, Мейе рассматривает в этом же плане постепенное вытеснение диалектов общенациональным языком, равно как проникновение диалекта крупного центра, имеющего большее социальное значение, в окружающие мелкие говоры.

Общественную обусловленность старается вскрыть Мейе и в общих тенденциях развития языков в сторону упрощения прежнего богатства флексии, наблюдаемого в отдельных языках Западной Европы. В самом деле, в ряде языков мы наблюдаем замену простых форм прошедшего времени описательными формами. Мейе видит в этом выражение одной и той же тенденции, обусловленной причинами социального порядка. Именно, развитие цивилизации создает более абстрактное мышление, которое, с одной стороны, устраняет прежние конкретные грамматические категории, с другой стороны — развивает те, которые находятся в соответствии с абстрактным характером этого мышления.

Социальный момент находит Мейе и в проблеме распространения звуковых изменений в языке. Прежняя школа искала объяснение этих явлений в индивидуальном возникновении и в дальнейшем распространении в пределах языкового коллектива путем подражания. Мейе, последовательно проводя свою точку зрения, допускает возможность распространения тех или иных языковых новшеств только в том случае, если они соответствуют системе языка в целом и если они отвечают назревшей потребности всего языкового коллектива. Иначе говоря, чисто индивидуальное новшество остается таковым и не усваивается коллективом, и только то, что соответствует общей тенденции развития, может в известный момент проявиться и быть усвоено обществом в целом. Мейе ставит задачей дальнейшего развития науки языкознания искание тех „общих формул изменения“, которые объясняются условиями, общими всем людям или, по крайней мере, известному типу цивилизации.¹ В своих статьях, посвященных общей фонетике, он ищет такие общие формулы фонетического развития, наблюдаемые в ряде языков, хотя и оговаривается, что их нельзя рассматривать как необходимость, но лишь как возможность. Наряду с этим

¹ „La méthode“, p. 94.

он допускает и существование более ограниченных и специфических явлений, соответствующих условиям, свойственным отдельным группам в известные периоды и в известной обстановке. Эти идеи он развивает с самого начала своей активной научной деятельности, тем самым отходя от принципов традиционного младограмматизма.

Еще в своей вступительной лекции к курсу сравнительной грамматики в Collège de France в 1906 г. Мейе указывал, что три принципа младограмматической школы — фонетические законы, аналогия и заимствования — „объясняют только частные факты, но объяснения не составляют системы и не могут никогда составить таковой“¹. Лингвистическое развитие подчиняется законам, общим для всех языков, и задачей языкознания и является отыскание этих законов — законов не физиологических или психологических, но законов развития языка. Как таковые, эти законы выходят за пределы отдельных языковых семей и приложимы к человечеству в целом. Общие лингвистические законы не объясняют отдельных фактов. Они формулируют „постоянные условия, которые управляют развитием лингвистических фактов“. Язык есть социальный факт, и законы его развития являются одновременно и общими социальными и специфическими лингвистическими; язык составляет сложную систему средств выражения, где всякое индивидуальное новшество может иметь место только тогда, когда оно находится в согласии с общими нормами; и в то же время язык есть средство общения для членов одной и той же группы, и его изменения независимы от отдельных индивидуумов. Отсюда следует, что всякое изменение языка обусловлено изменениями общественной структуры, и лингвистика есть наука социальная².

V

Но, отдавая должное Мейе как лингвисту, прокладывавшему новые пути в науке, как представителю и наиболее яркому выразителю „социологической школы“ в языкознании, мы не должны забывать, что он все-таки не в силах был преодолеть ограничен-

¹ См. „Linguistique historique, etc.“, стр. 7 и сл.

² Ср. еще в том же сборнике статьи: „Linguistique historique et linguistique générale“ („Историческое языковедение и общее языковедение“), „Convergence des développements linguistiques“ („Совпадение в языковом развитии“), „Différenciation et unification dans les langues“ („Дифференциация и унификация языков“), „L'évolution des formes grammaticales“ („Эволюция грамматических форм“), „Sur la disparition des formes simples du prétérit“ („Об исчезновении простых форм прошедшего времени“).

ности буржуазной науки. Нельзя упускать из виду, что самая основа социологической лингвистики Мейе вытекает из буржуазной социологии известного французского социолога Дюргейма. Поэтому недостатки социологии последнего не могли не сказаться в полной мере и на построениях самого Мейе. Мы должны помнить, что буржуазное социологическое построение Дюргейма не имеет ничего общего с марксистским учением об обществе. Дюргейм не рассматривает общество как расчлененное на классы. Он не доходит до причинной зависимости каждого социального явления от общественного базиса, ограничиваясь только установлением связи между данным социальным явлением и социальной средой. Поэтому и Мейе не доходит до конца в своих правильных утверждениях о социальной обусловленности языковой эволюции и не в силах связать эту эволюцию с развитием ее общественного базиса и вскрыть классовое содержание тех или иных явлений. Заслуга его заключается в том, что он сумел преодолеть свойственный прежней школе субъективный идеализм и биологизм, и в этом отношении его воззрения представляют шаг вперед, но он в этом поступательном движении вперед останавливается на полдороге.

Так, буржуазный социологизм не позволил Мейе по-настоящему подойти к проблеме „праязыка“. При всей своей осторожности и скепсисе в вопросах его реконструкции, Мейе все-таки допускает факт существования „праязыка“ — правда, не единого, но диалектально раздробленного; не проще ли было в таком случае говорить о комплексе языков, давших начало ряду исторически засвидетельствованных отдельных языков? Допуская „праязык“, Мейе сам сознает необходимость в таком случае принять и существование какого-то единства народа и цивилизации. Оба этих понятия фигурируют у Мейе для объяснения факта развития „праязыка“: „Общий язык (праязык. *М. С.*) предполагает общую цивилизацию“. „Нет оснований считать, что народ, языком которого был общиндоевропейский (праязык. *М. С.*), располагал материальными средствами, превосходившими таковые же своих соседей, что он продвинулся вперед, например в земледелии или обработке металла. Индоевропейский народ (*nation*) состоял из небольших групп, которые должны были долгое время сохранять чувство своего единства и которые, даже после распада общего единства, образовали народы того же типа, имеющие свое единство“.¹ Но, рас-

¹ См. „*La méthode*“, p. 4—20.

суждая так, Мейе совершенно упускает из виду надлежащую историческую перспективу, перенося понятие единого народа во времена родового строя, а с другой стороны — рискует прийти к расовой теории, хотя всячески в своих трудах подчеркивает что язык и раса не имеют ничего общего. Разумеется, Мейе говорит о нации (nation) в ином смысле, чем то понимает марксизм-ленинизм, рассматривающий нацию как „исторически сложившуюся устойчивую общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры“, как „историческую категорию определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма“¹; но если даже термин nation скорее соответствует у Мейе понятию „народность“, все равно никак нельзя допустить общности и единства языка для того общественного строя, какой возможно предполагать для эпохи, предшествующей появлению исторически известных индоевропейских языков. Достаточно вспомнить состояние древних германцев с их родовым строем, о котором писал Энгельс в своей известной книге „Происхождение семьи, частной собственности и государства“², чтобы убедиться, что в ту эпоху не могло быть речи о чем-либо ином, кроме отдельных племенных наречий. Что же можно допустить относительно индоевропейских наречий, которые могли существовать в еще более раннюю эпоху? Рассуждения о единстве языка и культуры „индоевропейского народа“, проводимые Мейе без учета своеобразия общественного развития на стадиях родового или даже дородового строя, приводят его к характерному противоречию: начав с решительного отрицания возможности какой бы то ни было „индоевропейской расы“ („Введение“, стр. 106—108), он кончает все же рассуждениями о характере „общиндоевропейского народа“ („Введение“, глава IX), в которых рискует сблизиться с построениями шовинистов-языковедов типа Хирта.

И в других отношениях мы встретим у Мейе недостаточный еще отход от традиции и недостаточный учет самих социальных условий языкового развития. Выше мы уже подчеркивали, что Мейе остался компаративистом, и эта его позиция сказалась между прочим в признании генеалогической классификации языков как единственно научной; между тем с позиций социологической школы следовало бы иначе взглянуть на проблему так называемой морфологической классификации языков, т. е. классификации, основан-

¹ И. В. Сталин, Марксизм и национальный вопрос в кн. „Марксизм и национально-колониальный вопрос“, М., 1934, стр. 6, 10.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. XVI, ч. 1.

ной на данных структуры человеческой речи в ее многообразных проявлениях. Мейе считает, что только классификация, основанная на принципе родства языков, может быть целесообразной, так как она опирается на историю языков, группируемых в языковые семьи по принципу происхождения от общего языка-предка. Он сам сознает известное несовершенство этой классификации, зависящее от нашего недостаточного знания истории огромного большинства языков, от того, что классификация эта доходит только до сведения известных языковых семей к общему языку-предку, а дальше все остается за пределами нашего познания, тем паче самая проблема возникновения человеческой речи¹. Справедливо указывает акад. И. И. Мещанинов, что при подобном подходе к проблеме классификации языков „каждая языковая семья берется обособленно, в связи с чем и вопрос о ее происхождении не ставится вовсе. Равным образом оставляется без внимания и определение ее места в общем течении глоттогонии. Взаимоотношения языков ограничиваются прослеживанием влияний и заимствований, что никоим образом не разрушает воздвигаемых изолирующих рамок между отдельными языковыми семьями. Поэтому и... классификационная схема страдает отсутствием перспективы в общем охвате жизни человеческого общества и создаваемых им языков“².

Действительно, анализ типов языковой структуры имеет несколько не менее важное значение, чем группировка их по семьям, и даже, наоборот, составляет основной путь к разрешению важнейшей проблемы образования и трансформации языков. Совершенно очевидно, что именно изучение типов языковой структуры дает лингвисту в руки тот материал, который может и должен лечь в основу построения и новой классификационной схемы и самого процесса языкового развития. По этому именно пути пошло новое учение о языке, созданное у нас акад. Н. Я. Марром, где выдвинулся на первое место именно анализ типов языковых структур в их взаимоотношениях с мышлением. И только ограниченностью буржуазного языковедения можно объяснить, почему столь широкий и разносторонний лингвист, как Мейе, притом сам искавший новых путей науки, остался верен до конца только генеалогической классификации языков, не поняв, что только историко-материалистический подход к явлениям смены языковых структур приводит к иной группировке и освещению языкового материала.

¹ „Les langues du monde“, предисловие.

² Акад. И. И. Мещанинов, Новое учение о языке, Л., 1936, стр. 42.

VI

Буржуазная ограниченность не позволила даже такому выдающемуся ученому, как Мейе, подойти правильно к решению важнейшего политико-языкового вопроса, каким является вопрос о национальных языках в настоящее время. Печальным памятником этого непонимания остается книга Мейе „Les langues dans l'Europe nouvelle“ („Языки современной Европы“), вышедшая в первом издании в 1918 г., вторично в 1928 г.

Выше уже отмечались положительные моменты в построениях Мейе, направленные против отождествления языка и расы. Как уже указывалось выше, Мейе решительно возражает против связи языка и расы, показывая, что раса, определяемая биологическими признаками, не имеет ничего общего с языком, продуктом социальным; что границы рас и языков никогда не совпадают; что ребенок любого происхождения усваивает любой язык; что все народы Европы на протяжении своей истории могли неоднократно менять свой язык, и т. д. Он решительно возражает против „модного понятия арийской расы“, допускает употребление термина „арийские языки“ лишь как мало удачное наименование индо-иранской ветви индоевропейских языков и считает неверным распространять его на прочие языки индоевропейской семьи, с одной стороны; наконец, он утверждает, с другой стороны, что все народы, „пользующиеся индоевропейскими языками, являются индоевропеизованными, но не индоевропейцами в прямом смысле этих слов“. Особенно полезны его указания на смешанный характер германских языков.

Но понимание нации носит у Мейе антиисторический, идеалистический характер, — как наличие у известного коллектива „воли к единству“. Представитель буржуазной науки, Мейе еще менее ясно разбирается в вопросах национальной политики. Так, когда он рассматривает языковое положение во Франции и вообще положение французского языка, он занимает откровенно великодержавные позиции. Проблемы национальных меньшинств во Франции для Мейе не существует, так как, по его собственным словам, „во Франции положение французского языка таково, что нельзя серьезно думать о постановке вопроса, при котором на одну доску можно поставить французский язык и какой-нибудь местный диалект: между языками еще меньше равенства, чем между народами: нет общего масштаба для интеллектуальной и социальной ценности французского языка и бретонского или

баскского“ (назв. соч., стр. XI—XII). „Единственный язык государства, литературы и великих деяний, единственный язык всех образованных людей и всех влиятельных особ, французский язык является тем языком, который только имеет престиж во Франции“ (там же, стр. 107). Те же мысли развивает Мейе в специальной главе, доказывающей „необходимость национальных языков“, и в других местах своей книги. Он же высказывает сожаление, что после мировой войны французский язык потерпел умаление в своем достоинстве, как единственный дотоле дипломатический язык, когда рядом с ним на равных правах появился английский, в результате чего „благодаря странному — и абсурдному — нововведению версальский договор был составлен на двух языках — французском и английском... и при чтении договора часто получается впечатление, что французский текст является переводом с английского“ (стр. 254). Такое же сожаление вызывает у Мейе и факт допущения в Лиге наций, „основанной в Женеве, в стране французского языка“, двух равноправных языков — французского и английского.

Что же удивительного при этих взглядах Мейе в том, что он не понял существа национальной политики советской власти. Для него вопрос о развитии национальных языков в СССР сводится к чисто языковой проблеме, и, рассуждая, например, об украинском или белорусском литературных языках, Мейе подходит к вопросу с неправильной позиции, усматривая в их расцвете при советской власти не создание могущественного орудия для развития культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, но явление языковой изоляции. Подобная ограниченность характерна вообще для большинства современных лингвистов Запада, и можно вспомнить другого виднейшего представителя французской лингвистической науки, Фердинанда Брюно, который в принципе языковой самостоятельности, провозглашенной некоторыми наиболее передовыми людьми французской революции, видит попытку возврата к феодальному языковому раздроблению совершенно так же, как то оценивали мелкобуржуазные революционные деятели периода Конвента, выдвигавшие знаменитый пункт об уничтожении во Франции всех диалектов и языков национальных меньшинств во имя единства нации и борьбы с остатками феодализма.

Категорически отмечая эти ошибочные в корне и типично буржуазные взгляды Мейе, надо сказать в заключение, что его ученая деятельность в целом является заслуживающей самого

серьезного внимания, особенно его работы по общей лингвистике и по сравнительному языкознанию. В частности „Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков“, которое во Франции выдержало уже семь изданий, является лучшим пособием в настоящее время по этому предмету, составленным с учетом всех последних научных открытий и свободным от прежних заблуждений в отношении понятий „праязыка“ и истолкования лингвистического развития на чисто физиологической почве, как то, например, дается в большом труде Бругмана, посвященном той же сравнительной грамматике.

Именно по этой причине названная книга дается нами в новом издании и предназначается как пособие для аспирантов, студентов последних курсов филологических факультетов и преподавателей языков. В основу нового издания был положен перевод проф. Кудрявского, сверенный с последним французским изданием труда Мейе и критически просмотренный, причем в это издание внесены все те дополнения, которые сам Мейе вносил в свой труд по мере движения вперед самой науки и своего научного мировоззрения.

Москва, 1 августа.
1938 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ РУССКОГО ПЕРЕВОДА

Русский перевод сделан со второго французского издания, причем были приняты во внимание поправки, внесенные в немецкий перевод, появившийся в 1909 г. Сверх того, в особенности к концу книги, автором внесено довольно значительное число исправлений, которые появятся в третьем французском издании, приготавливаемом теперь к печати. Наконец, некоторое число поправок было указано русским переводчиком, которому я приношу свою благодарность.

А. Мейе

Париж, 2/18 февраля 1911 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Желая дать русским читателям руководство, вводящее в область сравнительной грамматики индоевропейских языков, я остановился на превосходной книге проф. А. Мейе (*A. Meillet. Introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes. Deuxième édition corrigée et augmentée. Paris, 1908*). Автор не только любезно разрешил перевести эту книгу, но даже взял на себя труд просмотреть в корректуре перевод и сообщить поправки и дополнения к тексту.

Второе издание перевода тщательно сверено с третьим изданием французского оригинала, вышедшим в 1912 г. Кроме тех изменений, которые были внесены из французского оригинала, автор и на этот раз сообщил свои поправки и дополнения к тексту и любезно просмотрел в корректуре наиболее важные места. Пользуюсь здесь случаем, чтобы выразить автору свою глубокую благодарность за его помощь.

С чувством глубокой признательности считаю долгом отметить благосклонное отношение к моему переводу профессора И. А. Бодуэна де Куртена, который любезно сообщил мне многочисленные поправки к русскому тексту.

Юрьев, 6 сентября 1914 г.

Д. Кудрявский

Третье издание русского перевода „Введения в сравнительное изучение индоевропейских языков“ А. Мейе сверено с седьмым французским изданием, вышедшим в 1934 г.

Перенос в русский перевод многочисленные дополнения и исправления, внесенные автором в это последнее вышедшее при его жизни издание его замечательного труда, редактор счел себя в праве, учитывая учебный характер книги, отказаться от внесения некоторых мелких деталей, не являющихся органической составной частью построения в целом.

В некоторых случаях редактором перевода добавлены примечания по отдельным вопросам, требовавшим уточнения и разъяснения для читателя.

Москва, 1 августа
1938 г.

Р. Шор

МОЕМУ УЧИТЕЛЮ
ФЕРДИНАНДУ де СОСЮРУ

в честь двадцатипятилетней
годовщины издания

*Mémoire sur le système primitif des voyelles
dans les langues indoeuropéennes
(1878—1903)*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга эта имеет очень скромную задачу: указать вкратце соответствия, наблюдаемые между различными индоевропейскими языками, и те выводы, которые можно сделать на основании этих соответствий.

Она не предназначена для лиц, знакомых со сравнительной грамматикой индоевропейских языков: они не найдут в ней ни новых идей, ни новых фактов. Она представляет лишь обзор структуры индоевропейского языка в том виде, в каком вскрывает ее сравнительная грамматика.

Знакомство с санскритом полезно, чтобы иметь хотя поверхностный взгляд на предмет, а тот, кто захотел бы пойти несколько далее в изучении сравнительной грамматики, уже не может обойтись без санскрита, как не может обойтись без греческого языка; но для чтения настоящего труда знакомство с санскритом не необходимо, и хотя, конечно, приходилось приводить факты из различных языков индоевропейской семьи, автор старался сделать изложение доступным каждому читателю, изучавшему греческий язык.

Очерк сравнительной грамматики индоевропейских языков не есть сочинение по общей лингвистике, поэтому общие принципы лингвистики изложены здесь лишь в той мере, в какой это оказывалось необходимым. Читатели, интересующиеся общей лингвистикой, могут обращаться к работам, указанным в библиографии, в особенности к таким, как „Курс“ Ф. де Соссюра и „Язык“ г-на Ж. Вандриеса.

Предметом настоящего обзора является единственно совокупность специальных и характерных черт определенной семьи языков, именно индоевропейских. Таким образом, мы не ставили себе задачей проследить развитие того или иного отдельного языка: излагать эту историю — дело сравнительных грамматик индо-иранской, греческой, германской и т. д. В этой книге мы

касаемся лишь соответствий между отдельными языками семьи в целом.

Эта книга не представляет также грамматики индоевропейского языка: он неизвестен, и соответствия между отдельными языками представляют единственное реальное явление, которым занимается сравнительная грамматика. Сравнительная грамматика не задается целью воссоздать индоевропейский язык, а имеет в виду, определяя указываемые соответствиями общие элементы, выяснить, что в каждом исторически засвидетельствованном наречии является продолжением древней формы языка и что представляет результат собственного самостоятельного развития. Еще менее имеет в виду сравнительная грамматика объяснять индоевропейский язык: ни один из известных методов не дает для объяснения индоевропейского языка ничего, кроме недоказуемых предположений.

Все гипотезы, касающиеся образования индоевропейской морфологической системы, нами поэтому опущены, и мы не сочли полезным упоминать даже о тех из них, которые считаются наименее сомнительными; тот, для кого важны научная достоверность и точность исследования, должен в подобных вопросах прежде всего осознать, что он многого знать не может.

Мы также воздержались от того, чтобы примешивать к точным проблемам и достоверным результатам лингвистики темные вопросы о расе, религии и обычаях народов индоевропейского языка: эти вопросы не могут быть с успехом исследуемы при помощи тех же или аналогичных методов, как вопросы сравнительной грамматики.

При таких ограничениях многим читателям может показаться, что предмет нашего изложения имеет очень небольшой интерес; и тем не менее он громаден. Действительно, нет ни одного социального явления, которое было бы столь же всеобщим и существенным, как язык; нет другого проявления человеческого духа, в котором бы отражалась так полно, так тонко и так разнообразно вся деятельность человека. Поэтому социолог и психолог должны иметь точное представление о лингвистике, а семья индоевропейских языков, лучше всех других изученная и притом самая важная, может сообщить им наиболее полезные данные. Но как-либо использовать эти данные возможно лишь при условии, если точно будет отделено то, что принадлежит всем языкам семьи, от того, что является результатом самостоятельных нововведений каждого отдельного языка. Грамматик, изучающий какой-либо индоевропейский язык, если он не знает сравнительной грамматики, должен

ограничиться простым констатированием фактов, не пытаясь вовсе давать им объяснения, так как иначе он рискует объяснять причинами, лежащими в данном языке, и его особенностями такие факты, которые древнее этого языка и происходят от совершенно других причин. Занимающийся греческим языком может, например, отметить существование формы *ἔστι* „есть“ рядом с *εἶσι* „суть“, но он не имеет средства объяснить отношение этих двух форм; он может заметить чередование *εὔ*, *οὔ* и *α* в словах *τεῦθ* „буду тянуть“, *τόνος* „натяжение“, *τῆτός* „натянутый“, но он не может дать этому явлению никакого толкования. Очевидно, что грамматик в праве не знать сравнительной грамматики только в том случае, если он способен ограничиться простым наблюдением голых фактов, никогда не делая попытки их понять.

В элементарных изложениях, вводящих в изучение сравнительной грамматики, чувствуется, следовательно, настоятельная потребность. В. Анри удовлетворил эту потребность французской публики для языков, пользующихся наибольшим распространением, своими „*Précis de grammaire comparée du grec et du latin*“ („Очерки сравнительной грамматики греческого и латинского языков“), с одной стороны, и „*de l'anglais et de l'allemand*“ („английского и немецкого языков“) — с другой. Здесь же мы предлагаем общий очерк, позволяющий обозреть всю группу индоевропейских языков, не останавливаясь специально на отдельных языках, ее составляющих.

Как и во всяком языке, различные части системы индоевропейских языков составляют одно целое, в котором все связано; эту-то стройную связность и следует понять прежде всего. Изложение сравнительной грамматики не может служить справочной книгой, подобно описательной грамматике; оно должно быть прочитано от начала до конца, и невозможно извлечь какую-нибудь пользу из чтения одного отдельного отрывка. Требовать от сравнительной грамматики разъяснения какого-либо частного затруднения в отдельно взятом языке, не зная точно, чем строй этого языка отличается от индоевропейского строя, — это уже значит не понимать дела. Каждая черта индоевропейских языков анализирована в нашей книге как только возможно точно, но она имеет свой смысл только в том целом, часть которого она составляет.

Кроме необходимости обнять большую массу фактов, сравнительная грамматика представляет еще и другое, техническое, затруднение: в разбираемых формах нужно всегда иметь в виду только ту сторону, о которой идет речь, не обращая внимания на

все другие многочисленные вопросы, могущие возникнуть по поводу этих же форм. Если, например, греческое $\lambda\acute{\epsilon}\iota\tau\omega$, литовское $\text{l}\acute{\epsilon}\text{k}\acute{\iota}$ и латинское $\text{linqu}\acute{o}$ „составляю“ приводятся с точки зрения конечной гуттуральной корня, то следует обращать внимание только на соответствие греческого τ литовскому k и латинскому qu , вовсе не обращая в данный момент внимания на различие образования, а следовательно, и огласовки между греческой и литовской формами настоящего времени, с одной стороны, и латинской — с другой. Лица, владеющие сравнительной грамматикой, в подобного рода случаях могут быстро представить себе все подробности этих форм и их разновидностей, начиная с индоевропейского периода; начинающие и те лица, которые хотят ограничиться элементарными сведениями, должны сосредоточить свое внимание на изучаемой части слова, оставляя в стороне все остальное; это замечание особенно важно иметь в виду при чтении такого сочинения общего характера, как наше, где не представляется возможным оправдывать в подробностях приводимые сопоставления и объяснять тонкие особенности того или другого языка.

Задача изложения столь сложных и столь тонких явлений едва ли была бы выполнимой, если бы ее в свое время не облегчили своими трудами те, у кого учился автор настоящей книги: Мишель Бреаль, своими книгами и своим блестящим преподаванием в Collège de France сумевший возбудить у французской публики благотворный интерес к сравнительной грамматике и в дальнейшем поддерживать его; покойный Абель Бергенъ и его выдающийся преемник Виктор Анри, установившие преподавание сравнительной грамматики в Парижском университете; наконец, Фердинанд де Соссюр, точную систематичность и строгий метод которого мы более всего старались усвоить и воспроизвести; те, кто имел счастье слушать лекции Ф. де Соссюра или же размышлял над его, к сожалению, немногочисленными печатными изданиями, легко заметят все то, чем эта книга обязана ему. Автор также пользовался без стеснения богатым собранием хорошо проверенных и классифицированных фактов и здравых мыслей, каковым является Grundriss Бругмана и Дельбрюка. Если наша книга способна сослужить какую-либо службу, то обязана этим она главным образом упомянутым ученым.

В изложение не вставлено ни одного библиографического указания; спорные вопросы по возможности обойдены, и приложено старание придерживаться тех результатов, которые должны

быть признаны всеми. В приложении дан краткий исторический очерк сравнительной грамматики, необходимый для понимания того, как сложилась эта наука, и ряд указаний на работы по отдельным вопросам. Особый указатель дает отсылки на определения терминов, приводимых в книге.

В пятом издании использованы успехи, достигнутые за самые последние годы в области общего языковедения и сравнительной грамматики. Оказалось возможным ближе охватить общую теорию языка и более точно и несколько более вещественно охарактеризовать индоевропейские языки. Отдельные мелкие ошибки исправлены. Добавлено несколько новых фактов.

Приложены также старания улучшить изложение, сделать его более ясным и точным.

Незабвенные В. Анри и Р. Готьо и гг. П. Буайе, М. Граммон и Ж. Вандриес помогли автору советами при первом издании книги.

Некоторые исправления текста, внесенные после второго издания, вызваны замечаниями Р. Готьо и г-на Ж. Вандриеса, другие же — замечаниями переводчиков книги на немецкий, русский и польский языки — гг. Принца, Кудрявского и Михальского, а также некоторых любезных читателей.

Наконец, гг. Жюль Блок и Ж. Вандриес сообразовали просмотреть текст пятого издания, которое им обязано заметными улучшениями.

Январь 1922 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К СЕДЬМОМУ ИЗДАНИЮ

В промежуток между внесением в эту книгу в 1922 г. мелких поправок и тем временем, когда разошлось ее шестое издание, она не подвергалась никакой существенной переработке. Итак, наступил, казалось, момент пересмотреть текст ее с начала до конца и согласовать все изложение с состоянием науки на сегодняшний день. Это требовало большого труда, начало которого автор все откладывал с месяца на месяц, не теряя надежды, что он найдет возможность придать своей работе окончательную форму. Тем временем новые идеи проникали как в общую лингвистику, так и в сравнительную грамматику индоевропейских языков; сверх того, развивалось знание некоторых языков, недавно открытых. Однако, несмотря на успехи, осуществленные в области изучения и тохарского и хеттского языков, размещение тохарских и хеттских фактов в общей сравнительной грамматике индоевропейских языков еще не достигнуто; установленные уже факты скорее ставят проблемы, нежели позволяют прийти к окончательным решениям. Поскольку современное состояние научного исследования не позволяет предусмотреть, когда эти решения будут достигнуты, и поскольку, с другой стороны, еще многое надо сделать, чтобы ввести в сравнительную грамматику новые идеи, предложенные с разных сторон, в особенности после опубликования посмертной книги Ф. де Соссюра по общей лингвистике и после дальнейшего развития его взглядов, осуществлявшегося как в Женеве, так и в Праге, — автор настоящей работы пришел к мысли, что не следует дольше задерживать ее хотя бы и не окончательный пересмотр. Он удовольствовался на этот раз только отделкой своей книги, не привнося в нее таких положений общего языковедения, которые могли бы изменить ее построение, а также не претендуя на внесение в нее соображений, мотивированных привлечением тохарского и хеттского языков. Таким образом, книга не испытала пока никаких существенных изменений. Все же

по многим вопросам приняты точки зрения, заметно отличающиеся от тех, которые были изложены в 1922 г.; до некоторой степени приняты во внимание и факты языков тохарского и хеттского. Оставлены, следовательно, проблемы еще не решенные, и читатель всегда должен помнить, что многие вопросы только поставлены.

Поскольку мое зрение в настоящее время заметно ослабело, я не мог вполне следить за новейшими изданиями. Без той помощи, какую мне оказывал г. Лежён, я не смог бы осуществить работу по пересмотру всей книги. Прошу читателей быть ему столь же признательными, сколь признателен ему я сам. Что касается чтения корректур, то г. Лежён принимал в этом широкое участие; я также многим обязан помощи г. Э. Бенвениста, просмотревшего всю книгу и предложившего много поправок.

Париж, 1934.

СОКРАЩЕНИЯ

В работах по сравнительной грамматике, где приходится ставить рядом слова, принадлежащие различным языкам, принято перед каждым цитируемым словом ставить сокращенное название того языка, к которому оно принадлежит; эти легко понятные сокращения, конечно, никогда не затруднят читателя; главные из них следующие:

ав. — авестийский	исл. — исландский
алб. — албанский	кельт. — кельтский
англ. — английский	класс. — классический
арм. — армянский	лат. — латинский
атт. — аттический	лесб. — лесбийский
балт. — балтийский	лит. — литовский
беот. — беотийский	нем. — немецкий
брет. — бретонский	оск. — оскский
валл. — валлийский	перс. — персидский
вед. — ведийский	пол. — польский
в.-нем. — верхне немецкий	пракр. — пракритский
гат. — вятымь из гат Авесты	прус. — прусский
герм. — германский	сакс. — саксонский
гом. — гомеровский	скр. — санскритский
гот. — готский	сл. — славянский
гр. — греческий	тох. — тохарский
диал. — диалектальный	умбр. — умбрийский
дор. — дорийский	фр. — французский
и.-е. — индоевропейский	хет. — хеттский
ион. — ионийский	чеш. — чешский
иран. — иранский	зол. — золотский.
ирл. — ирландский	

Сокращение „др.“, поставленное перед другим сокращением, значит „древне“; так, „др.-сл.“ значит „древнеславянский (старославянский)“, „др.-прус.“ — „древнепруссский“; „ср.“ значит „средне“, „н.“ — „ново“, „совр.“ — „современный“.

Нет надобности объяснять подробно такие сокращения, как „им. п.“ — „именительный падеж“, „аор.“ — „аорист“ и т. п.

Песни гомеровских поэм обозначаются буквами греческого алфавита: прописными Α, Β, Γ, Δ и т. д. — песни „Илиады“, а строчными α, β, γ, δ и т. д. — песни „Одиссеи“.

Звездочка * всегда обозначает форму, восстановленную для ясности изложения, но не засвидетельствованную, например: индоевропейскую, догреческую (или общегреческую, т. е. восходящую к донсторической эпохе общегреческого единства) и т. д.

Черточка, поставленная перед формой или после нее, показывает, что эта форма приведена не в полном виде: так, скр. *syāt* „да будет“ есть полное слово, но мы напишем s- для обозначения ее корня, -yā- для суффикса и -t для окончания.

ТРАНСКРИПЦИЯ

Обыкновенно в лингвистических сочинениях слова всех других языков, не пользующихся латинским алфавитом, кроме греческого, приводятся не в их туземных алфавитах, а в транскрипции.

Основная трудность проблемы графического обозначения сводится к тому, что фонема есть слишком сложное явление, не поддающееся точному выражению при помощи одного какого-либо знака. Так, например, латинское *t* обозначает глухую зубную смычную, а латинское *d* — звонкую зубную смычную, и можно условиться употреблять *t* и *d* только в этом смысле; но ведь характерное для *t* и *d* соприкосновение кончика языка с нёбом может происходить в различных точках, начиная от зубов и кончая сводом нёба; можно условиться обозначать буквами *t* и *d* такие зубные, у которых смык происходит более или менее близко к альвеолам, а буквами с диакритическим значком *ʈ* и *ɖ* — такие, которые образуются глубже, но даже и это не определяет точки артикуляции сколько-нибудь точным образом. Гласная, следующая за *t*, может начинаться немедленно после взрыва или же быть от него отделенной более или менее продолжительным придыханием; различные этих артикуляций обозначается, опять же без большого уточнения, посредством *t* и *th* или же *t* и *tʰ*. Буквы никогда не обозначают непосредственно степень артикуляционной напряженности.

В отношении древних языков, с которыми сравнительная грамматика по преимуществу имеет дело, вопрос о транскрипции стоит особо. Дело в том, что произношение этих языков не известно с тою же точностью, как произношение живого языка, и если мы хотим держаться фактов, не влагая в них своего толкования, то транскрипция должна просто передавать туземный алфавит, не прибавляя и не выкидывая ничего, т. е. быть простой транслите-

рацией: транскрипции, принятые нами, соответствуют этому общему принципу; они заключают в себе минимум толкования и потому позволяют без труда восстановить оригинальное написание.

Но транскрипции не были созданы по одной установившейся системе и одинаково для всех языков, вследствие чего наблюдаются самые досадные и странные несоответствия: в транскрипции языков армянского и славянских с употребляется для передачи полусмычной согласной не-шипящей (русс. „ц“), а ċ — для передачи соответствующей шипящей (русс. „ч“); наоборот, в транскрипции санскрита с передает фонему, тождественную не славянскому с, а славянскому ċ. Буква у служит почти всюду для обозначения согласного і, но в транскрипции славянских языков она обозначает особую гласную, особого рода задненёбное і (русс. ы), а в литовской орфографии обозначает гласную і долгую. И так во многих иных случаях.

Наконец, лингвисты еще не пришли к окончательному соглашению, и для одного и того же языка существуют различающиеся в подробностях транскрипции. Здесь приняты те транскрипции, которые употребляются в лучших руководствах по данному языку и обычны во Франции. Международное соглашение по крайней мере по вопросу о транслитерации различных алфавитов латинскими знаками настоятельно необходимо и, повидимому, легко возможно.

САНСКРИТ

Санскритский алфавит — силлабический, но гласные обозначаются в нем настолько точно, что его без затруднений можно передать латинскими буквами. Употребляемая нами система в основе своей представляет систему, рекомендованную IX конгрессом ориенталистов (в Женеве) и принятую повсюду; отличия нашего обозначения от этой системы имеют второстепенное значение (они частью указаны в скобках):

Гласные краткие: а, і, у, ळ (r), ॠ.

Гласные долгие: ā, ī, ū, ř.

Древние дифтонги с кратким первым элементом: е, о (произносимые всегда как долгие ē, ō).

Дифтонги с первым долгим элементом: аі, ау (т. е. āі, āу).

Согласные сонанты: у, v, r, l (это согласные, соответствующие гласным і, у, ळ, ॠ; но v уже не есть согласное u, но губнозубной

спирант, как фр. v); в ведийском языке есть еще l (какуминальное).

Смычные:	Глухие	Глухие придых.	Звонкие	Звонкие придых.	Носовые
Губные	p	ph	b	bh	m
Зубные	t	th	d	dh	n
Какуминальные (или церебральные)	ʈ	ʈh	ɖ	ɖh	ɳ
Гуттуральные	k	kh	g	gh	ŋ
Полусмычные:					
Палатальные	c	ch	j	jh	ñ
(произносятся как шипящие č, čh, j, jh).					

Три свистящие артикулируются приблизительно в тех же точках, как и смычные зубные, какуминальные и палатальные: s, š, ś (транскрибируется знаком ś в предложениях конгресса ориенталистов); ś и ś — шипящие, вроде š.

Санскритское h не есть глухое придыхание, но представляет звонкую артикуляцию гортани. Наоборот, ḥ есть глухое придыхание; свистящие перед паузой всегда переходят в ḥ: поэтому всякая конечная свистящая в словах, приводимых отдельно, будет обозначаться через ḥ.

Знаком ṁ обозначается носовой звук без определенной точки артикуляции в полости рта, производимый, очевидно, в положении артикуляции предшествующей гласной.

ЯЗЫК АВЕСТЫ И ДРЕВНЕПЕРСИДСКИЙ

Письмо текстов Авесты — буквенное: в основе его лежит древний пехлевийский алфавит, представляющий не что иное, как разновидность арамейского алфавита; но у большинства знаков, кроме их древней формы, есть еще несколько измененные формы, служащие частью для обозначения оттенков гласных, которые в пехлевийском алфавите и в первоначальной записи Авесты обыкновенно вовсе не обозначались, частью для обозначения кое-каких подробностей артикуляции согласных; для некоторых знаков невозможно точно определить, какую артикуляцию они обозначали.

Особыми знаками обозначаются следующие гласные: a, ā, i, ī, u, ū, e, ē, o, ō (разница между e и ē и o и ō не заключается в количестве); ə, ǝ (звуки вроде фр. e muet); ȧ (носовое a); ā̇, ō̇ (вроде дифтонга āo с первым долгим элементом).

Система согласных:

	Смычные глухие	Смычные звонкие	Спиранты глухие	Спиранты звонкие	Носовые
Губные	p	b	f	w	m
Зубные	t	d	ð	ð	n
Гуттуральные	k	g	x	ɣ	—

К этому нужно добавить: *ʃ*, особого рода *t*, употребляемое только в конце слогов перед согласными и в особенности в конце слов; шипящие полусмычные *ç* и *ʝ*; носовые: задненёби. *ɲ* и передненёби. *ɲ'*; свистящие и шипящие:

	глухие	звонкие
свистящие	s	z
шипящие	š (несколько обозначений)	ž,

придыхание *h*, изображаемое несколькими знаками, точное значение которых неизвестно, и сонанты: *u*, *v*, *g*.

В клинописном древнеперсидском языке почти такая же фонетическая система (с добавлением *l*), но там нет обозначений для звонких спирантов *w*, *ð*, *ɣ*; из гласных различаются только *a*, *i*, *u*; количество гласных в большинстве случаев не обозначается. Графическая система не позволяет, например, различать сочетания *vart*, *vrat* и *vrt*, и в принятых транскрипциях велика доля интерпретации.

СЛАВЯНСКИЙ

Древнеславянский язык сохранился в двух алфавитах: глаголическом, происшедшем из греческой скорописи, который еще и теперь употребляется некоторыми далматами-католиками; и кирилловском, происшедшем из греческого уставного письма, который утвердился у всех народов, принадлежащих к восточной церкви и говорящих на славянских языках. В обоих алфавитах есть новые знаки, созданные для обозначения фонем, неизвестных греческому языку.

Гласные (без обозначения количества) — следующие:

Твердый ряд — *a* (а), *o* (о), *ou* (и), *u* (у), *ŭ* (ѹ), *ж* (Ѡ)

Мягкий ряд — *ѣ* (ѣ), *e* (е), *i* (і), *ь* (і), *ѡ* (ѡ)

ж и *ѡ* (Ѡ и ѡ) обозначают носовые гласные, произносимые приблизительно так же, как французские *on* и *in* в словах *pont* „мост“, *vin* „вино“; (вместо знака *ѡ*, ныне по справедливости предпочитаемого, раньше пользовались *ѡ*); *ŭ* (ѹ) и *ь* (і) — сильно редуци-

рованные гласные, качество которых трудно определить, но не краткие *u* и *i*; *ɥ* (*y*) — своего рода задненёбное *i*: положение языка почти то же, как при *u*, но губы в положении, как при *i*; *ɛ̃* (*ẽ*) есть очень широкое *e*. Оба ряда гласных точно соответствуют друг другу: перед гласными твердого ряда согласные произносятся твердо, перед гласными мягкого ряда — мягко, т. е. со смягчением: *t* в сочетании *to* (*to*) звучит иначе, чем в *te* (*te*); *l* в сочетании *lo* (*lo*) есть „велоарное“ *l* (*l*), *l* в сочетании *le* (*le*) — палатальное; перед гласными твердого ряда мы находим *k* (*k*) и *g* (*g*), а перед гласными мягкого ряда *č* (*č*), *ž* (*ž*) (также перед *a*) и *ć* (*ć*), *ź* (*ź*) и т. д.

Система согласных следующая:

	Глухие	Звонкие	Носовые
Смычные губные	п (p)	в (b)	м (m)
Смычные зубные	т (t)	д (d)	н (n)
Смычные гуттуральные	к (k)	г (g)	
Полусмычные свистящие	ц (c)	с (dz)	
Полусмычные шипящие	ч (č)		
	Глухие	Звонкие	
Свистящие	с (s)	з (z)	
Шипящие	ш (š)	ж (ž)	

Есть еще спиранты: глухой гуттуральный *χ*, транскрибируемый обычно через *ch*, а нами через *x* (знак во всех отношениях более предпочтительный), и звонкий *v* (*v*) (губногубной или уже губнозубной?). Кроме того, есть плавные *ρ* (*ρ*) и *l* (*l*). „Йот“, играющий в языке большую роль, в алфавите никак не обозначался, так как не обособлялся ни от предшествующей согласной, ни от последующей гласной; в разных алфавитах он изображается разными сложными способами, в сочетании с тем, что ему предшествует или что за ним следует. В транскрипции он для простоты всегда изображается через *j*, каковы бы ни были сложные обозначения оригиналов: это интерпретация, и довольно грубая, а не транслитерация.

ЛИТОВСКИЙ

На литовском языке пишут латинскими буквами. Согласно старой орфографии, встречаемой в большинстве лингвистических работ, *ž* обозначает, как в польском, звонкую шипящую,

а sz (или немецкая двойная буква ß) — глухую шипящую š; sz — полусмычную ṣ̌. Гласные é и o — долгие и закрытые; у есть долгое i; ū — особого рода дифтонг, произносимый как uo; ě равно ie; ě и ą — древние носовые гласные, утратившие свой носовой характер в западнолитовском диалекте, т. е. как раз в том, из которого мы в основном черпаем наши примеры. — В современном литовском литературном языке графические обозначения проще: š и ṣ̌ вместо прежних sz и sz; ē вместо ě; ie и uo вместо ě и ū. В отношении š и ṣ̌ мы придерживаемся новой орфографии, ясной и удобной. Но сохраняем ě, ě и ū ввиду необходимости обозначать ударение и интонацию.

Литовские гласные и дифтонги часто имеют над собою знаки, указывающие их ударение и интонацию: ударение на простой краткой гласной отмечается грависом, например, à; ударение на простой долгой гласной отмечается акутом, если у нее максимальная высота и сила в начале с последующим их ослаблением, напр. ó, и отмечается значком ˘, напр. õ, если у нее две вершины силы в начале и в конце и одна вершина высоты в конце. То же и в дифтонгах: мы имеем таким образом áu и áŭ, áp (с полудолгим а в западнолитовском) и áp, ír (с кратким i в западнолитовском) и ĭr и т. д.

АРМЯНСКИЙ

Алфавит классического армянского языка включает все буквы греческого алфавита, на котором он в основном построен, но со многими добавлениями. Система согласных, точно отображаемая в алфавите, следующая:

	Глухие	Глухие придых.	Звонкие	Носовые
Смычные губные	p	ph (или pʰ)	b	m
Смычные зубные	t	th (или tʰ)	d	n
Смычные гуттуральные	k	kh (или kʰ)	g	
Полусмычные свистящие	c	ç (или çʰ, т. е. ch)	j	
Шипящие	č	čʰ (или čʰ, т. е. čh)	j	
		Глухие	Звонкие	
Свистящие		s	z	
Шипящие		š	ž	

Нужно еще прибавить глухой гуттуральный спирант х, звонкое в, повидимому, губнозубное, и w, которое, надо думать, было

ближе к согласному *u*, *y*, обозначающее согласное *i*, *l* и *ʃ* (последнее было веларным *l*), *ɣ* (зубное) и *ʃ̄* (более раскатистое *ɣ*) и придыхание *h*. — Гласные: *a*, *e*, *i*, *o*; *u* пишется как *ow* по образцу греческого *ou*; но мы этот двойной знак передаем через *u*. Гласная *ē*, отражающая древний дифтонг, встречается только в ударяемом слоге; *ə* (нечто вроде французского *e muet*) — только в неударяемом слоге. Армянские гласные фонетически не различаются по количеству: различие между *e* и *ē* не количественное, а качественное: *ē* более узкий звук; транскрипция *ɛ* была бы поэтому лучше, но она неупотребительна.

ГЕРМАНСКИЕ

Готский язык, подобно армянскому, пользовался алфавитом, развившимся из греческого и пополненным несколькими знаками; знаки, употребляемые нами для его транскрипции, почти не требуют разъяснений. Гласные *e* и *o* — долгие и закрытые. Начертание *þ* обозначает глухой зубной спирант (английское глухое *th*); *w* (передаваемое иногда через *v*) есть согласное *u*, близкое, следовательно, к англ. *w*; *j* есть согласное *i*; наконец, сочетание *hw* передает особую букву готского алфавита, а *q* обозначает сложную фонему, аналогичную латинскому *qu*. Сочетание *ei* обозначает долгое *i*; *ai* и *au* обозначают дифтонги *ai*, *au*, но также, в определенных условиях, краткие открытые *e* и *o*.

В исландском языке знак ударения над гласными обозначает долготу, а не ударение: *á*, следовательно, есть долгое *a*. Перечеркнутые буквы *þ* и *ð* обозначают, как правило, звонкие спиранты — губной и зубной; но *ð* в древнеанглийском употребляется и для обозначения глухого спиранта.

В древневерхненемецком *z* обозначает глухую полусмычную, подобную славянскому *ц*.

ИРЛАНДСКИЙ

Ирландский алфавит древнейших рукописей есть не что иное, как разновидность латинского, и транскрипция его не представляет никаких затруднений; *th* обозначает глухой зубной спирант, обозначаемый в германских языках через *þ*; *ch* — глухой гуттуральный спирант (нем. *ch*). В положении между гласными *b*, *d*, *g* обозначают обыкновенно звонкие спиранты *þ*, *ð*, *ɣ*; с другой стороны, глухая согласная между двумя гласными, как *t* в слове *cretim* „верю“.

обозначает звонкую смычную d (произносить нужно kredim). Значение гласных трудно определить точно; произношение меняется в зависимости от их положения в слове.

ИТАЛИЙСКИЕ

Латинские слова изображаются так, как они пишутся, без всякой интерпретации, следовательно без различения i и j, u и v; во многих сочинениях гласное i и согласное i обозначаются одинаково через i, между тем как гласное u обозначается через u, а согласное u — через v. Такое различие нельзя оправдать: следует либо сохранять оригинальное начертание, либо различать гласную и согласную одинаково в обоих случаях. Долгота гласных нами обозначается.

Оскские и умбрские слова приводятся обычным шрифтом, если они взяты из надписей, писанных латинским алфавитом, и печатаются в разрядку, если взяты из надписей, писанных местными алфавитами (которые все прямо или косвенно восходят к греческому). В местных оскских алфавитах i и u обозначают e и o.

ТОХАРСКИЙ

Тексты, найденные в Центральной Азии и названные, по видимому неправильно, „тохарскими“, писаны индийским алфавитом brāhmī. Несколько слов, приводимых здесь из двух диалектов А и В, переданы в той же транскрипции, как и санскритские слова. Знак ā обозначает редуцированную гласную.

ХЕТТСКИЙ

Хеттские тексты, писанные syllabической клинописью, приводятся нами в обычной латинской транскрипции. Тексты так называемого иероглифического письма нами не использованы.

О подробностях произношения и графики различных языков следует справляться в специальных грамматиках и руководствах по каждому данному языку.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МЕТОД

ЧТО ТАКОЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Языки хеттский, „тохарский“, санскритский, древнеперсидский, греческий, латинский, ирландский, готский, литовский, древнеславянский, армянский представляют в своей грамматике и лексике явные сходства. Совпадения наблюдаются и в древнееврейском, арамейском, аккадском, арабском и эфиопском языках между собою, но не между ними и языками ранее упомянутыми. В наречиях кафров, обитателей бассейна Замбези и большей части бассейна Конго, равным образом имеется много общих черт, не наблюдаемых ни в первой, ни во второй из упомянутых групп. Эти сходства и различия приводят к установлению трех языковых семей: индоевропейской, семитской и банту. Аналогичные факты позволяют выделить и некоторые другие семьи. Задача сравнительной грамматики какой-либо группы языков заключается в изучении соответствий, представляемых этими языками.

В отношении всех трех указанных случаев, а также многих других, такое изучение вполне возможно. Наблюдение сходных черт языков санскритского, греческого и т. д. приводит к точным выводам. Иначе обстоит дело со всеми теми совпадениями, которые в других отношениях наблюдаются между разными народами. Так, например, несмотря на сходства, устанавливаемые между религиями индусов, иранцев, греков, германцев и т. д., не удалось построить цельное сравнительное учение о религии этих народов. Общие условия жизни языков дают лингвисту такие возможности, каких нет у историков нравов и религий. Впрочем, не все группы языков представляют в отношении сравнительной грамматики одинаковые возможности. Группы языков индоевропейских, семитских и банту — это три благоприятных случая,

однако, довольно различных между собою и не вполне одинаково пригодных, для построения сравнительной грамматики.

Следует с самого же начала договориться о некоторых общих принципах, распространяющихся, правда, не только на индоевропейские языки. Это поможет нам в дальнейшем определить, что надо понимать под языками индоевропейскими.

Эти принципы являются общими. Все же прежде всего они относятся к индоевропейским языкам; они были установлены именно благодаря изучению этих языков и полностью проверены, как с лингвистической, так и с исторической точки зрения, лишь в отношении языков этой группы. Условия, в которых находится даже семитская, в общем сравнимая с индоевропейской, языковая группа, все же настолько отличны, что оказалось невозможным построить сравнительную грамматику семитских языков столь же строгую и полную, как сравнительная грамматика языков индоевропейских.

1. ПРИНЦИПЫ

1. ЕДИНИЧНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

Между понятиями и словами, взятыми в какой-либо момент развития того или другого языка, нет никакой необходимой связи: тому, кто не знает приводимых ниже слов, ничто не может показать, что фр. *cheval*, нем. *pferd*, англ. *horse*, русск. *лошадь*, н.-гр. *ἄλογο*, н.-перс. *asr* обозначают одно и то же животное. В противопоставлении *лошадь* и *лошади* ничто само по себе не означает единства и множества; в противопоставлении фр. *cheval* „конь“ и *jument* „кобыла“ ничто не отмечает различия самца и самки. Даже для слов экспрессивных невозможно а priori предусмотреть форму: например, фр. *sifflet* сильно отличается от нем. *pfeifen* или русск. *свистеть*. Отсюда следует, что текст, написанный на неизвестном языке, невозможно понять без перевода. Надписи Дария оказалось возможным прочесть только благодаря тому, что древнеперсидский язык, на котором они написаны, представляет лишь древнюю форму новоперсидского языка, что он очень мало отличается от языка Авесты, переводы которой дают ключ к пониманию текста, и, наконец, что он близко родственен санскриту. Наоборот, в остатках этрусского языка, за отсутствием поясняющих двуязычных надписей, находят лишь кое-какие внешние особенности, и несмотря на многочисленность надписей и обширность текста, открытого на Аграмских свитках, этрусский язык остается в значительной мере непонятым.

Поэтому звуковая система, способы словоизменения, особые типы синтаксических сочетаний и лексика, характеризующие данный язык, не могут быть воссозданы, если они видоизменились или исчезли. Средства выражения связаны с понятиями фактически, а не от природы или по необходимости, поэтому ничто не может воссоздать их, если их больше нет. Они существуют лишь однажды; они единичны: слово, грамматическая форма, оборот речи, сколько бы их ни повторяли, в сущности всегда одни и те же.

Из этого следует, что два языка, представляющие в своих грамматических формах, в своем синтаксисе и лексике целый ряд определенных соответствий, являются в действительности одним языком. Сходство языков итальянского и испанского происходит оттого, что они — две современные формы латинского языка; французский язык, хотя и менее на них похожий, все-таки не что иное, как латинский язык, только еще более изменившийся. Таким образом, расхождения могут быть более или менее значительны, но совокупность точных совпадений в грамматическом строе двух языков всегда предполагает, что эти языки представляют формы, принятые одним и тем же языком, на котором говорили в прежнее время.

Случается, что два языка, независимо один от другого, одно и то же понятие выражают одинаковым словом: так, по-английски и по-новоперсидски то же сочетание артикуляций *bad* означает „дуриной“, и тем не менее персидское слово ничего не имеет общего с английским: это чистая „игра природы“. Совокупное рассмотрение английской лексики и новоперсидской лексики показывает, что из этого факта никакие выводы сделать нельзя. Сходства, ограничивающиеся общей языковой структурой, как это, например, наблюдается в отношении турецкого и финского языков — языков несомненно родственных — или в отношении китайского и дагомейского языков, у которых нет шансов быть в родстве, — ничего не доказывают. Но ничего не доказывают и изолированные мелкие факты.

Отсюда вытекает определение родства двух языков: два языка называются родственными, когда они оба являются результатом двух различных эволюций одного и того же языка, бывшего в употреблении раньше. Совокупность родственных языков составляет так называемую языковую семью. Так, языки французский и новоперсидский родственны, потому что оба являются формами

индоевропейского языка; они входят в состав так называемой индоевропейской семьи языков. В этом смысле понятие родства языков абсолютно и не допускает различных степеней.

Но внутри одной и той же семьи язык, принявший форму, отличную от древней формы, может в свою очередь разделиться на несколько языков: так, в результате распада Римской империи, латинский язык Рима, представляющий одну из форм индоевропейского, разделился на итальянский, испанский, провансальский, французский, румынский, и т. д. Таким образом создалась романская семья языков, которая составляет часть индоевропейской семьи языков и члены которой теснее родственны между собою, чем с прочими индоевропейскими языками. Это значит, что языки романской семьи, представляющие все измененный латинский язык, начали расходиться в то время, когда иные индоевропейские группы уже обособились друг от друга. Это второе определение родства есть только следствие первого.

Наконец, когда язык развивается на сплошной территории, можно заметить, что те же самые новшества и те же самые черты старины наблюдаются независимо друг от друга в более или менее обширных областях. Так возникают диалекты. Говоры областей, соседних друг к другу, развившиеся в одинаковых условиях, представляют и общие особенности. Мы будем иметь случай еще возвратиться к этим фактам, из которых вытекают важные следствия. Эти факты представляют явления совершенно иного порядка сравнительно с фактами, характеризующими родство языков. Например, особенные черты сходства, наблюдаемые между французским и провансальским языками, объясняются не тем, будто в Галлии эпохи Римской империи в какой-либо момент говорили на языке, существенно отличном от народной латыни, представляемой другими романскими языками, но тем, что как на французской территории, так и на провансальской и новшества и черты старины были, начиная с римских времен, отчасти сходны, если не тождественны. На практике не всегда возможно отличить эти диалектальные черты сходства от тех, которые объясняются собственно родством языков, т. е. единством отправной точки.

До сих пор удавалось построить сравнительную грамматику лишь в тех случаях, когда в отправной точке имеется некий общий язык, как, например, латинский в отношении романских языков. Иначе говоря, за неимением возможности предположить существование „общего галло-романского“ или „общего француз-

ского“ языка, мы не в состоянии построить сравнительную теорию галло-романских говоров или французских говоров: у этих говоров определенные связи лишь с латинским языком.

Сравнительная грамматика есть система связей между исходным языком и развившимися из него языками.

Построить сравнительную грамматику — это значит сопоставить, описав их со всею возможною точностью, последовательные этапы развития какого-либо языка, дифференциация которого привела с течением времени к образованию различных форм речи.

Сравнительная грамматика возможна лишь постольку, поскольку последовательные и различающиеся состояния языка, рассматриваемые нами, могут быть сведены к определенным соотношениям. До настоящего времени это вполне удалось только в отношении индоевропейских языков.

2. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ НЕПРЕРЫВНОСТЬ

Рассматриваемый под углом зрения индивида язык есть сложная система бессознательных ассоциаций между движениями органов речи и ощущениями, дающая ему возможность говорить и понимать слова других. Эта система составляет принадлежность каждого человека и не встречается в совершенно тождественном виде у прочих людей; но она имеет свою ценность лишь в той мере, в какой другие члены той социальной группы, к которой принадлежит данное лицо, располагают примерно схожими системами: в противном случае это лицо не было бы понято и не могло бы понять другого. Язык существует, следовательно, только в нервных (двигательных и чувственных) центрах каждого отдельного лица: но те же ассоциации навязаны всем членам группы с такою силой, какой не знает никакой иной социальной „институт“. Каждый человек избегает всякого уклонения от нормального типа и относится очень чувствительно к малейшему уклонению, замечаемому им у других. Язык, будучи, с одной стороны, принадлежностью отдельных лиц, с другой стороны — навязывается им; и благодаря этому он является реальностью не только физиологической и психической, но и прежде всего социальной.

Язык существует лишь постольку, поскольку есть общество, и человеческие общества не могли бы существовать без языка.

Система ассоциаций, каковой является язык, не передается непосредственно от одного лица к другому: язык, как когда-то

было высказано, не вещь, ἔργον, а деятельность, ἐνέργεια. Каждый ребенок, научаясь говорить, должен сам создать себе систему ассоциаций между движениями и ощущениями, подобную той системе, которую обладают окружающие. Он не получает от них готовых приемов артикуляции: он научается артикулировать, как они, ощупью и после многолетних усилий. Он не получает готовыми грамматических парадигм: он создает каждую форму, по образцу тех, которые употребляют другие вокруг него; постоянно слыша, как говорят *мы едим* — *вы едите*, *мы стоим* — *вы стоите*, ребенок научается, когда нужно, говорить *вы сидите*, если он уже слышал выражение *мы сидим*. И так для всех форм. Но несмотря на напряженные и постоянные усилия, которые ребенок употребляет, чтобы приспособиться к воспроизведению того, что он слышит, ему, при восстановлении всей системы ассоциаций, не удастся вполне точно воспроизвести язык членов той группы, к которой он принадлежит: некоторые детали произношения не улавливаются его слухом, некоторые особенности словоизменения ускользают от его внимания, и вообще системы, которые он установит себе, не совпадают полностью с системами взрослых: каждый раз как ребенок научается говорить, в язык вводятся новшества.

Если эти новшества являются индивидуальными случайностями, они исчезают вместе со смертью того лица, у которого они возникли; особенности говора, являющиеся результатом таких новшеств, вызывают насмешки, а не подражание. Но есть новшества, опирающиеся на общие причины и имеющие тенденцию проявляться у всех детей, которые учатся говорить в одной и той же местности в течение определенного промежутка времени.

Начиная с определенного момента, у всех детей, привыкающих говорить в какой-то части территории, может обнаружиться некая артикуляция, отличная от артикуляции взрослых и всецело ее вытесняющая. Так, например, в северной Франции, начиная с некоторого момента, различного для каждой местности, дети оказались неспособными произносить смягченное *l* и стали его заменять звуком *u*, который его ныне заменяет во французских говорах. Такого рода новшество является абсолютно регулярным: смягченное *l* исчезло на всем севере Франции и заменилось *ч*.

Подобным же образом, начиная с определенного времени, дети могут обнаружить некое новшество в области словоизменения. Так, двойственное число сохранялось в Аттике до конца V в.,

но примерно с 410 г. до хр. э. в надписях замечается небрежное его употребление; и действительно, авторы, родившиеся между 440 и 425 гг. и писавшие, как Платон и Ксенофонт, на аттическом диалекте, употребляют еще двойственное число, но не постоянно; затем оно перестает употребляться в именительном-винительном падеже, между тем как под влиянием *δύοιν* „двух“ сохраняется в родительном падеже: Демосфен (383—322) говорит *δύ' ὀβολοί* „два оболы“, но *δύοιν ὀβολοῖν* „двух оболы“. Наконец оно исчезает окончательно даже и в родительном падеже и начиная с 329 г. не встречается более в аттических надписях. Здесь опять же регулярность полная: категория двойственного числа исчезла в греческом языке, и противопоставление в числе осталось только между единственным и множественным.

Изменения подобного рода, с определенного момента будучи общими всем детям, переходят к младшим поколениям; они, следовательно, накаплиются и, смотря по скорости их распространения, изменяют язык через более или менее продолжительное время. В некоторых языках новшества, в определенные моменты, происходят быстро, тогда как в других случаях язык долгое время может сохраняться, вовсе почти не изменяясь.

Но во всех случаях налицо непрерывность: изменения, совершающиеся сами собою и не являющиеся результатом подражания чужеземному говору, происходят не от желания новизны; наоборот, они происходят, несмотря на усилия ребенка точно воспроизводить язык взрослых, и притом никогда не бывают ни настолько велики, ни настолько многочисленны, чтобы поколения, живущие одновременно, теряли ощущение того, что они говорят на одном языке.

С другой стороны, употребление языка необходимо приводит к его изменению. С каждым разом как употребляется какое-либо выражение, оно становится менее странным для слушателя, а для произносящего еще более легким для нового воспроизведения. Таков нормальный результат привычки. Выразительное значение слов вследствие употребления ослабляется, их сила уменьшается, и они стремятся образовывать группы. Чтобы поддержать выразительную силу, в которой чувствуется надобность, приходится подновлять выражения; именно поэтому имеют тенденцию выходить из употребления слова, выражающие превосходную степень, как *очень*, *весьма*, *чрезвычайно* и т. п., по мере того как их первоначальная сила уменьшается. Слова, первоначально самостоятельные, путем употребления низводятся на степень грамма-

тических элементов; в латинском выражении *habeo aliquid factum* „я имею что-либо сделанным“ *habeo* имело еще полное свое значение; но *j'ai* во французском выражении *j'ai fait* „я сделал“, неоднократно повторяясь, постепенно утратило свою самостоятельность; в настоящее время три первоначально самостоятельных слова (*ego, habeo* и *factum*), которые дали в результате фр. *j'ai fait*, составляют лишь одну грамматическую форму, равносильную латинскому *fecit* и не имеющую больше выразительной силы. Слова, которые таким путем становятся простыми грамматическими элементами, привесками предложения, произносятся особенным образом, часто укорачиваются и в своем фонетическом развитии отличаются от главных слов; так, латинское указательное местоимение *illam* в сочетании со следующим именем дает французский артикль *la*, тогда как развитие — совершенно иное — самостоятельной формы того же слова привело к французскому личному местоимению *elle* „она“, которое в свою очередь сделалось грамматическим элементом.

Таков тип спонтанного развития языка. Оно — результат естественной преемственности поколений, использования языка и тождества стремлений и склонностей, наблюдаемого у лиц данного ряда поколений в данный период времени. Хотя изменения этого типа происходят независимо в каждом из говоров данной области, следует ожидать, что они произойдут в различные, но близкие моменты времени с незначительными отклонениями во всех местах, занятых в общем однородным населением, говорящим на том же языке и живущим в одинаковых условиях. Так, смягченное *l* превратилось в *u* во всей северной Франции; двойственное число исчезло еще в доисторический период в эолийском диалекте, в ионийском диалекте Малой Азии и в дорийском диалекте Крита, а в IV в. до хр. э. в аттическом, т. е. в говорах континентальной Греции. Условия таких изменений, — часто неизвестные, почти всегда не поддающиеся точному определению, — если только они не свойственны какой-либо одной местности, действуют на обширных территориях.

Наряду с этими изменениями, проявляющимися особым образом в каждом говоре, даже когда они и выходят за его пределы существуют другие изменения, весьма различные по внешнему виду, но сводящиеся в основе к одному и тому же явлению — к заимствованию из других языков. Действительно, лишь только члены одной социальной группы вступают в торговые, политические, религиозные или интеллектуальные сношения с членами

других групп и лишь только некоторые лица приобретают знание чужого языка, тотчас является возможность введения в свой язык новых элементов.

Если данный язык существенно отличается от местного говора, то из него возможно заимствовать только отдельные слова; так, греческий язык заимствовал от финикийцев несколько торговых терминов, как название грубой оберточной материи — *σάκος*, золота — *χρῦσός*, одного вида одежды — *χιτῶν* и т. д.; точно так же французский язык заимствовал английские слова. Как бы велико ни было число таких заимствований, они нисколько не изменяют структуры языка.

Иной результат получается, если дело идет о языке настолько близком к местному говору, что основное единство того и другого легко сознается. Так как только парижский говор употребляется в сношениях между различными группами населения, говорящего на французском языке, то все другие французские говоры заимствуют все более и более парижских элементов не только в области лексики, но даже в области произношения и словоизменения. Так, например, крестьянин, узнав, что слова *toi, moi, toi*, произносимые на его диалекте *twé, mwé, gwé*, в правильном французском языке (в сущности парижском) звучат, как *twa, mwa, gwa*, даже не слышавши никогда, как произносится слово *loi*, легко может вместо формы своего говора *lwé* употребить форму *lwa*. Такого рода подстановки одной формы вместо другой приводят к результату, сходному с результатом изменений нормального типа, и, раз они произошли, часто бывает невозможно различить, с какого рода изменениями мы имеем дело. Но от этого не уменьшается различие между ними, ибо во втором случае дело идет о заимствовании из другого говора. Все говоры северной половины Франции испытали весьма сильное влияние общезападного языка, принадлежащего к парижскому типу речи; ни один из них не может рассматриваться как представляющий самостоятельное развитие латинского типа, на котором покоятся галло-романские говоры. От древней Греции сохранилось много надписей на диалектах; но почти во всех диалектальных лишь некоторые черты, и начиная с V в. до хр. э. во всех них сквозит образец сперва аттической речи, а затем так называемой койнэ; только самые древние надписи представляют местные говоры в их чистом виде. Где бы это ни было, повсюду не легко найти писанный текст, который бы представлял местный говор во всей его чистоте, безо всякого влияния со стороны какого-либо общего языка.

Под тем либо под другим из этих двух видов заимствование не есть явление редкое и случайное: это явление частое или, лучше сказать, постоянное, и новейшие исследования все более и более выясняют его важное значение. Ибо каждая из крупных языковых групп (германская, славянская, эллинская и т. д.) является результатом распространения какого-либо общего языка на более или менее значительную массу населения. У нас нет возможности определить, какая часть фактов, изучаемых нами и относящихся к периоду доисторическому, падает на долю заимствования. Но мы никогда не в праве предполагать, чтобы какой-нибудь говор являлся результатом одной только передачи языка из поколения к поколению и изменений, происходящих вследствие употребления языка и его передачи. Всюду мы видим, как преобладающие говоры являются образцом для подражания и как люди стараются воспроизводить речь тех, кто, живя в другой местности или занимая более высокое социальное положение, признаются говорящими и лучше. Если бы не существовало этой заботы воспроизводить господствующие говоры, то язык дифференцировался бы до бесконечности и не был бы в состоянии служить средством общения обширных групп людей.

Все существующие говоры происходят в действительности из ряда последовательных сближений и расхождений.

Наконец, третий тип изменений происходит тогда, когда население меняет язык.

Когда население перенимает язык победителей, иноземных колонистов или язык более цивилизованных людей, пользующийся особым престижем, взрослым представителям этого населения не удается в точности усвоить новый язык. Дети, начинающие говорить, когда новый язык уже распространился, успевают лучше, ибо учатся ему как своему родному и стремятся воспроизводить не ломаную речь своих взрослых сородичей, но правильный говор иноземцев, если только имеют возможность его слышать; и это им зачастую в достаточной мере удается. Так, ребенок, рожденный во Франции от француза и иностранки и воспитанный среди французских детей, почти совсем не воспроизводит недостатков говора своей матери. Тем не менее кое-какие особенности речи сохраняются. Более того, если население перенимает язык глубоко отличный от своего прежнего языка, оно может вовсе не усвоить некоторых его характерных черт. Негры-рабы, которые стали говорить по-французски или по-испански, не приобрели ни точного произношения, ни правильного употребления грамматических форм

как вследствие слишком большого отличия их родного языка, так, в особенности, еще и потому, что, не видя избавления от своего безнадежно низкого социального положения, они не чувствовали надобности говорить так, как их господа: креольские наречия сохранили черты африканских языков. Впрочем, в многочисленных сменах языков, которые происходили в исторические времена и происходят еще и теперь, многие народы выказали способность достаточно точно усваивать язык друг у друга. Ничто не заставляет предполагать, что особенности, характеризующие романские языки, ведут свое начало в большей своей части от самого момента проникновения латинского языка в область их нынешнего распространения. Не следует преувеличивать значения этого типа изменений. Однако, повидимому, этим можно объяснить некоторые значительные перемены в системе артикуляции, подобные германскому или армянскому передвижению согласных; не случайно армянская система смычных тождественна с системой смычных в грузинском языке, языке не индоевропейском. В тосканском диалекте, на территории бывшего распространения этрусского языка, наблюдается особое произношение смычных, восходящее к произношению этрусского языка, в котором, насколько об этом можно судить по древней передаче, были глухие придыхательные, но не было звонких смычных.

Кроме того, как только замена одного языка другим совершилась, мы имеем уже дело с нормальными изменениями непрерывного развития. Всё же особые свойства населения, принявшего новый язык, вызывают сравнительно быстрые и многочисленные изменения, могущие, впрочем, проявиться и много времени спустя после перемены языка.

Чтобы оценить важность факта смены языков, достаточно отметить, что во всех областях с более или менее древней историей язык сменялся в историческую эпоху по меньшей мере раз, а то и два и три раза. Так, на территорию современной Франции галльский язык проник лишь в первой половине последнего тысячелетия до хр. э.; затем, в течение первого тысячелетия хр. э. он был сменен латинским языком. С другой стороны, языки изменяются тем в меньшей степени, чем устойчивее говорящее на них население: чрезвычайное единство полинезийских языков объясняется устойчивостью населения Полинезии; в одной из областей распространения индоевропейских языков, в Литве, где население, повидимому, почти вовсе не сменялось в течение весьма долгого времени, язык отличается исключительной в некоторых отноше-

ниях архаичностью. Наоборот, язык иранцев, чьи завоевания охватили обширную территорию, изменился быстро и относительно рано: иранские говоры с самого начала христианской эры достигли уровня, который можно сравнивать с уровнем, достигнутым романскими языками лишь столетий десять спустя.

У каждого из индоевропейских языков свой собственный тип: произношение и морфология каждого из них характеризуются своими особыми чертами; едва ли можно предположить иные причины этого своеобразия, к тому же довольно глубокого, кроме тех особенностей, которыми характеризовались языки прежнего населения, сменившиеся индоевропейским. Это влияние языков, сменивших язык индоевропейским, называется „действием субстрата“. К несчастью, субстраты почти всюду нам неизвестны, так что приходится довольствоваться недоказуемыми гипотезами.

Возможно, что каждому населению присущи некоторые наследственные тенденции, не меняющиеся в результате перехода людей с одного языка на другой и определяющие в их новом языке значительные перемены. В областях, где прежде говорили по-галльски, произношение приняло некоторые черты, напоминающие то, что можно найти в языках бриттских. Только там и нигде больше на территории романских языков прежнее латинское *ū* перешло в *ü* (фр. *u*) и образовалась система средних гласных типа фр. *eu*; там же интервокальные согласные претерпели наибольшие изменения; все это объясняется тенденциями, которые есть и в бриттском. Едва ли возможно отнести эти изменения на счет того произношения, которое устанавливалось при постепенном переходе с галльского языка на латинский; но понять их можно было бы, если признать наличие у населения одинаковых тенденций, действовавших как на бриттской, так и на галльской территории.

Кроме того, не следует упускать из виду, и в большей степени, чем это делали раньше, такие периоды, когда одно и то же население пользуется одновременно двумя языками и когда, следовательно, в сознании одной и той же группы говорящих совмещаются два средства выражения, относящиеся к двум разным языкам: это так называемые периоды „двуязычия“. Люди, располагающие двумя различными средствами выражения зараз, порою вводят в один из двух языков, на котором они говорят, приемы, принадлежащие другому языку. Например, в латинском языке той части Галлии, где господствовали франки, утвердился по образцу германских языков прием выражения вопроса, состоя-

щий в постановке подлежащего после глагола; и донныне мы имеем по-французски вопросительное: *êtes-vous venus?* „пришли ли вы?“, противопоставленное утвердительному: *vous êtes venus* „вы пришли“. Таким образом, этот прием французского языка есть собственно прием германских языков, осуществляемый с помощью романских элементов.

3. О ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ

Изучение развития языков возможно лишь постольку, поскольку факты сохранения старого и введения нового представляются закономерными.

Есть два вида сохранения старого и введения нового. Один из них касается звучащей материи, служащей для языкового выражения, со стороны звучания и артикуляции: это — область фонетики. Другой связан с выражаемым смыслом: это — область морфологии (грамматики) и лексики (словаря).

Правила, по которым сохраняются старые и вводятся новые моменты произношения, называются „фонетическими законами“. Если какая-нибудь артикуляция сохраняется в одном слове, она сохраняется также во всех словах того же языка при одинаковых условиях. Так, закрытое *u* „народной латыни“ сохраняется в итальянских словах *nudo* „голый“, *duro* „твердый“, *fusto* „ствол“ и во всех подобных словах; во французских же словах *pu*, *dur*, *fût* и под. оно переходит во фр. *u* (*ü*). В тот момент, когда нововведение появляется, оно иногда обнаруживается сперва только в некоторых словах, но, поскольку оно касается способа артикуляции, а не того или иного слова, оно вскоре распространяется на все случаи, и для тех больших периодов, которые изучает сравнительная грамматика, неприметны эти колебания первых поколений при введении новшества. Было время, когда древние индоевропейские *p*, *t*, *k* превратились в германском в *ph*, *th*, *kh*, т. е. в *p*, *t*, *k*, отделенные от последующей гласной придыханием; в таких смычных с последующим придыханием смык бывает слабый; он был устранен, и в результате в германских языках появились *f*, *þ*, *x* (*x* обозначает здесь гуттуральный спирант, т. е. фонему того же качества, как современное немецкое глухое *ch*); следовательно, существовал ряд германских поколений, для которых *p*, *t*, *k* были непроизносимы, и действительно, индоевропейские *p*, *t*, *k*, начальные или между гласными, в готском языке никогда не отражаются через *p*, *t*, *k*, а всегда — через *f*, *þ*, *h* (или соответственно через звонкие *þ*, *ð*, *γ*, при определенных условиях). Таков принцип

постоянства фонетических законов, что точнее было бы называть регулярностью фонетических соответствий.

Эта регулярность часто полная. Если латинскому *octō* соответствует французское *huit*, итальянское *otto* и испанское *ocho* „восемь“, в тех же языках старому *poste(m)* соответствуют *nuît*, *potte* и *poche* „ночь“. Если лат. *factum* соответствуют фр. *fait*, ит. *fatto* и исп. *hecho* „сделанный“, таким же образом соответственно лат. *lacte* мы имеем фр. *lait*, ит. *latte*, исп. *leche* „молоко“. Кто знает, что ит. *figlia*, фр. *fille* (из лат. *filia*) соответствует исп. *hija* „дочь“, догадывается, что ит. *foglia*, фр. *feuille* (из лат. *folia*) соответствует исп. *hoja* „лист“; ибо судьба лат. *l* здесь та же, что в ит. *filo*, фр. *fil*, исп. *hilo* от *filum* „нить“, а судьба *ō* та же, что в ит. *voglia*, фр. *veuille* из древнего **voliat*.

Если бы не приходило никаких других факторов, можно было бы, зная фонетические соответствия, выводить из данного состояния языка его состояние в последующий момент, кроме, конечно, изменений грамматических и лексических. Но в действительности это не так. Количество всех особых факторов, которые, не нарушая действия „фонетических законов“, затемняют их постоянство, безгранично; необходимо отметить здесь важнейшие из них.

Прежде всего, формулы фонетических соответствий приложимы, как явствует из их определения, только к артикуляциям, точно сравнимым между собою. Слова, имеющие особое произношение, поэтому отчасти не подчиняются их действию. Так, детские слова вроде *папа*, *мама* и т. п. занимают особое положение. Термины вежливости и обращения подвергаются таким сокращениям, что становятся неузнаваемы: фр. *msyö* не представляет регулярного фонетического изменения сочетания *mon sieur*; то же относится ко всем словам, на которые достаточно намекнуть, чтобы они были поняты, и которые поэтому нет надобности артикулировать со всею отчетливостью: др.-в.-нем. *hiutu* (нем. *heute* „сегодня“) не есть нормальное отражение сочетания *hiu tagu* „этот день“. Как общее правило, тот же звуковой элемент более краток в длинном слове, нежели в коротком (*a* во фр. *pâtisserie* „пирожное“ короче, чем в *râté* „пирог“), более краток во второстепенном слове предложения, нежели в главном; поэтому и изменения их могут быть различны. Некоторые артикуляции, как то: артикуляция *г*, склонны предвосхищаться (например во фр. *trésor* из лат. *thesaurum* „сокровище“) или переставляться (например в н.-гр. *τρυφός* из *τρυφός* „горький“), причем не всегда возможно свести такие

изменения к общим формулам, так как они могут зависеть от особой структуры или от специальных условий употребления тех слов, в которых они встречаются. Другие же артикуляции делятся слишком долгое время; так, нёбная занавеска, опущенная при произнесении *p* в нем. *gepug* „довольно“, остается в том же положении, в результате чего это слово диалектально звучит *gepung*, и т. п. Бывают также действия на расстоянии: лат. *s* перед *e* и *i* дает в совр. французском языке *z* (пишется *s*), например в *ser* „лоза“, *cil* „ресница“, *endre* „зола“, *cire* „воск“, а перед *a* дает *š* (пишется *ch*), например в *char* „повозка“, *cheval* „лошадь“, *choc* „толчок“, *chantier* „мастерская“; но начальное *s* лат. *circare* ассимилировалось внутреннему *s* перед *a*, и по-французски получилось *chercher* „искать“. Фонетическое новшество является обычно результатом совместного действия нескольких различных и самостоятельных факторов; сочетание этих факторов иногда настолько сложно, что встречается только в одном слове.

Далее, изменения могут происходить от ассоциации форм; так, в аттическом, где интервокальное *σ* исчезает, такие формы, как гр. *ἐτίμησα* „я почтил“, *ἔλυσα* „я развязал“ и под., не объясняются непосредственно; но, поскольку такие формы, как *ἔδειξα* „я указал“, *ἔτριψα* „я растер“, *ἔσχισα* (*ἔσχισα*) „я разорвал“, вполне допустимы, окончание *-σα* могло сохраниться в формах *ἐτίμησα*, *ἔλυσα* и под. Это называется изменениями по аналогии. Таким образом, на сцену выступает смысл и нарушает регулярность фонетического отражения: морфология и лексика взаимодействуют с фонетикой.

Наконец, некоторые отклонения вызываются заимствованиями. Так, в Риме старое *ou* переходит в *ū*, а старое **dh* после *u* переходит в *b* перед гласной; литовскому *gaũdas*, гот. *gauþs*, др.-ирл. *gūad* „красный“ и т. д. должно было бы, следовательно, соответствовать **tūbus*; но в других латинских говорах *ou* переходит в *ō*, например в Пренесте. Поэтому *tōbus*, во всяком случае в отношении своего *ō*, не есть римское слово. В некоторых латинских говорах **dh* между гласными дает *f*; отсюда *rufus*. Ожидаемое римское слово **tūbus* непосредственно не засвидетельствовано, но оно отражено в производных *tūbigō* (наряду с *tōbigō*) „ржавчина“ и *tūbidus* „(темно)красный“. Когда исторические условия вызывают много таких заимствований, фонетика языка становится в конце концов непоследовательной; так дело обстоит с латинским языком, включающим много сабинских элементов, а из современных языков — с английским, в образовании которого участвовали

разные диалекты, в том числе и древнесеверный (древнескандинавский), а также значительные элементы романской лексики. Другим источником расхождений являются в историческую эпоху заимствования из письменного языка; так, французский язык множество слов усвоил из латинской письменности. Например, лат. *fragilem* „хрупкий“ дало во французском *frêle*, а впоследствии из латинской письменности заимствовано было то же слово в виде фр. *fragile*. И трактовка этих заимствований различна, смотря по эпохе: так, начальная согласная слова *caritas*, заимствованного весьма рано французским языком, трактована в *charité* „милосердие“ так же, как в традиционном слове *cher* „дорогой“, тогда как та же согласная слова *capitulum*, заимствованного позже, передана во фр. *santique* „песнопение“ не так, как в традиционном французском *chanter* „петь“ из лат. *cantare*. Эта последняя причина расхождения, существенная для нового времени, не действует в отношении доисторических периодов, рассматриваемых сравнительной грамматикой.

Чем более углубляем мы свое исследование, тем более мы убеждаемся, что почти у каждого слова своя собственная история. Но это все же не мешает вскрывать и определять те изменения, которые, как, например, передвижение согласных в германском или армянском, охватывают артикуляционную систему в целом.

Ничто из всего этого не противоречит принципу постоянства „фонетических законов“, т. е. изменений, затрагивающих артикуляцию безотносительно к смыслу: этот принцип сводится только к тому, что, когда при усвоении языка младшими поколениями какой-либо артикуляционный прием сохраняется или видоизменяется, это его сохранение или видоизменение имеет место во всех тех случаях, где данная артикуляция применяется одинаковым образом, а не в одном каком-либо слове. И опыт показывает, что дело происходит именно так.

Действие „закона“ может, правда, уничтожаться через некоторый промежуток времени в результате изменений, затрагивающих отдельные слова, воздействием аналогии или заимствованиями, — но „закон“ из-за этого вовсе не перестает быть реальностью, ибо его реальность имеет преходящий характер и сводится к тому, каким образом говорящие в определенный период времени стали артикулировать. История языка рассматривает не результаты, могущие всегда исчезнуть, а события, имевшие место в определенный момент. Но „закон“ может ускользнуть от внимания лин-

гвиста, а это значит, что есть неустановленные фонетические изменения, которые навсегда останутся таковыми даже в хорошо изученных языках, если только, как это обычно бывает, у нас нет непрерывного ряда документов.

Редко, однако, удается наблюдать действие, вызвавшее те соответствия, которые формулируются в виде „фонетических законов“. Мы можем установить, что французское *e* соответствует латинскому ударяемому *a* (*pater: pèrè* „отец“, *amatum: aimé* „любимый“ и т. п.), что начальное греческое *φ* соответствует санскритскому *bh*, германскому или армянскому *b* (гр. *φέρω* „несу“, скр. *bhāgāmi*, гот. *baīra*, арм. *berem*), и ничего больше. Что обычно называется „фонетическим законом“, это, следовательно, только формула регулярного соответствия либо между двумя последовательными формами, либо между двумя диалектами одного и того же языка. И это соответствие по большей части есть результат не единичного действия, но множественных и сложных действий, на осуществление которых потребовалось более или менее продолжительное время. Поэтому зачастую оказывается невозможным различить, что произошло от спонтанных изменений и что произошло от заимствования из какого-либо общего языка, взятого за образец.

То, что справедливо по отношению к фонетике, справедливо также и по отношению к морфологии. Подобно тому как артикуляционные движения должны быть снова комбинированы всякий раз, как произносится слово, точно так же и все грамматические формы, все синтаксические сочетания бессознательно создаются снова для каждой произносимой фразы соответственно навыкам, установившимся во время усвоения языка. Когда эти привычки изменяются, все формы, существующие только благодаря существованию общего типа, по необходимости тоже изменяются. Когда, например, по-французски под влиянием *tu aimes* „ты любишь“, *il aime(t)* „он любит“ стали говорить в 1-м лице *j'aime* „я люблю“ вместо прежнего *j'aím* (отражающего лат. *amō*), все глаголы того же спряжения получили также *-e* в 1-м лице: распространение *-e* на первое лицо является морфологическим законом и притом столь же строгим, как любой „фонетический закон“. Морфологические нововведения сравнительно с фонетическими изменениями не оказываются ни более капризными, ни менее регулярными; и формулы, которыми мы располагаем, выражают только соответствия, а не самые действия, вызывающие эти нововведения.

Однако между „фонетическими законами“ и „морфологическими законами“ существует различие. Когда какая-либо артикуляция изменилась, новая артикуляция заменяет старую во всех случаях, и новые поколения уже не в состоянии произносить по-старому; например, в области Иль-де-Франса после совершившегося перехода смягченного l в y уже не осталось ни одного смягченного l; равным образом ни одно y (согласное i) не сохранилось, после того как согласное i латинского языка перешло в dž, изменившееся затем в ž (пишется j): вместо латинских iacet „лежит“, iūs „похлебка“ и т. п., в современном французском языке может быть только gît „почиет“, jus „сок“. Наоборот, когда изменяется какой-либо морфологический тип, некоторые формы того же типа, утвердившиеся в памяти, могут продолжать свое существование; так, в индоевропейском языке существовал тип настоящего времени глагола, характеризуемый присоединением окончаний непосредственно к корню и чередованием огласовки корня — с наличием e в единственном числе и с отсутствием e во множественном числе; например, гр. εἶμι „иду, пойду“, множ. ч. ἴμεν „идем, пойдем“ и скр. é-mi „иду“ (древнее *ái-mi), множ. ч. i-māh „идем“; этот тип, прежде игравший важную роль, исчез из употребления во всех индоевропейских языках, но ряд форм глагола „быть“ сохранил его до настоящего времени, так как частое употребление укрепило их в памяти; поэтому латинский язык еще имеет по древнему типу es-t: s-unt, откуда фр. (il) est:(ils) sont; точно так же немецкий язык имеет (er) is-t:(sie) s-ind. Тип исчез задолго до первого закрепления на письме латинского или немецкого языка, но одна из его форм живет.

Одна из наиболее очевидных заслуг сравнительной грамматики состоит именно в том, что аномальные формы исторической эпохи она разъясняет как пережиток ранее существовавшей формы. Тип est: sunt, являющийся в латинском языке исключением, оказывается остатком типа, бывшего нормальным в индоевропейском. Благодаря сравнительной грамматике мы различаем в развитии одного и того же языка последовательную смену норм.

Доказательство, наилучшее доказательство принадлежности языка к данной семье языков состоит в показе того, что язык этот сохраняет, в качестве аномалий, формы, бывшие нормальными в эпоху первоначальной общности. Аномалии, не разъясняемые ни одним из законов того языка, в котором они наблюдаются, предполагают предшествующий этап развития, когда они были нормальны. Необъяснимые внутри латинского языка такие формы 3-го лица,

как *est* „есть“, *ēst* „ест“, *fert* „несет“, разъясняются на почве индоевропейского и дают основание предположить, что латинский язык является одной из форм развития индоевропейского языка. Построение сравнительной грамматики индоевропейских языков оказалось возможным именно потому, что все эти языки изобилуют аномалиями. Наоборот, языки со вполне регулярной морфологией, как, например, тюркские, плохо поддаются сравнительному, и поэтому нелегко установить, с какими языками находятся в родстве тюркские языки.

Тот факт, что фонетические и морфологические „законы“ приложимы ко всем словам, в которых налицо элементы, подходящие под их формулы, является вполне естественным; факт, что они охватывают всех детей одного поколения, равным образом не удивителен; он означает, что одинаковые причины производят одинаковое действие у всех детей, обучающихся говорить в одинаковых условиях. В самом деле:

1. Хотя у элементов языка нет никакой необходимой связи с выражаемыми понятиями, все же между собою они связаны ассоциациями и каждый язык образует систему, части которой внутренне объединены. Фонетический состав славянских языков представляет прекрасную иллюстрацию этого принципа. Общеславянский язык обладал двумя рядами гласных: „твердыми“ (с предшествующими „твердыми“ согласными) а, о, у, ъ и „мягкими“ (с предшествующими „мягкими“ согласными): ё, е, і, ї; те языки, которые, как русский и польский, сохранили различие этих двух рядов гласных, сохранили также и различие ы (у) и и (і), а также ъ (ѹ) и ь (ї), в форме о и е в русском языке, в форме е (твердого) и іе в польском: поэтому русский язык имеет *сын* и *сила*, *день* (из *dĭnĭ) и *сон* (из *sŭnŭ); но те славянские языки, которые, как сербский, утратили различие этих двух рядов звуков, смешивают у и і, ъ и ї: сербское и в слове *син* такое же, как и в слове *сила*; ї слова dĭnĭ перешло в а, как и ѹ слова sŭnŭ: *дан*, *сан*. Различение у и і, ъ и ї было таким образом чертою системы и, с разрушением системы, не могло устоять. Поэтому естественно, что это изменение произошло во всех сербских говорах и что аналогичные изменения имели место в других южнославянских языках и даже в чешском. Всякое серьезное изменение части фонетической системы языка отражается и на остальной части системы. В германских языках видоизменился не один ряд смычных, а все ряды их, и что в этом не было ничего случайного, видно из армянского языка, который представляет совершенно параллель-

ные изменения: индоевропейские глухие смычные *p, *t, *k отражены в армянском языке придыхательными *ph (откуда h), th, kh, которые представляют первую предполагаемую для германских языков ступень изменения, а и.-е. звонкие *b, *d, *g отражены глухими слабыми p, t, k, как и в германских языках. Точно так же в некоторых диалектах банту вместо p, t, k таких диалектов, как хереро и суахели, оказываются ph, th, kh, как, например, в диалекте конде, в других же f, r (обозначает глухой вибрант этих диалектов), x (глухой гуттуральный спирант), как, например, в диалекте пели; наконец, в диалекте дуала на месте глухих — звонкие, например l соответствует звуку t хереро и звуку r пели, подобно тому как верхненемецкое d произошло из германского ð (английское глухое th); например, числительное „три“ на диалекте хереро — tatu, конде — thathu, пели — raro, дуала — lalo. Во всех этих случаях в какой-то момент изменилась не обособленная артикуляция, а самый способ артикулирования; параллелизм фонетических соответствий отражает здесь изменение, в какой-то период времени осуществившееся, артикуляционной системы. То же и в отношении морфологии: морфологическая система романских языков не та, что латинского.

2. Сочетания артикуляций, при помощи которых реализуются фонемы какого-либо языка, свойственны именно данному языку; но элементарные движения, составляющие эти сочетания, определяются и ограничиваются общими анатомическими, физиологическими и психическими условиями. Поэтому возможно установить, каким образом может видоизменяться артикуляция в том или другом случае. Возьмем, например, фонему s, которая предполагает поднятие языка к зубам при постоянном потоке воздуха и характеризуется свистом; если язык поднят недостаточно, шум от трения воздуха между языком и зубами исчезнет, и останется только выдох, т. е. h; если язык поднят чрезмерно, вместо s будет слышаться ð (англ. th) или даже смычная t; наконец, если к s прибавить вибрацию голосовых связок и тем самым ослабить силу выдыха, получится звонкая z (которая в свою очередь иногда переходит в r: „ротацизм“); прибавляя к этому еще переход к ж в различных условиях, получаем все возможные вариации фонемы s, каковы бы ни были особенности ее артикуляции. Возьмем еще такое звуковое сочетание, как апапа или апата, где одинаковое артикуляционное движение, именно опускание нёбной занавески, производится два раза: если, как это случается, одно из двух движений не выполняется, то это обыкновенно относится к первому

из них; фонема, в которой имело место это невыполненное артикуляционное движение, подвергается изменениям, которые делают ее произносимой и позволяют ей занять место в системе языка: апана или апата превращаются в таком случае в алапа, алапа или агана, агата. — Возможные изменения грамматических форм не могут быть приведены к такой же простой и общей формуле, как изменения фонетические, так как они не зависят непосредственно от анатомических и физиологических условий, но в каждом данном случае они не менее ограничены.

Вообще возможные изменения определяются особой системой каждого данного языка и анатомическими, физиологическими и психическими условиями человеческой речи. Когда одна и та же совокупность причин начинает вызывать изменения, она приводит либо к тождественным, либо к сходным результатам у всех индивидов одного поколения, говорящих на одном языке; члены социальной группы обнаруживают тенденцию, независимо друг от друга, сохранять одни и те же черты прежнего состояния языка и вводить одни и те же новшества.

II. ПРИЛОЖЕНИЕ ОБЩИХ ПРИНЦИПОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ „ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ“

Некоторые языки, которые начинают появляться в истории около 2000 г. до хр. э. на пространстве от Индостана на востоке до берегов Атлантического океана на западе и от Скандинавии на севере до Средиземного моря на юге, имеют много общих черт, заставляющих признать их различными формами одного и того же наречия, существовавшего раньше. Из этих языков до настоящего времени представлены, хотя бы одним своим диалектом, следующие: индо-иранские, балтийские, славянские, албанский, армянский, греческий, германские, кельтские, итальянские (латинский). Это неведомое наречие условно называют „индоевропейским“ языком (немецкие ученые называют его „индо-германским“). К числу индоевропейских языков мы сообразно с этим относим всякий язык, который в какой бы то ни было момент, в каком бы то ни было месте, на какой бы то ни было ступени изменения представляет собою форму указанного на-

речия и который, таким образом, продолжает его в непрерывной преемственности.

Это определение — чисто историческое: оно не предполагает никакой характеристики, общей всем этим языкам; оно только устанавливает тот факт, что в прошлом был такой момент, когда эти языки составляли один язык. Нет, следовательно, ни одной черты, по которой бы всегда можно было определить язык как индоевропейский. Например, в индоевропейском — одушевленный род противопоставлялся неодушевленному (среднему), а внутри одушевленного проводилось часто противопоставление мужского и женского; но некоторые языки, как, например, романские, литовский и латышский, утратили различие одушевленного и неодушевленного; в других же, как, например, в армянском и новоперсидском, вовсе отсутствует различие родов.

Чтобы установить принадлежность данного языка к числу индоевропейских, необходимо и достаточно, во-первых, обнаружить в нем некоторое количество особенностей, свойственных индоевропейскому, таких особенностей, которые были бы необъяснимы, если бы данный язык не был формой индоевропейского языка, и, во-вторых, объяснить, каким образом в основном, если не в деталях, строй рассматриваемого языка соотносится с тем строем, который был у индоевропейского языка.

Доказательны совпадения отдельных грамматических форм; наоборот, совпадения в лексике почти вовсе не имеют доказательной силы. Действительно, из чужого, совершенно отличного языка не бывает заимствований грамматической формы или отдельного произношения; здесь возможно заимствование только совокупности морфологической или артикуляционной системы, а это означает перемену языка; но часто заимствуется отдельное слово или целая группа слов, относящихся к определенному ряду вещей, особенно слов технических, в самом широком смысле этого термина; заимствования слов происходят независимо одно от другого и иногда могут совершаться в неограниченном количестве. Из того, что в финском языке много индоевропейских слов, нельзя выводить, будто он принадлежит к индоевропейским языкам, так как эти слова заимствованы из индо-иранских, балтийских, германских или славянских языков; из того, что в новоперсидском языке масса семитских слов, нельзя выводить, будто он не индоевропейский язык, так как все эти слова заимствованы из арабского. С другой стороны, как бы ни был отличен от индоевропейского внешний облик языка, отсюда не следует, что этот язык

не индоевропейский: с течением времени у индоевропейских языков оказывается все менее и менее общих черт, однако, покуда они существуют и как бы они ни преобразовывались, они не могут утратить своего качества языков индоевропейских, ибо это их качество есть только отражение исторического факта.

Общее сходство морфологической структуры почти ничего не доказывает, ибо возможные языковые типы не отличаются разнообразием.

Решающую доказательную силу имеют отдельные подробности, исключающие возможность случайного совпадения. Нет разумного внутреннего основания, чтобы падеж субъекта характеризовался окончанием *-s*. Наличие в языке именительного падежа единственного числа с конечным *-s* дает право считать данный язык индоевропейским тем более, что в большинстве языков падеж субъекта совпадает с самою формою имени без какого-либо окончания.

Раз доказательство уже добыто целым рядом частных совпадений, остается только, чтобы углубить его, установить, что морфологическая система рассматриваемого языка во всей ее совокупности может быть разъяснена как результат видоизменения или ряда последовательных видоизменений исходного языкового состояния.

Если бы мы не знали латинского языка и если бы италийские диалекты были представлены только французским языком, утратившим общий облик языка индоевропейского, все же было бы возможно на точных фактах показать, что французский язык — индоевропейский. Лучшее доказательство мы имели бы в спряжении настоящего времени глагола *être* „быть“: противопоставление форм (*il*) *est*: (*ils*) *sont* (произносимых *il e*: *il* (скорее *i*) *sɔ̃*) соответствует еще санскритскому противопоставлению *ásti* „есть“: *sánti* „суть“, готскому *ist*: *sind*, древнеславянскому *късть*: *сѣть*; личные местоимения *moi*, *toi*, *soi*, *pous*, *vous*, схожие с санскритскими *mām*, *tvām*, *svayām*, *naḥ*, *vaḥ* и древнеславянскими *мѧ*, *тѧ*, *сѧ*, *нѧ*, *вѧ*, дополняют это доказательство, которое могло бы быть подтверждено еще и некоторыми подробностями глагольного спряжения. Отсюда видно, сколь долговечны бывают морфологические особенности: среди французских наречий (*patois*) есть такие, в которых лексика почти целиком заимствована из нормального французского языка и слова почти полностью подведены под нормальный французский тип, но которые еще сохраняют, по крайней мере частично, свою собственную морфологию. Но фран-

цузский язык представляет уже немного подобных черт прошлого, и потребовалось бы небольшое количество изменений, чтобы устранить из него их последние остатки. С другой стороны, без знания латыни и средневекового французского языка затруднительно было бы показать, каким образом морфологическая система современного французского языка связывается с системой индоевропейской, хотя французский глагол и имеет еще несколько индоевропейских черт. „Индоевропейское“ качество французского языка и в этом случае сохранялось бы, ибо оно выражает лишь факт непрерывной преемственности от индоевропейской общности донныне; но оно не было бы непосредственно доказуемо.

Можно, следовательно, представить себе, что есть в мире неузнанные индоевропейские языки. Но это мало вероятно: так, невзирая на то, что албанский язык засвидетельствован поздними памятниками и подвергся весьма значительным изменениям, он без труда был признан индоевропейским. Так и „тохарский“ язык, лишь только были поняты его несколько строк, признан был индоевропейским, а индоевропейский характер хеттского сразу же поразила его первых истолкователей. Это является следствием устойчивости морфологической системы. Грамматика даже наиболее изменившихся индоевропейских языков донныне сохраняет, в особенности в области глагола, кое-что от индоевропейского.

Возможно, что „индоевропейский язык“, в свою очередь, лишь форма какого-то ранее существовавшего языка, представителями которого являются также и другие языки, как ныне существующие, так и засвидетельствованные древними текстами. Уже отмечались разительные соответствия между языками индоевропейскими и угрофинскими, в свою очередь, быть может, родственными тюркским, а также между индоевропейскими и семитскими, с которыми связаны и „хамитские языки“; некоторые „азиатские“ языки, как то: ликийский и лидийский, поскольку можно о них судить на основании того, что от них сохранилось и что в них истолковано, тоже, быть может, произошли от того же исходного языка, как и общиндоевропейский язык; на подобную же гипотезу натаккивают и те данные, которые начинают выясняться в области сравнительной грамматики кавказских языков. Но до тех пор пока между индоевропейской грамматикой и грамматиками иных языковых групп не будут обнаружены совпадения более отчетливые и более многочисленные, эта общность происхождения не может почитаться доказанной. Мы можем предполагать только,

что все языки перечисленных групп друг другу родственны. Впрочем, если когда-либо будет установлен и доказан ряд соответствий между индоевропейской и иными языковыми группами, в системе ничего не изменится: только над сравнительной грамматикой индоевропейских языков надстроится новая сравнительная грамматика, которая, конечно, будет относительно скудной, подобно тому как сравнительная грамматика индоевропейских языков надстраивается над более богатой и более подробной сравнительной грамматикой, скажем, романских языков; мы проникнем на одну ступень глубже в прошлое, с результатами менее значительными, но метод останется тот же.

2. „ВОССТАНОВЛЕНИЕ“ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Раз родство нескольких языков установлено, остается определить развитие каждого из них с того момента, когда все они были более или менее тождественны, до какого-либо другого данного момента.

Если древняя форма языка засвидетельствована, как это имеет место для романских языков, задача исследования вначале относительно проста: определяются соответствия между древней формой и последующими формами, и, при помощи исторических данных, прослеживаются как можно точнее видоизменения языка в различных местах в различные моменты. — Если же древняя форма языка неизвестна, как это имеет место для древних индоевропейских языков, то у нас только один способ исследования — установить соответствия, которые можно обнаружить между формами различных языков. В том случае, когда языки очень сильно разошлись, а соответствия редки и отчасти не достоверны, мы ограничиваемся одним только установлением родства. Для индоевропейских языков обстоятельства более благоприятны. Эти языки представляют многочисленные и точные соответствия, а три из них — хеттский, индо-иранские и греческий — засвидетельствованы довольно древними памятниками и притом засвидетельствованы в форме настолько архаичной, что по ней можно предположить, какова должна была быть система индоевропейского языка; большинство остальных сохраняет архаизмы. Таким образом, система всех совпадений, представляемых индоевропейскими языками, допускает их методическое и подробное изучение.

Пример, взятый из романских языков, лучше всего даст представление о применяемом приеме исследования. Возьмем следующий ряд слов:

итальянск.	peŕa	tela	vero	peŕo
испанск.	peŕa	tela	vero	peŕo
сицилийск.	pīra	tila	viru	pīlu
др.-франц.	peire	teile	veir	peil
(совр. франц.	poire	toile	voire	poil)

„груша“ „ткань“ „действительно“ „шерсть“

Поскольку известно из сравнения грамматик этих языков, что они между собою родственны, то не может быть сомнения, что мы имеем здесь четыре слова общего языка, именно „вулгарной латыни“, или „общероманского“, языка. Так как ударяемая гласная во всех четырех словах одна и та же, то мы можем заключить, что имеем здесь дело с гласной этого языка, которую можно определить соответствиями:

ит. e = исп. e = сиц. i = др.-фр. ei (совр.-фр. oi).

Можно обозначить фонему, определяемую этим соответствием, как закрытое e. Но некоторые диалекты в Сардинии имеют, с одной стороны, pīra, pīlu, с другой — veru; поскольку различие между i и e не может быть объяснено влиянием соседних артикуляций, то оно должно быть древним, и мы приходим к установлению двух различных соответствий:

сардинское i = ит. e = исп. e = сиц. i = др.-фр. ei

сардинское e = ит. e = исп. e = сиц. i = др.-фр. ei.

Мы, таким образом, отличаем два рода закрытого e в народной латыни. Если бы латинский язык не был известен, мы не могли бы идти далее: сравнительная грамматика романских языков не дает права на какой-либо иной вывод. Случайность, сохранившая латинский язык, оправдывает этот вывод и делает его более точным: первое закрытое e есть краткое i древней латыни: pīra, pīlum, второе есть древнее долгое e: uērum, tēla.

Сравнительная грамматика индоевропейских языков находится в том положении, в каком была бы сравнительная грамматика романских языков, если бы не был известен латинский язык: единственная реальность, с которой она имеет дело, это соответствия между засвидетельствованными языками. Соответствия предполагают общую основу, но об этой общей основе можно составить себе представление только путем гипотез и притом таких гипотез, которые проверить нельзя; поэтому только одни соответствия и составляют объект науки. Путем сравнения невозможно восстановить исчезнувший язык: сравнение романских языков не может дать точного и полного

представления о народной латыни IV в. хр. э., и нет основания предполагать, что сравнение индоевропейских языков даст большие результаты. Индоевропейский язык восстановить нельзя.

Однако для краткости выражения позволительно обозначать одним знаком каждое определенное соответствие. Возьмем для примера:

скр. *mádhu* „мед“ (содовый и вареный) = греч. μέθυ „опьяняющий напиток“, ср. др.-исл. *miðr* (др.-в.-нем. *meto*);

скр. *ádhāt* „он поставил“ = арм. *ed*, ср. гр. ἔθηκε, гот. *(ga)de-þs* „дело“;

отсюда вытекает соответствие:

(1) скр. *dh* = гр. *ð* = арм. *d* = герм. *ð* (*d* — гот. *d*, др.-в.-нем. *t*).

Возьмем далее:

скр. *bhāgāmi* „несу“, арм. *berem*, гот. *baiga*, гр. φέρω;

скр. *nábhaḥ* „облако“ = гр. νέφος, ср. хет. *periš* „небо“, др.-сакс. *nebal*,

отсюда вытекает соответствие:

(2) скр. *bh* = гр. *φ* = арм. *b* = герм. *þ* (*b*).

Возьмем еще:

скр. *hānti* „бьет“, 3-е л. мн. ч. *ghnānti* „бьют“, хет. *kuenzi* „бьет“, ср. гр. θίνω „бью“, πέφαται „он был убит“, πεφαιέν „убивать“ и лат. *-fendō*;

скр. *gharmāḥ* „жара“, *hāraḥ* „жара“ = гр. θέρος „лето“, лат. *fortis* „жаркий“, гр. θερμός = арм. *ǰerm* „жаркий“,

отсюда вытекает соответствие:

(3) скр. *gh*, *h* = гр. *φ*, *θ* = лат. *f* = арм. *g*, *ǰ* = хет. *ku*.

Можно условиться обозначать первое соответствие через **dh*, второе через **bh*, третье через **g^wh*, так как, несомненно, мы имеем здесь дело со звонкими смычными, из которых одна зубная, другая губная, третья лабиал-велярная, в сопровождении или соединении с какой-то гортанной артикуляцией; но положительными фактами являются только соответствия, а „восстановления“ сводятся лишь к знакам, с помощью которых сокращенно выражаются соответствия.

Регулярность соответствий, которой требует принцип постоянства „фонетических законов“, часто с виду нарушается. Если не считать аномалий, вызываемых условиями, не относящимися

к фонетике, как то: аналогия, заимствование и т. п., есть в фонетике две главные причины видимых нерегулярностей:

1. Две фонемы, первоначально различные, часто сливаются в одной. Мы уже видели, как латинские *i* и *e* приводят в большинстве романских языков к одному и тому же результату. Одной фонеме одного языка в других языках могут соответствовать две различные фонемы: так, в иранском, в балтийском, в славянском и в кельтском фонема *d*, соответствующая системе:

скр. *dh* = гр. *ð* = арм. *d* = герм. *đ*(*d*), соответствует также системе:

скр. *d* = гр. *δ* = арм. *t* = герм. *t*; например: др.-сл. *даръ* соответствует гр. *δῶρον*, а др.-сл. *мѣдъ* — гр. *μέθυ*.

2. Одна и та же фонема может отражаться двойным образом, в зависимости от занимаемого ею положения; например, в латинском в начале слова *f* соответствует скр. *bh* = гр. *φ*, а между гласными соответствовать будет *b*; отсюда разница лат. *fero* „несу“ и *nebula* „облако“; в ионийском-аттическом **g^wh* отражается через *φ* перед *α*, *ο*, но через *ð* перед *ε*, откуда *ðέινω* „быю“, но *πέφαται* „он был убит“ и *φόνος* „убийство“.

Применение этого второго принципа требует тонких комбинаций. Так, сопоставляя гот. *bindan* „связывать“, скр. *bandhāḥ* „связь“, *bāndhuḥ* „родственник“, гр. *τενθερός* „тесть“ (собственно „свойственник“), мы склонны установить соответствие:

скр. *b* = герм. *b* = гр. *π*,

которое предполагало бы особую фонему **b₂*, так как этот ряд соответствий отличается от обычных:

(1) скр. *bh* = герм. *b* = гр. *φ*

(2) „ *b* = „ *p* = „ *β*

(3) „ *p* = „ *f* (или *h*) = „ *π*

Но в санскрите и в греческом одна придыхательная диссимилируется другою (это явление старше самых древних текстов, но обнаружилось все-таки позже разделения индоевропейских языков); следовательно, скр. *bandhāḥ*, *bāndhuḥ* могут отражать более древние формы **bhandhāḥ*, **bhāndhuḥ*, а гр. *τενθερός* может отражать более древнее **φενθερός*; поэтому, раз за вычетом случаев с двумя придыхательными в слове, соответствие скр. *b* = герм. *b* = гр. *π* не встречается, то нет надобности устанавливать для этого случая особую индоевропейскую фонему.

Равным образом, сближая скр. *dehí-* „насыпь, вал“ с гр. *τείχος*, *τοιχος* „стена“, можно соблазниться построением равенства

гр. *τ* = скр. *d*.

Но подобное соответствие встречается лишь в корнях, где есть придыхательная; следовательно, вероятно, что здесь произошла диссимилиация. И в самом деле, соответствующие формы: в армянском *dēz* „стена, куча“, в оскском *feihúss* „стены“ (вин. п. множ. ч.); армянское *d* предполагает древнее **dh*, а начальное италийское *f*- предполагает древнюю придыхательную. Следовательно, здесь было начальное **dh*.

Из этого следует, что происхождение *d*- в скр. *dāhati* „жжет“ может быть двойное. Оно выясняется из сопоставления с лат. *foceō* „грею“, где начальное *f*- предполагает древнюю придыхательную. И в самом деле, при устранении в санскрите второй придыхательной, что бывает при некоторых обстоятельствах, начальное *dh*- обнаруживается: авр. *ádhāk* „он сжег“.

Голое соответствие, таким образом, ничего не выясняет. Надо в отношении каждой из фонем рассматриваемого языка иметь в виду все возможные источники ее происхождения и проследить их историю внутри данного языка.

Сближение скр. *hánti* и хет. *kuenzi* „бьет“ на первый взгляд может показаться странным. Оно окажется вполне законным, лишь только мы рассмотрим фонетическое развитие в каждом из этих языков: сочетание *ha-* в скр. *hánti*, при наличии множ. числа *ghnánti* „бьют“, предполагает древнее **ghe-*, и это в языке, где тип **g^wh-* отсутствует; что же касается сочетания *ku-* (т. е. *kw-*) в хет. *kuenzi*, ничто не указывает, восходит ли оно к **k^v*, **g^w* или **g^wh*. Тем самым обе эти формы могут быть сведены к первоначальной форме **g^whenti*, которую мы и в праве предположить (см. ниже, стр. 114).

Еще более поражает сближение гом. *δῆρος* и арм. *erkar*. А между тем оно вполне надежно. Оба эти прилагательные означают „долгий“, преимущественно в приложении ко времени. Исследование греческих фактов показывает, что гом. *δῆρος* восходит к древнему *δῆῶρος*. Между тем и арм. *erkar* может восходить к **dwāro-*; род. падеж *erkarou* показывает, что это древняя основа на *-o-; а соответствие арм. *erk-* = гр. *ῆf-*, допускающее объяснение на почве армянской фонетики, устанавливается в результате других сближений.

• Эти примеры показывают, что сближения делаются не по сходству, но на основе системы соответствий.

Индоевропейская фонема устанавливается с учетом отражений ее в каждом языке, на основе системы соответствий. Число этих систем указывает минимальное число отдельных индоевропейских

фонем. Индоевропейский язык мог различать еще и другие фонемы, но сравнительная грамматика не имеет никакого средства их определить, да и не испытывает потребности в этом, так как ее предметом является не восстановление исчезнувшего языка, но исследование соответствий между засвидетельствованными языками.

В морфологии мы поступаем точно так же. Так, первичное окончание 3-го лица единственного числа действительного залога атематического настоящего времени в хеттском *-zi*, скр. *-ti*, гр. *-τι* (диалект. *-σι*), др.-русск. *-ть*, др.-лит. *-ti*, кельт. **-ti*, лат. *-t(i)*; если уже условлено через **t* обозначать фонему, определяемую соответствием скр. *t* = гр. *τ* = балт. и сл. *t*, хет. *z* (т. е. *ts*) перед *i* и т. д., а через **i* фонему, определяемую соответствием хет. *i* = скр. *i* = гр. *ι* = др.-русск. *ь* = лит. *i* и т. д., то можно сказать, что данное окончание есть и.-е. **-ti*: хет. *kuen-zi* „бьет“ или скр. *ās-ti* „ест“, гр. *ἔσ-τι*, др.-русск. *ѣсть*, др.-лит. *es-ti*, гот. *is-t*, лат. *es-t*; последний из приведенных примеров позволяет также определить глагольную основу (которая в то же время и корень) и.-е. **es-*.

Впрочем, многие совпадения происходят от параллельного развития в нескольких языках и потому не имеют доказательной силы для индоевропейского языка. Так, 1-е лицо, с первичным окончанием, ед. числа наст. вр. действ. зал. от глагола „нести“: скр. *bhāgāmi*, сербск. *бѣрѣм*, арм. *berem*; можно было бы склоняться к выводу, что в так называемых тематических глаголах (греческие глаголы на *-ω*) 1-е лицо характеризовалось окончанием **-mi*; но этому противоречат гат. *bagā*, гр. *φέρω*, лат. *ferō*, гот. *baiga*. И действительно, можно установить, что *-mi* есть позднейшая прибавка во всех приведенных формах; в др.-сл. *вѣрж* нет окончания **-mi* и *бѣрѣм* появляется лишь в историческую эпоху сербского языка; древнеирландский язык имеет *do-biur*, что предполагает **bherō*, а часто приводимая др.-ирл. форма *berim* не достоверна; арм. *berem* ничего не доказывает по различным причинам, разбирать которые было бы слишком долго; наконец, достаточно одного типа *bagā* из гат для доказательства того, что скр. *bhāgāmi* не представляет индо-иранской формы. Таким образом, в морфологии, как и в фонетике, можно использовать то или другое соответствие лишь после исследования исторического развития каждой из привлеченных к рассмотрению форм.

Формы аномальные и единичные, как лат. *est* и гот. *ist*, можно сближать одну с другою; но форма, составляющая часть системы, может привлекаться только как представительница типа: сближе-

ние др. фέροντι с скр. bhárantí „несут“ не доказывает специально существования и.-е. формы *bhérontí; оно может служить только для общего выяснения структуры глаголов типа гр. φέρω, скр. bhá-gāmi „несу“. Формы следует сближать не поодиночке, а целыми системами.

Чтобы составить себе верное представление об индоевропейском, нужно „восстановить“ возможно больше отдельных слов определенной формы и определенного смысла, и это часто удается. Но прием сравнения выявляет прежде всего общие типы образования, что влечет за собою абстрактный характер изложения: даже в тех случаях, когда нами устанавливаются индоевропейские слова, на первый план выдвигаются системы.

Существенное затруднение вызывается также самым методом. Какая-либо форма исторически засвидетельствованного языка может быть признана действительно древнейшей лишь в том случае, если она выпадает из общей системы языка, в котором она засвидетельствована. Так, лат. est:sunt и гот. ist:sind — несомненно древние формы, потому что прием их образования чужд языкам латинскому и готскому, и формы эти есть основание возводить к индоевропейскому, потому что представляемый ими тип постепенно исчезает после эпохи индоевропейской общности. Но сравнение гр. ἔγω и лат. ago „веду“ доказательно лишь в отношении общего типа подобных форм 1-го лица, потому что эти две формы согласуются с общей греческой и латинской парадигмой. Следовательно, с уверенностью восстанавливать какое-либо индоевропейское слово или какую-либо индоевропейскую форму можно лишь постольку, поскольку образование этого слова и структура этой формы стали аномальными. Норма индоевропейской эпохи восстанавливается главным образом по аномалиям исторической эпохи. В историческую эпоху регулярные индоевропейские формы сохраняются еще в качестве норм лишь в ограниченном числе случаев. „Восстановление“ индоевропейского позволяет разъяснять системы, засвидетельствованные в историческое время, но каждая из этих систем является новым образованием, и мы были бы далеки от верного представления об индоевропейских языках, если бы только стремились выделить в каждой данной системе элементы начального единства; задача сводится к тому, чтобы представить себе последовательное развитие от общиндоевропейского к каждому данному языку.

Совокупность фонетических, морфологических и синтаксических соответствий позволяет все же составить себе общее понятие

об общем элементе индоевропейских языков. Что же касается детального развития индоевропейского языка до исторической эпохи каждого из языков, то оно, конечно, ускользает от нас в прямой зависимости от многочисленности и глубины изменений, происшедших между периодом начального единства и исторически засвидетельствованными формами каждого языка.

К тому же значительная часть индоевропейских фактов ускользает от нас потому, что единственные языки, известные нам в их древнем и архаичном состоянии, это два восточных диалекта — хеттский и индо-иранский — и один центральный — греческий. Западные языки известны нам с более позднего времени и в более измененном виде. Сравнение же индо-иранского с греческим не вскрывает нам полностью индоевропейских фактов. Например, долгое время предполагали, что окончание на *-r со страдательным значением есть итало-кельтское новообразование; открытие языков хеттского и „тохарского“ обнаружило его индоевропейский характер. То обстоятельство, что у нас нет достаточно архаичных форм западных диалектов, обуславливает большое несовершенство в нашем представлении об индоевропейском языке.

Итак, метод сравнительной грамматики применим не для восстановления индоевропейского языка в том виде, как на нем говорили, а лишь для установления определенной системы соответствий между исторически засвидетельствованными языками. Все излагаемое в каком бы то ни было виде в настоящей работе должно разуместься именно в этом смысле даже в тех местах, где, с целью сократить изложение, индоевропейский язык предполагается как бы известным.

При наличии этой оговорки, сравнительная грамматика определяется как разновидность исторической грамматики в отношении тех частей языкового развития, которые не могут быть прослежены на основе документов.

Впрочем, и всякая историческая грамматика есть прежде всего грамматика сравнительная, ибо даже в отношении лучше всего известных языков подробности эволюции каждого говора далеко не всегда засвидетельствованы текстами, а засвидетельствованные формы, особенно в местных говорах, использовать оказывается возможным только приемами сравнения. Даже в романском языкознании только сравнительный метод позволяет должным образом определять смысл и значение форм, обнаруживаемых в древних текстах. Как и индоевропейский язык, „вульгарная латынь“, к кото-

рой восходят романские языки, проясняется лишь в результате изучения соответствий между позднейшими формами; латинские тексты различных эпох служат для уточнения и проверки; но только путем сравнения романских говоров возможно построить системы и использовать данные рукописей или надписей и свидетельства грамматиков. Знание латыни помогает романистам, но один лишь сравнительный метод составляет основу их научных выкладок. Форма 3-го лица множ. числа перфекта в письменном латинском языке встречается в виде *dixere, dixērunt* и *dixerunt* „они сказали“; только такие формы, как др.-фр. *distrent*, показывают, какова была общероманская форма. Возможна историческая грамматика последовательных форм письменного языка — скажем, французского с XI в.; но в отношении устных языков возможна лишь сравнительная грамматика.

Своеобразие и трудность общей сравнительной грамматики индоевропейских языков состоят, однако, именно в том, что она не располагает никакими иными средствами, кроме сравнения.

Факты, которые мы будем излагать, покажут, с одной стороны, что индоевропейские языки настолько далеко продвинулись в своей эволюции, что многие из обнаруживаемых в них соответствий кажутся странными и, в большинстве своем, на первый взгляд не очевидными, но что, с другой стороны, все они сохранили характерный структурный тип и характерные детали, а также, что эволюция их во многих отношениях если не тождественна, то параллельна; поэтому сравнивать их нужно со знанием дела, но само по себе сравнение вполне закономерно.

Приведенные нами определения тем самым устраняют два ошибочных взгляда, противоречащих духу сравнительного метода.

1. Долгое время думали, что индоевропейский язык есть язык первобытный: думали, что сравнительная грамматика позволяет заглянуть в „органический“ период языка, когда он складывался и когда устанавливалась его форма. Но ведь индоевропейский язык по отношению к хеттскому, санскритскому, греческому и т. д. есть то же самое, что латинский по отношению к итальянскому, французскому и т. д.; единственное различие заключается в том, что у нас нет такой сравнительной грамматики, которая бы проникала в доиндоевропейское прошлое. Конечно, народности, говорившие по-индоевропейски, должны были стоять на уровне цивилизации, близком к уровню африканских негров или североамериканских индейцев; но в языках негров и индейцев нет ничего „первобытного“ или „органического“. Каждый из их говоров имеет

уже сложившуюся форму и иногда тонкую и сложную грамматическую систему, относящуюся к тому или иному из многообразных типов речи. Сравнительная грамматика индоевропейских языков не бросает ни малейшего света на первые ступени языка. Индоевропейский язык, конечно, не древнее и во всяком случае не „первобытнее“ египетского языка пирамид и древнеавилонского (аккадского).

2. Даже не увлекаясь мыслью, будто сравнительная грамматика может осветить процесс сложения языка, часто пытаются дать индоевропейским формам историческое объяснение. Например, задавались вопросом, не представляют ли личные окончания глагола древних местоимений-суффиксов, или не объясняются ли определенными фонетическими изменениями такие чередования гласных, как гр. εἶμι, ἵμι „иду, пойду“, „идем, пойдем“. Но объяснения такого рода, сколько бы правдоподобны они отчасти ни были, не поддаются доказательству. И действительно, объяснить исторически какую-либо форму можно только другою, более древнею формою; а в данном случае именно нет этих более древних форм: они не только не засвидетельствованы, но мы не можем даже их сколько-нибудь надежным образом „восстановить“ при помощи сравнения. Исторически объяснять индоевропейский язык мы будем в состоянии только тогда, когда будет доказано его родство с другими языковыми семьями, когда таким образом окажется возможным установить системы соответствий и при их помощи составить себе представление о доиндоевропейском периоде.

Языковые факты настолько сложны, что не допускают догадок. Было бы наивно объяснять явления французского языка, не зная ни других романских языков, ни латинского; попытки объяснять индоевропейский язык не менее наивны и даже еще более нелепы потому, что мы не знаем самого индоевропейского языка, а имеем только системы соответствий, которые косвенно дают о нем представление. Поэтому нами оставляются без рассмотрения те гипотезы, которые предлагались для объяснения подробностей индоевропейского словоизменения без какой-либо опоры на соответствия с языками, возводимыми к более древнему источнику.

Здесь мы будем рассматривать только одно: соответствия между различными индоевропейскими языками, отражающие древние общие формы; совокупность этих соответствий составляет то, что называется индоевропейским языком.

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

В каждом из подразделений социальной группы, говорящей на одном языке, язык этот представляет некоторые особенности в произношении, в грамматике и в лексике. Это — явление общее. Поэтому даже в то время, когда индоевропейский язык составлял, собственно говоря, один язык и когда говорившие на нем еще не расселились в разные стороны, индоевропейские говоры заметно различались между собою.

Когда мы следим за развитием исторически засвидетельствованных языков, мы замечаем, что большинство особенностей не свойственны одной только местности, но наблюдаются у нескольких соседящих групп населения. Так, например, произношение как е ударяемого латинского а (*chanter* „петь“, отражающее лат. *cantáre*) наблюдается во всех говорах северной Франции; то же можно сказать о произношении как у латинского р между гласными или фонемами полугласного характера (*chèvre* „коза“, отражающее лат. *cárga*). Но у каждой из этих особенностей свои особые границы. Например, латинское ударяемое а отражено в виде е и в тех говорах, где латинское р между гласными или элементами, подобными гласным, отражено не в виде у, как на севере Франции; но в виде в, как на юге: есть такой говор на границе северных и южных говоров Франции, передающий лат. слово *cárga* с е, как во французском *chèvre*, и с в, как в провансальском *cabra*, именно произносящий *жувэв*. На этом основании составляют карты Франции, где обозначаются границы каждой из особенностей произношения, грамматики или лексики, происшедших в течение исторического развития латинского языка на французской территории и оставивших там свой след. Особенности индоевропейских говоров имели точно так же каждая свои географические границы, и следы их можно заметить еще и теперь. Так,

гуттуральные иначе произносились в тех говорах, из которых произошли индо-иранские, армянский, албанский, балтийские и славянские языки, нежели в тех, из которых произошли греческий, германские, кельтские, оско-умбрские и латинский. После *g* и *k* согласная *s* в индо-иранском, балтийском и славянском отражается иначе, нежели в других языках. Типы таких глаголов, как гр. *τένω* „тяну“, и таких имен, как гр. *τόνος* „натяжение“, играют важную роль в индо-иранском, балтийском, славянском и греческом, но очень незначительную в прочих языках. Есть много слов, общих балтийскому, славянскому и индо-иранскому и не встречающихся в других языках, как, например, группа слов вед. *bhāye* „боюсь“, *bhīmāñ* „страшный“, ав. *baunte* „боятся“, н.-перс. *bim* „страх“, др.-сл. *вож сѧ*, лит. *bijaũs* „боюсь“, *báimė* „страх“, др.-прус. *biã* „боится“ (др.-в.-нем. *bibēn* „трепетать“ сюда не относится); наоборот, **dwei-* „бояться“, обнаруживающееся в гр. *δ(φ)έος* „страх“, *δέδ(φ)μεν* „боимся“ и т. п., имеет соответствие лишь в армянском: *erkiwt* „боязнь“ и т. п.; другие слова существуют только в германском, кельтском и италийском, как, например, лат. *uāstus* „обширный“, ирл. *fas* „пустой“, др.-в.-нем. *wuosti* (совр. *wüst*) „пустынный“.

Обыкновенно некоторое количество местных говоров представляет общие характерные черты; совокупность говоров, которые, не будучи тождественны, представляют общие особенности и общий вид сходства, ощутимого для говорящих, называют диалектом. Так, в греческом ионийский диалект противопоставляют диалектам дорийскому, эолийскому и др.; но дорийский диалект, например, не представляет тем самым единства, и действительно, лаконский говор отличался от говоров Аргоса, Гортины и др. До тех пор пока не начинается распространение какого-нибудь преобладающего языка, у диалектов нет определенных границ, так как каждая их особенность имеет свою собственную область распространения. Трудно указать, где начинаются северофранцузские диалекты и где кончаются диалекты южные; некоторые галло-романские группы несомненно принадлежат северу, другие — несомненно югу, но есть промежуточные зоны. Только в силу исторических обстоятельств создается определенность границ; парижский говор стремится распространиться на всю Францию: он тем самым начинает соприкасаться с тосканским диалектом, лежащим в основе литературного итальянского языка и стремящимся распространиться на всю Италию. Таким образом происходит встреча двух диалектов,

некогда весьма отдаленных друг от друга, и граница, совпадающая с политической, может быть проведена точно, хотя местные говоры, лежащие между [парижским и тосканским, представляют ряд почти незаметных переходов.

Древние народы индоевропейского языка не пользовались письменностью, в особенности для религиозных целей, и даже столкнувшись с народами, у которых письменность была, большинство из них избегало ею пользоваться: друиды, например, предпочитали не писать; первые надписи в Индии обязаны своим появлением царю-буддисту; возникновение письменности на многих индоевропейских языках или, во всяком случае, широкое использование ее порождено было прозелитизмом таких религий, как христианство и буддизм.

Индоевропейские диалекты стали, следовательно, закрепляться письменно лишь в такую пору, когда группы населения, говорившие на них, уже давно отделились друг от друга, когда каждый диалект в своем обособленном развитии подвергся глубоким изменениям, неизвестным в других диалектах, когда установившиеся таким образом языки распространились путем заимствования на новые группы населения, когда, одним словом, образовались из элементов индоевропейского происхождения общие языки нового типа. Таким образом, различие этих языков не представляет никакого затруднения, и перечень сохранившихся индоевропейских языковых групп представляется вполне бесспорным. Это следующие группы: хеттская, „тохарская“, индо-иранская, армянская, балтийская и славянская, албанская, греческая, германская, италийская (латинская и оско-умбрская) и кельтская.

Только четыре группы известны из ряда памятников, предшествующих христианской эре: это группы хеттская, индо-иранская, греческая и италийская. К ним можно прибавить остатки древнефригийского. Все остальные засвидетельствованы [только с того времени, когда [проповедь христианства [или буддизма закрепила язык письменно, т. е. по крайней мере несколькими веками позже древнейших текстов предыдущих групп, и когда они уже подверглись воздействию эллинской и римской культуры (или буддийской — в отношении „тохарского“).

Каждый из индоевропейских языков, к какой бы эпохе ни восходили его древнейшие тексты, представляет фонетическую и морфологическую систему, отличную от системы общиндоевропейской. Так, в индо-иранском смешиваются в одном звуковом качестве а три индоевропейские гласные *а, *е, *о; в германском

и армянском произошло полное передвижение смычных; в греческом видоизменились или вовсе исчезли *s и *у, две из наиболее важных индоевропейских фонем. Каждая из групп характеризуется обширными и систематическими новшествами.

То обстоятельство, что индоевропейские языки засвидетельствованы в разное время и на разных ступенях развития, затрудняет сравнение их между собою и использование их для „восстановления“ общеиндоевропейского. Промежуток времени между древнейшими ведийскими и иранскими текстами и первыми литовскими текстами насчитывает около двух тысячелетий. Индоиранские языки известны в своей архаичной форме, относительно близкой к индоевропейскому типу, тогда как германские языки появляются на таком этапе развития, когда их фонетическая и морфологическая система совершенно изменилась. Когда мы сближаем языковой факт хеттский [или ведийский с языковым фактом литовским или германским, мы всегда должны помнить о разнице во времени между этими фактами и о различии языковых систем.

Момент, когда тот или другой индоевропейский язык обособился от прочих, также [всегда следует принимать во внимание. Своеобразный во многих отношениях облик хеттского языка объясняется несомненно тем, что та группа, которая на нем говорила, отделилась от общей [массы в такую пору, когда еще были в ходу некоторые формы, впоследствии вышедшие из широкого употребления или вовсе исчезнувшие, как, например, окончания на *-г со страдательным значением. Некоторые особые черты, как, например, форма на *-i, сохранившаяся в латинском род. падеже *uiri* „мужа“, др.-ирл. *fig* (ср. в языке ирландских огамических надписей *maí* „сына“) и в некоторых санскритских формах, представляются архаизмами, уцелевшими только на крайних точках области распространения индоевропейских языков, следовательно, в языках, которые, вероятно, относятся к самым древним волнам выселения. Различные индоевропейские группы, вероятно, покидали общую территорию в разные эпохи, когда язык находился на разных стадиях своего развития. Например, группы индоиранская и италийская отделились, повидимому, в эпоху, когда еще существовал древний тип порядковых числительных: лат. *decimus*, скр. *daśamañ* „десятый“, тогда как в греческом, славянском, балтийском, германском обнаруживается более новый тип: гр. *δέκατος*, др.-сл. *дЕСАТЬ*, лит. *dešimtas*, гот. *taihunda*. Тот факт, что в хеттском есть задненёбные с лабио-велярным

придатком, как в латинском: хет. *kuiš*, лат. *quis* „кто“, вообще, следовательно, не доказывает, чтобы этот язык принадлежал к той же западной группе, что и греческий, италийские, кельтские, германские, это попросту архаизм; утрата лабио-велярного придатка в группе языков балтийских и славянских, албанского, армянского и индо-иранских есть новшество, которое, возможно, появилось позже отделения хеттской группы.

I. ХЕТТСКАЯ

Расшифровка архивов хеттского царства, найденных в Богазкёе в Капподокии, открыла новый индоевропейский язык, закрепленный слоговою клинописью. Язык этот был языком хеттского царства, возникшего около 1900 г. до хр. э. и исчезнувшего около 1200 г. до хр. э. Тексты относятся по большей части к периоду промежуточному между этими датами. Хеттский язык с тех пор исчез из употребления.

Традиция этого языка была утрачена, и истолкователям пришлось добираться до смысла наощупь. Они в этом успели благодаря тому, что в текстах одни слова написаны идеограммами и тем самым могут быть поняты, но не прочтены, а другие написаны фонетически, — следовательно, могут быть прочтены, но не поняты. Располагая в силу этого порядочным запасом слов, ученые смогли постепенно, путем сопоставления параллельных мест, гипотетически установить смысл некоторых фраз, что позволило в свою очередь истолковать некоторые слова, написанные фонетически. Мало-помалу смысла многих слов вполне выяснился даже без этимологических изысканий, осознана была морфологическая система в целом, так что теперь хеттский язык может привлекаться для сравнительного изучения.

Морфология хеттского языка — индоевропейская как по общей структуре, так и по отдельным ее формам; в частности она представляет много черт общих с другими языками на периферии индоевропейской языковой территории, сохраняющими архаичные особенности, как языки индо-иранские, италийские и кельтские. Но она проще индо-иранской или древнегреческой. Положение с гуттуральными то же, что и в общеиндоевропейском, сохранившееся также в западных языках.

У большинства корневых глаголов и существительных хеттского языка, грамматическая форма которого архаична, прозрачные индоевропейские этимологии. Вместе с тем, многие существитель-

ные и отыменные глаголы не могут быть признаны индоевропейскими по своему происхождению, и нам неизвестно, из какого языка они были заимствованы.

Ограниченность числа истолкованных текстов, запутанность системы письма, не приспособленной к индоевропейскому языку, невыясненность многих частных, далеко зашедшая эволюция языка в некоторых отношениях — все это не дает возможности использовать хеттский язык в той мере, в какой это представлялось бы желательным. Все же из него можно извлечь ценный материал, восходящий к эпохе, которая на несколько столетий древнее датировки самых ранних индо-иранских и греческих текстов.

Хеттский язык не был единственным индоевропейским языком на территории хеттского царства. В расшифрованных текстах появляются и другие языки, из которых по крайней мере один, именно лувийский, — индоевропейский. Но истолкование его еще настолько мало подвинулось, что использовать его нельзя.

Расшифровка хеттской клинописи ныне дополнена работой некоторых исследователей, в том числе г-на Грозного, по расшифровке так называемых иероглифических хеттских текстов. Язык этих текстов отличается от языка текстов аккадского (клинописного) письма, но близок ему. Если не оговорено противное, нами будет привлекаться язык клинописных текстов.

II. „ТОХАРСКАЯ“

В китайском Туркестане были найдены отрывочные тексты на двух языках, близко родственных друг другу, но географически отдаленных; один из них исследователи назвали „тохарский А“, другой — „тохарский В“. Области распространения языка А и языка В были в политическом отношении разъединены, и ученая лексика языка А совершенно отлична от В. Название „тохарский“, повидимому, неточно. Поскольку г. С. Леви установил, что на языке В говорили в Куче, примерно в VII в. хр. э., лучше было бы называть его „кучинским“. Писанные алфавитом индийского происхождения, эти тексты принадлежали буддийскому населению, и многие из них — переводы различных буддийских текстов. Благодаря этому они могли быть истолкованы вполне надежным образом. — Оба типа „тохарского“ языка вышли из живого употребления, не оставив никаких следов.

По своей морфологии, как и по своей лексике, „тохарский“ язык — язык индоевропейский; в нем есть следы некоторых

наиболее архаичных индоевропейских черт; но, в связи с поздней эпохой, к которой относятся известные нам его тексты, представляемые им формы обнаруживают далеко зашедшую эволюцию.

III. ИНДО-ИРАНСКАЯ

Индо-иранские языки включают две группы: индийскую и иранскую. Эти две группы представляют значительное число общих особенностей и отличаются одна от другой не более, чем, например, верхненемецкий язык от нижненемецкого. Народы, говорившие на этих языках, называли себя одинаково *ārya* — и имя Ирана сохраняет доныне это старинное название: род. мн. числа *aryānām* дал в среднеперсидском множ. число *ērān*, которое затем стало произноситься *īrān*. Этнического имени, соответствующего этому названию, нет ни в одном из прочих индоевропейских диалектов; поэтому только одни индо-иранские диалекты могут называться арийскими, и в Германии пользовались термином *arisch* в том самом смысле, в каком мы употребляем „индо-иранский“. Слово „арийский“ вовсе не употребляется в этой книге во избежание недоразумений.

В течение второго тысячелетия до хр. э. племена арья передвигались по территориям, граничащим с хеттским царством и с ассиро-вавилонскими областями. От XIV в. до хр. э. сохранился текст, свидетельствующий, что не-индоевропейский народ митанни поклонялся индо-иранским божествам Индре и Митре. Числительные, индо-иранские по форме, мы находим в тексте приблизительно той же эпохи, найденном в Капподокии. Таким образом, продвижение арья относится примерно к той же эпохе, что и появление хеттов. Но их язык получил письменное закрепление лишь позже.

1. ИНДО-ИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ ИНДИИ

Древнейшие датируемые тексты индо-иранских языков Индии, так называемых „индо-арийских“ языков, восходят ко времени не древнее середины III в. до хр. э.: это надписи великого буддийского царя Ашёки. Эти надписи, находящиеся в самых различных областях Индии, включая даже Декан, представляют местные редакции, различающиеся по областям, но имеют ту общую черту, что они не на санскрите, а на языках более поздней формы: самые древние датированные тексты Индии дают нам не древнеиндийский язык, а среднеиндийский.

Но у нас есть недатируемые тексты, которые, как явствует из их языка и содержания, значительно древнее надписей Ашэки: это ведийские тексты, и прежде всего сборник гимнов, которые произносились при жертвоприношениях одним из жрецов, называвшимся hotar. Эти гимны, сложенные стихотворными строфами, первоначально составляли несколько различных сборников, а затем были сведены в один, который известен под именем „Ригведы“ — Rgveda — „Веда (т. е. знание) гимнов“. Из всех индийских текстов это самый архаичный по языку; но форма его, изобилующая готовыми формулами, предполагает предшествующее литературное развитие и уже установившуюся традицию. Другие сборники гимнов, не менее древние по содержанию, с лингвистической точки зрения являются менее архаичными; таков самый важный из них — „Атхарваведа“ (Atharvaveda), включающий много магических формул; его „народный“ характер противопоставляется аристократическому характеру „Ригведы“. Прозаические тексты, брахманы (brāhmaṇa), где излагается теория ведийской религии, представляют еще более поздний облик санскрита. Язык брахман приближается к тому языку, правила которого изложил грамматик Панини (Pāṇini) и который, с небольшими отклонениями, стал языком великих эпических поэм „Махабхараты“ (Mahābhārata) и „Рамаяны“ (Rāmāyaṇa) и, наконец, языком индийской ученой литературы. Вся классическая литература относится уже ко времени позднее III в. до хр. э., т. е. к такому времени, когда ступень санскрита уже миновала в живом народном языке; следовательно, язык, на котором она написана, обязан своим существованием литературной и грамматической традиции и не может быть признан прямым и непосредственным памятником языка; поэтому лингвисты пользуются текстами классического санскрита только в тех случаях, когда соответствующий ведийский материал отсутствует или когда классический санскрит отражает отличный от ведийского диалектальный тип.

„Ригведа“ составлена на северо-западе Индии, именно в Пенджабе и области, непосредственно прилегающей к нему с востока. По крайней мере в своих древнейших частях она представляет относительно чистый диалект, основанный на северо-западных говорах, но уже носящий характер установившегося литературного языка со следами различных диалектальных влияний. Особенности позднейших текстов объясняются отчасти диалектальными различиями, отчасти развитием языка в течение столетий. Классический санскрит есть не что иное, как традиционный урегулирован-

ный грамматиками компромисс между ведийским языком и языками, на которых говорили позднее, главным образом к востоку от области древнейшего „ведийского“ языка. Ни для одного санскритского текста невозможно установить определенные диалектальные различия.

Среднеиндийский язык представлен древнейшими надписями со времен Ашёки, пали (священным языком южного буддизма) и пракритскими текстами. Практики — это литературные языки, употребляемые некоторыми, именно драматическими, писателями, которые влагают в уста действующих лиц сообразно с их общественным положением то санскрит, то тот или другой пракрит; в основе этих пракритов, используемых драматургами, лежит диалект шаураसेни. Язык древнейших надписей имеет, очевидно, местный, но не резко местный характер; с другой стороны, пракриты носят по большей части местные названия, как махаштри (māhāgāṣṭrī) „язык Махараштры“, шаураसेни (śaurasēnī) „язык страны Шурасены“ и т. д. Что бы мы ни думали относительно точности, с которою тексты воспроизводят то или другое местное наречие, несомненно, что в них нет почти ничего, что не находило бы себе объяснения в ведийском языке. Памятники среднеиндийского дают представление о развитии языка, но не позволяют предполагать, чтобы в Индии когда-нибудь в древности существовал диалект, который бы отличался от ведийского чем-либо, кроме подробностей второстепенного значения.

Все индо-иранские диалекты, на которых говорят в настоящее время в Индии, от Гималайских гор до Цейлона (сингальский язык — индо-иранский диалект), произошли, повидимому, путем постепенного распространения по всему полуострову тех диалектов, древнейшим представителем которых является язык „Ригведы“ и на которых говорили поселившиеся в Пенджабе арья, или же от весьма близких диалектов. Еще и теперь индо-иранские диалекты не распространены по всей Индии, и в областях, наиболее далеких от Пенджаба, т. е. на плоскогорьях, соседних с восточным побережьем, и на юге Декана, говорят на языках не-индоевропейских.

2. ИНДО-ИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ ИРАНА

Здесь различаются два древнейших письменных языка, однако похожие друг на друга:

а) „Древнеперсидский“ язык надписей Дария (царствовал с 522 до 486 г. до хр. э.) и его преемников, собственно язык Персиды,

писанный упрощенной клинописью; до открытия хеттского языка надписи Дария являлись самыми древними датированными индоевропейскими текстами значительного объема. В промежуток времени между падением ахеменидского царства и основанием царства сасанидского язык Персиды перестает употребляться официально. Он появляется снова, но уже в новой и гораздо менее архаичной форме, в той, которую ныне называют „парсик“, в „пехлевиийских“ надписях сасанидских царей; древнейшая из них принадлежит самому основателю сасанидской династии Ардаширу (Artaxšatr ī Pārakān — 226—241 хр. э.). Существует также целая литература поклонников Мазды на том же пехлевиийском языке «парсик» (pārsik), который сложился в эпоху националистического движения перед самым установлением сасанидской династии; и недавно в центральной Азии были открыты отрывки манихейских текстов на несколько более позднем варианте языка „парсик“, в которых система письма проще и яснее пехлевиийской системы маздеистов. Литературный новоперсидский язык появляется тогда, когда после арабского завоевания утверждаются национальные мусульманские династии, т. е. в IX в. хр. э.; с тех пор, если не считать перемен в мелочах, не произошло никакого существенного изменения этого языка, который был всегда официальным языком Персии и в основе которого лежит, повидимому, только небольшая группа местных говоров юго-западного Ирана.

б) Другой диалект «авестийский» (его иногда неточно называют „зенд“) сохранился в древнем религиозном тексте маздеизма, в „Авесте“. „Авеста“, от которой сохранилась только довольно небольшая часть, была составлена и окончательно отредактирована только в эпоху сасанидов; мы не знаем ни времени, когда различные ее части могли быть написаны, ни родины авторов. Текст содержит две различные части: с одной стороны — гаты (gāthā), которые почти все сложены строфами, подобными ведийским, и по архаичности не уступают самой „Ригведе“; с другой стороны — остальная часть книги, написанная на языке, который не был разговорным языком авторов, а был ученым языком, подобно латинскому языку меровингской или каролингской эпохи; в этой части много явных неточностей. Текст был сперва записан арамейским алфавитом, столь же бедным, как и развившийся из него пехлевиийский, затем, сообразно с традиционным, но искаженным произношением, он был транскрибирован описанным выше алфавитом; только эта транскрипция дошла до нас, и она дает во многих отношениях неточное представление о языке древних авторов „Авесты“.

Северо-западное пехлеви, о котором представление дают надписи сасанидских царей на так называемом „халдейском пехлеви“ (его для краткости называют „пахлавик“ — pahlavik), и некоторые тексты на манихейском пехлеви, основан на „парфянских“ говорах, древнейший тип которых не был, повидимому, далек от авестийского языка. Многочисленные слова, заимствованные армянским языком из иранского в аршакидскую эпоху, восходят к говорам этого типа.

Независимо от этих письменных языков, нам известно, более или менее частично, большое количество современных говоров, на которых говорят в области от Памира до Курдистана и от Белуджистана и Афганистана до Каспийского моря. Эти говоры дают возможность до некоторой степени заполнить пробелы, которые остаются вследствие неясности и краткости древних текстов.

Среди современных говоров „осетинский“, на котором говорят в горах Кавказа, представляет, повидимому, остаток древней скифской группы (совершенно отличной от указанных выше древнеперсидского и авестийского типов), древняя форма которой обнаруживается лишь в нескольких личных собственных именах области Черного моря. Он родственен языку недавно открытых в китайском Туркестане древних „согдийских“ текстов, который представлял другую разновидность скифской группы, и „ягнобскому“, на котором ныне говорят к востоку от Самарканда. Первые известные согдийские тексты восходят к первому столетию христианской эры, но важнейшие из них на несколько веков моложе; один из них датируется 728 г.

Памирские говоры образуют особую группу. Афганский язык является промежуточным звеном между ними и юго-западными диалектами, к которым относятся древнеперсидский и авестийский.

Кроме того, среди найденных в центральной Азии средневековых текстов обнаружен целый ряд произведений, написанных на восточноиранском диалекте южной области, на так называемом „сака“.

Вследствие отрывочности и краткости древних текстов при изучении иранского приходится прибегать в широкой мере к текстам промежуточной эпохи, на языках парсик, пахлавик или согдийском, и к современным говорам. Выводы, порою любопытные, представляются не всегда ясными, и затруднения, встречаемые при исследовании, велики.

Изю всех индоевропейских диалектов индо-иранский, в своих древнейших текстах, представляет наименьшее искажение общего

облика индоевропейской морфологии: только через него проявляется древняя роль корней; только в нем обнаруживается, в историческую эпоху, различие восьми падежей склонения и т. д. Вот почему сравнительная грамматика индоевропейских языков возникла лишь тогда, когда индо-иранские языки были сопоставлены с греческим, латинским и германскими языками, и без изучения древних индо-иранских текстов не представляется возможным в этой области предпринимать самостоятельное исследование или даже получить о данном предмете что-либо сверх самых общих представлений.

Но поскольку говорившие по-индо-ирански завоеватели распространили свою власть по обширнейшим территориям и навязали свой язык многочисленным народам, говоры Индии и Ирана очень рано стали видоизменяться, так что уже до начала христианской эры они оказались на уровне развития, сравнимом с тем, которого романские или германские говоры достигли десять веков спустя.

IV. ГРЕЧЕСКАЯ

Эллины появляются в истории несколькими столетиями раньше того времени, от которого дошли до нас первые памятники их речи. С середины второго тысячелетия до хр. э. хеттские цари вступают в сношения с народом, который они называют „Ahhiyawā“; но у нас нет уверенности, что под этим именем разумеются те самые индоевропейцы, которых Гомер называет Ἀχαιοί — „ахейцами“. Во всяком случае уже в X в. до хр. э. в одном египетском памятнике упоминаются морские разбойники Akaiwiši. Вот к какому времени относится, таким образом, расселение эллинов, закончившееся к моменту начала исторической эпохи в Греции.

С самого начала литературной и эпиграфической традиции, т. е. с VII по V в. до хр. э., каждый из греческих городов имел свой говор, но эти говоры не настолько сильно отличались друг от друга, чтобы воспрепятствовать осознанию основного единства языка; эллин со своим говором в общем мог быть понят в любом месте эллинской области. Деление на диалектальные группы следующее:

1. ИОНИЙСКО-АТТИЧЕСКАЯ

а) Ионийский диалект был распространен в двенадцати городах Малой Азии (Геродот различал четыре говора: милетский, эфесский, самосский и хиосский, которые мы не можем характери-

зовать на основании известных нам текстов), на части Кикладских островов (Парос, Фасос, Наксос, Кеос), на острове Эвбее и сверх того в многочисленных колониях, вплоть до Италии; надписи отмечают немногочисленные особенности, свойственные каждому отдельному городу. С VI в. на ионийском диалекте пишут поэты, как Архилох из Пароса и Каллин из Эфеса, а с V в. и прозаики, как Геродот (около 484—425 гг. до хр. э.), Гиппократ и авторы гиппократовского «свода». Так как Иония была первою областью греческого мира, развившею высокую цивилизацию, то она уже с самого начала исторической традиции является обладающею общим языком, единственным языком письменности, в котором сглаживается большинство местных особенностей.

б) Аттический диалект во многих отношениях очень близок к ионийскому. Он известен с VII в. до хр. э. по многочисленным надписям и по богатой стихотворной и прозаической литературе, первые памятники которой носят следы сильного ионийского влияния. По принятому обычаю, греческие слова приводятся здесь в аттической форме, ибо аттический есть единственный греческий говор, известный нам достаточно полным образом. Надписи, стихотворные тексты, в которых размер часто помогает установлению правильного чтения, творения Платона, отлично сохранившиеся, и другие аттические тексты, многие из которых дошли до нас в прекрасном состоянии, все это дает совокупность сведений исключительной ценности. То, что мы знаем, — это изящный язык, принятый в городе, язык, на котором писали лучшие авторы, на котором, вероятно, говорили образованные люди, высшие классы афинского общества. О народном говоре почти ничего не известно.

2. АХЕЙСКАЯ (АРКАДО-КИПРСКАЯ)

Диалектальные надписи Кипра, хотя по большей части и не древнее IV и V вв. до хр. э., представляют, однако, особенный интерес тем, что написаны особым силлабическим алфавитом, отличным от обычного греческого алфавита. У аркадского диалекта некоторые черты общие с ионийским. Памфилийский диалект, на котором дошло несколько надписей, принадлежит к одной группе с аркадским и кипрским; он является в Малой Азии остатком ахейского, который простирался в древнейшее время, должно быть, на восток до Кипра и наличие которого можно проследить также на севере и западе.

3. СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЕ ГОВОРЫ

(Беотия, Фессалия, Лесбос и эолийские города Малой Азии)

Лесбийские поэты конца VII и начала VI в. до хр. э., Алкей и Сафо, писали на наречии своего родного острова Лесбоса: это эолийский литературный диалект. Коринна писала пс-беотийски в V в. до хр. э. Фессалийский и беотийский диалекты известны главным образом из надписей. Беотийские надписи особенно интересны тою заботливостью, с которою они отмечают местное произношение в различные времена.

4. ЗАПАДНАЯ ГРУППА

Дорийские говоры, широкое распространение которых связано с нашествием дорян, последним из эллинских нашествий, значительно отличаются между собою: отсутствие на первых порах определенного литературного диалекта дало возможность каждому городу точно отмечать местные особенности. К дорийскому диалекту относятся: Лакония со своими колониями, Тарент и Гераклея, Мессения, Аргос, Коринф со своими колониями, Коркира и Сиракузы, Мегара с колониями, Крит, где каждая местность имеет свои особенности, дорийские острова: Эгина, Кос, Фера, основавшая Кирену, и др. Дорийский диалект известен главным образом из надписей, важнейшие из которых — Гортинские законы (Крит) и Гераклеийские таблицы. Литературные тексты — немногочисленны, плохо сохранились и дают довольно смутное представление о диалекте. Язык хоровой лирики — искусственный. Ввиду отсутствия установившегося литературного языка надписи большей части городов не имеют установившейся орфографии и обнаруживают расхождение в формах; это отсутствие единства особенно заметно в надписях Лаконии и Кирены. В Сицилии и Италии существовал общедорийский язык, представление о котором дают отрывки из Эпихарма, несколько идиаллий Феокрита и проза Архимеда. Но из этой области диалектальные надписи являются редкостью, а тем самым у нас нет способа проверить свидетельство текстов.

От северо-западных говоров (Эпир, Этолия, Локрида, Фокида и др.) сохранились только надписи. Лучше других известен говор Дельф, историю которого можно проследить с V в. до хр. э. Элейский говор, принадлежащий к той же группе, известен тоже только по надписям, преимущественно из Олимпии. Все эти говоры не отличаются ничем существенным от дорийского.

Гомеровские поэмы „Илиада“ и „Одиссея“, главные части которых старше всей прочей греческой литературы и авторы которых, касаясь древнего периода, игнорируют дорийское нашествие, сложены на литературном языке, имеющем на первый взгляд общий облик ионийского, под которым, однако, чувствуется древний эолийский элемент. Гомеровский язык не представляет какого-либо местного говора какой-либо определенной эпохи: в нем много готовых формул, восходящих ко времени, несомненно, более старому, чем сами поэмы; он сохраняет по традиции много эолийских форм и в целом отражает состояние более древнего языка, чем все прочие тексты; так, например, в нем еще не сложилась грамматическая категория артикля.

Местные говоры прекратили свое существование: с IV в. до хр. э. на основе аттического диалекта с заметным влиянием ионийского, особенно в области лексики, устанавливается общий язык, „койнэ“ (κοινή), которая постепенно устраняет местные особенности; к этой именно эллинистической „койнэ“ восходят, как правило, говоры новогреческого языка.

Древнегреческий — единственный индоевропейский язык, известный нам почти с такого же древнего времени, как и индоиранские; индоевропейская морфология сохранилась в нем хуже, но вокализм сохранился в форме гораздо более ясной. Поэтому знание древнегреческого языка, и в особенности гомеровского, с его архаизмами и древними формулами, не менее необходимо компаративисту-языковеду, чем знание индоиранских языков.

V. ИТАЛИЙСКАЯ И КЕЛЬТСКАЯ

Диалекты италийские и кельтские, весьма между собою различные на первый взгляд, обнаруживают во многом общие особенности: род. пад. на -ī от основ на -o-, формы глаголов страдательных и отложительных, формы сослагательного наклонения на -ā и -s-, независимые от прочих глагольных основ, например *uepat* „я пришел бы“ при *ueīō* „прихожу“ и *ueīn* „я пришел“ и т. д. Италийские и кельтские языки представляют один и тот же индоевропейский диалект, и отделились они от общепиндоевропейского, должно быть, одновременно и очень давно, конечно, раньше германских и греческого. Потом они разделились, чем и объясняется их расхождение во многих отношениях, и это несмотря на вероятную общность их исходного состояния.

1. ИТАЛИЙСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

Не считая языков хеттского, индо-иранских и греческого, единственная большая группа индоевропейских языков, засвидетельствованная памятниками до начала христианской эры, — это группа так называемых италийских диалектов. Все языки Италии письменно закреплялись при помощи алфавитов греческого происхождения. Этрускский язык, который относится к индоевропейским вообще нет никаких оснований, не входит в эту группу; ничего не имеют общего с этими диалектами и некоторые индоевропейские говоры, от которых сохранились краткие надписи, толкуемые гипотетично, как то: венецкий и мессапский. Италийские диалекты распадаются на две группы: латинскую и оско-умбрскую.

1. Латинский язык, представленный говором города Рима и его ближайших окрестностей, несколько известен нам только со второй половины III в. до хр. э. Более древние недатированные тексты имеют очень мало значения. Очень мало известно нам о сельских говорах, которые, судя по древним надписям Пренесты, заметно отличались от римского говора. Язык высшего римского общества, подвергшийся сильному греческому влиянию, сделался языком великой цивилизации и был строго нормирован еще до конца республиканской эпохи. Тип его еще довольно старый, как у языков индо-иранских и греческого, но развитие его уже значительно продвинулось; и в фонетической и в морфологической его системе много новых черт.

Вследствие римского завоевания этот обработанный в своих формах латинский язык сделался языком всей западной половины Римской империи, а когда империя пала, он стал развиваться независимо в каждой отдельной местности. Вместе с образованием новых европейских наций появился и ряд самостоятельных языков, представляющих видоизменения латинского: итальянский, испанский, португальский, французский, провансальский, румынский и др. Начиная с XVI в. европейская колонизация дала новое распространение этим позднейшим формам латинского языка: португальский язык стал языком Бразилии, испанский — остальной части Южной Америки и Центральной Америки к северу до Соединенных Штатов; на французском говорят в Канаде, в Алжире и в большом числе пунктов Америки, Африки и Азии. Благодаря этому последовательному распространению говор города Рима охватила обширные территории почти во всех частях света.

2. От оско-умбрских диалектов сохранились лишь жалкие остатки:

а) Умбрский язык известен почти исключительно по „Эвгубинским таблицам“, содержащим жертвенный ритуал; этот текст не датирован, относится к эпохе до христианской эры и написан частью особым алфавитом, частью латинским.

б) От оскского языка также сохранились лишь надписи, найденные в Бруттии, в Лукании, в Кампании (именно в Помпеях, Абелле и Капуе) и на север вплоть до Самния включительно.

Оскский и умбрский диалекты сильно отличаются от латинского языка, хотя и обнаруживают много общих с ним новых черт: в них сохраняются во многом следы первоначальной общности.

Различные италийские диалекты все уступили место латинскому языку в начале христианской эры.

Часто сближают латинский язык с греческим, но с лингвистической точки зрения латинский язык близок к греческому лишь постольку, поскольку он литературный язык, скалькированный с греческого. И если есть группа диалектов, доистория которых позволяет их сближать с италийскими, то это кельтские диалекты.

2. КЕЛЬТСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

Кельтские говоры известны по памятникам либо весьма отрывочным, либо весьма поздним. Различаются три группы:

1. Гальский язык, который благодаря военным походам распространился с начала последнего тысячелетия до хр. э. в Галлии и северной Италии и даже в Малой Азии; он исчез повсюду начиная с первых веков христианской эры. От него не дошло ни одного пространного текста. Однако имена собственные, сообщаемые греческими и латинскими источниками, позволяют составить некоторое представление о его фонетике, которая имеет очень архаичный вид. Надписи, из которых главная — календарь, найденный в Колиньи (департамент Ain), слишком редки и слишком неясны, так что не дают представления о морфологии и синтаксисе.

2. Бриттский язык, распространившийся, повидямому, на всю Великобританию, вытесненный германскими языками и представленный только тремя сравнительно поздними формами, аналогичными по уровню развития с романскими языками:

а) валлийский диалект, в Уэльсе, засвидетельствованный литературными текстами с XI в. и еще живой;

б) корниский диалект, в Корнуэльсе, известный по глоссарию XIII в. и по нескольким текстам начиная с XV в.; вымер в XVIII в.;

в) бретонский диалект, известный по некоторым глоссам, начиная с VIII в., а по литературным текстам с XIV в.; на нем еще говорят в сельских местностях Бретани. Бретонский язык не есть остаток галльского языка: это язык переселенцев, пришедших из Великобритании главным образом во время саксонского завоевания.

3. Гаэльский язык, засвидетельствованный примерно с IV в. хр. э. так называемыми „огамическими“ надписями, краткими и мало поучительными, затем многочисленными ирландскими глоссами начиная с VII в. хр. э., а далее богатой ирландской литературой. На нем говорят до настоящего времени в окраинных частях Ирландии и Шотландии и на острове Мэн (только старики). Из всех кельтских диалектов один только ирландский язык в своей древнейшей форме сохранил богатое и архаичное словоизменение. Но древнейшие тексты представляют лишь глоссы, не носящие подлинно литературного характера; они к тому же были написаны в такое время, когда язык быстро менял свой облик и древний его тип уже был изменен. Они поучительны, но использование их представляет затруднения.

VI. ГЕРМАНСКАЯ

Нововведения, общие всем германским диалектам, весьма существенны: силовое ударение на начале слова, полное изменение в произношении смычных, особое склонение прилагательных, своеобразие структуры глаголов. Германские диалекты образуют три группы:

1. „Готскую“, представленную остатками перевода библии, сделанного в IV в. хр. э. епископом Мезии Вульфилой с помощью алфавита, тщательно приспособленного к фонетике языка, и по определенной системе; несколько грамот, составленных в VI в. в Италии, написаны примерно на том же языке, который был далеко занесен с юго-востока Европы во время великого переселения народов. В XVI в. в Крыму еще было население, говорившее, по видимому, на готском языке; несколько слов этого языка записал голландец Бусбек. В других местах готский язык вымер очень рано.

2. Северногерманскую, так называемую „нордическую“, представленную прежде всего короткими руническими надписями,

из которых самые древние относятся ко времени не раньше III в. хр. э. Эта группа включает несколько диалектов:

а) Исландский: самые древние рукописи восходят к концу XII в. Язык, сохранившийся в этих рукописях, называют древнеисландским, и его обыкновенно цитируют в сравнительной грамматике как представителя северногерманской, „скандинавской“ языковой группы.

б) Норвежский, очень близкий к исландскому и представляющий собственно наречие того же языка; засвидетельствован памятниками приблизительно с того же времени.

в) Шведский.

г) Датский.

3. Западногерманскую, менее однородную, чем северногерманская. В ней различают:

а) Верхненемецкий, который сам вовсе не однороден: каждый текст представляет особый говор. От VIII в. мы не имеем почти ничего, кроме глосс. Литература, носящая почти исключительно монастырский характер, начинается с IX в. Собственно верхненемецкий диалект включает баварский и алеманский; второй из них представлен Бенедиктинскими правилами Сант-Галлена (IX в.) и сочинениями Ноткера, сант-галленского монаха (X в.). Франкский диалект в своих различных формах есть язык Трира, Кельна, Фульды, Вюрцбурга, Бамберга, Майнца, Франкфурта, Вормса, Шпейера. Подобно ирландскому языку, немецкий записывался по большей части без определенной системы, и до нас дошло столько типов этого языка и в стольких орфографиях, сколько было монастырей, в которых писали, и даже сколько было отдельных текстов. — Новейший литературный немецкий язык образовался в городах Саксонии, колонизованных в средние века, и основан преимущественно на говорах франкского типа.

б) „Нижненемецкий“ в древнейшей форме сохранился в поэме „Heliand“, составленной около 830 г. и дошедшей до нас в рукописях IX и X вв. Язык этой поэмы и некоторых других более поздних и называют нижненемецким. Единственный литературный язык, являющийся в настоящее время представителем нижненемецких диалектов, это — голландский, или фламандский; но во всей Германской низменности к востоку от области Рейна местные говоры являются нижненемецкими. Голландский язык был перенесен в Южную Африку старыми европейскими колонистами, бурами.

в) Фризский и древнеанглийский. Язык англов и саксов сделался языком большей части Великобритании. На нем сохранились памятники с заметными диалектальными различиями, начиная с IX в., и под именем древнеанглийского или англосаксонского преимущественно разумеют язык Альфреда Великого и Альфрика. Орфография и некоторые черты языка различны в разных текстах. В новое время английский язык стал языком Америки на север от Мексики, а также Австралии и многих других более или менее обширных областей в разных частях света.

VII. БАЛТИЙСКАЯ И СЛАВЯНСКАЯ

Здесь различаются две группы: балтийская и славянская. Многочисленные черты сходства между ними вызваны не столько поздним отделением этих языков, сколько параллелизмом их дальнейшего развития, ибо наблюдаемые в них новшества скорее сходного, чем тождественного характера. Склонение, сохранившее старей характер, сходно в обеих группах; спряжение же весьма различно, так как изобилует новыми чертами. Своеобразно архаичный облик балтийских и славянских языков обусловлен, с одной стороны, тем, что фонетические изменения в них почти не нарушили общей структуры слов — в меньшей степени, чем, скажем, в древнегреческом, — а с другой стороны, тем, что в них сохранилось очень богатое именное склонение, и различение почти стольких же падежей, как в древнем индо-иранском, способствовало сохранению древнего типа предложения.

1. БАЛТИЙСКАЯ ГРУППА

А. Древнепрусский, в настоящее время мертвый и известный только по одному словарю XV в., содержащему 800 слов, и по переводу трех небольших катехизисов и лютерова „Энхиридиона“ (последний датирован 1561 г.).

Б. Литовско-латышский, который обнимает две диалектальные группы, существующие до настоящего времени:

а) Литовский. Самый древний текст относится лишь к 1547 г. Главные различия, наблюдаемые между говорами различных местностей Литвы, появляются уже в самых древних текстах XVI и XVII вв., и современный язык, если не считать утраты нескольких архаизмов, очень мало отличается от языка XVI в. Литовский язык замечателен некоторыми чертами, производящими впечатление индоевропейской древности: в XVI в. и даже в на-

стоящее время мы находим в литовском формы, совершенно совпадающие с ведийскими или гомеровскими, например *ĕsti* „есть“ = скр. *ásti*, гр. *ἔστι*, или *gývas* „живой“ (у обозначает долгое *i*) = скр. *jíváh*, лат. *uivós*. Однако ввиду позднего времени, с которого он известен, литовский язык представляет грамматическую систему, не одинаковую с индоевропейской: в частности, структура глагола — совершенно новая. Древнепрусский язык не менее архаичного характера, но он известен слишком недостаточно, и потому в сравнительной грамматике для характеристики балтийской группы обыкновенно приводят формы западнолитовского литературного языка.

б) Латышский известен приблизительно с того же времени, но сравнительно с литовским в более измененном виде.

Были и другие балтийские языки, например курский. Но от них ничего не сохранилось.

Даже в своей современной форме, под которую их обычно цитируют, языки — литовский и латышский, еще в XIX в. продолжавшие быть крестьянскими языками, обнаруживают структурные формы древнего типа и заключают в себе такие языковые факты, равноценных которым мы не находим в латинском и готском, известных нам столетиями раньше; в этом проявляется исключительный архаизм этих языков.

2. СЛАВЯНСКАЯ ГРУППА

Начиная с первых текстов, древнейшие из которых восходят ко времени не древнее IX в. хр. э., славянский язык представлен несколькими диалектами, которые делятся на следующие три группы:

А. Южная группа. а) Македонский и болгарский. Славянские апостолы Кирилл и Мефодий, родом из области Салоник, и их ученики перевели в IX в., возможно, на свой родной диалект, но для южных славян, евангелие и другие тексты, необходимые для христианского богослужения и проповеди христианства. Язык этих переводов, сохранившийся в нескольких недатированных болгарских рукописях X—XI вв., называют древнеславянским и обыкновенно приводят в сравнительной грамматике как представителя славянской группы языков. Этот язык имеет много диалектальных различий, и ошибочно было бы считать остальные диалекты происходящими от него; но это самый древний и самый архаичный из известных нам славянских диалектов; он еще очень близок к общеславянскому, и в то время, когда он был закреплен

письменностью, его, повидимому, легко понимали во всей области славянских говоров. Язык этих старинных переводов, сделанных в болгарском царстве, оставался в средние века религиозным и научным языком всех славян, принадлежавших к восточной церкви; но в каждой стране, где его употребляли, он принял особый вид, так что есть „церковнославянский“ язык Болгарии, Сербии и России; поэтому ни один из древних документов этих стран не может быть признан точным представителем местного говора: древнеславянская традиция всегда более или менее подчиняет себе писателей и писцов; еще и теперь русская орфография представляет особенности, обязанные своим происхождением влиянию древнеславянского языка. Говоры Македонии и Болгарии сильно разошлись друг от друга; это в настоящее время наиболее изменившиеся славянские языки. — Литературный болгарский язык основан на говорах, отличных от македонских.

б) Сербо-хорватский (прежние королевства Сербия и Черногория, прежние Далмация, Босния и Хорватия: большинство сербо-хорватских говоров находится в пределах Югославии).

в) Словинский. Если не считать нескольких отдельных страниц Фрейзингенских памятников, этот диалект засвидетельствован лишь с XV в.; словинские говоры (на юге прежней Австрии и отчасти в Италии) довольно отличны друг от друга.

Б. Русская группа. Здесь различают украинский, иначе русинский, и русский. Если не считать белорусских говоров на западе, русские говоры остались замечательно близки друг другу. Русский язык лишь в недавнее время сделался языком большинства местностей, где на нем говорят: Москва возникла в XII в., а Нижний Новгород был основан в 1220 г. на территории с мордовским населением (следовательно, угрофинского языка); распространение русского языка среди финского населения Волжского бассейна происходит еще и в настоящее время. С другой стороны, границы русского языка на востоке непрерывно подвигаются все дальше и дальше: в Сибири он достиг берегов Тихого океана, и в то же время он распространяется к югу от Кавказского хребта и в Закаспийской области.

В. Западная группа. а) Чешский (и словацкий).

б) Лужицкий (сорабский) в Лузании; на нем говорит лишь несколько десятков тысяч человек.

в) Полабский, на нижнем течении Эльбы, в Ганновере; вышел из употребления в течение XVIII в.; представлен несколькими текстами, относящимися ко времени перед самым его исчезновением.

г) Польский (и некоторые говоры, весьма отличные от польского, как то: словинецкий и кашубский).

Народности, говорящие на этих языках, принадлежат или принадлежали до реформации к римско-католическому вероисповеданию. Поэтому сохранившиеся средневековые чешские и польские тексты написаны латинским алфавитом и представляют по сравнению с современными им текстами других славянских диалектов то преимущество, что они вообще избежали влияния древнеславянского языка и по возможности точно отражают язык их составителей и писцов. Но в большинстве своем они относятся к позднему времени.

Славянские диалекты, подобно балтийским, затронуты были средиземноморской культурой лишь во второй половине первого тысячелетия христианской эры; несмотря на относительно позднее время их засвидетельствования, они сохраняют архаичный облик, и нам в некоторых случаях, особенно в отношении ударения, не обозначавшегося в древних текстах, постоянно приходится использовать современные формы русские, сербские и болгарские. К тому же только сравнение различных диалектов дает возможность использовать общеславянский язык.

VIII. АЛБАНСКАЯ

Албанский язык известен лишь с XVI в. и в формах, достигших значительной степени эволюции; значительная часть его лексики состоит из слов, заимствованных из языков латинского, греческого, турецкого, славянских и итальянского.

IX. АРМЯНСКАЯ

Армянский язык засвидетельствован переводом священного писания и литературой, древнейшая часть которой состоит из переводов с греческого и сирийского; традиционная дата начала этой литературы — V в. хр. э. К древнему периоду относится только этот письменный язык, сохранный рукописями не ранее IX в. Современные диалекты, различающиеся между собою не настолько, чтобы не давать возможности армянам сколько-нибудь понимать друг друга, не предполагают существования резко расходящихся диалектов в момент возникновения литературы. С XI в. характер языка стал уже отличаться от древнего типа, и важнейшие расхождения между нынешними говорами были уже налицо. — Армянский язык долгое время ошибочно причи-

сложились к индо-иранской группе; в действительности же армянский язык лишь заимствовал множество слов из парфянских и персидских говоров иранской группы.

Семь последних из перечисленных нами групп представлены как более или менее древними литературными и эпиграфическими текстами, так и современными живыми говорами.

Собственные имена и немногочисленные надписи, сомнительно толкуемые, дают представление, весьма смутное, о языках восточной Италии, именно о венецком и мессапском (в Калабрии). То немногое, что мы знаем о фригийском языке, не позволяет нам даже ни утверждать, ни отрицать того, будто, как говорят древние писатели, армянский язык есть разновидность фригийского: наоборот, связь фракийского с фригийским, на которую также указывают древние, проглядывает в тех именах собственных, которыми мы располагаем. Мы не в состоянии определить, является или нет эллинским диалектом македонский язык, от которого до нас дошло несколько слов, но ни одной строки связанного текста; если он действительно эллинский диалект, то во всяком случае весьма отклонившийся. Имена собственные и дошедшие до нас глоссы недостаточны для решения вопроса, относится ли лигурский язык к числу индоевропейских. Предполагалось и раньше, а неожиданная находка хеттских и тохарских текстов подтвердила это предположение, что многие индоевропейские языки исчезли, не оставив следов.

То, что удалось истолковать в ликийских и лидийских надписях, показывает, что языки ликийский и лидийский, различающиеся между собою, далеки от индоевропейского типа, хотя и напоминают его некоторыми своими чертами; из прочих языков Малой Азии язык карийцев известен еще мало.

Самой характерной особенностью истории индоевропейских языков является их постоянно возрастающее распространение. Проникновение индо-иранских языков в Индию в значительной мере факт исторический, и оно продолжается донныне. Еще в V в. до хр. э. на Крите было население не-греческого языка; это так называемые этеокриты, от которых сохранились надписи, смысл коих неизвестен. С Пиренейского полуострова иберский язык был вытеснен только латинским, и баскский язык поныне свидетельствует о не-индоевропейском характере языков, на которых некогда говорили в этой части Европы. Наконец, распространение романских языков (испанского, португальского и французского), английского и русского относится к последним столетиям.

а в некоторых местах оно началось лишь за последние годы. Даже там, где индоевропейские языки были оттеснены языками неиндоевропейскими, они все же полностью не исчезли: в Малой Азии турецкий язык не вытеснил окончательно курдского (одного из иранских диалектов), и понадобились жестокие резни и недавно произведенные обмены населения, чтобы почти уничтожить там греческий и армянский; к тому же еврейская иммиграция XV—XVI вв. принесла туда испанский язык.

Нет никаких исторических свидетельств, указывающих, каким образом индоевропейские языки распространились почти по всей Европе и по части Азии; можно усмотреть единственно только то, что по соседству с народами, владевшими письменностью, с разных сторон подвигались и устанавливали свое господство племена индоевропейского языка — ария, хетты, ахейцы. До тех пор о них ничего неизвестно; ибо народы индоевропейского языка научились писать только от народов, говоривших по-семитски, и к тому же лишь тогда, когда семиты писали уже в течение столетий: хетты восприняли письменность из вавилонского мира, греки — от финикийцев, а затем вся Европа — от греков, прямо или косвенно.

Но хотя нет ни одного текста, позволяющего проследить развитие событий, в течение которых индоевропейские диалекты распространились на Европу и на часть Азии, все же мы в праве предположить, что это распространение совершалось теми же путями, какие мы наблюдаем в историческую эпоху: путем завоевания, путем медленного просачивания, путем колонизации с последующим вытеснением языка побежденных языком завоевателей и языка первоначального населения языком колонистов. Разумеется, нельзя установить в каждом отдельном случае, какова была пропорционально доля колонизации, с одной стороны, и завоеваний — с другой; в историческую эпоху индоевропейские завоеватели старались эксплуатировать покоренное население, но в общем не истребляли тех этнических групп, на которые наталкивались. Кроме того, народ, происходящий от смешения колонистов и туземцев, первоначально говоривших на разных языках, но затем достигших единства языка, может в свою очередь сделаться завоевателем и колонизатором: таков современный английский народ, некогда говоривший по-кельтски и воспринявший германский язык от завоевателей англов, саксов и ютов. Таким образом, язык зависит от исторических условий и вообще не зависит от расы, которая есть понятие физического порядка. Понятие индоевропейских языков есть нечто вполне определенное, но только

как понятие исторического порядка; оно означает только, что в течение определенного времени существовали народности, говорившие на едином языке и имевшие единство культуры. Понятие „индоевропейской расы“ закономерно было бы лишь в том случае, если бы было признано, что такие-то народности произошли от предков, наделенных одинаковыми анатомическими особенностями, или если бы в какой-либо данный момент эти народности отличались общностью анатомического и физиологического типа. Но нет никакого основания полагать, что границы индоевропейских языков и установленной таким порядком расы совпали бы. В действительности народности, говорящие на индоевропейских языках, издавна различаются по своему внешнему облику и не наделены никаким общим физическим типом, который бы их отличал от народностей, говорящих на иных языках. Еще менее есть средств доказать, будто народности, говорившие на индоевропейских языках, происходили от общих предков. Поэтому в этой книге, посвященной языкам, нет места вопросу о расах.

Единство явлений культуры, изучаемых доисторической археологией, также не влечет за собой единства языка; и при нынешнем состоянии знаний редко бывает возможно связать теории археологов с теориями лингвистов.

Сверх того, неизвестно, ни где, ни когда, ни кто говорил на языке, из которого развились исторически засвидетельствованные языки и который условно называют индоевропейским. Долгое время думали, без достаточного основания, что это было в Азии; затем показалось более правдоподобным, что на индоевропейском языке говорили в Европе, не в средиземноморской области и не на западе, а в северо-восточных областях. Теперь начинают возвращаться к предположению об азиатском происхождении; быть может, дело идет об области, где граница между Европой и Азией не устанавливается с полной точностью. В самое последнее время стали даже подумывать о западе Европы. Этот вопрос, интересный более для историка, чем для лингвиста, не может быть решен путем изучения лингвистических данных. Впрочем, лингвисту нет вообще другого дела кроме как истолковывать системы соответствий, устанавливаемые между разными языками; а где бы ни говорили на „индоевропейском языке“, в Европе или в Азии, это ничего не меняет в этих системах, которые одни представляют осязаемую реальность и, следовательно, единственный предмет сравнительной грамматики индоевропейских языков.

Можно условно называть „индоевропейскими племенами“ те

группы людей, которые говорили на „индоевропейском языке“, предполагаемом доисторическом источнике этих соответствий. Но в применении к любому историческому периоду, древнему или новому, можно говорить только о „народах индоевропейского языка“; выражение „индоевропейские (или неточно „арийские“) народы“ лишено смысла. Многие, вероятно, большинство, из тех людей, которые ныне говорят на одном из индоевропейских языков, происходят от предков, говоривших в эпоху существования индоевропейского языка на другом языке, и мы не знаем, у кого из них большая и у кого меньшая пропорция предков „индоевропейцев“ и кто вовсе иного происхождения. Выражения „семитские народы“, „угрофинские“ и т. п. равным образом лишены смысла, как и выражение „латинские народы“ или „романские“; есть романские языки, но нет романских народов; есть индоевропейские языки, но нет индоевропейских народов.

За отсутствием всяких письменных документов, нет никакого средства определить, с точностью до нескольких столетий, время разделения индоевропейских диалектов, так как быстрота эволюции языков различна в различных случаях, и нет никаких данных считать, чтобы это произошло, скажем, до написания древнейших текстов Вавилона и Египта; начало третьего тысячелетия до хр. э. может быть принято как наиболее вероятная дата. „Индоевропейский язык“ есть древняя форма индоевропейских языков, но он, как мы видим, не первобытный язык.

Как французский язык есть форма, принятая латинским языком, а латинский — форма, принятая индоевропейским в течение исторического развития, так и индоевропейский язык есть форма, принятая каким-то языком, на котором говорили раньше. Чтобы объяснить индоевропейский язык, нужно было бы предварительно показать, что существуют родственные ему другие языки, относящиеся к нему, как греческий и санскрит, скажем, к латинскому; если, как это кажется, языки индоевропейские, кавказские со средиземноморскими, от ликийского до баскского, и угрофинские произошли от одного наречия, то возможно создание новой сравнительной грамматики для более древнего периода (ср. стр. 71—72). Но до сих пор это еще не доказано, и „индоевропейский язык“, как он был определен выше, на стр. 68—69, является единственным предметом настоящего труда, потому что только в отношении его у нас уже есть строгие доказательства и точные теории, признанные компетентными учеными.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ФОНЕТИКА

ФОНЕМЫ

Фонетическая система индоевропейского языка состояла из трех видов фонем: 1) согласные в собственном смысле, включающие две разновидности, различаемые по способу артикуляции: смычные и свистящие; 2) гласные; 3) сонанты.

1. СМЫЧНЫЕ И СВИСТЯЩИЕ

СМЫЧНЫЕ

„Смычные“, называемые также „немыми“ или „мгновенными“, характеризуются остановкою потока воздуха в какой-либо точке полости рта; в момент образования смыка поток воздуха останавливается, это — „имплозия“; в момент прекращения смыка поток воздуха резко возобновляется, это — „эксплозия“.

Если давление, производимое для образования смыка языком на нёбо или губами друг на друга, сильно, смычные называются „сильными“, таковы фр. *p, t, k*; если же давление слабо, они называются „слабыми“, таковы фр. *b, d, g*. Если в какой-нибудь момент от имплозии до эксплозии (включительно) смык сопровождается вибрацией голосовых связок, согласная является „звонкой“, таковы фр. *b, d, g*, сопровождаемые вибрацией с самого начала имплозии, или арм. *b, d, g*, дополненные вибрацией голосовых связок в некоторых диалектах только в момент эксплозии; если нет вибрации голосовых связок, смычная является „глухой“, таковы фр. *p, t, k*. Звонкие всегда бывают слабыми, а сильные — всегда глухими, но обратное не всегда справедливо; у эльзасцев, например, есть слабые смычные, не являющиеся звонкими. Если поток воздуха продолжается после эксплозии,

без вибрации голосовых связок, до начала следующей гласной, смычная называется „придыхательной“; придыхательная смычная обыкновенно бывает слабой.

Если смык образуется движением губ, получаются губные; если он образуется соприкосновением края языка с нёбом, — зубные; наконец, если он образуется соприкосновением поверхности языка с нёбом, получаются „гutturальные“. Смыки могут образовываться в различных точках нё а; зубные производятся на высоте альвеол или выше альвеол, или еще далее кзади; так, французский язык обладает зубными в собственном смысле, а английский — „какуминальными“ (так называемыми „церебральными“). Точно так же, в зависимости от того, прикасается ли поверхность языка к передней, средней или задней части нёба, мы различаем „передненёбные“, „средненёбные“ и „задненёбные“ (обыкновенно называемые „веларными“, так как соприкосновение происходит на уровне нёбной занавески — по-латыни *velum palati*). Между соседними рядами точных границ нет. Вследствие резкого изгиба передней части нёба, в этой области трудно образовать полный смык прикосновением поверхности языка: передненёбные звуки допускают полный смык лишь с большим трудом; они „смягчаются“, что обозначается значком после буквы (так, *k'* означает передненёбное смягченное *k*), и стремятся превратиться в полусмычные, каковы сл. с (*ц*) и *č* (*ч*) и; наконец, в фонемы спирантного типа; так, лат. *s* (обозначающее *k*) дало в древнефранцузском *č* (*tš*) перед *a*, например, *char* (из *carrum*) и *s* (*ts*) перед *e* и *i*, например *sendre* (из *cinerem*), и эти *č* (*tš*) и *s* (*ts*) привели к совр. фр. *š* и *z* в таких словах, как *char* „колесница“, *sendre* „зола“.

Смычные составляют единственно полную часть индоевропейской фонетической системы. С точки зрения силы, звонкости и придыхательности в них различаются: глухие, так называемые придыхательные звонкие, простые звонкие и, сверх того, менее важный ряд придыхательных глухих, возможно, сильных.

Придыхательные глухие часто чередуются с простыми глухими или с придыхательными звонкими; они, повидимому, часто носят характер экспрессивных фонем и относятся к „народной“ манере произносить некоторые слова.

Различение между глухими, звонкими и придыхательными звонкими исчезло в некоторых языках. Их нет в „тохарском“, в котором налицо только простые глухие. В хеттском преобладает обозначение простых глухих; впрочем, в некотором числе слов есть и следы звонких; проблема, преимущественно филологического

порядка, распределения смычных в хеттском языке еще не решена окончательно.

В историческую эпоху, именно в индо-иранском и греческом, система простых звонких отчетливо противопоставляется системе простых глухих. Но некоторые данные показывают, что система простых звонких не была, по крайней мере в глубокой древности, столь же существенной в индоевропейском, как система простых глухих и придыхательных звонких. В то время как *р столь же существенно, как и *с и *к, а *bh столь же существенно, как *dh и *gh, *b являясь редкостью в индоевропейском и частично обнаруживает свой вторичный характер; о *b см. стр. 115. Индоевропейский корень никогда не включает двух простых звонких; см. стр. 191. Не является случайностью, что при наличии часто встречающейся свистящей *s, в индоевропейском нет самостоятельной звонкой *z, см. стр. 122.

В отношении точки артикуляции имеются четыре ряда: губные, зубные, гуттуральные, лабио-велярные; в хеттском языке они различаются; только в „тохарском“ совпали два последних ряда.

А. Глухие простые

За исключением некоторых особых изменений в определенных положениях, соответствия глухих (непридыхательных) выражаются следующей таблицей:

и.-е.	хет.	тох.	скр.	ав.	др.-сл.	лит.	арм.	гр.	лат.	ирл.	гот.
*p	p	p	p	p	п	p	h(w) ²	π	p	"	f(b) ⁵
*t	t	t(c)	t	t	т	t	th	τ	t	t	þ(d) ⁵
*k ₁	k	k(ç) ¹	ç	s	с	š	s	κ	c	c	h(g) ⁵
*k ^w	ku	k	k(c) ¹	k(č) ¹	к(ч, ц) ¹	k	kh	π(τ) ³	qu	c ^t	hw(w) ⁵

Примечания:

1. Тох. ç, скр. с, ав. č, сл. ч — перед гласными, отражающими и.-е. *ē и сонант *i (гласный или согласный); сл. ц перед ч (или н), происшедшим из и.-е. *oi, *ai.

2. Арм. h в начальном положении (дает нуль перед древним *ō), w (v) между гласными.

3. Гр. τ перед ε, η в большинстве говоров.

4. Галльский и британский имеют r на месте индоевропейского *kʷ, которое в огамическом алфавите древнеирландского еще обозначается особым знаком q в отличие от c.

5. Германские звонкие между гласными и сонантами, когда предшествующий слог, начальный в слове, не имел на себе тона (здесь разумеется индоевропейский тон, а не германское ударение); за исключением случая согласных внутри слова после начального слога, факты сложны и частью невыяснены. Германские звонкие b, d, g были спирантами между гласными. Готское hw представляет единую согласную, обозначавшуюся особым знаком.

Примеры на различные глухие смычные:

*p:

скр. pátih „господин, супруг“, лит. pat(i)s „сам“, гр. πόσις „супруг“, лат. potis „могущий, возможный“, гот. — faþs в (bruþ-)faþs „женех“; ср. алб. pata „я имел“.

хет. pedan „почва“, скр. padám „след“, гр. πῆδον „след“, арм. het (род. п. hetoy) „след“ (при otn „нога“, см. стр. 266), др.-исл. fet „шаг“.

хет. pга „вперед“, скр. pгá-, др.-сл. про, гр. προ, лат. pro-, гот. fra-, ирл. go (*p полностью исчезло в кельтском).

скр. ápí „также“, ав. aipí, гр. ἔπι „при, кроме того, сверх“, арм. ew „также, и“.

*t:

скр. tanúh „тонкий“, др.-сл. тынѣкъ, лат. tenuis „тонкий“, др.-исл. þunnr (нем. dünn), гр. ταυρός „вытянутый“, ирл. tan(a)e; ср. алб. p-deñ „простираю“.

*k₁:

скр. çrâvah „слава“, гр. κλέ(f)ος „молва“, др.-ирл. slū „слава“, лат. cluor „мнение“ (глосса); ав. sra vah- „слово“, др.-сл. слово; скр. çrutáh „услышанный, известный“, гр. κλυτός „славный“, лат. (in-)clitus „известный“; др.-в.-нем. hlūt „громкий“.

*kʷ:

вед. kṛṇóti „делает“, лит. kūrìù „строю“, валл. peri „делать“ и prydydd „поэт“, ирл. creth „поэзия“.

лит. lėkù „оставляю“, гр. λείπω „оставляю“, гот. leihwa „ссу-жаю“; скр. riṇákti „оставляет“ (с носовым инфиксом -ṇa-), лат.

linquō „оставляю“, арм. elikh „он оставил“ = гр. ἔλιπε (π по аналогии с ἔλιπον и т. д.).

скр. sāyate „наказывает“, гр. τεῖσσι „заплатить“ (фесс. τεῖσσι); ав. kaēnā- „наказание“, гр. πωνή „выкуп, вира“, др.-сл. цѣна.

Согласие индо-иранского, балтийского, славянского, албанского, греческого, латинского и кельтского позволяет думать, что фонемы этого ряда были в индоевропейском глухие смычные непридыхательные; армянский язык превратил их в глухие придыхательные, германский в спиранты f, þ, h (древнее x), hw (древнее xʰ), происшедшие, повидимому, из слабых глухих придыхательных.

Б. Так называемые придыхательные звонкие

Таблица соответствий

и.-е.	хет.	тох.	скр.	ав.	др.-сл.	лит.	арм.	гр.	лат.	ирл.	гот.
*bh	p(b)	p	bh	b	в	b	b	φ	f(b) ³	b	b ⁴
*dh	t(d)	t	dh	d	д	d	d	θ	f(d) ³	d	d ⁴
*g ₁ h	h(g)	k	h	z	з	ž	j(z)	χ	h	g	g ⁴
*gʷh	ku(gu)	k	gh(h) ¹	g(ǰ) ¹	г(ж, s) ¹	g	g(ǰ) ¹	φ(θ) ²	f(u) ³	g	(?) ⁴

Примечания:

1. Скр. h, ав. j, сл. ж, арм. j перед гласными, отражающими и.-е. *ǵ и сонант i (гласный или согласный).
2. Гр. θ перед ε и η, как выше сказано о τ.
3. Лат. b, d, u (согласные) между гласными.
4. В положении между гласными b, d, g обозначают спиранты ð, ð̄, γ, а не смычные; *gʷh в таком случае отражается через w.

Примеры на различные звонкие придыхательные:

*bh:

скр. bhāgāmi „несу“, ав. barāmi, арм. berem, гр. φέρω, лат. fero, гот. baŕga, др.-ирл. -b̄iug, др.-сл. вѣрж.

скр. *pābhaḥ* „облако“, гр. *νέφος*, др.-сл. *нѣво*; хет. *periš* „небо“; гр. *νεφέλη* „облако“, лат. *nebula* „туман“, др.-сакс. *nehal* „облако“.

др.-в.-нем. *berg* „гора“; арм. *bagr* (род. п. *bagrj*) „высокий“, скр. *bṛhān* „высокий“, хет. *parkuš* „высокий“, тох. А *pärkäg* „длинный“.

*dh:

скр. *dhūmāḥ* „дым“, лат. *fumus* „дым“, лит. *dūmai*, др.-сл. *дымъ*.

*g₁h:

скр. *vāhati* „едет“, ав. *vazaiti*, др.-сл. *вѣзѣтъ*, лит. *vėža*, лат. *vehit* „везет“; гот. *(ga-)wigan* „двигать“; гр. *ὄχος* „повозка“ = др.-сл. *козъ*.

скр. *bāhūḥ* „рука“ (от кисти до локтя), гр. *πῆχυς* „локоть“, тох. *рокещ* „рука“ (от кисти до плеча).

*g^wh:

скр. *hānti* „бьет“, *ghnānti* „бьют“, ав. *ǰainti* „бьет“, гр. *δαίω* „бью“, *ἐπέφρον* „я убил“, *φόνος* „убийство“; арм. *gap* „удар“; лат. *(of-)fen-(dō)* „натykaюсь, ушибаю“; ирл. *gonim* „раню“; хет. *kuenzi* „бьет“, 3-е лицо мн. ч. *kunanzi*.

ав. *snaēžaiti* „снег идет“ (с *ž* из *ǰ* между гласными), гот. *snaiws* „снег“, лит. *snėgas*, др.-сл. *снѣгъ*; гр. (вин. п.) *νίφα* = лат. *niuem* (им. п. *nix* „снег“).

В отношении глухих и, как мы увидим ниже, в отношении простых звонких достаточно одного рассмотрения таблицы соответствий для выяснения характера индоевропейских фонем. Здесь не то. Дело идет явно о звонких, ибо в иранском, славянском, балтийском, албанском, кельтском (за исключением остатка различения для веларных) звонкие придыхательные совпали со звонкими простыми; в армянском и германском древние звонкие придыхательные дали звонкие, между тем как звонкие простые сделались глухими; в санскрите они представлены звонкими с последующею звонкою гортанною, обозначаемой знаком *h*; это же *h* одно отражает *g₁h, а также и *g^wh перед старым *ǰ и перед *i; в греческом мы находим глухие придыхательные φ, θ, χ, а в итальянском глухие спиранты *f (первоначально губногубное), *p, *x, которые в латинском говоре города Рима дали в начале слова f, f, h. Индоевропейские придыхательные звонкие отличались от простых звонких, повидимому, гортанной артикуляцией, которую определить точно мы не имеем средств.

В. Звонкие простые

Таблица соответствий:

и.-е.	хет.	тох.	скр.	ав.	др.-сл.	лит. арм.	гр.	лат.	ирл.	гот.	
*b	p(?)	p(?)	b	b	в	b	p	β	b	b	p
*d	t	t(c)	d	d	д	d	t	δ	d	d	t
*g ₁	k	k	j	z	з	ž	c	γ	g	g	k
*g ^w	ku(?)	k(ç)	g(j) ¹	g(j) ¹	г (ж, s) ¹	g	k	β(δ) ²	u(gu)	b	q

Примечания:

1. Скр. j, ав. j̄, сл. ж перед гласными, отражающими и.-е. *ǵ и сонант i (гласный или согласный).

2. Гр. δ перед ε и η, в большинстве говоров, как выше сказано о τ и θ.

Примеры на различные звонкие смычные:

*b:

Фонема b сравнительно редка; она не встречается ни в одном важном суффиксе и ни в одном окончании; она вторичного происхождения в части тех слов, где встречается; так, скр. *ribāni* „пью“, др.-ирл. *ibim*, лат. *bibō* (с начальным b под влиянием ассимиляции) есть древняя форма с удвоением, при скр. *rāhi* „пей“, гр. *πίδι*, др.-сл. *пити*, лат. *rboculum* „чаша“; о роли звонкой фонемы b см. стр. 191. Другие слова — звукоподражательные, как гр. *βαρβαρος* „иноземец“, лат. *balbus* „заика“ и т. д. Иные слова ограничены немногими языками и имеют вид поздних заимствований.

*d:

скр. *dāmaḥ* „дом“, др.-сл. *домъ*, гр. *δῶμος*, лат. *domus*.

вин. п. скр. *rādām* „ногу“, гр. *πῶδα*, лат. *pedem*, гот. *footu*, арм. *ոտ*.

*g₁:

скр. *janah* „род“, арм. *cin* „рождение“, гр. *γένος* „род“, лат. *genus*; скр. *jantūh* „порождение, племя“, ав. *zantuš* „племя“; гот. *kuni* „род, семья“.

*g^w:

скр. gāyah „родовое имущество“, ав. gayō „жизнь“, серб. gōj „благоденствие“; скр. jivāh „живой“, ав. j(i)vō, лит. gūvas, др.-сл. живѣ, лат. vivos, оск. bivus „живые“ (им. мн.), др.-ирл. beo, гот. qius; ср. гр. βίος „жизнь“, арм. keam „живу“.

Этот ряд представляет звонкие; армянский язык превратил их в слабые глухие, а в германском, в котором изменения проводятся вообще на одну ступень дальше армянского, они превратились в глухие сильные.

Г. Глухие придыхательные

Указанные выше три типа смычных не покрывают всех фактов. В индо-иранском есть четвертый ряд смычных, представленных в индийской группе глухими придыхательными ph, th, kh а в иранской группе спирантами f, θ, x. В армянском равным образом есть ph (обозначаемое также через p^o), не восходящее ни к *p, ни к *bh, ни к *b индоевропейским, и x, также предполагающее особое происхождение. Скр. ph, иран. f, арм. ph в греческом соответствует φ, а скр. kh, иран. x, арм. x в греческом соответствует χ; иначе говоря, скр. ph и kh отражены в греческом одинаково с скр. bh и gh, но отлично от скр. p и k. Эти соответствия принуждают нас признать, если и не для всего индоевропейского в целом, то во всяком случае для области, представленной языками индо-иранскими, армянским и греческим, наличие ряда глухих придыхательных *ph и *kh. В этом ряду нет различия между двумя типами гуттуральных: в греческом не представлены лабио-велярные, в индо-иранском и армянском нет палатализованного типа.

Примеры относительно редки; глухие придыхательные встречаются преимущественно в словах звукоподражательных:

скр. kakhati (слово из туземного словаря) „смеется“ (вследствие диссимилиации придыхания вместо древнего *khakhati), гр. καχάζω (из *χαχάζω) „хохочу“, арм. хаханкх „хохот“, др.-сл. хохотѣ, др.-в.-нем. huoh „насмешка“, лат. cachinnus (ch — эллинизирующая орфография) „хохот“.

скр. phūt-karah „выдувание, свистение“, арм. phukh „дуновение“, гр. φῦσα „дуновение“, лит. pūsti „дуть“.

Но эти примеры не единственные. Вот несколько сближений:

скр. skhālāmi „оступаюсь“, арм. sxalim (то же значение); ср., быть может, лат. scelus „преступление“.

скр. sphuráti „делает быстрое движение“, арм. sphirkh „рассеяние“; арм. pharat „рассеянный“.

О некоторых случаях чередования см стр. 190.

Относительно зубной глухой придыхательной вопрос неясен. Повидимому, санскритская глухая придыхательная появляется в тех случаях, когда за нею следовало *э (об *э см. стр. 125). В таких случаях в греческом находим просто τ. Так именно обстоит дело с санскритским корнем prthú-h, гр. πλῆτύς „широкий“. В других случаях *th имеет скорее экспрессивное значение. Так, повидимому, обстоит дело с окончанием 2-го л. ед. числа перфекта: скр. véthha „ты узнал“, гр. (f)οἶσθα.

ЗАМЕЧАНИЯ О ГУТТУРАЛЬНЫХ

1. Как мы видели, в каждом из индоевропейских языков, кроме „тохарского“ (где они совпали), имеется два ряда фонем, восходящих к гуттуральным; два главных ряда соответствий могут быть сведены к формулам:

	1) лат. c, хет. k = скр. ç: и.-е. *k ₁
	2) лат. qu, хет. ku = скр. k (c): и.-е. *k ^v .

Первый ряд соответствий определяет фонемы *k₁, *g₁, *g₁h, которые представлены „гуттуральными“ в хеттском, „тохарском“, греческом, италийском, кельтском и германском, т. е. (если не считать хеттского и „тохарского“) в западной группе диалектов (таковы гр. κ, γ, χ, лат. c, g, h и т. д.) и полусмычными, свистящими или шипящими в индо-иранском, славянском, балтийском, армянском и албанском, т. е. в восточной группе (таковы арм. s, c, j). В первой группе языков „сто“ имеет вид: тох. A kánt, гр. (é-)κῆτῶν, лат. centum, ирл. cét, гот. hund, а во второй: скр. çatám, ав. satəm, др.-сл. съто, лит. šimtás.

Второй ряд соответствий определяет задненёбные, сопровождаемые лабио-велярной артикуляцией, которая составляла их непременную составную часть, именно и.-е. *k^v, *g^v, *g^vh. В хеттском языке и в языках западной группы, как в латинском и германском, эти согласные сохраняют свой древний вид: хет. kuiš, лат. quis „кто“, гот. hwas „кто“; там же, где губная артикуляция превратилась в смычную, произошел переход в губные, как, например, в оско-умбрском, оск. ris „который“, и в греческом πότερος „который из двух“; в кельтском переход в губную есть явление общекельтское в отношении простой звонкой, но в отношении глухой произошел только в галльском и бриттском;

литовскому *keturi* „четыре“, лат. *quattuor* соответствует др.-валл. *petguar*, галльск. *petor-*, сохраненное в латинском заимствовании *petor-ritum* „повозка на четырех колесах“; эти диалекты таким образом образовали вновь *p*, тогда как индоевропейское **p* исчезло в общекельтском языке; наоборот, гаэльский диалект сохранил *q* (засвидетельствованное огамическими надписями), которое перешло в *s* еще до времени древнейших литературных текстов: др.-ирл. *sethir* „четыре“. В восточной группе мы встречаем простые гуттуральные, перешедшие в полусмычные перед и.-е. **ǵ* и **i* (гласным или согласным) в одной части диалектов: скр. *kāñ* „кто“, *cit* (= лат. *quid*); ав. *šiš* „кто“; др.-сл. *кѣ-то*, *чѣ-то*, лит. *kàs* „кто“, арм. *khan* „чем“. — Задненёбные лабио-велярные представляют не сочетания согласных, а цельные фонемы; **kʷ* совсем не то, что **k₁w*: **k₁w*, засвидетельствованное скр. *čv*, лит. *šv* в скр. *ácvah* „лошадь“, лит. *ašvá* „кобыла“, отражается в греческом через *π* в слове *ἵπλος*, „лошадь“, а не через одно *π*, как **kʷ* в слове *ἑπόμεν* „следую“, — ср. лат. *sequor* и лит. *seki* „следую“.

Здесь индоевропейские языки противопоставляются между собою не по одному, а целыми группами, и нам приходится по признаку разного фонетического отражения обоих типов гуттуральных провести границу, отделяющую восточную группу (ав. *sašəm*) от „тохарского“ и хеттского, с одной стороны, и от западной группы — с другой. Это двойное совпадение, однако, вовсе не означает, чтобы те же диалекты совпадали и в других отношениях (см. гл. IX).

Говоры типа лат. *quis* и *centum* представляют древнейшее состояние, ибо, с одной стороны, нет вероятия, чтобы **kʷ* восходило к *k*, а с другой стороны, если обычен переход *k* в *č*, или *s*, или *š*, или *s*, то обратное неверно. Впрочем, древность типа *quis*, *centum* устанавливается и тем обстоятельством, что мы его находим и на западе — в греческом, в итальянском, в кельтском и в германском, и на востоке — в хеттском и в „тохарском“. Как и в ирландском языке, в „тохарском“ совпали древние **kʷ* и **k*.

Тот факт, что языки индо-иранские, славянские, балтийские, армянский и албанский обнаруживают в данном случае общие изменения, показывает, что у них есть диалектальное родство. Общность же греческого, итальянского, кельтского и германского — на западе, и хеттского и „тохарского“ — на востоке не свидетельствует ни о чем, ибо в них лишь сохранилось древнее положение вещей.

2. Кроме двух рядов соответствий, определяющих, с одной стороны, передненёбные, с другой — задненёбные лабио-веларные, есть еще один ряд: санскритскому ζ никогда не соответствует лат. qu , но встречаются случаи, когда

лат. $c =$ скр. k (c)

или в более общем виде:

лат. $c =$ валл. $c =$ герм. $h =$ греч. $x =$
 $=$ скр. k (c) $=$ сл. k ($ч$) $=$ лит. $k =$ арм. kh .

Из этого нередко делали вывод, что в индоевропейском был ряд средненёбных звуков, занимавший промежуточное положение между установленными выше двумя рядами. Но ни в одном из индоевропейских языков не существует одновременно этих трех рядов. С другой стороны, тип соответствия лат. $c =$ скр. k встречается преимущественно в особых условиях, а именно:

перед $*a$: лат. *casumen*, скр. *kaśud* „вершина“; в таких случаях не встречается тип скр. $\zeta =$ лат. c ;

перед $*r$: скр. *kravih* „сырое мясо“, др.-сл. *крѣвь*, лит. *kraivjas* „кровь“ при гр. *κρέι(φ)ας* „мясо“, лат. *suog* „кровь“, валл. *sgau* „кровь“, др.-исл. *hrár* „сырой“ (нем. *roh*);

после $*s$: лит. *skiriù* „отделяю“ при др.-в.-нем. *scegan* „резать, стричь“ и гр. *κείρω* „стригу“ (относительно чередования $*sk-$: $*k-$ см. гл. IV);

в конце корней, преимущественно после $*u$: скр. *gósate* „блестит“, ав. *gaosah-* „свет“, лит. *laũkas* „имеющий белое пятно“, др.-сл. *лоучь* при гр. *λευκός* „белый“, лат. *lucēre* „светить“, гот. *liuhaþ* „свет“; часто в восточной группе диалектов мы встречаем чередование отражений и.-е. $*k_1$ и и.-е. $*k^w$, например, скр. *gūśant-* „светлый“, арм. *loys* „свет“ наряду с только что приведенными словами.

Решающим является тот факт, что перед $*a$ мы имеем скр. $k =$ лат. c , а перед $*o$ — скр. $\zeta =$ лат. c . Как мы увидим на стр. 174, гласная $*o$ является в индоевропейском ступенью чередования $*e/*o$, а это позволяет нам счесть возможным, что $*o$ в индоевропейском есть древнее $*i^o$, подобно тому как в русском языке \ddot{e} (т. е. i^o) есть видоизменение древнего $*e$. Вместе с тем мы можем объяснить $*k'$, являющееся, как мы только что видели, вторичным, лишь в том случае, если оно есть результат палатализации некоего $*k$ перед $*e/*o$. Следовательно, вполне естественно, что k' не существует перед a , не являющимся ступенью нормального чередования $*e/*o$. — Сонант $*r$ едва ли способен подвергнуться влиянию

последующей передненёбной гласной; следовательно, соответствие скр. *k* = лат. **c* перед **t* является регулярным; наоборот, **l* допускает влияние последующей передненёбной гласной; поэтому-то соответствие скр. *ç* = лат. *s* в данном случае является нормальным. — Нет ничего удивительного в том, что **k* не подвергается палатализации после **s*; так, например, в ионийском-аттическом -*ti*, переходящее в -*ti* в таких случаях, как *ἔτι* „идет“, *τίθησι* „кладет“ и т. п., сохраняется в *ἔστι* „есть“. — Итак, первоначальное индоевропейское **k* сохранилось в одних положениях и палатализовалось в других. Этим объясняются те колебания между **k* и **k'*, которые наблюдаются в группе так называемых *satəm*-диалектов.

Раз это так, то мы не в праве предполагать третий ряд гуттуральных в индоевропейском, и это несмотря на то, что не все факты разъясняются с полной точностью и что, например, др.-сл. *лаж*, *ложити* при гот. *līgan* „лежать“ и гр. *λέχος* „постель“ (ср. тох. *leki* „ложе“) кажутся странными. Одно и то же древнее **k* в некоторых диалектальных группах индоевропейского отражено двояко.

Языки с типом *satəm*, представляющие диалектальную палатализацию эпохи индоевропейской общности, это те же языки, в которых позднее древние лабио-веларные, перешедшие в простые гуттуральные, стали подвергаться палатализации перед передненёбными гласными и перед *y*; так, в славянском, где мы имеем *съто*, мы находим *чъ-то* при *нъ-то*; когда же дифтонг **oi* перешел в **ei*, откуда в дальнейшем *ѣ*, в славянском *к* опять палатализовалось перед *ѣ*, как, например, в слове *цѣна* (см. стр. 113). Склонность к палатализации сохранилась, следовательно, в этой группе говоров.

Таким образом, для общеиндоевропейского мы принимаем лишь четыре типа смычных, а именно:

губные: скр. *p* = лат. *p*;

зубные: скр. *t* = лат. *t*;

гуттуральные: скр. *ç* (а также *k*, *c*) = лат. *s* = хет. *k*;

задненёбные лабио-веларн.: скр. *k* (*c*) = лат. *qu* = хет. *ku*.

СВИСТЯЩИЕ

Если система индоевропейских смычных богата и полна, то, наоборот, система длительных согласных, образуемых сужением прохода воздуха, так называемых „фрикативных“, включает лишь одну фонему, свистящую **s*, используемую, впрочем, часто.

Отражение и.-е. *s — одна из сложнейших частей индоевропейской фонетики, потому что здесь большое влияние оказывают соседние артикуляции.

Для начала слова соответствия следующие: s в хеттском (где употребление \check{s} вместо s в клинописи, повидимому, указывает на особое произношение s), в „тохарском“, в санскритском, в славянском, в балтийском, в германском, в галльском и гаэльском, в италийском; h в иранском, в армянском, в греческом, в бриттском; переход в h объясняется слабостью произношения и обнаруживается независимо друг от друга (это очевидно в отношении бриттского) в тех языках, где артикуляция смычных не отличается твердостью. Отражение в албанском языке неясно:

скр. *sánaḥ* „старый“, лит. *sėnas*, гот. *sinista* „самый старый“, др.-ирл. *sen*, галльск. *seno-*, лат. *senex*, но ав. *hanō*, арм. *hin*, гр. $\acute{\epsilon}\nu\lambda$ (в выражении $\acute{\epsilon}\nu\lambda$ καὶ $\nu\acute{\epsilon}\lambda$ „старая и новая“), брет. *hen*.

Артикуляция свистящей *s во всех языках сохраняется в некоторых положениях, именно в начале слова перед *t и *p и внутри между *e и *t:

гр. $\sigma\acute{\rho}\nu\delta\omega$ „совершаю возлияние“, лат. *spondeō*, хет. *šipantahhi* (= *srand-*) „совершаю возлияние, приношу жертву“;

гот. *stairno* „звезда“, вед. *stṛbhīḥ* „звездами“, гр. $\acute{\alpha}\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho$ „звезда“, $\sigma\tau\epsilon\rho\lambda\acute{\eta}$ и $\acute{\alpha}\sigma\tau\epsilon\rho\lambda\acute{\eta}$ „молния“, корн. *steren* „звезда“ и лат. *stella*, арм. *astl* „звезда“; в тох. В *s'cirye* (где s'c из *st-) „звездный“, в хеттском *šittar* (= *star*) „звезда“;

скр. *vāste* „одевается“, ав. *vaste*, гр. $\ast\acute{\Phi}\acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\iota$, лат. *uestis*, арм. (z-)gest „одежда“, ср. хет. *wašanzi* „одеваются“.

Одна из особенностей отражения *s проявляется почти тождественным образом в смежных диалектах и обращает на себя внимание как факт, указывающий на диалектальное родство. После k, g, i, u в индо-иранском артикуляция *s становится шипящей: скр. *ṣ*, ав. *š*; например скр. *vakṣyāmi* „я буду говорить“, гат. *vaḥṣyā* (со спирантом x, регулярно заменяющим k перед \check{s}); местный падеж мн. ч. на -su от основ *pitṛ-* „отец“, *āvi-* „овца“, *sūnū-* „сын“ в санскрите будет *pitṛṣu*, *āviṣu*, *sūnūṣu*. В некоторых балтийских словах мы находим при тех же условиях шипящие на месте s других языков; так, при гр. $\tau\acute{\epsilon}\rho\sigma\sigma\omega\mu\alpha\iota$ „сохну“, др.-англ. *þurst* „жажда“, др.-в.-нем. *durst* „жажда“, мы имеем скр. *tīṣyati* „жаждет“, лит. *tīštas* „густой, наполовину высохший“; в славянском место прежней шипящей заняло χ : аорист на -s- от *renk-* будет *rfχъ* (из **rfk-χъ*); местные падежи основ на -k- и -k-

оканчиваются на $-ь-χъ \equiv$ скр. $-i-ṣu$, на $-ъ-χъ \equiv$ скр. $-u-ṣu$; и т. д. Но если славянский имеет $χ$ перед гласной во всех тех случаях, где санскрит имеет $ṣ$, а иранский $š$, то балтийский часто имеет s после i , u (установить правило здесь невозможно), например в литовском *blusà* при др.-сл. *вльхъ*, а в армянском, где заметны следы произношения $š$ после k , s между гласными переходит в $*h$, откуда — нуль, а не $š$ после i и u ; так, латинскому *purus* „сноха“ (из $*puzus$, $*puzus$), др.-англ. *snoru* (из $*snusā$) и скр. *snuṣā*, др.-сл. *снъха* соответствует арм. *pu* (из $*puhos$), род. п. *puoy* (из $*puhoḡo$), совсем как в гр. *πύος*. В общем, шипящая появляется в индо-иранском, в славянском, в балтийском и отчасти в армянском, т. е. в языках восточной группы, которые сходятся также и в способе отражения гуттуральных.

Между гласными $*s$ подвергается значительным изменениям: в тех трех языках, в которых начальное $*s$ уже с древних времен дало h , оно переходит в h , которое сохраняется в иранском и исчезает в армянском и греческом; в италийском оно озвончается, и получившееся таким образом $*z$ переходит в g в латинском, — например, санскритскому родительному-отложительному падежу *mánasaḥ* „(от) духа, помысла“ соответствуют ав. *manahō* и гр. *μένεος, μένουσ;* хеттскому родительному-отложительному падежу *perišaš* „(от) неба“ и др.-сл. *небесе* соответствует гр. *νέφεος, νέφουσ;* „облака“; скр. *janasaḥ* „(от) рода“ соответствуют гр. *γένεος*, атт. *γένουσ* и лат. *genetis* и т. д. Здесь не место приводить в подробностях соответствующие факты в различных языках, тем более, что дело идет о фактах, относящихся к периоду после эпохи индо-европейского единства. Так, в гр. *γένεος* не оставили следов ни $*s$, ни заместившее его $*h$; но в гр. *εῦω* „жгу“ начальное h объясняется переносом внутреннего h , восходящего к $*s$: древняя форма должна была быть $*eusō$, что можно установить по скр. *ōṣāmi* и лат. *ūgō* (*ustus*) „жгу“; отсюда произошло $*euhō$, откуда *εῦω*.

Звонкая параллель к $*s$, т. е. $*z$, не имеет в индоевропейском самостоятельного существования; это не что иное, как разновидность глухой $*s$ перед звонкой смычной. Возьмем для примера корень латинского *sedere* „сидеть“, гр. *ἔδος* „седалище“, гот. *sitan* „сидеть“ и т. д.; с нулевой ступенью огласовки этот корень принимает форму $*sd-$, откуда по ассимиляции глухой $*s$ последующей звонкой получается $*zd-$; индоиранские языки часто употребляют этот корень с глагольной приставкой $*ni-$, которая из других языков сохранилась только в армянском: скр. *nī-śidati* „сидится“, н.-перс. *nī-šastan* „сидиться“, арм. *n-stim* „сажусь“; греческий

заменяет ее приставкой *ххтх-* (например *хзд-йџω* „сажаю, сажусь“); но **ni-* было в индоевропейском, как это доказывает существительное и.-е. **ni-zdo-* „место, где сидят — где поселились“; **nizdos* дает индо-иранское **niždas* (с шипящей под влиянием предшествующего *i*), откуда в Индии **niždas*, *niḍāh* (вед. *niḷāh*); в арм. *nist* со свистящей, сохраненной после *i*, и с переходом **d* в *t* по общему правилу, вследствие чего **z* изменилось в *s*; в других языках слово приняло значение „гнездо“: лат. *nidus* (из **nizdos*), др.-ирл. *nett* (*tt* обозначает смычное *d* между гласными), др.-в.-нем. *nest*; в лит. *lizdas* „гнездо“ изменилась начальная согласная, но внутри слова сохранилось *zd*. — Звонкая разновидность **z* из **s* встречается также перед звонкими придыхательными: др.-сл. *мъзда* (из **мъзда*) „жалованье“, гот. *mizdo*, ав. *miždēm*, вед. *miḷhām* „добыча в сражении“ (из **miždhām*); так как в греческом звонкая придыхательная отражается в виде глухой, то **z* перешло в *s*: *μισθός* „плата“.

Таким образом, свистящая **s* есть единственный самостоятельный спирант, который мы в праве считать индоевропейским. Однако при наличии соответствия гр. *δεξιός* „правый“ и др.-ирл. *ḍess* санскритскому *dákṣiṇāh* „правый“, ав. *dašīna-*, др.-сл. *десна* „правая рука“, лат. *dexter*, гот. *taihswa*, в некоторых словах мы наблюдаем, именно после гуттуральных, иное соответствие, например в гр. *ἄρκτος* „медведь“, др.-ирл. *art* при скр. *ḥkṣāh*, ав. *arəšō*, лат. *ursus* (из более древнего **orcso-*); этот контраст как будто свидетельствует о различных спирантах в этих двух случаях. То же мы видим и в отношении ряда звонких придыхательных, так: гр. *χθών* (род. п. *χθώνος*), ирл. *dū* (вин. п. *don*), скр. *kṣāh* (местн. п. *kṣāmi*) „земля“. Эта подробность, сама по себе незначительная, показывает, что мы не можем точно определить число фонем в индоевропейском.

2. ГЛАСНЫЕ В СОБСТВЕННОМ СМЫСЛЕ

Две существенно важные для индоевропейского гласные, это — краткие **e* и **o*; их значение в морфологии выяснится из чередований, изложенных в главе IV; уже одно частое их употребление показывает важность роли, которую они играют. Они определяются следующими соответствиями:

и.-е. **e*: гр. *e*, итал. *e*, кельт. *e*, герм. *e* (= гот. *i*, западное и скандинавское *e* или *i* сообразно сложным законам), балт. *e*, сл. *e*, арм. *e*, алб. *e*, хет. *e* (обозначаемое также через *i*), тох. *e*, индо-иран. *a*.

и.-е. *о: гр. ο, итал. o, кельт. o, герм. a, балт. a, сл. o, арм. o, алб. a, хет. a, индо-иран. a.

Примеры:

*е: скр. *sácate* „следует“ = гр. *ἐπτά* (с π по аналогии с *ἑπομαι* „следую“), лит. *sekù* „следую“, лат. *sequitur* „следует“, др.-ирл. *-sechetar* „следуют“.

*о: лат. *rota* „колесо“, др.-ирл. *roth*, др.-в.-нем. *rad* (из герм. **raþan*), лит. *rātas* „колесо“, скр. *rāthah* „колесница“, ав. *raðō*.

гр. *ῥος* „ветвь“ (из и.-е. **ózdos*), арм. *ost*, гот. *asts*.

Единственные наречия, в которых *ё и *ё не различаются, это индо-иранские, но первоначальное существование и там этого различия доказывает тот, что и.-е. -k^o дало скр. *ka-*, ав. *ka-*, а и.-е. -k^e — скр. *ca*, ав. *ča*:

скр. *kataráh* „который из двух“, ав. *katārō* при гр. *πότερος*, гот. *hwaþar*, лит. *katrās*, др.-сл. *которын* и *котерын*;

скр. *ca*, ав. *ča* „и“ при гр. *τε*, лат. *que*.

В перфекте, где гласная удвоения *е, а гласная корня в ед. ч. *о (тип гр. *μέμολυ* „я захотел“, *δέδωρξ* „я увидел“ и т. д.), индо-иранский противопоставляет чистую гуттуральную перед корневым а, отражающим *о, смягченной гуттуральной перед а удвоения, отражающим *е; вед. *sakāra* „я сделал“, *jaḡāra* „я проглотил“, *ja-ghāna* (из *ḡhāna*) „я ударил“.

Кроме *е и *о в индоевропейском была еще третья краткая гласная, более редкая и не играющая роли в морфологических чередованиях; это *а, определяемое следующими соответствиями:

хет. а, гр. α, итал. а, кельт. а, герм. а, лит. а, сл. o, арм. а, алб. а, индо-иран. а,

т. е. различие от *о мы имеем только в греческом, итальянском, кельтском и армянском (следует прибавить и „тохарский“); смешение *а и *о в большей части языков показывает, что индоевропейское *о было очень открытое. Гласная *а встречается между прочим в словах народного, технического и аффективного характера. Названия телесных недостатков, как лат. *caecus* „слепой“ и *claudus* „хромой“, включают дифтонги с *а. Гласная *а имеется в прилагательных, означающих „левый“: гр. *λαίος*, *σκαίος*, лат. *laeius*, *scaeuus*.

Примеры:

скр. *ájāmi* „веду“, ав. *azāmi*, арм. *асет*, гр. *ἄγω*, лат. *agō*; др.-ирл. *agat* (сослагательное наклонение) „вели бы они“; др.-исл. *aka* „вести“.

скр. *tatáh* „тять“, гр. *táta*, лат. *tata*, ср.-брет. *tat* „отец“; то же слово звательного употребления имеет другую форму в хет. *attaš*, гр. *ἄττα*, лат. *atta*, др.-ирл. *aite* „отец-кормилец“, гот. *atta* „отец“, др.-сл. *отыць* (с словопроизводственным суффиксом); ср. скр. *atta* „мама“.

Таким образом, в отношении кратких гласных индоевропейский вокализм может быть сведен к следующей таблице соответствий:

и.-е.	гр.	итал.	кельт.	герм.	лит.	сл.	арм.	хет.	индо-иран.
*e	ε	e	e	e(i)	e	ɛ	e	e	a
*o	ο	o	o	a	a	o	o	o	a
*a	α	a	a	a	a	o	a	a	a

Гласную *a, как она нами определена, не всегда легко отличить от двух других индоевропейских фонем: *э и *о.

1. Во многих словах скр. *i*, ав. *i* соответствуют гр. *α*, лат. *a*, кельт. *a*, герм. *a* (в начальном слоге), арм. *a*, лит. *a*, др.-сл. *o*; мы обозначаем знаком *э ту индоевропейскую фонему, которую предполагает этот ряд соответствий; пример:

скр. *pitā* „отец“ ав. *pita* при гр. *πατήρ*, лат. *pater*, др.-ирл. *athir*, гот. *fadar*, арм. *hayr*.

В греческом эта фонема может также отражаться в виде *ε* или *ο* под влиянием *η* или *ω*, с которыми она регулярно чередуется; отсюда три случая:

στατός „поставленный“ = скр. *sthitáh*, ср. дор. *ἵστημι* „ставлю“.

ῥετός „положенный“ = скр. *hitáh* (из **dhitáh*), ср. дор. *τίθημι* „кладу“.

δοτός „данный“ = лат. *dātus*, ср. *δίδωμι* „даю“.

Эта особенность оттеняет характерную черту и.-е. *э, которая позволяет отличать эту фонему от гласной *a, хотя она отличается от *a только в одном индо-иранском; *э находится в регулярном чередовании с *ā, *ē, *ō, тогда как *a стоит изолированно, как мы это увидим ниже в теории чередований (гл. IV); даже в том случае, когда вопрос касается слова, не засвидетельствованного в индо-иранском, чередование с долгой гласной показывает в принципе, что мы имеем дело с *э; так в лат. *sātus* „посеян-

ный“, ср.-брет. *hat* „посев“, при лат. *sē-men* „семья“, *se-ūi* „я посеял“, лит. *sėti* „сеять“. Когда же у нас нет ни индс-иранской формы, ни чередования гласных, нет возможности определить, имеем ли мы дело с *а или с *э, как, например, в названии „соли“: арм. *ał*, гр. *ἄλς*, лат. *sālēs* (мн. ч.), др.-ирл. *salann*, гот. *salt*, др.-сл. *соль*.

Из теории чередований (гл. IV) явствует, что *э соотносится с *ā* или *ē* так же, как гласный сонант с дифтонгом; и в действительности, с точки зрения индоевропейского, *э является не гласной в собственном смысле, но сонантом.

Во втором неконечном слове слова и.-е. *э выпадает в иранском, славянском, балтийском, армянском и германском; так, санскритскому *duhitā* „дочь“, гр. *θυγάτηρ* (с необъясненным соответствием скр. *h* и гр. *γ*), „тохарскому“ *B tkācer* соответствуют: гат. *duḡədā* (двусложное), н.-перс. *duxt*, др.-сл. *дъшти*, лит. *duktē*, арм. *dustr*, гот. *daúhtar*. В конечном слове слова *э сохраняется: др.-в.-нем. *anut* (из **anud*) „утка“, где *u* отражает *э, при лат. *anas*. После сонантов *y*, *w*, *r*, *l*, *n*, *m* исчезновение *э в балтийском и славянском повело к особой интонации дифтонга, образовавшегося, таким образом, из сонанта с предшествующей гласной. санскритскому дифтонгу *an* соответствует литовский дифтонг с восходящим ударением *eĩ*: скр. *māntrāḥ* „молитвенная формула“, лит. (ра-)*mėĩklas* „памятник“; наоборот, такому звуко сочетанию, как скр. *anī* из и.-е. **enā*, соответствует литовский дифтонг с нисходящим ударением *ėp*; так, с *m*: скр. *vāmīti* „блюет“, *vamitvā* „выблевав“, лат. *uomitus* „выблеванный“ соответствует лит. *vėmti* „блевать“, или с *n*: лит. *ántis* „утка“ при лат. *anas*. Славянский дает факты, параллельные литовским.

После *y* санскрит отражает *э через *a* в первом и последнем слове слова и опускает в других случаях. Греческий язык не допускает отражения *э после слога с *o*, поэтому *τόρμος* „дыра“ при *τέρε-τρον* „бурав“, *πόρνη* „блудница“ при гом. *πέρα-σα* „я продал“ и т. д. Таким образом, элемент *э склонен исчезать в различных условиях.

Перед гласной *э не сохранилось ни в одном языке: 3-е л. мн. ч. от скр. *vāmi-ti* будет *vam-ánti* „блуют“; при скр. *janī-tā* „родитель“, гр. *γένε-τωρ*, лат. *geni-tor* (из **genatōr*) мы находим только скр. *jān-aḥ* „род“, гр. *γέν-ος*, лат. *gen-us*.

2. Некоторые соответствия как будто заставляют предполагать наряду с *э другую редуцированную гласную, обозначаемую нами через *, которая чередовалась бы с *ě, *ǔ и которая пред-

ставлена в латинском и армянском через а, в греческом через ι, в германском через и:

арм. *tasn* „десять“, др.-в.-нем. *zwein-zug* „двадцать“, при гр. *δέξζ*, лат. *decem* и т. д.

лат. *quattuor* „четыре“, сл. *чѣтыр- (предполагаемое на основании чеш. *čtyři* и т. д.), гот. *pišures* при атт. *τέτταρες*, скр. *cat-vāraḥ*, лит. *keturi*, др.-сл. *чѣтыре* и т. д.

Гласные качества *е, *о, *а существуют также и в виде долгих и устанавливаются на основании следующих соответствий:

и.-е.	гр.	лат.	кельт.	герм.	лит.	др.-сл.	арм.	индо-иран.
*ē	η ¹	ē	i(ē) ²	ē	ê	ѣ	i	ā
*ō	ω	ō	ā(ū) ²	ō	û, o	а	u	ā
*ā	ā ¹	ā	ā	ō	o	а	a	ā

Примечания.

1. ē представлено в греческом в виде η во всех говорах, кроме элейского, в котором очень открытое его произношение обозначалось через ā (еще без особой последовательности в архаичных надписях Олимпии); *ā представлено в греческом в виде ā во всех диалектах, кроме ионийско-аттического, в котором (за исключением некоторых положений в аттическом) очень закрытое его произношение обозначалось через η (еще отличающую от старой η на Наксосе в VII в. до хр. э.).

2. i и ā в ударяемом слогѣ, ē и ū в неударяемом.

Примеры:

*ē:

скр. *mā* (запретительное отрицание), гр. *μή* (общегреческое, кроме эл. *μα*), арм. *mi*;

лат. *sēmen* „семя“, др.-сл. *сѣмѣ*, лит. *sėmenys*, др.-в.-нем. *samo* (с ā, нормально представляющим герм. ē); гот. *(mana-)se[]s* „человечество“, буквально, „семя людей“; др.-ирл. *sil* „семя“.

*ō:

скр. *dānam* „дар“, лат. *dōnum*, валл. *dawn* (aw отражает кельтское *ā, которое само восходит к *ō в ударяемом слогѣ) — др.-сл. *дарь*, гр. *δῶρον* „дар“, арм. *tur-kh* — лит. *dūti* „давать“.

*ā:

скр. *mātā* „мать“, дор. *μᾶτηρ*, арм. *maṅ*, лат. *māter*, др.-ирл. *māthir*, др.-исл. *móðer*, др.-сл. *мати*, лит. *mótė* „жена“.

Долгие гласные часто обнаруживают склонность делаться закрытыми: в италийских диалектах *ē* и *ō* более закрыты, нежели *ĕ* и *ŏ*; в кельтском **ē* переходит в *i*; в готском *e* и *o*, т. е. *ē* и *ō*, — очень закрытые; в литовском *ė* и *o* (*ē* и *ō*) тоже закрытые; в армянском и.-е. **ē* и **ō* отражаются в виде *i* и *u*: древнегреческая *η*, первоначально открытая, перешла в *i* еще до византийской эпохи. В других случаях долгие гласные отражаются параллельно соответствующим кратким и могут даже делаться более открытыми: **ē*, **ō*, **ā* в индо-иранском перешли в *a*.

Что звук **ē* был известен раньше индо-иранскому, доказывает изменение гуттуральных; чистые гуттуральные встречаются перед старым **ā*: скр. *kāśate* „кашляет“, ср. лит. *kósiu* „кашляю“, др.-англ. *hwōs a* „кашель“, и перед **ō*: скр. (вин. п.) *gām* „быка, корову“ = дор. *βᾶν*; но смягчение наблюдается перед старым **ē*: скр. *jānīḥ* „жена“, ср. гот. *qens* „женщина“. Языки, склонные смешивать **ō* и **ā*, — те же, которые смешивают **ŏ* и **ā*; впрочем, албанский язык различает *ā* и *ō*; в индо-иранском, славянском, балтийском, германском **ā* и **ō* отражаются одинаково, но одна из двух групп балтийских диалектов, литовско-латышская, часто отражает старое **ō* в виде *ū*, тогда как **ā* всегда отражается как лит. *o*, латыш. *ā*, как отражается в прочих случаях и **ō*. Отражение в литовско-латышском в некоторых случаях **ō* в виде *ū* привело к предположению о наличии в индоевропейском двух видов **ō*; но эта гипотеза вне литовско-латышских фактов не находит никакой опоры, и мы можем найти в самом диалекте средство объяснить различие литовско-латышского *ū* и лит. *o*, латыш. *ā*: лит. *o* регулярно является в корневой части слова во всех тех случаях, когда оно чередуется с *é*: *stōgiu* „покрываю“: *stōgas* „крыша“; *ū* есть форма изолированная, так в *dūti* „давать“, в первых лицах на -*ū* таких глаголов, как **lēkū* „оставляю“ (засвидетельствовано формой *lēkū*) при гр. *λείπω* „оставляю“, и в других грамматических формах. Мы не имеем, следовательно, никакого права предполагать два вида индоевропейского **ō*.

В литовском древние долгие гласные отражаются в середине слова как долгие с нисходящим ударением *ō*, *ó*, *ŏ*; в конце слова, кроме тех же долгих с восходящим ударением (вторично измененных в *ē*, *ā*, *ū*), встречаются долгие с восходящим ударением *ō̄*, *ó̄*, *ŏ̄*. Обращено было внимание на то, что в конечном слоге слова литов-

ским долгим с нисходящим ударением в греческом соответствуют долгие с острым тоном, если у них вообще есть тон, а долгим с восходящим ударением — долгие с облученным тоном (поскольку они несут на себе тон). Немногочисленные примеры, подкрепляющие эту не вполне установленную гипотезу, относятся преимущественно к основам женского рода на **-ā*-:

им. п. ед. ч. **ā*: лит. *(*merg-*)*ó*, откуда (*merg-*)*à* „девочка“, гр. (*ἔκχυρ-*)*ῶ* „свекровь“;

род. п. ед. ч. **-ās*: лит. (*merg-*)*ōs*, гр. (*ἔκχυρ-*)*ῶς*.

Но условия появления **ā* с облученным тоном, именно перед *s*, не те же, что условия появления **ā* с острым тоном, которое стоит в абсолютном конце слова. Следовательно, данное соответствие не имеет доказательного значения.

Некоторые германские факты вызвали предположение, будто интонационное противопоставление лит. **-ó* (*-à*) и *-ō*, гр. *-ῶ* и *ῶ* восходит к индоевропейскому; но все эти факты неясны. Кроме того, индо-иранские долгие, соответствующие в конечном слоге слова литовским долгим с восходящим ударением и греческим долгим с облученным тоном, засчитываются иногда за два слога в ведийских и авестийских стихах: это напоминает литовскую двухвершинную интонацию и греческий облученный тон. Но ни в литовском, ни в греческом эти формы не являются двусложными.

3. СОНАНТЫ

Под именем сонантов разумеется совокупность различных форм, которые принимают, смотря по положению, фонемы *u*, *w*, *r*, *l*, *n*, *m*.

Сонанты занимают положение среднее между гласными и согласными.

Как гласные, сонанты, при нормальном произношении громким голосом, представляют собою в сущности звучание голосовых связок, модифицированное резонатором, который образуют органы полости рта и носа, не допуская полного смыка: *n* и *m* произносятся при (зубном или губном) смыке полости рта, но при опущенной нёбной занавеске, которая, таким образом, позволяет потоку воздуха непрерывно проходить через нос; смык в полости рта при этом бывает самый слабый, слабее даже, чем смык при *d* и *b*, который со своей стороны не столь силен, как при простых глухих; при артикуляции *l* кончик языка прикасается к нёбу, но края его (или по крайней мере один край) опускаются настолько,

что получается непрерывный поток воздуха; г древних индоевропейских языков характеризуется вибрацией кончика языка, причем поток воздуха не прерывается; наконец, у и w представляют согласные формы *i* и *u*, которые являются наиболее закрытыми из всех гласных, но все же, с фонетической точки зрения, гласными.

Как согласные, сонанты *y*, *w*, *ɣ*, *ɮ*, *ɹ* предшествуют гласным в собственном смысле *ě*, *ǫ*, *ǣ* или гласным сонантам *i*, *u* и т. д. и могут служить для обозначения границы слогов: это — фонемы, характеризующиеся большим сужением прохода воздушной струи, чем при образовании собственно гласных *ě*, *ǫ*, *ǣ*, и потому дающие более определенную артикуляцию.

Отсюда следует, что сонанты могут играть двоякую роль гласных и согласных, смотря по тому, выступает ли на первый план их звучность и непрерывность или закрытый характер их артикуляции. Использование в индоевропейском этой их особенности составляет одну из самых оригинальных черт его фонетики.

Существует четыре различных способа использования сонантов, смотря по положению, и эти четыре способа указывают на столько же различных функций индоевропейских сонантов: 1) Согласная: в начале слова, перед гласной или перед сонантом; между двумя гласными; также между согласной в собственном смысле и гласной. 2) Второй элемент дифтонга: между гласной и согласной (в собственном смысле или согласным сонантом). 3) Гласная перед другою гласною. 4) Гласная: в начале слова перед согласною или между двумя согласными. Корень *pleu- „плавать, плыть“ дает примеры всех четырех способов употребления *w:

1. *w — согласная: скр. *plávate* „плавает“, др.-сл. *пловѣтъ*, гр. *πλέι(φ)αι* „плывет“.

2. *w — второй элемент дифтонга: скр. *plouyati* (из индо-иран. *plaušyati) „будет плавать“, гр. *πλεύσομαι* „буду плыть“, др.-сл. *пловѣхъ* „я плаыл“ (ср. гр. *ἔπλευσεν*).

3. *w — гласная перед гласною (обозначается здесь ^w): перфект скр. *purīuve* „он приплыл“ (из *purī^wai).

4. *w — гласная, т. е. *u: скр. *plutáh* „пывущий, залитый“.

К этим четырем возможным способам использования нужно еще добавить весьма важный случай сочетания сонанта с последующим *ə; этот случай отличается сложностью.

Сонанты между собою менее однородны, чем гласные или согласные в собственном смысле. Гласные **ě*, **ǫ*, **ǣ* — фонемы

одного типа. Смычные также принадлежат к общему типу. Наоборот, сонанты *у и *w, с одной стороны, *п и *m, с другой стороны, и, наконец, *г и *l принадлежат к трем различным типам и подведены нами под общую рубрику лишь вследствие общности их функций, то гласного характера, то согласного характера, то характера второго элемента в дифтонгах. Сонанты *у и *w являются, как уже было указано, теми же фонемзми, что и *i и *u, только играющими роль согласных. Наоборот, носовые *п и *m, артикуляция которых включает элемент смыка, собственно говоря, — согласные; и их гласные формы *ṽ и *ṽ̄ не могут рассматриваться в том же плане, что *i и *u. Что касается двух плавных *г и *l, они значительно различаются между собою и выступают в условиях, отличающих их и от типов *у, *w и от *п, *m. Существенно то, что все шесть сонантов *у, *w, *г, *l, *п, *m включают одним из элементов своего образования вибрацию голосовых связок и тем самым имеют общую черту с собственно гласными, и что вместе с тем они включают некое артикуляционное движение, сближающее их с согласными и позволяющее им функционировать в качестве согласных. Этим объясняется, что гласные сонанты часто склонны превращаться в чистые гласные (так, *ṽ и *ṽ̄ перешли в греческом и в индо-иранском в а) и в дифтонги (так, *ṽ̄, *l̄, *ṽ̄, *ṽ̄̄ перешли в германском в ug, ul, un, um).

а. Согласные сонанты

Таблица соответствий

и.-е.	скр.	ав.	арм.	сл.	лит.	гр.	лат.	ирл.	гот.
*у	у	у	?	ѣ	j	ι, „	i	„	j
*w	v	v	g, v	в	v	f	u	f	w
*г	г	г	g ^l	ρ	г	ρ ^l	г	г	г
*l	г, l	г	l	л	l	λ	l	l	l
*п	п	п	п	п	п	v	п	п	п
*m	м	м	м	м	м	μ	м	м	м

Примечание:

1. В начале слова перед и.-е. *r в греческом и армянском является протетическая краткая гласная а, е или о.

Носовые *n, *m сохраняются всюду. — Точно так же и *r и *l; индо-иранский склонен смешивать *r и *l; диалект, лежащий в основе древнейшего элемента языка „Ригведы“, не знал l, между тем как восточные говоры Индии (māgadhī) распространили l и имеют, например, lājā вм. gājā „царь“; но некоторые говоры Индии сохранили в начальном положении и в положении между гласными различие согласных r и l, что явствует из некоторых слов классического санскрита.

Два сонанта наиболее близкие к гласным, *y и *w, подверглись в своей согласной форме наибольшему изменению.

В начале слова *y сохранилось в индо-иранском, в славянском, в литовском, в германском, в итальянском, в бриттском; склонность усиливать артикуляционное движение затвора обнаруживается лишь после известных нам древнейших периодов в развитии языков, например в переходе от древнеперсидского к новоперсидскому или от латинского к романскому: лат. iacet „лежит“ перешло во фр. gît. В греческом языке *y сделалось глухим и сужение пути воздуха уменьшилось; *y отражается как h (обозначаемое в древнейших надписях знаком H, в александрийский период знаком ^ˆ), которое в некоторых диалектах исчезло раньше времени древнейших текстов и в койнэ не сохранилось ни в одном случае. Начальное *y исчезло таким же образом в ирландском. В середине слова, между гласными, *y сохраняется в индо-иранском, в славянском, в балтийском, в германском, но исчезает в армянском, в греческом, в латинском, в ирландском. Греческий язык не знает фонемы *y: букву „йод“ семитского алфавита греки использовали для обозначения гласной i.

У *w история еще сложнее, чем у *y, и это вследствие его двойной артикуляции: спинка языка приближается к задней части нёба, и обе губы сближаются и округляются. Склонность заменять сонант *w губнозубным спирантом v проявляется рано: уже для индийских грамматиков санскритское v представляется губнозубным, а не характера w; латинское согласное u перешло в v в романских языках; также герм. w — в немецком; в современных балтийских и славянских языках произносят v. Там, где увеличилось сближение языка с нёбом, *w перешло в *gw, потом в g, как это мы наблюдаем в начале слова в армянском и в бриттском;

там же, где увеличилось сближение губ, *w перешло в b в начале слова, как это имеет место при определенных условиях в новоперсидском языке. В греческом языке *F*, отражающая и.-е. *w, имеет очень слабую артикуляцию: между гласными она исчезла почти во всех диалектах до времени древнейших надписей; в начале слова она начала исчезать только около V и IV вв. до хр. э., за исключением ионийско-аттического диалекта, где она не существует уже со времени древнейших текстов; в некоторых диалектах, как, например, в лаконском, она, повидимому, вовсе не исчезала. — Почти всюду мы видим следы того времени, когда *y и *w были чистыми сонантами: так, новоперсидский язык отражает начальное *w общеиранского то как g, то как b, а это как будто свидетельствует о наличии в древнеперсидском сонанта w, а не губнозубного v, и действительно, w сохранилось во многих иранских говорах; в кельтской области начальное *w отражается в ирландском как f, а в бриттском как gw, следовательно, в общекельтском было еще w.

Итак, из двух кельтских диалектов, сохранившихся до наших дней, — гаэльского и бриттского, в одном, гаэльском, *y и *w отражены в виде глухих, а в другом, бриттском, — в виде звонких, и это не случайность, ибо глухие смычные в положении между гласными перешли в гаэльском в глухие спиранты, а в бриттском в звонкие смычные. Отражение *y в виде h в греческом также предполагает оглушение, и вполне вероятно, что и склонности *F* к исчезновению способствовала хотя бы начальная стадия оглушения.

Примеры:

*y:

скр. *yákrt* „печень“ (род. п. *yaknáh*), лат. *iesur* (род. п. *iesinoris*), лит. *jeknos* (мн. ч.); ав. *yākarə*, гр. ἵπαρ (род. п. ἵπατος).

скр. *yuvaśáh* „молодой“, гот. *juggs* (т. е. *juñgs*), валл. *ieuanp*, др.-ирл. *bas*, лат. *iucencus*, умбр. *iuenga* „телка“.

*-ye- в отыменных глаголах: скр. (*ṛiṭanā-*)*yāti* „сражается“, др.-сл. (ажка-)итъ „лукавит“, лит. (*lanpó-*)*ju* „сгибаю“, гр. (τῆρά-)ω „почитаю“.

скр. *mādhyah* „средний“, галльск. *Medio-(lanum)* (здесь два корня со значениями „середина“ и „равнина“), лат. *medius* (с *y, отраженным в виде гласного i после согласной) „средний“ и оск. *meſiai* (дат. п. ед. ч. жен. р.), гот. *midja* (жен. р.); предшествующая согласная изменилась в: гом. μέσος, μέσος „средний“;

арм. *mēj* „середина“, др.-сл. *мѣжда* „граница“, русск. *межа*, польск. *miedza*, сербск. *међа*.

*w:

скр. *viç-*, ав. *vis-* „деревня“, др.-сл. *въсь*, алб. *visë* „места“; гр. *Ῥοῖκος* „дом“, лат. *uiscus* „деревня“, гот. *weihs* „город, крепость“.

скр. *virāñ* „мужчина“, ав. *viḡō*, лит. *vūgas*; лат. *uir*, ирл. *fer*, валл. *gwr*, гот. *waig*.

скр. *srāvati* „течет“, гр. *ῤέ(φ)ω* „теку“; лит. *sgavà* „(крово)течение“, др. *ῤοφα* (в Коркире). атт. *ῤοή* „течение, поток“.

*r:

скр. *rudhirañ* „красный“, гр. *ῤυδρός* (с протетической гласной перед начальным и.-е. *r по правилу греческого языка), др.-сл. *рьдрь* (из **рьдрь*), лат. *ruber* (с *b*, отражающим *ḃ*, происшедшее из **r* после *u*); лит. *gaũdas*, гот. *gaufz*, др.-ирл. *rūad*.

*l:

гр. *λείχω* „лижу“, лат. *lingō*, др.-ирл. *ligim*, гот. *(bi-)láigon* „облизывать“, лит. *lėziù* „лижу“, др.-сл. *лнжж*, арм. *lizem*, вед. *rēhmi* и класс. скр. *lehmi* (ав. *liz-*).

*n и *m:

скр. *nāma* „имя“, др.-перс. и ав. *nāma*, лат. *nōmen*, гот. *namo*, гр. *ὄνομα*.

Примечание:

В некоторых случаях на месте у других языков в греческом оказывается ζ, а не h (обозначаемое знаком '); так:

гр. *ζυγόν* „яро“ при хет. *yugan*, скр. *yugám*, лат. *iugum*, гот. *juk*, чеш. *jho* (из **jigo*);

гр. *ζωστός* „опоясанный“, при ав. *yāstō*, лит. *jūstas*, др.-сл. (по-)*асъ*.

Это отражение в виде ζ встречается только в начале слова, и ни один из остальных языков не подтверждает различия, предполагаемого на основании греческого языка; поэтому мы имеем здесь греческое нововведение, условия возникновения которого не могут быть определены.

б. Сонанты в д'ифтонгах

Дифтонг образуется непрерывным звучанием гласного, начало и конец которого артикулируются совершенно по-разному, а про-

межгласничья часть образует переход от одной артикуляции к другой. Индоевропейский язык образует дифтонги из своих гласных *e, *o, *a в сопровождении какого-либо из сонантов; гласная, т. е. наиболее открытая часть артикуляции, находится в начале, а сонант, т. е. наиболее закрытая часть, — в конце.

Часто дифтонгами называют только сочетания, образованные из *e, *o, или *a с сонантами *y и *w; но между этими сочетаниями и теми, которые образуются из тех же гласных с другими сонантами, более близкими к согласным, *r, *l, *n, *m, с индоевропейской точки зрения — параллелизм полный. Параллелизм дифтонгов, образуемых при помощи всех шести сонантов, ясен в литовском языке, где такие дифтонги, как aĩ, aũ, aĩ, aĩ, способны иметь двоякую интонацию — восходящую и нисходящую, — подобно дифтонгам aĩ и aũ, а именно:

aĩ aũ aĩ aĩ aĩ aĩ
 aĩ aũ aĩ aĩ aĩ aĩ.

В лит. ап непрерывный переход от гласной а к носовой сказывается в том, что конец звучания а становится носовым, и в восточных говорах литовского языка, где старое ą (носовое а) отражается в виде u, ап отражается в виде up; следовательно, а в сочетании ап было по крайней мере отчасти носовым. В греческом дифтонг ευ мог иметь облеченный тон подобно, например, дифтонгу [ε̂]; и действительно, оба эти дифтонга играют одинаковую роль в случае присоединения к слову энклитики: вторичный тон развивается и в сочетании εὐδα τε, как и в сочетании εἶτα τε.

Сонанты, выступающие в качестве вторых элементов дифтонгов, имеют особые отражения и должны были бы для большей точности обозначаться особыми знаками. Сообразно с обычной практикой греческого и латинского алфавита они будут обозначаться здесь знаками i, u, r, l, n, m; в этом способе обозначения обнаруживается непоследовательность: сонанты y и w обозначаются своею гласною формою, а остальные — согласною; чтобы быть последовательным, следовало бы писать ey, ew, er, el, en, em или же ei, eu, er, el, en, em.

Индоевропейские дифтонги определяются следующими соответствиями (начальный гласный элемент имеет, как правило, то же отражение, что и взятый изолированно: и.-е. *e, *o, *a одинаково все три отражаются в индо-иран. а, и.-е. *o и *a совпадают в лит. а и в сл. о и т. д.):

н.-е.	скр.	ав.	др.-перс.	др.-сл.	лит.	арм.	гр.	лат.	ирл.	др.-в.-нем.
*ei	e ¹	aē, ōi	ai	и	ē ² , eī	(?)	ei	i ³	ē, ia	i
*eu	o ¹	ao, ēu	au	ю	jaū	ou	eu	ū ³	ō, ūa	eo, iu
*er	ar	ar	ar	рѣ ⁵	eī	er ⁶	ep	er	er	er
*el	ar ¹	ar ¹	ar ¹	лѣ ⁵	eī	el	el	ul	el	el
*en	an	an	a(n)	ѣ	eñ	in	en	en	(en)	in
*em	am	am	am	ѣ	eñ	im	em	em	(em)	im
*oi	e ¹	aē, ōi	ai	ѣ (и) ⁴	ē ² , aī	ē	oi	ū ³	oe	ai, ei, ē
*ou	o ¹	ao, ēu	au	оу	aū	ou	ou	ū ³	ō, ūa	au, ou, ō
*or	ar	ar	ar	ра	aī	or ⁶	op	or	or	ar
*ol	ar ¹	ar ¹	ar ¹	ла ⁵	aī	ol	ol	ul	ol	al
*on	an	an	a(n)	ѣ	añ	un	on	on	(on)	an
*om	am	am	am	ѣ	añ	um	om	um	(om)	am
*ai	e ¹	aē, ōi	ai	ѣ (и) ⁴	ē ² , ai	ay	ai	ae	ae	ai, ei, ē
*au	o ¹	ao, ēu	au	оу	au	aw	au	au	ō, ūa	au, ou, ō
*ar	ar	ar	ar	ра	ar	ar ⁶	ap	ar	ar	ar
*al	ar ¹	ar ¹	ar ¹	ла	al	al	al	al	al	al
*an	an	an	a(n)	ѣ	an	an	an	an	an	an
*am	am	am	am	ѣ	am	am	am	am	am	am

Примечания:

1. Скр. *e* и *o* суть долгие гласные, происшедшие из старых индо-иранских дифтонгов *ai*, *au*, сохранившихся в древнеперсидском; тот факт, что они представляют дифтонги, обнаруживается даже в самом санскрите и был подмечен туземными грамматиками. Индоевропейские дифтонги с **i* дают в санскрите и в иранском дифтонги с *g*.

2. Условия различного отражения — в виде *ë* (*ie*), с одной стороны, и *ei*, *ai* — с другой, в литовско-латышском — неизвестны. Древнепрусский сохраняет дифтонги в неприкосновенности.

3. Дифтонги *ei*, *oi*, *ou* (отражающий **eu* и **ou*) отмечаются еще в древнейших латинских надписях и не вполне еще перешли в *i*, *u*, *u* к концу III в. до хр. э. Оскский язык до конца сохранил дифтонги в точности: так, 3-е л. мн. ч. *deicans* соответствует лат. *dīcant* „говорили бы они“; дат. мн. ч. *nesimois* при лат. *proximis* „ближайшим“.

4. Сл. *n* представляет и.-е. **-oi*, **-ai* в некоторых случаях в конце слова; правило установить не представляется возможным.

5. Переход **er*, **el*, **or*, **ol* в *рѣ*, *лѣ*, *ра*, *ла* не является общеславянским: древнеславянским *ра*, *ла* в русском языке соответствуют *оро*, *оло*, а в польском — *го*, *ло*; др.-сл. *рѣ* из **er* в русском соответствует *ере*, а в польском *gze*, *gzo*; др.-сл. *лѣ* из **el* в русском соответствует *оло*, а в польском *le* или *lo*. В начале слова — особые отражения.

6. Армянские *ei*, *oi*, *ai* в некоторых случаях, преимущественно перед *n*.

Примеры на некоторые дифтонги:

**ei*:

гр. *ἔϊσι* „пойдет“, скр. *éti* „идет“, др.-перс. *aitiy*, ав. *aēiti*, лат. *it* (из **it*, **eit[i]*; ср. *is* „идешь“), др.-лит. *eiti* „идет“.

др.-прус. *deiws* „бог“, лит. *dēvas* „бог“ (но *deivē* „привидение“ из *deivið*), лат. *deus* (из **deios*, **deiuos*), мн. ч. *diui*, оск. *deiva i* „богини“, др.-в.-нем. *Zio* и др.-исл. *Tyr* (из герм. **tiwaz*), ирл. *dīa*, скр. *deváh* „бог“, ав. *daēvō* „демон“.

**au*:

лат. *augmen* „увеличение“, лит. *augmĩ*, род. п. *augmens* „на-рост“, скр. *oĵmā*, род. п. *oĵmānaḥ* „сила“; лат. *augēre* „увеличивать“, гот. *aukan* „расти“; гр. *αὐξάνω* „увеличиваю“.

*op:

др.-сл. пять, арм. *hup* „проход“, скр. *pánthāh*, ав. *panta* (с т, происшедшим из *th после n) „дорога“; лат. *pons* „мост“ и, по-видимому, гр. *πόντος* „море“.

*om:

гр. *ῥάμφος* „клин, деревянный гвоздь“, др.-сл. *зубъ* „зуб“, лит. *žai̯mbas* „край балки“, др.-исл. *kambgr* „гребень“ (нем. *kamm*), скр. *jāmbhah* „зуб“.

*er:

лат. *uertō* „поворачиваю“, скр. *vārte* „поворачиваюсь“, гот. *waírþan* „становиться“, лит. *veĩsti* „поворачивать“; др.-сл. *врѣтено* (русск. *веретено*, польск. *wrzeciono*), ирл. *fertas* и валл. *gwerthyd* „веретено“.

*og:

лит. *varlyti* „вращать“, др.-сл. *вратити* (русск. *воротить*, польск. *wrócić*), гот. *fra-wardjan* „портить“ (для значения ср. лат. *per-uertere* „сокрушать, портить“), скр. *vartáyati* „вертит“.

*al:

гр. *ἀλφή* „доход“, лит. *algá* „плата“, скр. *argháh* „цена, достоинство“, осетинское *аг* „цена“; этот пример не вполне достоверен, так как гр. *αλ* может отражать и.-е. *l̥, а лит. *al*, индо-иран. *ag* — и.-е. *ol.

После гласной и перед согласной сонант, как правило, не может иметь другой формы, кроме формы второго элемента дифтонга: так, при гр. *Frήγνῶμι* „ломаю“ в эолийском диалекте аорист *εὐράχην* „был сломан“, а не **εἶf ράχην*, прилагательное *αῦρηκτος* „неразломанный“, а не **ἄ-fρηκτος* (гом. *ἄρρηκτος* подновлено под влиянием *ρήγνῶμι* „разламываю“); перфект средн. зал. от скр. *uájati* „приносить жертву“ не **ya-uj-e*, но *ueje*, т. е. **ya-ij-ai*.

Кроме вышеуказанных соответствий есть еще другой ряд, который особенно ясен в индо-иранском и несколько менее — в греческом:

скр.	ai	au	ān	ām	ār
ав.	āi	āu	an	am	ār
гр.	{	{	{	{	{
	{	{	{	{	{
	{	{	{	{	{
	{	{	{	{	{

Это — дифтонги с долгим первым элементом, т. е. и.-е. *ēi *ēu, *ēn, *ēm, *ēg (и *ēl) и т. д. Нет основания думать, чтобы у этих дифтонгов была длительность долгой гласной плюс сонант, т. е. три моры, между тем как у дифтонгов с кратким первым элементом — только две: в ведийских и древнегреческих стихах дифтонг с долгим первым элементом принимается за две моры, как и долгая гласная или дифтонг с кратким первым элементом. С другой стороны, чтобы первый элемент дифтонга казался долгим, достаточно, чтобы он был длиннее гласной в дифтонге первого типа и чтобы сонант был относительно короче; различие между *ēi и *ei могло, следовательно, заключаться только в том, что в *ēi — e было длиннее, а i короче, чем e и i в дифтонге *ei. Сонанты дифтонгов с долгим первым элементом часто исчезают либо в исторический период различных языков, либо уже в индоевропейском. Так, еще обозначившийся в древнегреческом дифтонг *ōi таких форм дательного падежа, как ав. vāhṛkāi „волку“, гр. λύκωι (пишется λύκω), лит. vilkuī (где ū отражает *ōi, тогда как -ē, из -ai, отражает *-oi), постепенно превратился в ō в греческом языке, где произношение старого -ωι как ō сделалось всеобщим по крайней мере со II в. до хр. э.

Дифтонги с долгим первым элементом склонны превращаться перед следующей согласной того же слова в дифтонги с кратким первым элементом; так, конечное *-ōis твор. пад. мн. ч., засвидетельствованное скр. vīkaiḥ „волками“, ав. vāhṛkāiṣ, отражается в греческом как ωις, в литовском -aiṣ, в латинском -is (из -eis, первоначально *-ois): гр. λύκοις, лит. vilkaīṣ, лат. lupīs (ср. оск. pezīmois „ближайшими“).

Санскритским dyāuḥ „небо“, gāuḥ „бык, корова“, nāuḥ „корабль“ в греческом соответствуют Ζεύς „Зевс“, βούς, ναύς, с дифтонгами ου, ου, αου, а не *ηυ, *ου, *αυ; если в ионийском и есть форма νηύς, то она возникла вследствие внесения по аналогии долгой гласной в им. п. из других падежей, вин. ед. ч. *νᾱf α, род. *νᾱf ός и т. д.; и действительно, Ζεύς и βούς, склонение которых имеет долгую гласную, только в им. (и вин.) пад. ед. ч. сохранили ου, ου во всех диалектах. Долгота первого элемента сохраняется повсеместно лишь в конечном слоге; так, в гр. πατήρ „отец“, ἀκίμων „наковальня“, ἡμέραν „день“ (вин. пад.). В Индии дифтонги ai и au, отражающие дифтонги с долгим первым элементом, сохраняются еще в санскрите; но смешиваются с краткими в пракритах.

Уже в индоевропейскую эпоху относительно краткий сонантический элемент дифтонгов с долгим первым элементом в некоторых случаях исчез; например, вин. п. мн. ч. основ на *-ā- имел, по крайней мере в некоторых положениях, *-ā-s, происшедшее из старого *-ā-ns: скр. -āḥ, лит. -ās (из старого балтийского *-ōs); греческий язык снова ввел носовой элемент (по аналогии других склонений) и сократил вследствие этого гласную $\bar{\alpha}$, откуда * $\bar{\alpha}$ νς, сохранный, например, в критском диалекте; таким образом, вин. пад. мн. ч. от τῆμα „честь“, ион.-атт. τῆμή „честь“, будет *τῆμανς, откуда ион.-атт. τῆμας, лесб. τῆμας. Точно так же *i* и *u* выпали в и.-е. формах вин. пад. ед. ч. основ **dyeu-* „небо, день“, **g^wou-* „бык, корова“, **gei-* „богатство“: скр. *dyām*, *gām* и гом. Ζῆν, дор. βῶν, лат. гет. т. е. **dyēm*, **g^wōm*, **rēm* из доиндоевропейских **dyēum*, **g^wōum*, **rēm*.

В индоевропейском точка артикуляции носового сонанта не совпадала обязательно с точкой артикуляции следующей согласной: в литовском мы имеем *m* перед *t*, например в *šimtas* „сто“, *geĩti* „подпирать“, в готском — перед *ʃ*, например в *ga-qumʃs* „приход“ и перед *s*, например в *ams* „плечо“. Поэтому, если мы находим *m* на месте старого *m*, перед зубной, то это есть результат нововведения: так, перед *t* в лат. *centum* „сто“ и перед *d* в гот. *hund* „сто“. Равным образом возможно, что носовая гуттуральная перед смычной гуттуральной происходит от нововведения в каждом данном диалекте, хотя это явление и довольно общее: скр. *añkāḥ* „крюк“, гр. *ῥῆχος*; лат. *quinque* „пять“ (с *i*, происшедшим из **e* перед носовой гуттуральной, тогда как *e* сохраняется перед зубной *p*, например в *centum*). В санскрите носовая палатальная стоит перед палатальной и носовая гуттуральная перед гуттуральной: скр. *pañca* „пять“ и *pañktiḥ* „пяток“.

в. Гласные сонанты перед гласными

Часто случается, что звукосочетание, состоящее из сонанта с последующей гласной, составляет два слога: тогда сонант отражается во всех индоевропейских языках в виде краткой гласной с последующей фонемой, представляющей согласный сонант между гласными. Можно обозначить эти сочетания, например перед гласным *e*, следующим образом:

*^oye, *^owe, *^ore, *^ole, *^one, *^ome.

Но, поскольку в действительности *^oy и *^ow отражаются всегда так же, как и гласные **i* и **u* с последующим **y* и **w*, то мы пишем в обоих случаях

**iye*, **uwe*.

Примеры:

*jy:

гр. βίος „лук“ (*у между гласными в греческом выпадает), вед. j(i)uā „тетива“ (пишется juā, но во многих местах в „Ригведе“ составляет еще два слога), лит. gijā „нитка (для тканья)“.

*uw:

вед. d(u)vāu, d(u)vā „два“ (пишется dvāu, dvā, но в стихах два слога), ав. d(u)va (два слога), гом. δύο, атт. δύο, лат. duo, др.-сл. двѣа;

скр. род. п. bhruvāḥ „брови“, гр. ὄφρυς из *ὄφρυς, др.-сл. вин. п. бръвъ, лит. вин. п. brūvj.

Отражение других гласных сонантов перед гласными сведено в следующей таблице:

и.-е.	скр.	ав.	др.-сл.	лит.	арм.	гр.	лат.	ирл.	гот.
*o	ir, ur ¹	ar	ьр, ър ²	ir, ur ²	ar	αρ	ar	ar	aúr ⁴
*i	ir, ur (il, ul)	ar	ьл, ъл	il, ul	al	αλ	al	al	ul
*n	?	?	ьн, ън	in, un	an	αν	an, in ³	an	un
*m	?	?	ьм, ъм	im, um	am	αμ	am, im ³	am	um

Примечания:

1. Звуки i и u в санскрите по большей части зависят от предшествующих согласных.

2. Звуки i и u в балтийском и славянском появляются в условиях, по большей части не выясненных.

3. Лат. in, im перед i следующего слога, например в sine „без“ из *s^oni, ср. др.-ирл. sain (кельт. *sani) „отдельно“.

4. Гот. aúr, так как герм. *u перед r в готском переходит в aú (т. е. открытое o); ur сохраняется в других германских диалектах (причем u переходит в o при тех же условиях, при каких вообще в этих диалектах u переходит в o).

Примеры;

*^or:

скр. *puráh* „вперед“, ав. *paṛō*, гр. *πᾶρος* „раньше“: др.-в.-нем. *furisto* „князь“, ирл. *ar* „вперед“, галльск. *Are-mogica* „приморье“.

*^oi:

гр. *βαλεῖν* „бросать“, лит. *gulėti* „лежать“ (относительно значения ср. лат. *iacerē* „бросать“ и *iacerē* „лежать“).

*^on:

др.-сл. *мынѣтъ* „думать“, лит. *minėti*, гот. *minan* „думать“, др.-ирл. *-mainethar* „думает“ (откуда *-moinethar*), гр. *μανηῖναι* „безумствовать“. — Латинское отражение ап обнаруживается в омонимном корне **men-* „оставаться“: *manēre*, из **m^olē-*.

*^om:

гр. **ἄρισ* в слове *οὐδ'ἄρισ* „ни один“, гот. *sums* „некий“; др.-в.-нем. *sumar* „лето“, арм. *amaṙn*; др.-ирл. *sam*.

г. Гласные сонанты

Находясь между двумя согласными, или в начале слова перед согласной, или в конце слова после согласной, сонанты играют роль гласных. Гласные сонанты определяются следующими соответствиями, не включающими ни хеттских, ни тохарских фактов, пока еще плохо выясненных:

и.-е.	скр.	ав.	др.-сл.	лит.	арм.	гр.	лат.	ирл.	гот.
*i	i	i	ь	i	i	ι	i	i	i
*u	u	u	ѣ	u	u	υ	u	u	u
*r	r	əṛə	р'ь	iŕ, uŕ ¹	ar	ρα, αρ ²	or	ri	aúr ¹
*l	r	əḡə	ль, л'ь ¹	iļ, uļ ¹	ał	λα, αλ ²	ul	i	ul
*n	a	a	н (ь) ¹	iñ, uñ ¹	an	α	en	(см. прим. ³)	un
*m	a	a	м (ъ) ¹	iṃ, uṃ ¹	am	α	em	(см. прим. ³)	um

Примечания:

1. Условия, при которых в древнеславянском является *ль* или *дъ* (т. е. гласное *l* или *ɫ* гласное *l*) и т. д., а в литовском *iĩ* или *uĩ* и т. д., не выяснены.

2. Условия, при которых в греческом является *ρх* или *αρ*, *λх* или *αλ*, точно не определены.

3. Отражение **ŋ* и **m̥* в ирландском настолько сложно, что не может быть сведено в таблицу.

4. Гот. *aúr* представляет герм. **ur*.

Примеры:

**i:*

скр. *dīc-* „направление, сторона“, лат. *dīc-* в выражении *dīcis causa* „для вида“; гр. *δίκη* „право, справедливость“, лат. *dīctus* „сказанный“ (итал. *detto*), скр. *diŕšáh* „показанный“; др.-англ. *tígen* „показанный“.

**u:*

скр. род. п. *ŕúnaĥ* „собаки“, ав. *sunō* (пишется также *sūnō*), гр. *κυνός*, др.-ирл. *con* (из кельт. **kunos*), лит. *šun(e)s*.

**ɫ:*

скр. *ŕŕscháti* „спрашивает“, ав. *ŕəŕəsaiti*, арм. *harçi* „я спросил“, лат. *ŕoscō* (из **ŕoŕescō*) „требую“; др.-в.-нем. *forsca* „расспрашиваю“ (с *or* из герм. **ur*); лит. *ŕiĩšti* „свататься“.

Гом. *καρδίη* (и *καρδίη*) „сердце“, лат. *cor*, род. п. *cordis*, др.-сл. *сръдъце*, др.-ирл. *críde*, хет. *kardi-*.

**ɫ:*

скр. *vŕkaĥ* „волк“, ав. *vəhrkō* (с обозначением посредством *h* особенности, происшедшей, быть может, под влиянием тона), лит. *vilkas*, др.-сл. *вѣлкъ*, гот. *wulfs* (с *f*, возникшим под особым влиянием).

**ŋ:*

скр. *á(-jūātaĥ)* „неизвестный“, гр. *ἄ(-γνωτός)*, лат. *ignōtus*, т. е. *inñōtus*, из **in(-gnōtos)*, др.-ирл. *in(-gnad)*, гот. *un(-kunþs)*, арм. *an(-canawth)*.

**m̥:*

скр. *ŕatām* „сто“, ав. *satəm*, гр. *(ἑ-)κατόν*, лит. *šimtas*, др.-сл. *сѣто* (с *ъ*, которое напрасно считают нерегулярным), гот. *hund* (из **humdan*), лат. *centum*, валл. *cant*, др.-ирл. *cēt*.

Мы видим, таким образом, что *i и *u с точки зрения индоевропейского — только гласные формы сонантов *y и *w, совершенно так же, как °r, *l, *n, *m суть гласные формы сонантов *r, *l, *n, *m: скр. *suptáñ* „заснувший“, гр. ὕπνος „сон“, др.-сл. сънъ (из *zürnū) стоят в таком же отношении к скр. *svárnañ* „сон“, др.-исл. *suefn* „сон“, как скр. *ṛsccháti* „спрашивает“, ав. *ṛəḡəsaiti* и т. д. к скр. *ṛgáçnañ* „вопрос“, лат. *ṛescēs* (мн. ч.) „просьбы“, гот. *fráihna* „спрашиваю“; скр. *diṣṭáh* „показанный“, ав. *dišta-* и т. д. стоят в таком же отношении к гр. εἰδείξα „я показал“, лат. *dīcō* (из *deicō*) „говорю“, как скр. *baddhañ* „связанный“, гот. *bundans* „связанный“ к скр. *bándañ* „родственник“, гот. *binda* „связываю“, лит. *beñdras* „товарищ“.

Гласные сонанты *i, *u, *r, *l, *n, *m с точки зрения индоевропейского — краткие: санскрит отражает их всех как краткие i, u, r, l, a, a; точно так же и греческий, кроме *r и *l, из которых получается ρα (или χρ), λα (или αλ): гр. πατράα „отцам“ у Гомера представляет дактиль, тогда как вед. *pitṛṣu* „среди отцов“ сообразно с индоевропейским употреблением — три кратких слога; отражение *n, *m в сл. ъ (например в съто) представляет также краткую; почти повсюду, кроме индо-иранского, и.-е. *r, *l, *n, *m отразились в виде гласных с последующими r, l, n, m и, следовательно, превратились в дифтонги, как, например, гр. αρ, αλ, приобретая характер долгих; но скр. r, a также индо-иранское, греческое и одно из славянских отражений *n и *m показывают, что эта долгота развилась позднее эпохи индоевропейского единства.

Много спорили о том, были ли эти краткие и.-е. *r, *l, *n, *m чистыми вокализированными сонантами, как i и u, или артикуляция их слагалась из очень краткой гласной с предшествующими или последующими r, l, n, m в качестве согласных или вторых элементов дифтонгов. Этот вопрос имеет второстепенное значение, так как важно определить не то, произносились ли *r, *l, *n, *m тем или иным способом, но то, как отразились они в различных языках и каково их место в строе индоевропейских языков. — Существование очень краткого гласного элемента, независимо от сонанта, могло бы быть по-настоящему установлено только на основании совпадения в звучании представителей этой гласной в различных языках. В этом отношении самым замечательным является двоякое балтийское отражение в виде *iŕ* и *uŕ*, которому соответствует и общеславянская пара *r и *ŕ, совпавшая в др.-сл. *ръ*, но сохраненная русским языком в сочетаниях *ер* и *ор* и вызвав-

шая различия в трактовке гуттуральных в общеславянском; так, с одной стороны, мы имеем др.-сл. чрънъ (из *ǫrnǫ), рус. чер-
ный, др.-прус. kirsnap, лит. kirsna (собственное имя реки, „Чер-
ная“), ср. скр. kŕŕnāh „черный“, а с другой стороны — др.-сл.
крьма (из *k^hрма), рус. корма; последнему слову, возможно, со-
ответствует гр. κρέμα, κρέμα „корма“, с отражением *ŕ в виде р, у,
которое напоминает славянское **р(ŕ) и отличается от обыч-
ного рх. Факты такого рода стоят так одиноко, что из них нельзя
сделать окончательных выводов.

Гласная, развившаяся по соседству с г, l, n, m, в герман-
ском, балтийском и славянском принадлежит к наиболее
закрытому типу: i или u; тем самым выбор мог быть лишь между
задненёбной закрытой гласной u и передненёбной закрытой
гласной i. Там, где развившаяся гласная принадлежит к наиболее
открытому типу, именно а, вопроса не возникает; звук а появляется
в индо-иранском, в армянском и в греческом. Таким образом,
обнаруживается распределение по диалектам. Итальянские и кельт-
ские факты из этого распределения выпадают; здесь налицо
колебания; в итальянском *ŕ и *m̄ перешли в en и em, а *ŕ и *l̄
перешли в og и ul; в кельтском *ŕ и *m̄ перешли в an и am,
а *ŕ и *l̄ получили двойное отражение — в виде ri, li и в виде ar,
al: при гр. πλατύς „широкий“ в галльском мы имеем litano-
(в Litano-briga, букв. „широкая крепость“) и в ирландском lethan,
отражающее *litano-; но при скр. rŕschāti „спрашивает“ в латин-
ском мы имеем roscō из *roŕcsco „требую“, в ирландском arso
„прошу“, в валл. archaf. Эти колебания свидетельствуют о тех
затруднениях, которые испытывали языки при замене древних
плавных (характера гласных), бывших фонемами нестойкими
и в общем не удержавшихся.

Основное заключается в следующем: *i, *u, *ŕ, *l̄, *n̄, *m̄ —
элементы друг другу параллельные и играющие в языке одну
и ту же роль: роль гласных.

д. Сонанты перед *э

В сочетаниях типа: гласная + сонант + *э + согласная, скажем,
*enēt, согласный сонант и *э получают свои нормальные отраже-
ния, и никакого вопроса не возникает; это тип:

скр. janitā, гр. γενέτωρ, лат. genitor „родитель“,

или в языках с исчезающим *э в середине слова (иранском,
армянском, славянском, балтийском, германском, см. стр. 126), ав.
zantuš из *genētū-, др.-сакс. kind „дитя“ из *genētó-.

В сочетаниях типа: согласная (или начало слова) + сонант + *э + согласная, трудно определить отражение. Сонанты мы будем обозначать здесь знаками *у, *w, *r, *l, *n, *m, не предопределяя этими начертаниями никакой гипотезы об их гласном или согласном характере.

Для *у и *w + *э мы имеем отражение, точно установленное: *i и *ū; здесь все языки согласуются:

скр. *kṛitāh* „купленный“, ирл. *crithid* „любящий покупать“.

скр. *tīyaḥ* „сильный“, лит. *tūlas* „несколько“, др.-прус. *tūlan* „много“, гр. *τῶλη* „опухоль“.

Но греческий язык наряду с *i*, *ū*, отражающими и.-е. *i и *ū, знает еще формы *ix*, *ux*, которые, повидимому, отражают и.-е. *iyə, *uwə, например, в слове *πρίσθαι* „купить“, при скр. *kṛitāh* „купленный“.

Для *r, *l + *э мы имеем в санскрите *ir*, *ūr* (r отражает и *r, и *l, ср. стр. 132 и сл.), а для скр. *n + *э перед зубной — *ā*; отражение *m + *э в санскрите плохо исследовано. Этим путем пришли к установлению и.-е. *ī, *j, *ñ, *ñ параллельно к *i и *ū; но это лишь символы, а не определенные фонетические характеристики. Впрочем, в некотором числе примеров греческий язык знает соответствия *αrα*, *αlα*, *αnα*, т. е. как будто дело обстоит так, что исходными формами являются и.-е. *^orə, *^olə, *^onə, *^omə. Но наряду с этими отражениями есть и другие: *ῥā*, *λā* (и, быть может, в некоторых случаях *ῥω*, *λω*), *vā*, *μā*, часто являющиеся двусмысленными, так как нельзя сказать, не отражаются ли здесь и.-е. *gā, *lā, *nā, *mā (см. гл. IV), а следовательно, подверженными сомнению; однако а *ῥiōi* эти отражения правдоподобны, ибо наряду с *^orə в индоевропейском должно было быть и *rə, а греческий язык дает сочетание *ῥā* только в таких случаях, когда мы можем предполагать возникновение новой формы уже на греческой почве по аналогии.

В кельтском языке есть формы типа *aga*, *ala* и т. д., соответствующие греческому типу *αrα*, *αlα* и т. д.; в латинском тоже есть *agi*, *ali* и т. д. (по большей части со свойственным ему пропуском гласной внутри слова). Наряду с этим мы имеем кельт. *gā*, лат. *gā*, и кельт. *lā*, лат. *lā* и т. д., соответствующие гр. *ῥā*, *λā* и т. д. Повидимому, следовательно, двойное отражение, наблюдаемое в греческом, имеет место и в кельтском и в италийском.

Что касается языков, где *э внутри слова выпадает, то два ряда отражений, различаемые в греческом, италийском и кельт-

ском, здесь склонны смешиваться между собою и даже смешиваться с обычным отражением *ṛ, *l̥, *n̥, *ṇ̥; однако балтийские и славянские языки различают *ṝ и *ṛ̅ по интонации:

*ṝ: лит. iṝ или uṝ, серб. ṝ (под ударением),

*ṛ̅: лит. iṛ̅ или uṛ̅, серб. ṛ̅ (под ударением)

и то же самое для всех рядов. Индо-иранский также различает *ṇ̄ и *ṇ̅, откуда:

*ṇ̄: лит. iṇ̄ или uṇ̄, серб. ṇ̄, индо-иран. ṇ̄,

*ṇ̅: лит. iṇ̅ или uṇ̅, серб. ṇ̅ или ỹ, индо-иран. ṇ̅.

Под *ṝ, *l̄, *ṇ̄, *ṇ̅ понимаются все эти сложные отражения *ṛ, *l̥, *n̥, *m̥ + *ə.

Следующие примеры дают представление об этих явлениях:

*ṝ:

скр. gīṛṇāḥ „проглоченный“, лит. girtas „пьяный“ и gūrklī (вин. п.) „глотка, зоб“, др.-сл. гръло (серб. гр̄ло) „горло“; гр. βράχρον „ущелье, пропасть“ (ω в ἔβρωу при βιβρώσκω „ем“ отражает и.-е. *ō).

др.-сл. (съ-)трѣтъ „стертый, сношенный“, серб. тр̄ти „тереть, сносить“, гр. τρῶνός „проникающий, точный“ (пример, повидимому, достоверный); др.-ирл. tarathar „бурав“.

скр. sphūṛjati „лопается, брызжет, гремит“, гр. σφραγίω „лопаюсь, трещу“, лит. spūrgas „почка (на дереве)“, лат. spargō (из *sparagō?), „разбрасываю“.

*l̄:

скр. dīrghāḥ „длинный“, ав. darəṇō (двусложное), хет. dalugaš, др.-сл. дългъ (серб. д̄г̄); лит. ilgas (без начального d).

гр. παλάμη „ладонь“, лат. palma (из *palama?), др.-ирл. lām „рука“, др.-англ. folm (из герм. *fulmā) „ладонь“.

скр. pūrṇāḥ „полный“, др.-сл. пълнь (серб. п̄н̄), лит. pilnas, гот. fulls (из герм. *fulnaz), др.-ирл. lān.

*ṇ̄:

скр. jātāḥ „рожденный“, ав. zātō, лат. (g)nātus, галльск. (Cintu-)gnātus; гот. (guma-)kunds „мужского пола“ (буквально: „родившийся мужчиною“).

скр. yātā „жена брата мужа“, лат. ianitricēs „жены двух братьев“;

лит. (pa-)žintas „известный“, гот. kunþs.

гр. θάνατος „смерть“, наряду с θνητός (дор. θνῆτός) „смертный“.

* \bar{m} :

гр. ($\acute{\alpha}$ -) $\delta\acute{\alpha}\mu\alpha\tau\omicron\varsigma$ „незамужняя, свободная“, наряду с $\delta\mu\eta\tau\omicron\varsigma$ (дор. $\delta\rho\acute{\alpha}\tau\omicron\varsigma$) „укрощенный“.

лит. tinsgas „рыжечалый“ (о лошади).

Такая форма, как гр. $\tau\acute{\epsilon}\delta\upsilon\alpha\mu\epsilon\nu$ (со слогом - $v\lambda$ -) „мы умерли“, при $\tau\acute{\epsilon}\delta\upsilon\eta\mu\alpha$ „я умер“, объясняется аналогией, ср. $\acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\mu\epsilon\nu$ „мы поставили“ при $\acute{\epsilon}\sigma\tau\eta\mu\alpha$ „я поставил“. Точно так же лат. gravis „тяжелый“, где - ga - из *- $g\acute{e}$ -. Случаи такого рода редки.

Соответствия, обозначаемые через * \bar{r} , * \bar{l} , * \bar{n} , * \bar{m} , не существуют вне сочетаний * r - \acute{e} , * l - \acute{e} и т. д. Нельзя того же сказать об * \bar{i} и * \bar{u} . Действительно, эти долгие сонанты иногда чередуются с краткими * \bar{i} и * \bar{u} :

скр. vīrāḥ „мужчина“, ав. vīrō , лит. vūgas , но лат. uir , др.-ирл. fer (из * wīros), гот. waír (из * wīraz).

скр. pū „ныне“, гр. vūv , др.-сл. нѣнѣ , но скр. pū , гр. vú , лат. pu(-diūs) , др.-ирл. pu , др.-сл. нѣ , вероятно, также хет. pu „к тому же, и“.

В этих словах употребление * \bar{i} или * \bar{i} , * \bar{u} или * \bar{u} определялось, повидимому, соображениями ритма; например, в аористах с удвоением \bar{i} удвоения — долгое перед кратким слогом в скр. gīrīṣat „он повредил“ и краткое перед долгим слогом в скр. dīdīrat „он заблестал“; в греческом слове со значением „огонь“ \bar{u} — долгое в односложной форме им. падежа и краткое в других падежах: πῦρ , род. п. πῦρός . Впрочем, эта долгота в некоторых случаях — результат самостоятельного развития в каждом данном языке; доказательством этому служит то, что в санскрите \bar{i} , происходящее из и.-е. * \acute{e} , часто бывает долгое; а это \bar{i} чисто индо-иранское.

Эти * \bar{i} и * \bar{u} во всех случаях — не что иное, как гласные сонанты; так, * \bar{u} в * pū есть то же самое, что в производных словах: скр. pavaḥ „новый“, гр. vé(f)ος , лат. novus , др.-сл. новѣ .

Замечание о сонантах

Условия, в которых появляются различные формы сонантов, могут быть изучены лишь в связи с изучением слова и, в главе IV, в связи с чередованиями гласных. Это разнообразие различных форм сонантов — одна из характерных черт индоевропейского. Ни один из засвидетельствованных языков не сохранил его вполне; даже санскрит, лучше других сохранивший его, кое-что уже утратил; архаичность литовского языка отчасти обнару-

живается именно в сохранении системы сонантов, о которой он один из всех живых индоевропейских языков еще и теперь дает приблизительное представление.

II. СЛОГ

Последовательная цепь фонем заключает в себе ряд естественных подразделений, которые называются „слогами“. „Гласные“ (собственно гласные и гласные сонанты) представляют собою выдержки, а согласные (собственно согласные и согласные сонанты) — переходные движения; основным элементом гласных, при нормальном говорении громким голосом, является вибрация голосовых связок, модифицированная резонансом полости рта и носа, а основным элементом согласных — артикуляционное движение раствора и затвора; есть, следовательно, выдержки звучания — гласные, разделенные артикуляционными движениями раствора и затвора — согласными. Чтобы составить теорию слога, надо сперва установить теорию звуковой цепи речи. Основы этой теории можно найти в „Traité de phonétique“ г-на Граммона (стр. 97 и сл.). В звуковой цепи речи есть моменты напряжения и моменты разрядки. Слог определяется последовательным рядом напряжений и разрядок. Г-н Граммон определяет его как „ряд возрастающих растворов“ ртовых органов „с последующим рядом убывающих растворов“ (ук. соч., стр. 99). Возьмем для примера схематический ряд фонем, а именно:

atesoyonugiwpre.

Выдержки здесь — а, е, о, о, и, i, ъ, е; согласные, т. е. движения раствора и затвора, разделяющие эти выдержки, — t, s, y, n, g, w, p: в одних из них затвор полный, а именно в t, g, p, в других он частичный, а именно в s, y, n, w; в одних есть вибрация голосовых связок, именно в y, n, g, w, в других ее нет, именно в t, s, p; но общее всем гласным — это то, что они суть по природе своей выдержки, а общее всем согласным — то, что они включают движение затвора с последующим движением раствора; и тот же самый элемент может быть гласной или согласной, i или y, и или w, ъ или n в зависимости от того, служит ли он, по своему положению в звукосочетании, выдержкой или артикуляцией затвора и раствора; точка артикуляции и звуковое качество остаются теми же, но на первый план выступает в одном случае выдержка, в другом — артикуляционное движение.

Гласная принадлежит целиком к тому слогу, центр которого она составляет; наоборот, согласная часто делится между двумя слогами, которые она ограничивает: часть ее, относящаяся к затвору, или, иначе, к „импловии“ (мы обобщаем значение термина, определенного выше на стр. 109), оканчивает слог, а момент раствора, или „эксплозии“, начинает другой слог: во французском произношении сочетания ере, например, затвор губ оканчивает первый слог, который включает также и продолжительность смыка, а раскрытие губ начинает второй слог. То же определение применимо и к звонким согласным: в сочетании ебе нет момента молчания, остановки звучания, так как вибрации голосовых связок делятся все время, но во время затвора губ происходит остановка выдыха, которая и составляет границу между двумя слогами. Когда дело идет о свистящих, как *s*, или о сонантах, как *y, w, r, l, n, m*, одним словом, о длительных, выдох не останавливается нигде, но происходит движение, стремящееся сузить путь воздуха, момент относительного затвора и движение нового раскрытия: определение границы слога приложимо, следовательно, и к этому случаю, и в более широком смысле мы и здесь можем говорить об „импловии“ и „эксплозии“. В случае фонемы *h*, которая представляет простой выдох и не включает нигде ни затвора, ни сужения пути воздуха, собственно говоря, не происходит ни раствора, ни затвора, но только остановка (или отсутствие) характерных для гласной вибраций голосовых связок: вот, повидимому, почему эта фонема часто оказывается нестойкой и почему между гласными она вообще склонна к исчезновению: *ehe* стремится превратиться в *ē*. Нет, впрочем, никаких указаний на существование *h* в индоевропейском.

Некоторые языки не допускают иной формы слогов, кроме простейшего типа, где каждая гласная отделена от другой только одною согласною. В индоевропейском — не то. Здесь согласный элемент может быть сложным: кроме описанной выше простейшей формы, он может слагаться из двух смычных, например **kt, *pt*; из свистящей и смычной, как **st, *zd*, из смычной и свистящей, как **ts*; из смычной (или свистящей) и согласного сонанта, как **ty, *sn*. Написание, конечно, не должно скрывать от нас истинную природу элементов, составляющих эти сочетания: *k* и *t* в сочетании *ekte* не могут быть тождественны с *k* в сочетании *eke* и с *t* в сочетании *ete*: *k* в сочетании *ekte* имеет имплозию такую же, как и в сочетании *eke*, но эксплозия в большинстве языков происходит во время импловии *t* и не сопровождается потоком воз-

духа; а имплозии *t*, происходящей во время смыка *k*, не предшествует непосредственно остановка потока воздуха; следовательно, в *ekte* мы имеем две различные согласные артикуляции, но обе они отличаются в некоторых отношениях от артикуляций *k* и *t* между гласными, хотя и сходного согласного типа.

Будет ли согласный элемент простой или сложный, в данном ряде фонем слог есть отрезок, заключенный между двумя крайними границами движений раствора и затвора.

На основании этих соображений возможно определить понятия долгого и краткого слога, насколько позволяет это сделать сравнение санскритской и греческой просодии, а также, в меньшей мере, и просодии других языков.

Краток всякий слог, гласный элемент которого краток (будь то гласная или сонант), следует ли за ним простая согласная или нет; так, краток первый слог в скр. *sácate* „следует“, гр. *ἔπεται*, лат. *sequitur* (где *qu* обозначает единую артикуляцию), лит. *sekù* „следую“, гот. *saíhwa* „вижу“ (*hw* обозначает единую артикуляцию); в скр. *imáñ* „идем“, гр. *ἴμεν*; в скр. *ṛgñúñ* „широкий“ (*ñ* есть простая согласная) и т. д.

Долгим слог бывает в двух случаях:

1. Независимо от следующего согласного элемента, когда его гласный элемент есть долгая гласная, долгий сонант или дифтонг; так, долог первый слог в скр. *bhrátā* „брат“, гр. *φρᾶτωρ* „член Фратрии“, лат. *frāter*, др.-ирл. *brāthir*, гот. *broþar*, лит. *broter* (*-ēlis*); в скр. *pūtiñ* „гнилой“, лат. *pūtidus*, др.-в.-нем. *fūl*, гр. *πύθω* „гною“, лит. *pūti* „гнить“; в гр. *Γοῖδα* „знаю“, скр. *véda*, гот. *wait*; в скр. *rāñca* „пять“, гр. *πέντε*, лит. *penki* (жен. р. *penkios*).

2. Независимо от количества гласного элемента, когда согласный элемент, следующий за ним, заключает сочетание согласных; так, долог первый слог в скр. *saptā* „семь“, гр. *ἑπτᾶ*, лат. *septem*; в скр. *pitṛé* „отцу“, гом. *πῆτρων* „отцов“; в скр. *vāste* „одевается“, гр. *(F)ἔσται*, лат. *vestis* „одежда“, и т. д.

Согласный элемент, простой или сложный, предшествующий гласной какого-либо слога, не имеет никакого влияния на количество слога: первый слог слов гр. *στέρω* „окружаю“, *τρέφω* „питаю“, *στρέφω* „поворачиваю“ так же краток, как и первый слог слов *ἔφω* „он стал“ или *νέφος* „облако“; счет количества слога начинается с гласной. Но элементы *σ*-, *τ*-, *στ*- определяют долготу слога, гласная которого заканчивает предыдущее слово: гом. *τὸ κρῆτος*; — дактиль.

Долгота первого слога в сочетаниях вроде *epte, *este объяснима: в *este вся продолжительность свистящей составляет часть первого слога, который оканчивается только с эксплозией t; в группе двух смычных, например в *epte, первый слог включает, кроме продолжительности гласной, еще и время, необходимое, чтобы артикулировать губную, а также, вероятно, и время для образования зубного смыка.

Больше затруднений представляет случай таких сочетаний, как *etre или *petle: первый слог здесь оканчивается смыком t, как и в сочетании *ete, — и действительно, в сочетаниях подобного рода первый слог краток в аттическом и в латинском; но в ведийской просодии, как и в просодии гомеровской, он долог, и объяснение этому явлению можно найти в санскритской фонетике: действительно, описания индийских грамматиков показывают, что скр. putráh „сын“ произносилось на самом деле как pu^ttráh или по крайней мере так, что получалось впечатление двойного t; поэтому в пракрыте, где сочетания согласных упрощаются, скр. putrá- переходит в putta-, а не в puta-; также и в греческом сочетании и.-е. *-k₁w-, засвидетельствованное в скр. áśvaḥ „лошадь“, лит. ašvá „кобыла“, дает не -π-, как *-k^v- в ἔπομαι „следую“, а -ππ-: ἔππος или -xx-: σираκ. ἔχχο; древнее *-tu- дает в общегреческом -σσ-, а не -σ- и это -σσ- сохраняется еще в некоторых диалектах и отчасти у Гомера: гом. ἕσσοσ „сколь великий“ из *h₂otuos, ср. лат. quot „сколько“. Если сочетание согласная + согласный сонант определяет долготу слога, оканчивающегося в индоевропейском на согласную, это значит, что его первый элемент более долог, чем согласная в положении между гласными; отсюда не следует, чтобы эта двойная согласная была столь же долга, как двойная согласная между гласными, и одинаково бы с нею отражалась: t в *etre иначе отражается, чем tt в *ette.

Отсюда вытекает одно следствие: если корень оканчивается на согласную и к нему присоединяется суффикс, начинающийся той же согласной с последующим сонантом, то дело происходит так, как будто суффикс начинался сонантом: с точки зрения индоевропейской фонетики *pet-tro- (с суффиксом *-tro-) не отличается от *pet-ro- (с суффиксом *-ro-): в обоих случаях произношение будет *re^tro. Если же корень оканчивается на звонкую, а суффикс начинается на глухую, то различие обнаруживается: *med-ro- остается в виде *medro- (произносится *me^ddro-), но *med-tro- переходит в *me^ttro-, которое смешивается с *metro-; поэтому-то при лат. modus „мера“ и гот. mitan „измерять“, др.-англ. metan, гре-

ческий язык в гомеровское время имеет μέτρον „мера“, произносимое μέτρον; первый слог этого слова долог в эпической поэзии.

Относительно сочетания: долгая гласная + согласная + согласный сонант, т. е. типа *ētre, просодия не дает ничего, так как скр. atra и ātra, гом. ετραε и ητραε имеют одинаковое метрическое значение; но необходимо предположить a priori, что согласная после долгой гласной была простой, а не двойной. Кроме того, по крайней мере некоторые сонанты, вероятно, имели в этом случае не согласную форму, а форму гласного сонанта перед гласной: в ведийском после краткой гласной обычно бывает сочетание согласная + согласное у, т. е., скажем, ātūa, а после долгой гласной, дифтонга или гласной с согласной — сочетание согласная + iу: ātiya, artiya, astiya; так, из 120 случаев, когда санскритское окончание дательного-отложительного пад. множ. ч. -bhyaḥ произносится в „Ригведе“ -bhīyaḥ, в два слога, только в двух случаях перед bh мы находим простую краткую гласную; во всех остальных случаях iу стоит после долгого слога, как, например, в tébh(i)yaḥ „этим“; у всегда представляется согласной в скр. satyaḥ „истинный“, ав. haīḍuō и гласной — в вед. mart(i)yaḥ „смертный“, др.-перс. martiya. Таково, повидимому, было положение в индоевропейском, судя по контрасту скр. mádhyaḥ „средний“, гом. μέστος или скр. ráduyaḥ „пеший“, гр. πρῶτος, с согласным *у, и скр. ves(i)yam „дом“, гр. (F)οἶκλον с *iу. Что касается других сонантов кроме *у, то факты недостаточно ясны.

Вне употребления в сочетаниях типа: согласная + сонант, как *tū или *tḡ, индоевропейский язык, повидимому, стремился устранять двойные согласные. Сочетание *ss стремится упроститься в тех случаях, когда оно получается по морфологическим причинам: так, 2-е л. ед. ч. наст. вр. от корня *es- имеет форму *ési (скр. ási, ав. ahi, атт. εἶ), а *essi, которое мы также находим (гом. и др. ἔσσι, арм. es, лат. ess в просодии древнейших авторов), может объясняться влиянием аналогии. Там, где сочетание *-tt- является результатом столкновения конечной зубной одного морфологического элемента с начальным *t другого, оно не сохранилось неизменно в одном положении между гласными: в иранском, балтийском, славянском и греческом оно дает -st-; в латинском, кельтском и германском — -ss-; санскрит имеет -tt-, но так как *-tst- дает в нем тоже -tt-, то эта двойная согласная не отражает в нем индоевропейского состояния, в котором, судя по всем остальным языкам, смычная t подвергалась изменению. Так, от корня *sed- с суффиксом *-to-, следовательно,

на формы *set-to- мы имеем скр. sattāh „севший“, ав. hastō, лат. sessus; от *wid- с суфф. *-to- мы имеем ав. -vistō- „известный“, гр. -fιστος, др.-ирл. -fess, др.-в.-нем. (gi)wisso; ср. также при гр. *ἴδμεν* „знаем“, гр. *ἴστε* „знаете“ и др.-сл. *вѣсте* „знаете“. То же касается и звонких: ав. dazdi „дай“ восходит к *ded-dhi, а гр. *ἴσθι* „знай“ — к *wid-dhi; скр. dehi „дай“ предполагает тоже *dazdhi, форму, засвидетельствованную ав. dazdi: эта форма показывает, что и санскрит не избежал этого изменения и что отсутствие следов спирантного элемента в сочетании -tt- объясняется как индийское нововведение.

Изменение сочетаний *-tt- и *-ddh- тем более замечательно, что такого изменения не бывает в тех случаях, когда удвоение согласной имеет экспрессивное значение, как в словах звательных и ласкательных; таковы гр. *ἄττη*, лат. *atta*, хет. *attaš*, гот. *atta* „тятя“; гр. *τίτην* „няня“, гр. *Νικηττώ* ласкательное от *Νικητέλεια* и т. п. Экспрессивное удвоение часто встречается в индоевропейском; оно, конечно, было особенно употребительно в обиходном языке, который плохо поддается сравнительному изучению; ведь распространение получил именно язык высокого стиля. Все же у нас есть кое-какие примеры, как скр. *akkā* „мама“, гр. *Ἀκκώ*, лат. *Acca* (*Lārentia*); гр. *ἄπτη* „папа“; др.-в.-нем. *Sicco* (ласкательное от *Sigbert*); гр. *ἠχῆξω* „хохочу“; гр. *ῥυννίς* „неженка“ (ср. *ῥυνή* „женщина“); дельф. *λεχῶ* „роженница“; лат. *liprus* „гноеглазый“ (ср. гр. *λίπος* „жир“ и т. п.); др.-в.-нем. *leschōn* „лизать“ (ср. гр. *λείω* „лижу“, *λεχνός*; гр. *ὄκχον* „глаз“ (вин. п.) при *ὄπωπτη* „я увидел“, лат. *oculus* „глаз“, ср. арм. *akn*, где *k* также предполагает древнее удвоение, и т. д. Удвоение согласной не редкость и в названиях животных, как, например, лат. *uacca* „корова“ (ср. скр. *vasā*); др.-исл. *bokk*, ирл. *boss* „козел“ и т. д.

В сочетаниях согласных действуют следующие правила:

1. Каждая фонема сохраняет свойственную ей точку артикуляции; так, **k* сохраняет свою гуттуральность перед **t*: лат. *dictus* „сказанный“.

2. Согласная в собственном смысле (смычная или свистящая) становится глухой или звонкой перед согласной в собственном смысле соответственно глухой или звонкой. От корня **ueug-* лат. *iungō* „соединяю“, *iugum* „ярмо“, прилагательное с суфф. *-to- будет: скр. *yuktāh* „соединенный“, ав. *uuxtō*, гр. *ζευκτός*, лат. *iunctus*, лит. *jūntas*; аорист на *-s-: скр. *áyukṣi* „я привязал“, гр. *ἔευξα* „я запряг“, лат. *iunxi* „я соединил“. Повелительное на *-dhi от корня **es-* будет: ав. *zdi* „будь“, гр. *ἴσθι* (о **z* см. стр. 122).

3. Перед согласными сонантами глухие смычные и *s, наоборот, сохраняют свою глухость так же, как и перед гласными. Примеры:

скр. *tásya* „этого“ (род. п.), гат. *tahyā*, гом. *τῶ* (из **tohyo*); арм. -*ou* (из **-ohyo*);

скр. *catvāraḥ* „четыре“, лат. *quattuor*; лит. *ketvīftas* „четвертый“, др.-сл. ЧЕТВРЪТЪ;

скр. *āṣṭā* „камень“, гр. ἄσφον „наковальня“; ср. лит. *akmū* „камень“;

скр. *svárnaḥ* „сон“, ав. *xvaṇnō*, лит. *sārnas*, др.-исл. *suefn*, гр. ὕπνος;

скр. *śvaśrūḥ* „свекровь“ (с начальным *ś* из **s* по ассимиляции внутреннему *ś*), лат. *socrus*;

скр. *rātram* „сосуд“, лат. *rōculum* (из **rōtlom*).

Переход сложного сочетания *-*ptm*- в *-*bdm*- в основе **sebdmo*-, засвидетельствованный др.-сл. *седмъ*, гр. ἑβδόμος „седьмой“, при скр. *saptā*, гр. ἑπτά, лат. *septem* „семь“, объясняется происшедшим в индоевропейском озвончением, условия которого не ясны; в греческом мы имеем *-γδ-* в *ἑβδοός* „восьмой“ при *ἑκτώ* „восемь“, следовательно, между гласными; в латинском *uiginti* „двадцать“, *trigintā* „тридцать“ при др. *twinti* „двадцать“, атт. *τριάκοντι* „тридцать“ и т. д.; о *b* в скр. *rībāmi* „пью“ сказано уже было на стр. 115; и т. д.

4. Сочетания типа: звонкая придыхательная + глухая согласная (смычная или **s*) дают в индо-иранском не сочетание: глухая + глухая, как следовало бы по общему правилу, а сочетание: звонкая + звонкая придыхательная; так, от корня **drbh-* с индо-иранским суффиксом **-ta-* (и. е. **-to-*) образуется скр. *dr̥bdhāḥ* „привязанный“, ав. *dəgəwδō*; от корня **bhudh-* с тем же суффиксом **-ta-*: скр. *buddhāḥ* „пробужденный“; и т. д. Существование в индоевропейском сочетании со звонкой придыхательной подтверждается греческим *χθών* „земля“, (см. стр. 123) и скр. *ksāḥ* „земля“, местн. п. *ksāmi* (с скр. *kṣ* из **gžh*) при параллельной форме с начальным **g₁h*: ав. *zā* „земля“ (мест. п. *zəmi* из **zami*), гр. *χῆμα* „на земле“, лат. *humus* „земля“. Но в общем индо-иранская форма не находит соответствия в других диалектах; возможно, что это результат новообразований по аналогии: даже в иранском, в позднейшей „Авесте“, это отражение вытеснено действием аналогин; так, от индо-иранского корня **augh-* „говорить“ 3-е л. ср. зал. аориста, в гатах еще имеющее форму *aogədā* „он сказал“ (т. е. *augda*), в позднейшей „Авесте“ — *aohta*, по образцу всех других третьих лиц среднего

залога вторичного окончания на *-ta*. Как бы там ни было, но другие языки не дают ни одного достоверного примера такого отражения этого сочетания, какое является в индо-иранском; греческий язык, например, имеет постоянно *ἐυχτός* „желательный“, *πιστός* „надежный“ и т. д. при *εὐχομαι* „молюсь“, *πίδομαι* „повинуюсь“ и т. д.

Когда сталкиваются два сонанта, является вопрос, какую форму принимает каждый из них. Здесь нужно различать пять случаев:

1. Между двумя согласными после краткого слога или в начальном слоге слова первый сонант бывает согласным, второй — гласным; так, скр. *srutāḥ* „потекший“, гр. *ῥυτός*; скр. *ṣvābhīḥ* „собаками“ (из *kṛvṇbhīḥ*), а не **ṣumbhīḥ*; гр. *φρασί* „уму“ (из **bhṛnsi*) у Пиндара и в древнем аттическом, и т. д.; лит. *ketviūtas* „четвертый“, др.-сл. *четвъртъкъ*, представляют **k^hetwṛtos*. Сочетание **-wṛ-* между согласными, собственно говоря, претерпевает перестановку, переходя в **-ru-*, что засвидетельствовано ав. *ṣadru* (в *ṣadru-ratuš* „имеющий четырех учителей“), гр. *τρυ-* (из **πτρυ-*), лат. *quadru-* (так, *quadru-pes* „четвероногий“ с вторичным *d*; см. выше), галльск. *petru-* (так, *Petru-corii* наряду с *Tricorii*); и санскритская форма *saturthāḥ* „четвертый“ (образованная по аналогии с вин. п. *satūraḥ* „четыре“) заменяет скорее **catruthāḥ*, чем *catvrthāḥ*; эта перестановка соблюдает общее правило в том отношении, что гласный сонант следует за согласным сонантом. — Для случая такого же сочетания сонантов после долгого слога нет ясных примеров.

Из правила вытекает, что в индоевропейском не было дифтонгов в составе: гласный сонант + сонант, второй элемент дифтонга; поэтому, когда в слове индоевропейского происхождения германский имеет *ig*, а литовский *iḡ*, *ig* перед согласной, мы никогда не имеем дела со старыми **i+*ṛ*, **u+*ṛ*, но всегда со старым **ṛ*. Уклонения от этого принципа имеют место в формах настоящего времени с носовым инфиксом (см. стр. 230), где выступают такие дифтонги, как **in*, **up*, **ṛp*: скр. *ḡi-ñ-śánti* „оставляют“, при *ḡiñákti* „оставляет“, лат. *li-n-quiō* „оставляю“, др.-прус. (po-) *li-n-ka* „остаётся“, или скр. *kṛ-n-tān* „прядущий“ (причаст. наст. вр. от *kṛñátti* „прядет“).

2. Между согласной после краткого слога и гласной первый сонант — гласная, второй — согласная; скр. *ṣúpaḥ* „собаки“ (род. п. ед. ч.), гр. *κυός*; скр. (вин. п.) *satūraḥ* „четыре“, лит. (им. п.) *keturi* (гр. *τέτταρες*, *τέτταρας* образовано по аналогии; ср. дор. *τέτορες* и ион. *τέσσερες*); скр. *divāḥ* „(от) неба“, гр. *Διός* „Зевса“; ав. *zimō* „зимы“, гр. *-χίμος*, скр. *himāḥ* „зима“. Но скр. *pītr(i)yaḥ* „отцов-

ский“, гр. *πάτριος*, лат. *patrius* доставляют затруднения: мы ожидаем и.-е. **pətriuos*; повидимому, мы имеем здесь дело с изменениями под влиянием аналогии. Впрочем, применение этого правила вообще ограничено многочисленными влияниями аналогии; так, санскрит имеет *ṣuṣṛuve* „он был услышан“, а не **ṣuṣṛve* под влиянием *ṣuṣṛāva* „я услышал“, *ṣuṣṛūyāt* „да услышит“, и т. д.; но литовский противопоставляет *tvirtas* „твердый“, из **twiřtos*, глаголу *turėti* „иметь“ (букв. „держатъ“), от **tur-*; точно так же скр. *sakṛvāp* „сделавший“ имеет в род. п. *sakṛgūṣaḥ*.

3. После гласной, перед согласной или в конце слова первый сонант — согласная, второй — гласная, так, скр. *nāva* „девять“, лат. *novem*, гр. *ἐννέ(ε)ξ* из **néwŋ*, или скр. *navatīh* „девяносто“ из **newntis*, др.-прус. *newints* „девятый“, гот. *niunda* (из **newunda-*) „девятый“.

4. Между двумя гласными первый сонант становится вторым элементом дифтонга, а второй — согласной; так, др.-перс. *aiwa* „один“, кипр. *οις* „единственный“ и др.-лат. *oīnos* (откуда *ūnus*) „один“, гот. *ains*, др.-прус. *ainan* (вин. п.), гр. *οἶνῃ* „одно очко на игральных костях“; лит. *dervà* (вин. п. *deĩva*) „смолистое дерево“, др.-сл. *дрѣво* (русск. *дерево*), валл. *derwen* „дуб“, гом. (род. п.) *δοῦρός* (из *δορφόρς*) „древка“. — Особо стоит **y*, и некоторые сочетания, в которых оно является, не согласуются с общим правилом; так, сочетания типа **ewye* имеют **i* в виде второго элемента дифтонга и **y* в виде согласной в славянском, литовском, готском, но **w* и **y*, оба согласные, в санскрите, греческом, италийском, кельтском; например, литовскому *paĩjas* „новый“, гот. *niujis* (из **neujos*) в санскрите соответствует *nāvuṣaḥ* „новый“, в греческом *νῆος* (из **veřuos*), в галльск. *Novio-(dūnum)* „новая (крепость)“ и т. д. Авестийское написание *паоуа-* двусмысленно.

5. В начале слова — общего правила нет. Так, **y* не бывает согласной перед другими сонантами, но **w*, **r*, **l*, **n*, **m* могут быть согласными перед **y*; **w* может быть согласной перед **y*, **r*, **l*, как, например, в гр. *Frήγυβρι* „ломаю“, но всегда является гласной перед **n* и **w*; и т. д. Примеры вообще редки, а для большинства сочетаний их вовсе нет.

III. СЛОВО И ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ИНТОНАЦИЯ. РИТМ

Слово не допускает точного фонетического определения, какое возможно для слога; и действительно, понятие слова не фонетическое, но морфологическое и синтаксическое. Можно строго

определить, где начинается и где оканчивается морфологическое индоевропейское слово, но граница фонетического слова может быть иною.

Возьмем стих Гомера:

А 82: εἰσορέων Τρώων τε πόλιν καὶ νῆας Ἀχαιῶν
„взирая на город троянцев и на корабли ахейцев“.

Здесь Τρώων и τε — два независимых слова, первое изменяемое, второе неизменяемое, играющие каждое независимую роль в предложении, и у каждого из них есть свое особое значение; но с точки зрения фонетической — Τρώων τε составляет только одно слово: слово τε, самостоятельное по смыслу и по употреблению в предложении, безударно и слито в произношении с предшествующим словом; это то, что называется „энклитикой“. В древнеперсидских надписях Ахеменидов, где существует знак отделения слова, он не ставится между словом и последующей энклитикой.

Тем не менее благодаря морфологической структуре индоевропейского языка число слов в каждом предложении может быть определено. По-французски в предложении *il est venu à Rome* „он пришел в Рим“ трудно установить число слов, так как *il est venu* в некотором смысле есть единая форма, выражающая одно понятие; и все же можно сказать *il n'est pas venu* или *il y est venu* или *il n'y est pas encore venu*, причем три элемента выражения *il est venu* отделяются тогда в самом предложении, как они отделяются на письме; наоборот, в латинском *venit Romam*, передающем здесь точно индоевропейский тип, грамматическая форма не допускает никакого сомнения относительно числа слов.

Впрочем, индоевропейское слово в общем точно отграничено и с точки зрения фонетической: если оно оканчивается на согласную, она в этом положении произносится по-особому; с другой стороны, в слове может быть лишь один тонический слог.

Конец слова. — Особый характер конца слова засвидетельствован с древнейших времен метрикою: в ведийских, авестийских и древнегреческих стихах с числом слогов более восьми обычно бывает цезура, состоящая в том, что в определенном месте стиха должен быть конец слова. То же самое мы наблюдаем и в латинском сатурнийском стихе. Древняя цезура существенно отличается от цезуры александрийского стиха французских классиков, которая предполагает некоторую остановку по смыслу.

Конечные смычные трактуются иначе, нежели смычные в середине слова. Для санскрита описания грамматиков показы-

вают, что конечные смычные в произношении сводились к импловивному элементу и что они казались „сдавленными“ (píḍita-); они бывают глухими или звонкими смотря по тому, следует ли за ними глухая или звонкая (согласная, сонант или гласная), тогда как в середине слова, за исключением положения перед звонкою смычною, смычные сохраняют свое качество: санскрит, следовательно, противопоставляет конечные сочетания -at ta-, -ad da-, -ad ra-, -ad a- сочетаниям -a'ina-, -ata- и т. д., допускаемым в середине слова. В греческом, славянском, балтийском, германском, кельтском, армянском конечные смычные, сведенные к простой импловии, вовсе не отражаются: санскритскому ábharat „он носил“ в греческом соответствует ἔφερε (а в армянском eber); скр. tát „это“, гр. τό, ср. др.-сл. то; в такого рода случаях латинский язык всегда имеет -d, — так, istud „то“, др.-лаг. fēced „он сделал“; -t третьего лица, как uehit „везет“ (откуда fēcit по аналогии) происходит от того, что первоначально окончание было *-eti (ср. скр. vāhati „едет“, др.-рус. *везеть*), где конечное *i в латинском отпало.

Конечная свистящая *-s имеет судьбу, подобную судьбе смычных. В санскрите в конце слова, не соединенного в произношении со следующим, нет, собственно говоря, -s, а есть только выдох, обозначаемый через -h; и тогда как в середине слова s остается глухим перед гласными и сонантами (индо-иран. *-asa-, *-asya-, *-asna-, *-asga- и т. д.), конечное -s в индо-иранском озвончается перед всякою звонкою — гласной, сонантом или согласной; это конечное *-z, отличное от *-z- в середине слова, как и конечное *-s- от *-s- в середине слова, подвергается различным изменениям и дает особые отражения; *-az перед звонкою согласной дает скр. -o: aśvo „лошадь“; язык пали обобщил соответствующее -o, и обычный именит. пад. этого типа оканчивается на -o: пали azzo; конечная шипящая, отражающая и.-е. *-s после *i и *u, в индо-иранском выступает в виде *ž перед звонкою; так, греческому δουc. в первой части сложения (с фонетическим характером конца, а не середины слова) перед всякою звонкою соответствует ав. duž-, скр. dur- (с r, отражающим конечное ž): ав. duž-ita- „труднопроходимый“, скр. dur-itá- „трудный, плохой“; ав. duž-vaśah- „злоречивый“, скр. dur-vasas- и т. д. В славянском конечное s, как правило, исчезает, но сохраняется после гласной, в некоторых односложных предлогах и приставках, примыкающих в произношении к следующему слову, как въс-, въз- (из *ups-, *ubz-), и распределение с и з соответствует вполне индо-иран-

скому распределению: *вѣс-ходити*, но *вѣз-нѣти*. Латинский язык обобщил употребление глухой *-s*, но с ослабленной артикуляцией: в древнейших текстах свистящая иногда не пишется, и поэты республиканской эпохи могли не обращать на нее внимания с точки зрения просодии: Эний сплошь и рядом писал гексаметры вроде следующего:

postquam lumina sis oculis bonus Ancu(s) reliquit

„после того как доблестный Анк покинул свет своими глазами“.

В германском конечная звонкая, обычная перед звонкими, распространилась на все случаи, по крайней мере в некоторых диалектах: она сохранилась в исландском в виде *-r*, а также в западных диалектах, в односложных словах, например, в др.-в.-нем. *hwet* „кто“, ср. скр. *kāh*, и в готском перед энклитиками с начальной звонкой: *hwaz-ei*. В некоторых греческих говорах конечное *-s* озвончается, именно переходит в *-r*; так, в элейском диалекте, начиная с самых ранних надписей, наблюдаются конечные *-r* на месте прежних *-s*, и употребление этого конечного *-r* имеет тенденцию распространяться на другие случаи; лаконское произношение также знало подобное конечное *-r*, как это ясно из надписей II в. до хр. э. и из глосс вроде: *βίωρ ἴσωρ* (из *f(σ)f(σ)ωρ*), — „поровну, возможно“, Гесихий. Даже не вдаваясь в подробности, мы видим, что судьба конечного **-s* отличается от судьбы **-s-* внутри слова.

У носовых в конце слова тоже особая судьба: греческий язык знает только конечное *-v*, — так, *ἵπλον* (вин. п. ед. ч.) при лат. *equom*, скр. *ásvam* „лошадь“; хеттский, древнепрусский и ирландский имеют также только *-n*, а в таких языках, как армянский, славянские, германские, где конечная носовая отпадает, мы находим в некоторых положениях следы *-n*, а не *-m*. В латинском языке *-m* есть скорее знак назализации, а не губная носовая, так как конечное *-m* не препятствует элизии: *animaduertere* „обращать внимание“ из *animum aduertere*. Точно так же и в санскрите конечная носовая в середине предложения есть не что иное, как носовое продолжение предшествующей гласной, *anusvāra*, а не фонема, имеющая свою особую артикуляцию.

После долгих гласных конечные сонанты в индоевропейском были даже склонны исчезать: санскрит имеет *mātā* „мать“, литовский *mótė* при др. *μᾶτηρ*, лат. *māter*; точно так же скр. *ásmā* „камень“ и лит. *akmĩ*, но гр. *ἄκμων*, ср. лат. тип. *homō*, род. п. *hominis* „человек“; конечное **-w* в вед. *d(u)vāv* „два“ мы находим в др.-ирл. *dāu*, при вед. *d(u)vā*, гом. *δῶω*, ср. сл. *дъва*.

Наконец, конечная гласная слова способна подвергаться удлинению; например, ведийский язык имеет *hatá* и *hatá* „бейте“; предлог (и приставка) и.-е. **pro* имеет также форму **prō*, например вед. *pra-* и *prā-*, сл. *pro-* и *pra-*, лат. *prō-* и *prō-*, гр. *pro* и *prō-* (*πέρους*) „позапрошлый год“. Греческий имеет в таких случаях обыкновенно постоянное количество; но в ведийском количество конечной гласной во многих формах колеблется между долготой и краткостью, и таково, повидимому, было индоевропейское состояние. Литовский зват. п. *vilkė* „волк“, где *e* предполагает старую долгую, противопоставляется краткому *-e* в скр. *vŕka*, гр. *λύξ*, лат. *lupе*, др.-сл. *вѣлкѣ*.

Таким образом, все эти факты согласно показывают, что конец слова в индоевропейском был отмечен характерными особенностями произношения: слово в предложении имело свою фонетическую индивидуальность.

Тон. — В группе артикуляций, оканчивающейся произносимыми особым способом фонемами, т. е. в фонетическом слове, один из слогов может произноситься выше или сильнее других. Особую высоту слога мы будем называть тоном, а наиболее высокий слог слова *тоническим*; там, где важно будет отметить, в отличие от тона, силу звучания, мы будем ее называть общим именем ударения, а следовательно, сильный слог — ударяемым слогом; термин *атонический* мы применяем к отсутствию тона, термин *безударный* — к отсутствию ударения.

Каждый слог слова в ведийских текстах снабжен знаком, обозначающим, по показаниям грамматиков, высоту, с которою должен произноситься гласный элемент этого слога. За исключением некоторого числа маленьких слов, частиц или местоимений, которые всегда лишены тона, каждое ведийское слово имеет или по крайней мере может иметь при некоторых условиях повышение на одном из своих слогов, который называется *udātta-* „повышенный“; так, *bharati* „несет“ может, смотря по обстоятельствам, быть *атоническим* или *тоническим*, и, в последнем случае, повышение лежит на слоге *bha:* *bhárati*. Точно так же в каждом греческом слове (за исключением небольшого числа *атонических*) один из слогов произносится с „острым тоном“, т. е. выше других, согласно Дионисию Галикарнасскому, на одну квинту. Оказывается, что греческий слог с острым тоном соответствует ведийскому *udātta-*; например, для „основ слово на **yes-*“ корневой слог имеет повышение тона в скр. *pábhav* „облако“ гр. *πέρος*;

скр. *sádaḥ* „сидение“, гр. *ἕδος*; и т. д.; наоборот, в словах одушевленного рода повышение на суффиксе: скр. *uṣāḥ* „заря“, гом. *ῥῶς*; среди основ на *-о- с корневой огласовкой на *-о- абстрактные имена имеют повышение тона на корне, но прилагательные и имена действующего лица (*nomina agentis*) — на конечном *-о- основы; так, гр. *τόμος* „отрезок, кусок“ и *τομός* „режущий, острый“, скр. *vāraḥ* „выбор“ и *varāḥ* „жених“; гр. *πλό(φ)ος* „плавание“ и скр. *plávaḥ* „лодка“. Индоевропейский тон, определяемый этим соответствием ведийского и древнегреческого языков, составляет необходимую составную часть слова, и несоответствия, которые представляют в этом отношении оба языка, требуют особого объяснения, как и всякое иное расхождение.

Подобно тому как ударение новогреческого языка обычно занимает место древнегреческого тона, так и ударение литовского, русского, сербского и других языков донныне занимает место тона, наличествовавшего в общебалтийском и общеславянском. Так, русск. *небо*, серб. *не́бо* имеют ударение на том же слоге, где гр. *νέφος* и скр. *nābhnaḥ* имеют повышение тона. Несмотря на многочисленные отклонения, которые, однако, отчасти удалось разъяснить, ударение некоторых балтийских и славянских диалектов отражает индоевропейский тон. К тому же это ударение сопровождается заметным повышением голоса, которое, в сербском например, имеет не меньшее значение, чем силовое ударение.

Далее, если индоевропейский тон не удержался в германских диалектах, все же его существование в общегерманском засвидетельствовано одним из очень редких его фонетических влияний: в то время как глухой спирант по общему правилу озвончается в германском между двумя сонантическими элементами (собственно гласными и сонантами), он остается глухим после тона, по крайней мере после тона, падающего на начальный слог слова (закон Вернера). Отсюда в германском два различных отражения первоначальных глухих, например для и.-е. *k:

др.-в.-нем. *swehur* „свёкор“ при:

скр. *ṣvāṣuraḥ*, русск. *свёкор*;

др.-в.-нем. *swigar* „свекровь“ при:

скр. *ṣvaṣrūḥ*, русск. *свекрѡвь*;

для *t:

др.-англ. *weorþe* „становлюсь“, *wearþ* „я стал“, но *wurdon* „мы стали“, *worden* „ставший“, при:

скр. *vártate* „он повертывается“, *vavárta* „я повернулся“, но *vavrtáma* „мы повернулись“, *vṛitáh* „повернутый“.

для *s:

гот. *amsa-* „плечо“, ср. скр. *ámśa-*

гот. *mimza-* „мясо“, ср. скр. *māṃśá-*.

Из сравнения ведийского и греческого языков, славянских и балтийских диалектов и общегерманского явствует, что индоевропейский тон характеризовался тремя существенными признаками:

1. Каждое слово имеет только одно повышение тона. Существовал ли побочный тон в многосложных словах, мы сказать не можем: не установлено ни одного факта, удостоверенного несколькими языками, который бы ясно свидетельствовал о его существовании.

2. Повышение тона в слове может занимать любое место: приведенные выше примеры достаточно иллюстрируют этот принцип. Ограничение места тона последними слогами слова, как это имеет место в греческом языке, есть греческое нововведение; ни в ведийском, ни в балтийском, ни в славянском, ни в германском нет ничего подобного: ведийский язык имеет причастие среднего залога *bhāgataṃāṇāḥ* „несущий“, при гр. *φέρόμενος*, и в женском роде *bhāgataṃāṇā* при гр. *φερόμενη*. Различия интонации типа *ἐχούρᾱ: ἐχούρῃς* (см. стр. 129) проявляются благодаря тону, но независимы от него; как ясно из литовского языка, они существуют даже там, где повышение тона не заставляет их проявляться.

3. Тон в древних индоевропейских языках, в особенности в ведийском, древнегреческом, общеславянском, общеполтийском и общегерманском, не оказывал столь крупного влияния на гласные, какое оказало ударение на гласные романских, кельтских, германских, русских и других диалектов. Это потому, что ударение в этих диалектах заключается главным образом в значительном усилении голоса, соединенном обыкновенно с удлинением, тогда как индоевропейский тон сводился к повышению голоса, без заметного усиления, и главное — безо всякого удлинения гласной.

Место главного повышения голоса есть единственный интонационный элемент, ясно обнаруживаемый сравнительным изучением. Но само собою разумеется, что при произнесении слова голос поднимался и опускался в соответствии с различными условиями, о сложности которых мы даже не можем догадываться на основании имеющихся в нашем распоряжении фактов. Свидетельства древних фонетиков Индии дают для ведийского языка

кое-какое представление об этих изменениях высоты вокруг главного тона.

Поскольку тон не участвует в ритме и поскольку, не заключая в себе элемента усиления, он не отмечает напряженности, — в нем нет ничего аффективного. Как интонация китайского или африканских языков, он является одним из элементов, способствующих установлению смысла слова или формы. Наличие или отсутствие тона или место, которое он занимает, служит одним из средств, используемых индоевропейской морфологией; роль, которую он играет в грамматике и в семантике, — значительна.

Ритм. — Тон слов не оказывает никакого влияния на ритм индоевропейского предложения. Ни в индо-иранском, ни в общегреческом, ни в общеславянском, ни в общебалтийском, ни в общегерманском, следовательно, ни в одном из языков, где мы находим его существование, он не вызывает изменений качества и количества гласных, что обыкновенно является результатом силового ударения. Он никогда не служит основой в построении стиха, как ударение во французском, немецком, русском и других языках; он совершенно не принимается в расчет ни в ведийской, ни в древнегреческой метрике. Что касается многочисленных воздействий тона на гласные, приписываемых часто индоевропейскому или доиндоевропейскому, то ни одно из них не может считаться установленным, и нам нет нужды их касаться, поскольку доиндоевропейские факты исключены из настоящей нашей работы.

С другой стороны, так как всякий индоевропейский слог (за исключением разве конечного) имел определенное и устанавливаемое по вышеизложенным принципам количество, краткое либо долгое, количественные противопоставления были весьма ощутительны на слух и постоянны; поэтому ведийская и древнегреческая метрика основывается исключительно на чередовании кратких и долгих слогов на определенных местах, причем соблюдаются еще некоторые условия, касающиеся конца слова; иными словами, индоевропейский ритм был ритм чисто количественный, а не ритм силовой.

Количественный ритм гибок и прихотлив. Измерения, поскольку они проводились, показывают, что долгая дается не в точности столько же времени, сколько две краткие. К тому же, при прочих равных условиях, *i* или *u*, по самой своей природе, менее длительны, чем *e* или *o* и, в особенности, чем *a*; следовательно, долгое *i* или долгое *u* дается не столько, сколько долгое *a*. У слога долгого „по положению“ могла быть длительность несколько

отличная от длительности слога долгого „по природе“. Долгота или краткость слога зависят от ощущения говорящих; долгое I, даже если оно длится не больше краткого а, считается долгим по противопоставлению с кратким i. Не абсолютная длительность важна, а важно соотносительное противопоставление кратких и долгих, конечно — при прочих равных условиях. В греческом языке противопоставления более строги, чем они, повидимому, были в индоевропейском; гомеровская просодия, хотя уже достаточно установленная, обнаруживает вольности, не встречающиеся в более позднее время.

Нет никаких следов того, чтобы в индоевропейской фонетике, как она представляется нам в древнейший период всех диалектов без исключения, играло какую бы то ни было определенную роль силовое ударение; мы, конечно, не говорим здесь о различиях в силе звучания, обусловленных желанием подчеркнуть то или другое слово в предложении в данный момент: эти различия, от случая к случаю, не имеют ничего общего с системой языка, о которой здесь только и идет речь. Усиление начального в слове слога, которое мы наблюдаем в германском и в ирландском (но не в бриттском), составляет нововведение этих языков, вызвавшее в них множество всякого рода изменений.

Слоги индоевропейского слова не группировались, следовательно, вокруг вершины наибольшего напряжения, как в немецком, в английском, в русском языках или как группируются ноты музыкального мотива, исполняемого на рояле: они менялись по высоте и по длительности, как ноты мотива, исполняемого на органе.

ВЫВОД

Только что описанная фонетическая система имеет оригинальные черты: богатство системы смычных, произносимых с силою смыка; недостаток спирантов; частое употребление *s и отсутствие самостоятельного *z; монотонность вокализма без оттенков, ограниченного собственно звуками *e и *o и изредка *a; сложная система сонантов и звука *э; разнообразие структуры слогов с постоянно определенным количеством; точное разграничение слов в их отношении друг к другу; использование различий в высоте как одного из средств характеристики слов и грамматических форм; количественный характер ритма. Фонетический облик индоевропейского ничуть не походил на облик любого из современных представителей индоевропейской семьи языков.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРИНЦИПЫ МОРФОЛОГИИ

І. АНАЛИЗ СЛОВА

То, что выражается по-французски словами *le donateur est venu* (по-русски „даритель пришел“), по-гречески будет \acute{o} $\delta\acute{o}\tau\omega\rho$ $\eta\lambda\theta\epsilon$; по-французски *les donateurs sont venus* (по-русски „дарители пришли“) — по-гречески $o\acute{i}$ $\delta\acute{o}\tau\omega\rho\epsilon\varsigma$ $\eta\lambda\theta\omicron\nu$; по-французски *la maison du donateur* (по-русски „дом дарителя“) — по-гречески \acute{o} $\tau\omicron\upsilon$ $\delta\acute{o}\tau\omega\rho\omicron\varsigma$ $o\acute{i}\kappa\omicron\varsigma$; по-французски *la maison des donateurs* (по-русски „дом дарителей“) — по-гречески \acute{o} $\tau\acute{\omega}\nu$ $\delta\acute{o}\tau\omega\rho\acute{\omega}\nu$ $o\acute{i}\kappa\omicron\varsigma$; по-французски *j'ai vu le donateur* (по-русски „я видел дарителя“) — по-гречески $\tau\acute{o}\nu$ $\delta\acute{o}\tau\omega\rho\alpha$ $\epsilon\acute{i}\delta\omicron\nu$; по-французски *j'ai vu les donateurs* (по-русски „я видел дарителей“) — по-гречески $\tau\acute{o}\upsilon\varsigma$ $\delta\acute{o}\tau\omega\rho\alpha\varsigma$ $\epsilon\acute{i}\delta\omicron\nu$; по-французски *je donne au donateur* (по-русски „даю дарителю“) — по-гречески $\tau\acute{\omega}$ $\delta\acute{o}\tau\omega\rho\iota$ $\delta\acute{i}\delta\omega\mu\iota$; по-французски *je donne aux donateurs* (по-русски „даю дарителям“) — по-гречески $\tau\acute{\omega}\iota\varsigma$ $\delta\acute{o}\tau\omega\rho\omicron\iota$ $\delta\acute{i}\delta\omega\mu\iota$. Во всех этих случаях единственное или множественное число и роль в предложении слова *donateur*, выражаемые по-французски (если не принимать во внимание орфографию) артиклем, предлогом и взаимным расположением слов, указываются по-гречески формами слова $\delta\acute{o}\tau\omega\rho$: греческий язык в этом отношении, равно как и латинский, с точностью воспроизводит положение вещей, бывшее в индоевропейском.

Рассматривая эти формы слова $\delta\acute{o}\tau\omega\rho$, мы находим в них общий им всем элемент $\delta\acute{o}\tau\omega\rho$ - или $\delta\acute{o}\tau\omega\rho$ - и элемент изменяющийся: нуль, - α , - $\omicron\varsigma$, - ι ; - $\epsilon\varsigma$, - $\alpha\varsigma$, - $\omicron\nu$, - $\sigma\iota$. Этот изменяющийся элемент, служащий для обозначения числа, роли слова в предложении (а также, в именах — рода мужского, женского или среднего: в глаголах — залога и т. д.), встречается в безграничном множестве других имен, как то: $\delta\eta\rho$ „зверь“, $\delta\eta\rho$ - α „зверя“ (вин. п.), $\delta\eta\rho$ - $\acute{o}\varsigma$ „зверя“ (род. п.),

ἄηρ-ι „зверю“; ἄηρ-ες „звери“, ἄηρ-ας „зверей“ (вин. п.), ἄηρ-ων „зверей“ (род. п.), ἄηρ-σι „зверьям“; его называют окончанием, а та часть слова, которая предшествует окончанию и с которой связан смысл, называется основой (темой). Основа может быть неразложима, как в слове ἄηρ; в других случаях она поддается анализу, как в δῶτορ-: в самом деле, элемент δῶ- мы находим с тем же значением „давать“ в δίδωμι „даю“, δώσω „дам“, ἔδωκα „я дал“ и в δῶρον „дар“, δῶς „дар“, δῶτίμη „подарок“, -τορ- (-τωρ-) — в ряде имен действующего лица, как то: ἄητορ „проводник“ при ἄηω „веду“, ἄηρᾶτορ „охотник“ при ἄηρᾶω „охочусь“ и т. п. Таким образом, основа δῶτορ- распадается на два элемента: δῶ-, обозначающий общее представление „давать“, и -τορ-, с которым связано значение слова, как имени действующего лица; первый элемент называется корнем, второй — суффиксом.

Индоевропейское слово содержит, следовательно, три части: корень, суффикс и окончание, из которых каждая играет особую роль: корень указывает общее значение слова, суффикс его определяет точнее, а окончание (совместно с чередованиями гласных и с местом повышения тона) определяет роль слова в предложении.

Из этих трех частей ни одна не существует отдельно, вне целого слова: окончание -ος в слове δῶτορος не представляет отдельного словечка, которое бы присоединялось к основе δῶτορ- и могло от нее быть отделено, подобно французскому предлогу de во фразе la maison de ce riche et généreux donateur „дом этого богатого и щедрого дарителя“. Основа δῶτορ- тоже не существует отдельно; правда, в единственном числе именительный падеж δῶτορ и звательный δῶτορ не имеют окончания, но именно отсутствие окончания и характеризует эти два падежа, противопоставляя их другим падежам, имеющим то или иное окончание; здесь, следовательно, окончание равно нулю, и если формы δῶτορ и δῶτορ рассматривать в системе склонения, они представляют не чистые основы, а формы с „нулевым окончанием“. Наконец, нет и чистых корней: есть только основы, характеризующиеся отсутствием суффикса, или, иначе говоря, характеризующиеся „нулевым суффиксом“; такова основа ἄηρ-. Именительный падеж ἄηρ есть форма с нулевым суффиксом и нулевым окончанием.

Из того, однако, что три части индоевропейского слова составляют одно целое и отделимы друг от друга только путем научного анализа, вовсе не следует, что эти части не были в более или менее отдаленном прошлом независимыми друг от друга словами.

Сходство окончания первого лица единственного числа действительного залога нетематического типа *-mī, гр. εἶμι, скр. asmī, др.-сл. ксмь с личным местоимением первого лица ед. ч. гр. με, скр. mān, др.-сл. ма „меня“ (вин. п.) естественно натолкнуло на предположение, что окончание *-mī есть древнее местоимение. Но так как это окончание едва ли не единственное, поражающее своим сходством с местоимением, то совпадение может быть и случайным; а так как эта гипотеза во всяком случае не может быть доказана, то ее и не следует принимать во внимание. — Можно представить себе также, что известный морфологический элемент был отвлечен от корней такого типа, с которыми он первоначально составлял одно целое, например, что элемент *-ē в основах греческих страдательных аористов, как στραφῆναι при στρέφω „поворачиваю“, или в латинских инфинитивах, как manēre „оставаться“ при гр. μένω „остаюсь“ (μερ.ένυχα), мог быть заимствован из целого ряда слов, где он принадлежал к корню; но эта гипотеза тоже не может быть доказана, и потому мы ее также оставим в стороне.

Однако, хотя мы и не знаем, как сложилось единство индоевропейского слова, разложение его на корень, суффикс и окончание не является действием произвольным, которым пользуются только в целях облегчения исследования. Это разложение не дает нам сведений о происхождении и развитии индоевропейского словоизменения, но оно представляет единственное средство, при помощи которого мы можем его изложить. Рассмотрим фр. aimer „любить“, j'aime „люблю“, nous aimons „любим“, vous aimez „любите“, j'aimais „я любил“ и т. д. и rouler „катить“, je roule „качу“, nous roulons „катим“, vous roulez „катите“, je roulais „я катил“ и т. д.; по-французски нет ни обособленных корней aim- и roul-, ни обособленных окончаний -er, -e, -ons, -ez, -ais, и т. д.; но элементы aim-, roul- и т. д., с одной стороны, -ons, -ez и т. д., с другой, подставляются один вместо другого, смотря по смыслу, причем aim- ассоциируется с представлением „любить“, -ons — с представлением „я и другие“ и т. д.; таким образом, и aim-, roul- и т. д., с одной стороны, и -ons, -ez и т. д., с другой, являются реальными, поскольку они представляют элементы подстановки. Точно так же и индоевропейские корни, суффиксы и окончания, роль которых, впрочем, отличается от роли корней и окончаний во французском языке, должны быть рассматриваемы только как элементы подстановки: например, -s и -te подставляются одно вместо другого в гр. ἔφερε-; и ἔφερε-τε, смотря по тому,

хотят ли сказать „ты нес“ или „вы несли“; в таком смысле эти элементы являются реальностями. Дело психолога определить, каким образом совершаются эти подстановки в сознании говорящих; задача грамматика — определить эти элементы, классифицировать их и проследить их изменения. Лингвист имеет дело с языком как с объектом, но из-за этого он, конечно, не в праве забывать, что выделяемые им элементы подстановки представляют собою сложные психические процессы.

Таким образом, морфологические элементы, на которые мы разлагаем индоевропейское слово, не являются абстракциями грамматиков: это символы, при помощи которых выражаются системы ассоциаций, общих всем лицам одного и того же языкового коллектива. Парадигма есть грамматическое изображение совокупности психических фактов, которые оказываются примерно тождественными у целой группы людей.

Впрочем, корень не является только абстракцией. У большинства корней были именные и глагольные формы с нулевым суффиксом, постепенно исчезающие по мере развития отдельных диалектов, но представлявшие существенный элемент в общиндоевропейском; корень, следовательно, сам по себе и без присоединения суффикса выступал как основа, т. е. являлся конкретной реальностью. Таков корень *ed- в скр. *ád-mi* „ем“ или *wek- в лат. *uox* „голос“. Корень сам по себе выражает действие; в сопровождении глагольных окончаний он обозначает процесс; в сопровождении именных окончаний он обозначает внутреннюю силу, определяющую действие (как, например, лат. *lūx* „свет“, *uōx* „голос“); во второй части сложения он обозначает действующее лицо (как, например, вед. *vr̥tra-hán* „поражающий Виртру“ лат. *partī-ser̄s* „имеющий часть“, *au-spex* „наблюдающий птицу“).

Мы, однако, будем понимать корень как элемент соотносительный с суффиксом и окончанием, а не как элемент „первоначальный“, из которого слова образовывались бы путем сложения и словопроизводства. Иначе говоря, слово „относится“ к тому или иному корню, т. е. входит в совокупность слов, включающих одинаковый комплекс фонем, с которым ассоциируется некий общий смысл, но оно не „производится“ и не „возникает“ из корня, хотя во многих случаях слово, имеющее в своем составе некий суффикс, присоединенный к корню, и образовалось в действительности прибавлением вторичного суффикса к корневой основе; так, например, такие имена, как гр. *ὕδωρ* (с суффиксом на *-г- в им.-вин. п.) „вода“, род. п. *ὕδατος* (с суффиксом на *-п- в кос-

венных падежах) или как др.-сл. вода, суть производные от корневой основы *wed-, *wod-, *ud¹, от которой есть, с другой стороны, и производное на *-es-: гр. ὕδα: — дат. п. ед. числа. Подобного рода факты ясны в греческом языке, где встречается, например, им.-вин. п. ἄλχος „сила“ при основе-корне ἄλχ- гомеровского дат. п. ἄλχι.

Не все слова возможно отнести к корням: многие именные основы не допускают разложения на корень и суффикс даже в таких случаях, когда конечный элемент имеет форму известного суффикса; так, хотя слово скр. āpañ „повозка для тяжестей“, лат. opus „тяжесть“ имеет вид основы на *-es-, т. е. довольно распространенного в индоевропейском типа, тем не менее в нем нельзя найти никакого известного корня. Часто случается, что слово стоит одиноко и не допускает сближения ни с какою другою именною или глагольною основой.

Основа — разлагаемая или неразлагаемая на корень и суффикс — и окончание суть существенные элементы индоевропейской морфологии. Сравнение французских форм aimons, roulons и т. д., как уже было указано, дает первое представление о природе этих элементов, но не обнаруживает всей их важности и не показывает собственно характера их употребления. В самом деле, по-французски лица и числа указываются местоимениями не самостоятельными, но все же отделимыми; как общее правило, каждое французское слово находится в окружении небольших словечек, более или менее независимых и всегда отделимых, выражающих большую часть грамматических отношений. Наоборот, в индоевропейском эти отношения обозначаются в самом слове при помощи этих элементов и некоторых других приемов; значение индоевропейского слова, таким образом, сложно. Возьмем, например, гом. δέξωτο „он получил“; здесь корень δέχ- выражает понятие „получать“, суффикс -σх- означает аорист, окончание -τω указывает, что дело идет о третьем лице, о единственном числе, о среднем залоге, о прошедшем времени и т. д.; отсутствие суффикса после -σх- указывает, что мы имеем дело не с сослагательным или с желательным наклонением, а с изъявительным: все это выражено в самом слове δέξωτο, и в данном случае греческий язык точно воспроизводит индоевропейский тип.

Итак, основа есть слово, поскольку оно выражает понятие; роль слова в предложении, а также определенные категории числа, рода, времени и т. д. указываются окончаниями и изменениями огласовки основы и места повышения тона. Поэтому нет

ничего удивительного в том, что основа может быть в предложении словом, не будучи снабжена никакими окончаниями: в именах форма звательного падежа единств. числа — всегда и форма именительного падежа (т. е. падежа субъекта) — в большом числе случаев, а в глаголах форма повелительного наклонения единств. числа (т. е. форма повеления, главнейшая из глагольных форм) образуются чистой основой. В первой части сложения тоже фигурирует чистая основа, одна играя роль слова (см. гл. VI). Некоторые имена не знают склонения даже в историческую эпоху: числительные от 5 до 10, личные местоимения. Как бы они ни были одиноки в языке, в структуре которого господствует словоизменение, эти факты достаточны для установления того, что основа представляет доиндоевропейскую форму самого слова.

В индоевропейском многие основы состояли из одного только корня; тем самым проглядывает древнее состояние языка, когда каждый корень мог служить основой, не будучи снабжен суффиксом. Из этого следует, что каждый корень был словом как именного, так и глагольного значения, примерно как английское *love*.

Эти наблюдения позволяют угадать за индоевропейским флективным типом, типом столь своеобразным, предшествующее состояние языка типа более обычного, где слова были неизменяемые или мало изменяемые. Отсюда становится понятным, почему затруднительно обнаружить морфологические соответствия между индоевропейской и другими языковыми группами и почему, следовательно, донныне не могло быть дано никакого строгого доказательства родства индоевропейской с какою-либо другою группою.

Порядок трех элементов: корень, суффикс, окончание — неизменен: корень стоит в начале слова, окончание — в конце, а один или несколько суффиксов — в середине.

Индоевропейский язык не знает префиксов; единственный префикс, который можно было бы признать, это так называемое приращение (аугмент): скр. *á-bharat* „он нес“, гр. *ἐ-φερε*, арм. *e-ber*; но приращение, как мы увидим, не составляло необходимой составной части глагольной формы (см. стр. 255). В этом отношении индоевропейский существенно отличается от других языков с богатым словоизменением, как семитские языки и грузинский, использующие префиксы в широких размерах.

Что касается инфиксации, то она встречается только в глаголах с носовой вставкой, например корень **leik^w*-, **lik^w*- „оставлять“ имеет основу настоящего времени **li-ne-k^w*-, **li-n-k^w*-, засвидетель-

ствованную скр. *gīṣakti* „оставляет“, *gīṣanti* „оставляют“, лат. *linquō* „оставляю“, др.-прус. (рo-)linka „остаётся“.

Таким образом, индоевропейское слово с морфологической точки зрения ограничено, с одной стороны, корнем, с другой стороны — окончанием.

За исключением сложных слов, каждое слово может включать только один корень и только одно окончание; если такая форма, как русское *пойдемте*, исключительная даже и в русском языке, как бы содержит два окончания: -м- первого лица мн. ч. и -те второго лица, то это — новообразование странного и неожиданного характера.

Но слово может иметь неограниченное число суффиксов. От основ *swep-по-, *swop-по-, *sup-по-, засвидетельствованных скр. *svárnaḥ* „сон“, лат. *somnus*, гр. ὕπνος, др.-сл. сънъ, произведены вторичным суффиксом *-juo- другие основы, засвидетельствованные скр. *svárni(i)yaṣ* „сновидение“, лат. *somnium*, гр. (ἐν-)ὑπνιον, др.-сл. съньик [индоевропейский тип был, повидимому, *swór-по- (и *swep-по-?): *sup-n-juo-, см. ниже стр. 273]. К и.-е. корню *tewə- „быть сильным“ принадлежит скр. *távi-ṣ-i* „сила“ с двумя суффиксами, откуда с третьим *távi-ṣ-i-vān* „сильный“ и, с четвертым суффиксом, *távi-ṣ-i-vat-tara-ḥ* „более сильный“; точно так же в греческом *χαρ-ι-ς* „преlestь“, *χαρ-ι-φειν-* „преlestный“ с двумя суффиксами, откуда, с третьим суффиксом, *χαρ-ι-φειν-τερο-ς* „более преlestный“. Каждый суффикс присоединяется к основе, как первый суффикс к корню или как окончание к основе.

Кроме прибавления морфологических элементов, индоевропейский язык располагал еще двумя способами грамматической характеристики: повышением тона и чередованиями (альтернациями) г л а с н ы х.

Место тона, не ограниченное никаким фонетическим законом, менялось, смотря по словам и по их роли в предложении и по грамматическим формам, и потому являлось средством для характеристики каждого слова и каждой формы. Повышение голоса, именуемое тоном, могло и отсутствовать: многие слова характеризуются „нулевым тоном“ — отсутствием тона: таковы постоянно некоторые частицы, как скр. *sa* „и“, гр. *τε*, лат. *que*, и во многих случаях — глагольные формы, как скр. *asti*, гр. *ἔσθι* и т. д. Следующий стих „Ригведы“ (V, 57, 7), содержащий одиннадцать слогов, распределенных в четырех словах, имеет одно только повышение тона:

praçastim naḥ kṛṇuta rudriyāsaḥ „славу нам дайте, Рудри“. Там, где тон есть (т. е., как мы увидим в синтаксисе, согласно с ролью слова в предложении), место его может меняться в зависимости от смысла; так, гр. τόμος „отрезок“ противопоставляется τομός „режущий, острый“ (ср. стр. 162) или в зависимости от грамматической формы; так, именительный падеж мн. ч. гр. πόδες „ноги“, скр. pādaḥ противопоставляется родительному падеж. мн. ч. гр. ποδῶν, скр. padām „ног“ и русское *люди* (им. п. мн. ч.) — родительному падежу — *людéй*. Следовательно, индоевропейское слово вполне определенным является лишь тогда, когда мы знаем место, занимаемое тоном в каждой из его форм.

Чередования требуют особого рассмотрения.

II. ЧЕРЕДОВАНИЯ

1. ЧЕРЕДОВАНИЯ ГЛАСНЫХ

Единственные чередования, нормально используемые в индоевропейской морфологии, это — чередования гласных.

На примере семитских языков лучше всего можно видеть, какую роль могут играть в грамматике такого рода чередования. Арабский корень характеризуется только своими согласными; что же касается гласных, то за каждой согласной корня могут следовать *ā, a, ī, i, ū, u* или нуль, т. е. всего семь форм, и каждая из этих семи форм служит для характеристики грамматической функции. Возьмем арабский корень *q t l* „убивать“; совершенная форма действит. залога от него будет *qatala*, несовершенная форма действит. залога — *ya-qtulu*, совершенная форма страдат. залога — *qatila*, несовершенная форма страдат. залога — *yu-qtalu*, совершенная форма действит. залога третьей породы — *qāṭala*, несовершенная форма соответственно *yu-qāṭilu*, совершенная форма страдат. залога — *qūṭila*, несовершенная — *yu-qāṭalu*, инфинитив первого типа *qatlun*, причастие *qāṭilun* и т. д. В именах в единственном числе именительный падеж характеризуется окончанием *-un*, винительный — *-an*, родительный — *-in*, а во множ. числе — имен. п. — *-upa*, винит.-родит. — *-ipa*. Гласные служат только для образования слов и для словоизменения, а значение корня связано только с согласными звуками.

Индоевропейский язык употребляет свои гласные таким же образом. Корень или суффикс характеризуется не гласными, но только согласными и сонантами; огласовка показывает только тип образования. Например, огласовка *e в корне обозначает

настоящее время в гр. *πέτομαι* „лечу“, нулевая ступень огласовки — аорист в *ἔπτειπον*, и огласовка *o — итератив в *ποτάομαι*; огласовка *ē элемента, предшествующего окончанию, характеризует имен. п. ед. ч. в *πατήρ* „отец“, огласовка *ě — имен. мн. ч. в *πατέρες*, нулевая огласовка — род. п. мн. ч. в *πατρῶν* и т. д.

Неизменяемую часть морфологических элементов составляют фонемы согласные, сонанты и фонема *ə, входящая в систему сонантов; гласные, используемые в чередованиях (с чисто грамматическим значением), суть *e и *o и образующие особые ряды долгие гласные *ā, *ē, *ō (чередующиеся с *ə). Гласная *a в чередованиях, используемых морфологически, участия не принимает; но, как мы увидим в главе о лексике, она часто встречается в словах народного характера.

Формула чередований — следующая:

Каждый морфологический элемент включает гласную, являющуюся в одной из трех форм:

*e (или *ē) *o (или *ō) нуль.

Поскольку ступени *ē и *ō ограничены немногими случаями (почти все они в конце слова), основная формула сводится к:

*e *o нуль

Например в греческом:

гом. *πέλ-ομαι* „вра- *πόλ-ος* „ось“ *ἐ-πλόμην* „я вращался“
щаюсь“,

ἔχω „имею“ (из *ἐχ-ω*, *ῥχ-ος* „держаний“ *ἐ-σχ-ον* „он имел“
и.-е. *seg₁h-)

Мы будем называть морфологические элементы по их ступени *e.

Редуцированная гласная *o (определенная выше на стр. 126) представляет разновидность нулевой ступени, как, например, в лат. *patēre* „быть открытым“, гр. *πίπτωμι* „распростираю“, при гр. *πέταννμι* „простираю“.

Присутствие сонантов усложняет облик чередований гласных, не изменяя их по существу. В случае дифтонгов чередования принимают следующий вид (сонант в нулевой ступени представлен в гласной форме):

*ei	*oi	*i
*eu	*ou	*u
*er	*or	*r
*el	*ol	*l
*en	*on	*n
*em	*om	*m

Примеры:

{	гр. $\pi\epsilon\acute{\iota}\delta\text{-}\sigma\iota\chi\iota$ „слуша- юсь, верю, пови- нуюсь“	$\pi\epsilon\text{-}\rho\omicron\upsilon\delta\text{-}\alpha$ „доверил- ся“	$\acute{\epsilon}\pi\epsilon\text{-}\pi\iota\delta\text{-}\mu\epsilon\nu$ „мы дове- рились“
	лат. $\text{fid-}\bar{o}$ „доверяю“	foed-us „договор“	$\text{fid-}\bar{e}s$ „верность“
гот. kius-an „испы- тывать, избирать“	kaus „избрал“	kus-um „избрали“	
гр. $\delta\acute{\epsilon}\rho\chi\text{-}\sigma\iota\chi\iota$ „смо- трю“	$\delta\acute{\epsilon}\text{-}\delta\omicron\rho\chi\text{-}\alpha$ „узрел, ви- жу“	$\acute{\epsilon}\text{-}\delta\rho\alpha\chi\text{-}\omicron\nu$ „увидел“	
лит. $\text{telp-}\grave{u}$ „помеща- юсь“	$\text{talp-}\grave{a}$	$\text{t}\ddot{i}\text{p-ti}$ „помещаться“	
гр. $\pi\acute{\epsilon}\nu\delta\text{-}\omicron\varsigma$ „скорбь“	$\pi\acute{\epsilon}\text{-}\rho\omicron\nu\delta\text{-}\alpha$ „претер- пел“	$\acute{\epsilon}\text{-}\pi\alpha\delta\text{-}\omicron\nu$ „претерпел“	
лит. $\text{kemš-}\grave{u}$ „наты- каю“	$\text{kamš-}\grave{a}\ddot{i}$ „натыкал“	kišš-ti „натыкать“	

или следующие сближения между разными языками:

лит. erž-ilas „жере- бец (заводской)“	гр. $\delta\rho\chi\text{-}\iota\varsigma$ „яичко“	ав. $\text{эгəз-}\acute{i}$ „яичко“.
---	--	--------------------------------------

арм. $(\text{mi})\omicron\gamma\acute{i}\text{-}\acute{i}$ $(\mu\acute{o}\nu)\delta\rho\chi\iota\varsigma$

В случае: согласный сонант + гласная, мы имеем:

*we	*wo	*u
*re	*ro	*r

и т. д., например:

др.-исл. suefn „сон“	арм. khun (из * zwor- nos)	гр. $\delta\rho\nu\omicron\varsigma$	
{	лат. p̄recēs „прось- бы“	p̄rocus „жених“	p̄rocō (из * p̄orcscō) „требую“
	др.-исл. fregna „спра- шивать“	др.-сл. просити	скр. p̄r̄schāti „спра- шивает“

Когда морфологический элемент оканчивается на сонант, последний способен появляться в различных своих формах:

гр. $\chi\acute{\epsilon}(f)\text{-}\omega$ „лью“	$\chi\omicron(f)\text{-}\acute{\eta}$ „возлияние“	$\chi\acute{\epsilon}\text{-}\chi\upsilon\text{-}\tau\alpha\iota$
гр. $\chi\epsilon\ddot{u}\text{-}\mu\alpha$ „лягье“		скр. ju-hv-e „он при- несен в жертву“

или:

гр. $\tau\acute{\epsilon}\nu\text{-}\omicron\nu$ „жила“	$\tau\acute{o}\nu\text{-}\omicron\varsigma$ „натяжение“	$\tau\alpha\text{-}\tau\acute{o}\varsigma$ „натянутый“
---	---	--

(с согласным n)

Таким образом, принимая во внимание все ступени огласовки и различные формы сонантов, мы можем встретить у одного и того же морфологического элемента следующие формы:

От корня *k|eu-: „слышать“:

*e: *k|eu-; гот. hlīuma „слух“, ав. sraoman- „слух“.

*k|ew-: гр. κλέ(f)ος „слава“, скр. śrávaḥ „слава“.

*ē: *k|ēu-: скр. (ā)śrauṣīt „он услышал“ (аор.).

*k|ēw-: нет надежного примера для этого корня.

*o: *k|ou-: скр. śuśrotha „ты услышал“ (перф.).

*k|ow-: скр. śrávaḥ „звучащий; слух“.

*ō: *k|ōu-: нет надежного примера для этого корня.

*k|ōw-: др.-сл. слава, лит. šlovė „слава“.

нуль: *k|u-: скр. śrutāḥ „услышанный, известный“, гр. κλυτός „славный“, лат. -clitus.

*k|uw-: скр. śuśruve „я был услышан“ (перф. med. pass.).

От корня *sem- „один, сам“.

*e: *sem- (*em дифтонг): гр. εἷς (εἷς), εἷν „один, одно“, гот. simle „однажды“.

*sem-(*m согласная): лат. semel (?) „один раз“.

*o: *som- (*om дифтонг): др.-сл. сж-(с)ѣдѣ, скр. saṃ-(śád-) „собрание“.

*som- (*m согласная): гр. ὁμός „одинаковый“, гот. sama „тот же“, ирл. som „тот же самый“, арм. omn „некто“, скр. samāḥ „тот же“.

*ō: *sōm- (*m согласная): др.-сл. самъ, ав. hāma- „тот же“.

нуль: *sm-: гр. μία „одна“, арм. mi „один“.

*sm-: гр. ἄ(παξ) „один раз“, скр. sa-(kṛt) „один раз“.

*s|m-: гр. ἄμα „вместе“ и -αμο- (οὐδ-αμό-ς „ни один“), гот. sumс „некий“, др.-ирл. samail „сходство“ (и, повидимому, лат. similis „похожий“), арм. ham-.

От суффикса имен родства *-ter-:

*e: *-ter- (*er дифтонг): гр. πατήρ „отец!“, скр. pítar (зват. п.) „отец!“.

*-ter- (*r согласная): гр. πατέρες „отцы“, скр. pitāraḥ „отцы“.

*ē: *-tēr- (*ēr дифтонг): гр. πατήρ „отец“.

*o: *-tor- (*or дифтонг): гр. (ἄ-)πάτορ „лишенный отца!“

*-tor- (*r согласная): гр. !(ἄ-)πάτορες „лишенные отцов“, скр. (tvát-)pitāraḥ „имеющие тебя отцом“ (им. п. мн. ч.), где скр. ā косвенно свидетельствует о звуке o в прошлом.

*ō: *-tōr- (*ōr дифтонг): гр. (ἄ-)πάτωρ (им. п. ед. ч.) „лишенный отца“.

нуль: *-tr-: гр. πατράσι „отцам“, скр. pitṛṣu (местн. п. мн. ч.) „у отцов“.

*-tr-: гр. πατρῶν (род. п. мн. ч.) „отцов“, скр. pitrē „отцу“.

Общая формула;

*ē (*ē) *ō (*ō) нуль

не покрывает всех индоевропейских типов чередования. В самом деле, возьмем санскритское противопоставление:

bi-bhar-mi „ношу“ bhṛ-tāh „ношенный“;

от него нельзя отделить параллельные санскритские противопоставления:

dā-dhā-mi (ср. гр. τίθημι) „кладу“, (d)hi-tāh (ср. гр. θετός) „положенный“;

дор. ἵστημι „стою“, скр. sthi-tāh (ср. гр. στητός) „поставленный“;

dā-dā-mi (ср. гр. δίδωμι) „даю“, di-tih (ср. гр. δόσις) „давание“.

Санскритскому i в латинском соответствует ÿ в формах fāct-us „сделанный“, stāctiō „стоянка“, dāctus „данный“. Возьмем еще греческое противопоставление:

φέρμα „бремя“ φορμός „плетенка“;

от него нельзя отделить гр.

(ἀνέ)θημα „приношение“ θωμός „куча“.

Следовательно, наряду с основным типом чередования гласных:

I. *ē (*ē) *ō (*ō) нуль

есть еще три типа:

II. *ē *ō *ə

III. *ō — *ə

IV. *ā — *ə

или по крайней мере два, если признать, что в типе III огласовка *ē случайно отсутствует, что вероятно.

Эти типы можно иллюстрировать примерами вроде следующих:

II	{	гр. ῥήγμα „разрыв“	ῥωχμός „ущелье“	ῥαγγῖναι „быть сло- маным“
		ἵ-τ-μι „посылаю“	(ἄφ-)έ-ω-κκ слад“	έ-τός „посланный“
		лат. sē-men „семья“	гот. saī-so „он се- ял“	лат. sǎ-tus „посеян- ный“.
		III. лат. dō-num „дар“		ḍǎ-tus „данный“
		IV. дор. φῶ-μι „говорю“		φῶ-μες „говорим“.

Факт принадлежности к общему типу чередования *ḗ, *ō, нуль или к одному из типов с основной долгой гласной (и со ступенью *ə): *ē, *ō, *ə; *ā, *ə; *ō, *ə характеризует смысл морфологического элемента точно так же, как факт наличия той или другой согласной или сонанта; корень *wḡg-, *wḡg- (как в гр. ῥήγνῶμι „ломаю“) отличается от корня *wḡg, *wḡg; чередование гласных имеет грамматическое значение только внутри каждого из четырех типов.

Когда сонант предшествует долгой гласной, то *ə нулевой ступени, как общее правило, сочетается с этим сонантом указанным выше способом (см. стр. 145 и сл.): так, нулевая ступень суффикса желательного наклонения скр. -uā-, гр. -ι-, лат. -iē- будет скр. -ī-, лат. -ī-, др.-сл. -и- и т. д. Таким же образом объясняются чередования:

вед. drāgh-mā „длина“,	dirgh-áh „длинный“,
ав. drāj-o „длина“,	darəḡ-ō „длинный“,
	др.-сл. дълг-ъ (серб. дѹг).

Поэтому от корня *wḡg- греческая форма (F)ραγγῖναι не может быть образована фонетически.

Перед гласной по общему правилу *ə выпадает; отсюда 3-е л. мн. ч. скр. dá-d-ati „дают“, др.-сл. да-д-атъ и, повидимому, по аналогии с этой формой — скр. da-d-máh „даем“ при гр. δι-δο-μεν (атт. 3-е л. мн. ч. δι-δο-μεν образовано по аналогии).

Чередование

*ē *ō *ə,

где долгие *ē и *ō имеют иное значение, нежели в типе *ḗ (*ē), *ō (*ō), нуль, параллельно такому, например, чередованию, как

*ei *oi *i,

и, тогда как нет ни одного корня формы *tě-, *tō-, *t-; *sě-, *sō-, *s- и т. п., целый ряд корней оканчивается на *ē (*ō), или только на *ō, или только на *ā; таковы гр. εη-(εω), η-(ώ); δω-; φα-, στα- и т. д.

В некоторых индоевропейских корнях есть еще один элемент: за конечной согласной или сонантом корня следует долгое *ā, *ē или *ō, чередующееся с *э; в этом случае в силу общего правила, по которому тот же самый морфологический элемент не может одновременно содержать два *e/*o, если первая часть имеет ступень *e или *o, то вторая часть необходимо должна иметь нулевую ступень, т. е. в данном случае *э (которое выпадает перед гласной), а если вторая часть имеет ступень *e (или *o), т. е. в данном случае *ē, *ō или *ā, то первая часть должна иметь нулевую ступень; нулевая ступень может, впрочем, появляться и в первой и во второй части. Корни этого рода называются двусложными, потому что они включают два чередующихся элемента, но фактически в большинстве случаев их формы являются односложными. Корень, включающий согласные *р и *t и допускающий во втором слоге гласную *ē, чередующуюся с *ō и *э, может, таким образом, являться в следующих видах:

перед согласной	перед гласной
* pētə- (*pētə-[?])	*pēt- (*pēt-)
*pōtə- (*pōtə-[?])	*pōt- (*pōt-)
*ptē-	
*ptō-	
*ptə-	*pt-
*p ^o tə-	p ^o t-

Этот корень действительно существует со значением „падать“:

*e/нуль: *petə-: гр. *πετέ-(σ-)ομαι, откуда πεσέομαι, πεσούμαι, „упаду“; *pet-: лат. petō „достаю, стремлюсь“.

нуль/*ē: ptē-: в гом. πε-πτη-ώς „упавший“.

нуль/*ō: ptō-: гр. πέ-πτω-α „упал“, πτώ-σις „падение“.

нуль/нуль: *p^otə-: повидимому, в скр. pati-tāh „упавший“, если и.-е. ** действительно отражается в санскритском как а (ср. гр. πίττω „падаю“); *pt-: гр. πίπτ-ω „падаю“.

Носовой инфикс глагольного типа скр. ṛiṅākti „оставляет“, лат. linquō вставляется непосредственно перед конечной гласной корня, откуда греческая основа πίττω- (из *p^otnə-), косвенно отражающаяся в глаголе на -ω: πίττω „падаю“.

В греческом есть близкий корень на конечное \bar{a} -, именно корень слова $\pi\acute{\epsilon}\tau\alpha\iota$ „лечу“, дор. $\acute{\epsilon}\text{-}\pi\tau\bar{\alpha}\text{-}\nu$, $\acute{\epsilon}\text{-}\pi\tau\acute{\alpha}\text{-}\mu\eta\nu$; но вне греческого языка соответствующие формы встречаются лишь в односложном виде; так, скр. rat- в форме $\text{r\bar{a}t-at\bar{i}}$ „летит“, сравнимой с гр. $\pi\acute{\epsilon}\tau\text{-}\sigma\mu\alpha\iota$, $\acute{\epsilon}\text{-}\pi\tau\text{-}\beta\mu\eta\nu$ „лечу“, „я полетел“.

Долгая гласная случайно не засвидетельствована в корне:

*e/нуль: *pleth̄a-: скр. $\text{prathi-m\bar{a}n}$ „ширина“.

*pleth-: скр. $\text{pr\bar{a}th-ah}$ „ширина“, ав. $\text{fra\bar{d}-\bar{o}}$.

*o/нуль: *ploth̄a-: др.-сл. плоскъ (из *ploth̄askos).

*ploth-: лит. $\text{plat-\bar{u}s}$ „широкий“.

нуль/нуль: *r̄l̄th̄a-: скр. $\text{r\bar{g}thi-v\bar{i}}$ „земля“ (букв. „широкая“), гр. Πλαταιαί (из *πλαταφυαί), кельто-лат. Litavia , валл. Llydaw „Арморика“, галльск. Litano- „широкий“.

*r̄l̄th̄a-: арм. layn „широкий“, лит. splis-ti „распространяться“.

*r̄l̄th-: скр. $\text{r\bar{g}th-\bar{u}h}$ „широкий“ и гр. πλατύς .

Чаще всего встречаются такие двусложные корни, в которых сонант стоит перед конечной долгой гласной; они представляют большую сложность вследствие различных видов сонанта и различных его сочетаний с *э. Несколько примеров иллюстрируют это явление:

Корень *rel̄a-, *rl̄e- „наполнять, быть полным“:

*e/нуль: *rel̄a-: скр. $\text{r\bar{a}r\bar{i}-man-}$ „обилие“ (с \bar{i} вместо i , ср. стр. 148).

*rel-: гот. fil-u „много“, др.-ирл. il .

*o/нуль: *rol-: гр. πολύς „многий“, др.-англ. feal-a .

нуль/*ē: *rl̄e-: гом. ἐ-πλη-το „он был полон“, скр. $\text{\bar{a}-pr\bar{a}-t}$ „он наполнил“, лат. $\text{pl\bar{e}nus}$ „полный“, арм. li „полный“.

нуль/*ō: *r̄lo-: вед. $\text{ра-рд\bar{a}}$ „он наполнил“.

нуль/нуль: *r̄l̄-: скр. $\text{r\bar{a}r-r\bar{a}h}$ „полный“, др.-сл. плънь (серб. $\text{п\bar{u}н}$), лит. pil-nas , др.-ирл. $\text{l\bar{a}-n}$, гот. ful-ls (из *ful-naz).

*rl̄-: скр. $\text{r\bar{i}-pr-at\bar{i}}$ „наполняют“ (откуда $\text{r\bar{i}-pr-ti}$ „наполняет“ по аналогии с односложными корнями).

*r̄l̄-: скр. $\text{rur-\bar{u}h}$ „обильный“.

*r̄l̄-: в глаголе с носовым инфиксом, скр. $\text{r\bar{r}\bar{n}\bar{a}ti}$ „наполняет“, сонант имеет краткую форму, так как отделен от *э носовым элементом. Корень теряет свое *э только по видимости, ибо *э заключается в долгой гласной, следующей за носовым инфиксом; то же касается и других ниже приводимых форм.

Корень *gen̄a-, *gn̄e- „рождать“.

*e/нуль: *gen̄a-: скр. $\text{jani-t\bar{a}}$ „родитель“, гр. $\text{\gamma\bar{e}\nu\bar{e}-\tau\omega\rho}$, $\text{\gamma\bar{e}\nu\bar{e}-\tau\acute{\eta}\rho}$, лат. geni-tor .

*gen-: гр. γέν-ος „род“, лат. gen-us, арм. сin „рождение“, скр. jān-añ „род“ (род. п. jānasañ).

*o/нуль: *gon-: гр. γέ-γον-α (мн. ч. γέ-γα-μεν по типу μέμονα, μέμαμεν), скр. ja-jān-a „я родил“; гр. γόν-ος „рождение“, скр. jānañ „род“ (род. п. jānasya).

нуль/*ē: *gnē-: гр. γνή-σιος „родной“, и, может быть, скр. jñā-tiñ „родственник“.

нуль/*ō: *gnō-: гр. γνω-τός „брат“, латыш. zno-ts „зять“, гот. kno-þs „род“.

нуль/нуль: *gn̄-: скр. jñ-tāñ „рожденный“, ав. zā-tō, лат. (g)nā-tus, и, повидимому, гот. kunds „происходящий“.

*gn-: гр. γί-γν-ομαι „рождаюсь“, лат. gi-gn-ō „рождаю“, скр. ja-jñ-é „я родился“.

*g^on-: гот. sama-kuns (из *kunaþ) „родовой, сородич“.

Корень *genə-, *gnē- „знать“ отличается от предыдущего только значением; но глагольные формы в значительной части заимствованы от типа *gnō- и не смешиваются с предыдущими; омонимичные формы были устранены в каждом из языков.

*e/нуль: *genə-: лит. žėn-klas „знак“.

*o/нуль: *gonə-: гот. kan-p „знает“.

*ō/нуль: гр. γέγωνη „извещаю“, др.-в.-нем. kuoni „храбрый“, др.-исл. koenn „искусный“.

нуль/*ē: *gnē-: др.-в.-нем. knā-an „знать“ (с др.-в.-нем. ā, отражающим герм. *ē); и, повидимому, скр. jñā-tum „знать“.

нуль/*ō: *gnō-: гр. ἔγνων „я узнал“, γι-γνώ-σκω „узнаю“, лат. (g)nō-scō, др.-сл. знати: др.-перс. xšnā-sātiy „дабы он узнал“.

нуль/нуль: *gn̄-: лат. (g)nā-tus „знающий“ и, повидимому, лит. (pa)žin-tas „известный“, гот. kun-þs „известный“.

*g^on-: лит. žin-oti „знать“, арм. can-awth „известный“.

Корень *g^wegə-, *g^wtō- „глотать“:

*e/нуль: *g^wegə-: аркадск. ζέρε-θρον (из *δέρε-θρον) „пробасть“, лит. gér-ti „пить“.

*g^wer-: арм. ker (род. п. ker-ou) „пища“.

*ē/нуль: *g^wēr-: лит. gér-ė „он выпил“.

*o/нуль: g^wor-: гр. βορ-ός „обжора“, скр. gar-añ „питье“, лат. uor-āre „пожирать“, (carni-)uogus „мясолюбный“.

нуль/нуль: *g^wr̄-: скр. gīr-ñāñ „проглоченный“, лит. gīr-tas „пьяный“ (βρω- в гр. ἔβρων „выпил“ восходит к *g^wtō-).

*g^wgə-: гр. βάρη-θρον „пробасть“.

*g^wg-: скр. gir-āti „глотает“, др.-сл. жьр-еть.

*g^wg̃-: скр. gṛāti „глотает“ (глагол с носовым инфиксом).

Корень *terə-, *trē- „тереть“:

*e/нуль: *terə-: гр. τέρε-τρον „бурав“, лат. tere-bra „бурав“.

*ter-: лат. ter-ō „тру“.

*o/нуль: *torə-: гр. τὸρ-μος „дыра“, др.-исл. þag-mr, др.-в.-нем. darm „кишка“.

*tor-: гр. τὸρ-ός „пронзительный“.

нуль/*ē: *trē-: гр. τρη-τός „пробуравленный“, др.-в.-нем. drā-jan „вытачивать“.

нуль/*ō: *trō-: гр. τι-τρώ-σχω „раню“.

нуль/нуль: tr̥-: гр. τρή-νός „проникающий“, др.-сл. тръти (серб. тр̆ти) „тереть“.

*t^ogə-: др.-ирл. tara-thar „бурав“.

*t^og-: др.-сл. търж „тру“.

*tr-: гр. τρ-ίβω „тру“, лат. tr-itus „тертый“.

Корень *rewə- „очищать“:

*e/нуль: *rewə-: скр. ravī-tram „орудие очищения, сито“.

*rew-: скр. rāv-ate „очищает“.

*ē/нуль: *rēw-: скр. á-rāv-iṣuḥ „они очистили“.

*o/нуль: *row-: скр. rav-āyati „чистит“, ср.-в.-нем. vaewen.

нуль/нуль: *rū-: скр. rū-tāḥ „очищенный“, лат. rū-gus „чистый“.

*ruw-: скр. ru-ruv-uḥ „они очистили“.

*ru-: в наст. вр. с носовым инфиксом скр. ruṅāti „очищает“.

Корень *g^weuə-, *g^wyē- „жить“:

*e/нуль: *g^weu-: гом. βέ-ομαι „буду жить“.

*o/нуль: *g^wou-: скр. gāu-ah „дом“, ав. gau-ō „жизнь“, серб. gōj „мир“.

нуль/*ē: *g^wyē-: гр. ζή-σω „буду жить“, ав. jūā-tuṣ „жизнь“.

нуль/*ō: *g^wyū-: гр. βιώ-ναι „прожить“.

*g^wyū-: гр. ζω-ός „живой“.

нуль/нуль: g^wi-: скр. jī-vaḥ „живой“, др.-сл. живь, лит gý-vas, лат. uī-uos.

*g^wyū-: гр. βί-ος „жизнь“.

Эти двусложные корни оканчиваются на долгую гласную, чередующуюся с *э: есть корни типа *retə-: *ptē-, но нет корней типа *retək-: *ptēk- или *retəs-: *ptēs-. Примеры, которые можно было бы привести прогив этого положения, в общем ограничиваются одним только языком и неясны.

Так как *ā, *ē, *ō имеют то же значение, что гласная + сонант, мы можем предполагать существование корней, оканчивающихся на гласную + сонант; и действительно, наряду с типом *petə-: ptē-, мы находим корни типа *petu-: *pteu-; например, *welu-: *wleu-, на который указывают гр. *ἑλυ-τρον* „оболочка“, лат. *uolu-ō* „качу“, арм. *gelu-m* „кручу“ и соответствующая форма настоящ. времени с носовым инфиксом скр. *vr̥bōti* „покрывает“, т. е. индо-иран. *vr̥-na-uti. Элемент *-eu- носит характер определителя корня (см. стр. 193 и след.).

Кроме сложности своих форм, двусложные корни представляют то затруднение, что употребление их ступеней с конечной долгой гласной типа *gnē- или *gnō- в индоевропейской морфологии еще не установлено достаточно полно и точно. Эта ступень дает, между прочим, такие аористы, как гр. *ἔγνω* „он узнал“, *ἔβιω* „он прожил“, *ἔτλη* (дор. *ἔτλω*) „он претерпел“ и т. д., такие перфекты, как вед. *rgarā*, *rgrau* „он наполнил“, гом. *τέτληκα* „я вытерпел“, *τέτλαμεν* и т. д., и такие случаи с огласовкой *e или *o именных корней во второй части сложения, как гр. *ἄγνως* „неизвестный“.

Только что описанные чередования не охватывают всех возможных случаев, но только они одни играют определенную роль в индоевропейской морфологии. Невозможно, например, объяснить таким же образом гр. *ἔν-εἴχ-εἶν* „принести“, скр. *ān-āp̄ca* „он достиг“, ирл. *go-ánaic* „он достиг“, др.-сл. *несѣ*, лит. *nešù* „несу“, и т. д., где, впрочем, налицо только формы *enk-, *nek-, *pok-, т. е. формы с особо осложненными *e, *o и нулем. Но здесь мы не можем входить в бесконечные подробности этих фактов. Некоторые противопоставления, как гр. *ἔτρεσεν* (толкуемое как *ἐφόβησεν* „он испугался“), лат. *tegeō* „пугаю“ и скр. *trásati* „дрожит“, гр. *τρέω* „дрожу“, найдут свое объяснение в теории корней: как, по правилу, мы имеем *genə- и *gnē-, так и здесь мы встречаем формы *ters- и *tres- с одним только наличным *e (ср. стр. 180).

Корень с двумя гласными на полной ступени, как гр. *κελυδ-*, *холουδ-* в *κέλουδος* „путь“, *ἄ-χόλουδος* „спутник“, есть явление исключительное, ограниченное к тому же одним только языком и противное обычному индоевропейскому употреблению: скр. *ān-āp̄ca* может быть древним, гр. *ἐνήνεγμα* „я унесен“ едва ли, а об *ἐνήνοχα* „я унес“ мы знаем, что это греческое новособразование исторической эпохи.

Понимая во внимание, что *ā, *ē, *ō имеют то же морфологическое значение, как и *e + сонант (см. выше стр. 179—180), мы можем установить как правило, что всякий корень и всякий суф-

фикс содержат по крайней мере одну чередующуюся гласную:
ряда: *е (или *ē), *о (или *ō), нуль.

Гласная *ā почти не встречается, кроме как в некоторых
особых условиях, подобно тому как ее нет и в чередованиях
(см. стр. 174). Мы ее находим:

1. В формах, служащих для призывания, как то:

гр. *ἄττα* „тятя“, лат. *atta*; скр. *tata* „тятя“, гр. *τάτα*, лат. *tata*;
из этих форм образовались производные, вошедшие в общее упо-
требление, как хет. *attaš* „отец“, сл. *отъць*, гот. *atta* (род. п. *attins*)
„отец“, ирл. *aite* „отец-кормилец“, брет. *tád* „отец“ (образование
его не ясно).

2. В экспрессивных словах, как то:

скр. *kakhati* „хочет“, гр. *κακχάζω* „хочу“, лат. *sachinō* и т. п.

3. В единичных словах, относительно которых поэтому воз-
можно предположить заимствования (отчасти в индоевропейское
время), как то:

лат. *fabā* „боб“, др.-сл. *въвъ*, др.-прус. *babō*.

лат. *barba* „борода“ (первое *b* вместо **f* по ассимиляции),
др.-в.-нем. *bart*, лит. *barzdā*, др.-сл. *брѣда*.

лат. *far* „хлеб“, *farīna* „мука“; гот. *barizeins* „ячменный“;
др.-сл. *брашьно* „пища“.

Ни у одного из этих трех слов нет соответствий ни в индо-
иранском, ни в армянском, ни в греческом.

Впрочем, *ā широко используется в названиях животных, не
входящих в состав основного скота индоевропейского мира,
именно в названиях козы, гуся (см. гл. VIII) и т. д.

4. В некоторых окончаниях, например в окончании 1-го лица
ед. ч. [перфекта действит. залога **-ā*: гр. *ἴδω*, скр. *véda* „ведаю“,
гот. *wait*; ср. др.-ирл. *ceschān* „я пел“, где надо предполагать
*ā, а не носовую гласную.

5. В начале некоторых слов, как то:

либо изолированных, например:

гр. *ἄγρος*, лат. *ager*, гот. *akrs*, скр. *ājraḥ* „поле“.

либо наряду с формами без ā, например:

гр. *αἶθος* „огонь“, скр. *édhaḥ* „дрова“, лат. *aestās* „лето“;
гр. *ἰδῆρος* „ясный“, скр. *idhmāḥ* „дрова“.

гот. *agms* „рука“, др.-сл. *рамо* „плечо“ (ударение в котором
предполагает и.-е. **agmo-*): скр. *ītmāḥ* „рука“, др.-прус. *īgmo*
„рука“, с начальным *ī.

гр. ἀγγυω „душу“, лат. angō „душу“, angustus „тесный“, гот. aggwus „узкий“, др.-сл. жъкъкъ, арм. anjuk, скр. amhūh: др.-сл. (в)ажж (предполагает *ŋgh-).

Этот тип чередования *ā: нуль, свойственный началу слова и являющийся, как правило, перед сонантом, встречается и наряду с нормальным типом *e, *o, нуль:

лат. augeō „увеличиваю“, гот. aukan „расти“, лит. áugu „расту“, скр. ójah „сила“: скр. ugráh „сильный“; гр. ἄ(f)έξω „расту“: скр. vāvákṣa „он вырос“, гот. wahsjan „расти“; гр. αὐξω „увеличиваю“, лит. áukštaz „большой“: скр. úkṣant „растущий“, т. е. *weg- (*weks-), *wog- (*woks-), *ug- (*uks-): *aweg-, *awog-, *aug- (*aweks-) и т. д.

Лат. aurēs „уши“, нрл. au, õ „ухо“, тарент. ἄτα (из *αυσατα, ср. ἀάνθα εἶδος ἐνωτίου παρ' Ἀλκμᾶνι, „вид серег, у Алкмана“, Гесихий), наряду с формой нулевой ступени ав. uši „уши“ (двойств. число), арм. unkn „ухо“ и наряду с формой с o- гр. οὔατα (из *ουσατα) „уши“ и с *õ- в др. ὄ(f)ατα.

Чередование *ā: нуль, являющееся в начале слова, но без морфологической роли, не встречается в середине слова: сближение скр. uájati „приносит жертву“, iṣṭáh „принесенный в жертву“, с гр. ἄζομαι „благоговею“, предполагающее чередование начального *ā с нулем, ограничивается двумя языками, что уже a priori делает его маловероятным; кроме того, оно неудовлетворительно в отношении смысла и не подкрепляется соответствием форм.

2. ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ

Чередования согласных не играют морфологической роли; однако в корнях, суффиксах и окончаниях обнаруживаются вариации формы сонантов и собственно согласных.

1. Чередования сонантов

В ведийском санскрите окончание им.-вин. пад. двойств. ч. муж. рода имеет три формы, которые в древнейших частях „Ригведы“ распределяются следующим образом: -au в конце предложения или стиха, -āv перед начальной гласной следующего слова, -ā перед начальной согласной или сонантом следующего слова; таким образом: ubhāv áṣvaui „оба коня“, ubhā devāui „оба бога“, ubhā śuenaui „оба сокола“, ubhā yamaui „оба близнеца“. Это чередование древнее, по крайней мере в числительных; в самом деле, если, с одной стороны, ведийскому -ā соответствует ав.-а, др.-сл. -a, лит. -u (из*-ū), гр. -ω, лат. -ō (в ambō „оба“), то и другая форма -au,

-āv имеет свои соответствия в др.-ирл. *dāu*, др.-исл. *tuau* „два“, при вед. *d(u)vā*, гом. *δύω*, др.-сл. *дъва*; точно так же, если гр. *ὀκτώ* „восемь“ и лат. *octō* соответствуют вед. *aṣṭā* „восемь“, то ведийскому *aṣṭāu* (*aṣṭāv*) соответствует гот. *ahtau* „восемь“, а в греческом и в латинском сохранились следы *w в производных *ὄυδο(F)ος* и *octāuos* „восьмой“.

Другие дифтонги с первым долгим элементом в конце слова представляют то же чередование: долгая + сонант: простая долгая. Индо-иранская основа на -i- **sakhai-* „товарищ“ имеет в им. п. ед. ч. скр. *sakhā*, ав. *haха*; в греческом от основы *Λητοί-* (зв. п. *Λητοί*) в им. п. ед. ч., по видимому, существуют формы *Λητοί* (пишется *Λητό*) и *Λητώ*. — При гр. *μήτηρ*, лат. *māter*, арм. *maур* „мать“, санскрит имеет *mātā*, лит. *mōtė*; при гр. *κύων* „собака“ — скр. *ṣvā*, лит. *švī*; латинский склоняет *homo* „человек“, род. п. *hominis* и т. д. Следовательно, сонантический элемент, которым оканчиваются дифтонги (или, вернее, некоторые дифтонги) с долгим первым элементом в конце слова, мог исчезать.

Сонант — второй элемент дифтонга с первым долгим элементом — подвержен также исчезновению перед сонантом или согласной в конце слова: именительные падежи скр. *dyāuḥ* „небо, день“, гр. *Ζεύς* (из **Zhуs*) „Зевс“ и скр. *gāuḥ* „бык, корова“, гр. *βοῦς* (из **βουs*) изменяются в винительном падеже соответственно в скр. *dyām*, гом. *Zhṽ*, лат. *diem* и скр. *gām*, дор. *βῶν*. Основа **gēi-*, засвидетельствованная в им. п. мн. ч. скр. *gāu-aḥ* „богатства“, в вин. п. ед. ч. имеет форму скр. *gām*, лат. *gem* (ср. стр. 138 и сл.). — Винительный падеж мн. ч. после кратких гласных оканчивается на *-ns, как, например, в указательном местоимении крит. *to-ns*, гот. *þa-ns*, др.-прусс. *sta-ns* „этих“, а в основах на *-ā- — на одно *-s: скр. *-āḥ*, лит. *-as* (из *-os); точно так же скр. *māḥ* „месяц“ и др.-сл. *лѣс-ацѣ* при лат. *mensis*, гр. *μήν* (род. п. лессб. *μήνυος* из **μηνος*); скр. *māḥ* „мясо“ при скр. *māmsām* „мясо“, др.-сл. *мѣсо*, гот. *þims*.

В некоторых корнях чередуются **eī*, **ōi*, *эу*: **ē*, **ō*, **i*, так:

скр. *dhé-nā* „корова“.

скр. *dhāy-ase* „чтобы сосать“, др.-в.-нем. *tā-an*.

скр. *dhāy-ati* „сосет“, др.-сл. *дож*, гот. *daddjan* „сосать“ с нулевой ступенью **эу*-, так как перед или после **у* в начальном слоге и.-е. **э* в индо-иранском отражается как *а*.

скр. *dhā-rūḥ* „сосущий“, гр. *θηλυς* „женский“, лат. *fē-lāge* „сосать“, лит. (prim)dėlė „(в первый раз) родившая (корова)“.

скр. *dhi-taḥ* „высосанный“, лат. *fi-lius* „сын“.

Или еще:

скр. *rāu-āyati* „поит“.

др.-сл. пож.

скр. *rā-ti* „пьет“, *rā-tram* „кубок“, лат. *rō-sulum* „кубок“, лит. *rū-ta* „попойка“, эол. *πῶ-δι* „пей“.

скр. *ri-táh* „выпитый“, др.-сл. *пн-ти*, гр. *πῖ-δι* „выпей“.

Отсутствие сонанта в **dhē-*, **rō-* объясняется относительной краткостью сонантического элемента в дифтонге с первым долгим элементом (ср. стр. 139 и сл.).

В начале слова сочетание согласная + сонант чередуется с простой согласной без сонанта:

скр. мест. п. *tvé* „в тебе“, гр. дат.-мест. *σοί* (из **τfoi*) „тебе“; скр. род.-дат. атонический *te*, др.-сл. *ти*; вин. п. скр. *tvām*, *tvā* „тебя“, гр. *σε* (из **τFε*): др.-сл. *тж* (ср. *тжон*), др.-в.-нем. *dih*.

гр. *ἕξ* „шесть“, валл. *chwech* (из **sweks*), ав. *xšvaš* (из **švaš*): лат. *sex*, гот. *saihs* (из **seks*), скр. *ṣaṭ* (из **sakš*).

скр. *syūtáh* „сшитый“, лит. *siútas*, др.-сл. *шити* (из **sjyti*): скр. *sūtram* „нить“, лат. *sūtus* „сшитый“.

скр. *práti* „против“, гр. *πρῶτι*, *πρὸς* „при, против“, др.-сл. *проти-въ*; др.-перс. *patiū*, гр. дор. *ποτι*, *πος*, лит. *ras* (из **pats*).

гот. *brikan* „разбивать“, *brukans* „разбитый“, лат. *frangō* „ломаю“, *fragilis* „ломкий“ (из **bhr^g-*), *frēgi* „я сломал“: скр. *bhā-jati* „разделяет“, *bhanákti* „ломает“, арм. *bekamem* „ломаю“ (и гр. *φαγεῖν* „есть“?).

скр. *prathimán-* „ширина“, лит. *platus* „широкий“, гр. *πλαταμῶν* „широкий и плоский камень, равнина“, *πλατός* „широкий“, (*ῶμο-*) *πλάτη* „лопатка“, др.-сл. *плште* „плечо“: ав. *raðana* „распростертый“, гр. *πταάννουμι* „распростираю“, лат. *patēre* „простираться“, лит. *petys* „плечо“.

Наконец, в корнях с усилительным удвоением (включающим и повторение корневого сонанта) мы встречаем чередование трех сонантов **r*, **l*, **n*: так, наряду с **r* в гр. *ἔβρων* „я съел“, лат. *uogāre* „жрать“, лит. *gérti* „пить“ (ср. выше стр. 182), встречается и **l* в лат. *gurguliō* „горло“, др.-в.-нем. *querechela* „горло“, лит. *gargulijū* „хриплю“, и **n* в гр. *γάγγραινα* „гангрена“. Эти чередования объясняются, по крайней мере частично, диссимиляцией; например, схематический тип **g^wer-g^wer-e* превратился в **g^wer-g^wel-e*, а **g^wer-g^we* в **g^wen-gr-e*: мы видим, что **r*, как второй элемент дифтонга, отражается не так, как согласное **r*, и переход его в **n*, повидимому, указывает на неполное поднятие нёбной занавески при арти-

куляции этой фонемы. Отражение начальной согласной в гр. $\gamma\acute{\alpha}\gamma\upsilon\rho\alpha\iota\alpha$ показывает, что и гуттуральная тоже изменилась и что здесь произошла диссимилиация, сходная с наблюдаемой в переходе лат. *quinque* „пять“ в народно-латинское **cinque* (фр. *cinq*), т. е. **ger-g^wel-e-*, **gen-g^wr-e-*, откуда это **g* перешло в некоторых случаях на место **g^w* и в другие формы.

Наблюдаются колебания между **g* и **l*, которые, впрочем, нельзя считать чередованиями в собственном смысле, и в таких случаях, где нет усилительного удвоения. Так, при гр. $\acute{\alpha}\sigma\tau\eta\rho$, $\acute{\alpha}\sigma\tau\rho\alpha$ „звезда“, гот. *stairno*, корн. *sterenn*, тох. А *s'reñ*, в армянском — *astl* (род. п. *astel*) и в латинском *stella* (из **stel-na*). Равным образом, при лат. *sternō* „стелю“, гр. $\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\eta\upsilon\sigma\iota$, в славянском — *стѣльж*. При скр. *çi-çir-áh* „холодный“, др.-исл. *hēla* (из **he-hl-an*) „морозить“ мы имеем лит. *šalnà* „иней“, арм. *šařn* „холод“, др.-исл. *hjárn* „снежный наст“ и, с другой стороны, лит. *šalna*, др.-сл. *слана* „иней“.

Раз это так, то сомнительно, чтобы в арм. *klanem* „глотаю“, *ekul* „он проглотил“, др.-в.-нем. *chela* „глотка“, др.-ирл. *gelim* „жру“, лат. *gula* „глотка“, гр. $\chi\alpha\text{-}\beta\lambda\acute{\epsilon}\epsilon\iota$ $\chi\alpha\tau\alpha\text{-}\pi\acute{\iota}\nu\epsilon\iota$ „поглощает“ (Гесихий) **l* произошло из форм с усилительным удвоением, хотя гуттуральная без лабио-велярного придатка в др.-в.-нем. *chela*, ирл. *gelim* и должна, повидимому, объясняться именно этим.

2. Чередования согласных в собственном смысле

Начальное **s* + согласная (или сонант) часто чередуется с согласной (или сонантом); так:

**sr-*, **pr-*: скр. *spác-* „шпион“, ав. *spasyeiti* „видит“, лат. *speciō* „смотрю“, др.-в.-нем. *sprehōn* „наблюдать“; скр. *pácyaṭi* „смотрит, видит“.

**st-*, **t-*: гот. *stauta* „толкаю“; скр. *tudáti* „толкает“, лат. *tundō* „толкаю“.

**sk-*, **k-*: др.-в.-нем. *skeran* „стричь“, др.-сл. *скора* „шкура“, лат. *scortum* „шкура“; гр. $\chi\alpha\acute{\iota}\rho\omega$ „стригу“, др.-сл. *кора*, лат. *corium* „кожа“.

**sm-*, **m-*: др.-в.-нем. *smelzan* „плавить“; др.-англ. *meltan* „плавить“, др.-в.-нем. *malz* „солод“, гр. $\mu\acute{\epsilon}\lambda\delta\omega$ „плаваю“.

**sw-*, **w-*: гр. Ἑξ „шесть“, валл. *chwec*; арм. *veç*, и, с нулевой степенью огласовки, др.-прусс. *uschts* „шестой“.

Принимая во внимание чередование **sw-*: **s-*, уже установленное нами на стр. 188, мы получаем чередование: **sweks* (гр. Ἑξ), **seks* (лат. *sex*), **weks* (арм. *veç*); в случаях подобного рода одна

из полных форм случайно может не быть засвидетельствована; ввиду этого мы можем сближать гр. ἔλκω „влеку“ (с густым придыханием, но без начальной *F*), лат. sulcus „борозда“ (из *solkos) с лит. velkù „влеку“, др.-сл. влѣкж, предполагая начальное *sw-.

Пример чередования типа гр. χθών „земля“: χαμαί „на земле“, лат. humus „земля“, отмеченный нами на стр. 155, не является одиноким; мы между прочим встречаем и гр. χθές „вчера“ при лат. heri „вчера“.

В конце корней смычные звонкие придыхательные иногда чередуются с глухими придыхательными:

*-g^wh-: *-kh-: гр. ὄνυξ, род. п. ὄνυχος „ноготь“, лат. unguis, др.-ирл. ingen, лит. pãgas, др.-сл. ногѣтъ: скр. pakháh, н.-перс. pāxun.

*-dh-: *-th-: скр. ádha: átha „и, затем“.

*-bh-: *-ph-: скр. nábhih „пуп, ступица колеса“, др.-прусс. nabis „пуп“, лат. umbilicus, ирл. imbliu: ав. nāfō, н.-перс. nāf „пуп“; гр. φ в ὀμφαλός „пуп“ и β в др.-в.-нем. nabelo могут отражать и *bh и *ph.

Есть также несколько случаев чередования звонких придыхательных и звонких простых: так, *-dh- и *-d- чередуются в скр. budhnáh „низ, основание“, гр. πυθμῆν „основание“ — с *-dh- и др.-англ. botom „основание“ — с *-d-. В ряде случаев скр. -h- соответствует *-g- других языков:

скр. aham, ав. azəm „я“: гр. ἐγώ, лат. ego, гот. ik.

скр. mahám (вин. п. ед. ч.) „большой“: арм. тес, гр. μέγας, гот. mikils, лат. magnus „большой“, magis „больший“; хет. mekiš.

скр. hānuh „челюсть, подбородок“: арм. spawt, гр. γένυς, лат. genuinus (dens) „коренной (зуб)“, гот. kinpus „челюсть“.

скр. duhitá „дочь“, гат. dugədā (с gd из *gh, что показывает, что звонкая придыхательная восходит к индо-иранскому): гр. θυγάτηρ.

В названии „сердца“ индо-иранский имеет звонкую придыхательную: скр. hṛd- и ав. zərəd-, скр. hṛdayam и ав. zərədaēm, н.-перс. dil (из *dʰd-), при глухой простой в других языках: арм. sirt, др.-сл. срѣдѣце, лит. širdis, гр. καρδίᾱ и κῆρ, лат. cor, др.-ирл. cride, гот. hairto, хет. kardi-.

Звонкая простая иногда чередуется с глухой, особенно *-d- с -t-:

гр. δεκάδ- „десяток“: скр. daśát-, др.-сл. десат-, лит. dēšimt, др.-сл. тврѣдъ „твердый“: лит. tvirtas.

скр. *píbatí* „пьет“, др.-ирл. *ibid*, лат. *bibit*, основа настоящего времени с удвоением корня **rō* (i)-, упомянутого выше на стр. 188 (относительно **b* см. стр. 155 и ср. стр. 115).

3. КОНЕЧНАЯ НОСОВАЯ

В конце слова часто наблюдается чередование между формами, оканчивающимися на гласную, и формами, оканчивающимися на гласную с последующей носовой. Самым ясным явлением такого чередования может служить „приставное“ -*v* (*v* ἐφεληκτικόν) ионийско-аттического диалекта в таких случаях, как ἔφερε, ἔφερευ „он нес“; ἔσσι, ἔστιν „существует“; ποσί, ποσίν „ногам“; гом. βίηφι, βίηφιν. При сравнении разных языков часто обнаруживаются случаи форм, оканчивающихся в одном языке на гласную, в другом — на гласную с последующей носовой, и это без какого-либо различия в значении. Так, в иранском дательный-творительный пад. двойств. числа оканчивается на -*bu*, а в санскритском на -*bhūam*, вторичное окончание 2—3-го л. двойств. числа действительного залога в санскрите -*tām*, в греческом -*τᾶν*, а в славянском -*та*; окончание 1-го л. множ. числа действительного залога в индоиранском -*та*, в греческом -*μεν*. В случаях этого рода конечная носовая не является органической.

III. О ФОРМЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ

Правила огласовки уже определяют форму индоевропейских морфологических элементов; кроме того, у отдельных категорий этих элементов есть свои особенности.

1. ФОРМА КОРНЕЙ

а) α. Нет корней, которые бы начинались и оканчивались на смычную звонкую не придыхательную: **bheudh-*, и **g^wendh-*, и **bheid-* существуют в гр. *πειδομαι* „разузнаю“ (из **φειδομαι*, ср. скр. *bodhati* „замечает“ из **bhauḍhati*, гот. -*biudan*), *βυθύς* „глубокий“ (из **g^wndhús*), *φειδομαι* „щажу“; но форма, подобная скр. *gádati* „говорит“, не имеет вне санскрита надежных соответствий.

β. Корень, начинающийся на смычную звонкую придыхательную, не оканчивается на глухую, и наоборот; существуют **bheudh-* и **bheid-*, но не существует **bheut-* или **teubh-*. Однако корень, начинающийся сочетанием **s* + глухая согласная, может оканчиваться на звонкую придыхательную; например, скр. *stighnute* „поднимается“, др.-сл. *стигнх* „пойду“, гр. *στείχω* „иду“, гот. *steiga* „всхожу“, др.-ирл. *tiagu* „иду“.

Эти два факта, повидимому, между собою связаны.

б) Корень не начинается и не оканчивается на два сонанта или на две смычные, если не считать того случая, когда между ними выпала чередующаяся гласная (см. стр. 176). Следовательно, сочетания *st-, *sp-, *sk-, допускаемые в начале корня, являются исключениями.

в) Ни один односложный корень не оканчивается на собственно гласную *e, *o, нуль: корень может иметь вид *eí-, *teu-, *pek^т- и т. д., но не *e-, *te-, *pe- и т. д.

Тематическая гласная (см. стр. 200) является элементом, служащим для образования форм, и не входит в состав корня. Это явствует из того факта, что она появляется в двусложных корнях; так, мы встречаем в *g₁enə-, *g₁nē-: скр. jānate „рождает“, гр. ἐγένετο „он родился“; гр. γίγνεται „рождается“, лат. gignit „рождает“, гр. γένος „рождение“, скр. jānañ „человек“ и т. д. Такое употребление тематического типа, правда, представляет исключение; но корни с тематическими формами настоящего времени и аориста, как то: гр.λείω „оставляю“, ἔλιπον „я оставил“, часто допускают перфект в форме атематической, гр. λέλοιπα „я оставил“, λέλειπμι „я был оставлен“, и, наоборот, корни с атематической формой настоящего времени образуют тематический аорист с удвоением, — так, скр. jaghnán „убивающий“, гом. παρναίν „убивать“, при скр. hánti „бьет“. Таким образом, вполне вероятно, что тематическая гласная не входит в состав корня.

Итак, количество возможных типов односложных корней не велико.

1. Согласная (или сонант) + *e (*e здесь есть символ чередования: *e, *o, нуль) + согласная (или сонант): *ter-: лат. ter-or „теплота“, скр. tār-añ „жар“; *tel-: гр. τέων „жила“, лат. ten-ēre „держат“; *legh-: др.-сл. леж-ати, гот. lig-an „лежать“, гр. λέχ-ος „ложе“.

2. Согласная (или сонант) + *e + сонант + согласная: гр. τέрт-ω „успраждаю, утоляю“, скр. tarp-āyatí „насыщает, удовлетворяет“.

3. Согласная + сонант + *e + согласная (или сонант): гр.τρέπ-ω „поворачиваю“, лат. trep-it „поворачивает“; скр. trāu-añ „три“, гр. τρεῖς (из трéу-ες).

4. Согласная + сонант + *e + сонант + согласная: скр. tveṣ-āñ „порывистый, сильный“ (из *twois-ós), гр. τείω „потрясаю“.

В начале слова каждая из согласных может быть заменена в этих формулах сочетанием *s + глухая смычная или глухая смычная + *s (или фонема, указанная на стр. 123).

гот. -skiub-an „сдвигать“, др.-сл. скоубе-ж „вырываю“, лит. skub-rūs „быстрый“.

В каждом из этих типов начальной согласной (или сонанта) — может не быть; так:

*es-: скр. ás-ti „есть“, гр. ἔσ-τι, лат. es-t (ср. тип 1).

*ei-: скр. é-ti „идет“, гр. εἶ-σι, др.-лат. i-t (ср. тип 1).

*eus-: скр. ós-ati „жжет“, гр. εὖ-ω (из *euh-ō, более древнее *eus-ō) „жгу“, лат. ūg-ō (ср. тип 2).

Во всех случаях долгие *ā, *ē, *ō, чередующиеся с *э, могут заменять сочетание *е + сонант по правилу, установленному на стр. 178.

Противопоставляясь суффиксу и окончанию, корень образует целое, но сам по себе он часто может быть разложен.

Так, гр. *Fέλπ-ω* „обнадеживаю“, *Fέ-Fόλπ-α* „я обнадежил“, *Fέλπ-ίς* „надежда“ предполагают корень *welp-, но сопоставление с лит. *vil-iù* „надеюсь“, *vil-tis* „надежда“ позволяет выделить элемент *wel- „надеяться“ или в более общем смысле „желать“: лат. *uelle* „хотеть“, гот. *wiljan*, др.-сл. *вѣл-ѣти* и т. д.; в корне *wel-р мы можем, следовательно, различить более простой корень *wel- и его „определятель“ *-р-; тот же самый простой корень является с другим определителем *-d- в гр. *Fέλδ-ομι* „желаю“, гот. *íFέλδ-ωр* „желание“. В сущности говорить об определителях корней можно только в том случае, когда „распространенный“ корень дает одновременно и глагольные и именные основы; в противном случае речь может идти лишь о глагольных или именных суффиксах. Но в большинстве случаев нет возможности различить то и другое.

Некоторые определители встречаются в ряде глаголов близкого значения; например *-t- в следующих примерах:

1. лат. *plec-t-ō* „плету“, *(am-)plec-t-or* „обнимаю“, др.-в.-нем. *fleh-t-an* „плести“, др.-сл. *плѣтж*; ср. гр. *πλέκ-ω* „плету“, лат. *(du-)plex* „двойной“;

2. гот. *fal-p-an* „складывать“, гр. *(δί-)πλάτ-τ-ος* „двойной“, *(δί-)πλάσιος*; ср. *rel- в лат. *(du-)pl-us* „двойной“, гр. *(δί-)πλόος*;

3. лат. *rec-t-ō* „чешу“, *rec-t-en* „гребень“; гр. *πέκ-τ-ω* „стригу, чешу“, *κτεῖς* „гребень“ (*pkten-); ср. гр. *πόκος* „стриженная шерсть“, арм. *asr* „шерсть“ (из *rekuř?);

4. лат. *pec-t-ō* „плету, обвиваю“;

5. гот. *(ga-)wi-d-a* „связываю“ (прош. вр. *(ga-)wa-p*), др.-в.-нем. *wi-t-u* „связываю“.

В примерах 1, 3, 4 конечное сочетание *kt указывает на наличие „определителя“, ибо корень не может оканчиваться на две смычные, как и на два сонанта.

Так как „определитель“ есть морфологический элемент, то он должен подлежать действию общих законов вокализма и представлять чередование *e, *o, нуль. И действительно, если мы сравним корни *plek- и *pelt- и выделим их общую часть *pel-, *pl-, то увидим, что *plek- содержит определитель *-ek- с его чередованиями: гр. πλέκ-ω, „плету“, πλοκ-ή „плетение, ткань“, умбр. (tu-)plak „двойной“ (из *pl⁰k-). Поэтому *t- в приведенных примерах представляет нулевую ступень огласовки.

В „определителе“, равно как и в корне, может быть *e; но корень в своем фактическом виде допускает лишь одно *e (ср. стр. 180). Это обнаруживается на ряде „определителей“ корня *ter- „дрожать“ (засвидетельствованного скр. taraláh „дрожащий“):

*trep-: скр. t̥rēpāh „неспокойный, торопливый“, лат. trepidus „боязливый“, др.-сл. трепѣтъ.

*ters-: гр. ἔτερσεν ἐφόβησεν — „испугался“ у Гесихия, лат. terreō „пугаю“.

*tres-: скр. trāsati „дрожит“, гр. τρέω „трепещу, боюсь“, гом. τρήρων эпитет голубя „трепетный“ (из *t̥rēgōn или *tr⁰sgōn).

*trek₁-: гр. (ἀ-)τρέχης, „неложный“, ав. tərəsaiti „дрожит“, лит. trīšū „дрожу“.

*trem-: гр. τρέμω „дрожу“, трѣμος „дрожь“, лат. tremō, лит. trimū „дрожу“.

*trem- (или *trens-?): др.-сл. трас-ж.

Эти „определители“, значение которых часто от нас ускользает, должны были иметь каждый свой смысл. Так, например, по-гречески употребление трέω или τρέμω не является вполне безразличным. Настоящее время трέμω указывает только, что человек испытывает дрожь, тогда как трέω указывает, что этой дрожи не предвидится конца. С другой стороны, от трέμω нет ни аориста, ни перфекта, между тем как трέω образует аорист гом. ἔτρασα. По-латыни наряду с настоящим временем premo „давяю“ есть перфект pressi.

Точно так же наряду с *prek₁-, засвидетельствованным лат. precēs „просьбы“, procius „жених“, гот. fraihnan „спрашивать“, др.-в.-нем. frāgēn, др.-сл. просити, мы находим лит. peršū „спрашиваю“, др.-в.-нем. fergōn „просить“, умбр. persclu „мольбою“,

формы, повидимому, предполагающие *perk₁; но нигде мы не встречаем *perek₁.

Корни, означающие шумы и экспрессивные по своему значению, являются с разнообразными „определителями“; так, корень *kr-, лат. *corvus* „ворон“, *cornix* „ворона“, гр. *κῶρξ* „ворон“, *κῶρῶνη* „ворона“, скр. *kāraḥ* „ворона“ (слово, приводимое в словарях) и т. д., часто встречается в словах, обозначающих шумы, как то:

др.-сл. *кркати* „каркать“, лат. *crōsio* „каркаю“, др.-исл. *hrōkr* „ворона“ и гр. *κράζω* „кричу“, *κῆκράγα* „я крикнул“, *κράζω* „каркаю“;

др.-сл. *кричати*, гом. *κρίξ* „он завизжал“ и гр. *κρίζω* „скриплю, вскрикиваю“, *κῆκρίγότες* „кричавшие“, др.-исл. *hríka* „трещать“;

скр. *krōṣati* „кричит“, лит. *kraukiu* „каркаю“, др.-сл. *кρούкъ* „ворон“ и гр. *κραυγή* „крик“, гот. *hrukjan* „каркать“;

лит. *krankiu* „каркаю“;

лат. *scerō* „скриплю“;

точно так же синонимический корень *kl-, тоже очень частый, в гр. *κλώζω* „кудахтаю, шикаю“, др.-сл. *кликнѣти* и т. д.

Таким образом, индоевропейский корень не есть элемент неразложимый и застывший. Мы встречаем промежуточные случаи между следующими двумя крайними типами:

а) Распространение корня при помощи своего рода суффикса; таково распространение при помощи определителя *-s- корня *k₁leu- „слышать“ в скр. *ṣru-ṣ-ṭih* „послушание“, ав. *sgao-š-ō* „послушание“, др.-сл. *слouxъ*, *слышати*, др.-в.-нем. *hlo-s-ēn* „слушать“, др.-сакс. *hlu-s-t* „слух“, валл. *clu-s-t* „ухо“. Такие определители напоминают суффиксы; в частности, в данном случае дело идет о характеристике дезидератива, которая будет рассмотрена в главе о глаголе; дезидеративное значение ясно обнаруживается, например, в скр. *ṣruṣṭih* „послушание“.

б) Общее начало в словах близкого значения; так, *st-, *t- встречается в ряде слов, обозначающих „опираться, толкать“:

лат. *tundō* „толкаю“, *studeō* „стараюсь, стремлюсь“, гот. *stautan* „толкать“, скр. *tudāti* „толкает“;

гр. *τύπτω* „бью“, *στυπάζει* „колотит“ (глосса, поясняемая словами: *βροντᾶ, ψοφεῖ, ὀθαῖ*); лат. *stupēre* „столбенеть“; *stuprum* „блуд“;

скр. *tuñjāti* „толкает“, др.-в.-нем. *stoc* „палка“, лит. *tūzgiu* „хлопаю“, гр. *ἀτύζω* „пугаю“;

гр. *στείβω* „попираю“, арм. *stipem* „давяю“;

гр. στέρβω „трясу“, др.-в.-нем. stampfōn „топать“;
гот. stigqan „толкать“, лит. stēngti „сопротивляться“; и другие.

Часто употребляется определитель *-eu-. Так, от корня *ser-, засвидетельствованного вед. sárat, ásarat „он тѣк, он лил“ и имеющего аористическую форму, образована добавлением элемента *-eu- индоевропейская форма настоящего времени в скр. srávati „льет, течет“, гр. ῥέω „теку“ и в ирл. sruaim, др.-исл. straumr „течение“, ирл. sruth „река“ и т. д. В греческом мы встречаем ὀρέω „устремляюсь“, ὀρύρι „поднимаю“ при гом. ὄρτο „поднял“ и при ὀρμί (из *or-smā) „напор“. Случается, что нераспространенная форма не засвидетельствована; так, *dr-eu в скр. drávati „бежит“ имеет определитель -eu-, как об этом можно заключить по *dr-em- (вед. dandramyate „бежит“, гр. ἔδραμον, δέδρομα „я побежал“) и по *dr-ā (вед. drāhi „беги“, гр. ἔδρανον).

Определитель *-u- может даже присоединяться к двусложному корню, т. е. в таком случае он выступает на нулевой ступени огласовки. Так, мы имеем *-w- в скр. jívati „живет“, др.-сл. живѣж, лат. uivō „живу“ и в скр. jívāh „живой“, др.-сл. живѣ, лит. gývas, валл. byw, лат. uivōs или в скр. jújyūzati „хочет жить“ при ав. gauō „жизнь“, др.-сл. жити, арм. keam „живу“, гр. ζῆν „жить“ и ἐβίων „я жил“ (ср. стр. 183). При гр. γέρων „старик“ и γῆρας „старость“ греческий имеет γράως (ион. γρηῖς) „старуха“, а санскрит — jīrvati „чахнет“ и авестийский — zaugva „старость“.

Эти определители вносят неточность в область этимологии, ибо равным образом невозможно и пренебречь ими и составить полную их теорию.

Удвоение. — Единственное изменение корней, регулярно употребляемое в морфологии, есть удвоение.

Удвоение не состоит в простом повторении корня; это — прием образования, распадающийся на определенные разновидности, именно две — усиительное удвоение и нормальное удвоение; в обоих случаях повторяется лишь часть корня. Как общее правило, оканчивающая корень согласная в собственном смысле не участвует в удвоении за одним диалектальным исключением, особо указанным.

а) **Усиительное удвоение.** — По большей части удвоение служит только указанием. Поскольку морфология располагает лишь показателями, лишенными сами по себе значимости и какого-либо живописующего или описательного элемента, в индоевропейском не используется прием детского языка, состоящий в простом повторении. Удвоение является в нем грамматической

характеристикой. Наиболее полное и наиболее определенное по своему значению удвоение — это такое, которое характеризует так называемые усилительные глаголы, а также встречается в именах экспрессивного характера. Оно охватывает: 1) начальную в корне согласную или сонант, 2) гласную, 3) следующий за корневой гласной сонант, если он есть. Конечная согласная в собственном смысле не повторяется: следовательно, корень *ter- и корень *terp- удваиваются одинаковым образом: *tor-tor-, *tor-torp-. Этот тип удвоения широко представлен только в индоиранском, но следы его сохраняются в других языках.

скр. *jó-huv-āpah* „призывающий“, ав. *zao-zao-mi* „зову“;
скр. *vár-var(t)-ti* „вертит“, 3-е л. множ. ч. *vár-vṛt-ati*;
скр. *dé-diṣ-ṭe* „показывает“, ав. *daē-dōiš-t* „он показал“.

Звуковое качество гласной в этом удвоении определить трудно; греческий язык имеет *ο* в *πορρῦρω* „волнуюсь“, *μормῦρω* „быстро теку“ и *α* в *παμφαίνω* „сияю“, *γαργαίρω* „кишу“ и т. д.; славянское *ο* в др.-сл. глагольж (общеслав. **golgoljǫ*) „говорю“ или русск.: *торо-тор-ить*, чеш. *trá-toř-iti* (общеслав. **tortoriti*) может отражать и **ο* и **α*.

Повторение сонанта в корнях, где он имеется, приводит к неудобству, которое может быть преодолено различными способами. Например, в корнях на **-l-* это **l* часто замещается через **n*; отсюда такие формы, как гр. *καγαλάω* „смеюсь“ при *χαλάω* „отпускаю“. Или же **l* замещается через **i*, откуда тип гр. *πιπάλλη* в значении „мелкая мука“ при *πάλλη* „мука“. Тот же прием применяется в арм. *sisalim* „смеюсь“, предполагающем **g₁oig₁^ol-* с гласной **ο* (или **ε*). Подстановка носовой вместо **r* или **l* является регулярной, когда далее следует сочетание согласная + **r*; это тип гр. *γάγγραινα* „гангрена“, лат. вин. п. ед. ч. *sanctum* (им. п. *sanctus* „рак“). Гласная усилительного удвоения часто стремится воспроизвести корневую гласную.

б) Нормальное удвоение. — Обыкновенное удвоение складывается из начальной в корне согласной (или сонанта) с последующим гласным элементом (гласной в собственном смысле или гласным сонантом). Гласный элемент бывает обычно **i* или **e*:

**i*, главным образом в настоящем времени: скр. *pī-pā-mi* „наполняю“, гом. *πί-πλη-μι*; гр. *γί-γνομαι* „рождаюсь“, лат. *gignō* „рождаю“;

**e* в перфекте: гр. *μέ-μνηα* „стремлюсь“, лат. *me-minī* „помню“, вед. *ma-mnāte* (3-е л. дв. ч. сред. зал.) „они оба подумали“;

лат. *se-cinī* „я пропел“, др.-ирл. *se-chan*; скр. *ja-gḥāna* „я ударил“, сред. зал. *ja-ghné*, гр. *πέφθη* „он убит“, др.-ирл. *(ro)ge-gon* „я убил“; скр. *jaḡāta* „я пришел“, тох. А и В *kakmu* „придя“; и в настоящем времени (служащем также прошедшим): скр. *dā-dhāmi* „кладу“, лит. *de-dū*, др.-сл. *дѣ-ждѣ* и, со значением прошедшего, др.-сакс. *de-da* „я сделал“; один только греческий язык дает в этом глаголе в удвоении *i: *τίθημι* „кладу“. В других случаях часто наблюдается колебание между *e и *i: ведийский язык имеет *śi-ṣakti* „следует“ в единственном числе и *sá-ṣati* „следуют“ во множественном, и эта последняя форма напоминает греческий аорист *ἑ-σπέσθη* „последовать“.

Корни, содержащие сонанты *i и *u, склонны иметь *i и *u в удвоении перфекта в индо-иранском и в итало-кельтском: греческий имеет ε в перфектах *λέλοιπα* „я оставил“, *πέτυσται* „узнано“, но санскрит имеет i в *gi-géca* „он оставил“ и u в *bu-bódha* „он заметил“; латинский имеет *tu-tudī* „я толкнул“ при скр. *tu-tudé* „я толкнул“, но он имеет также *re-pugeṭō* наряду с *ru-pugeṭō* „я уколою“; древнеирландский имеет *cūalae* „он услышал“ (ср. ср.-валл. *cigleu*), из **kūklowe*, но *-goigu* „он выбрал“ из **progeouse*; даже в индо-иранском, где удвоение корней с сонантами i и u при помощи i и u является правилом, мы находим скр. *ba-bhūva* „он сделался“. Тот факт, что формы с *i и *u наблюдаются в языках периферии, понуждает считать их архаизмами; в лат. *scicidī* „я рассек“ с полным удвоением сочетания *-sc-* имеется i, тогда как в форме, несомненно более нового типа, с сокращенным консонантизмом *sescidī*, как и в греческих формах, гласная e. Если в греческом, а равно в „тохарском“ тип с *e получил общее применение, то это потому, что он стал характеризовать перфект. Тип лат. *tutudī*, скр. *tutudé* является, таким образом, как бы следом более древнего состояния языка, в котором удвоение перфекта было относительно полное.

Наконец, в санскрите корни начинающиеся на v и u с последующим a, часто имеют в виде всего удвоения гласную форму сонанта: u, i; таковы скр. *u-vāca* „он сказал“, мн. ч. *ūcīḥ* (из **u-ucīḥ*) при вед. *va-vāca* „он сказал“. Эта особенность не может считаться индийским нововведением, хотя ни один другой язык не обнаруживает этого явления.

Во всех типах удвоения, когда корень имеет в начале сложное сочетание согласных, это последнее обыкновенно упрощается.

Если корень начинается на согласную + сонант, то в удвоении является только согласная:

скр. *śi-śrāva* „он слышал“, ср.-валл. *sigleu*, гр. *κέ-κλυδι* „услышь“; ср. тох. *A kaklyuṣu* „услышав“.

Если корень начинается на свистящую с последующей смычной, то в готском и в латинском удвоении перфекта повторяется все сочетание, что мы в праве считать архаизмом:

гот. *skai-skaiþ* „он отделил“, а также, в тех же условиях, лат. *sci-cidi* „я рассек“ (с отсутствием внутреннего *s*, как в *steti* „я встал“).

Санскрит удваивает только смычную, другие языки только свистящую:

скр. *tī-śtāmī* „стою“, но гр. *ἵ-στῆμι* „ставлю“ в согласии с ав. *hi-štāmi* (в отличие от санскрита), лат. *si-stō*, др.-ирл. *si-ssiur* „держусь“;

скр. *ta-sthimá* „мы встали“, но гр. *ἔ-σταμεν*; в перфекте латинский имеет *ste-ti*, как только что было указано.

В корнях, начинающихся на гласную, усилительное удвоение более ясно заменяет иногда нормальное удвоение, как, например, в греческом аористе *ἄρ-αρείν* „приладить“, арм. *ag-agi* „я сделал“, или гом. *ἀλ-αλιε* „он устранил“; такие формы входят в важную в индоевропейском группе тематических аористов с удвоением. Нормальное удвоение с **i* или **e* ограничивается гласным элементом; так, мы имеем **i* в скр. *īy-arti* „двигает“ при усилительном настоящем *āi-arti* „движется“; а **e* сливается с начальной гласной слова, например в перфекте скр. *āsa* „он был“, гом. *ἦε*. Тип гр. *ὄδ-ὄδα* „я пропах“, *ὄπ-ὄπα* „я увидел“, с повторением конечной смычной корня, наблюдается также и в армянском, где *hot-ot-im* „нюхаю“ есть как бы усилительная форма от *hotim* „чую“.

Индоевропейское удвоение есть грамматический прием, используемый в глаголах, во-первых, для усиления смысла, во-вторых, для указания на повторность или длительность действия и, наконец, для указания на полную его законченность, а в именах — в качестве экспрессивного приема и к тому же почти исключительно в терминах аффективного или технического характера.

2. ФОРМА СУФФИКСОВ

Каждый суффикс прибавляется к корню или к основе, огласовка которых определяется правилом образования данного типа; так, суффикс имен действующего лица **-ter-* присоединяется к корню в ступени **e*: скр. *man-tā* „думающий человек“, гр. *Μέν-*

тор, или, в двусложных корнях, к корню с огласовкой *е в первом слоге: скр. *jāni-tā* „родитель“, гр. *γενέ-τωρ*, *γενε-τήρ*, лат. *geni-tor*: наоборот, суффикс *-to- в скр. *ma-tāh* „продуманный“, гот. *munds* и в скр. *jā-tāh* „рожденный“, лат. *nā-tus* присоединяется к корню нулевой ступени огласовки (двойной нулевой ступени при двусложных корнях). Но, если основа дана, то единственным элементом, огласовка которого подвержена чередованиям, имеющим значение для словоизменения, является элемент, непосредственно предшествующий окончанию, все равно, будет ли он суффиксом, как в слове *γενέτωρ*, или корнем, как в слове *πούς* „нога“; там, где есть суффикс, элемент, предшествующий суффиксу, не изменяется во всем склонении или спряжении. Так, в санскритском: им. п. ед. ч. *jāni-tā*, вин. п. *jāni-tār-am*, местн. п. *jāni-tār-i*, дат. п. *jāni-tr-é*; в греческом: им. п. *γενέ-τωρ*, вин. *γενέ-τορ-α* с изменением суффикса, предшествующего окончанию, при неизменности части, предшествующей суффиксу; точно так же имеется чередование ступеней *ē, *ě, нуль, перед окончаниями: нуль, -α, -ος в гр. *πατήρ* „отец“, вин. п. *πατέρ-α*, род. п. *πατρ-ός*, но *πα-* остается неизменным. — Имена, которые, как вед. *dā-gu* „дерево“, род. п. *dg-ú-ṅ-aḥ*, имеют чередование гласных в элементе, предшествующем суффиксу, представляют также изменение суффиксов, в данном случае прибавку суффикса *-en- (в нулевой ступени), а следовательно, не нарушают общего правила.

Именные и глагольные основы называются „тематическими“ или „атематическими“, смотря по тому, оканчиваются ли они на гласную *е, чередующуюся с *о, или же на согласную, либо сонант; основы, оканчивающиеся на долгие гласные *ā, *ē, *ō, занимают особое положение. Таким образом, основы *φέρε-*, *φέρω-* в гр. *φέρε-τε* „несете“, *φέρω-μεν* „несем“ — тематические, наоборот, основа *φέρ-* в гот. *φέρ-те* — атематическая; *φόρο-ς* „подать“ имеет тематическую основу, а *φάρ* „вор“ — атематическую. Индоевропейские языки стремятся заменять тематическими формами более древние атематические формы.

Тематическая гласная *е /*о представляет собой „определитель“, роль которого многообразна. Имеются следы древнего типа, при котором, в глаголе, формы, включающие тематическую гласную в виде *о, противопоставляются атематическим формам; так, лат. *ferō* „несу“, *ferimus* (с -i-, отражающим древнее -ō-) „несем“, *ferunt* „несут“, при *fers* „несешь“, *fert* „несет“, *fertis* „несете“. Древность типа *fert* явствует из того, что в ведийском тоже есть

3-е л. ед. ч. bhárti „несет“ и что в гомеровском языке встречается форма φέρτε в одной религиозной формуле. Латинский язык спрягает также edō „ем“, edimus „едим“, edunt „едят“, но ēs „ешь“ ēst „ест“, ēstis „едите“. В итальянском сохранилось несколько иное употребление тематической гласной *o в лат. sum „есмы“, оск. sum. при лат. est „есть“, оск. í s t и лат. sumus (1-е л. мн. ч.) при estis (2-е л. мн. ч.). Равным образом в аористе на *-s- славянский имеет быхъ, быхомъ при 2-м л. мн. ч. бысте. Часто тематическая форма является производною; так, в прилагательных, как, например, в порядковых числительных лат. decimus „десятый“, скр. daśamāḥ при лат. decem „десять“, скр. dáśa или в скр. pávaḥ „новый“, гр. νέ(F)ος, лат. novus при наречии скр. nú „теперь“, гр. νῦ. Прибавление тематической гласной может ничего не менять в значении; таков случай с лит. sėnas „древний“, арм. hin при атематической форме лат. вин. п. ед. ч. senem, род. п. senis.

Различение типов тематического и атематического важно во многих отношениях.

а) В атематических формах при словоизменении повышение тона занимает различные места; так, оно стоит в начале слова в скр. é-mi „иду“ и на окончании в скр. i-māḥ „идем“. В тематических же формах тон не меняет своего места и никогда не стоит на окончании, если только окончание не слилось с тематической гласной: скр. bhárāmi „несу“, bhárāmaḥ „несем“, или tudāmi „толкую“, tudāmaḥ „толкаем“.

б) В атематических формах окончание почти всегда обособлено от основы, а в тематических формах часто бывают слияния; так, дат. п. ед. ч. от атематической основы скр. pitár- „отец“ будет pitr-é, но от тематической индо-иранской основы *vr̥ka- „волк“ тот же падеж в авестийском будет vərkāi, ср. лит. viļkui, гр. λύκω, где нет возможности провести границу между основой и окончанием.

в) Формы атематические имеют окончания отчасти отличные от окончаний тематических форм; так, при первичном окончании *-mi 1-го л. ед. ч. действит. зал. атематического *es-: скр. ásmi др.-сл. ксмь, гр. εἰμι, тематическое настоящее *bhere/o имеет конечное *-ō: гат. baḡā „несу“, гр. φέρω, лат. fero, гот. baīra и т. д.

Отсюда следует, что тематический тип в большом количестве имеет слова с характерными конечными элементами, но не основы и окончания: в таких формах, как латинский отложит. п. lupōd „от волка“ или 1-е л. ед. ч. наст. вр. гр. φέρω „несу“, не может быть и вопроса о разложении их на основу и окончание. Суще-

ствование этих неразложимых конечных элементов имело большие последствия для дальнейшего развития индоевропейских языков, тем более что тематический тип обнаружил тенденцию к расширению, а атематический к исчезновению.

Суффиксы называются „первичными“ или „вторичными“, смотря по тому, присоединяются ли они к корню или к основе, употребляемой в языке: суффикс *-es- в санскритской основе śrāv-as „слава“ = гр. κλέ(ς) -εσ- — первичный, так как он присоединяется к корню *kleu; наоборот, и.е. суффикс *-ye/o в скр. śravas-(i)ya- „достойный славы“ — вторичный, так как он присоединяется к основе *klewes-. Состоит ли основа из корня и одного или нескольких суффиксов, как в приведенном примере, или она совпадает с корнем, это не существенно: скр. pād-ya- „пеший“ и гр. πεζός- (*πεδ-υός-) имеют вторичный суффикс *-ye/o-, присоединенный к основе *ped-, *pod- (скр. pād „нога“, гр. πούς, лат. pes). Поэтому часто невозможно различить первичную основу, сводимую непосредственно к корню, от вторичных основ, произведенных от других основ, существующих в языке: чтобы вторичная основа, произведенная от основы с нулевым суффиксом, как скр. pādyaḥ, гр. πεζός, могла считаться первичной, достаточно чтобы имя, от которого она произведена, вышло из употребления; а исчезновение этих корней-основ, как мы увидим на стр. 267—268, — явление обычное.

3. ФОРМА ОКОНЧАНИЙ

Собственно чередования гласных наблюдаются в некоторых окончаниях, как в окончании род. п. ед. ч.: *-es (лат. -is, др.-лит. -es, др.-сл. -ě), *-os (гр. -ος, лат. диал. -us), *-s (лит. -s, скр. -h, гот. -s, как, например, в формах типа лит. sūnaĩs, скр. sūnōh, гот. sunaus „сына“ или лат. manūs „рука“ и т. д.). Чередование *e/*o появляется в окончании 1-го л. мн. ч., как, например, др. -μεσ; лат. -mus (из *-mos).

Но такие противопоставления, как в окончаниях 3-го л. ед. ч.:
 действ. зал. первичное оконч. *-ti: скр. -ti, гр. -τι, лат. -t, др.-русск. -тъ, др.-лит. -tī,

действ. зал. вторичное оконч. *-t: скр. -t, лат. -d, гр. нуль, др.-сл. нуль,

средн. зал. первичное оконч. *-tai: скр. -te, гр. -ται, гот. -da,

средн. зал. вторичное оконч. *-te/o: скр. -ta, гр. -το, лат. -tu(r), оско-умбр. -te-r — не подходят под формулы индоевропейского вокализма. Во всяком случае любопытно, что вторичное оконча-

ние среднего залога представляет чередование *e/*o и что вторичное окончание действительного залога есть соответствующая форма нулевой ступени.

Впрочем, в отличие от корней и суффиксов, окончания допускают разнообразие форм; они могут заключать в себе гласную с чередованиями, как в приведенных примерах, или без чередований, как, например, окончание им. п. мн. ч. *-es (скр. -ah, гр. -es, др.-лит. -es), или же состоять только из одной гласной, как, например, окончание 3-го л. ед. ч. перфекта действ. залога: гр. -ε = скр. -a; но в окончании может также и не быть гласной в собственном смысле, как, например, в окончании им. п. ед. ч. скр. -h, гр. -s, лат. -s, лит. -s, или в окончании местн. п. ед. ч. скр. -i, гр. -i. Окончание может распространяться и на два слога, как, например, окончание 3-го л. мн. ч. действ. зал. *-enti (скр. s-anti „суть“, др. ἐντι (из *h-εντι), гот. s-ind); в первом из этих двух слогов чередования действуют полностью (см. гл. V). Иногда бывает и нулевое окончание, как, например, в формах зват. пад. πᾶτερ „отец!“, λύκω „волк!“, или в формах повелительного наклонения, как φέρε „неси“.

Свобода форм окончаний представляет резкий контраст со строгою регулярностью форм корней.

Общие замечания относительно морфологических элементов:

1. Три элемента: корень, суффикс и окончание — строго отличаются один от другого; два из них в каждой грамматической форме имеют определенную огласовку, а третий получает — или может при случае получить — повышение тона, место которого связано со значением: эти особенности понятны в языке, в котором не было силового ударения или, во всяком случае, сила звучания имела лишь второстепенное значение, а ритм был количественный и произношение связное; они были бы невозможны в языке, где на каждом слове есть громкое силовое ударение, резко выделяющее один слог и подчиняющее ему остальные. Есть, таким образом, полное соответствие между фонетическим описанием, данным на стр. 157 и сл., и морфологической структурой индоевропейского.

2. Если в семитском корне, как общее правило, три чередующиеся гласные, то в индоевропейском корне только одна гласная, так как в двусложных корнях одна из гласных непременно находится на нулевой ступени. Поэтому корень и чередование в нем гласных в индоевропейском слове играют меньшую роль, чем в слове семитском; префиксация затемнила бы, следовательно,

индоевропейский корень, тогда как она не препятствует говорящему ясно чувствовать семитский корень; отсюда использование префиксации в семитском и отсутствие этого грамматического приема в индоевропейском. С другой стороны, индоевропейский, имея в своем корне меньше выразительных средств, чем семитский, прибегает в большой мере к помощи суффиксов и окончаний.

Все объясняется структурой каждого данного языка.

IV. О РАЗЛИЧНЫХ КЛАССАХ СЛОВ

В индоевропейском — два четко отличимых способа словоизменения: склонение имен и спряжение глаголов. Нигде различие имен и глаголов не проведено так отчетливо, как в индоевропейском. Подробности различия склонения и спряжения выяснятся при изложении того и другого. Главные факты заключаются в следующем.

И в склонении и в спряжении есть категория числа; и в том и в другом три числа: единственное, множественное и двойственное. Употребление единственного и множественного числа не требует пояснений. Что же касается двойственного числа, то, судя по индо-иранскому, по древнейшим текстам различных славянских диалектов и по древнеаттическому, оно употреблялось непременно во всех тех случаях, когда речь шла определенно о двух лицах или вещах: вед. *vṛkā*, др.-сл. *вълка*, др.-атт. *λύκω*, повидимому, не обозначало само по себе „два волка“, так как двойственное число не выражает числа само по себе, и эти формы можно употреблять без предшествующего числительного „два“ только тогда, когда беседующие уже знают, что речь идет о „двух волках“, но в этом случае и, конечно, также тогда, когда числительное „два“ употреблено, мы постоянно встречаем только формы двойственного числа. Поэтому названия парных органов имеют формы двойственного числа; так, например, „глаза“: скр. *ákṣī*, др.-сл. *очи*, гом. *ὄμα*. Двойственное число не связано, следовательно, с наличием парных предметов; оно применяется к парным предметам лишь в силу своего общего значения. Двойственное число засвидетельствовано для имен и глаголов в древних индо-иранских диалектах, в древнегреческом (особенно в аттическом), в древнеславянском, в литовском; оно еще пережиточно сохраняется в наиболее древних формах германского — для глаголов и личных местоимений, в древнеирландском — для имен.

Спряжение указывает лица: говорящее, то, с которым говорят, и то, о котором говорят: лат. *dīcō* „говорю“, *dīcis* „говоришь“, *dīcit* „говорит“.

Склонение обозначает падежи, т. е. у имен оказываются различные формы, смотря по той роли, какую они играют у имен „одушевленного рода“ есть особая форма для подлежащего — именительный падеж, для прямого дополнения — винительный падеж; у имен „неодушевленного рода“ форма именительного падежа и винительного совпадает; у всех имен была форма для целого, от которого берется часть, — родительный падеж; для обозначения места или времени совершения действия — местный падеж, а для обозначения исходной точки действия — отложительный падеж; дательный падеж обозначает, для кого или для чего совершается действие, а творительный — кем или чем оно сопровождается; звательный падеж обозначает лицо, к которому обращена речь. Всего, следовательно, восемь падежей.

Таким образом, глаголами в индоевропейском являются слова, изменяющиеся по лицам, а именами — слова, изменяющиеся, более или менее полно, по падежам; определение это формальное и относящееся, как мы увидим, и даже не вполне, к переходному моменту в развитии индоевропейских языков. Употребление и значение этих двух категорий слов не могут быть сведены к одному определению и ясными станут лишь из правил, которые мы рассмотрим в следующих главах. Пока можно только сказать, что глагол означает „процесс“, т. е. тот факт, что нечто происходит, а имя — понятие: существо или вещь.

Некоторые именные формы относятся к глагольным основам: это причастия; они сохраняют значения, присущие глагольным основам, но подходят под общее определение имен. Причастия в предложении не могут заменять глагола в личной форме; поэтому отделение их от глаголов оправдывается и с точки зрения общего строя предложения.

Кроме падежей, имена различают в склонении род одушевленный и род неодушевленный.

Неодушевленный род называется средним; он характеризуется обычными приемами склонения: некоторыми особыми окончаниями, особой огласовкой элемента, предшествующего окончанию, и иногда, как будто бы, определенным местом повышения тона; так, лат. *aliū-d* „другое“ отличается от *aliū-s* „другой“ окончанием, гр. ἡδίων „приятное“ (ср. р.) отличается от ἡδίων

(муж. и жен. р.) гласной перед окончанием; вед. *ráṣu* „скот, мелкий скот“ (неодуш.), соответствующее гот. *faihu* „имущество“, отличается от *raúh* (одушев.) окончанием, местом тона и т. п. Собственное значение среднего рода обнаруживается на указательных местоимениях, как лат. *id* „то“, или на прилагательных, употребленных в смысле существительного, как лат. *aliud* „другое“: средний род обозначает вещи, а лица обозначает только тогда, когда к ним не относятся, как к лицам, — например, лат. *mancipium* „раб“; он употребляется также в уменьшительных, как гр. *άνδρίων* „человечек“, уменьшительное от *άνήρ* „мужчина“, гот. *gaitein* „козленок“, уменьшительное от *gaits* „коза“, др.-прус. *wosistian* „козленок“ при *wosee* „коза“.

Имена одушевленного рода распределяются в свою очередь по мужскому и женскому роду. Различение родов мужского и женского, не выражаемое склонением, тем самым не однородно с различением среднего рода; все типы существительных допускают без различия оба рода — и мужской и женский; так, в греческих словах *πατήρ* „отец“ и *μήτηρ* „мать“ нет никаких формальных признаков отнесения одного из них к мужскому роду, а другого — к женскому; *πατήρ* — мужского рода, потому что обозначает мужчину, *μήτηρ* — женского рода, потому что обозначает женщину; гр. *ἵππος* „лошадь“ может относиться и к самке и к самцу. Но в прилагательных „женский род“ иногда характеризуется особым суффиксом; так, например, мужской основе скр. *sána-* „древний“, лит. *sepa-*, гр. *ἔνο-* соответствует женская основа скр. *sānā-*, лит. *sepo-*, гр. *ἑνώ-*; налицо две формы, в зависимости от того, относится ли прилагательное к понятию, рассматриваемому как самец или как самка; если понятие мужского рода, идет ли речь о существе мужского пола или о рассматриваемом как таковое, как, например, „небо“, прилагательное выступает с тою же основой, как и при неодушевленном роде: так, мы имеем лат. *novus* „новый“, вин. п. *novum*, гр. *νέος*, вин. п. *νέου*, скр. *nāvaḥ*, вин. п. *nāvām* с тою же основой, как в среднем роде лат. *novum* „новое“, гр. *νέον*, скр. *nāvām* (им.-вин. п.); если понятие женского рода, идет ли речь о существе женского пола или о рассматриваемом как таковое, как, например, „земля“, прилагательное выступает с особою основой: лат. *nova* „новая“, *novam* „новую“, гр. *νέα*, *νέαν*, скр. *nāvā*, *nāvām*. Следовательно различение мужского и женского рода, поскольку оно выражено в языке, входит в учение об образовании именных основ прилагательных, тогда как средний род относится к склонению.

Противопоставление родов мужского и женского развилось и расширилось в течение индоевропейского периода; оно менее полно в некоторых языках периферии, как, например, в латинском, чем в языках центральной области, как германские, балтийские и славянские. Хеттский язык этого различия не знает. Его нет в таком латинском причастии, как *ferens* „несущий, несущая“, в таком прилагательном, как лат. *omnis* „всякий, всякая“. Наоборот, прилагательные тематического типа, как лат. *novus* „новый“, гр. *νός*, скр. *návan*, происшедшие в результате вторичного развития, своей основе на *-o-, означающей неодушевленный род и одушевленный род мужской, противопоставляют женскую основу на *-ā.

Характерною чертою индоевропейского является то, что грамматические категории не имеют каждая своего особого выражения; например, нет особого, как в тюркских языках, признака множественного числа, к которому бы присоединился признак падежа (и рода) для образования именной формы, нет особого признака лица и других категорий для образования глагольной формы: так, *-ός* в гр. *ποδ-ός* „ноги“ показывает сразу и родительный падеж и единственное число, а *-ών* в гр. *ποδ-ών* „ног“ — сразу и родительный падеж и множественное число; *-ί* в скр. *rad-í* „в ноге“ есть признак местного падежа и единственного числа, *sú* в скр. *pat-sú* „в ногах“ — признак местного падежа и множественного числа и т. д. То же в глаголах: *-τι* в дор. *τίθη-τι* „кладет“ (=ион.-атт. *-σι* в *τίθη-σι*) показывает одновременно, что дело идет об единственном числе, о 3-м лице, о действительном (а не среднем) залоге и о настоящем (а не прошедшем) времени. Таким образом, значение индоевропейской изменяемой формы оказывается сложным; нет общего признака ни имени, ни глагола, ни единственного, ни множественного, ни двойственного числа, ни именительного, ни винительного, ни другого какого-нибудь падежа, но есть только признаки именительного падежа единственного числа мужского-женского рода; именительного-винительного-звательного падежа единственного числа среднего рода; родительного падежа множественного числа и т. д., и вдобавок, эти признаки меняются, смотря по тому, имеем ли мы дело с тематической или атематической основой, и т. д.

Таким образом, индоевропейское слово есть явление сложное: элементы, указывающие значение, и элементы, служащие для выражения грамматических форм, прочно соединены в нем и благодаря чередованию гласных и перемещениям тона распростра-

няются на все слово, причем грамматические элементы обозначают сразу несколько категорий; в вед. *dāru* „дерево“ род.-отлож. п. ед. ч. *dṛiṇaḥ* „(от) дерева“ то, что выражает значение „дерево“, и то, что обозначает категории числа (единственного), рода (среднего) и падежа (имен.-зват.-вин. и родит.-отложит.), охватывает все протяжении этих двух форм: все в них одновременно служит и для указания значения „дерево“ и каждой из грамматических категорий. Индоевропейский язык представляет, таким образом, тот языковый тип, где выражение смысла слова и выражение грамматических категорий взаимно проникают друг друга или даже совпадают, — тип, который называют „флективным“.

Однако сквозь индоевропейский тип, столь законченно флективный, можно обнаружить существование более раннего типа с мало или вовсе не изменяющимися формами, остатками которого являются первые части сложных слов, формы именительного-винительного падежа среднего рода, некоторые формы именительного падежа одушевленного рода, личные местоимения, числительные от „5“ до „10“ (см. стр. 171).

Кроме глаголов и имен, составляющих два класса изменяемых слов, в индоевропейском есть слова неизменяемые, из которых некоторые представляют собою застывшие формы первоначально изменявшихся форм, но часть которых, повидимому, состоит из форм, никогда не знавших словоизменения.

1. Наречия, указывающие на обстоятельства времени, места и т. п.

дор. *ḗruti* „летось, прошлый год“, ион.-атт. *ḗruti*, арм. *heru*, ср.-в.-нем. *vert*, др.-ирл. (*onn*-) *jurid* „с прошлого года“; скр. *parut* „прошлый год“ (местный падеж, с окончанием *-i* в первом ряде форм и с нулевым окончанием в санскрите от сложной основы **reg-ut-* „другой год“, ср. скр. *rāgaḥ* „отдаленный, другой“, и гр. *ἔτ-ος*; „год“).

скр. *ánti* „перед, против“, гр. *ἄντι*, лат. *ante* — местный падеж на *-i* от основы, от которой винительный падеж мы находим в гр. *ἄντα* „перед“. Ср. (с особой трактовкой начала слова) хет. *ḥanti* „впереди“, *ḥanta* „вперед“.

**k^wu*, сохраненное в ав. *kū* „где?“, но обычно с добавочным образовательным элементом: вед. *k(ú)v-a* „где?“ — скр. *kú-ha* (из более древнего **kú-dha*), гат. *ku-dā*, др.-сл. *къ-дѣ*, умбр. *pu-fe* (и лат. *ubi*) „где?“ — лит. *ku-ĩ*, арм. *u-г* „где?“, — гр. (сирак.) *πῦ-; „где?“*

Такого рода наречий очень много в каждом отдельном языке, но очень мало одинаковых форм в различных языках, которые можно было бы возвести к индоевропейскому.

2. Предлоги и глагольные приставки, как

скр. *prá*, др.-сл. *pro*, лит. *pra-*, гот. *fra-*, др.-ирл. *ro*, лат. *prō-*, гр. *pro*; есть также форма на **b*: др.-сл. *pra-* (в сложении), лат. *prō*, гр. *prō-* и т. д.; хет. *pra* не ясно в отношении количества.

В течение развития индоевропейских языков эти элементы стремились примкнуть либо к имени, как гр. *πρὸ δῶμων* „перед домами“, или *Ἰλιόθεν πρὸ* „перед Илионом“, и тогда мы их называем предлогами, либо к глаголу, как в гр. *προφέρω* „выношу вперед“, и тогда мы их называем глагольными приставками. Но в индоевропейском они были самостоятельны и по отношению к имени и по отношению к глаголу; здесь имело место примыкание (см. гл. VII); древние индо-иранские диалекты, гомеровский язык и ионийский диалект, балтийский, кельтский, германский, а также и латинский сохранили многочисленные остатки этой самостоятельности; так, у Гомера А 208: *πρὸ δὲ μ᾽ ἦκε θεά* „вперед меня послала богиня“ или в древнелатинском *sub uos placō* наряду с *supplicō uos* „умоляю вас“. Три возможные положения *prōs*: отдельно, перед именем и перед глаголом — могут быть иллюстрированы следующими стихами Гомера:

Ε 632: *τὸν καὶ Τηλεπόλεμος πρότερος πρὸς μῦθον ἔ(f)ειπεν*
„ему Тлеполем первый вымолвил слово“.

Ε 274: *ὅς οἱ μὲν τοιαῦτα πρὸς ἀλλήλους ἀγόρευον*
„так они говорили такое друг другу“.

Ε 276: *τὸν πρότερος προσέ(f)ειπε Λυκάονος ἀγλαῶς υἱός*
„к нему первый обратился славный сын Ликаона“.

В результате развития, параллельно и независимо совершавшегося во всех индоевропейских языках, эти слова, первоначально самостоятельные, только примыкавшие, присоединились либо к имени, либо к глаголу; таким образом исчез тип конструкции стиха Ε 632, тогда как оба других типа сохранились, обособившись друг от друга.

Предлоги и приставки, как и наречия, имеют, во всяком случае часть их, вид застывших форм имен, первоначально склонявшихся; но многие не подходят ни под одну из известных форм склонения.

3. Частицы, как скр. *sa* „и“, гр. *te*, лат. *que* или скр. *pā* „не“, др.-сл. *ne*, лат. *ne(que)* „(и) не“.

Частицы не представляют собою изменяемых форм: мы подвергнем их рассмотрению после имен, с которыми их сближает их употребление.

Неизменяемые слова иногда связывают между собою смежные в предложении элементы, как, например, скр. *vā* „или“, лат. *ue*; часто они усиливают значение соседнего слова, добавляя к нему оттенок чувства или уточнение смысла; но они не служат для характеристики грамматических форм и для выражения синтаксических отношений, а потому вовсе не конкурируют со словоизменением.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГЛАГОЛ

I. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Чтобы составить себе общее представление об индоевропейской системе глагола, нужно прежде всего забыть то „спряжение“, какое является в латинском, германском, балтийском, славянском, армянском, новогреческом и т. д.; одни только гомеровские, ведийские и авестийские образования позволяют видеть существенные черты этой системы.

В латинском, например, от одного и того же корневого элемента образуется и основа настоящего времени *amō, amā-*, и основа „перфекта“ — *amāvī* от *amāre* „любить“: „спряжение“ глагола *amāre* таково, что все формы связаны между собою, и если дана форма *amat*, можно, за вычетом аномальных случаев, определить все остальные формы.

В индоевропейском, наоборот, каждая глагольная основа была независима от остальных. Например, к корню **leik-* „оставлять, оставаться“ принадлежат следующие основы, засвидетельствованные соответствиями по крайней мере двух языков:

1. Основа с острым тоном на предпоследнем слоге и с корневой огласовкой **e*, обозначающая развивающееся действие, **léik^oe-*: гр. *λείπειν* „оставлять“, *λείπω* „оставляю“, лит. *lėkù* „оставляю“ (с перемещением ударения), гот. *leiþwa* „ссужаю“.

2. Основа с острым тоном на последнем слоге и с нулевой огласовкой в корне, обозначающая действие само по себе или включающее момент завершения, **lik^oé-*: гр. *λείπειν* „оставить“, *ἔλειπε* = арм. *elikh* „он оставил“ = скр. класс. *aricat* „он оставил“, др.-в.-нем. *liwi* „ты ссудил“.

3. Основа с носовым инфиксом, атематическая в индо-иранском: скр. *ṛiṅákti* „оставляет“, *ṛiṅcánti* „оставляют“, и перешедшая в те-

матическую в лат. *linquō* „оставляю“, др.-прус. *(ro)linka* „остается“; эта основа обозначает переход к началу действия.

4. Перфект (атематический), обозначающий законченное действие: гр. *ἔλειπον*, скр. *gigēsa* „я оставил“; ср. гот. *laihw*.

5. Основа каузатива с корневой огласовкой *o и с суффиксом *-éye- (тематическая) или *-ī- (атематическая), *loik^w-éye- (*loik^w-ī-): скр. *reśáuati* „заставляет оставить“, ср. др.-исл. *leigia* „нанимать“ и лит. *laikyti* „держатъ“, т. е. „заставлять остаться“.

Ни одна из этих форм не предполагает существования других, и наряду с ними могли и даже должны были существовать некоторые другие, либо исчезнувшие, либо сохранившиеся только в одном языке, как, например, форма, которую отражает скр. *gīśuāte* „оставляется“, или как дезидеративы, отражающиеся в скр. *reksyate* „оставить“ и в гр. *λείψω* „оставлю“; эти формы, регулярные в языках, где они наблюдаются, относятся к продуктивным типам в этих языках и не указывают на существование особого индоевропейского слова, а только предполагают особый тип образования.

Вторичные глагольные формы, произведенные от слов, существующих в языке, и не связанные непосредственно с корнями, имели на первых порах, в силу самого своего образования, только одну основу; например, санскритский отыменный (т. е. производный от имени) глагол *namas-yá-ti* „поклоняется“ имеет только основу настоящего времени; полное же „спряжение“, которое дают греческие отыменные глаголы, как *τιμάω* „почитаю“, аор. *ἔτίμησα*, перф. *τετίμηκα*, *τετίμημαι*, аор. страдат. зал. *ἔτιμῶδη* и т. д., есть греческое новшество. Поэтому образование других основ, кроме основы настоящего времени, в отыменных глаголах является результатом самостоятельного развития каждого из языков, и действительно, форма этих основ различна в различных языках: лат. *plantō* „сажаю (растение)“, *plantāui* „я посадил“; гот. *salbo* „мажу“, *salboda* „я помазал“; лит. *pāsačoju* „рассказываю“, *pāsačojuau* „я рассказал“: др.-сл. *Дѣлаю*, *Дѣлахъ*; арм. *yusam* „надеюсь“, *yusaçay* „я понадеялся“; ирл. *marbaim* „убиваю“, го *marbus* „я убил“; и т. д.

Индоевропейские так называемые „временные“ основы не обозначают собственно времени: греческая основа „настоящего времени“ обозначает развивающееся действие, основа аориста — действие само по себе, основа перфекта — заверщенное действие, и в этом отношении греческий язык отражает в общем индоевропейское состояние, с тем только отличием, что противопоставления, главным образом настоящего времени и аориста, в нем особо отчетливы и точны (см. стр. 260). Поскольку время выражается

в индоевропейском глаголе, оно выражается при помощи спряжения и, диалектально, при помощи приращения; основа, так называемая основа „настоящего времени“, одна и та же в гр. λέιπω и ἔλειπον, но λέιπω обозначает настоящее время, а ἔλειπον — прошедшее; принятый термин „настоящее время“ — неточен. Значение индоевропейских „временных“ основ сходно, следовательно, со значением славянских „видов“, а не германских или латинских „времен“.

Наконец, индоевропейский глагол не является сам по себе ни переходным, ни непереходным, и относящиеся к нему глагольные основы допускают оба эти значения: гр. ἔχω означает „держу, имею“, но также и „держусь, имеюсь“ в χηχῶ; ἔχω „мне плохо“, φέρω означает „несу“, но διαφέρω — „различаюсь“ (букв. „несу себя различно“), тоже лат. ferō и differō; латинское uerte id значит „поверни это“, но uerte hās — „повернись в эту сторону“; лит. lėkū значит „оставляю“, но iš-lėkū „остаюсь“ („я оставлен вне“); скр. váhati может быть переведено по-латыни и через uehit (aliquid) „везет (что-либо)“ и через uehitur „везется“; гот. wasjan может быть переведено и через „одевать“ (кого) и через „одеваться“.

II. ОБРАЗОВАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ

1. ОБЩИЕ ОСНОВЫ

В различных типах настоящего-аориста окончания, образования причастий, чередования гласных — одни и те же; кое-какие различия наблюдаются только в зависимости от того, имеем ли мы дело с атематическим или тематическим типом.

Между настоящим временем и аористом существенное различие не в характере основы; мы называем „настоящим“ такую основу, которая в изъявительном наклонении допускает и первичные и вторичные окончания, „аористом“ — такую основу, которая в изъявительном наклонении допускает только вторичные окончания (см. ниже обзор окончаний).

Основы аориста непосредственно восходят к корням; из основ настоящего времени одни восходят к корням, другие же образуются от имен или от других глагольных основ. Но если большинство типов образования настоящего времени не имеет соответствующих аористов, то, наоборот, типы образования аористов, за исключением одного, имеют также соответствующие формы настоящего времени. Аорист часто бывает корневым образованием без суффикса.

Каждый данный корень не представляет всех типов образования, но в общем представляет их несколько.

1. Основы настоящего времени и аориста с нулевым суффиксом. — Как и следует ожидать, эти основы характеризуют, без какого-либо особого оттенка, обозначаемый корнем процесс. Значение настоящего времени или аориста является в различных условиях в зависимости от того, односложен ли корень или двусложен, и образуется ли от него атематический тип или тематический.

а. *Атематический тип.* — Атематический тип представлен в большинстве языков лишь небольшим числом глаголов; но чем древнее облик языка, тем многочисленнее в нем примеры этого типа; так, в ведийском их больше, чем в греческом, а в литовском языке, архаичном во многих отношениях, их относительно много, особенно в старых текстах (XVI и XVII вв.); много примеров есть и в хеттском.

В отношении односложных корней, с одной стороны, и двусложных, с другой, есть различия по смыслу и по форме.

а. *Односложные корни.* — Если корень обозначает длительное действие, мы имеем основу, допускающую в изъявительном наклонении и первичные окончания (греческий тип на -μι) и вторичные окончания (греческие типы на -ν и -α), так, гр. φημί „говорю“, φαμέν „говорим“ и ἔφην „я говорил“, ἔφαμεν „мы говорили“: это основа настоящего времени. Если корень обозначает действие само по себе, без длительности, основа допускает в изъявительном наклонении обычно лишь вторичные окончания: это аорист; таково скр. ásthām = гр. ἔστην „я встал, я остановился“. Когда у основы с нулевым суффиксом значение аориста, мы получаем форму настоящего времени при помощи другого образования, именно при помощи удвоения корня: скр. dádhāmi „кладу“, гр. τίθημι, и т. д., при скр. ádhām „я положил“, гр. ἔθεμεν „мы положили“, арм. еմ „он положил“.

Настоящее время и аорист, передающие тот же смысл, могут принадлежать к различным корням, из которых один — длительного значения, а другой — выражающий действие само по себе; так, от корня с длительным значением скр. ádmi „ем“, гом. ἔδμενα и арм. ւտեմ образуются лишь формы настоящего времени; соответствующий аорист выражается другими корнями: по-санскритски через á-gḥaṅ „он ел“, по-гречески через ἔφαγε, по-армянски через е-կեր. Корень *es- „существовать“ образовывал настоящее время (и перфект), но не аорист; вот почему многие индоевропейские

диалекты (но не греческий и не армянский) прибегли к корню *bhewə-: скр. ábhūt „он был“, др.-сл. бѣ и бѣсть, лат. fuit и т. д. Корень *ei- „итти“ не образовывал аориста и, повидимому, перфекта; откуда по-гречески ἦλθον „я пришел“ и гом. εἰλήλουθα при εἶμι „иду, пойду“, по-славянски шѣдѣ при идѣх (древнее *jidǫ).

Примеры длительных корней, от которых образуются формы настоящего времени:

*ei-, *i-: скр. émi „иду“, imáñ „идем“, уanti „идут“, áyam „я шел“; гр. εἶμι „иду, пойду“, ἴμεν „пойдем“; лит. eimi „иду“; др.-лат. is „идешь“, it „идет“, imus „идем“, itis „идете“.

*es-, *s-: скр. ásti „есть“, smáñ „есмы“, sánti „суть“, ásam „я был“; хет. ešzi „есть“, 3-е л. мн. ч. ašanzi; гр. εἶμι (лесб. εμμι) „есмы“, ἐστί „есть“, εἶσι (из ἐντι, засвидетельствованного в дорийском; древнее *henti) „суть“; др.-лит. esti „есть“; др.-сл. есмь (мн. ч. сжть); лат. est „есть“, sunt „суть“; гот. ist, sind.

éd-, *ōd-: скр. ádmi „ем“; лат. ēst (ē подтверждается свидетельствами грамматиков); хет. ađanzi „едят“; лит. ėdmi „ем“, ėsti) „ест“; др.-сл. емь, естъ; отдельные следы в гомеровском инфинитиве ἔδμεναи и в древнем сослагательном, получившем значение будущего, ἔδ-ο-μα; арм. utem предполагает *ōd-mi индоевропейской эпохи.

*g^when-: вед. hánti „бьет“, 3-е л. мн. ч. ghnánti; хет. kuenzi „бьет“, 3-е л. мн. ч. kuanzi; гр. θεῖνω „бью“ и лат. fendō (ср. fendō, dēfendō „отражаю“) образованы от основы *g^when-.

*k₁ei-: скр. çéte „лежит“, ав. saēte = гр. κείτα; хет. keta „он лежал“.

*wes-: скр. vāste „одевается“; ав. vaste = гр. φέσται.

Примеры корней, образующих аористы:

*sthā-, *sthə-: скр. ásthāt „он стал“, средний залог ásthita; гр. ἔσθη (дор. ἔστῃ).

*dhē-, *dhə-: скр. ádhāt „он положил“, средний залог ádhita; арм. ed „он положил“; гр. ἔθεμεν „мы положили“, ἔθετο „он положил (для себя)“.

*dō-, *də-: скр. ádāt „он дал“, средний залог ádita; арм. et „он дал“; гр. ἔδομεν „мы дали“, ἔδοτο „он дал“ (ср. зал.).

*g^wem-, *g^wm-: скр. ágan „он пришел“ (1-е л. ágamam); арм. ekn „он пришел“; др.-англ. sume „пришел бы он“ (сослагательное прошедшего времени, древнее желательное от атематического *g^wo m-i-t).

*g^wā-: скр. ágāt „он пришел“; гр. ἔβη (дор. ἔβῶ) „он пошел“; ср. наст. вр. вед. jīgāti „идет“, дор. βίβαντι „идут“.

*k₁leu-, *k₁lñ-: вед. áçrot „он услышал“, çrudhī „услышь“, гат. sraotā „услышьте“, гом. κλύθι „услышь“.

*rō(i)-, *rī-: скр. āpāt „он выпил“, атт. πῖθι, лесб. πῶ, πῶθι „выпей“; гр. ἔπιον, ἔπιες — результат вторичного перехода в тематический тип.

Впрочем, это аористическое значение корней установлено только для индо-иранского, армянского и греческого. В германском и латинском те же основы образуют формы настоящего времени, обозначающие действие с предусмотренным завершением. Так, в латинском dō „даю“, dāmus „даем“ при вед. ádāt „он дал“, гр. ἔδομεν „мы дали“ и т. д.; в древневерхненемецком tōt (tuot, tuat) „кладет“ при вед. ádhāt „он положил“, гр. ἔθεμεν „мы положили“, а в латинском (con-)dit „слагает“; в латинском также uol-t „хочет“ при вед. á-vṛ-ṭa „он выбрал“.

β. Двусложные корни. — Настоящее время характеризуется огласовкой ступени *е или *о в первом слоге (по крайней мере в формах с полной огласовкой) и нулевой ступени во втором, а аорист — огласовкой нулевой ступени в первом слоге и ступени *ē/*ō или *ā во втором, чередующейся с нулевой ступенью. В греческом языке есть в этом отношении характерные примеры, из которых самый замечательный — настоящее время πείταμαι „лечу“ в противопоставлении с аористом ἔπταμην „я полетел“ (πτῶ- засвидетельствовано формой действительного залога, гом. κατα-πτῆ-την, ἐξ-έ-πτη).

Примеры на настоящее время:

*re/oudə-, rudə-; вед. rōdi-ti „стонет“, rudi-mah „стонем“, rud-anti „стонут“; лит. gáud-mi „рыдаю“.

В греческом есть несколько примеров этого рода, например, κρέμαμαι „вишу“, а в ведийском еще более ясное, как brávi-ti (ав. mraoiti) „говорит“, 3-е л. мн. ч. bruv-ánti, средн. зал. brū-té, или еще vámi-ti „блюет“, 3-е л. мн. ч. vam-anti.

Примеры на аорист:

*rīē-, *rī-: вед. á-prā-t „он наполнил“, повелит. pūr-dhī „наполни“; гом. πλήτο.

Примеры отчетаивы, особенно в греческом. У Гомера мы находим -βλήτην „они двое бросились“; -βλήμενοι „брошенные“, βλήτο „он

был брошен“ и т. д. и с нулевой огласовкой — 3-е л. мн. ч. βάλων, „они бросили“, причастие βάλων „бросивший, метнувший“, по которым были образованы формы: 1-го л. ед. ч. βάλων „я метнул“, 2-го л. βάλες „ты метнул“, и т. д. Огласовка имеет звук *ō в ἐβίων „я жил“, тогда как *ē предполагается в производном *g^huē-yō (ζῶ „живу“, ζῆς „живешь“), служащим для настоящего времени. Есть еще ἔγνων „я знал“, и то же *ō является в производном лат. (g)no-scō „знаю“, др.-перс. xšnā-sātiy „пусть он узнает“.

Есть следы многих индоевропейских атематических форм настоящего времени, исчезнувших в большинстве языков. Так, у вед. váçmī „хочу“, uçmási „хотим“, гат. vasəmī, usmahī нет соответствий вне индо-иранского; но греческое прилагательное Γεχών „добровольный“ с тоном на том же месте, что и у ίών „идуший“, есть причастие от несохранявшейся формы настоящего времени, соответствующей вед. váçmī. Форма настоящего времени, соответствующая скр. kṣé-ti „обитает“, ав. šaēiti, сохранилась по-гречески только в сложном слове гом. ἐϋ-κτίμενος „благоустроенный“, а гр. κτίζω „устраиваю“ замещает древнее атематическое настоящее время. Вместо древнего атематического настоящего времени часто появляются иные типы, разные в разных языках: при вед. géhmi „лижу“, в греческом мы находим тематическую форму λείχῃω, в балтийском и славянском форму с суффиксом *-ye/o-: др.-сл. лижж, лит. lėžiù, в латинском форму с носовым инфиксом lingō, в готском итератив на -ā-, (bi-)laigon и т. д.

В отношении аориста атематический тип не так-то легко обнаружить. Но, например, атематический характер вед. ádarçam „я увидел“, adarçma, adṛçma „мы увидели“ дает основание полагать, что гр. ἔδρακον вторично перешло в тематический тип, отправляясь от 3-го л. мн. ч. ἔδρακον и причастия δρακόν.

Корневой атематический тип был одной из важнейших форм индоевропейского глагола.

6. *Тематический тип.* — Этот тип широко представлен в историческую эпоху, и часты случаи, когда в него перешли в течение языкового развития основы, принадлежавшие к атематическому типу. Так, скр. godāmi „рыдаю“, лат. rūdō „реву“ и др.-в.-нем. giuzzi „рыдаю“ произошли от корневых форм с огласовкой *e атематического настоящего времени и соответствуют вед. goditi „стонет“, тогда как скр. класс. rudati и лат. rūdō восходят к формам с нулевой огласовкой: лат. rūdunt „ревут“ соответствует 3-му л. мн. ч. вед. rudanti „стонут“ при ед. ч. goditi. Германский перевел в тематический тип почти все свои сильные гла-

голы. Наоборот, некоторые формы настоящего времени, засвидетельствованные несколькими языками, как *sneig^he/o-, ав. snaē-žaiti „идет снег“, лит. snėga, гр. νείφα, др.-лат. niuit, др.-в.-нем. sniuuit, явно древние.

У тематического типа две разновидности: тонический корень с огласовкой *е и тоническая тематическая гласная при корне на нулевой ступени огласовки, и у этих двух разновидностей разные значения; если один и тот же корень имеет их обе, то иногда бывает, что основа с острым тоном на предпоследнем слоге служит для настоящего времени, а основа с острым тоном на последнем слоге — для аориста; так:

скр. bódhati „рассматривает“, гом. πούδεσθαι (наст. вр.) „понимать, схватывать“, др.-сл. блудж, гот. -biuda „приказываю“; гр. πούδεσθαι (аорист).

Противопоставления типа гр. λείπων: λικῶν или гом. πούδεσθαι: πούδεσθαι встречаются сколько-нибудь часто только в греческом, но, как мы видели на стр. 211, и у λείπω и у ἔλιπον есть свои соответствия в других языках. Часто у корня только настоящее время тематическое: скр. váhati „везет“, памфилийское $\phi\epsilon\chi\omega$, лат. uehō „везу“, др.-в.-нем. wīgu, лит. vežti, др.-сл. везж, или только аорист: вед. ávidat (vidát) „он нашел“, арм. egit.

Повышение тона на тематической гласной сохранилось в некоторых греческих повелительных, как (F)δέ „гляди“, λαβέ „возьми“ и др. — Противопоставление греческого настоящего времени $\delta\epsilon\rho\chi\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ „смотреть“ аористу $\delta\rho\chi\alpha\iota\nu$ есть греческое новшество, ибо ведийская атематическая форма ádarçam „я увидел“ играет роль аориста при настоящем времени вед. ráçyati „видит“.

Формы настоящего времени (как с первичными; так и со вторичными окончаниями),[§] образованные от основ с тоном на тематической гласной, обозначают завершенность действия (русский совершенный вид). Так, наряду с скр. tárati „проходит“ есть форма tiráti, которая только и может быть употреблена с приставкой pra-: prátirati „переправляется“. Скр. giráti „глотает“ и др.-сл. жьретъ (то же значение) указывает на действие, не включающее представления о длительности. Скр. diçáti значит „указывает“ (ср. с тем же местом тона др.-норвеж. tega „показывать“) при лат. dicō (из deicō) „говорю“, гот. teihan „показывать“. У скр. júsáte „находит удовольствие“ есть имперфект, имеющий в „Ригведе“, II, 37, 4, значение аориста, тогда как гр. γεύεσθαι и гот. kīusan — формы настоящего времени, означающие „пробовать, выбирать“. Таким образом, понятно, почему тип с повышением

тона на тематической гласной в греческом языке и иногда в других использован был для аориста.

В некоторых языках у известных основ имеется в корне огласовка *о: гот. *malā*, лит. *malù* „мелю“; но огласовка *е обнаруживается в ирл. *melim* „мелю“ (и в производном др.-сл. *мелѣж*), а нулевая огласовка в валл. *malaf*, арм. *malem* „дроблю“; гласная *о в лат. *molō* „мелю“ может отражать и *е, и *о. Эгого рода тематические образования настоящего времени замещают индоевропейские атематические образования с огласовкой *о: *melə- — двусложный корень, от которого тематическое настоящее время не является нормальным; чередования гласных указывают на атематическое настоящее время *melə-, *molə-, *m'lə-. — Равным образом тематические образования настоящего времени с долгой корневой гласной замещают древние атематические образования: лит. *bėgu* „бегу“ и сл. *вѣгж* (польск. *biegę*) предполагают *bhēgʷ-: др.-лит. *bėgti*; в греческом — *φέβομαι* „убегаю“ с гласной ē. Др.-сл. *падѣж* предполагает древнее атематическое *rōd-mi.

2. Основы настоящего времени и аориста с удвоением и с нулевым суффиксом. — Эти основы отличаются от предыдущих наличием нормальной формы удвоения (см. стр. 197); они служат для образования настоящего времени, а иногда, в тематическом типе, и аориста.

α. *Атематический тип.* — По этому типу образуются греческие и индо-иранские формы настоящего времени в тех случаях, когда корень без суффикса образует атематический аорист, типа гр. *τίθημι* „кладу“, *τίθεμεν* „кладем“ при *ἔθεμεν* „мы положили“ (см. стр. 214).

Атематический тип сохранился в некоторых греческих и индоиранских корнях, оканчивающихся на долгую гласную, как скр. *dādhami* „кладу“, гр. *τίθημι*; скр. *dādāmi* „даю“, гр. *δίδομι* со следами такого же образования в др.-лит. *dūsti* „даёт“ (*dō-d-ti), др.-сл. *дасть*; скр. *jigāmi* „иду“, гом. *βίβας* (ср. вед. аор. *āgāt*, см. стр. 216) и т. д. В индоиранском кроме того сохраняются этого рода основы и от корней иных типов; так, вед. *si-ṣak-ti* „следует“ = ав. *hišhaxti*, заменяющее *hi-šax-ti (и.-е. корень *sekʷ-), вед. 3-е л. мн. ч. *sa-ṣc-ati* „следуют“.

β. *Тематический тип.* — Корень имеет нулевую огласовку: вед. *sá-ṣc-ati* (наст. вр.) „следует“ при *sácate* „следует“, гом. *ἔ-σπ-έσθαι* (аорист) при настоящем *ἐπισθαι* „следовать“.

скр. *ja-ghn-an* „убивающий“ (причастие наст. вр.), гр. *πᾶ-φν-εῖν* „убить“ (аорист) при атематическом настоящем, представленном

вед. hánti „бьет, убивает“, хет. kuenzi и, косвенно, производными гр. θείνω „бью“, лат. -fen-dō.

гр. γί-γν-ομαι „рождаюсь“, лат. gi-gn-ō „рождаю“ при аористе аномальной формы гр. ἐγενόμην „я родился“ и формах наст. вр. скр. jāpati „рождает“, др.-лат. genunt „рождают“. В греческом также τίχτω (из *tí-tx-ō) „рождаю“ при аномальном аористе ἔτεκον.

Там, где оно сосуществует с другим образованием настоящего времени, это образование настоящего времени отличается от него оттенком значения: оно указывает, что завершение действия предусматривается; так, гр. ἴσχω (из *si-zghō) при ἔχω „имею, держу“ (ср. скр. sáhate „приобретает“) и аористе εἶχον „иметь, держать“; или гр. μένω при μένω „остаюсь“; это различие есть, следовательно, различие „вида“, причем форма с удвоением относится к „совершенному“ виду, т. е. указывает на действие, завершение которого предусматривается; а форма без удвоения относится к „несовершенному“ виду: завершение действия не предусматривается. В качестве аористов эти основы с удвоением часто имеют понудительное значение: ср. гр. λαχεῖν „получать долю“ и λαλεχεῖν „уделять“; скр. asiṣvarat значит „он усыпил“ и соответствует, со значением аориста, каузативному настоящему времени svārāyati „усыпляет“. Значимость удвоения иногда едва ощутима, как, например, в скр. āvacat „он сказал“, основа *we-uk^we/o-, ср. гр. ἔ(f)ειπε (из *é-we-uk^w-e-t).

3. Перфект. — Перфект всегда примыкает непосредственно к корню. Многие корни образуют перфект; другие, напротив, несомненно, не зная этого образования (например корень *ei- „итти“).

Это атематический тип, характеризуемый особыми окончаниями (*-а для 1-го л. ед. ч. и т. д., см. стр. 245), а также суффиксом своего причастия. Кроме этих характерных черт, в индо-иранском и в греческом есть и другие, с индоевропейской точки зрения не являющиеся существенными: корневая огласовка] *o в тех лицах, у которых в атематическом типе [настоящего времени огласовкой элемента, предшествующего окончанию, является *e или *o, и в некоторых случаях — удвоение (см. выше стр. 197). Наиболее многочисленные и отчетливые примеры] этих основ мы находим в индо-иранском, но огласовка их яснее в греческом:

πειθομαι „повинуюсь“	πέποιθα	πέπειθμεν]
ἐλεύσομαι „приду“	гом. εἰλήλουθα	атт. ἐλήλυθμεν
[μένος „желание“]	гом. μέμονα „размыслил“	μέμασμεν

[πένθος „скорбь“]

πέπονθα „претерпел“

гом. *petadōiþ*
(причастие)

φθείρω „гублю“

ἔφθορα

ἔφθορα

τρέφω „питаю“

τέτροφα

τέτροφαι

(*f*)ρήγνυμι „рву“

ῥήγωγα

χέζω

-κέχουδα

Корневая огласовка *o подтверждается противопоставлением небных и гуттуральных в индо-иранских формах: скр. *śakāra* „я сделал“, *śagāma* „я пришел“, *śaghāna* „я ударил“; подтверждается также ирландским языком, где (go)gegon „я ударил“ соответствует скр. *śaghāna* и где (go)gegaig „он тянул“ предполагает *gegoe, и, наконец, германским, где сохранились некоторые формы с удвоением корней с долгой гласной, имеющие в прошедшем времени огласовку *ō*:

гот. *leta* „оставляю“:

lailot „я оставил“

saia „сею“:

saisō „я посеял“;

там же образования прошедшего-настоящего (так называемых *praeterito-praesentia*) и обыкновенного прошедшего времени от старых первичных индоевропейских глаголов, хотя и не имея удвоения, все же сохранили огласовку *o: таковы в готском:

1-е л. ед. ч. *man* „думаю“, мн. ч. *munum* „думаем“.

beida „жду“: *baif* „я ждал“, *bidum* „мы ждали“ (ср., хотя бы для формы корня, гом. *πέποιθα*, *ἐπέπιδμεν*).

-biuda „приказываю“: *-budum* „я приказал“,

binda „вяжу“: *band* „я связал“, *bundum* „мы связали“.

Гласная *ā* (из и.-е. *ō) в ирландских формах прошедшего времени, каковы *tāich* (этим словом толкуется лат. *confugit* „он прибежал“), из *tōke, при *techim* „бегу“, напоминает индо-иранские формы 3-го л. с *ā* (и.-е. *ō) в качестве элемента, предшествующего окончанию, как скр. *śakāra* „он сделал“.

В индоевропейском были перфекты без удвоения, из которых самым важным является:

гр. *ἴσθῃ* „знаю“, *ἴσμεν* „знаем“, скр. *véda*, 1-е л. мн. ч. *vidmá*, гат. *vaēdā*, гот. *wait*, *witum*, др.-сл. *вѣдѣ* (древняя форма с окончанием среднего залога) др.-прус. *waissēi* „знаешь“, *waidimāi* „знаем“.

Латинский язык образовал свой перфект, а германский свое прошедшее время из смещения старых индоевропейских форм

перфекта, частью без удвоения, и аориста: др.-в.-нем. *livi* „ты ссудил“ при гом. *λίπας* „ты оставил“; гот. *bitun* „они укусили“ может быть 3-м л. мн. ч. действ. зал. атематического аориста, засвидетельствованного вед. *bhét* „он рассек“, причастием *bhidánt-* и т. д.; в западных диалектах, германском, кельтском и италийском, удвоение перфекта наблюдается только в тех случаях, когда у перфекта нет огласовки, противопоставляющей его другим глагольным формам; так, лат. *tomordí* при *tomordē* „кусаю“, ирл. *gegon* при наст. вр. *goním* „раню“. Славянские и балтийские причастия прошедшего времени действ. зал. имеют суффикс причастия перфекта, но не имеют удвоения: др.-сл.-мьрь (жен. р. -мьрьши), лит. *migęs* (жен. р. *migusi*) „умерший“, ср. скр. *matṛvān* (жен. р. *matṛṣi*). Формы без удвоения, наблюдаемые в других диалектах, кроме греческого и индо-иранского, представляют индоевропейский тип, который был, быть может, довольно широко распространен в некоторых диалектах. Даже в санскрите есть несколько форм без удвоения, как причастие *sāhvān*, наряду с *sasāha* „он приобрел“.

Поскольку огласовка *o в формах с полной огласовкой частью встречается и в формах настоящего времени, а удвоение является непостоянным, — индоевропейский перфект характеризуется только окончаниями: окончание -α характеризует перфект в гр. *ῥοῖδα* „знаю“; неодинаковость окончаний различает формы 3-го л. мн. ч. в вед. *saṣṣati* „следуют“ и *saṣṣuḥ* „они последовали“.

Перфект указывает на завершенность, реализацию действия: гр. *εἶωδα* значит „я привык и продолжаю иметь обыкновение“, скр. *ṣiṣṭāya* — „я оперся и продолжаю опираться“ и т. п. Следующий пример, взятый у Гомера, указывает точное значение этих основ.

В 272: ὦ πόποι, ἢ δὴ μυρί' Ὀδυσσεύς ἐσθλά (F)έ(F)οργε
 βουλὰς τ'εἰς ἄρχων ἀγαθὰς πόλεμον τε κορύσσων
 νῦν δὲ τόδε μέγ' ἄριστον ἐν Ἀργείοισιν ἔρεξεν,
 ὅς τὸν λωβητῆρα (F)επεσβόλον ἔσχ' ἀγοράων

„О! Уже много славных поступков совершил Одиссей, первый подавая добрый совет или руководя битвой; но теперь еще более прекрасное дело совершил он, удаливши из совещания болтливого нахала“.

Поэт противопоставляет совокупность славных поступков, которые совершил [(F)έ(F)οργε] Одиссей и которыми его слава была установлена, одному данному поступку, который он только

что совершил (ἔρεξεν): перфект обозначает здесь раз и навсегда приобретенное. У греческого перфекта иногда бывает свое прошедшее время: τέθνηκε „он мертв“, ἔτεθνηκε „он был мертв“, и в ведийском есть аналогичные „плюсквамперфекты“.

За время развития индоевропейских языков от перфекта образовались формы как настоящего, так и прошедшего времени: лат. *tutudi* „я ударил“ служит для выражения прошедшего времени, а *memini* „помню“ — настоящего; гот. *band* „он связал“ — прошедшее время, а *man* „думаю“ — настоящее. Приведенная выше форма перфекта без удвоения, как гр. *ἔειδον*, скр. *véda*, гот. *wait* и т. д., всюду означает только „знаю“, т. е. „я приобрел и имею знание“.

4. Интенсив. — Настоящее усилительное (интенсив), образуемое корнем с усилительным удвоением и нулевым суффиксом, сохранилось лишь в индо-иранском, обычно в атематической форме:

скр. *dediṣ-ṭe* „показывает“, 3-е л. мн. ч. *dēdiṣ-ate* „показывают“, ав. *daēdōiš-t* „он показал“, а изредка и в тематической форме: ав. *naēnižaiti* „очищает“ при скр. *nenik-tē* „моется“.

Если бы у нас не было вне индо-иранской области нескольких примеров этих основ, распространенных вторичным суффиксом *-ye/o- (см. стр. 232), как др.-сл. глагольж „говорю“, гр. *πορφύρω* „волнуюсь (о море)“, *πυρφαίνω* „сияю“ и т. д., то можно было бы сомневаться в индоевропейском характере этого типа. Даже в санскрите интенсивы, частые в ведийском языке, в позднейших текстах становятся редкими.

Значение интенсива вытекает из его образования; он обозначает повторение или усиление действия: санскритские интенсивные причастия действ. залога *réḡih-at* и среднего залога *réḡih-āṇaḥ* означают „вылизывающий“, между тем как *réḡmi* значит „лижу“; скр. *kānikraṇ(t)-ti* подчеркивает силу звука, обозначаемого формой *krāṇdati* „кричит, мычит“. Собственное значение интенсива осталось ощутимым лишь постольку, поскольку сохранилась параллельная неинтенсивная форма; скр. *saḡkaṇ-mi* „призываю, прославляю“, стоящее отдельно, не является отчетливо интенсивным по смыслу. Об аористах гр. *ἀραρ-εῖν* „приладить“, арм. *agaḡ* „он сделал“ см. стр. 199.

5. Сложные основы с конечной долгой гласной. — В конце глагольной основы гласные *ā, *ē, *ō бывают двусмысленны. Часто это просто-напросто конечная долгая дву-

сложного корня, как, например, в дор. ἔτλα̅ν „я вынес“ при τελα-μῶν „ремень“, τάλᾱς „претерпевший, несчастный“; гом. πλήτο „наполнился“, вед. árāt „он наполнил“, при скр. pūrṇáh = лит. pilnas „полный“; гр. ἔγνων „я узнал“, скр. jñā-táh „известный“ при лит. žėnklas „знак“ (см. стр. 126 и 182). В других случаях *ē/*ō и *ā являются суффиксами, что мы узнаем по одному из следующих признаков: 1) элементы *-ē/ō- или *-ā- имеют определенное значение; 2) корень, к которому они присоединяются, не двусложный; 3) один и тот же корень имеет формы и на *-ā- и на *-ē/ō-; поскольку *ā не чередуется с *ē/*ō, то, по крайней мере, одна из форм заключает суффикс. Так, от односложного корня *men- „иметь на уме“ существует и основа *m^onē-, обозначающая состояние, засвидетельствованная др.-сл. мьнѣти „думать“, лит. minėti, гот. munaif „думает“ (и гр. μαῆναι „обезуметь“), и основа mnā- „вспоминать“ в скр. желательном наклонении mṇāyāt „да вспомнит“ и в производных дор. μνᾶομαι „вспоминаю“, μέμνημαι „помню“. От омонимичного корня *men- „оставаться“ существует основа *m^onē- в лат. manēre „оставаться“ (ср. гр. μεμένηκα „остался, выдержал“) и основа на *-ā- в арм. mpat „остаюсь“ (из *mōpā- или *mēpā-?). От двусложного корня *bhewə- „расти, делаться“, с одной стороны, есть гр. φυῆναι „вырасти, родиться“, др.-сл. вѣ (основа, выражающая состояние), а с другой стороны — лит. būvo „он был“, лат. -bā- в типе amābās „ты любил“. Поэтому у нас есть основание для установления суффиксов *-ē/ō- и *-ā-.

α. Тип на *-ē/ō-. — Этот тип хорошо представлен в славянском, балтийском, германском, латинском и греческом, но его вовсе нет в индо-иранском. В греческом он дает аористы с нулевой огласовкой корня и с повышением тона на η: атт. ἐκλάπην „я был похищен“, κλαπῆναι, κλαπέης: κλέπτειν „красть“; в славянском — основу аориста и инфинитива, соответствующую обычно основе настоящего времени на -i-: мьн-ѣ-ти „думать“, мьн-ѣ-хъ: мьн-и-тъ; вѣд-ѣ-ти „бодрствовать“: вѣд-и-тъ (из *būd-ē-ti, *būd-i-tū); смръд-ѣ-ти: смръд-и-тъ и т. п.; в литовском — тоже основы инфинитива, соответствующие образованиям настоящего времени на -i-, означущим состояние, как smird-ė-ti „понять“: smird-i „воняет“, но также и другим, как лит. tek-ė-ti „бежать“: tēk-a „бежит“. В германском и в латинском, где противопоставление настоящего времени и аориста не сохранилось и где отыменные на *-ē-ye/o-, *-ā-ye/o- имеют формы на *-ē-, *-ā-, как лат. senēs, fugās (см. ниже, стр. 234), суффикс *-ā- дал настоящее время: лат. tacēre „молчать“, др.-в.-нем. dagē-n (из герм. *rağé-). Эти основы обозначают со-

стояние, и их собственное значение определяется противопоставлением лат. *iacere* „бросать“ и *iacere* „лежать“, лит. *gulėti* „ложиться“ и *gulėti* „лежать“. Поэтому у большинства из них непереходное значение, но это не существенно, и, например, основа **wid-ē* имеет переходное значение в лат. *uidere* „видеть“, гот. *witai-þ* „наблюдает“, гр. *ἴδω* (в будущем *ἴδω* „увидю, примечу“) и в др.-сл. *видѣти* (с корневым **ei*, явившимся в результате контаминации с основой **wēid-* с нулевым суффиксом, сохраненной в *внѣдъ* „смотри“); равным образом др.-в.-нем. *habē-m* „держу, имею“ противопоставляется гот. *haf-ja* „поднимаю“ (ср. лат. *cap-iō* „беру“), лит. *turėti* „иметь“ противопоставляется *tver-ti* „брать“, лат. *habē-re* „иметь“ — древнеирландскому *gaibim* „беру“, и даже в греческом *ἔχω* „буду иметь“ наряду с *ἔχω* „имею“, аор. *ἔσχευ*. Суффикс существовал также и в форме **-ō-*, как, например, в гр. *ἵαλίσκομαι* „быть взятым“ при *ἵαλίσκομαι* „меня берут“.

β. Тип на **-ā-*. — Основы на **-ā-* почти нигде не сохранились в своей старой форме. Славянский язык дает хорошие примеры этих основ, но несколько двусмысленные, так как сл. *а* может оглашаться и.-е. и **ā* и **ō*; невозможно решить, восходит ли др.-сл. *имамь*, польск. *mam* „имею“ (общеслав. **ĭmamī*) к **ṃm-ā-* или к **ṃm-ō-* при глаголе *имж* (основа **ṃme-*) „беру“, выражающем действие само по себе, и при глаголе длительного значения *имаж* (основа **emue-*), ср. лат. *emō* „покупаю“ (*ex-impō* „вынимаю“) и умбр. *emantur*. Бесспорно, основа на **-ā-* стала основой инфинитива и аориста в славянских глаголах длительного вида: *пѣсати* „писать“ (основа **rik₁-ā?*) при настоящем времени *пишж* (основа **reik₁-ye/o-*): в этом случае, как и в предыдущем, корень имеет нулевую огласовку; в латинском мы также находим *rago* (*ragāre*) „приготавливаю“ из **r^ogā-* при *ragiō* (*ragere* „рождаю“ из **r^og-ye/o-*). Суффикс **-ā-* заключается в обычных славянских образованиях многократного вида с долгой корневой гласной: др.-сл. *гнѣтати* „давить“ при *гнѣтж*, *мѣтати* „кидать“; в латышском тоже *mētā-t* „кидать“, а в латинском *scēlā-re* „скрывать“ при (*oc-*)*sculo* (из **kelō-*), др.-в.-нем. *helan* „скрывать“ и др.-ирл. *selim* „скрываю“. Длительное значение, соединенное с выражением состояния, имеется еще в лат. (*oc-*)*cupāre* „занимать“, ср. *capere* „брать“; (*ac-*)*subāre* „прилежать“, ср. (*ac-*)*subere* „ложиться“ и т. д.; и в арм. *keam* „живу“ (и.-е. основа **g^wiū-ā-*), где огласовка на нулевой ступени, как и в др.-сл. *пѣсати*. Таким образом, получается своего рода возвратное значение, как, например, в лат.

lauāre „мыться“, при lauere „мыть“, или в др.-ирл. scaigim (из *sk^ogā-) „отделяюсь“ при лит. skiriū „отделяю“. Корневая огласовка *o в др.-в.-нем. maþō-n „предупреждать“ и в лит. (j-)maþai „понимаю“, (j-)maþo „понимает“, повидимому, заимствована из типа на *-eue/o- латинского monēo „уещаваю“, ср. лит. (j-)maþyti „понимать“; арм. (i-)maþam „понимаю“ имеет нулевую огласовку и предполагает, быть может, *m^onā-.

Тип на *-ā- дает в балтийском и итальянском тип образования прошедшего времени (сравнимый по форме с прошедшим временем на *-ē-, тип гр. ἐμάχην): лат. -ā- в лат. egam, egās „я, ты был“ и -bā- в monēbām „я уещевал“ и т. п., оск. fufans „они были“, лит. būvo „он был“, liko „он оставил“ и т. д., а в итало-кельтском основу сослагательного наклонения, независимую от соответствующего настоящего, как, например, лат. aduenat, tulat при ueniō „прихожу“, tollō „поднимаю“, или др.-ирл. -bia „бил бы он“ при beþaim „бью“, и т. д.

б. Первичный суффикс *-eue/o-: *-i-(*-ī-). В балтийском и славянском есть ряд атематических образований настоящего времени, обозначающих состояние, которые характеризуются в литовском -i- (кратким), а в славянском -н- (долгим, но с восходящей интонацией)

лит. min-i-	др.-сл. мьн н-тъ „думает“
smird-i-	смръд-н-тъ „воняет“
	бьд-н-тъ „бодрствует“.

В латинском и германском почти все эти образования заменены формами на *-ē-, соответствующими таким основам, как лит. budėti „бодрствовать“, др.-сл. бьдѣти; все же латинский язык сохранил след этих основ в производных на *-ske-, как (re-)mīniscog, (com-)mīniscog „вспоминаю“. Греческий и индо-иранский имеют только тематическую форму; значение и нулевая огласовка корня в гр. χαίρω „радуюсь“, φαίνομαι „являюсь“ (аор. χαρή-ναι, φαυή-ναι) отличаются от значения и огласовки типа δέρω „деру“, τείνω „тяну“ и т. д. и этим указывают на образование, родственное балтийско-славянскому типу; в санскрите родственным этому типу оказывается страдательный залог на -ya-: budh-yá-te „бодрствует“ ясно напоминает др.-сл. бьдн-тъ (из *bū-di-tū); точно так же скр. pū-ya-ti „воняет“ образовано так же, как и лит. smirdi, др.-сл. смръднѣти: нулевая огласовка и значение соответствуют вполне. Наконец, надо указать на такие армянские страдательные формы,

как *berim* „меня несут“ с **-ī-*, как в балтийском и славянском, при *beret* „несу“. Не вполне ясно место тона: в санскрите обычно тон на суффиксе, но иногда и на корне, как, например, *mīcūate* наряду с *mīcūāte* „отпускается“, а в литовском мы находим *tūrįs* „имеющий“, но *regįs* „видящий“.

7. Каузативы и итеративы на **-éyo-*: **-i-* (**-y-*). — Первичные индо-иранские образования настоящего времени на *-āya-*, с повышением тона в санскрите на первом а суффикса *-āya-*, имеют всегда в корне перед сонантом с последующей согласной индо-иранскую огласовку а, как, например, скр. *varṭāyati* „вращает“; перед единичной конечной согласной или сонантом корня они имеют индо-иранскую огласовку ā, особенно в односложных корнях: вед. *sād-āya-ti* „сажает“, й огласовку ā, именно в двусложных корнях: скр. *prath-āya-ti* „простирает“.

В греческом этому образованию соответствует тип φορέω „ношу“ при φέρω „несу“, φοβέω „пугаю“ при φέβομαι „боюсь“; в лат. *monēō* „заставляю думать, увещаю“, *poscō* „врежу“ (ср. пех „убийство“), *spondeō* „обещаю“ (ср. гр. πλένδω „совершаю возлияние“). В этих греческих и латинских формах мы имеем суффикс **-éye/o-*, тематический, как и в санскрите, и огласовку корня **ō*.

В славянском огласовка корня тоже **ō*, но суффикс — атематический, **-i-* (долгое *i* с восходящей интонацией); др.-сл. *врати-тъ* „вращает“ при скр. *varṭāya-ti*; *воудн-тъ* при скр. *bodhāya-ti* „будит“ и т. д.; но в 1-м л. ед. ч. сонант *i* в его согласной форме: *вратиж*, *воудж* (из **vort-jo*, **bud-jo*). В латинском языке равным образом *sōpī-s* „усыпляешь“ при скр. *svāpāya-si*, но 1-е л. ед. ч. *sōpiō*; то же самое в гот. (*fra*-) *wardēiþ* „губит“ (при (*fra*-) *wairþiþ* „гибнет“), но 1-е л. ед. ч. (*fra*-) *wardja*; повышение тона на суффиксе.

Корневая огласовка **ō* в таких каузативах, как скр. *svāpāyati* „усыпляет“ и лат. *sōpit* „усыпляет“, встречается также и в славянском, например в (из) *врати-тъ* (букв. „сделает так, чтобы кто-либо был вне“) при скр. *bhāvayati* „заставляет стать“, и в германском в тех случаях, когда не-каузативное настоящее время имеет огласовку **o* (герм. а): др.-в.-нем. *fuogen* (герм. **fōrjan*), „вести“ при *faran* „итти“.

Ирландские формы *guidim* „прошу“ (ср. гом. ποθέω „хочу“), *guirim* „грею“ и т. д. могут быть объяснены и из **-éye-* и из **-i-*.

За вычетом различий, касающихся тематической или атематической формы суффикса и краткой или долгой гласной корня, **ō* или **ō*, этот тип ясен; примеров его довольно много, так:

гр. (*f*) *οχέω* „вожу“, др.-сл. *возитъ* (итератив).

скр. lobhāyati „возбуждает желание“, гот. (us-)laubjan „поволять“.

8. Сигматический аорист. — Сигматический аорист представляет несколько своеобразных особенностей:

α. Его характеризует *-s- без какой-либо гласной. К „суффиксу“ не относятся ε таких аористов, как гот. ēkōressa „я насытил“; это второй элемент двусложного корня, что находит подтверждение в интонации корневого слога в лит. žėrti „питать“ (см. выше стр. 126).

β. Корень в действительном залоге находится на ступени *ē: скр. āvākṣam „я вез“ (3-е л. ед. ч. avāṭ), др.-сл. вѣзѣ, лат. uēxi; в среднем залоге корень имеет огласовку *e, как в вед. tamsi „я подумал“, или нулевую огласовку, как в скр. adikṣi „я показал“. Таким образом, корень является здесь не как элемент, предшествующий суффиксу и потому не меняющийся в склонении, но как элемент, предшествующий окончанию и потому подверженный чередованиям. Эту особенность надо связать с тем фактом, что характеристика *-s-, не заключающая в себе гласной, не является подлинным суффиксом. — Нет возможности определить, представляет ли ε в гр. εδειξα „я показал“, ερ в гр. ετερψα „я удовлетворил“ и т. д. отражение *ēi, *ēg или *ei, *eg и т. д., ибо в подобном положении *ēi, *ēg и т. д. и *ei, *eg и т. д. дают в греческом одинаково ε, ερ. Либо по аналогии с этими формами, либо вследствие распространения огласовки среднего залога и сослагательного наклонения действительного залога греческий язык не сохранил в сигматическом аористе никакого следа прежней огласовки *ē.

γ. Хотя спряжение атематическое, тон остается неизменно на корне, в форме без приращения: так, окончание среднего залога не имеет тона в вед. vāmsi „я выиграл“, точно так же и суффикс причастия в вед. dākṣat „сжегший“; ср. место тона в гр. δεῖξας „показавший“, δεῖξαι „показать“.

Аористы отыменных глаголов, как гр. ἐτίμησα „я почтил“, др.-сл. дѣлахъ „я сделал“ и др.-ирл. go charus „я любил“, представляют результат самостоятельного развития в греческом, славянском и кельтском: на это указывает уже фонетика, так как ни s между гласными в гр. ἐτίμησα и в др.-ирл. go charus, ни χ после a в слав. дѣлахъ не соответствуют законам отражения и.-е. *s в этих языках.

Форма аориста на *-is- засвидетельствована многими санскритскими примерами, как ābhāriṣam „я нес“, гат. xšpəvišā „удо-

влетворил бы я“ (сослагательное наклонение) и элементом *-is-* латинского типа *ēg-is-ti*, *ēg-is-tis*, *ēg-ēr-unt* „ты гнал“ „вы гнали“, „они гнали“. Этот элемент **-is-* использовался перед окончаниями, начинающимися на согласную; так, лат. *ēgisti*, *ēgistis* можно сближать с хет. 3-м л. ед. ч. *paışt* „он вел“, 2-е л. мн. ч. *paışten* „вы вели“; в „тохарском“ также мы находим *weñaşt* „ты сказал“. Армянский аорист на *-ea-* тоже включает этот элемент **-is-*, распространенный при помощи **-ā-*.

9. Формы на **(ə)se/o-*, **(ə)sye/o-*. — Индо-иранское будущее на **-sya-*, засвидетельствованное скр. *vak-ṣyā-mi* „буду говорить“, гат. *vax-šyā*, следует сближать с литовским будущим: *lik-siu* „оставляю“, а также с суффиксом **-se/o-* в гр. *λείψω* „оставляю“, лат. *carpō* „возьму“ и т. д.; чередование **-sye/o-* и **-se/o-* можно сравнить с чередованием **-syo* и **-so* в род. п. ед. ч.: гат. *ša-huā* „кого“ и др.-сл. *уѣ-со* „чего“, др.-в.-нем. *hwe-s* „кого“. Будущее время встречается очень редко в древнейших индо-иранских текстах: во всей „Ригведе“ только около пятнадцати примеров личных форм будущего времени (причастие несколько менее редко), и форма будущего времени становится более частой только в позднейших санскритских текстах; точно так же и в славянском есть только один пример: причастие *бъшаши* „будущее“. С другой стороны, литовское будущее не соответствует в точности индо-иранскому будущему: спряжение его в зависимости от диалектов имеет то суффикс *-si-*, то *-s-*; например, 1-е л. мн. ч. будет *liksime* или *liksme* „оставим“, иначе чем в скр. *vak-ṣyāmaḥ* „будем говорить“. Место тона в гр. *λείψαι*, *λείψων* не соответствует месту тона в скр. *vakṣyāti* „будет говорить“, но соответствует его месту в лит. *liksēs* „долженствующий оставить“.

В латинском и ирландском образование на **-se/o-* служит сослагательным наклонением: тип лат. *faxit* „сделал бы он“, др.-ирл. *tēis* (из **steik-se-t*) „шел бы он“. В ирландском такие основы на **-se-* с удвоением обозначают будущее время; так, при др.-ирл. *guidim* „молюсь“ мы встречаем сослагательное *-gess* „молился бы я“ и будущее *-gígíus* „я помолюсь“.

Наряду с **-se/o-*, в особенности после конечного сонанта корня, существует еще образование на **-əse/o-*: скр. *kar-iṣyā-ti* „сделает“, гр. *μεν-έω* „останусь“. Подобно тому как греческое будущее от глаголов с корнем, оканчивающимся на *ν, ρ, μ, λ*, образуется на *-εω* (древнее **-əso*), так и санскритский desiderativ образуется и.е. суффиксом **-se/o-* после согласной и и.е. **-əse/o-* после сонанта: так, при *ririkṣati* „хочет оставить“, мы имеем *cikrṣati* „хочет

делать“, где -iṛṣ- отражает *r + əs (корень — односложный, как на это указывает kṛtāḥ „сделанный“); литовский также имеет klāusia „спрашивает“ („хочет слышать“) из *klow-əs-, при klaūso „слышит“ из *klow-s-.

У всех этих образований на *-s- или на *-əs- в индоевропейском было, повидимому, дезидеративное значение. Формы индоиранские, греческие, балтийские и т. д. будущего времени суть древние дезидеративные формы настоящего времени.

По самому своему значению суффикс дезидератива *-se/o- относится к явлениям аффективного порядка; в латинском языке s выступает в нем в удвоении, характеризующем некоторые экспрессивные слова: это тип латинского capessō „хватаю“ (при capiō „беру“), lacessō „дразню“ и т. п.

10. Основы с носовым инфиксом. — Основы с носовым инфиксом хорошо сохранились только в индоиранском; дело происходит так, как будто элемент *-ne-/*-n- вставляется перед последним фонетическим элементом корня: корень имеет нулевую огласовку и, как в атематических формах, элемент *-ne-со следующим за ним концом корня составляет элемент, предшествующий окончанию, и дает чередование *e: нуль при тех же условиях, как и в других атематических формах. Так:

кор. *yeug-: скр. yu-ná-k-ti „соединяет“, 3-е л. мн. ч. yu-ñ-j-ánti.

кор. *bheid-: скр. bhí-ná-t-ti „рассекает“, 3-е л. мн. ч. bhí-n-d-ánti (при атематическом аористе ábhet „он рассек“);

кор. *leik-: скр. gí-ná-k-ti „оставляет“, ав. gí-na-x-ti, 3-е л. мн. ч. скр. gí-ñ-s-ánti (при тематическом аористе гр. ἔλιπε, арм. elikh, см. стр. 211 и сл.).

Как и все подобные формы, эти основы нигде более не сохранились в своем атематическом виде; только в хеттском, как и в древних индоиранских языках, встречается этот тип, с каузативным значением, har-ni-kzi „разрушает“, har-ni-k-anzi „разрушают“, от корневой основы hark- „гибнуть, разрушаться“; даже в дальнейшем развитии языков Индии эти основы очень рано сделались тематическими, и пали, например, имеет bhindati „рассекает“; уже в ведийском языке мы встречаем только тематическое vindāti „находит“, тогда как „Авеста“ еще сохраняет древний атематический тип vīnasti „находит“, 3-е л. мн. ч. vindānti. В латинском засвидетельствована только новая тематическая форма: iungō „соединяю“ (ср. лит. jūngiu с суффиксом *-ye-), findō „раскалываю“,

linquō „оставляю“ и т. д.; то же и в балтийском: др.-прус. (po-)linka „остаётся“; в обеих этих языковых группах новая форма широко распространилась. Есть основание предполагать, что тематический тип. скр. siñcáti, ав. hinčaiti „лет“, при аористе скр. asicat „он лил“, в некоторых глаголах относится к индоевропейской эпохе.

Возьмем теперь двусложный корень, оканчивающийся на *u, как *welu- (лат. uoluō „качу“ и т. д., ср. стр. 184 и 196); основа с носовым инфиксом будет *w|_o-ne-u-: скр. v|_otrōmī „покрываю, закутываю“; от корня *steru-: *streu- (гот. strauja „рассыпаю“), *str-ne-u-: *str-n-u-: скр. strōmī „распространяю“, strnumāh „распространяем“, гр. στέρνυμι (с ū вместо eu под влиянием аналогии) „стелю“, στέρνυμεν „стелем“; от корня *(o)geu- (гр. ὀρούω „поднимаюсь“) *r-ne-u (*or-ne-u): скр. r-pō-mī „привожу в движение“, гр. ὀρνύμι „поднимаю“. Вследствие влияния аналогии *-neu-, *-nu- очень рано стало восприниматься как суффикс, и греческий язык использовал его для замещения древней атематической формы с инфиксом; так, ζεύγνυμι „соединяю“ при скр. yunākti, лат. iungō. Тип на *-nu- широко представлен в хеттском языке; так, при арм. aṭnum „беру“ (аор. aṭi „я взял“), в хеттском мы имеем apnumi „приношу, привожу в движение“.

Возьмем еще двусложный корень, оканчивающийся на долгую гласную *ā, чередующуюся с *э, например *menthā-, *mñthā-, засвидетельствованный скр. mānthi-tā „взбалтыватель“, mathā-yāti „взбалтывает“, mathi-tāh „взболтанный“, др.-сл. матж; мы ожидаем *mñth-ne-э, *mñth-n-э, и действительно, 1-е л. мн. ч. будет скр. math-ni-māh „взбалтываем“ (с I вм. i как отражением *э); что касается *mñth-ne-э, то как будто бы *еэ сливается в *ā, и мы получаем скр. mathnāmi; мы уже видели (стр. 146), что древние *уэ, *wэ отражаются в виде и.-е. *i, *ū; с морфологической точки зрения *ā играет ту же роль, что гласная + сонант (ср. выше стр. 178). Точно так же от корня *rewэ- (см. стр. 183): *runā-, runэ- в скр. runāmi „очищаю“, runimāh „очищаем“; в греческом, дор. δάμνῃμι „укрощаю“, δάμνῃμις при гом. ἐδάμνασθε, дор. ἐδάμνην; πέρνῃμι (πέρνῃμι) „просверливаю“, πέρνῃμεν при ἐπέρασθε, πτερῃσθε „продаю“; в древневерхненемецком ginōh „зеваю“ при лат. hīa-ge „зевать“, лит. žiō-ti „знять“. Это образование с инфиксом наблюдается лишь в корнях, у которых второй элемент *-ā-. В греческом есть тип δάμνῃμι, дор. δάμνῃμι „укрощаю“ с древним -ῃ-; в нем нет настоящего времени на -νῃ- с древним η, и ни в одном языке, где можно наблюдать различие между *-nā- и *-nē-, мы не встречаем образо-

вашии настоящего времени на *-nē-. — Получившееся таким образом *-nā-, как и *-ne-, в некоторых языках иногда распространяются и на недвусложные корни, и, например, от корня *bhendh- в санскрите образуется badhnāti „связывает“ — новая форма, не встречающаяся даже в иранском.

11. Вторичный суффикс *-ye/o- или *-yo-: *-i(-ī-). — В большинстве образований настоящего времени, употребляемых в исторически засвидетельствованных языках, наблюдается суффикс *-ye/o-.

В языках с наиболее ясными формами он служит для большинства образований настоящего времени от именных основ, так называемых отыменных; так:

от основ на *-s-: от скр. āpas- „дело“ — apas-yā-ti „действует“; от гр. τέλεσ- „конец“ — τελείω „оканчиваю“ (из *τέλεσ-уω); от гот. rīqis „тьма“ — rīqiz-ja „затмеваюсь“.

от основ на *-p-: от скр. vṛṣan „самец“ — vṛṣan-yā-ti „ярится“; от гр. *τεχτεν- (τέχτων „плотник“) — τεχταίνω „плотничаю“, от *ὄνομεν- (ὄνομα „имя“) — ὀνομαίνω „именую“; от гот. namīn- (namo) „имя“ — namija „называю“.

от основ на *-i-: от скр. janī- „женщина“ — janī-yā-ti „ищет жену“, ср. др.-сл. жѣнитъ сѧ; от гр. μῆνις „гнев“ — μηνίω „гневаюсь“.

от основ на *-e/*o-: от скр. vasnā „цена“ — скр. vasna-yā-ti „торгует“, ср. гр. ὠνο; „купля“ и ὠνέομαι „покупаю“; от *senē- „старый“ (скр. śānaḥ, лит. sėnas) — лит. senėju „старею“, лат. senē-ō; гр. δηλόω „объясняю“ от δηλος „ясный“; лит. dagūju „жию“ от dāgas „жатва“.

от основ на *-ā-: от скр. r̥ṣtanā- „сражение“ — r̥ṣtanā-yā-ti „сражается“; от гр. τιμά- „честь“ — τιμάω „почитаю“; от лит. (rā)sako „рассказ“ — (rā)sako-ju „рассказываю“; от др.-сл. котора- „сражение“ — котораж „сражаюсь“.

Сочетание конечной гласной основы с суффиксом *-ye/o- часто воспринималось как суффикс и давало новые образования; так, в латинском мы имеем opēgāti „работать“ от opera „работа“, и по аналогии отношения opus „дело“ и opēgāti было образовано uolpēgāre „ранить“ к uolpus „рана“ и т. п. В греческом формы, как ἵπτεώω „езжу верхом“ от ἵπτεός „всадник“ при ἵππος „лошадь“, породили тип на -εώω, весьма распространившийся; так, например, мы имеем θεράττεώω „прислуживаю, ухаживаю“, при θέραιψ „слуга“ (наряду с θεράττω „слуга“) и т. п. Новообразования этого рода многочисленны.

Суффикс *-уе/о- образует также глаголы в настоящем времени, производные от глаголов, так называемые отглагольные; таковы производные:

от интенсивов, как скр. *dediç-yá-te* „показывает“ от *dédiç-te* „показывает“; часто первичная форма не сохранилась, как в вед. *soçkū-yá-te* „покровительствует“; в греческом и славянском засвидетельствована форма со вторичным суффиксом; др.-сл. глаголы „говорю“, гр. *ποφύσσω* (из **ποφύσх-уш*) „дую“, *πυφάινω* (из **πυφάх-уш*) „сияю“;

от основ с носовым инфиксом, как лит. *jūng-iu* „привязываю“ при скр. *уnākti*, лат. *iungō*; атт. *κλίω*, лещб. *κλίνω* (т. е. **κλίν-уш*) „склоняю“ от **klinā-*, *klinə-*, ср. др.-сакс. *hlīpōn* „опираться“;

от основ на конечную долгую гласную, как гр. *μνά-ομι* „вспоминаю“ от **mnā-* (ср. выше стр. 226) и славянские итеративы типа -гнѣта-ѣ „даваю“.

Когда *-уе/о- следует непосредственно за корнем, нет основания рассматривать вследствие этого основу как первичную: такое настоящее время, как скр. *ráç-ya-ti* „смотрит“, лат. *spes-iō* „смотрю“, может быть отыменным от основы с нулевым суффиксом **spек-* „смотрящий“, например в лат. *au-spex* „смотрящий на птицу, птицегадатель“; такое настоящее время, как др.-сл. *вѣж-*, гот. *waí-a* „вею“, может быть производным от глагольной основы **wē-* с нулевым суффиксом, засвидетельствованной скр. *vā-ti* „веет“, гр. *ἄ(ι)η-σι*; гр. *θεινω* „бью“ — форма производная от атематической формы, сохраненной в скр. *hānti* = ав. *ǰainti* = хет. *kuenzi* „бьет“, остатком которой является греческое причастие *θεινών*, принятое за аорист и подавшее повод к образованию сослагательного и повелительного наклонений и инфинитива. Так же можно толковать и все глаголы, подобные гр. *τεινω* „тяну“, *σχιζω* „колю“, др.-сл. *лнжж*, лит. *lėžiū* „лнжу“ и т. д. (ср. выше стр. 217); это образование особенно часто встречается в балтийском и славянском.

Таким образом, как показывают приведенные примеры, суффикс *-уе/о- не имеет никакого самостоятельного значения: он служит просто для образования производных форм; но, вообще говоря, образования настоящего времени с этим суффиксом относятся к несовершенному виду (см. определение на стр. 220).

В индо-иранском, греческом, армянском, славянском и балтийском этот суффикс всегда тематический; в латинском, кельтском и германском [он имеет наряду с тематическими формами также

и атематические; так, с одной стороны, лат. *capio* „беру“, *capiant* „берут“, гот. *hafja* „поднимаю“, *hafjand* „поднимают“; с другой стороны, лат. *capis* „берешь“, *capit* „берет“, *capimus* „берем“, *capitis* „берете“; *sāgi-s* „чуешь“, *sāgi-t* (из **sāgi-t*) „чует“, *sāgimus* „чуем“, *sagi-tis* „чете“; гот. *hafjis* „поднимаешь“ (вместо **hafis*; старая форма сохранилась в западногерманском: др.-в.-нем. *hevis*, др.-сакс. *hefis*) и т. д., *sokeis* „ищешь“. Древнеирландский язык имеет *-gaib* „берет“ (из **gabīt*), *gaib* „бери“ (из **gabī*; ср., для конечной гласной, лат. *capere* из **capī*) и *-lēic* „оставляет“ (из **lēcīt*), *lēic* „оставь“ (из **lēcī*, ср. латинский тип *sāgi*); и он, следовательно, представляет формы, сходные с германскими и итальянскими. Это распределение соответствует типам лат. *sum, sumus; est, estis* или *ferō, ferimus* (из **feromos*): *fers, fert, fertis* (см. стр. 200). Наряду с настоящим временем на **-ā-ye/o-* и на **-ē-ye/o-* в латинском, в германском, в балтийском, а также в греческом, в эолийских говорах, есть формы на **-ā-*, **-ē-* (см. стр. 224), как лат. *senēs* „стареешь, ты стар“, *fugās* „обращаешь в бегство“, гот. *karom* „занимаемся“; лит. *jūstome* „опоясываем“; лесб. *τεχνῶμένω* „искусно сделавшего“. Эти формы с долгой гласной являются древними; в хеттском есть регулярное спряжение на *-ā-* производных глаголов, где одно *-ā-* фигурирует в 1-м и 2-м лицах ед. ч., а *-āi-* перед окончаниями, начинающимися на *t*; так, например, в настоящем времени изъявительного наклонения хет. *hatrāmi* „пишу“, *hatrāši* „пишешь“, *hatraizzi* „пишет“, 1-е л. мн. ч. (*hatrāweni*), *hatrāuni*, 3-е л. мн. ч. *hatrānzi*; в прошедшем времени 1-е л. ед. ч. *hatrānu*, 3-е л. ед. ч. *hatrāit*; таким образом, наблюдается чередование *-ā-* и *-āi-*, но нет возможности установить, происходят ли или не происходят формы с *-ā-* от редукции древнего *-āi-*; как бы то ни было, но структура индо-иранских производных глаголов на *-āya-* отныне может считаться следствием явлений нормализации, а ясный тип производных на **-yo-*: **-i-* несомненно происходит отчасти от вторичных выравниваний. Во всяком случае, в хеттском языке не обнаруживается здесь никаких остатков тематического типа; тип на *-ā/-āi-* полностью атематический, и сравнение с другими языками показывает, что здесь, как и всюду, тематическая гласная является вторичною.

У санскритских отыменных образований повышение тона обычно на суффиксе; так, в приведенных примерах *ṛtanāyāti* „сражается“ и т. д., но иногда и на предшествующем суффиксу элементе или на другом слогое именной основы: *mantrāyate* „проносит молитву“ (*māntra-* „молитва“); то же мы находим и в дру-

гих языках: русск. *играю* от *игра*; лит. *pāzako-ju* „рассказываю“ от *pāzaka*: гр. *τίμα-ων, τίμων* „почитающий“ от *τίμη* „честь“; в глаголах с суффиксом *-уе-, непосредственно следующим за корнем, тон лежит на предшествующем суффиксу элементе: скр. *ráç-ya-ti* „смотрит“, русск. *лижет* (основа сл. *Iiz-je-), лит. *šauk-iaš* „кричащий“, гр. *τείνω* „тянуть“, *τείνων* „тянущий“, гот. *hafja* „поднимаю“.

12. Суффикс *-ske/o-. — Форма этого суффикса устанавливается следующим соответствием: хет. 3-е л. ед. ч. -škizi, 3-е л. мн. ч. -škanzi; тох. В 3-е л. ед. ч. -iššam, 3-е л. мн. ч. -əskam; 1-е л. ед. ч. действ. зал. гр. -σχω = лат. -scō = др.-в.-нем. -sku; в санскрите -scha- и в авестийском -sa-; например, скр. *gáčhati*, ав. *jasaiti* „идет“ при гр. *βάσχω* „иду“ или скр. *icsháti*, ав. *isaiti* „желает“ при др.-в.-нем. *eiscōn* „спрашивать“, умбр. *eiscurent* „они требовали“; скр. -sch- = ав. -s- представляет нормальное фонетическое отражение индо-иранского *-sk- перед и.-е. *e; *k этого сочетания есть *k того типа, который сохранялся в *satəm*-языках (см. стр. 117 и сл.), а не *k; ибо в славянском санскритскому *icsháti* „желаю“ соответствует искж „ищу“; в скр. *icsháti* гуттуральная отражена так же, как в др.-сл. *иштѣтъ* (из **išcetū*) „ищет“, а в *icshánti* „желают“, где -anti восходит к древнему *-onti, изменение произошло по аналогии с *icsháti*.

Суффикс *-ske/o- вторичный: так, в греческом *γῆρας-σχω* „старею“ от *γῆρας* „старость“, *μέθυ-σχω* „пьянею“ от *μέθυ* „мед“; производные образования настоящего времени от основ на *-i- (ср. выше, стр. 232), как *εὐρί-σχω* „нахожу“, *ἀλι-σχομαι* „меня берут“, наряду с основами на *-ē-, как *εὐρί(στω)* (буд.) или на *-ō-, как *ἀλώ-νχι* (инфин. II аор.) и т. д.; в латинском *hiā-sce-re* „раскрываться“ от *hiāre* „знять“, *rube-sce-re* „краснеть“ от *rubēre* „быть красным“, (ob-) *dormi-sce-re* „засыпать“ от *dormi-re* „спать“ и т. д.; в иранском основа ав. *γῆσα* „просыпаться“, производная от основы на *-i-, как гр. *εὐρίσχω* и т. д.; ав. *taf-saiti* „нагревается“, производное от основы с нулевым суффиксом, засвидетельствованной причастием средн. залога скр. *tar-ānāh* „греющийся“, тогда как лат. *terē-scere* „нагреваться“ происходит от *terēre* „быть теплым“. Такая основа, как скр. *gáčhati* „идет“, ав. *jasaiti*, гр. *βάσχω* „иду“, произведена от основы с нулевым суффиксом, засвидетельствованной скр. *ágan*, арм. *ekn* „он пришел“ (см. стр. 215); основе с нулевым суффиксом, от которой произведены скр. *ṛścháti* „спрашивает“, ав. *rəgəsaiti*, лат. *poscō* (из **porcsōb*) „требую“, арм. *harçi* „я спросил“ (с *ç*, отражающим *sk), др.-в.-нем. *forscōn* „искать“ имеется, повидимому, соответ-

ствие с другой огласовкой, в тохарской форме 1-го л. ед. ч. прошедшего времени *prakwā* от корня, означающего „спрашивать“.

Что касается значения, то при помощи **-ske/o-* образуется настоящее время совершенного вида (см. определение на стр. 220); этот суффикс часто играет примерно ту же роль во вторичных образованиях, что носовой инфикс в первичных. В хеттском языке настоящее время на **-ske-* встречается часто; оно указывает на действие отчетливо завершенное или повторенное; таково должно быть древнее значение (ср. лат. *poscō* „требую“). В „тохарском“ оно образует употребительные каузативы. В армянском прошедшее время от древних образований настоящего времени на **-ske/o-* дает аористы всех регулярных глаголов: тип *sireac* „он любил“. Некоторые корни образуют параллельно форму на **-ske/o-* и форму с инфиксом; так, при форме с инфиксом скр. *jānāti* „знает“, гот. *kunpan* „знать“, в латинском мы находим (*g*)*nō-scō* „узнаю“ и в греческом *γνώσκω* (и чаще *γυνώσκω*) от основы аориста **gnō-*, засвидетельствованной гр. *γνώ-να*; древнеперсидский равным образом противопоставляет *adānā* „он знал“ и *xšnāsātiy* „узнал бы он“. При греческой форме с носовым инфиксом *κί-ν-ν-ται* „устремляется“, в авестийском мы встречаем *šusaiti* (из иран. **suu-za-*) от основы аориста с нулевым суффиксом **kuen-*, засвидетельствованной вед. *суáv-ānaḥ* „устремляющийся“ и гом. *ἔσσυτο* (из **e-kuu-to*) „бросился“; ср. скр. *суávate* „устремляется“ и гр. *σείω* „устремляюсь“.

13. Суффикс **-ne/o-*. — Этот суффикс служит для образования настоящего времени совершенного вида от корневых основ, особенно от основ аориста. В форме **-ne/o-* он наличествует главным образом в армянском, славянском и германском, а спорадически и в других языках: арм. *dnem* „кладу“ (из **dīnem*) произведено от основы аориста *dī-* = скр. *dhā-* (см. стр. 215); др.-сл. *станѣ* от *ста-* = скр. *sthā-*, др. *стѣ* (см. стр. 215); гот. *frainna* „спрашиваю“ (ср. выше скр. *prśhāti* и т. д.); гр. *πίνω* „пью“; лит. *aunù* „одеваюсь“ и т. д. Форма **-ne/o-* имеет ту же функцию в балтийском, армянском и греческом: лит. *būdinu* „бужу“, арм. *lkhanem* „оставляю“ от основы аориста **likhe-* = гр. *λίθη-* (форма с суффиксом здесь занимает место старой формы с носовым инфиксом, откуда скр. *gīpākti* „оставляет“, лат. *linquō* „оставляю“); гр. *ἀφάνω* „приношу“ от *ἀφέιν*. Греческий язык присоединяет этот суффикс к форме с носовым инфиксом, откуда *πυνθάνομαι* „узнаю“ при лит. *bundù* „просыпаюсь“. Несколько образований настоящего времени на **-ne/o-* произошли путем перехода форм на **-nā-* (см.

стр. 231) в тематический тип, например гр. *κάρνω* „устаю“ при *κάρματος* „усталость“, *κρητός* (*κρητός*) „обработанный“ и вед. *śamñiše* „стараешься“. Типы на *-ne/o- и на *-^one/o-, встречаемые в различных языках, являются результатом сложных новообразований и не отражают непосредственно индоевропейского состояния.

14. О некоторых других образованиях. — Кроме трех указанных выше вторичных суффиксов, было еще несколько других, от которых образовалось настоящее время совершенного вида.

Так, в греческом языке остался след суффикса *-dhe/o- в виде -*θε/o-*: дор. гом. *ἔσ-θε* „ем“, замещающее древнее атематическое настоящее время, ср. скр. *ád-mī* „ем“ (см. стр. 215); *πλή-θε* „я полон“, ср. *ἔ-πλη-το* и скр. *árgāt* „он наполнил“; *σχε-θε* „удержу“, ср. *ἔσχον*; *πελά-θε* „приближаюсь“ от *πελα-* и т. д.; то же самое *-dhe/o- мы встречаем в гот. *walda* „владею“, др.-сл. *владж* (из **voldo*), лит. *vėldu* при др.-ирл. *flaith* „господство“ и лат. *uolō, uolt* „хочу, хочет“ и т. д. — В греческом встречается также, например, *ἀνύτω* „совершаю“ при *ἀνύω*; др.-в.-нем. *flehtu* „плету“ при гр. *πλέκω*. — Др.-сл. *д в идж* при гр. *εἶμι* „пойду“ и т. д. и в *ѣдж* при вед. *yāmi* „еду“ может отражать и *d и *dh; следовательно, здесь должен быть либо суффикс *-de/o-, либо суффикс *-dhe/o-.

В греческом есть также суффиксы настоящего времени формы -*κω, -γω, или -χω*; так, *ὀλέκω* наряду с *ὀλλυμι* „гублю“, *ὄλεσα* „погубил“, *τέτρηκα* „режу“ при *τέτρηκα* „я разрезал“, *νήχω* „плыву“ при вед. *spāmi*.

„Тохарский“ язык широко использовал такого рода суффикс, характеризуемый фонемой -k-, отражающей гуттуральную любого качества — глухую, звонкую или звонкую придыхательную; так, например, от тохарского корня *rit-* „искать“ образуется причастие настоящего времени среднего залога тох. *A ritkāsmām*. Элемент *k- в атт. *ἔθη-κα* „я положил“ (мн. ч. *ἔθεμεν*), в лат. *fē-с-і* „я сделал“ (при скр. *adhāt* „он положил“), во фриг. *αδδα-κ-ετ* „он сделал“ и в гр. *ῆ-κ-α* „я бросил“ (*εἶμεν*, наст. вр. с удвоением *ῆ-η-μι*), лат. *iē-с-і* — тоже вторичный суффикс, но атематический.

2. ОСНОВЫ НАКЛОНЕНИЙ

Существуют специальные формы для следующих трех наклонений:

1. Изъявительного, характеризуемого отсутствием каких бы то ни было прибавок к „временной“ основе, как она описана выше.

2. Сослагательного, характеризуемого прибавкою к „временной“ основе тематической гласной *-е- (*-о-).

3. Желательного, характеризуемого прибавкою вторичного суффикса *-уē-: *-уэ- к атематическим формам, а в тематическом типе — дифтонгом *-oi-.

Повелительное наклонение, не характеризуемое никакой специальной формой основы, не может быть поставлено в один ряд с тремя наклонениями, как они нами определены.

1. Изъявительное наклонение. — Изъявительное наклонение указывает, что данное действие осуществлялось или не осуществлялось; например, у Гомера:

А 178: εἰ μάλα κάρτερός ἐσσι, θεός που σοὶ τό γ' ἔδωκεν „если ты очень силен, то это, конечно, тебе бог дал“.

2. Сослагательное наклонение. — Образование сослагательного наклонения ясно в атематическом типе:

изъявнт. наст. вр. скр. ás-ti „есть“, лат. es-t: сослагательное вед. ás-a-ti, ás-at = ав. anhaiti, anhat „был бы он“, др.-лат. esed (?), лат. er-i-t „будет“ (старое сослагательное является в латинском языке только в роли будущего времени);

сигматический аорист: сослагат. накл. вед. néṣ-a-ti, néṣ-a-t „вел бы он“ (со степенью огласовки *е, как в среднем залоге, а не ē, как в изъявительном действ. залога скр. ánaīṣam „я провел“), гом. ταῖσ-ο-μεν, ταῖσ-ε-τε „мы (вы) отомстили бы“;

перфект: сослагат. накл. скр. tatán-atī, tatán-at „потянул бы он“, гом. πεποιδ-ο-μεν „поверили бы мы“. Огласовка предшествующего окончанию слога есть *е, как, например, вед. véd-a-t „знал бы он“, гом. (f)εἰδο-μεν, fεἰδ-ε-τε „мы (вы) знали бы“ при (f)οἶδ-α „знаю“; огласовка *о гомеровского πεποιδομεν „поверили бы мы“ заимствована из формы πέποιδα. Повышение тона — на элементе, предшествующем суффиксу.

Аттические будущие ἔδομαι „буду есть“ и πίωμι „буду пить“ представляют собою сослагательное наклонение атематических форм, засвидетельствованных еще инфинитивом гом. ἔδμεναι „есть“ и повелительным аориста атт. πίθι: „выпей“.

В тематическом типе дело обстоит так, как будто характеристика наклонения *-е-, *-о- сливается с конечной гласной основы, что должно дать *-ē-, *-ō-: гр. φέρω-μεν, φέρη-τε „мы (вы) несли бы“, вед. bhárāti, bhārāt „нес бы он“, лат. ferē-s „будешь нести“ (старое сослагательное в роли будущего); огласовка элемента, предшествующего суффиксу, и место тона — те же, что и в изъявительном наклонении.

Сослагательное наклонение обозначает действие, на исполнение которого рассчитывают, либо потому, что его желают, как, например, вед. *agnīṃ stavāmi* „я хочу прославлять Агни (огонь)“, *ḥṛṇavad vācāṃsi me* „да услышит он мои слова“, и у Гомера:

у 296: ἄλλ' ἄγε (f)οι καὶ ἐγὼ δῶ ζείνον „но и я хочу ему дать гостинец“; либо потому, что его просто ожидают, как, например, вед. *viṣvāḥ pṛṭanā jāyāsi* „ты будешь побеждать во всех сражениях“, гом. Z 459: καὶ ποτέ τις (f)εἴησι „и кто-нибудь мог бы сказать“, или ε 465: ὦ μοι ἐγὼ, τί πάθω „увы, что мне предстоит?“

3. Желательное наклонение. — В атематических формах желательное наклонение характеризуется суффиксом *-уē-: *-уэ- (т. е. *-у- перед гласной и *-i- перед согласной); элемент, предшествующий суффиксу, имеет нулевую огласовку; повышение тона, смотря по обстоятельствам, то на суффиксе *-уē-, то на окончании:

основа *es-: скр. *s-yā-t*, *s-(i)ya-t* „да будет“, *s-y-ūh*, *s-(i)u-ūh* „да будут“; лат. *s-iē-s* „да будешь“, *s-i-mus* „да будем“ (откуда, по аналогии, *sim*, *sis*). Гр. εἶην „да буду“ приняло огласовку корня формы ἔστι „есть“.

основа *-dedō, *-dido: скр. *dad-yā-t* „да даст“, средний залог *dad-i-tá*; др.-сл. *дад-н-мъ* (от основы *dōd[ə]-), гр. *δίδω-ίν-ν*, *δίδω-ί-μεν*.

основа перфекта *wewort-, *wewūrt-: скр. *vavṛt-yā-t* „да повернет“, средн. зал. *vavṛt-i-tá*; также др.-в.-нем. 1-е л. мн. ч. *wurt-i-mēs* „станем“ (от герм. *wurd-i, где *ī* показывает, что тон стоял не перед суффиксом).

В древности должен был существовать тип на *-oi-, засвидетельствованный такими ведийскими формами, как *dṛṣeyam* „да увижу“, 3-е л. ед. ч. *dṛṣet*, при *adṛṣta* „мы увидели“. Это показывает, что тип гр. φέροι „да несет“ надо, с точки зрения древнейшего индоевропейского, разлагать φέρ-οι; анализ φέρ-οι объясняется вторично произведенным сближением между типом φέρομεν „несем“ и типом φέροι, где и.-е. сочетание *-oi- характеризовало желательное наклонение; следовательно, не нужно думать, будто *-i- было первоначально характеристикой желательного наклонения.

В самом деле в тематических формах желательное наклонение как будто бы характеризуется *-i-, образующим дифтонг с тематической гласной, каковой является *-o-; по общему правилу тематического типа, свойственные основе огласовка и место тона не меняются:

основа *bhéro: скр. *bhāre-t* „да несет“ гр. φέροι, гот. *baíraí*, др.-сл. *бѣри* (2-е л. мн. ч. *бѣрѣ-тѣ* „берите“), ср. лит. *te nešē* „пусть он несет“.

основа *widó-: скр. *vidé-t* „да найдет“, гр. (f)ἴδοι.

У желательного наклонения два различных значения:

1. Оно обозначает возможное в противоположность изъявительному наклонению, обозначающему реальность. Так, скр. *kāmáyeta* значит „может желать“ в следующей ведийской фразе: *kāmáyeta gā́jā samgrāḥ bhávitum* „царь может желать стать самодержцем“ или гр. *φέροιν* „могли бы снести“ в следующей фразе у Гомера:

Ε 303: ὁ δὲ χερμάδιον λάβε χειρὶ
Τυδείδης, μέγα (f)ἔργον ὃ οὐ δύο κ' ἄνδρες φέροιν

„а Тидид взял [в руку] [камень, большую тяжесть, какую не могли бы снести и два человека“.

В этом смысле желательное наклонение служит для выражения условия, как, например, у Гомера:

Κ 556: ῥεῖα θεός γ' ἐθέλων καὶ ἀμείνονας ἤπερ οἶδε
ἴππους δωρήσαιο

„бог, если бы захотел, легко мог бы подарить [коней] лучших, чем эти“

и в следующей ведийской фразе: {*yát ṛáseuḥ kṛavyádaṃ kuryuḥ* „если бы они пекли (мясо), они делали бы (его, т. е. огонь) плотоядным“.

2. Желательное наклонение обозначает нечто желаемое, как, например, у Гомера:

Σ 98: αὐτίκα τεθνάηιν „пусть умру я сейчас!“

и вед. *viśe sa kṣatrāya sa samádaṃ kuryāṃ* „создать бы мне вражду между народом (вайшьями) и знатью (кшатриями)!“ Отсюда употребление желательного наклонения в предписаниях: вед. *dāprati aṣṇiyātām* „пусть хозяева оба (т. е. хозяин и хозяйка) едят“.

Таким образом, оттенки смысла, выражаемые изъявительным наклонением, сослагательным и желательным, будут соответственно следующие: действие положительно утверждаемое — ожидаемое или возможное — только возможное.

III. СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛОВ

Спряжение глаголов выполняется при помощи трех приемов: окончания, чередования гласных и места тона.

А. ОКОНЧАНИЯ

Система глагольных окончаний включает несколько рядов. В греческом и в индо-иранском противопоставляются ряд окон-

чаний действительного залога и ряд среднего залога; внутри каждого из этих двух рядов, по крайней мере в отношении некоторых лиц — ряд первичных окончаний и ряд вторичных; сверх того мы здесь находим, только для изъявительного наклонения, ряд окончаний, свойственных перфекту, и наконец — характеристики повелительного наклонения. В каждом из этих рядов для каждого лица каждого числа есть своя особая форма. В этих языках, следовательно, окончание определяется, как только установлено: 1) действительного ли оно залога или среднего; 2) первичное или вторичное (либо перфекта изъявительного наклонения, либо повелительного наклонения); 3) 1-го, 2-го или 3-го лица; 4) единственного, множественного или двойственного числа. Так, окончание *-tzi* в гр. *tídzti* „кладет (для себя)“ есть окончание: 3-го лица, единственного числа, среднего залога, первичное. Сверх того, окончания (или конечные элементы слова) изъявительного наклонения настоящего времени и аориста отличаются отчасти в зависимости от тематического или атематического типа образования.

1. ОКОНЧАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА

(в греческом и в индо-иранском)

α. Так называемые первичные окончания

Единственное число. — 1-е лицо. В атематических образованиях **-mi*: скр. *ás-mi* „есмя“, гр. *εἶμι*, равным образом хет. *ešmi*, др.-сл. *късмь*, арм. *em*, алб. *jam*, гот. *im* (а также оск. *súm*, лат. *sum*). — Поэтому окончанию атематические формы настоящего времени носят удобное и подходящее имя глаголов на **-mi*: типы гр. *εἶμι* „пойду, иду“, *δίδωμι* „даю“, *τίθημι* „кладу“, *ἵστημι* „ставлю“, *δείκνυμι* „показываю“, *δαίτυμι* „укрощаю“ и т. д.

В тематических образованиях 1-е л. ед. ч. оканчивается на **-ō*: гр. *φέρω* „несу“, равным образом лат. *ferō*, гот. *baíra*, др.-ирл. *(do-)biur* (из **-berū*); лат. *uehō* „везу“, лит. *vezù* (из **vezū*); гат. *ṛəgəsā* „спрашиваю“; лат. *poscō* „требую“; в санскритском и в части иранских языков независимо друг от друга было добавлено еще окончание **-mi*, откуда скр. *bhārāmi* „несу“, *vāhāmi* „еду“, *ṛ̥śchāmi* „спрашиваю“; в славянском форма с прибавкою в конце носовой: др.-сл. *верѣ*.

2-е лицо: **-si*: скр. *é-si* „идешь“, атт. *εἶ* (из **ei-si*); дор. и гом. *ἔσ-σι* „еси“; равным образом хет. *kuēsī* „бьешь“, соответствующее скр. *hamśi*; др.-лат. *es-(s)* „еси“, арм. *es* (из **essi*).

скр. bhāra-si „несешь“, гот. baīri-s, лат. legi-s „собираешь, читаешь“, повидимому, не представляют индоевропейское состояние для тематического типа; окончанием было скорее *-ēi, на что указывают лит. peši (из *pešē) „несешь“, гр. φέρει-ς (с прибавкою -ς по образцу форм со вторичными окончаниями), др.-ирл. (do-)bīr. Как и в 1-м лице, гр. φέρω, и т. д., так и здесь в этой тематической форме мы не можем разграничить основу и окончание.

3-е лицо: *-ti: скр. ás-ti „есть“, гр. ἔσ-τι; равным образом хет. kuenzi „бьет“, соответствующее скр. hanti; др.-русск. ес-ть, др.-лит. es-ti, др.-ирл. is (из *es-ti), гот. is-t, лат. es-t.

скр. váha-ti „везет, едет“, др.-русск. везе-ть, гот. wigiþ, лат. uehi-t, может быть, и др.-ирл. berid (из *bereti?) согласно указывают, что в 3-м лице ед. ч. первичное окончание было то же как в тематическом, так и в атематическом типе; но гр. φέρει „несет“ не может восходить к форме с окончанием *-ti, а лит. vėžà „везет“, как и др.-ирл. (do-)beir (из *beret) предполагают конечное *-t; следовательно, в трех лицах единственного числа действительного залога первичные окончания тематического типа отличались от окончаний атематического типа.

Множественное число. — 3-е лицо: *-enti, *-onti в атематических формах без удвоения: скр. s-ánti „суть“, дор. ἐντι (вместо *ἐντι), ион.-атт. εἰσι; равным образом хет. kunanzi „бьют“, соответствующее скр. ghnanti; умбр. s-ent „суть“, гот. s-ind и лат. s-unt, др.-сл. с-хть (др.-русск. суть).

*-nti в атематических формах с долгим элементом, предшествующим окончанию, или с удвоением: вед. tákṣ-ati „плотничают“, др.-сл. ѢД-АТЬ, скр. dá-d-ati „дают“ (и.-е. *déd-nti), др.-сл. ДД-АТЬ (др.-русск. даять), дор. δίδω-ντι „дают“ (и.-е. *didə-nti), и в формах тематических: скр. bhāra-nti „несут“, дор. φέρο-ντι (атт. φέρουσι), гот. baīra-nd, лат. uehu-nt (др.-лат. tremonti) др.-сл. везхть (др.-русск. везуть).

β. Так называемые вторичные окончания

Вторичные окончания, как тематические так и атематические, трех лиц ед. ч. и 3-го л. мн. ч. отличаются от соответствующих первичных атематического типа только отсутствием *-i.

Единственное число. — 1-е лицо: *-m или *-n, смотря по фонетике данного языка: скр. ábhara-m „я нес“, гр. ἔφερο-ν; др.-сл. падъ „я упал“ (из *pōdo-n); скр. ásthā-m „я встал“, гр. ἕστη-ν; скр. syā-m „да буду“, лат. siē-m, гр. εἶη-ν; гр. ἕταισ-α (с -α, отражающим *-n); в хеттском прошедшем времени встречается то же *-n, прибавленное к другой характеристике 1-го лица -и-, откуда -ип.

2-е лицо: *-s: скр. ábhara-h „ты нес“, гр. ἔφερε-ς; др.-сл. паде „ты упал“ (из *rōde-s), скр. ásthā-h „ты встал“; гр. ἔστη-ς; скр. syā-h „да будешь“, лат. siē-s, гр. εἶη-ς; гот. witei-s „да знаешь“.

3-е лицо: *-t: скр. ábhara-t „он нес“, гр. ἔφερε (конечные смычные в греческом отпадают); др.-сл. паде „он пал“ (из *rōde-t), скр. ásthā-t „он встал“, гр. ἔστη; скр. syā-t „да будет“, др.-лат. siē-d, гр. εἶη; то же *-t встречается в хеттском прошедшем времени.

Множественное число. — 3-е лицо: *-ent, *-onti и *-nt (в тех же условиях, что и первичные *-enti, *-onti и *-nti): скр. āsan (из *āsant) „они были“; гр. φέροντες „да несут“; гом. ἦσαν „они шли“; гат. stānhaṭ „они встали“ (аорист на *-s-), др.-сл. вѣса; — скр. ábhara-n (из *ábhara-nt), гр. ἔφερον „они несли“; др.-сл. падж „они упали“ (из *rōdo-nt); на наличие конечного *-t указывают факты синтаксической фонетики ведийского языка, отражение в славянском и гр.-ев, -ов из *-нѹ, *-ѡн с последующей зубной смычной в гом. δάμεν, др. ἔγχοу и т. д. (краткие е, о предполагают, что -n- было первоначально в закрытом слоге).

Различение первичных и вторичных окончаний в других формах не столь отчетливо.

Для 1-го л. мн. ч. в индо-иранском различаются: первичное вед. -masi = ав. -mahī, скр. -mah; и вторичное, вед. -mā = ав. -ma; во всех других языках полное смешение: в греческом, в дорийском диалекте, -μεσ, в других диалектах -μεν (с неорганическим -ν, см. стр. 191), где носовой элемент напоминает такой же элемент в хеттском окончании -weni; в латинском -mus; в славянском — различные формы в зависимости от диалекта, все более или менее неясного происхождения: -мъ (форма др.-сл.), -мо, -ме, -мы; в лит. -ма; и т. д.

Для 1-го лица двойств. числа есть некоторое совпадение между индо-иранским и готским: первичное скр. -vaḥ, ав. -vahi, гот. bidjos „мы (оба) просим“, и вторичное: скр. -vā, ав. -va; в готском maḡu „мы (оба) можем“, sitaiwa „сядем мы (оба)“; в др.-сл. всюду -вѣ, в литовском -ва.

Для 2-го лица множ. числа в индо-иранском есть различие, заключающееся в противопоставлении th и t; первичное окончание скр. -tha = гат. -ḍā, вторичное — скр. -ta = гат. -tā. В прочих языках нет этого противопоставления. В хеттском языке для 2-го л. мн. ч. окончание -teni, напоминающее в ведийском тип на -thana. В латинском -tis с конечным -s, след которого, быть может, есть и в армянском.

В отношении 2-го и 3-го лиц двойств. числа наблюдаются значительные расхождения: санскрит различает 2-е л. -*thaḥ* и 3-е л. -*taḥ* — первичные, и 2-е л. -*tam*, 3-е л. -*tām* — вторичные; в греческом языке 2-е л. -*тов* первичное является также и вторичным; но атт. -*την* (древнее -*τῆν*) только вторичное, 3-е л. -*тов* обычно первичное, дор. -*τῶν* (атт. -*την*) — вторичное; в готском и в литовском только 2-е лицо: гот. -*tz* и лит. -*ta*, как первичные, так и вторичные; в др.-сл. 2-е л. -*та*, первичное и вторичное, 3-е л. -*те* и -*та* без различия значения (-*те* нельзя было бы ожидать для 2-го лица, потому что оно совпало бы с окончанием множественного числа). Таким образом, налицо форма специально вторичная для 2-го и 3-го лиц двойственного числа *-*tā* с конечной носовой или без нее (см. стр. 191).

Эти окончания — не единственные, от которых сохранились следы. Для 3-го л. мн. ч. в прошедшем времени у языков периферии есть окончание с характерной согласной **г*. Это окончание обнаруживается в тех случаях, когда вторичные окончания служат для указания прошедшего времени, а также в перфекте и в желательном наклонении. Так, в латинском языке есть тип *fēcēre* „они сделали“; в индо-иранском, в желательном наклонении, тип гат. *huāgē* „да будут“, скр. *suūḥ*, где -*uḥ* может восходить либо к *-*ḡ*, либо к *-*ḡš*, с особой трактовкой в конце слова. В перфекте: скр. *āsuh* „они были“, ав. *ānharē*; скр. *cikitūḥ* „они замечают“, ав. *čikōitērəš*; в тохарском В *weñāre* „они сказали“, а хеттский образует свои формы 3-го л. мн. ч. прошедшего времени окончаниями -*ir*, -*er*, тип *ešir*, *ešer* „они были“.

Во 2-м л. ед. ч. индо-иранский имеет в перфекте скр. -*tha*, ав. -*ḡa*, чему в греческом соответствует -*θα*; так, например, скр. *vēt-tha* „знаешь“, гат. *vōis-ta* (с *t*, вместо *ḡ*, после *s*), гр. (F) *οἶσ-θα*; равным образом гот. *waīs-t* и тип лат. *fēcis-ti* „ты сделал“ (с прибавлением -*i*); в хеттском здесь также в прошедшем времени окончание -*t*, -*ta*.

Для 1-го и 3-го л. ед. ч. мы находим в прошедшем времени и в перфекте характеристику **и* (**w*); она сохраняется в хеттском (с прибавлением -*n*) в окончании 1-го л. ед. ч. -*un*, обнаруживается в санскритской форме перфекта, после долгой гласной, типа *ajāñau* „я (он) узнал“, имеется в латинском языке (с прибавлением -*i* в 1-м л. ед. ч. и -*it* в 3-м л. ед. ч.) в типе *pōiī*, *pōiit* „я (он) узнал“ при *pōsti*, *pōrunt* „ты узнал, они узнали“, представлена в „тохарском“ формой 1-го л. ед. ч. (с прибавлением -*ā*), например, *prakwā* „я спросил“, и отражена в армянском в таких формах, как аорист *keḡaw* „он съел“ (-*w* представляет собою след старого **w* с каким-то последующим звуком).

В индо-иранском и в греческом перфект представляет некоторые особые окончания; мы уже видели, что некоторые из этих окончаний совпадают с древними окончаниями прошедшего времени; случайностью, повидимому, является то, что окончания 1-го л. ед. ч. типа скр. *véda* „знаю“, гр. (*f*)*οἶδ* не засвидетельствованы для прошедшего времени; дело идет о древнем *-а, специальный характер которого отмечен был на стр. 220; ирландская форма типа *sechain* „я пропел“ несомненно восходит к древней форме на конечное *-а, и та же форма на конечное *-а отражена также и в готском типе *wait* „знаю“. Форма 3-го л. эд. ч. оканчивается на *-е в гр. (*f*)*οἶδ-ε* „знает“, ср. скр. *véda* „знает“; это *-е было распространено вторичным окончанием 3-го л. ед. ч. в типе др.-лат. (Пренеста) *hēfhaked* и в др.-лат. *fēsed* „он сделал“; конечное *-е было также в той форме, которая представлена др.-ирл. *sechain* „он пропел“. У окончания *-а 2-го л. мн. ч. скр. *vid-á* „знаете“ нигде нет соответствий, так что не представляется возможным определить его первоначальную огласовку.

2. ОКОНЧАНИЯ СРЕДНЕГО ЗАЛОГА

Так называемые формы среднего залога не всегда обладали тем значением, какое вообще приписывается типу среднего залога; например, у Гомера прошедшее время от *φημι* „говорю“ часто бывает *φάτο* для 3-го л. ед. ч.; окончание, употребляемое для прошедшего времени, есть то же окончание с начальным *t, которое обнаруживается в хеттском прошедшем времени; мы видим здесь совпадение форм среднего залога с формами древнего прошедшего времени. — Так, вторичное окончание *-thaḥ* санскритского среднего залога напоминает окончание перфекта, скр. *-tha*, гр. *-θα*, хеттское окончание с начальным t и славянское *-тъ* типа *ѣсть* „ты был“ (наряду с *вѣсть* „он был“, которое нельзя отделить от типа гом. *φάτο*).

α. Первичные окончания и окончания перфекта

В греческом и в индо-иранском имеются первичные окончания трех лиц единственного и 3-го лица множественного числа, отличающиеся наличием *-ai от соответственных окончаний действительного залога, в которых на том же месте *-i. Поскольку этот

факт не засвидетельствован для других языков, его нельзя устанавливать как индоевропейский.

Единственное число.— 1-е лицо: гр. $\mu\alpha\iota$ (тематическое и атематическое); гр. $\tau\acute{\iota}\delta\epsilon\text{-}\mu\alpha\iota$ „кладу (для себя)“, $\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\text{-}\mu\alpha\iota$ „несусь“, с чем можно сближать др.-прусс. $asmai^2$ „есмь“, лит. $es\text{-}m\grave{i}$ (из $*es\text{-}m\acute{e}$); но балтийские формы малоказательны, так как в действительном залоге форма атематического типа не засвидетельствована; с другой стороны, в индоиранском окончание просто $*\text{-ai}$: скр. $bruv\text{-}\acute{e}$ „говорю“; тематическая форма тоже на $*\text{-ai}$, так, скр. $bh\acute{a}re$ „несу“ и равным образом др.-исл. $heite$ „называюсь“. Это приводит к предположению, что греческое $\mu\text{-}$ есть новообразование по аналогии с формой действительного залога. В перфекте у индоиранского $*\text{-ai}$ есть соответствия, не имеющие, однако, значения среднего залога: при скр. $tutud\text{-}\acute{e}$ „я толкнул“ мы находим лат. $tutud\text{-}i$ „я ударил“ и др.-сл. $\text{ѣ}\text{Ѣ}\text{-}\text{ѣ}$ „знаю“ (единственный пример в славянском).

2-е лицо; $*\text{-sai}$: скр. -se , гр. $\text{-}\sigma\alpha\iota$, лит. $\text{-}\acute{s}i$ (из $\text{-}\acute{s}\acute{e}$), гот. $\text{-}za$; скр. $dhat\text{-}\acute{s}\acute{e}$ „кладешь“, гр. $\tau\acute{\iota}\delta\epsilon\text{-}\sigma\alpha\iota$; скр. $bh\acute{a}ra\text{-}se$ „несешь“, гр. $\phi\acute{\epsilon}\rho\epsilon\text{-}\alpha\iota$.

3-е лицо: $*\text{-ai}$ в части атематического типа, вед. $\acute{s}a\acute{u}\text{-}e$ „лежит“, $dih\text{-}\acute{e}$ „доит“, как и в перфекте: скр. $tutud\text{-}\acute{e}$ „он толкнул“; $*\text{-tai}$: скр. $\acute{s}\acute{e}\text{-}te$ „лежит“, гр. $\kappa\acute{\alpha}\iota\text{-}ta\iota$; скр. $bh\acute{a}ra\text{-}te$ „несет“, гр. $\phi\acute{\epsilon}\rho\epsilon\text{-}ta\iota$.

Множественное число.— 3-е лицо: $*\text{-ntai}$: скр. $\acute{s}a\acute{u}\text{-}ate$ „лежат“, гот. $\kappa\acute{e}\text{-}ata$; скр. $bh\acute{a}ra\text{-}nte$ „несут“, гр. $\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\text{-}vta\iota$ „несутся“.

1-е лицо: гр.- $\mu\acute{e}\delta a$ форм $\kappa\acute{\alpha}\iota\text{-}\mu\acute{e}\delta a$ „лежим“, $\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\text{-}\mu\acute{e}\delta a$ „несемся“ есть одновременно и первичное и вторичное окончание; индоиранский противопоставляет первичное окончание $*\text{-madhai}$ (скр. -mahe , например в $dad\text{-}mahe$ „даем“, ав. -maide) вторичному $*\text{-madhi}$ (скр. $\text{-mah\acute{i}}$, гат. -maidi) из и.-е. $*\text{-medh\acute{e}}$, что может быть нововведением этого диалекта.

2-е лицо: первичное окончание в индоиранском $*\text{-dhwai}$: скр. -dhve , гат. $\text{-duy\acute{e}}$; вторичное окончание $*\text{-dhwam}$: скр. -dhvam , гат. $\text{-d\acute{u}m}$, ав. $\text{-d\acute{w}\acute{e}m}$ (с конечной носовой, повидимому, неорганической, см. стр. 191); это различие есть основание считать вторичным; в греческом $\text{-}\sigma\acute{\alpha}\delta\text{-}$ — окончание и первичное и вторичное. Латинское $loquimini$ „говорите“ — именная форма: др.-ирл. $labrithe$, $\text{-}labraid$ „говорите“ совпадают с формами действительного залога. Западные диалекты, германский, кельтский, итальянский, не дают, следовательно, ни одной специальной формы для 1-го или 2-го л. мн. ч. среднего залога.

Двойственное число. — Индо-иранский и греческий имеют разные формы, на которых видно влияние и окончаний двойственного числа действительного залога и множественного числа среднего залога.

β. Так называемые вторичные окончания

Некоторые вторичные окончания имеют *-о, чередуясь с *-е в тех случаях, когда первичные окончания сред. залога имеют *-аі.

Единственное число. — 1-е лицо. Греческий и индо-иранский не совпадают, как и для соответствующего первичного окончания. В греческом мы находим дор. -μᾶν, ион.-атт. -μην; дор. ἐθέ-μᾶν, ἐφέρó-μᾶν, ион.-атт. ἐθέ-μην, ἐφέρó-μην „я положил (для себя)“, ἐφέρó-μην „я носил (для себя)“ с -μ-, прибавленным, повидимому, по аналогии. В индоиранском — -і: скр. á-krī „я сделал“, гат. аој-І „я сказал“; это -і образует дифтонг с предшествующей тематической гласной: *(а)bhaga-i: скр. ábhare „я нес“, ав. baire, что, повидимому, указывает на и.-е. *-і; но в желательном наклонении — окончание -а, что представляет в индо-иранском нормальное отражение и.-е. *э после у: скр. bhárey-a, ав. varaу-a „да ношу я“. Поэтому можно предположить, не находится ли *-э, засвидетельствованное в индо-иранском, в чередовании с -ā-, засвидетельствованным гр. -(μ)-ᾶ-(ν).

2-е лицо: гр. -σο в ἐτίθε-σο „ты клаал (для себя)“, ἐθέ-ο „ты положил“, ἐφέρει-ο „ты носил“ и т. д.; индо-иран. *-sa, в сослаг. накл. гат. dānhā „дал бы ты“ (из *dā-sa), ав. varaē-ša „да несешь“; лат. -ге (из *-se) в sequē-ге „следуй“, ср. гом. ἐπε-ο. — Санскрит во всех случаях употребляет окончание -thaḥ, напоминающее др.-ирл. отложительное по labrithet „говоришь“. Сосуществование двух разных окончаний в диалектах индийском и иранском, с одной стороны, в италийском и кельтском, с другой, отметить следует.

3-е лицо: *-e/o в таких формах, как вед. áduh-a „он верил“, и *-te/o: скр. ádi-ta „он дал“, гр. ἔδο-το; скр. ábhaga-ta „он носил“, гр. ἐφέρει-το; лат. sequi-tu-г „следует“; оск. sakara-te-г „освящается“, умбр. he-г-te-г „хочет“.

Множественное число. — 3-е лицо: *-ento, *-onto, *-nte/o: вед. ás-ata „они сидели“, гом. εἶ-ατο; скр. ábhara-nta „они несли“, гр. ἐφέρó-ντο; лат. sequo-ntu-г „следуют“, ср. гом. ἔπο-ντο, оск. ka-г-a-nte-г „питаются“.

Окончания на *-г-

Для 3-го л. мн. ч. среднего залога в индо-иранском имеется окончание скр. -ге, -іге, ав. -ге: скр. сέ-ге, ав. sōi-ге „лежат“.

В бриттском есть формы на *-ig*, *-āg*, *-eg* безличного значения, причем лицо выражается местоимением в косвенном падеже: корн. *en tas a nef um gylwyr* „меня называют отцом небесным“, брет. *nem gueler* „меня не увидят“ или *ez consac'her* „тебя посвящают“. — В древнеирландском соответствующие формы имеют значение 3-го лица страд. залога: *berig* „его несут“; в дальнейшем к ним были образованы формы 3-го лица мн. ч., например *bertig* „их несут“; и даже в единств. числе *-g* присоединяется иногда к форме, имеющей уже окончание, как, например, *gaibthi-g* „его поют“ (ср. *gaibim* „пою“); только отложительные глаголы создали отсюда полное спряжение на *-g* (или соответственно на *-g* + гласная звукового качества *i* или *o*) в большинстве личных форм. — В итальянском умбрское сослагательное *ferag* „понесут“ и умбрское изъявительное настоящего времени *ier* „идут“ свидетельствуют о существовании безличной формы; в латинском языке *-g* является только в формах, уже имеющих окончания, в 3-м л. ед. ч. *uehi-tu-g* „везется“, т. е. „едет“, при 3-м л. ед. ч. вторичного окончания среднего залога в вед. *vāha-ta*; точно так же в 3-м л. мн. ч. *uehu-ntu-g*, а также и в других лицах: *uehor* „еду“ и *uehitur* „едем“; это спряжение на *-g* заступает место старых окончаний среднего залога; отложительные глаголы лат. *sequitur* „следует“ и др.-ирл. *sechithir* соответствуют основам, имеющим всегда окончания среднего залога — гр. *ἕταται*, скр. *sácate* „следует“.

В „тохарском“ также существуют окончания на *-g* со значением среднего-страдательного залога; как и в латинском, здесь, *-g* присоединяется к окончаниям, например тох. В. *kal-tr* „останавливается“.

Возможно, что **-g* являлось признаком индоевропейской безличной формы: в латинском 3-е л. ед. ч. на *-g* часто имеет безличное значение: *itur* „идут“. — Исчезновение форм на **-g* в большинстве диалектов объясняется аномальным характером формы, которая стояла особняком в индоевропейской морфологии и не сохранила почти нигде своего старого значения. Впрочем, характеристика средне-страдательного залога на *-g* сохранилась лишь в языках периферии, где вообще живучи остатки наиболее древних форм индоевропейского.

Повелительное наклонение (действительного залога и среднего).

Характеристики повелительного наклонения присоединяются к основе изъявительного; в отношении формы повелительное наклонение не может быть сравниваемо с желательным или сосла-

гательным, имеющими свои особые основы. Повелительное наклонение выражает решительное приказание и, таким образом, примыкает к утвердительному значению изъявительного наклонения.

2-е лицо единственного числа действительного залога характеризуется нулевым окончанием:

атематический тип: основа *ei-: гр. ἔξ-εἰ „выходи“, лат. i „иди“ (ex-i „выходи“), лит. eĩ-k „иди“ (с частицей -ki, -k); основа *st̥neu-: скр. st̥nu „распростирай“, гр. στέρνω;

тематический тип: скр. bhāra „неси“, гр. φέρε, арм. ber, гот. baír, др.-ирл. ber; скр. ája „веди“, гр. ἄγε, лат. age, арм. ac.

Атематические образования могут также принимать окончание *-dhi, присоединяемое к корню с нулевой ступенью огласовки: основа *ei-: скр. i-hí (из *i-dhi) „иди“, ав. i-ðī, гр. ἴθι; основа *es-: ав. z-dī „будь“, гр. ἴσθι; основа *weid-: скр. vid-dhi „знай“, гр. (F)ἴσθι.

Другим окончанием повелительного является скр. -tāt, др.-лат. -tōd (лат. класс. -tō), гр. -τω; в санскрите и в латинском оно служит окончанием и для 2-го и для 3-го лица, а в греческом только для третьего, но в некоторых говорах с прибавлением -s также и для 2-го лица, как, например, по свидетельству Гесихия, на Саламине говорили ἔλδεταις вместо ἔλθέ „приди“; скр. bhāra-tāt „неси, пусть несет“, гр. φέρε-τω; скр. váha-tāt „поезжай, пусть едет“, лат. uehi-tō; скр. vit-tāt „знай, пусть знает“, лат. es-tō „будь, пусть будет“. Можно думать, что эта и.-е. характеристика *-tōt, присоединяемая к форме с нулевым окончанием и не имеющая личного значения, была обособленным словом, вероятно, отложительным падежом указательного местоимения и.-е. *to-; равным образом, как и *-dhi, быть может, представляет древнюю частицу. Единственной подлинной характеристикой повелительного наклонения являлось бы в таком случае нулевое окончание, которое сохранилось для 2-го л. единств. числа действительного залога, но, если судить по употреблению основы *weghe- в форме с окончанием *-tōt, не относилось собственно ни к какому лицу и стало характеризовать специально 2-е лицо лишь вследствие особой частоты такого его употребления. Некоторые указания дают даже основание предположить, что в доисторическом греческом языке *φέρετω служило как для единственного, так и для множественного числа. Таким образом, можно предполагать существование такого древнейшего типа, при котором голая основа *bhere служила вообще для повелительного наклонения, как на это указывает структура формы.

Во 2-м лице множеств. числа действительного залога повеление выражается вторичным окончанием 2-го лица: скр. bhāra-ta „несите“; гр. φέρε-τε, лат. fer-te.

Для 3-х лиц единственного и множественного числа в индоиранском имеются такие формы, как скр. étu „пусть пойдет“, yāntu „пусть пойдут“ и bhāratu „пусть несет“, bhārantu „пусть несут“. Эти формы с конечным -и казались одиночными вплоть до открытия хеттского языка, в котором есть тип kuantu „пусть бьет“, kunantu „пусть бьют“, ср. скр. hāntu „пусть бьет“, hānantu „пусть бьют“.

Б. ОГЛАСОВКА ЭЛЕМЕНТА, ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО ОКОНЧАНИЮ

а. Тематический тип

Конечная гласная основы имеет чередование звуков *е: *о; это чередование сохраняется перед первичными окончаниями действительного залога в следующих парадигмах; следует иметь в виду, что формы, уже изменившиеся в этом отношении, здесь опущены и что, с другой стороны, гр. ἔχω „имею“ не находится ни в какой этимологической связи с гот. -wīga, лат. uehō „везу“.

	гр.	гот.	лат.	др.-сл.
ед. ч.	ἔχω	-wīga	uehō	ВЕЗЖ
	ἔχεις	-wīgis	uehis	ВЕЗЕШН
	ἔχει	-wīgīþ	uehit	ВЕЗЕТЪ
мн. ч.	ἔχομεν	-wīgam	—	—
	ἔχετε	-wīgīþ	—	ВЕЗЕТЕ
	дор. ἔχοντι	-wīgand	uehunt	ВЕЗЖТЪ
дв. ч.	ἔχετον	—	—	ВЕЗЕТА
	ἔχετον	—	—	ВЕЗЕТА

Также и перед вторичными окончаниями действительного залога:

	гр.	др.-слав.
ед. ч.	ἔφερον	ПАДЪ „я упал“ (-ъ из *-on)
	ἔφερες	ПАДЕ (-ε из *-es)
	ἔφερε	ПАДЕ (-ε из *-et)
мн. ч.	ἔφερομεν	ПАДОМЪ
	ἔφερατε	ПАДЕТЕ
	ἔφερον	ПАДЖ (ж из *-ont)
дв. ч.	ἔφερέτων	ПАДЕТА
	ἔφερέτην	ПАДЕТА

Древнейший ирландский литературный текст, „Камбрейская проповедь“, имеет еще о в 3-м лице мн. ч.: *tuthegot* „(которые) приходят“.

Точно так же и в среднем залоге: гр. *φέρωμι, φέρεμι, φέρεται, φερόμεθα, φέρεσθε, φέρονται* и *ἐφέρωμι, ἐφέρομι, ἐφέρεται, ἐφερόμεθα, ἐφέρεσθε, ἐφέροντο*.

Таким образом, тематическая гласная имеет звуковое качество *о в 1-м лице единств. числа, в 1-м и 3-м множественного, *е — во 2-м множественного и во 2-м и 3-м двойств. числа.

β. Атематический тип.

У элемента, предшествующего окончанию, огласовка *е или *о (в перфекте регулярно *о) в трех лицах единственного числа действительного залога при первичных и вторичных окончаниях и в некоторых формах повелительного с нулевым окончанием, а в остальных формах — огласовка нулевой степени. Так, в отношении спряжения с первичными окончаниями действ. залога:

	скр.	гр.
ед. ч.	<i>é-mi</i> „иду“	<i>εἶμι</i>
	<i>é-si</i>	<i>εἶ</i> (из * <i>ei-si</i>)
	<i>é-ti</i>	<i>εἶσι</i> (из <i>εἶ-τι</i>)
мн. ч.	<i>i-máh</i>	<i>ἴμεν</i>
	<i>i-thá</i>	<i>ἴτε</i>
	<i>y-ánti</i>	<i>ἴ-ῥσι</i>
дв. ч.	<i>i-tháh</i>	<i>ἴ-των</i>
	<i>i-táh</i>	<i>ἴ-των</i>
повел. н. —	—	(ἐξ-)εἶ
	<i>i-hi</i>	<i>ἴ-θι</i>

Или, точно так же, в типе на *па-скр. *ρᾶπάμι* „наполняю“, дор. *δάμπαμι*, гр. *δάμνημι* „укрощаю“

	скр.	дор.	атт.
ед. ч.	<i>-ná-mi</i>	<i>-vā-mi</i>	<i>-vη-mi</i>
	<i>-ná-si</i>	<i>-vā-ς</i>	<i>-vη-ς</i>
	<i>-ná-ti</i>	<i>-vā-τι</i>	<i>-vη-σι</i>
мн. ч.	<i>-ní-máh</i>	<i>-vā-μες</i>	<i>vη-μεν</i>
	<i>-ní-thá</i>	<i>-vā-τε</i>	<i>-vη-τε</i>
	<i>-n-ánti</i>	<i>-vā-ντι</i>	<i>-vη-σι</i>
дв. ч.	<i>-ní-tháh</i>	—	<i>-vā-των</i>
	<i>-ní-táh</i>	—	<i>-vη-των</i>

И в перфекте без удвоения:

скр.	гр.	гот.
ед. ч. véd-a „знаю“	Ἔοιδ-α	wait
vét-tha	Ἔοισ-θα	wais-t
véd-a	Ἔοιδ-ε	wait
мн. ч. vid-má	Ἔιδ-μεν	wit-um
vid-á	Ἔισ-τε	wit-uþ
vid-uþ	(Ἔισ-σιν)	wit-un

или в перфектах с удвоением: гом. μέμον-α „я устремился“, μέμν-μεν.

В 1-м и во 2-м л. мн. ч. при вторичных окончаниях в индо-иранском и греческом мы встречаем часто огласовку *е там, где по общему правилу мы ожидали бы огласовку без *е: так, например, скр. ágā́t „он пришел“, дор. ἔβᾱ, 3-е л. мн. ч. скр. ág-uḥ „они пришли“ (с нулевой огласовкой), но скр. ágā́ma „мы пришли“, гом. ἔβημεν; скр. ákar „он сделал“ и ákr-an „они сделали“, но 1-е л. мн. ч. ákar-ma, 2-е л. мн. ч. ákar-ta; скр. syá́-t „да будет“ и sy-uḥ „да будут“, но 1-е л. мн. ч. syá́-ma, 2-е л. мн. ч. syá́-ta. И в настоящем времени при скр. s-thá „есте“ мы находим: гр. ἔσ-τε, др.-сл. ѣс-те, лат. estis при др.-сл. с-жтъ, лат. s-unt.

В настоящем времени огласовка *ѳ элемента, предшествующего окончанию, отчетливо не сохранилась; ее можно лишь предполагать, судя по формам, перешедшим в тематический тип, как гот. mala „мелю“, лит. malù (см. стр. 219). В аористе греческий язык дает ясные формы, как то: ἐβίω „я жил“ при ζῆν „жить“; ἔγνων „я узнал“ при др.-в.-нем. kñān „знать“ (см. стр. 182).

В некоторых основах с нулевым суффиксом есть также следы чередования *ѳ: *ѳ̄; так, например, вед. táṣ-ṭi „строит“, 3-е л. мн. ч. tákṣ-ati „строят“ (встречается всего один раз); лат. ēs-t (по свидетельству одного грамматика) „ест“: ed-unt „едят“; одна из форм основы в таком случае обычно обобщается: санскрит имеет at-ti „ест“ по образцу ad-ánti „едят“, а русский язык — *ѳдятъ* (др.-сл. ѳд-атъ) по образцу *ѳстъ* (др.-слав. ѳстъ).

Некоторые аористы от двусложных корней обобщили форму с долгим сонантом, как, например, скр. ábhūt „он был“ = гр. ἔφϋ.

Перед окончаниями среднего залога элемент, предшествующий окончанию, имеет обычно огласовку без *е; так, в типе скр. rṣā́mi „наполняю“, гр. ῥάμνημι „укрощаю“:

первичные окончания

	скр.	гр.
ед. ч. -n-é		-va-μαι
-nī-ṣé		-va-σαι
-nī-té		-va-ται
мн. ч. -nī-máhe		-va-μεθα
-n-até		-va-υται

вторичные окончания

3-е л. ед. ч. -nī-tá	-va-το
----------------------	--------

Противопоставление огласовок ясно выражено в санскрите:

	действ. залог	средн. залог
первичн. оконч.	brávi-ti „говорит“	brū-té
	juhó-ti „совершает возлияние“	juhu-té
	yunák-ti „соединяет“	yuñk-té
	aṣnó-ti „достигает“	aṣnu-té
перфект	cikét-a „он заметил“	cikit-é
вторичн. оконч.	áṣno-t „он достиг“	áṣnu-ta
	ákara-(t) „он делал“	ákṛ-ta
	brūyā-t „да говорит он“	bruvi-tá

То же самое противопоставление видно в греческом в следующих формах:

первичн. оконч.	τίθη-μι „кладу“	τίθε-μαι
перфект	τέτροφ-α „я напитал“	τέτραφ-μαι
вторичн. оконч.	ἐτίθη-ν „я клал“	ἐτίθε-μην

Однако у некоторых простых корневых основ, допускающих только окончания среднего залога, была огласовка *е в предшествующем окончанию элементе:

вед. śáu-e „лежит“	гр. κεί-ται
vás-te „одевается“	(f) ἔσ-ται
ás-te „сидит“	ἦσ-ται

и точно так же гр. κρίμαται „вишу“, σταύται „хвалится“ и т. д., ав. staota „он прославил“.

В. МЕСТО ПОВЫШЕНИЯ ТОНА

Каждая глагольная форма, смотря по ее положению и роли в предложении, могла нести на себе тон или не иметь тона; это состояние сохранилось в ведийском языке, и постоянное перенесение тона дальше от конца слова в греческом объясняется этим же явлением.

В тонических формах тематического типа тон падает на один из слогов основы, на один и тот же во всем спряжении каждой данной основы; так, скр. bhāra-ti „несет“, bhāra-nti „несут“, no sṛjā-ti „выпускает“, sṛjā-nti „выпускают“.

Наоборот, в тонических формах атематического типа тон может падать на основу и на окончание, и место его меняется с изменением формы. Если судить по большей части санскритских и германских форм, тон падал на элемент, предшествующий окончанию, в трех лицах единств. числа действ. залога, и на окончание в прочих числах действ. залога:

скр. é-mi „иду“	imáh „идем“
véd-a „знаю“	vid-má „знаем“
yunák-ti „соединяет“	yuñj-ánti „соединяют“
jagrábh-a „я схватил“	jagṛbh-má „мы схватили“

Точно так же др.-в.-нем. zēh (из герм. *taih) „я показал“ при скр. didéç-a, и др.-в.-нем. zig-up „они показали“, при скр. didiç-ûh, предполагают *dóik₁-a: *dik₁-ñt.

В ведийских формах настоящего времени с удвоением тон лежит то на удвоении, то на окончании: скр. bíbhar-mi „ношу“, bíbhr-máh „носим“; dádhā-mi „кладу, ставлю“, dadh-máh „кладем“, dádh-ati „кладут“.

В личных формах греческого спряжения, кроме некоторых форм повелительного наклонения, место тона регулируется общим правилом и потому больше не имеет значения; но именные формы, причастия и инфинитивы, сохраняют следы прежнего места тона: i-ών „идуший“ соответствует скр. i-máh „идем“, τιθείς „кладущий“ — скр. dadh-máh „кладем“ и т. д. Если, поэтому, в ведийском сигматическом аористе тон постоянно остается на основе, как, например, в средн. залоге vām-s-i „я выиграл“, и если в греческом соответствующие причастия и инфинитивы имеют всегда тон на корневом элементе (τείσαι „отомстить“, τέισας „отомстивший“), то отсюда мы можем заключить, что в индоевропейском тон сигматического аориста не переходил на окончание (см. стр. 228).

Что касается окончаний среднего залога, то в санскрите они обычно имеют на себе тон, как, например, yuñkté „соединяет“, jagṛbhé „я схватил“; однако в типе скр. çāye, çéte „лежит“ тон на начальном слого, как и в греческом причастии κεκλιμένος „лежащий“, тогда как место тона причастия λελειπμένος „оставленный“ явно указывает на древность ударения в перфекте скр. jagṛbhé на последнем слого. В типе настоящего времени с удвоением гр. διδοσθα

„давать“, *δίδωμενος* „дающий“ соответствуют скр. *dāde* „даю“ и показывают, что передвижения тона происходили во всяком случае в настоящем времени не между предшествующим окончанию элементом и окончанием, а между началом слова и окончанием, т. е. как и в имени.

Г. ПРИРАЩЕНИЕ

Приращение состоит из элемента *е-, который может быть помещен перед формами изъявительного наклонения, имеющими вторичные окончания. Оно встречается только в одной группе диалектов, имеющих и другие общие черты, как то: запретительную частицу *тѣ (скр. *mā*, арм. *mí*, гр. *μή*): в индо-иранском, армянском и греческом; другие языки его не знают, так что на него можно смотреть как на диалектальное явление в индоевропейском.

В ведийском приращение имеет тон в тонических формах:

вед. <i>á-bharat</i> „он нес“	арм. <i>e-ber</i>	гр. <i>ἔ-φερε</i>
<i>á-dhāt</i> „он положил“	<i>e-d</i>	<i>ἔ-θηκε</i>
скр. <i>á-ricat</i> „он оставил“	<i>e-likh</i>	<i>ἔ-λιπε</i>

Перед сонантами оно допускает форму с долгой гласной *ē, как в вед. *á-vṛṇak* „он повернул“, гом. *ἦ(F)εἶδεις* „ты знал“ или в атт. *ἦα* „я шел“, *ἦμεν* „мы шли“, вед. *aíma* „мы шли“. Когда основа начинается на гласную в собственном смысле, приращение сливается с нею уже в индоевропейскую эпоху:

основа *es-: скр. *áḥ* „он был“, дор. *ἦς*.

основа *ág₁e-: скр. *ájat* „он вел“, дор. *ἄγε*, атт. *ἦγε*, арм. *ас* „он провел“.

Приращение не составляет части глагола; в гомеровском языке и в ведийском употребление приращения факультативно, и мы находим в одинаковом смысле формы как гом. *ἔφερε* и *φέρε*, вед. *ábharat* и *bhárat* „он нес“; древнейшие кипрские надписи обнаруживают как будто бы формы прошедшего времени без приращения, как, например, *χεφα* „я налил“; в армянском приращение употребляется только в тех формах аориста, которые без этой прибавки были бы односложны: *e-ber* „он нес“ противопоставлено *ber-i* „я нес“; у Гомера, в ведийском языке и в пракритах присутствие или отсутствие приращения стоит также в связи с длиной слова: мы всегда читаем у Гомера *ἔσχε* „он имел“, никогда не **σχε*.

В греческом языке правило, согласно которому тон не может отступать назад далее первой приставки (*πικρ-έν-θες* „вставь“, а не

* $\pi\acute{\alpha}\rho\text{-}\epsilon\nu\text{-}\theta\epsilon\varsigma$), применяется и к приращению, и мы находим $\pi\acute{\alpha}\rho\text{-}\epsilon\text{-}\sigma\chi\omicron\nu$ „я доставил“, а не $\pi\acute{\alpha}\rho\text{-}\epsilon\text{-}\sigma\chi\omicron\nu$, $\epsilon\nu\text{-}\eta\sigma\chi\upsilon$ „они находились“, а не * $\xi\upsilon\text{-}\eta\sigma\chi\upsilon$. С этой точки зрения приращение в греческом рассматривается как глагольная приставка, т. е. как первоначально самостоятельное слово. В индоевропейскую эпоху оно не представляло необходимой составной части глагольной формы; действительно, в индоевропейском неизвестна префиксация.

Д. ЗНАЧЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Каждая из категорий, различаемых в морфологии, имеет свое особое значение.

1. Число. — Санскрит, авестийский, готский, древнесеверный рунический, древнеславянский, литовский и некоторые древнегреческие диалекты (главным образом древнеаттический) сохранили различение трех индоевропейских чисел: единственного, множественного и двойственного.

Для выражения числа достаточно одной глагольной формы: $\phi\acute{\epsilon}\rho\epsilon\iota\varsigma$ относится только к одному лицу, $\phi\acute{\epsilon}\rho\epsilon\tau\epsilon$ — к неограниченному числу лиц свыше двух, $\phi\acute{\epsilon}\rho\epsilon\tau\omicron\nu$ — к двум; никакого местоимения не надо прибавлять.

2. Лицо. — Как и число, индоевропейская глагольная форма выражает и лицо без прибавки местоимения. Там, где местоимение является в предложении, оно имеет значение самостоятельного слова: лат. *amas at esurio* значит „ты любишь, а я голодаю“, а *tu amas at ego esurio* „ты-то любишь, а я-то голодаю“. Гр. $\sigma\lambda\pi\iota\zeta\epsilon\iota$ безо всякого „подлежащего“ значит „кто-то играет на трубе“, „он играет на трубе“.

С точки зрения современного человека такой „безличный“ глагол, как гр. $\beta\acute{\alpha}\iota$ „дождь идет“, означает, что „дождь падает“, но древнее значение было другое: так как каждое явление природы считалось результатом деятельности какого-то существа, подобного живому существу, то $\beta\acute{\alpha}\iota$ означало „божество, дух дождит“; и действительно, у Гомера нет формы $\beta\acute{\alpha}\iota$, но зато дважды (M 25 = ξ 457) встречается следующее выражение:

$\beta\acute{\alpha}\iota$ δ' $\acute{\alpha}\rho\alpha$ $Z\epsilon\upsilon\varsigma$ „а Зевс дождал“.

По-латыни говорили *Ioue tonante* „когда Юпитер гремит“ и т. д. Еще характернее ведийское выражение *vāto vātī* „ветер веет“. Явления природы обозначаются, следовательно, не безличными глаголами, а третьими лицами, подлежащие к которым — более или менее смутно представляемые божества — точно не обозна-

чены. — Действительно безличными индоевропейскими глаголами были те, на существовании которых указывают изученные нами формы на *-r- (см. стр. 247 и сл.).

3. Действительный залог и средний, залог. — В индо-иранском и греческом окончания среднего залога показывают, что субъект лично заинтересован в процессе, тогда как окончания действительного залога не выражают этого оттенка; скр. *vāste*, гр. (F)ἔσται „одевается“; гр. *θύω* значит „я приношу жертву“, *θύομαι* „я приношу жертву, чтобы получить что-либо“; жрец, совершающий жертвоприношение для другого, говорит (вед.) *yājāmi* „приношу жертву“; человек, который вместе с жрецом принимает участие в жертвоприношении, совершаемом в его пользу, говорит (вед.) *yāje* „приношу жертву (для себя)“; гр. *ἄγει*, скр. *ájati* значит „ведет“, *ἄγεται*, *ájate* „ведет для себя или с собою“, так, например, у Гомера:

Δ 19: ἄγει δ' Ἀργείην Ἑλένην Μενέλαος ἄγειτο

„тогда пусть Менелай берет с собою аргивянку Елену“.

В греческом языке форме *λούω* „мою“ противопоставляется *λούεται* *τῆς χεῖρας* „моет себе руки“ и точно так же вед. *rápí āva nepikte* „моет себе руки“. Действительный зал. скр. *gácchati* „идет“ противопоставляется среднему залогу *gácchate* „сходится, встречается с...“. Средний залог не есть возвратный, но он выражает часто значения, близкие к возвратному. Оттенок значения, отличающий средний залог от действительного, ясно выступающий в приведенных примерах, иногда становится неуловимым, и любопытным, например, представляется то, что формы, служащие для будущего времени, нормально имели в общегреческом окончания среднего залога, будь то *ἔδομαι* „сьем“ — древнее сослагательное наклонение, при *ἔσθίω* „ем“, или *πάσομαι* „стерплю“ — древний desiderativ, при *πάσχω* „терплю“.

Индоевропейский глагол представляет действие прежде всего как деятельность определенного действующего и почти не имеет образований со страдательным значением. Но формы, употребляемые без дополнения, как гр. *φέρω* и *φέρομαι*, означали одновременно и „несу“ и „несусь“, как это было показано на стр. 213; однако форма среднего залога *φέρομαι* благодаря своему особому значению более подходила для выражения страдательного залога, и такое ее использование не является редкостью в греческом языке, особенно в перфекте, который, по самому своему смыслу, легче принимает страдательное значение, нежели настоящее время

и аорист; формы с окончаниями среднего залога дали страдательный залог в готском: *nasjada* „он спасен“; реже встречается это страдательное значение в индо-иранском.

Некоторые глагольные основы, вследствие своего значения, получили, как общее правило, окончания среднего залога; так, скр. *sácate* „следует“, ав. *haçaite*, гр. *ἕπεται*, лат. *sequitur*, др.-ирл. *sechethar* (тип латинских и древнеирландских отложительных глаголов в сочетании с окончаниями на *-r). Но здесь нет ничего абсолютного; отсутствие возвратности в лит. *sėka* „следует“ указывает на древнюю форму с окончаниями действительного залога; а в противоположность образованиям настоящего времени среднего залога скр. *áste*, гр. *ἵσται* „сидит“ в хеттском мы находим форму действительного залога *ēšzi* „сидит“. Бывает, впрочем, что при том же самом смысле в настоящем времени и в аористе оказываются только окончания среднего залога, а в перфекте — окончания, ему свойственные и не имеющие, по правде говоря, с индоевропейской точки зрения, вовсе характера „действительного залога“: гр. *γίγνομαι* „рождаюсь“, *ἐγενόμην* „я родился“ (аорист), но *γένονα* „я родился“ (перфект). Распределение окончаний действительного залога и среднего может даже колебаться в отношении одной и той же основы: Гомер знает только окончания действительного залога для настоящего времени *φῆμι* „говорю“; но в прошедшем времени *φάτο* употребительнее, чем *φῆ*, не отличаясь от него по смыслу.

4. Значение первичных и вторичных окончаний и приращения. — Различие в значениях первичных и вторичных окончаний не может быть сведено к простой формуле.

Здесь мы будем иметь дело только с изъявительным наклонением настоящего времени и аориста; у перфекта изъявительного наклонения свои особые окончания; у желательного наклонения только вторичные окончания: скр. *suāt* „да будет“, гр. *εἴη*: в сослагательном наклонении греческий язык знает только первичные окончания, например *φέρω* „нес бы я“, *φέρωσι* „несли бы они“, а индо-иранский дает формы и с первичными и со вторичными окончаниями: вед. *ásati* и *ásat*, ав. *añhaiti* и *añhať* „был бы он“, без заметного различия в значении.

В изъявительном наклонении первичные окончания обозначают действие, осуществляющееся в момент речи, происходит ли оно только сейчас, как гр. *φέρω* „несу“, или вообще всегда, как лат. *homo mortalis est* „человек смертен“. Форма с первичным окончанием может употребляться в санскрите с *purā* „раньше“, а у

Гомера с *πάρος* „раньше“ для обозначения чего-либо, действительно существующего с определенного времени и еще не прекратившегося, например:

Δ 264: ἀλλ' ὄρσεν πόλεμόν δ' οἶός πάρος εὐχεσθαι εἶναι
„но ступай в бой (таким), каким ты себя считаешь давно“.

Вторичные окончания часто показывают прошедшее время: вед. *bhárati*, гом. *φέρει* значат „несет“, вед. *bhárat*, гом. *φέρει* значат „он нес“; гом. *λίπε* „он оставил“ и т. д., а так же гом. $(F)ε(F)ικτην$ „они двое походили“, при $(F)έ(F)ικτον$ „они двое похожи“. Но так как вторичные окончания употребляются не только в этом значении, то это выражение прошедшего времени двусмысленно; оно могло быть точнее обозначено приращением, но только в группе смежных диалектов: в индо-иранском, армянском и греческом: там, где вторичное окончание сопровождается приращением, форма обозначает только прошедшее время: так скр. *ábharat* „он нес“, гр. *ἔφερε*, арм. *eber* „он снес“; гр. *ἔλιπε*, арм. *elikh* „он оставил“. Когда одна и та же основа допускает и первичные и вторичные окончания, формы с первичными окончаниями представляют настоящее время в собственном смысле: скр. *bhárati* „несет“, гр. *φέρει*, а формы со вторичными окончаниями, с приращением или без него, — имперфект: скр. $(á)bharat$ „он нес“, гр. $(ἔ)φερε$. В славянском, где приращения нет, сохранилось лишь несколько форм изъявительного наклонения, в которых основа настоящего времени со вторичными окончаниями выражает прошедшее время; эти формы служат аористами; таковы др.-сл. падеж „он упал“ (с -ε -из *-e-t) при падежъ и формы 2-го и 3-го л., как рече „он сказал“ при речеть. Следовательно, в индоевропейском противопоставление настоящего времени и прошедшего выражается при помощи вторичных окончаний и, сверх того, при помощи приращения, но последнее — только в небольшой группе диалектов.

В ведийском языке формы изъявительного наклонения со вторичными окончаниями и без приращения допускают также значение почти тождественное со значением сослагательного наклонения: *bhárat* „нес бы он“, в особенности же с запретительным отрицанием *má*: *má bharaḥ* „не носи“, *má bharat* „пусть не несет“; то же самое мы встречаем и в иранском, в гатах „Авесты“; такое употребление этих форм называют инъюнктивом; оно не засвидетельствовано сколько-нибудь отчетливо вне индо-иранского. Употребление вторичных окончаний в формах изъявительного наклонения, служащих для выражения желания или запрещения, согла-

суется с употреблением тех же окончаний в желательном наклонении и, отчасти, в сослагательном.

О значении основ настоящего времени и аориста. — В индо-иранском, греческом, армянском и славянском один и тот же корень обычно дает одно или несколько образований настоящего времени и аориста, причем каждое имеет особую основу; так, в греческом φεύγειν „бежать“, φυγεῖν „убежать“; μένειν „оставаться“ и μίμνεν „упорно выдерживать“, μέιναι „остаться“; γίγνεται „рождаться“, γενέσθαι „родиться“; ἄγειν „гнать“, ἀγαγεῖν „угнать“; γράφειν „писать“, γράψαι „написать“; δείκνυμι „показывать“, δείξει „показать“; τίθειμι „класть“, θεῖναι „положить“ и т. д.; в ведийском: rinākti „оставляет“, raik ā „он оставил“ (с приращением ā-); dādhati „кладет“, ādhāt „он положил“ и т. д.; в армянском агпет „делаю“, агагі „я сделал“, luapan „мою“ (ср. гр. λούω, лат. lauō), luaci „я вымыл“; в славянском: ставж, стахъ и т. д. Но с морфологической точки зрения аорист характеризуется не формой основы, так как, за исключением образований на *-s, все типы основы, употребляемые в аористе, встречаются и в настоящем времени; как мы видели выше на стр. 212 и сл., основа аориста определяется морфологически: это такая основа, которая в изъявительном наклонении имеет только вторичные окончания. В таких языках, как славянский и армянский, в которых существует имперфект, характеризуемый особым суффиксом, та же основа может иногда образовывать с первичными окончаниями настоящее время, а со вторичными — аорист; арм. берē (из *bhere-ti) значит „несет“, а старый имперфект e-ber (из *e-bhere-t) — „он понес“; древнеславянское наст. вр. падѣтъ значит „он упадет“ (форма настоящего времени славянских глаголов совершенного вида переводится будущим), а аорист паде (прежний имперфект) — „он упал“. — Таким образом, основу индоевропейского настоящего времени мы определим как основу, которая в изъявительном наклонении допускает и первичные и вторичные окончания. Перфект, имеющий особые окончания, не есть настоящее время; наоборот, основа с носовым инфиксом, как скр. vṛṣṇōti „покрывает“, и такой каузатив, как скр. vārauyati „заставляет покрывать“, суть формы настоящего времени, потому что можно образовать от тех же основ и формы со вторичными окончаниями: āvṛṣṇot „он покрывал“, āvārauyat „он заставлял покрывать“.

Не все типы основ способны образовывать аористы; аористы образуются только от корневых типов основ, как гр. θεῖναι-ovoιϛ“

жить“, λιπέῖν „оставить“, πεπειθεῖν „убедить“, от типа на *-s- и от типов на *-ā- и *-ē-, как μανθῆ-ναι „обезуметь“. Но тип с носовым инфиксом, тип на *-se/o-, производные типы на *-ye/o-, *-ne/o-, каузативы на *-eye/o- образуют только настоящее время. По отношению к настоящему, аорист обыкновенно является формой более облегченной, таков, например, аорист гр. πῦθεσθαι при настоящем времени πῦθεσθαι и πῦθάνεσθαι „расспрашивать“.

Основы настоящего времени образуют: 1) изъявительное наклонение, состоящее из настоящего в собственном смысле, имперфекта и повелительного; 2) сослагательное наклонение; 3) желательное наклонение. Так, в греческом языке λείπω (λείπεις) „оставляю“ — ἔλειπον „оставлял“ — λῆπε „оставляй“ — λείπω (λείπῃς) „оставляла бы“ — λείπομαι „да оставляю“ — следовательно, пять рядов форм. Основы аориста образуют также: 1) изъявительное наклонение, состоящее из аориста в собственном смысле и повелительного; 2) сослагательное наклонение; 3) желательное наклонение: гр. ἔλιπον „оставил“, λίπε „оставь“ — λίπω (λίπῃς) „оставил бы“ — λίπομαι — „да оставляю“ — следовательно, четыре ряда форм. То же самое в ведийском языке: настоящее время, изъявительное: настоящее в собственном смысле śṛṇóti „слышит“, имперфект áśṛṇot „он слышал“, повелительное śṛṇudhí „слушай“: сослагательное śṛṇávati „слышал бы он“; желательное śṛṇuyāt „да слышит он“; — аорист áśṛot „он услышал“, повелительное śṛudhí „услышь“; сослагательное śṛávati „услышал бы он“; желательное śṛuyāt (пишется через ū) „да услышит он“.

Основы настоящего и аориста не указывают на различные времена: имперфект гр. ἔλειπον, относящийся к основе настоящего, и аорист ἔλιπον — оба обозначают прошедшее время; а сослагательное наклонение аориста λίπω, как и сослагательное настоящего λείπω вовсе не обозначает прошедшего времени. Традиционное название настоящего времени не должно вводить нас в заблуждение: мы должны различать систему настоящего времени, содержащую различные формы, в том числе одно прошедшее, как ἔλειπον, сослагательное, как λείπω (λείπῃς), прилагаемое главным образом к будущему времени, и настоящее в собственном смысле λείπω (λείπεις), которое только одно обозначает наличный факт и от которого вся система получила свое название.

В греческом языке основа настоящего времени обозначает действие, рассматриваемое в его развитии, в его длительности; основа аориста — действие само по себе; первое можно символи-

чески обозначить линией, второе — точкой. Возьмем следующую фразу Ксенофонта (Hell. I, 1, 3): ἐμάχοντο μέχρι οἱ Ἀθηναῖοι ἀπέπλευσαν; смысл ее таков: „они сражались (процесс, рассматриваемый в его развитии, в его длительности, поэтому имперфект), пока афиняне не отплыли“ (обращается внимание только на самый факт отплытия, потому употреблен аорист). Все случаи употребления настоящего времени и аориста сводятся к этим общим их значениям; так, ἀρχεῖν значит „быть начальником“ (длительное значение), а ἀρχάι значит, между прочим, „принять начальство“ (факт сам по себе). Аористом часто обозначается действие, которое длилось, но которое рассматривается в своей совокупности, без специального выражения длительности, как, например, у Геродота II, 157: ἡ Ἄζωτος ἀπείσων πολιῶν ἐπὶ πλείστον χρόνον πολιορκουμένη ἀντέσχε „Азот сопротивлялся (факт, рассматриваемый в его совокупности) дольше всех других городов“. Аорист может обозначать даже общий факт, если только данное действие не рассматривается в его развитии, но только как факт, могущий к тому же повторяться бесконечное число раз (гномический аорист): Феогнид 329:

καὶ βραδὺς εὐβουλος εἶλεν ταχὺν ἄνδρα διώκων

„и медленный, но хитрый человек догонит быстрого мужа“.

В армянском настоящее время обозначает действие, развивающееся без определенного завершения (следовательно, рассматриваемое в своем развитии), а аорист — действие, достигающее определенного завершения; значение армянского аориста заметно отличается от значения греческого аориста и, может быть, лучше отражает индоевропейское состояние. К сожалению, оттенок смысла, отличающий настоящее время от аориста в индо-иранском, не ясен, и строй славянского глагола не дает также точного представления об этом оттенке. Если можно быть уверенным, что настоящее время обозначает действие в его развитии, то едва ли возможно точно определить значение аориста: обозначает ли он действие, достигающее определенного завершения, или же действие само по себе. Как бы то ни было, противопоставление настоящего времени и аориста представляет, повидимому, такую особенность индоевропейских глаголов, которая оказала наиболее сильное влияние на последующее развитие системы спряжения в некоторых языках. Все же было бы ошибкой придавать противопоставлению „настоящее время: аорист“ такую же важность в индоевропейском, какую оно получило в греческом. Следов его вовсе нет в хеттском.

ВЫВОД

В нашем общем обзоре мы принимали во внимание только типы, установленные согласным свидетельством по крайней мере двух языков, и большое количество глагольных образований нами опущено. Тем не менее и эти указания дают представление о том, насколько сложна была система индоевропейского глагола с ее разнообразием основ и богатством спряжения: сотнями насчитываются формы, которые можно образовать от одного корня в ведийском или гомеровском языке, если проспрягать его основы по всем числам, по всем лицам, по всем залогам и со всякого рода окончаниями: первичными, вторичными и повелительного наклонения. Так, скр. корень *vart-* „вертеть“ дает в „Ригведе“: наст. вр. *vártate* „вертит“ (и параллельно, как исключение, атематическую форму *várti*, из **vartli*), наст. вр. с удвоением *vavarti*, интенсивное настоящее *várvarti*, перфект *vavárta*, сигматический аорист *avṛtsata* (3-е л. мн. ч.), каузатив *vartáyati*, аорист (с каузативным значением) *avivṛtat*, desiderativ (засвидетельствованный в форме причастия *vivṛtsan*), и каждая из этих основ допускает, с большей или меньшей улоотребительностью, разные наклонения, разные лица, отчасти первичные и вторичные окончания и т. п., всего форм 40 (или 80 там, где параллельно имеется и действительный и средний залог), т. е. в общем итоге для всех основ несколько сотен возможных форм, к которым надо еще прибавить причастия от каждой основы со всеми их падежными формами и выражением рода. Эта огромная сложность, следы которой, в большей или меньшей степени, сохранили все языки, с течением времени в каждом отдельном диалекте упростилась и непосредственно обнаруживается только в древних формах языков Индии, Ирана и Греции.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ИМЯ

В индоевропейском было три разряда имен:

А. Существительные и прилагательные.

Б. Указательные и вопросительные местоимения и сходные с ними слова.

В. Личные местоимения (своеобразные по форме).

Кроме числа, которое свойственно всем изменяемым формам, эти три разряда слов могут выражать падежные различия.

А. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Прилагательные не имеют особого склонения, отличного от склонения существительных; единственная черта, характеризующая прилагательные, это различение родов: основа прилагательных мужского-среднего рода образует склонение, как по мужскому, так и среднему роду, в тех трех падежах, где их склонение различается, тогда как у существительных обычно бывает, по крайней мере в единственном числе, только одно из этих двух склонений; кроме того, у прилагательных есть тенденция к образованию, наряду с основной мужского-среднего рода, производной основы женского рода. Употребление формы каждого из трех родов прилагательного определяется тем понятием, к которому оно относится. Но так как образование женского рода и склонение мужского и среднего в прилагательных не имеют в себе ничего специфического, мы будем изучать их вместе с существительными.

1. ОБРАЗОВАНИЕ ОСНОВ

Первичные именные основы стоят в такой же связи с корнями, как и первичные глагольные основы; и роль их очень похожа на роль отглагольных имен в новейших языках. Так, например, в санскрите имя действующего лица на *-tag-* может соединяться

с винительным падежом, как и соответствующий глагол: *dāta vāsu* „он податель блага“; лат. *dator* „податель“ тоже первичное образование, хотя и испытавшее влияние огласовки глагола *dare* „давать“; по образцу этих первичных имен были образованы такие отглагольные имена, как *ripnātor* от *ripnāge* „сражаться“ и т. д.: образование такого рода отглагольных имен есть характерная черта почти всех исторически известных индоевропейских языков; так, вместо первичного имени на *-*tei-*, засвидетельствованного скр. *jūṣṭiḥ* „благосклонность, удовлетворение“, гот. *(ga-)kusts* „испытание“, которое в греческом должно было бы быть **γυστis*, греческий язык имеет *γυστis*, произведенное от *γυστειν*: „пробую“; эти отглагольные имена унаследовали свойства первичных основ.

Число типов именных образований велико. Корень **men-* „думать“, от которого не образуется, правда, ни одной корневой формы без суффикса, представляет следующие основы, засвидетельствованные по крайней мере двумя языками:

**mén-es-*: скр. *mānaḥ* (род. п. *mānasaḥ*) „мысль“, ав. *manō*, гр. *μένος* (род. п. *μένους*).

**mén-men-*: скр. *mānma* (род. п. *mānmanah*) „мысль, молитва“, др.-ирл. *menne* „дух“: ср. латыш. *mīma* „загадка“.

**m^on-ei-*: скр. *mūniḥ* „вдохновенный“, „отшельник“, гот. *muns* (вин. мн. *munins*) „мысль“.

**men-ter-*: скр. *mantā* „думающий“, гр. *Μέντωρ*, лат. *mentor*, *commentor* „изобретатель“.

**mén-tro-*, **mén-tlo-*: скр. *māntraḥ* „религиозная формула“, ав. *maṭro* (то же значение), лит. *(pa-)meñklas* „памятник“.

**mṛ-tó-*: скр. *matāḥ* „подуманный“, ав. *matō*, лит. *miñtas*, гот. *-munds*, лат. *(com-)mentus*, может быть, гр. *(αὐτό-)ματος*.

**mṛ-tei-*: скр. *matih*, *mātih* „мысль“, лат. *mens* „ум“, др.-сл. *(па-)мать*, лит. *(at-)mintis* „память“, гот. *(ga-)munds* „память“.

Повидимому, случайность, что основа **mén-teu-* скр. *māntuḥ* „мышление“ не засвидетельствована вне индо-иранского.

Однако живой язык не образует свободно новых слов. Применяемые основы обыкновенно бывают уже в общем употреблении, и говорящий редко имеет случай образовать новую основу, которой он еще не слышал; только слова менее употребительные анализируются и умственно разлагаются на свои составные элементы. Образование новых основ, как общее правило, происходит только либо при появлении новых понятий, неизвестной дотоле техники (и в таком случае это относится к специальным языкам),

либо в случае необходимости заменить слово, подпавшее под какой-то запрет; либо, наконец, в особенности в религиозном языке, в случае желания выразиться с особою силою.

Достаточно будет в виде примера дать обзор главных типов образования именных основ.

1. Основы с нулевым суффиксом; атематический тип. Предшествующий окончанию элемент, в котором происходит чередование гласных при склонении, представляет корень, и потому эти слова иногда являются в разных видах в различных языках:

*ped- „нога“: скр. *pāt*, им. мн. *pādaḥ*, род.-отлож. ед. *padāḥ*; гр. дор. *πᾶς*, им. мн. *πῶδες*, род. ед. *πόδος* (ε — в элементе, предшествующем окончанию, в лесб. наречии — *πέδῃ* „после“ и в сложном слове *πέλλυτρον*, из **πεδ-λυτρον* „ремень для обвязывания ноги“); арм. *ոտ* (им.-вин. падеж, происшедший из винительного) им. мн. *otkh*; лат. *pēs*, им. мн. *pedēs*, род. ед. *pedis*; гот. *fofus*, образованное к вин. пад. ед. ч. *fofu*, в котором в свою очередь, *ō* из именительного пад. Индоевропейское склонение: им. ед. **pōts*, им. мн. **pód-es*, род.-отлож. ед. **ped-é/ó-s*.

*wek- „слово“: скр. *vák*, ав. *vāxš* (твор. п. *vaša*); лат. *uōx*; гом. род. п. *ῥῶπος*, вин. п. *ῥῶπα* (в греческом нет именительного падежа, соответствующего латинскому *uōx*, вместо которого используется производное *ῥῶπα* „молва“).

*weik- „клан, деревня“: скр. вин. ед. *viṣam*, др.-перс. *viš-*, др.-сл. *вьсь*; гр. *ῥόικα-δε* значит „домой“; лит. *vēš(-pats)* „господин“ (дословно „начальник клана“); др.-прусс. *wais(-pattin)* „госпожа“.

*rēg- „царь“: скр. *gāj-* (им. ед. *gāt*); лат. *rēx*, род. п. *rēgis*; др.-ирл. *rí*, *ríg*; галльск. *-rīg-*, например в *Dumno-rig*, т. е., повидимому, „царь мира“.

*sneig^h- „снег“: гр. вин. ед. *νίφα* (Геснод), лат. *nix*, вин. ед. *niuem*.

*leuk- „свет“: скр. *ruk-*, дат. ед. *ruc-é*, лат. *lūx*, род. п. *lūcis*. гр. *κῆρ* „сердце“, арм. *sirt*, др.-прусс. *siran*, лат. *cor*, род. п. *cordis*, др.-лит. род. мн. *širdų*, хет. род. ед. *kardiaš*.

скр. *kṣāḥ* „земля“, вин. ед. *kṣām*, местн. ед. *kṣāmi*, род. ед. *jmāḥ* (из индо-иран. **gʷhmas*); гр. *χθών*, вин. п. *χθόνα*; ав. *zā*, род. ед. *zəṃō* (**zmō* — односложное), местн. ед. *zəmi* (**zami* — двусложное), ср. гр. *χαμαί* „на земле“. О чередовании гр. *χθ-* (= скр. *kṣ-*): *χ-* (= ав. *z-*) см. выше стр. 155.

скр. *gāuḥ* „бык, корова“, вин. ед. *gām*, местн. ед. *gāvi*; гр. *βοῦς*, вин. ед. дор. *βῶν*; дат.-местн. ед. *βο(F)*; лат. (заимствованное из

сельского не латинского, повидимому, сабинского диалекта) *bōs*, род. п. *bouis*; др.-ирл. *bō*; др.-сакс. *kō*; арм. *kov* „корова“.

скр. *mūh* „мышь“, нм. мн. *mūṣaḥ*; гр. *μῦς*, род. п. *μύς*; лат. *mūs*, род. п. *mūris*; др.-в.-нем. *mūs*; др.-сл. *мъшь* (старый вин. п.). Никакого чередования гласных в этом слове не засвидетельствовано; то же самое и в следующем слове; такое употребление одной только нулевой ступени огласовки часто встречается в случае долгих сонантов.

скр. *bhrūh* „бровь“, род. ед. *bhruvāh*; гр. *ὄφρυς*, род. п. *ὄφρυός*; др.-сл. *връвь* (старый вин. ед.).

гр. *θῆρ* (эол. *φῆρ*), род. п. *θῆρός* „зверь“; лит. вин. ед. *žvėrį*; ср. тематическую форму лат. *fērus* „дикий“.

Основы с нулевым суффиксом часто встречаются в индо-иранском; греческий язык еще дает некоторое количество примеров этих основ, как, например, *πτόξ*, род. п. *πτόξός* и *πτάξ*, род. п. *πταξός* „робкий“ (происшедшее из старого склонения *πτόξ*, род. п. *πταξός*) при глаголе *πτίσσω* „пригибаюсь, робею“; *κλώψ*, род. п. *κλωπός* „вор“ при *κλέπτω* „краду“; *λίψ*, род. п. *λιβός* „капающий, источник“, при *λείβω* „лью“; или вне связи с глаголами *γύψ*, род. п. *γυπός* „коршун“; *κίς*, род. п. *κίός* „мучной червь“; и т. д. Мы находим такие основы особенно часто во второй части сложения, как, например, в гр. *χέρ-νιψ*, род. п. *χέρ-νιβός* „вода для омовения рук“ при *νίζω* „мою“, будущее *νίψω*, ср. скр. *piṛ-pī-* „украшение“; *ἐπί-τεξ* „роженица“ (с вин. п. *ἐπί-τοχх* у Геродота и др.) при *τεχῖν* „родить“; лат. *tubi-sen* „трубач“ при *сапо* „пою“; *au-srex* „птицегадатель“ при *зресиō* „смотрю“, ср. скр. *zrāc-* „смотрящий“; и т. д. Часто индоевропейская основа с нулевым суффиксом бывает засвидетельствована только косвенно — существованием основ со вторичными суффиксами; так, и.-е. основа **meus-* „муха“ предполагается на основании производных: лат. *mus-sa*, лит. *mus-ė*, гр. *μῦχ* (из *μυη-υα*), др.-сл. *мъш-ница* (из **mus-i-kā*); арм. *muṅ* (из **mus-no-*); др.-сл. *моу҃ха* (из **mous-ā*); например, др.-сл. *моу҃ха* „муха“ таким же образом произведено от **mous-*, как др.-сл. *ю҃ха* „уха, суп“ от формы с огласовкой **o* и с нулевым суффиксом, засвидетельствованной лат. *iūs*, скр. *yūh* „похлебка“ и имеющей свои производные в лит. *jūš-ė* „суп“, др.-прус. *ius-e*.

Основы с нулевым суффиксом атематического типа оказываются представленными в языке тем лучше, чем древнее засвидетельствованная форма данного языка, и в историческую эпоху они быстро исчезают. Они, повидимому, нормально существовали при корнях, образующих атематическую основу настоящего вре-

мени. Среди именных образований индоевропейского они занимали одно из важнейших мест.

Форма с нулевой степенью корня обозначала самое действие, выражаемое данным корнем, и в древнейшее время, повидимому, саму внутреннюю силу, присущую этому действию; такого рода слова могли, следовательно, иметь культовую значимость. Ввиду того, что эта сила разумелась как наделенная признаком самки, имена эти часто бывают женского рода: так, скр. *vāk* „слово“ и лат. *uōx*, лат. *lūx* „свет“ и т. п. Здесь вскрывается самое существо индоевропейских корней, которые прежде всего обозначали действия. Реже, чем действия, этими именами могли также обозначаться действующие лица: это наблюдается в таких архаичных терминах, как, например, лат. *gēx* „царь“ и вед. *gā́t* (основа *gāj-*), лат. *dux* „вождь“ и т. п.; если их смысла таков, то имена с нулевым суффиксом оказываются в таком случае мужского рода.

Имена действия употреблялись также и в других падежах, кроме именительного и винительного; в таком случае они получали значение инфинитивов, что часто усматривается в ведийском языке; так, при лат. *lūx* „свет“, мы имеем в ведийском дат. п. *gucé* со значением „чтобы блестеть“.

2. Основы, характеризуемые тематической гласной. — Этот тип отличается от предыдущего только прибавкой к корню тематической гласной; наличие этой гласной влечет за собою неизменность огласовки в корне и постоянство места тона в склонении.

Самый важный случай такого образования представляют основы с корневой огласовкой *o и с повышением тона на корне, обозначающие действия; они часты в индо-иранском, славянском, балтийском и греческом; в западных диалектах: в германском, итальянском, кельтском, они встречаются редко. Как и следовало бы ожидать, они являются преимущественно при тематических основах настоящего времени.

Примеры:

др.-сл. *snĭgъ* (род. п. русск. *снега*), лит. *snėgas*, гот. *snaiws*, при лит. *snėga* „идет снег“ и т. д. (ср. **sneig**h- в другой диалектальной группе, стр. 266).

ав. *takō* „поток“, др.-сл. *tokъ* (род. ед. русск. *тока*), ср. др.-сл. *гекж* „бегу“, лит. *tėka*, ирл. *techid* „убегает“, ав. *tačaiti* „бежит“.

Это тип гр. *φόρος* „налог“, *φέρω* „несу“, *λόγος* „слово“, *λέγω* „говорю“, *πλό(τ)ος* „плавание“, *πλέ(φ)ω* „плыву“, *στοῖχος* „ряд“,

σταίχω „поднимаюсь“; и т. д. Часто он служит для названия предметов, как, например, скр. *jāmbhañ* „зуб“, др.-сл. *зжъ* (род. п. русск. *зуба*), лит. *žāmbas* „угол, образуемый двумя балками“, гр. *γῶμος* „гвоздь“, др.-в.-нем. *kamb* „гребень“, при скр. *jāmbhate*, др.-сл. *заветь* „разрывает“, или др.-сл. *возъ* (род. п. русск. *воза*), гр. (*φ*)όχος при др.-сл. *везъ*, лат. *vehō* „везу“.

Те же основы с тоном на тематической гласной обозначают производителя действия или результат действия и часто имеют характер прилагательных: гр. *τομός* „режущий“, наряду с *τόμος* „разрез“, ср. *τέμω* „режу“; *τροχός* „колесо“ наряду с *τρόχος* „бег“, ср. *τρέχω* „бегу“; *λοιπός* „остальной“, ср. *λείπω* „оставляю“; *σκοπός* „надзиратель, лазутчик“, ср. *σκέπτομαι* „смотрю“; *ὄλος* „борозда, след“, ср. *ὄλω* „тащу“; скр. *varāñ* „жених“, наряду с *vārāñ* „выбор“; *çokāñ* „блестящий“ наряду с *çokañ* „блеск“; скр. *ghanāñ* „палица“ наряду с гр. *φόνος* „убийство“, русск. *гон* (род. п. *гона*) и т. д. (ср. выше стр. 161). Лат. *procius* „жених“ (ср. *prociēs* „просьбы“) восходит к такого же рода индоевропейской основе с повышением тона на конечном слоге; но латинский язык ничем не свидетельствует об этом. Тон на конце слова, повидимому, характеризует вообще значение прилагательного, конкретное значение, в противоположность словам абстрактного значения, у которых повышение тона на корне, т. е. в начале слова.

Основы с повышением тона на тематической гласной допускают и огласовку *ō, как, например, гр. *σῶρος* „куча“ наряду с *σῶρος* „погребальная урна“ (относительно *ō ср. лит. жен. р. *tvogā* „изгородь“; корень **twegə-* значит „охватить, обнимать“); *ὄμος*, скр. *āmāñ*, арм. (*h*)um „сырой“ (наряду с ирл. *om*, с *ō); др.-сл. *нагъ* (русск. им. п. ж. р. *нага*), лит. *nūgas*; гот. *froþs* (дат. ед. *frodamma*) „умный“ наряду с *fraþjan* „понимать“; скр. *pāyāñ* „проводник“ наряду с *pāyāñ* „поведение“, *bhāgāñ* „груз“ наряду с *bhāgāñ* „ношение“, гр. *φόρος* „налог“.

Основы с нулевой огласовкой корня встречаются во второй части сложного слова, как в гр. *νεο-γυῖος* „новорожденный“; н.-е. **ni-zdō-* (скр. *niḍāñ* „гнездо“, арм. *nist* „место поселения“, лат. *nidus* „гнездо“, др.-в.-нем. *nest*) от корня **sed-* „сидеть“.

Многие тематические имена не входят ни в какую определенную категорию; так, скр. *vṛkañ* „волк“, ав. *vəhṛkō*, др.-сл. *влькъ* (род. ед. русск. *волка*), лит. *vilkas*. Есть небольшая категория прилагательных с корневой огласовкой *e; наиболее показательны скр. *sāpāñ* „старый“, лит. *sėnas*, др.-ирл. *sen*, арм. *hin*, гр. *ἔνος*; гр. *λευκός* „белый“ при *λοῦσσαν* „белое пятнышко елового дерева“

и ἀμφιλόχη „сумерки“, имеют ту же огласовку. Есть также имена среднего рода с корневой огласовкой *e, как гр. *Fέργων* „дело“, др.-в.-нем. *werc*; *o в арм. *gore* „дело“ (ср. гр. *δημιουργός* „ремесленник, создатель“ из **δῆμιο-φοργός*) и нуль в гот. *waúrk* явились в результате особых влияний. Но нулевая огласовка корня наблюдается в прилагательном скр. *dirgháh* „длинный“, др.-сл. *длѣгъ* и т. д. и в существительном среднего рода скр. *yugám* „ярмо“, гр. *ζυγόν*, лат. *iugum*, гот. *juk*. Краткая гласная неизвестного звукового качества имеется в скр. *ṣarháh* „копыто“, ав. *saṭō* и долгая — в др.-ирл. *hófr* и др.-в.-нем. *huof* (то же значение).

Часто тематические имена являются производными от засвидетельствованных атематических имен; так, скр. *padám* „шаг, след“, ав. *padəm* „след“, гр. *πέδον* „почва“, др.-исл. *fet* „шаг“, арм. *het* „след шага“, хет. *pedan* „место“ от **ped-* „нога“; скр. *himáh* „зима“, лат. *hiems* (из **bi-himos*) „двухлетний“ от **ghiem-*, засвидетельствованного лат. *hiems*, ав. *zuā* (род. ед. *zimō*) „зима“; гр. *πῆζός, πῆζός*, скр. *pivaráh* „жирный“ при гр. *πῆζ* „жир“; скр. *udráh*, ав. *udrō* „водяное животное“, гр. *ὕδρος* „гидра“, др.-исл. *otr* „выдра“ при гр. *ὕδωρ*, др.-в.-нем. *wazzag* „вода“ и т. д. Порядковые числительные от „шестой“ по „десятый“, в своей древнейшей форме, являются тематическими производными от соответствующих количественных числительных: галльск. *suehos* „шестой“, лат. *septimus* „седьмой“, гр. дельф. *ἑβδαιμος, ἑβδαιμή* (χοῦτα) „семьдесят“, скр. *saptamáh*; гр. *ὄγδο(ς)ος* „восьмой“, *ὄγδο(F)ή* (χοῦτα) „восемьдесят“; лат. *nōnus* < **nouenos* „девятый“, гр. *ἐν(F)ενή* (χοῦτα) „девяносто“; лат. *decimus*, скр. *daṣamáh* „десятый“; ср. стр. 411—412; с другой стороны, в восточных языках есть тематические производные от количественных числительных „три“ и „четыре“, употребляемые между прочим с именами, не имеющими единственного числа (латинский тип: *bina castra*): скр. *trayáh* „трое“, др.-сл. *трон*, лит. *treji*, а также собирательные среднего рода: др.-сл. *трок*, русск. *трое* и также др.-сл. *четверо*, русск. *четыре*, скр. *catvarám* „четыреугольное пространство“. В этих производных трудно определить и огласовку предшествующего окончанию элемента и место тона: часто встречаются несоответствия между отдельными языками. — В индо-иранском широко развились этого рода производные с огласовкой долгими гласными (которая по-санскритски называется *vṛddhi*) начального элемента слова: скр. *mānasáh* „относящийся к духу“ от *mānaḥ* „дух“, *saindhaváh* „относящийся к Инду“, от *sindhuh* „река, Инд“. Вне индо-иранского удлинение начального элемента слова встречается

редко; однако есть несколько примеров, именно в греческом (тип. гом. ἠνδρέη „мужество“ при ἀνὴρ „мужчина“), в балтийском и в славянском.

3. Суффикс *-es-. — Суффикс *-es- образует первичные абстрактные имена среднего рода, с корневой огласовкой *e и с тоном на элементе, предшествующем суффиксу:

*kleu-: скр. cṛávanḥ „слава“ (род. ед. cṛávanaḥ), гр. κλέ(F)ος; ав. sravanḥ „слово“, др.-сл. слово (с о, происшедшим из *e перед vo), русск. *слово*.

*genē-: скр. janaḥ „род“, гр. γένος, лат. genus.

Точно так же в словах с менее ясным корнем:

скр. nábhvaḥ „туча“, гр. νέφος, др.-сл. ньво, русск. *небо*.

скр. gájaḥ „темнота“, гр. ἔραβος, гот. riqis „темнота“, арм. egek: „вечер“ (перешедшее в основы на *-о-).

Нулевая ступень огласовки такого существительного, как гр. θάρσος, θράσος „смелость“, возникла под влиянием прилагательного θρασύς (и θράσυνος) „смелый“, и эолийское собственное имя Ἴππο-θέρσης сохранило старую огласовку *e; огласовка *o гомеровского ὄχεα „колесница“, дат. мн. ὄχεσφιν возникла под влиянием ед. ч. (F)όχος, и Гесикий приводит ожидаемую форму ἔχεσφιν в одной глоссе; о латинского pondus „вес“ (ср. глагол pendō „вешаю“) происходит от основы *pondo-, сохраненной в отложит. п. pondō; и т. д.

Наряду с абстрактными именами среднего рода с тоном на корне, были и прилагательные с тоном на суффиксе — явление, напоминающее противопоставление τόμος „отрезок“ и τομός „режущий“ (стр. 269); так, скр. arāḥ „деятельный“ наряду с áraḥ „дело“, гр. ψευδής „лживый“ наряду с ψεύδος „ложь“; тип этот встречается преимущественно в сложении, где прилагательное на *-es- противопоставляется прилагательному несложному иного образования, как, например:

скр. cetaḥ „блеск“	citraḥ „блестящий“	acetāḥ „лишенный блеска“
práthaḥ „ширина“	pr̥thúḥ „широкий“	sapráthāḥ „имею- щий ширину“
гр. πλάτος „ширина“ (по образцу πλατύς)	πλατύς „широкий“	ἀπλατής „не имею- щий ширины“
ав. drājō „длина“	darəγō „длинный“	zanu-drājā „имею- щий длину ко- лена“.

Когда понятие, обозначаемое основой на *-es-, разумеется как действующее, слово относится к „одушевленному“ (мужскому или женскому) роду; в таком случае суффикс получает повышение тона и, в именительном падеже и некоторых других формах, огласовку *o:

скр. *uzāh* „заря“, гом. *ῥῶς*, атт. *ἔω*; (из **ausōs*); ср. производное лат. *augōra* „заря“; поскольку она явление природы, заря считается одушевленной и обожествляется.

гр. вин. ед. *αἰῶ* из **ai(F)ohz*; мест. п. *αἰ(F)ές*; и *αἰ(F)εί* (из *ai(F)ehi*) „всегда“.

гр. *αἰδώς* „стыд“, ср. прилагат. *ἀν-αἰδής* „бесстыдный“ и производный глагол *αἰδέομαι* „стыжусь“, гом. будущее *αἰδέσσομαι*.

лат. *angor* „удуше“ (и *angus-tus* „тесный“, при скр. *āpnaḥ* (ср. р.), ав. *azō* „стесненное положение, нужда“ и лит. *aĩk-š-tas* „узкий“.

Формы „одушевленного“ рода и „неодушевленного“ (среднего) могли существовать параллельно, смотря по тому, как они понимались, о чем свидетельствуют лат. *decus* и *decor* „приличие“, *tenuis* „растянутый шнурок“ и *tenor* „непрерывность, связь“.

4. Суффикс *-eu-. — Суффиксом *-eu- образуются многочисленные прилагательные, имеющие тон на суффиксе; корневая огласовка у них обыкновенно — нулевой ступени; так:

скр. *gur-ú-h* „тяжелый“, гр. *βαρ-ύς*, гот. *kaúr-u-s*; ср. лат. *gravis* (из **g^rgə-w-is*; см. стр. 148).

скр. *tīṣ-ú-h* „томимый жаждой“, гот. *þairs-u-s* „сухой“ (с *s* по аналогии глагольной формы — *þairsan*; древнее **z*, отразившееся в виде *g*, сохранилось в др.-исл. *þugg*, др.-в.-нем. *duigi*).

гр. *βαθ-ύς* „глубокий“, при *βένθος* „глубина“.

В других случаях корень имеет огласовку *o; так:

гр. *πολ-ύς* „многий“, др.-англ. *feal-a*, при нулевой ступени в скр. *rug-ú-h* „обильный“, и при неожиданной огласовке *e в гот. *fil-u* „много“, др.-ирл. *il*.

Существительные на *-eu- не образуют единой категории ни по смыслу, ни по форме (многие, впрочем, принадлежат к неизвестным в других формах корням):

скр. *paśūh* (муж. р.) и *paśu* (ср. р.) „стадо“, гот. *faihu* „имущество, деньги“, лат. *pecus* и *pecu* „скот“.

скр. *hānuh* „челюсть“ (относительно начального *h* см. стр. 190), гр. *γένυς*, гот. *kinnus*, др.-ирл. *gin* (род. п. *geno*), лат. *genu-(inus) dens* „челюстной зуб“.

скр. ketúh „явление, знак“ с корневой огласовкой *o и с тоном на суффиксе, как и гот. haidus „способ“.

др.-сл. домъ, род. п. домоу, лат. domus, род. п. domūs могли заимствовать свою огласовку из основы *dómo- (скр. dámañ „дом“, гр. δῶμος „дом, семья“), с которой они контаминированы.

В некоторых случаях суффикс *-eu- является вторичным; так, скр. manuúh „гнев“ = ав. mainuñ „дух“ имеет вид производного от основы *m^hpei, засвидетельствованной гот. muns „мысль“; греческие слова на -ηυ- типа φορέυς „носиальщик“, род. п. φορῆ(F)ος (атт. φορέως), как общее правило, суть производные от тематических основ, ср. гр. φόρος „подать, дань“.

5. Суффикс *-yo- (*-iuo-). — Вторичный суффикс *-yo- (*-iuo-) образует прилагательные и производные от имен абстрактные существительные.

*g^how- „бык, корова“; скр.: gáv-ya-h „коровий“, ав. gaо-ya-, арм. kog-i „масло“, гр. (ἐννεά-)βοῖος (из *-βοF-yo-с) „стоящий девять быков“.

Конечная гласная основы тематического типа не сохраняется перед этим суффиксом.

скр. svárñ(i)ya-m „сновидение“ от svárñā-h „сон“, лат. somniū-m „сновидение“ от somni-s „сон“, др.-сл. сѣн-ѣк от сѣнѣ, гр. (ἐν)ύπνιον „сновидение“ от ύπνο-с „сон“.

скр. áçv-īya-h „лошадиный“ от áçva-h „лошадь“, гр. ἵππιος от ἵππο-с „лошадь“.

Суффикс *-yo-(*-iuo-) продолжал образовывать слова в индоиранском, греческом, славянском, латинском и др.; как, например, гр. τέλειος (*τέλεσ-yo-с) „превосходный“ от τέλος „конец“, θελκτήρ-ιο-ν „волшебство“ от θελκτήρ „волшебник“ и т. д.

В тех случаях, когда этот суффикс образует как будто первичные основы, как гр. στυγ-ιο-с „ненавистный“, др.-сл. лѣжь (*lūž-je-), на самом деле мы имеем производные от основ с нулевым суффиксом *stug-, *lugh-, которые случайно не засвидетельствованы. Впрочем, стыз, пожалуй, существует, его предполагают стύγος „ненависть“, стυγός и стυγρός „ненавистный“.

Суффикс *-yo- (*-iuo-) означает противопоставление между многими лицами или вещами, тогда как *-ero-, *-terо- обозначают противопоставление двух; так:

*al-yo- „другой“ в гр. ἄλλος, лат. alius, гот. aljis, др.-ирл. aile (и *an-yo- в скр. anuáñ „другой“, ав. anuō), при гот. anþar, лит. aĩtras „другой (из двух), один (из двух)“ и при лат. alter „другой (из двух)“, образованном от alius „другой (из многих)“.

Поэтому гр. δεξιός и лат. dex-ter „правый“ оба имеют суффиксы, означающие противопоставление, но с первоначально различными оттенками значения. — В скр. náv-ya-h „новый“, лит. nau-ja-s, гот. niu-ji-s, галльск. nov-io- суффикс *-uo- служит для обозначения „нового“ в противоположность всему, что уже не ново; наряду с этим есть суффикс на *-er- в гр. νεαρός „молодой“, лат. pouer-sa „мачеха“, арм. nog „новый“.

6. Суффикс *-en-. — Как и предшествующий, суффикс *-en- вторичный; так, гот. guma, род. п. gumins „человек“, лат. homo, род. п. hominis — производные от основы *ghem-, представленной ав. zəm- „земля“, гр. χαμ-αί „на земле“, лит. žėm-ė „земля“, лат. hūm-u-s: человек есть существо „земное“ в противоположность „небесным“ богам; скр. gāj-an „царь“ (им. п. ед. ч. gājā, род. п. gājān) — производное от gāj-, ср. лат. gēx. Так называемое слабое германское склонение содержит этот вторичный суффикс; так, др.-в.-нем. (heri-)zogo, род. п. (heri-)zogen „воевода“ при лат. dux (им. п. dux „вождь“). Слияясь с конечной гласной тематической основы, этот суффикс дает долгую гласную в гр. στραβών, род. п. στραβώνο; „косоглазый“ от στραβός „кривой“, в ав. maδgān- „пронносящий молитву“ от maδga- „молитва“ и т. д. (тип этот распространен далеко за свои старые пределы).

Несколько отдельных слов, производных от основ с нулевым суффиксом, имеют этот же суффикс; таковы:

скр. tākṣ-an- „плотник“, ав. taš-an, гр. τέχτ-ον-.

скр. ukṣ-an- „бык“, гот. aúhs-in-.

ав. arš-an- „самец“, гом. ἄρσ-εν-, ἕρσ-εν- „мужской“, арм. aḡn „дикий баран“.

скр. yúv-an- „молодой“, ав. y(u)v-an-, лат. iuu-en-(is) „юноша“.

Этот суффикс *-en- играл большую роль в индоевропейском, появляясь в склонении имен среднего рода перед окончаниями всех падежей, кроме именительного-винительного. В таком имени, как название „воды“ *wed-, *ud-, элемент *-en- обнаруживается в таких формах, как род. п. хетт. wetenāš, wetnaš; в ведийском языке родит.-отложит. падеж также udnāḥ „(от) воды“, в умбском при имен.-винит. падеже u tu r отложительный будет u n e. (В таких случаях греческий язык пользуется формой, распространенной еще одним словообразовательным элементом: ὕδατος.)

Эти формы на *-en- продолжали играть заметную роль в хеттском; например, имена действия, оканчивающиеся в именит.-винит. падеже на -waḡ, образуют родительный падеж на -wepaš, -upaš.

7. Суффикс *-по-. — Употребление этого суффикса как вторичного засвидетельствовано такими образованиями, как лат. aēnus (*aues-po-s) „медный“ от aes „медь“, ebur-nu-s „из слоновой кости“ от ebur-; гр. ἀλγινός (*ἀλγεσ-vo-ς) „тяжкий“ от ἄλγος „боль“; σελήνη, др. селāнā, лесб. σελάννā (*σελασ-νā) „луна“ (букв. „блестящая“) от σέλας „блеск“ и т. д.; индоевропейский пример:

ав. gaoxš-na- „блестящий“, др.-прус. laux-nos „звезды“, лат. lūna (Iosna в Пренесте), др.-ирл. lūan, др.-сл. луна „луна“, т. е. основа *louks-po-; гр. λύχνος „светильник“ отражает *luks-po-s; в обеих формах мы имеем дело с производными от основы *leuk-es-, засвидетельствованной ав. gaocšh- „свет“.

Часто также тонический суффикс *-по- присоединяется к форме корня без *е и образует прилагательные одного значения с прилагательными на *-to- типа скр. sru-tā-h „слышанный“, гр. κλυτός „славный“, лат. (in-)clī-tus „знаменитый“, которые мы рассмотрим ниже на стр. 279; так:

скр. pūr-ṛā-h „полный“, др.-сл. пль-нъ, лит. pil-na-s, гот. fulls (из *ful-na-z), др.-ирл. lān; ср. лат. plē-nu-s с другой огласовкой (см. стр. 181).

Этот тип часто встречается в санскрите: pūr-ṛā-h „переправившийся“, bhīp-nā-h „рассеченный“ и т. д.

Тот же суффикс, присоединенный к корню (или, вернее, к основе с нулевым суффиксом) с повышением тона и со ступенями огласовки, не легко поддающимся определению, но преимущественно с огласовкой *о, образует имена действия:

*zwor-po-, в лит. sąr-na-s [„сон“, арм. |khuṇ, скр. svár-na-ḥ, лат. som-nu-s (два последних слова могут отражать и *swer-po, как др.-исл. svef-n „сон“); огласовка *sup-po-, как в гр. ύπ-vo-ς „сон“, др.-сл. сънъ, др.-ерл. sūan, валл. hūp, объясняется, быть может, влиянием производного *supniyo (см. стр. 273 и 286).

скр. dā-na-m „дар“, лат. dō-nu-m.

скр. sthā-na-m „место отдыха“, лит. stó-na-s „положение“.

Или с *-nā-:

*k^{oi}-nā-: ав. kaē-na „месть“, др.-сл. цѣна, гр. ποινή „пеня“.

Корневая огласовка *о нормальна в греческом типе: χό(ϛ)-ανο-ς „плавильный тигель“, ср. χέ(ϛ)-ω „лью“, φόρυ-ανο-ν „орудие“, ср. (ϛ)έρον „дело“, и т. д.

Суффикс прилагательного допускает также форму *-epo- в гот. fulg-in-s „скрытый“ при filha „скрываю“ и в славянских причастиях

типа др.-сл. *кльч-ѣнѣ* при глаголе *вѣкъж*, лит. *velkù*, и форму **-оно-* в германских причастиях типа гот. *bit-an-s* „укусанный“ при *beita* „кусаю“ (ср. вышеприведенное скр. *bhin-náh*), др.-в.-нем. *(gi)wort-an* „ставший“. — Форма **-оно-* образовывала также и существительные, давшие германские инфинитивы: гот. *itan* „есть“, ср. скр. *ád-anam*; в греческом языке форма **-опā-*, например, в слове *ἡδονή* „удовольствие“, при *ἡδύς* „сладкий, приятный“.

8. Суффикс **-то-*. — Суффиксом **-то-* образуются вторичные прилагательные, как гр. *ἔτυ-μο-ς* „действительный“ (ср. *ἔτε(f)ός* „истинный“), лит. *ártu-ma-s* „близкий“, скр. *ruk-má-h* „блестящий“ (от основы с нулевым суффиксом **leuk-*: лат. *lūx* „свет“, скр. *rus-*); в некоторых случаях, как в гр. *θερ-μός* „горячий“, арм. *յեր-տ* (и ав. *garə-ta-* „горячий“, лат. *for-tis* „жаркий, горячий“, ирл. *gor* „огонь“ с корневой огласовкой **o*), первичная основа, от которой произведено прилагательное на **-то-*, случайно не засвидетельствована. — Как и суффикс **-уо-*, этот суффикс означает противопоставление между более чем двумя предметами, например, лит. *pìr-ma-s* „первый“, гот. *fruma*, лат. *prius* (ср. *prior* „первый (из двух)“), гр. *πρῶτος* „предводитель, глава“.

Кроме того, тот же суффикс образует существительные, одни — явно вторичные, как, например:

скр. *dru-má-h* „дерево“, гр. *δρυ-μά* „лес“; ср. скр. *dāru*, род. п. *drūnaḥ* „дерево“ и гр. *δορυ* „копье“, *δρῦς* „дуб“;

другие — не поддающиеся точному анализу, как:

скр. *dhū-má-h* „дым“, лит. *dū-mai* (мн. ч.). др.-сл. *ды-мѣ*, лат. *fū-mis*.

скр. *īr-má-h* „рука“, ав. *agə-ta*, гот. *ag-t-s*, др.-сл. *рамо* „плечо“ (из **огэто*, как это явствует из интонации серб. *рамо*), др.-прусс. *irte* „рука“.

др.-исл. *halmr* „солома“, лат. *cultmus* „стебель“, латыш. *salms*, др.-сл. *слама*, русск. *солóма*, серб. *сла́ма* (славянский суффикс здесь **-тā*) с огласовкой **o* в первом элементе двусложного корня, примерно **koləто-*, и производное с суффиксом *-ā-*, гр. *κλάμη* „стебель“ с нулевой ступенью огласовки корня (см. стр. 286), распространившейся и на *κλάμος* „тростник“, тогда как славянское слово получило огласовку мужского рода.

Наконец, тип абстрактных существительных на **-сто-*, повидимому, с огласовкой **o* в элементе, предшествующем суффиксу, и с повышением тона на **o*, засвидетельствован такими литовскими словами, как *laik-sma-s* „складывание“, ср. *lenkiù* „складываю“,

vaik-sina-s „волочение“, ср. velkū „волочу“, и греческими πλοχμός „коса (волос)“ из (*πλοχ-σμο-ς), ср. πλέκω „плету“; σχισμός „раскалывание“ (из *σχιδ-σμο-ς), ср. σχίζω „раскалываю“; ὄλμος „ступка“ из *ol-smo-s при ἄλέω „мелю“ и т. д. Реже встречается этот суффикс в форме *-mo-; мы наблюдаем его иногда, как, например, в гр. ἄνεμος „ветер“, лат. animus, anima „душа“ при скр. āniti „дышит, дует“, ānilah „ветер“, гот. anan „дуть“, др.-ирл. anāl и валл. anadl „дыхание“.

9. Суффикс *-er-. — Этот суффикс уже очень рано перестал быть продуктивным. Он образует:

α. Имена родства неанализуемые, как то: скр. svāsā „сестра“ (основа [svásar-), ав. xvanhar-, арм. khoyr (из *swesōr, давшего *khehur, *kheur, откуда khoyr), лит. sesū (род. п. seseĩs), лат. soror, др.-ирл. siur, гот. swistar.

скр. devā „деверь“ (основа devār-), гр. δᾶήρ, арм. taigr, лит. dėveris, др.-сл. дѣверь.

β. Именительный и винительный падежи единственного числа имен среднего рода, остальные формы которых имеют суффикс *-en- (см. стр. 274):

скр. ūdhar „вымя“, род. п. ūdhnaḥ, гр. οὔδαρ, род. п. οὔδατος; лат. ūber, др.-в.-нем. ūtar.

Этот тип имел большое значение в индоевропейском. Он в значительной мере сохранился в хеттском языке, в котором он между прочим образует имена действия. — Латинское iter „путь“, от корня *ei- „итти“, является представителем старинных имен этого рода; форма родительного падежа с суффиксом -en- косвенно сохраняется в лат. itineris „пути“ (род. ед.).

Производные от этих имен также имеют *-r-, как то: гр. κί(φ)αρ „жир“ (при πίον „жирный“, скр. rīvā): κί(φ)ερός „жирный“, скр. rīvaḡāḥ, и женск. р.: гр. κί(φ)ερα, скр. rīvaḡī.

В „тохарском“ есть производное женского рода ytār „путь“.

γ. Наречия, обозначающие противопоставление двух понятий:

скр. ur-ār-i „выше“, гр. ὑπ-εr и лат. sup-er при скр. uramāḥ „высший“ и лат. summus. Любопытно, что эти формы с суффиксами, указывающими на противопоставление, значат „над“, тогда как простые формы, скр. ūra, гр. ὑπο и лат. sub, значат „под“ (но не др.-в.-нем. ūf „над“, др.-сл. вѣс-, означающее движение снизу вверх).

ав. ad-air-i „внизу“, гот. undar „под“, при скр. adhamāḥ „низший“, лат. (диалектального происхождения) infimus.

Отсюда произошли прилагательные на *-его-, *-го-, обозначающие противопоставление двух вещей (ср. *tergo-, стр. 282):

гр. ὑπ-ερος „пест“ и лат. sup-eriu-s „верхний“.

скр. adh-aga-h „нижний“, лат. (диалектальн.) inf-eriu-s.

О гр. νειρός и т. п. см. выше стр. 274.

10. Суффикс *-го-. — Суффикс *-го- (или *-его-) служит для образования прилагательных того же значения, что и суффикс *-eu-, как, например, гр. κρατ-ύς и κρατ-ερός „сильный“; он часто бывает вторичным, как в гр. λυγ-ρός „звонкий, звучный“, φοβε-ρός „страшный, трусливый“ и т. д.; но он присоединяется к корням и непосредственно, и тогда огласовка корня бывает *o или нуль гот. bait-r-s „горький“ (букв. „кусающий“) из *bhoīd-ró-s и др.-в.-нем. bittar „горький“ из *bhīd-ró-s; др.-в.-нем. heitar „блестящий“ из *k^woit-ró-s и скр. cit-ráh „блестящий“; чаще всего встречается огласовка нулевой ступени: скр. сīráh „сильный“, ав. sū-tō, гр. (ǰ-)κ^υ-ρος „недействительный“, ср. скр. сāv-ah „сила“.

11. Суффикс *-lo-. — Суффикс *-lo- только распространяет то слово, от которого он образует производное, в скр. bahu-lá-h „обильный“, гр. παχυλός „толстоватый“ от скр. bahúh „многий“, гр. παχύς „толстый“; скр. nābhī-la-m „луп“, гр. ὀμφα-λός, лат. umbi-l-(īcus), др.-в.-нем. pabolo и т. д.; лат. os-ulus „глаз“, соответствием которому, возможно, является хеттское иероглифическое -akalaš, тоже одушевленного рода, при хеттском клинописном -akeššar, -akeššnaš и скр. ákšī, akšnáh. Такое слово, как гот. sit-l-s „сидение“ (ср. лат. sella „кресло“, лаконск. ἔλλῶ), можно считать производным от основы с нулевым суффиксом *sed-, ср. вед. вин. ед. sád-am, дат. п. sád-e „чтобы сидеть“ и латинское сложное слово (prae-)ses „председатель“, как гр. ὀμφα-λός „ровный“ происходит от ὀμός „равный“ и лат. similis „похожий“, ирл. samail „сходство“ от *sem- „один, одинаковый“ (гр. εἷς, εἶν „один, одно“).

Суффикс *-lo- образовывал имена действующего лица, как лат. bib-ulus „пьющий, пьяница“, cred-ulus „доверчивый“, trem-ulus „дрожащий“, откуда такие славянские и армянские причастия на *-lo-, как др.-сл. несль (късьль) „я нес“ и арм. gereal(ēm) „я взял“, и армянский инфинитив gerel „брать“; „тохарский“ язык тоже широко развил причастия на *-l-.

Наконец, тот же суффикс образует уменьшительные: лат. agel-lu-s от ager „поле“; porcū-lu-s „поросенок“, лит. paršė-l-(is), др.-в.-нем. farheli.

12. Суффикс *-et- (*-ed-). — Суффикс *-et- главным образом распространяет основы, часто основы с нулевым суффиксом,

в скр. *stū-t* „прославление“, ав. *stū-t* „прославляющий“; скр. *grāv-āt-* „поток“, гр. *θη-τ-* „наемник“; скр. (*bhāra-*)*bhṛ-t-* „носящий (тяжестя)“; гр. (*ἴ-)*γνώ-τ- „не знающий“; или другие основы: скр. *daśā-t-* „десяток“, др.-сл. *дѣса-т-*, лит. *dešim-t-* или с **-d-*: гр. *δεκά-δ-*; гр. *βαρυ-τᾶ-τ-* (*βαρύτης* „тяжесть“) при скр. *gurutā* „тяжесть“; скр. *sarvāt-ā-t-*, ав. *haurva-t-ā-t-* „целостность“, гр. *ὅλ(τ)ο-τᾶ-τ-* (*ὅλότης*), производное от основы **solwo-tā-*, и т. д., и т. д. Словообразовательный элемент *-*t-* почти вовсе лишен своего особого значения: в скр. *yáḱṣ-t-* „печень“ *-*t-* имеется при ав. *yakaṣe* (то же значение); основа среднего рода на *-*n-* в греческом языке получила добавочную зубную, которая, быть может, относится к форме именит.-винит. падежа единств. числа; так, гр. *ὀνόματος* „имени“ (согласно **ονομхт-*, ср. *ονομάζω* „называю“ из **ονομαδ-уω*) при гр. *ονομαίνω* „называю“ и лат. *nomēn* „имя“ и т. д. Гр. *κλέπτης* и гот. *hliftus* „вор“ представляют два различных распространения основы **klep-t-*, которая в свою очередь распространена из **klep-*, засвидетельствованного гр. *κλώψ* „вор“.

Трудно поддаются анализу основы:

лат. *nos-t-* (им. п. *nox*, род. п. *noctis*) „ночь“; гр. *νύξ*, род. п. *νοχτός*, гот. *nahts* „ночь“, лит. род. мн. *naikt-ų*.

скр. *nār-āt* „внук“; лат. *nepōs*, род. п. *nepōtis*; др.-лит. *perotis*; др.-ирл. *niae*, род. ед. *niath* „племянник“.

13. Суффикс *-*to-* (*-*do-*). — Суффикс *-*to-*, с повышением тона, присоединяется к корню с нулевой ступенью огласовки для образования прилагательных:

скр. *ṣru-tā-h* „слышанный“, ав. *srutō*, гр. *κλυτός* „славный“, лат. (*in-*)*clitus* „знаменитый“, др.-в.-нем. *Hlot-(hari)* „Лотарь“ (= „имеющий славное войско“), арм. *lu* „известный“.

скр. *syū-tā-h* „спитый“, лит. *siū-ta-s*, др.-сл. *ши-тъ* (из **sjy-tū*), лат. *sū-t-us*.

Этот тип образования представлен многочисленными примерами.

Тот же суффикс образует производные от имен, обозначающие обладание: лат. *sceles-tu-s* „преступный“ от *scelus* „преступление“; *barbā-tu-s* „бородатый“ от *barba* „борода“, ср. др.-сл. *брада-тъ* от *брада* и лит. *barzdō-ta-s* „бородатый“ от *barzdā*; гр. *κοντω-τός* „снабженный багром“ от *κοντός* „багор“; лит. *kalnū-ta-s* „холмистый“ от *kálnas* „холм“; гот. (*un-*)*qeni-þ-s* „неженатый“, и т. д.

Эти два типа употребления данного суффикса совпадают с такими же типами употребления суффикса *-*no-* (см. стр. 275);

например, лат. fissus (из и.-е. *bhit-to-s) „рассеченный“ соответствует скр. bhinnāḥ и лат. scelestus греческому ἀλγινός „печальный“.

Есть также существительные на *-to- с корневой огласовкой *o и с тоном на корне: гр. φόρ-το-ς „ноша“ при φέρω „несу“; νόσ-το-ς „возвращение“ при νόσμαι „возвращаюсь“ (основа *nese/o-); κοί-το-ς „кровать, ложе“ при κείμαι „лежу“; др.-прус. daīr-ta-n „долото“, др.-сл. далато; др.-прус. ran-to (жен. р.) „путы“, др.-сл. пж-то (серб. пүто) при др.-сл. пати и т. д. Некоторые слова имеют иную огласовку, как гр. χάμα-το-ς „усталость“ и др.-сакс. morth „убийство“; эти имена могут также соответствовать индо-иранским именам на *-tha- типа скр. uk-thā-m, ав. ux-də-m „слово“. Существительные на *-to- (или *-tho-) по значению и по форме соответствуют типу *swór-no-, упомянутому на стр. 275. В своем качестве вторичного этот суффикс образует также и существительные: др.-сл. живо-тъ „жизнь“, гр. βίο-το-ς; в женском роде: лит. gyva-tà „жизнь“, лат. uī-ta (из *uīuo-tā), гр. βίο-τή.

Форма *-eto- засвидетельствована некоторыми словами, как гр. ἔρπ-ετό-ν „пресмыкающееся“; галльск. nem-eto-n, др.-ирл. nem-ed „святыня“; галльск. decem-etos „десятый“ при гр. δέκατος и т. д.; а форма *-oto- готским naq-af-s „голый“.

Параллельно чередованию *-t-: *-d- в скр. daçát: гр. δεκάδ-мы наблюдаем и чередование *-to-: *-do-; таковы лит. tvir-ta-s „твердый“ и др.-сл. теръ-дъ; гот. naq-af-s „голый“ и лат. nūdus (из *nog^w-e/odos); суффикс *-do- латинского for-da „стельная (корова)“ мы находим и в производном др.-сл. врѣжда (из *bhe-gə-d-uā) „беременная“. В латинском языке есть целый ряд подобных образований: calidus „теплый“, horridus „шероховатый“ и т. д.

14. Суффикс *-ko-. Суффикс *-ko- представляет тематическую форму суффикса *-ek-: скр. maṅa-kā-h „человечек“ следует сблизать с гр. μείραξ „юноша“; др.-сл. новакъ с гр. νέ(τ)ᾶξ „юноша“; скр. ānta-ka-h „конечный“ есть производное от āntaḥ „конец“; др.-сл. ино-къ, гот. aīna-h-s, лат. ūni-cu-s — от и.-е. *oīno-, „один“; др.-сл. кратъ-къ (русск. коротко) — от основы *kortu- ср. лит. kartūs „горький“, и скр. kaṭūh „острый (о вкусе)“ (слово, заимствованное санскритом из праkrita и представляющее *krtūh) с производным kāṭu-ka-h (то же значение); гр. θυλι-κό-ς „женский“, φυσι-κό-ς „природный“ и т. д. ясны по своему составу; особо следует отметить *-sko- в гр. παιδί-σκο-ς „мальчишка“, гот. þiudi-sk-s „языческий“ и т. д.

15. Суффиксы *-yes- (*-yues-) и *-istho-. — Это первичные суффиксы, служащие для образования сравнительной и превос-

ходной степени; корень имеет огласовку *e и повышение тона: скр. *vás-yas-*, ав. *vav'h-yah-* „лучший“; атт. вин. ед. *ὀλειζω* (-ω из -οα, древнего *-osn) „меньше“; др.-сл. горьшь „хуже“; скр. *svād-īyas-* „слаще“, атт. вин. ед. *ἡδ-ίω*; -ίωг- в латинских *suāu-ior* „слаще“, *sen-ior* „старше“ и т. д. может отражать и *-yōs и *-īyōs-. Германский имеет суффикс *-uez- в форме без *e: *-is- со следующим вторичным суффиксом *-e/on-: гот. *hard-iz-an-* „тверже“, соответствующее по форме ионийской основе *ἡδ ι-ον-*; аттическое противопоставление типа на *-īyos- в вин. ед. *ἡδίω* и в им. мн. *ἡδέους* типу на *-is-on- в других падежах, род. ед. *ἡδέουος* и т. д. (с *ī* по образцу *ἡδίω*, *ἡδέουος*) отражает, повидимому, индоевропейское состояние.

Огласовка и место тона выясняются из следующих примеров:

скр. <i>ur-ū-</i> „широкий“	<i>vār-īyas-</i> „шире“
<i>dū-gá-</i> „далекий“	<i>dāv-īyas-</i> „дальше“
<i>tig-má-</i> „острый“	<i>téj-īyas-</i> „острее“
<i>nāv-a-</i> „новый“	<i>nāv-yas-</i> „новее“
ав. <i>aspāf</i> „близко“ (из * <i>ṛzd-na-</i>)	<i>nazd-yah-</i> „ближе“
гр. <i>ὀλίγος</i> „немногий“	<i>ὀλειζων</i> „меньше (числом)“
<i>κρατός</i> , <i>κρατερός</i> „сильный“	ион. <i>κρέσσων</i> (из * <i>κρετ-уων</i>) „сильнее“.

Эти слова не происходят от соответствующих прилагательных, но восходят непосредственно к корням; это не сравнительные степени, но своего рода усилительные формы: вед. *yáj-īyas-* означает „особенно хорошо приносящий жертву“. В ведийском мы находим и *vāgīyah* „очень широкое“ и *urór vāgīyah* „шире широкого“.

Эти усилительные формы, повидимому, имели первоначально характер скорее существительных, нежели прилагательных: в восточных индоевропейских языках, как в индо-иранских, так и в славянских, они, повидимому, допускают образование женского рода; так, скр. *vāgīyasī* при *vāgīyān*; но языки греческий и италокельтские сохраняют древнейшее состояние, при котором не было специальной основы для женского рода: гр. *ἡδίω* и лат. *suāuior* являются формами как мужского, так и женского рода. Как мы увидим ниже на стр. 292, образование женского рода есть характерный признак индоевропейского прилагательного.

Суффикс превосходной степени *-ist(h)o- образован от *-yes- прибавлением элемента *-t(h)o-: скр. svād-iṣṭha-h „самый сладкий“, гр. ἡδ-ιστο-ς, др.-в.-нем. suoz-isto. — Различие в корневой огласовке между ион. κρείσσων „сильнее“ и производным κράτιστος; „самый сильный“ может быть древним (см. стр. 286).

16. Суффикс *-tego-, ¹*-toro, *-tro-. — Вторичный суффикс *-tego- обозначает противопоставление двух понятий, так, например:

основа *k^vo-: скр. ka-tarā-h „который (из двух)“, гр. κό-τερο-ς, гот. hwa-þar, др.-сл. ко-терыи, ко-торыи, лит. ka-tr-ās, лат. u-ter.

гр. ἄτερος (и с изменением по аналогии с εἰς и ἐν, — ἕτερος) „другой (из двух), второй“, гот. anþar, скр. ántaraḥ, лит. aĩtras, вероятно, и др.-сл. вѣторъ, тогда как слово со значением „другой (из многих)“ будет гр. ἄλλος, гот. aljis, лат. alius (противопоставленное alter „другой из двух“) см. стр. 273 — скр. anuāḥ — др.-сл. ннѣ.

скр. ān-tara-h „внутренний“, гр. ἐν-τερο-ν „внутренность“, лат. interior (с прибавлением элемента -ior, сделавшегося в латинском языке показателем всякой сравнительной степени), наряду с скр. antār „внутри“, лат. inter „между“.

Старое значение суффикса сохранилось, например, в следующих словах элейской надписи: ματε ερσενατεραυ ματε θηλυτεραυ „ни мужского, ни женского“; гр. ὄρεσ-τερο-ς значит не „более гористый“, но „гористый, горный“ по противопоставлению с „равнинный“; скр. асуа-tarā-h „мул“ означает некое животное, похожее на лошадь, но противопоставляемое лошади: лат. māter-tera „сестра матери“ — лицо близкое к матери, но противопоставляемое ей. Благодаря этому значению суффикс *-tego- стал вторичным суффиксом сравнительной степени в греческом и индоиранском: гр. ὀρώ-τερο-ς от ὀρός „сырой“, скр. āmā-tara-h от āmāḥ „сырой“; в ирландском он обозначает равенство; старинное значение было не „более сырой“, а „сырой“ в сравнении с чем-то другим; μελάντερον ἢτε πίσσα „очень черное, подобное смоле“ (Δ 272).

Суффикс *-tego- состоит из двух суффиксов: *-t(o)- и *-ego- (ср. стр. 278); соответствующий суффикс, обозначающий противопоставление многих предметов, имеет в первой части тот же элемент *-t(o)-, а во второй — элемент *-mo- (ср. стр. 276):

скр. ka-tamā-h „который (из многих)“, лат. quo-tumū-s.

скр. ān-tama-h „внутренний“, лат. in-timū-s.

Лат. *ul-timu-s* означает, таким образом, „последний (из всех)“ и *fini-timu-s* „самый крайний“.

17. Суффикс **-ter-* (и **-tel-*). — Суффикс имен действующего лица является в греческом — почти исключительно вне ионийско-аттического диалекта — в двух формах: *-тор-* (им. п. *'-τωρ*, род. п. *'-τορος*) и *-τήρ* (им. п. *-τήρ*, род. п. *-τήρος*), в женском роде *'-τειρα* (из **'тер-у*); в латинском в форме *-tōr-*, жен. р. *-tr-i-s-*; в славянском, наоборот, в форме **tel* (распространенной элементом **je* в падежах единственного числа); **l* суффикса **-tel-* мы находим и в хеттском языке; **g* в индо-иранском **-tar-* (скр. им. п. *-tā*, вин. п. *-tāgam*, дат. п. *-tr-e*) может отражать либо и.-е. **g*, либо и.-е. **l*. В корне была огласовка **e*; в двусложных корнях степень **e* имеет первая часть корня; место тона — неопределенно и, повидимому, изменялось в зависимости от падежей:

скр. *jani-tā* „родитель“, гр. *γενε-τήρ* (род. п. *γενετήρος*), *γενε-τωρ* (род. п. *γενετορος*), лат. *geni-tor*.

скр. *bóddhā* „наблюдатель“, гр. **πευστήρ-* (в *πευστήριος* „испытательный“), др.-сл. *вѣстѣль*.

Противопоставление полной огласовки корня и огласовки без **e* в гом. *δῶτωρ* „податель“, *βῶτωρ* „пастух“, *ἐπι-βήτωρ* „всходящий“ и *δοτήρ*, *βοτήρ* и *βατήρ* не случайно, ибо такое же противопоставление мы находим и в *λείμων* „луг“ и в *λιμήν* „гавань“, *ἄ(f)ετρα* и *ἀντήν* „дыхание“.

18. Суффиксы **-tro-* (**-tlo-*) и **-dhro-* (**-dhlo-*). — Обе засвидетельствованные формы **-tro-* и **-tlo-* обозначают орудие действия и являются тематическими формами предшествующих суффиксов: скр. *mān-tra-h*, ав. *mā-ḍrō* „религиозная формула, молитва“ и лит. *(ра-)mėn-klas* „памятник“ нельзя отделять от скр. *mantā* „мыслитель“ (основа *man-tār*): та же огласовка корня **e*, повышение тона на корне; так, скр. *śrō-tra-m* „ухо“ при *śrō-tā* „слушатель“ (основа *śrō-tar-*); в греческом языке есть только *-tro-*: *λέκτρο-ν* „ложе“, *ῥίπτρο-ν* „вода для умывания“ и т. д.; славянский сохранил след суффикса **-tro-* в слове *вѣтръ*; литовский имеет и.-е. **-tlo-*, отражающееся фонетически в виде *-kla-*: *žėp-kla-s* „знак“ (двусложный корень, см. выше стр. 182); в латинском языке имеются обе формы: *gōs-tru-m* „клюв, нос корабля“ и *rō-culu-m* „кубок“ (ср. скр. *rā-tra-m* „сосуд для питья“); то же в ирландском: *cría-thar* „грохот (сито)“ и *cē-tal* „пение, песня“ (из **kantlo-*), и в германском: гот. *smair-þr* „жир“ и др.-в.-нем. *sta-dal* „сарай“ (из герм. **sta-pla*). Отсюда понятно, что для одного и того

же слова мы можем встретить обе формы суффикса; так, для названия „плуга“:

гр. ἄρο-τρο-ν, ирл. arathar, арм. arawr (из *agā-tro-), лат. agā-tru-m, но лит. ár-klā-s.

Другой параллельный суффикс того же значения *-dhro-, *-dhlo-, представлен такими словами, как лат. cri-bru-m „сито, цеделка“ и sta-bul-um „стойло“ (при ирл. criathar „грохот (сито)“ и др.-в.-нем. stadal „сарай“) и т. д.; гр. γένε-θλο-ν „отродье, род“, χύ-τλο-ν „жидкость“ (из *χύθλο-ν, путем диссимиляции) и т. д.; чешск. rá-dlo (др.-сл. рало) „плуг“ при гр. ἄρο-τρον и т. д.

19. Суффикс *-tei-. — Суффикс *-tei- образует имена действия с нулевой огласовкой корня; место тона, повидимому, менялось в зависимости от падежей:

скр. gá-ti-ḥ и ga-ti-ḥ „приход“, гот. (ga-)qum-þ-s, гр. βά-σι-ς; может быть, и лит. (pri-)gim-ti-z „врожденное качество“ (ср. лит. gim-ti „рождаться“, дословно „приходить“?).

скр. bhr-tí-ḥ „несение“, гот. (ga-)baúr-þ-z „рождение“ (из *bhí-tei-), др.-в.-нем. (gi-)būr-t „рождение“ (из bhr-téi), др.-ирл. bri-th (инфинитив) „нести“.

В италийском этот суффикс представлен только отдельными словами, имеющими измененный вид, как, например, лат. mens „ум“ при скр. mátiḥ, matiḥ „мысль“: в обычном употреблении мы встречаем форму, распространенную еще элементом -ōn-, как mentiō, род. п. mentiōnis „упоминание“; (con-)uentiō „договор“ при скр. gátiḥ, gatiḥ „приход“ и т. д.; то же мы встречаем в ирландском и армянском.

Тот же суффикс *-tei- часто бывает вторичным, как в скр. pañk-tí-ḥ „пятерка“, др.-сл. пать; лат. sēmen-ti-s „посев“; др.-сл. жѡс-ть, др.-в.-нем. angus-t „тревога“ при основах на *-s-, скр. ámhaḥ и лат. angor „удушье“, angus-(tus) „узкий“; в славянском и в хеттском совпадает использование типа *-os-tei-; так, др.-сл. дълъгость, хет. dalugaštiš „длина“ (тип, встречающийся часто в славянском, довольно редко — в хеттском); ср. в армянском *-es-tei-, что встречается реже.

20. Суффикс *-teu-. — Суффикс *-tec- тоже образует имена действия, но такие, в которых идея действия подчеркивается с большею силою: скр. gán-tu-ḥ означает скорее „хождение“, нежели „приход“; этим объясняется, что именно такого рода образования дают супин в латинском: it cubitum „идет спать“, в литовском: eikš válygti „иди есть“, в славянском: что увидите

видеть „что вы пошли смотреть?“ а в санскритском инфинитивы на -tum (тождественные по форме с предыдущими супинами), -toḥ (родит.-отложит.), -tave (дат. п.), -tavaī. Судя по индо-иранским формам, огласовка корня в этих образованиях *e (или *o), а тон лежит на корне. Но в некоторых отдельных словах — огласовка нулевой ступени:

ав. rəṣu-š „брод“, rərə-tu-š „мост“ (обе формы восходят к *rṭuš), лат. por-tu-s „гавань“, др.-в.-нем. fur-t (герм. *fur-đu- из *rṭ-tū-), галльск. Ritu-(magus), название местности (ныне Radepont), означающее „(поле) брода“, др.-бретон. rit, толкующее лат. uadum „брод“, др.-ирл. -rith „брод“.

лат. gus-tu-s „вкус“, гот. kus-tu-s „проба“.

21. Суффикс *-men-. — Суффикс *-men- образует имена действия среднего или мужского рода: имена среднего рода очень часты; у них в корне огласовка *e (и ступень *e в первой части двусложных корней) и тон на элементе, предшествующем окончанию. Так:

скр. bhāg-ma „несение“, гр. φέρ-μα „бремя“; или с двусложной формой корня, скр. bhāgī-man- „несение“, др.-сл. вѣрма (русск. берѣмя, сербск. брѣме).

Форма мужского рода часто имеет ту же огласовку и то же место тона; так, наряду с скр. tāgma „конец жертвенного столба“, гр. τέρ-μα „предел“, лат. ter-men, мы имеем гр. τέρ-μων, лат. ter-mō; наряду с лат. lūmen „свет“ (из *leuksm̄) — др.-сакс. liō-mo (из *lioh-mo) „луч“, и т. д. Но встречается также и нулевая ступень огласовки корня с тоном на суффиксе: гр. αὐτήν „дыхание“, наряду с ἄ(f)ετρα; πυθ-μήν „дно, основание“, ὀ-μήν „кожица, плева“. Тот же суффикс образует также и имена действующего лица, как, например, гр. ἴδ-μων „знаток“, скр. dhar-mā „держатель, закон“; скр. brāhma (ср. р.) значит „молитва“, а brahmā (м. р.) „священник, брахман“.

Имена этого типа часто распространялись еще вторичным суффиксом *-to-; так, скр. śrō-ma-ta-m „известность“, др.-в.-нем. (h)liu-mu-t „слава“, при ав. sraoman- „слух“, гот. bliuma; в латинском это явление встречается часто: augmen и augmentum „увеличение“ и т. д.; отсюда тип слов на -mentum, как monumentum „памятник“ и т. д.

Как наряду с *-mo- мы находим *-s-mo-, так наряду с *-men- встречается *-s-men-: гр. γράμα „писание“ (в Аргосе) из *γραφ-тра; др.-сл. чисма „число“ при чѣтж „считаю“, лат. lūmen „свет“ из *leuk-sm̄ и т. д.

22. Суффикс *-went-. — Вторичный суффикс *-went-, означающий „снабженный чем“, засвидетельствован соответствием индо-иранского *-want- и гр. -(F)εντ-: скр. putrá-vant, ав. puθra-vant „имеющий сына“, гр. χαρί-(F)εντ- „прелестный“.

Общие замечания. — I. Предыдущий перечень содержит только простые суффиксы или те, которые функционируют как простые: суффикса *-wen- в нем нет, потому что он может рассматриваться как суффикс *-u- (форма с нулевой огласовкой), распространенный другим суффиксом *-en-; так, гр. αἰ-(F)έν „всегда“ при лат. ae-uo-m „век“, гот. ai-w-s „время, вечность“ и скр. āu-u-s „время, жизнь“. Даже некоторые из перечисленных выше суффиксов, кажущиеся простыми, образовались, несомненно, из накопления вторичных суффиксов; таким путем образовался, повидимому, последний из перечисленных в перечне суффиксов — *-went- (*-w-en-t-?).

Такие накопления суффиксов очень рано стали играть важную роль; так, сочетание *-i-ko-, жен. р. *-ik-ā, встречается как в санскритском, так и в славянском в уменьшительном от индоевропейского *mūs „мышь“ и „мышца“: скр. mūṣ-ikā „мышь“, др.-сл. мѣш-ѣца, польск. myszka, русск. мѣшка; в латинском языке также есть свой сложный уменьшительный суффикс -culus в производном от того же слова mīsculus „мышонок, мышца“, наряду с mūs „мышь“. Такого рода явления весьма многочисленны.

II. Во вторичных образованиях элемент, непосредственно предшествующий вторичному суффиксу с начальной согласной или сонантом, как общее правило, имеет нулевую ступень огласовки; так:

и.-е. *-is-, а не *-yes- в суфф. *-is-tho-, скр. -iṣ-ṭha-, гр. -ισ-το-, гот. -is-ta-, см. выше стр. 282.

и.-е. *-u-, а не *-eu- в скр. guru-tā, „тяжесть“, гр. βαρύ-της.

и.-е. *-i-, а не *-ei- в скр. avi-kā „овца“, др.-сл. овѣ-ца.

и.-е. *-r-, а не *-er- в скр. pītr-iyauḥ „отцовский“, гр. πατήρ-ιος, лат. patr-ius.

В основах, произведенных от слов, уже заключающих один суффикс, не только новый элемент, предшествующий суффиксу, но и предшествующий ему корневой элемент стремятся иметь огласовку нулевой ступени: если примеров этого мало, то это объясняется тем, что аналогия вытеснила большинство таких основ и остались из них только те, которые сохранились благодаря особым обстоятельствам; так:

от *k^wetwer- (скр. catvārah „четыре“, др. τέτορες и т. д.): *k^wtur-yo-, ав. (ā-)xtūirīm „в четвертый раз“, tūiryō „четвертый“, скр. turīyah „четвертый“, или *k^wtī-to- в гр. τάρτημόριον „четверть“, в латинском (в Пренесте) Quorta.

от *dei-wo- „бог“ (скр. devāh, лат. deus и т. д.): скр. div-yā-h „божественный“, гр. δῖος (из *dīf-yo-ς), лат. dīus (из *diu-io-s), т. е. и.-е. *dīw-yo-.

Отыменные глаголы должны были иметь ту же особенность, как об этом свидетельствует атт. βλίττω „вырезаю мед“ (из *mlit-yō), производное от μέλιτ-.

III. Удвоение не играет в имени грамматической роли; оно не дает в нормальном языке никакого регулярного типа образования. Но в лексике народной и технической есть довольно много форм с удвоением.

Примеры усилительного удвоения: скр. kar-kar-ī-h (род музыкального инструмента), др.-сл. кол-колъ, русск. коло-кол (из *kol-kōlo-), лит. им. п. мн. ч. kañ-kl-ės (род струнного инструмента), kañkalas „колокольчик“; или скр. kar-ka-ṭah (пракритская форма старого *kar-kī-ta-h) „рак“, лат. cancer (основа *kan-krō, из *kar-krō; ср. стр. 188).

Примеры обыкновенного удвоения с *e или *i: скр. sakrām, ав. śa-xrēm „колесо“, др.-англ. hweohhol, hweowol, hwéol „колесо“ (из *hwe-hla-, *hwe-wla-, древнее *k^wék^wlo- и *k^we-k^wló-), гр. κύκλος „круг“ (повидимому, из *k^wék^wlo-s), лит. kã-klas „шея“ (которое может представлять более древнее лит. *ke-klas) наряду с формой без удвоения др.-сл. коло, др.-прус. kelan, др.-исл. hvel „колесо“; или лат. fe-ber „бобер“, лит. bẽ-brus, корнское be-feg, скр. ba-bhrūh „коричневый“, наряду с удвоением с *i в лат. fi-ber „бобер“, галльск. Vi-br-(ax), др.-сл. вь-връ, др.-в.-нем. bi-bar.

Неустойчивый и даже капризный характер образований „народного“ просторечия обнаруживается в так называемом „ломаном“ удвоении, при котором удвоение относится к типу усилительному, а корень может сокращаться до одной только согласной: лат. gur-g-es „омут“, гр. μὀρ-μ-ώ „бука“ и лат. for-m-ldō „пугало“ наряду с гр. μὀρ-μ-ορ-ος „страх“; гр. καρ-κ-ίγος „рак“ наряду с лат. cancer (см. стр. 196—197) и т. д.

Причастия. — Кроме вышеприведенных именных основ первичных и вторичных, в индоевропейском были еще именные основы, произведенные от основ глагольных, т. е. „причастия“. Такие прилагательные, как гр. κλυτός „славный“

или $\sigma\tau\upsilon\gamma\acute{o}\varsigma$ „ненавистный“, — не индоевропейские причастия, так как они не происходят от глагольных основ; только в период развития отдельных языков основы с этими суффиксами были включены в систему глагола, как $amātus$ „любимый“ в латинском языке или $дѣланъ$ в древнеславянском.

Впрочем, при кузативах существуют прилагательные на $*-to-$ с предшествующим $*-i-$, принадлежащим к глагольной основе:

скр.	$darçáyati$ „показы- вает“	$darçi-tá-h$ „показанный“
гот.	$(ga-)tarhjan$ „разли- чать“	$(ga-)tarhi-þ-s$ „имеющий дурную славу“
лат.	$monēō$ „напоминаю“	$moni-tus$ „помянутый“
лит.	$laikau$ „держу“	$laiky-ta-s$ „держанный“

и к этим именно формам примыкают такие инфинитивы, как лит. $laikyti$ „держать“, др.-сл. $боудити$ или гр. $\chiομίζω$ „приношу“ наряду с $\chiορέω$ „забочусь“.

Индоевропейские причастия в собственном смысле суть следующие:

1. Причастия действительного залога настоящего времени и аориста на $*-ent-$. — Присоединяясь к атематическим основам без удвоения, суффикс имеет форму $*-ent-$, $*-ont-$, $*-nt-$, как, например, скр. $s-án$ „сущий“, им. мн. $s-ánt-aḥ$, род. ед. $s-at-áḥ$ при скр. $ás-ti$ „есть“, $s-ánti$ „суть“; др.-сл. $с-ы$ „сущий“ (из $*s-ont-s$) при $късть$, $сжть$; гр. $\omegaν$ (вм. $*\omegaν$); лат. $(praе-)s-ens$ „присутствующий“ и т. д.; присоединяясь к атематическим основам с удвоением (и к основе аориста на $-s-$), суффикс имеет форму $*-nt-$ во всех падежах: скр. им. ед. $dád-at$ (из $*ded-nt-s$) „дающий“, гр. $τιθεῖς$ (из $*ḍiḍe-nt-s$) „кладущий“; в обоих случаях элемент, предшествующий суффиксу причастия, имеет нулевую ступень огласовки. — Что касается тематических основ, то тип скр. $bhāran$ „несущий“, им. мн. $bhāran-aḥ$, род. ед. $bhārat-aḥ$; гр. $φέρων$, $φέροντες$, $φέροντος$; лат. $uehens$ „везущий“, род. п. $uehentis$; лит. $vezās$, др.-сл. $везы$ (им. п. мн. ч. $везъштѣ$) допускает двойное толкование: $*bhēre/o-nt-$, $*wēghe/o-nt-$ или $*bhēr-e/ont-$, $*wēgh-e/ont-$, смотря по тому, рассматривать ли элемент $*e/o$ как тематическую гласную в основах $*bhēre-$, $*wēghe-$, или как гласную суффикса. — Как бы то ни было, этот суффикс присоединяется ко всем основам настоящего времени и аориста; так, в греческом $τείνω$ „тяну“, $τείνων$ „тянущий“, род. п. $τείνοντος$; $δάμνημι$ „укрощаю“, $δάμνης$ „укрощающий“, род. г. $δάμνάοντος$; $ἔλιπον$ „я оставил“, $λιπών$ „оставивший“, род. п. $λιπόντος$;

λείψω „оставляю“, λείψων, род. п. λείψοντος; ἔταραχ „отомстил“, ταίσᾱς „отомстивший“, род. п. ταίσαντος и т. д.

2. Причастия действительного залога перфекта на *-wes- (*-wet-). — Суффикс имеет две формы, которые, повидимому, чередовались в различных падежах; одна, *-wes-, засвидетельствована скр. им. ед. vāp, им. мн. -vāms-ah (со вставкою носового элемента, свойственной только санскриту), род. ед. -úṣ-ah, жен. р. им. ед. úṣ-ī; гр. ср. р. -(f)ός, жен. р. -ύια (из *-us-ya); др.-сл. жен. р. ѣш-и, лит. жен. р. -usi; другая форма, -wet-, засвидетельствована скр. творит. мн. -vād-bhiḥ, местн. мн. -vāt-su; гр. род. ед. -f ότ-ος. Предшествующий суффиксу элемент часто имеет огласовку нулевой ступени; например:

скр. ṛirik-vāp „оставивший“, лит. жен. р. lik-us-i;

скр. matṛ-vāp „умерший“, жен. р. matṛ-úṣī, лит. жен. р. mīr-us-ī, др.-сл. жен. р. мър-ѣш-и;

гр. μεα-(f)ός „стремящийся“, δεδ(f)ι-(f)ός „боязливый“ и т. д.

Но противопоставление гр. *Feδός*—*Fιδ-ύια* (при скр. *vid-vāp* „знающий“, жен. р. *vid-úṣī*) показывает, что мужской род в индоевропейском имел огласовку *e в элементе перед суффиксом, а женский род — огласовку нулевой ступени; эта разница объясняется тем обстоятельством, что женский род включает вторичный суффикс, присоединенный к основе мужского рода, и мы встречаемся здесь с тем случаем, который был отмечен на стр. 286; огласовку *e в элементе, предшествующем суффиксу, мы находим и в гот. *weitiwoþs* „свидетель“, старое причастие перфекта, соответствующее гр. *Feδός*. В греческом есть еще гом. *μερηκός* „блеющий“, жен. р. *μερακύια* и т. д. и, со свойственным греческому языку расширением огласовки *o, гом. *πεπουδός* „пострадавший“, жен. р. *πεπυδύη*.

3. Причастия среднего залога настоящего-аориста и перфекта. — В тематическом типе греческий язык имеет (φέρβ-)μενος, санскрит — (bhāra-)māna-h „несущий“, авестийский — (yazə-)mna- „приносящий жертву“, латинский — (alu-)mnius „питомец“ и (fē-)mīna „женщина“ (только единичные остатки), „тохарский“ В — *wes-kepane* „говорящий“; единственная форма суффикса, ясно засвидетельствованная несколькими языками, это *-mno-: ав. -mna-, лат. -mnius. — В атематическом типе санскрит имеет -āna-, как в настоящем времени: *duh-ānā-h* „доющий“, так и в перфекте *bubadh-ānā-h* „пробудившийся“, греческий имеет -μενο-, как и в тематическом типе: *τιδέ-μενο-ς* „укладывающий, полагающий“,

κεί-μενο-ς „лежащий“ и точно так же в перфекте: πεφύγ-μενο-ς „убежавший, обращенный в бегство“ и т. д.

Латинскому типу *ferendus* „имеющий нести“ нет точного соответствия вне италийского. Он должен быть древним.

Были еще причастия на *-lo-, развившиеся преимущественно в славянском и в армянском; армянское причастие на -eal образуется от древней основы на *-is-ā-, включающей суффикс *-is- и суффикс -ā-, оба глагольные. Тип причастия на *-l- вне этих языков сохранился лишь в виде остатков; например, в греческом есть существительное *μηνόλης* „бешеный“ при глаголе настоящего времени *μεινομαι* „безумствую“; это образование восходит к древней атематической форме с суффиксом *-l-.

Равным образом, при том же *μεινομαι* в греческом есть существительные *μηνάς*, род. п. *μηνάδος* „бешеная, менада“ в котором -αδ- должно восходить к *-nd- и тем самым напоминает *-ndo-латинского типа *ferendus*.

В индоевропейском было, следовательно, большое разнообразие причастных образований, связанных с глагольными основами.

Причастия сохраняют полностью семантическую значимость глагольных основ, от которых они образованы, и, сверх того, как мы видим, различают настоящее-аорист и перфект и залог действительный и средний; место тона в них то же, что в соответствующих личных глагольных формах, а в атематическом типе — то же, что в формах с тоном на конце слова, как, например, гр. *ἰών*, (F) *ιδώς* и т. д.

Важность причастий в индоевропейском вытекает из характера конструкции примыкания, что будет нами выяснено в главе VII: причастие в собственном смысле есть форма, употребляемая при примыкании. Иначе обстоит дело с типами на *-l-, *-nd- и т. п., которые могли в индоевропейском употребляться как сказуемые.

Инфинитивы. — Корни наряду с глагольными основами дают и основы именные, которые не произведены от глагольных основ, но, составляя часть той же группы слов, близки им по смыслу; эти именные основы имеют поэтому то же значение, какое приняли впоследствии имена, произведенные от глагольных основ, и могут играть ту же роль, какую играют в других случаях отглагольные существительные или инфинитивы: так, ведийский дат. ед. *āj-e* „для ведения“ от основы с нулевым суффиксом скр. *aj-* равносильна по значению нашему „чтобы вести“, а лат. *āgi* можно считать его точным соответствием по форме; дат. пад. от санскритской основы *vid-mán* „знание“ — *vid-mán-e* естественно значит „чтобы

знать“; такой инфинитив, как $\delta\acute{o}\mu\alpha\nu$ „дать“, может тем самым представлять падежную форму с нулевым окончанием от основ на *-men-, как и ведийское $dh\acute{a}g-ma\tilde{n}$ „в держании, держа“ и т. д.

С другой стороны, нет никаких указаний на то, чтобы в индоевропейском были подлинны инфинитивы, т. е. склоняемые или несклоняемые именные формы, связанные с глагольными формами, и еще менее — именные формы, произведенные от глагольных основ, каковы гр. $\lambda\acute{\epsilon}\iota\pi\alpha\iota\nu$ „оставлять“, $\lambda\iota\pi\epsilon\tilde{\iota}\nu$ „оставить“, $\lambda\acute{\epsilon}\iota\psi\alpha\iota\nu$ „иметь оставить“, $\lambda\epsilon\lambda\omicron\upsilon\pi\acute{\epsilon}\nu\alpha\iota$ „быть оставившим“, лат. *linquere* „оставлять“ и *liquisse* „оставить“, *esse* и *fuisse*. Индо-иранские формы на *-dhyāi, например, скр. $v\acute{a}ha-dhy\acute{a}i$ „везти“ от основы $v\acute{a}ha-$, $v\acute{a}hati$ „везет“, хотя и напоминающие тип греческих инфинитивов среднего залога $\phi\acute{\epsilon}\rho\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ „нести“, все же отличны от них. — В лат. *ferē-bam* „я нес“, *monē-bam* „я напоминал“, *monē-bō* „напомню“; гот. *salbo-da* „я мазал“, *salbo-dedum* „мы мазали“, др.-сл. $вѣдѣ-ахъ$ „я вел“ и т. п. первый элемент есть, повидимому, своего рода инфинитив, типа иначе не засвидетельствованного, а второй — личная глагольная вспомогательная форма со значением „быть“ или „делать“.

О происхождении образований, различающихся по языкам, можно делать лишь шаткие гипотезы. Повидимому, тип гр. $\phi\acute{\epsilon}\rho\alpha\iota\nu$ „нести“ следует объяснять какою-то формою от основ на *-s-, распространенной с помощью *-en-, примерно, **bher-es-en*, и в ведийском языке, действительно, есть кое-какие формы на *-s-an-i*, служащие именами действия, а конечный элемент лат. *es-se* „быть“, *uelle* „хотеть“, *dicere* „говорить“, *dixisse* „сказать“ может восходить к конечному элементу формы от основы на *-es-; но все это не доказуемо. И ничего нельзя сказать, к чему может восходить -αι типа гр. $\delta\acute{o}\mu\epsilon\nu\alpha\iota$ „дать“, $\acute{\iota}\nu\alpha\iota$ „итти, пойти“.

В общем, в индоевропейском, повидимому, не было инфинитивов; не во всех языках есть подлинный инфинитив, а там, где он имеется, формы его не совпадают, даже в наиболее смежных языках. Это отсутствие инфинитивов объясняется общим характером индоевропейского, где нет форм, выражающих общее значение слова (ср. наш инфинитив, могущий служить для называния глагола) и где есть только различные спрягаемые и склоняемые формы, выражающие различные оттенки значения.

Образование женского рода и суффиксы *-ā-, *-uā-. — Даже обозначая существа, различаемые по полу, индоевропейские существительные не имеют признака мужского или жен-

ского рода; в таких именах родства, как лат. *pater* „отец“ и *frāter* „брат“, *māter* „мать“ и *soror* „сестра“, нет ничего ни в основе, ни в склонении, что бы их характеризовало как имена мужского или женского рода. Правда, основы на *-e/o- чаще всего бывают мужского или среднего рода; но в греческом и латинском языках среди них есть и имена женского рода, как, например, названия деревьев: гр. *φῦλος* (дор. *φῶλος*), лат. *fagus* „бук“ (соответствующее германское слово перешло в основы на *-ā-, как на это указывает др.-в.-нем. *buohha*); и в армянском языке они были, как об этом свидетельствует пп, род. п. *սուօ* „сноха“ при гр. *υῖος* (жен. р.). Следовательно, были индоевропейские существительные основы на *-e/o- женского рода; но они исчезли почти всюду; так, и.-е. **snuso-* „сноха“ превратилось в основу на *-ā- в скр. *snusā́*, др.-сл. *снѣхъ*, др.-англ. *snocu*, лат. народн. *pora*, и в основу на *-u- в лат. *puḡus* (под влиянием *socius* „свекровь“). Такое слово, как гр. *ἄρκτος*, обозначает и „медведя“ и „медведицу“, и таково было индоевропейское состояние: латинская форма женского рода *ursa* образована поэтому иначе, нежели скр. *ṛksī* „медведица“ к *ṛkṣaḥ* „медведь“. Гр. *ἵππος* обозначает и „жеребца“ и „кобылу“, и все обозначения „кобылы“, как скр. *áṣvā*, лит. *ašvā* (из **ešva*), лат. *equa*, хотя и совпадают по форме, являются независимыми образованиями санскритского, литовского и латинского языков. С другой стороны, существительные основы на *-ā- и *-uā- по большей части женского рода; но те же суффиксы служат и для образования имен, по большей части сложных, обозначающих существа мужского пола и тем самым мужского рода, как, например, лат. *agricol-a* „земледелец“, др.-сл. *сложга*, (кож-)вода (ср. тип арм. *էրկեր* „товарищ“, твор. п. *էրկեր-ա-ւ*, букв. „едящий вместе“), гр. *δεσ-ποτ-ᾱ-* (им. п. *δεσπότης*) „господин“, или др.-сл. *блльн* (вин. п. *блльж*) „лекарь“, скр. *gathī-* (им. п. *gathīh*) „возница“, и т. д.

Таким образом, даже существительные основы на *-e/o- и на *-ā- не различают сами по себе мужского и женского рода; мужской или женский род индоевропейского существительного определяется по смыслу и узнается исключительно только по форме прилагательного, которое относится или может относиться к этому существительному (ср. выше стр. 264).

Прилагательные характеризуют женский род суффиксами, по природе своей вторичными, *-ā- и *-uā-: часто, хотя и не постоянно, встречающееся в „одушевленном“ роде наличие двух основ, одной — для мужского, другой — для женского рода, является, при общем мужском и среднем склонении главной основы во всех

трех числах, единственной формальной чертой, отличающей прилагательное от существительного:

1. *-ā- (огласовка нулевой ступени *-ə-). — С помощью суффикса *-ā- образуется женский род прилагательных тематического типа: санскритскому sāpa-, гр. ἔνο-, лит. sena- „старый“ в женском роде соответствует основа скр. sāpā-, гр. ἔνᾱ-, лит. seno-: санскритскому śrutā-, гр. κλυτό-, лат. -clīto- „известный, славный“ — женский род скр. śrutā-, гр. κλυτᾱ́, лат. -clīta-; и т. д.

2. *-yā- (*-iyā-): с нулевой ступенью огласовки *-i- (*-iyə-). — Суффикс *-yā- употребляется в прилагательных атематического типа. Различие форм *-yā- и *-iyā-, повидимому, связано было в индоевропейском исключительно с количеством предшествующего элемента: в этом отношении греческое противопоставление основ πῆρᾱ- из *πῆr-уᾱ- и πόνᾱ-, из *пoтн-уᾱ-, представляет, вероятно, первоначальное состояние: им. ед. первой основы должен был бы быть *пῆrī (где -ī из *-yə), а второй πόνᾱ (где -ᾱ из *-iyə), но греческий язык сделал общим ᾱ типа πόνᾱ и имеет им. п. πῆρα „жирная“ при вед. rīvarī; наоборот, индо-иранский сделал общим -ī, и соответствующая греческому πόνᾱ форма именит. падежа будет скр. rātn-ī „госпожа“; подобные обобщения происходили и в других языках.

Перед *-yā- конечный элемент основы мужского-среднего рода получает в женском роде обыкновенно огласовку нулевой ступени, но иногда также и иной:

такая причастная основа, как *bhéront-: жен. р. *bhéront-yā-: скр. bhārant-yā-, гр. *φερонт-уᾱ- (им. п. атт. φέρουσα, дор. φέρωσα, лесб. φερωσα), др.-сл. вержшта (из *berqt-ja), точно так же лит. *vezant-jō (им. п. vezant-i) „везущая“ и гот. frijond-jo (им. п. frijond-i) „подруга“.

скр. основа муж. р. yuvan- „молодой“, ж. р. им. п. yūn-i, ср. лат. iūn-i(-x) „телка“.

скр. основа муж. р. svādāv- „сладкий“: им. п. ж. р. svādv-ī; но гр. ἡδύς, жен. р. ἡδᾱ (из *Fāḍ=F-ya с переносом огласовки из *FāḍéF-ος).

Женский род первоначально производился от корня независимо от соответствующего мужского рода; нет никакого основания предполагать, чтобы когда-нибудь было утрачено *w в таких формах, как гр. πολλᾱ (πολλή) „многая“ при πολύς „многий“, гот. kauŕjo „тяжелая“ при kauŕus „тяжелый“, лит. plačo- (из *plaijo-) при platus „широкий“ и т. д. Форма женского рода скр. rāliknī „серая“ независима от rālitāh „серый“ и *n женского рода скр. rātnī „хо-

зьяка“, гр. *πότις*, др.-лит. *-patni* противопоставляет женский род мужскому роду скр. *rātiḥ* „хозяин“, гр. *πίσις*, др.-лит. *ratis*. Основы на *-г/п, имеющие *-г- только в им.-вин. ед. среднего рода (например гр. *πίσις* „жир“) и все свои формы мужского рода образующие от основы на *-п- (как вин. ед. гр. *πίοντι*, вед. *rīvānam*), образуют женский род от основы на *-г-: гр. *πίσις*, вед. *rīvāgī* „жирная“. Таким образом, женский род должен был быть первоначально гораздо более независим от мужского, чем это кажется на первый взгляд, судя по тому состоянию, которое представляют исторически засвидетельствованные индоевропейские языки.

Суффиксы *-ā- и *-yā-, служащие для образования женского рода прилагательных, образуют также и производные от существительных.

Так, мы имеем много имен существительных женского рода на *-ā-, параллельных именам муж. рода тематического типа, как, например, гр. *πλοκή* „плетение“ при *πλόκος* „коса (заплетенная из волос)“, с различным местом тона в основе мужского рода и в основе женского рода: точно так же *φῶλον* „род“: *φύλη* „племя, фила“; *νεῦρον* „жила“: *νευρά* „тетива“; скр. *svādānam* „вкус“: гр. *ἡδονή* „удовольствие“; тип гр. *βροντή* „гром“ при *κοίτος* „лежание, сон“; и т. д. Склонение основ на *-ā- сопровождалось, сверх того, по крайней мере в части слов, перемещением тона в различных падежах, как мы это увидим ниже. Тип гр. *πλοκή* повторяется в лат. *toğa* „тога“, лит. *rankà* „рука“ и др.-сл. *рѣка*, гот. *staiga* „дорога“ и т. д. — Тот же суффикс дает ряд производных от основ существительных атематического типа, как, например, гр. *ἡμέρα-α* „день“, при гом. *ἡμέρα* „день“, *κρήνη* „ячмень“ при гом. *κρή* (древн. **κρήν*); лит. *vasar-à* „весна“, ср. гр. *ἔαρ* и др.-сл. *веси-а*, при скр. *vasan-* (*tāh*) „весна“; лат. *ōr-a* „край, берег“, ср. *ōs* „рот“; и т. д. — И тот же суффикс наличествует в именит.-винит. падеже ед. ч. имен собирательных, заменяющих собою именит.-винит. пад. множ. ч. среднего рода: вед. *yugā* „ярма“, гот. *juka*, гр. *ζυγά*, лат. *iuga* и т. д. (см. стр. 301). Этот же суффикс с таким же собирательным значением обнаруживается и в гр. *φράτηρ-α* (ион. *φράτηρ*) „род, фра-трия“, в силу своего смысла относящемся к одушевленному роду (именно к женскому, потому что суффикс *-ā- чаще образует женский род, нежели мужской).

Суффикс *-yā- в существительных производит женский род к именам действующего лица (здесь образование женского рода требуется смыслом существительного и производится по образцу прилагательных):

скр. основа муж. р. *janítar-*, *jánitar-* „родитель“: нм. ж. р. *jánitr-I*; ср. лат. *genitor*, жен. р. *genetri(-x)*; гр. *γενετήρ*, *γενέτωρ*, жен. р. *γενέτειρα*.

скр. основа муж. р. *tákšan-* „плотник“: жен. р. им. п. *takšn-í*; гр. *τέκτων*, жен. р. *τέκτωνιχ*; скр. основа муж. р. *gájan-* „царь“: жен. р. им. п. *gájjī* „царица“; ср. ирл. *gígain* (из **gēg^{on}-i-*).

В области существительных образование на **-i-* часто служит для обозначения самок, таковы скр. *deví* (род.-отл. п. *dev(i)uáh*) „богиня“ при *deváh* „бог“ и *vrkíh* (род. п. *vrk(i)uah*) „волчица“ при *vrkaḥ* „волк“. Соответственно этому типу в литовском часто бывают формы на *-ė*, например *deivė* „богиня“, *vilkė* „волчица“. Соответствующая греческая основа включает **-i-* с последующим **-d-*: гр. *-ιδ-*.

Имена собирательные одушевленного рода, гр. *φράτριᾶ*, др.-сл. *вратрь-и*, образуются сходно с такими собирательными, как др.-сл. *каменьк*, *лиственк*, и т. д.

Суффикс **-uā-* служит для распространения основ; так, др.-сл. *zemla*, лит. *žemė* (древн. **zemjō*) „земля“ при гр. *χθών*, скр. *kṣāh*, ав. *zā* „земля“ (об этой основе см. стр. 266). Вполне вероятно, что такие существительные, как гр. *φύγα* (из **φυγ-υχ*) „бегство, изгнание“, лит. *žin-iā* „знание“, др.-сл. *лъжь* (из **lūg-ja*) „ложь“ являются производными от основ с нулевым суффиксом, как то: *φυγ-*, засвидетельствованного в *φύγα-δε* „изгоняй“. Мы уже видели на стр. 266, что гр. *ἄβλα*, *ἄβλαχ* „молва, молву“ служат падежами именительным и винительным к древней основе, от которой сохранились атематические формы родительного и дательного *ἄβλος*, *ἄβλι* „молвы, молве“. Вед. *táviṣ-i*, ав. *təviš-i* „сила“ есть производное от индо-иран. **taviš-* „сила“, засвидетельствованного, как кажется, в одной из гат „Авесты“. Тип гр. *ἀλήθεια* „истина“ — явно производный.

Наряду с нормальным образованием женского рода на **-uā-* типа скр. *tan-ú-h* „тонкий“ (буквально „вытянутый“), жен. р. *tanvī*, ср. лат. *tenuis*, возможно было другое образование, характеризующее суффиксом **-ā-* (или, с огласовкой нулевой ступени, **-ə-*), т. е. **-wə-*, откуда **-ū-*; нулевая ступень огласовки распространилась и здесь по всему склонению, как и в типе скр. *partīh* „внучка“, и таким образом мы получаем скр. *tanū-h* „тело“, род. п. *tan(ū)v-ah*. Точно таким же способом произошло замечательное образование женского рода к скр. *śvaśuraḥ* (из **śvaśuraḥ*) „свекор“, ав. *xvasurō*, гом. *(f)εχυρός*, лит. *šėšuras*, лат. *socer*: скр. *śvaśurīh* „свекровь“, др.-сл. *свѣкры*, лат. *socrus*, др.-в.-нем. *swīgar*,

т. е. и.-е. *swekrū- из *swekrwэ- с *w после *r, между тем как в муж. роде *-ur-; точно так же *-gʷgnī- (из *gʷrэ-nw-э-), засвидетельствованное др.-сл. жръны „жернов“, гот. -raignus есть производное на *-ā-: *-э- от основы, засвидетельствованной скр. grāvan, др.-ирл. brō, валл. breuan (то же значение); перестановка *w аналогична фактам, отмеченным на стр. 156. Здесь мы встречаемся с рядом сложных явлений.

Прилагательное имеет либо основу мужского (и среднего) рода, либо основу женского рода, в зависимости от того, какого рода требует существительное, к которому оно относится. Существительное требует той формы прилагательного, которая называется поэтому „мужскою“, когда оно определено обозначает самца, и той формы прилагательного, которая называется „женскою“, когда оно обозначает самку (или нечто приравненное к существам женского пола, как, например, „дерево“ или „землю“, которая принимает в себя дождь, в противоположность „небу“, испускающему его, и т. п.), и это какова бы ни была форма существительного. Женский род типа на *-ti- скр. matih „мысль“, лат. mens „ум“ объясняется тем, что имена действия были в индоевропейском именами, обозначающими силы женского начала, как скр. vāk „слово“, лат. vox „голос“ (см. стр. 268). Существительные на *-e/o- чаще всего обозначают силы мужского начала и в таком случае относятся к мужскому роду; существительные на *-ā- чаще всего женского рода.

Когда исчезло ясное понимание прежних категориальных различий в отношении мужского или женского пола одушевленных существ, грамматическое противопоставление мужского и женского рода существительных перестало тем самым соответствовать точным понятиям, и отнесение того или иного слова к мужскому или женскому роду утратило свое ясное обоснование; однако сохранились некоторые явные черты прежнего распределения, например в том, что названия деревьев женского рода, поскольку дерево производит плоды и тем самым имеет характерный признак существа женского пола.

Сложение. — Две именные основы, соединяясь, могут образовывать одну сложную основу. За исключением третьего из указанных ниже случаев, глагольные основы не входят в сложение.

В сложной основе склоняется только вторая часть, которая непременно должна быть существительным или прилагательным (и никогда не может быть глаголом, указательным или личным местоимением).

Первая часть сложения представляет основу без окончания, и это и характеризует его; индоевропейское сложное слово есть сочетание двух слов, из которых первое представляет простую основу и только второе склоняется; элемент, оканчивающий первую часть, имеет огласовку нулевой ступени в основах атематического типа, включающих сонант, т. е. элемент, способный вокализиться:

скр. *tri-rād-*, гр. *τρι-πόδ-*, лат. *tri-ped-*, др.-англ. *þri-féte* „треногий“; точно так же лит. *tri-kójis* „треногий“ и т. д.

гр. *ἡδύ-επής* (**Ḥadu-fepes*) „сладкоречивый“; скр. *svādu-rātiḥ* „имеющий приятные дары“.

**sm-* в скр. *sa-kṛt* „один раз“, гр. *ἁ-πλοῦς* „простой“, лат. *sim-plex* „простой“ и **sm-* перед гласной, в гр. *μ-ᾠνυξ* „однокопытный“.

**ḥ-* (при **ne*, засвидетельствованном скр. *pá* „не“, др.-сл. *ne*, лат. *ne(que)* „(и) не“ и т. д.) в скр. *á-jñataḥ*, гр. *ἄ-γνωτος*, лат. *ignōtus* (т. е. *inñotus* из **en-gñōtos*), гот. *un-kunþs*, арм. *an-sapawth* „неизвестный“. Перед гласной **ḥ-*, например, гр. *ἄ-ώνυμος*, арм. *an-anun* „безымянный“.

скр. *ḥ-hān-* „убивающий людей“, др.-атт. *ἄνδρα-φόνος*.

**dus-* в гр. *δυσ-μενής* „враждебный“, скр. *dur-manāḥ* и гат. *duṣ-manah-*, ав. *duš-manah-* „имеющий дурное настроение, печальный“.

Если нет сонанта, то в основах на **-es-* остается **e*; так, гр. (*F*)*επει-βόλος* „болтливый“, ав. *vačas-taštiš* „текст“ (букв. „сочетание слов“).

Тематическая основа имеет в первой части сложения огласовку **-o-* тематической гласной: гр. *ἵππο-δάμος* „укротитель коней“, др.-сл. *добро-дѣи*; лит. *gera-dėjis* „благодетель“; гот. *guda-faurhts* „богобоязненный“; галльск. *Ouydo-μαγος*, имя собственное, означающее „белое поле“. Трудности представляет тот случай, когда второе слово начинается с гласной.

Когда первая часть сложения — прилагательное, то, какой бы ни был суффикс прилагательного, он может заменяться через *-i-*; так, гр. *κῦδι-ἀνεира* „прославляющая мужей“, при *κῦδρός* „славный“, ав. *bəgəzi-šaxra* „высококолесный“ при *bəgəzant-* „высокий“, ср. скр. *brhánt*, др.-ирл. *Brigit* (имя собственное, букв. „высокая“). С этим можно сопоставить самостоятельность форм мужского рода и форм женского рода (см. выше стр. 293); вторичные суффиксы прилагательных бывают различны в форме мужского рода сравнительно с формою женского рода или с формою первой части сложения, точно так же как они различествуют по языкам; так, например, основе на **-ent-* в индо-иранском, скр. *brhánt*, и в кельтском, др.-ирл. *Brigit*, соответствует в хеттском и в ар-

мянском основа на *-u-, хет. parku-, арм. barjr (род. п. barju) „высокий“.

Во второй части сложения огласовка *o противопоставляется огласовке *e обособленного слова. Сохранились следы этого явления, например в латинском: ex-torris „изгнанный“, medi-tullium „средина“, при terra „земля“, tellus „земля“; в греческом φοσιζοος „животворный“ при ζεά; особенно примечательно противопоставление гр. ἐγχεσιμωρος „сильный копьем“, ἰβμωρος „сильный криком, хватун“ и т. п. и гот. megs „знаменитый“ (ср. факты, указанные ниже на стр. 311). Для теории сложения важно отметить, что такая же огласовка наблюдается и при соположении (juxtapositio); в греческом противопоставляются οὐπω „еще не“ и дор. πῆποχх, а в латинском, что еще любопытнее, pōlim „не желал бы я“ (из *ne-wol-, ср. др.-англ. nelle „не желай“) и uelim „желал бы я“.

Сомнительно, чтобы в индоевропейском первую часть сложения могла быть падежная форма, например форма местного падежа, как это имеет место в гр. Πυλοιγενής „рожденный в Пилосе“ или в скр. agré-gaḥ „идуший во главе“: эти так называемые „синтаксические“ сложения суть явления новые и представляют собою застывшие словосочетания.

Семантическая значимость сложения бывает различная:

1. Грамматическое значение, свойственное второй части, сохраняется, причем отношение обеих частей может быть какое угодно: приложение в гр. ἰατρὸ-μυτικς „врач-прорицатель“, скр. gāja-rṣiḥ „дарь-жрец“; определение и существительное: гр. ἀκρόπολις „вышгород“, скр. adhara-hanūh „нижняя челюсть“; дополнение и существительное: гр. πατρ-ἀδελφος „брат отца“, скр. mātr-svasā „сестра матери“; к этому последнему случаю относится распространенный тип сложных слов, второй частью которых является имеющая тон основа с нулевым суффиксом, атематическая, как в гр. βουτλήξ „палка для битья волов“, лат. iudex (*you-s-dik-) „судья“, сл. *medv-ēd- (им. п. др.-сл. мѣдвѣдъ, — букв. „едящий мед“; то же значение и у скр. madh(u)v-ād) или тематическая, как в гр. ὀπλοφόρος „оруженосец“, лат. armi-ger „оруженосец“, русск. водо-воз, скр. kumbha-kāraḥ „горшечник“; основы, являющиеся во второй части этих сложных слов, вне сложения часто не засвидетельствованы вовсе, и многие из них, быть может, отдельно и не существовали. Эти сложные слова обозначают действующее лицо; не существует таких сложных слов, в которых вторая часть была бы абстрактным существительным, сохраняющим свое абстрактное значение. Имена действующего лица на *-ter- не бывают второю

частью сложения, а заменяются основами на *-(e)t-: так, санскритский язык противопоставляет kartā „делатель“ (основа kartār-) сложному слову pathi-kṛ-t „делающий дорогу“; латинский язык противопоставляет factor „делатель“ (заново образованное от формы faciō „делаю“) сложному слову sacer-dōs (род. п. sacerdotis) „жрец“, где -dō-t- представляет *-dhō-t- от корня *-dhē- (глагола faciō, feci), ср. sacrificium „жертвоприношение“; в греческом языке *(e)t было распространено посредством *-ā-, откуда противоположность, например, βόττωρ, βοτήρ „волопас“ и συμβώτης, συμβότης „свинопас“.

2. Сложное слово имеет значение определения, показывающего, что вторая часть сложения, определяемая первой, принадлежит кому-то или чему-то: гр. βυθύ-κόλπος „имеющий глубокую пазуху“, лат. magn-animus „великодушный“, скр. hiraṇyakeṣaḥ „злато-власый“, др.-сл. чръновласъ, гр. δυσ-μενής „ложелательный, враждебный“, скр. dur-manāḥ „имеющий дурное настроение“ и т. д. Это так называемые „притяжательные“ сложные слова. Тон в них обычно на первой части, и это иногда позволяет отличать притяжательные сложения от иных: гр. πολύτροπος „многоизворотливый“ — притяжательное сложение, а παν-τρόπος значит „все вращающий“; скр. gāja-putrāḥ значит „царский сын“, а gāja-putraḥ „имеющий сыном царя“ — притяжательное сложение. Вторая часть притяжательного сложного слова в сущности сохраняет свое значение существительного и потому не принимает признака женского рода: скр. su-mānāḥ „благосклонный“, гр. εὐ-μενής служат формами как мужского, так и женского рода; точно так же и гр. ῥοδο-δάκτυλος „розовперстый“, ср. фр. Artaxerxes longuemain „Артаксеркс долгорукый“.

3. К третьему типу относятся сложные слова, первая часть которых имеет характер глагольной основы; таковы гр. ἀρχέ-κακος „начинающий зло, зачинщик злого дела“ с гласной *e в конце первой части, ср. ἀρχεῖν „начинать“; φυγο-πτόλεμος „избегающий войны“ с гласной *o в конце первой части, ср. φυγεῖν „избежать“; др.-сл. вѣ-гласъ „знающий“ (букв. „знающий голос“) из вѣд- (основа глагола вѣдѣ „я знаю“) и гласъ; в индо-иранском первая часть обыкновенно заменяется основой причастия: скр. vidād-vasuḥ „находящий благо“, ав. frādat-gaēdō „дающий преуспевание миру“. Следовательно, определяющее следует за определяемым в сложениях, где участвует глагольная основа, и предшествует ему при сложении двух именных элементов: это место определяющего после глагола, но перед именем, встречается во многих языках, где

грамматические отношения выражаются в предложении только порядком слов, и такую именно картину представляет взаимное расположение частей в индоевропейских сложных словах.

К основам сложных слов, как и ко всем другим, могут прибавляться вторичные суффиксы, как, например, *-уо- в гр. ἐννεὰ-βόιους (*ἐννεῖα-βόι-уо) „стоящий девять быков“.

Живой язык образует новые сложные слова не с бoльшей свободой, нежели новые основы при помощи суффиксов (см. стр. 265—266). В греческом языке, например, сложение представляет, главным образом, явление культового языка и языков технических и литературных, именно языка эпического и языка хоровой лирики. В древнеславянском почти все известные сложные слова суть слова ученые и служат для перевода греческих сложных слов; и такое сложное слово обиходного языка, как мѣдвѣ-ѣдъ, приведенное на стр. 298, обязано своим употреблением в живом языке какому-то древнему запрету произносить настоящее имя медведя: это был прием, употребляемый для того, чтобы избежать запретного слова. Но в специальных языках, особенно в языках культовых, сложение играло существеннейшую роль; этим объясняется, что сложные слова в литературных текстах встречаются тем чаще, чем искусственнее литературный жанр этих текстов. Это замечание не относится к тем сложным словам, первая часть которых представляет *п-, *зм-, и к некоторым другим общеупотребительным сложным словам того же рода.

Важное значение сложения в индоевропейском видно из того, что торжественные личные имена людей обыкновенно были сложными словами, как, например, гр. Ἴππο-μέδων („властитель коней“), скр. Асва-медхаḥ („совершивший жертвоприношение коня“), галльск. Еро-реппус („голова коня“), др.-англ. Еѳтсег („славный конями“), др.-перс. Асра-ѣанаḥ („желающий коней“).

В просторечии эти сложные личные имена заменялись, а иногда сопровождались сокращенными (или ласкательными) формами, каковы гр. Ἴππίης, Ἴππις, Ἴππιλλος и т. п. Эти экспрессивные образования с двойными согласными вообще играли большую роль в индоевропейских просторечных и народных формах, которые, по правде говоря, плохо нам известны (см. стр. 154).

6. СКАОНЕНИЕ

Склонение существительных и прилагательных выступает в трех разных видах, в зависимости от того, оканчивается ли основа: 1) на согласную или сонант, 2) на *-ā- (*-ē-) или 3) на *-e/o-.

Средний род характеризуется склонением; но во всех падежах, кроме именительного, звательного и винительного, форма совпадает с формой мужского-женского рода. Для трех же указанных падежей в каждом числе имеется только одна форма среднего рода; так, в ведийском им.-зват.-вин. п. ед. ч. *yugám* „ярмо“, мн. ч. *yugá*, в греческом *ζυγόν* и *ζυγά*, в латинском *iugum* и *iuga* и т. д.

Форма, служащая для им.-зват.-винит. п. мн. ч. ср. рода, представляет собою старинную собирательную форму среднего рода с основой на *-ā- (*-ǝ-); склонение среднего рода во множественном числе состоит из этой собирательной формы на *-ā- в им.-зват.-вин. п. ед. ч. и из форм, сходных с формами мужского и женского рода мн. числа в остальных падежах; поэтому в индоевропейском глагол при подлежащем во множественном числе среднего рода стоял в единственном числе; это правило сохранилось в греческом языке (*τὰ ζῷα τρέχει* „животные бегают“), в гатах „Авесты“ и в некоторых ведийских примерах; следствием этого в балтийском явилось исчезновение формы 3-го лица мн. числа в глаголах: форма единственного числа, употребляемая с собирательной формой, стала общей для обоих чисел. Эта собирательная форма к тому же независима от единственного числа среднего рода: у имени, имеющего в единственном числе форму именительного-винительного падежа среднего рода, нет другого множественного числа, кроме этой собирательной формы; но имя, именительный и винительный падеж которого в единственном числе суть мужского-женского рода, может иметь еще и собирательную форму среднего рода; так, в латинском языке при *locus* „место“ имеется не только мн. число *loci*, вин. п. *locos*, но и *locā*; в аттическом при *στάδιός* „стоянка“ имеется и *στάδιοί*, вин. п. *στάδιοός*, и *στάδιά*; в гомеровском языке при ед. числе *μῆρος* „бедро“ есть и мн. ч. муж. р. *μῆροί*, вин. п. *μῆροός*, и собирательное *μῆρα*; в русском языке мн. числом к слову *город* будет форма ср. р. *городá* и т. д. Не надо удивляться, что основа среднего рода на *-ā- вед. *yugá* „ярма“ и гр. *ζυγά* имеет только именит.-винит. падеж единственного числа в собирательном значении: у многих основ среднего рода есть только именительный-винительный падеж; таково, гр. *ἥπαρ* „печень“ (основа на *-r-) при основе на *-n-, от которой образуются прочие падежи, род. ед. *ἥπατος* и т. д., или вед. *hárđi* „сердце“ (основа на *-i-) при основе с нулевым суффиксом, от которой образуются родит.-отложит. *hṛd-áḥ* и т. д.

А. ОСНОВЫ НА СОНАНТ ИЛИ СОГЛАСНУЮ

К этому типу относятся и основы на *-yā- или *-yē- и на *-wā-, где нулевая ступень огласовки суффикса господствует во всем склонении (см. стр. 294—295); так, скр. *partīh* „внучка“ и *ṣvaṣṛūh* „свекровь“, др.-сл. *свекръ*, лат. *socus* и т. д.

Отложительный падеж здесь по форме совпадает в единственном числе с родительным; во множественном числе он имеет одну форму с дательным падежом во всех типах склонения.

α. Окончания

Единственное число

Именительный падеж (мужского-женского рода). — Для основ на согласную и на сонанты *i и *u и для всех односложных основ окончанием является *-s:

ав. *vāx-š* „слово“ (и скр. *vāk* из **vākš*), лат. *uōx* (*uōc-s*).

гат. *ḡwāvā-s* „тебе подобный“ (-*ā-s* из **-ant-s*), гр. *ιστῆς* „ставящий“ (-*ῆς* из **-хут-ς*), лат. *ferens* „несущий“ (-*ens* из **-ent-s*), лит. *vezḡ-s* (-*ā-s* из **-ant-s*), др.-прусс. *smūnent-s* „человек“, хет. *ašanz(a)* „сущий“ (-*anz(a)* из **-ant-s*).

скр. *āhi-h*, „змея“, ав. *aži-š*, гр. *ῥῆς*; лит. *avi-s* „овца“, лат. *oui-s*; древнесеверное руническое *-γasti^B*, гот. *gast-s* „гость“, лат. *hosti-s* „враг“; хет. *meki-š* „большой“.

скр. *bāhū-h* „рука“, ав. *bāzu-š*, гр. *πῆχυς* „локоть“; гот. *sunu-s* „сын“, лит. *sūnū-s*; лат. *manu-s* „рука“; хет. *ašu-š* „добрый“, гом. *ἑύς*.

скр. *partī-h* „внучка“, лат. *nepti-s*.

скр. *ṣvaṣṛū-h* „свекровь“, лат. *socus-s*; гр. *ὄφρυς* „бровь“.

скр. *dyāu-h* „небо“, гр. *Ζεός* „Зевс“.

ав. *zyā* (из **zyā-s*, основа **zyam-*) „зима“, лат. *hiem-s*.

Нулевое окончание наблюдается в многосложных основах на *r и на *n, причем в ряде языков исчезает сонант:

скр. *ṣ(u)vā* (основа *ṣ(u)van-*) „собака“, ав. *srā*, лит. *šū* (род. п. *šūns*), гр. *κύων* (с конечным -v): точно так же и лат. *homō* (без конечного -n) „человек“; гот. *aúhsa* „бык“ (род. п. *aúhsins*).

скр. *mātā* (основа *mātār-*) „мать“, лит. *mótė* „жена“ и гр. *μήτηρ* „мать“, лат. *māter*, др.-ирл. *māthir*, арм. *maut* и т. д.

Звательный падеж (мужского-женского рода). — Нулевое окончание:

скр. *āhe* „змея“, ав. *aže*, гр. *ῥῆς*; лит. *avė* „овца“.

Винительный падеж (мужского-женского рода).— Окончание *-т в индо-иранском и италийском, *-п в остальных языках, включая хеттский; с гласными сонантами *i и *u носовая образует дифтонг; в прочих случаях она бывает гласной:

скр. bāhú-t „руку“, гр. πῆχυ-ν „локоть“; лат. fructu-t „плод“; др.-прус. sunu-n „сына“.

скр. áhi-t „змею“, ав. aži-t, гр. ὄφι-ν; др.-прус. nakti-n „ночь“; лат. angue-t (если допустить, что конечное *-im дает в латинском -em) „змею“.

гр. φέρουτ-α „несущего“, лат. ferent-em; др.-прус. smūnent-in „человека“; хет. kurant-an „увечног“.

Именительный-винительный-звательный среднего рода.— Нулевое окончание:

скр. mādhu „мед“, гр. μέθυ „вино“, др.-прус. meddo „мед“; лат. genu „колени“, скр. jānu, гр. γόνυ, хет. kenu.

скр. nāma „имя“, лат. nōmen, др.-ирл. ainm-n; ср. хет. lāman.

Родительный-отложительный.— Окончания *-es, *-os, *-s: форма окончания с гласной (*e или *o) является, как общее правило, после элемента с нулевой ступенью огласовки, и форма без гласной — после элемента, имеющего гласную:

скр. śú-n-aḥ „(от) собаки“, ав. sū-n-o, др.-лит. šu-n-es (совр. šuñs), гр. κυ-ν-ός, др.-ирл. son (из *ku-n-os); лат. pat-r-is (из *pat-r-es), „отца“, лат. диалектальное также -us (из *-os).

скр. sūp-ó-ḥ „(от) сына“, ав. hun-a-o-š, лит. sūp-aũ-s, гот. sun-a-u-s; лат. manūs (-ūs из *-ou-s) „руки“, оск. castrous.

Дательный падеж.— Окончание, повидимому, *-eī: индо-иран. *-ai (скр. -e, ав. -e и -ae перед энклитиками), др.-сл. и (отражающее дифтонг), лат. -ī (древнее -ei), оск. -ei:

скр. sūpāv-e „сыну“, др.-сл. сынов-и; скр. pitr-é „отцу“, лат. patr-ī, др.-лат. ges-eī „царю“; оск. pater-eī „отцу“.

В греческом -ι, например πατρί „отцу“, и это же *-i мы находим и в германском; более правдоподобно видеть в этом *-i нулевую ступень окончания дательного падежа, нежели распространившееся на дательный окончание местного падежа. Во всяком случае следует отметить, что в хеттском окончание дательного падежа, как общее правило, — i и что от дательного падежа не отличается местный; хеттский язык, таким образом, побуждает пересмотреть вопрос об отношениях формы падежей дательного и местного.

Творительный (орудийный) падеж. — Окончания различны в разных языках; быть может, мы имеем *-*ē* в скр. *ritr-ā*, „отцом“, чему соответствует отложительный-творительный лат. *patr-e*. Некоторые наречные формы, как, например, гр. *ἔνα* „где“, вызывают предположение, не участвовала ли в образовании творительного падежа гласная **a*. Вопрос об окончании творительного падежа остается открытым.

Местный падеж. — Окончание *-*i*, чередующееся с нулевым окончанием: вед. *mūrdhān-i* и *mūrdhān* „на голове“, гр. *αί(f)εῖ* (-*ai* из *-*es-i*) и *αί(f)ές* „всегда“; греческий сохранил нулевое окончание также и в наречии *αί(f)έν* „всегда“, но в обычном склонении употребляет только -*ι*, совпадающее с окончанием дательного падежа (форма эта заменяет также и индоевропейский творительный падеж): *παυμέν-ι* „пастуху, пастухом, у пастуха“; ирландский имеет в „дательном“ падеже основ на *-*tyen* (ср. лат. -*tīōn*), как, например, *toimtin* „мысль“, и форму *toimtin* (из *-*yeni*) и форму *toimte* (из *-*yen?*); ирландский „дательный“ служит и дательным, и местным, и отложительным, и творительным; гот. *gumīn* „в человеке“ также может быть и древним дательным с окончанием *-*i* и древним творительным с окончанием *-*e*; та же форма служит также и отложительным падежом; у др.-сл. *камен-ε* „в камне“ нулевое окончание, повидимому, с последующим послелогом *ε*. В латинском языке форма, сохраняющая специальный тип местного падежа, оканчивается на -*i*: *Karthagin-i* „в Карфагене“; форма типа *homin-e*, употребляемая только с предлогом, имеет тройное значение: отложительного, творительного и местного падежей; нет доказательств, чтобы она была древним местным падежом, ср. формы отложительного падежа *lupō(d)*, *togā(d)*, употребляемые таким же образом.

Множественное число

Именительный и звательный (мужского-женского рода). — Окончание *-*es*, отличающееся от окончания род. п. ед. тем, что в нем нет никаких следов чередования гласных:

скр. *sūnāv-añ* „сыновья“, др.-сл. *сынов-ε* (все конечные согласные в славянском отпадают), гот. *sunjus* (из *-*sunew-es*); ав. *bāzav-ō* „руки“, др. *πῆχ(ε)(F)-ες*; др.-лит. *moter-es* „жёны“, скр. *mātar-añ* „матери“, др.-ирл. *māthir* (из *-*māter-es*).

То же окончание наблюдается и в хеттском.

Винительный падеж (мужского-женского рода).— Окончание *-ns, причем *-п- составляет второй элемент дифтонга после *-i и *-u, в прочих случаях является в виде *-ŋ-:

критское *uiv-v*; „сыновей“, гот. *sunu-ns*.

гот. *gasti-ns* „гостей“; др.-пруск. *ausi-ns* „уши“.

скр. *śūp-añ* „собак“, гр. *κύων-α*, др.-ирл. *cop-a*; лат. *homin-es* (-ēs из *-ens, отражающего *-ns), др.-пруск. *smūnent-ins* „людей“.

Именительный-звательный-винительный среднего рода. — Именит.-зват.-винит. падеж мн. ч. средн. р. заменяется именит.-зват.-винит. падежом ед. ч. ср. р. производной основы на *-ā- с собирательным значением (см. стр. 301); Конечный элемент имеет, при нулевой огласовке суффикса, нулевое окончание в следующих случаях:

скр. *śānt-i*, гр. *ὄντ-α* „сущие“, лат. *silent-a* „молчащие“.

Как всегда, *э, если ему предшествует сонант, сливается с ним; отсюда:

*trī: вед. *trī* „три“, др.-сл. три, лит. *trū-* в *trū-likā* „тринадцать“, лат. *trī* в *tri-gintā* „три десятка“, др.-ирл. *trī*, при параллельной форме *triy-э: гр. *τρία*, лат. *tria*.

вед. *pāmā* „имена“ (с конечным -ā, происшедшим из и.-е. *-ŋ, т. е. *-nэ).

Формы с нулевым окончанием, как ав. *mapā* „духи“ (-ā из индо-иран. *-ās) объясняются явлениями фонетики предложения; поскольку и.-е. *э выпадает перед гласной, то *-оз-э превращается в *-ōз перед начальной гласной следующего слова.

Конечное *-ā-, засвидетельствованное др.-сл. имена и гот. *nam-pa* „имена“, *hairton-a* „сердца“, представляет ступень огласовки *е того же именит. падежа; *-ā мы находим и в старой атематической основе лат. *trī-gintā* „три десятка“.

Родительный падеж. — Окончание -ŋm или *ŋp, соответственно отражению конечной носовой в данном языке:

скр. *śūp-ām* „собак“, ав. *šūp-ām*, гр. *κύων-ῶν*, др.-лит. *šūp-Ń*.

В греческом -ῶν с облеченным тоном, в литовском -Ń с восходящей интонацией; вед. -ām, гат. -ām часто считается, в стихах за два слога.

Форма того же окончания с кратким *о засвидетельствована типом умбр. *fratrom* „братьев“, типом др.-ирл. *cop n* „собак“ и типом сл. *словесъ*, ср. гр. *κλέ(f)έων* „вестей“. Лат. *canum* „собак“ допускает разные толкования.

Местный падеж. — Окончание *-su засвидетельствовано восточными диалектами: индо-иранским, славянским и балтийским; греческий имеет окончание -σ, которому в других языках нет соответствий.

скр. tri-śū „в трех“, др.-сл. трь-хъ, др.-лит. tri-su; ср. гр. τρι-σ'.

Поскольку *-u встречается и в других формах, как в наречии *k'u „где?“ (см. стр. 208), а *-i служит для характеристики местного падежа един. числа (см. стр. 304), наряду с нулевым окончанием, — можно поставить вопрос, не являются ли *-u и *-i неокончаниями, подобно окончаниям родительного единственного и множественного или дательного единственного, а скорее особыми частицами.

Дательный-отложительный и творительный. — Окончания на *-bh- и на *-m-; они будут разобраны на стр. 307 и сл.

Двойственное число

Именительный-звательный-винительный (мужского-женского рода). — В греческом -ε, так, например, в πατέρ-ε „оба отца“, в ведийском -ā (чередующееся с -au), так, например, в pitár-ā „оба отца“; древнеирландское athir объясняется из первоначального *raterǵ: поэтому и.-е. окончание было, повидимому, *-ǵ; количественное чередование *-e/ē можно сравнить с таким же чередованием, например, во вторичном окончании 1-го лица множ. числа действит. залога вед. -та и -тā.

Основы на *-i- и на *-u- имеют особые конечные элементы *-i и *-ū, которые нельзя возводить к означенному окончанию *-ǵ, но которые походят на тематические формы с нулевым окончанием, как вед. vṛkā „оба волка“, др.-сл. вьлка, гр. λύκω:

скр. āhi „обе змеи“, др.-сл. ношти, лит. pakti „обе ночи“ (из *paktū), др.-ирл. fáith „оба поэта“ из *wāti.

скр. sūpū „оба сына“, др.-сл. съны, лит. sūnu (из *sūnū).

Именительный-звательный-винительный среднего рода. — Окончание *-i: скр. jānas-i „оба рода“, nāman-i „оба имени“, др.-сл. имен-и „оба имени“, словес-и „оба слова“, ав. (vi-)sait-i „два десятка“, лат. (u)gint-i; только одно греческое слово дор. и беот. (F-)χατ-ι, атт. (εῖ-)κος-ι „двадцать“ предполагает *-i краткое.

Родительный-местный падеж. — Скр. -oḥ соответствует др.-сл. -оу: скр. jānas-oḥ „обоих родов“, др.-сл. словес-оу „обоих слов“.

Дательный-отложительный(?)-творительный падеж. — Окончания на *-bh и на *-m.

*Замечания об окончаниях на *-bh- и на *-m-*

Окончания на *-bh- и на *-m- сравнительно с только что перечисленными не имеют ни определенной формы, ни строго определенного значения. В тексте Гомера, единственном греческом памятнике (не считая некоторых следов в беотийском диалекте), где мы можем наблюдать эти окончания, они представлены одной только формой -φι(ν), служащей и для единственного и для множественного числа, для дательного, отложительного, творительного и местного падежей. С другой стороны, мы редко встречаем, чтобы две формы с этими окончаниями точно совпадали в разных языках: германский, балтийский и славянский имеют *-m там, где индо-иранский, армянский, греческий, итальянский и кельтский имеют отражения *-bh-; да и помимо этого различия формы далеко не тождественны.

К тому же губные смычные не встречаются в индоевропейских суффиксах и окончаниях. Одного этого указания достаточно, чтобы установить отступающий от общего типа характер падежных форм, включающих элемент *-bh-.

Данные диалектов расходятся; таким образом, факты не позволяют определить индоевропейские формы и последовательные видоизменения их в каждом языке.

Одни только восточные диалекты используют эти формы с определенными падежными значениями:

Творительный падеж единств. числа: арм. -b (-w после гласной); так, harsam-b „невестою“, srti-w „сердцем“ (это -b/-w может соответствовать гр. -φι); *-mi, др.-сл. мъ; лит. sūnu-īm „сыном“, др.-сл. сынъ-мъ.

Творительный падеж множеств. числа: скр. -bhiḥ, др.-перс. -biš, ав. -biš: скр. sūnú-bhiḥ „сыновьями“, ав. bāzu-biš „руками“; арм. -bkh (-wkh после гласной): harsam-bkh „невестами“, srti-wkh „сердцами“, т. е. та же форма, что и в единств. числе с прибавкою -kh, обозначающею множественное число; лит. -mīs, др.-сл. мн в лит. sūnu-mīs „сыновьями“, др.-сл. сынъ-мн; обе эти формы предполагают первоначальное *-mīs, которое напоминает ав. -biš (ср. лат. местоимение nō-bis „нами“).

Дательный падеж множеств. числа: скр. -bhyaḥ, ав. -byō: скр. sūnú-bhyaḥ „сыновьям“, ав. bāzu-byō „рукам“ (индоиранские формы служат также и для отложительного падежа);

сл. -мъ (из *-mos ?): сынъ-мъ, др.-лит. -mus: sūnu-mus „сыновьям“.

Дательный-творительный двойств. числа: скр. -bhyām (о -m см. стр. 191), ав. -bya и др.-перс. -biyā (с конечным -ā, отражающим индо-иранское *-ā), др.-сл. -ма: скр. sūnū-bhyām, др.-сл. сынъ-ма „обоим сыновьям“, ав. aži-bya „обеим змеям“; в литовском языке одно только -m: дат. п. pakti-m „обеим ночам“, твор. п. pakti-m̃ „обеими ночами“.

В западных диалектах формы, приблизительно совпадающие, не обладают определенностью падежного значения. Это особенно заметно в греческом языке, где -φι(ν) имеет значение формы отложительного, местного, дательного и творительного падежей, как для единственного, так и для множественного числа. Окончания на *-bh- и на *-m- в итальянском, в ирландском и германском служат только для множественного числа (следы двойственного числа сохранились только в ирландском), но каждое из этих окончаний обладает значением упомянутых четырех падежей, что способствовало смешению падежей и в единственном числе: др.-оскское -f-я и лат. -bus, отражающие *-bhos (ср. скр. -bhyah) служат для дательного, отложительного, творительного и местного падежей множественного числа; ирландский имеет -b (происшедшее из *-bhis, ср. скр. -bhiḥ), так, например, fathib „поэтам, от поэтов, поэтами, у поэтов“; в германском есть форма *-mz, гласная которой не засвидетельствована: др.-исл. þri-mz, гот. þri-m „трех, от трех, тремя, у трех“. Таким образом, окончания на *-bh- и на *-m- имеют, по крайней мере в западных диалектах, как бы характер наречных форм, а не форм, подобных прочим падежным формам.

Эти типы полунаречного характера не одиноки в индоевропейском.

Так, например, форму на *-tos, равнозначную отложительному падежу, мы наблюдаем в довольно распространенном санскритском типе: mukha-taḥ „из рта“, ср. лат. fundi-tus „с основания“, гр. ἐν-τός „внутри“, ἐκ-τός „вне“.

В греческом есть ряд форм на -δι (с местным значением) и на -θεν (с отложительным значением), как, например, гом. οὐρανὸς „в небе“, οὐρανὸθεν „с неба“. К этому же типу, повидимому, при-мыкает наречное образование, засвидетельствованное скр. kúha „где“ и т. д. (см. стр. 208), скр. íha „здесь“ (из *idha) и лат. ibi „там“ и такими наречиями, как сл. над при на (ср. гр. ἄνω, ἄνωθεν, ἄνωθεν „наверху, сверху, наверх“) и т. д.

Такого рода образования, повидимому, были в индоевропейском многочисленны и разнообразны.

Характерной особенностью индоевропейского склонения является то, что падежные окончания во множественном числе отличны от окончаний в единственном; перед лицом этого его своеобразия еще более знаменательным оказывается то, что мы находим в хеттском языке. В хеттском, как и в других индоевропейских языках, падежи именительный и винительный множественного числа характеризуются своими особыми окончаниями, но ничего подобного не наблюдается в отношении прочих падежей, кроме именительного и винительного. Вопрос о косвенных падежах множественного числа, который и раньше представлял затруднения, становится отныне еще более темным, чем он был до открытия хеттского языка.

β. Огласовка элемента, предшествующего окончанию

Огласовка элемента, предшествующего окончанию, характеризовала падежные формы наравне с окончаниями, иллюстрацией чему может служить такое греческое склонение, как *πατήρ* „отец“, зв. п. *πατήρ*, вин. п. *πατέρ-α*, род. п. *πατρός*, дат. мн. *πατέρας* — *ἄπαιτος* „сирота“, *ἄπαιτος-α* „сироту“. Но нет возможности выяснить вполне, каково было древнейшее положение, так как все свидетельства оказываются уже затемненными. Греческий язык сохранил звуковые качества индоевропейских гласных, но он очень упростил систему именного склонения, и как число падежных форм сохранилось в нем с восьми до пяти, так и чередования гласных свелось самое большее к двум-трем. В индо-иранском звуковые качества гласных *e и *o совпали в одном звуке а; правда, есть следы первоначального различия: все происходит в склонении, как если бы и.-е. *ō в открытом слоге отражалось через индо-иранское *ā, а и.-е. *e — через индо-иранское *ā; но если это отражение звука *ō позволяет отметить роль чередований качественных, оно в той же мере затемняет роль количественных чередований. Остальные языки известны из слишком позднего времени и в слишком измененных формах, так что в них индоевропейское состояние в этом отношении не могло сохраниться достаточно ясно: в них мы находим только следы старого. Поэтому чередования гласных в элементе, предшествующем окончанию, в именном склонении атематического типа известны до-

вольно плохо. Приводимые ниже факты все же позволяют составить себе представление о важности этого явления.

В некоторых специальных случаях в элементе, предшествующем окончанию, не бывает чередования гласных. Именно:

1. В причастиях атематических основ с удвоением (ср. стр. 219):

скр. им. п. dádat „дающий“ (из *de-d-ŋt-s), род. п. dádat-aŋ;
гр. δίδούς (из *dido-vt-s), род. п. didó-vt-os.

2. В основах, где *э сливается с предшествующим сонантом в „долгий сонант“ (ср. выше, стр. 295).

{	скр. $\zeta\nu\alpha\zeta\acute{\gamma}\eta\eta$ „свекровь“, род. ед. $\zeta\nu\alpha\zeta\acute{\gamma}\eta\nu\alpha\eta$	вин. ед. $\zeta\nu\alpha\zeta\acute{\gamma}\eta\nu\text{-am}$
	др.-сл. свекры, род. ед. свекръв-ѣ	вин. ед. свекръв-ь
{	гр. ὄφρυς „бровь“, род. ед. ὄφρυ(F)-ος	вин. ед. ὄφρυ(F)-α
	гр. χῆς „мучной червь“, род. ед. χι(y)-ός	вин. ед. χι(y)-α
	скр. padīh „река“, род. ед. pad(i)y-aŋ	вин. ед. pad(i)y-am
	скр. gīh „песня“, род. ед. gir-aŋ	вин. ед. gir-am

3. В производных именах на *-ōn (ср. стр. 274), как гр. στραβών, род. п. στραβώνος „косоглазый“, лат. Catō, род. п. Catōnis, ср. др.-сл. граждан-ѣ.

Как правило, в элементе, предшествующем окончанию, у основ, оканчивающихся на согласную или сонант, происходят чередования гласных, и мы встречаем все возможные типы, а именно:

*ē	*ō	
*ē	*ō	нуль

Звуковое чередование *ē : *ō не было присуще всем словам; например, в числе основ на *-n- есть такие, которые имеют в им. мн. *-en-es, в местн. ед. *-en-i, в твор. мн. *-n-bhi(s), но есть и другие, у которых им. мн. на *-on-es, при местн. ед. на *-en-i и твор. мн. на *-n-bhi(s); этот контраст виден в следующем:

им. ед.	им. мн.	мест. ед.	твор. мн.
скр. vṛṣā „самец“	vṛṣ-aŋ-aŋ	vṛṣ-aŋ-i	vṛṣ-a-bhiḥ
áṣmā „камень“	áṣm-ān-aŋ	áṣm-aŋ-i	áṣm-a-bhiḥ

этому различию в греческом соответствуют:

ἄρσ-ην „самец“	ἄρσ-ων-ες	ἄρσ-ων-ι
ἄκμ-ων „нако- вальня“	ἄκμ-ων-ες	ἄκμ-ων-ι

(вм. и.-е. *akmeni)

с распространением звука *o на все склонение в типе ἄκμων. Другие языки сохранили звук *o только в именит. п. ед. ч. и распространили в остальных формах *e:

им. ед.	им. мн.	мест. ед.
лит. akm-ũ „камень“	ākm-en-(e)s	akm-en-(y)è
др.-сл. кам-ы	КАМ-ЕН-Е	КАМ-ЕН-Е,

Первоначальное состояние просвечивает отчетливее всего в германском:

гот. aúhs-a „бык“: им. мн. aúhs-an-s;
дат.-мест. ед. aúhs-în (род. мн. aúhs-n-e);

и в армянском:

им. ед.	им. мн.	дат.-мест. ед.	твор. ед.
anj-n „лицо“	anj-in(-kh)	anj-in	anj-am-b
hars-n „невеста“	hars-un(-kh)	hars-in	hars-am-b

(i и u перед n могут отражать и.-е. *e и *o).

Чередование *ë и *ö было широко распространено; мы находим его, например, в основах на *-r-; так:

им. ед.	им. мн.	мест. ед.	твор. мн.
скр. svâs-ā „сестра“	svâs-ār-aḥ	svâs-ar-i	svâs-ṛ-bhiḥ
лит. ses-ũ „сестра“	(sēs-er-s)	ses-er-(y)è	—

при основе без чередования *e/o:

скр. māt-ā „мать“	māt-ār-aḥ	māt-ār-i	māt-ṛ-bhiḥ
лит. mót-é „жена“	mót-er-(es)	mot-er-(y)è	—

Латинский язык сохранил это противопоставление в формах soror „сестра“ и māter „мать“, но распространила *ō именительного падежа на все склонение слова soror. — Противопоставление *ë и *ö в греческом атематическом склонении удержалось только в именах среднего рода на *-es-:

гр. νέφος „облако“	род. ед. νέφ-ε(h)-ος
др.-сл. НЕБ-о	НЕБ-ЕС-Е

Если простое слово в элементе, предшествующем окончанию, имеет огласовку *e в вин. ед. и в им. мн. муж.-жен. р., то сложные слова часто имеют ступень *o (ср. стр. 298); например, гр. πατήρ „отец“, πατέρες „отцы“: ἄπλωρ „сирота“, ἀπλωρες „сироты“ (причем, как это обычно в греческом, о распространилось во всем склонении); φρήν „душа, ум“, вин. п. φρένх: ἄφρων „безумный“, вин. п. ἄφρωνх (с распространением o на все склонение); скр. pīt-

ār-aḥ „отцы“: tvát-pit-ār-aḥ „имеющие тебя отцом“, с ā, указывающим косвенно на первоначальное *o; в армянском языке наряду с другими есть и такое противопоставление, как anjḥ „особа“ и сложное mi-anjḥ „монах“ (букв. „одинокая особа“):

мест. ед.	им. мн.	твор. ед.
anj-in	anj-in-(kh)	anj-am-b
mi-anj-in	mi-anj-un-(kh)	mi-anj-am-b.

Падежи, в которых элемент, предшествующий окончанию, имел звук *o, были в единственном числе — именительный, винительный (и, может быть, звательный?) мужского-женского рода, во множественном — именительный муж.-жен. р. и именительный средн. р. и в двойственном числе — именит.-зват.-винит. падеж муж.-жен. рода.

Чтобы объяснить соответствия форм одного языка с формами другого, необходимо принимать в расчет чередования; так, склонение и.-е. основы *ped- „нога“ таково: им. ед. скр. pāt, дор. πός, т. е. и.-е. *pōt-s; им. мн. скр. pād-aḥ, гр. πῶδ-αι, арм. ot-(kh), т. е. и.-е. *pōd-es; род. ед. скр. pād-aḥ, лат. ped-is, т. е. и.-е. *ped-é/ós; звук *e был обобщен во всем склонении в латинском: pes, вин. ед. pedem, им. мн. pedēs и т. д.; звук *o — в греческом: πούς, вин. ед. ποῦδα, род. ед. ποῦδος и т. д., а также в армянском; германский язык обобщил во всех падежах *ō именительного падежа: вин. ед. гот. fotu (из *rōd-ŋ) и вин. мн. гот. fotuns (из *rōd-ŋs) — формы, по образцу которых было перестроено все остальное склонение, в том числе и им. ед. fotus, так что первоначальная его форма исчезла. На этом примере, который касается одного из лучше всего сохранившихся слов, мы видим, сколь нестойкой оказалась в различных языках огласовка элемента, предшествующего окончанию.

Перед всяким окончанием, начинающимся на согласную (включая согласные сонанты), элемент, предшествующий окончанию, имеет нулевую ступень огласовки, если только в суффиксе есть сонант, способный вокализоваться:

др.-атт. φρα-σί (также у Пиндара) „душам“, с α, отражающим *ŋ, при φρήν, φρεν-ός.

гр. πατρά-σι „отцам“ при πατήρ, πατέρα; скр. pitṛṣu.

мест. мн. скр. sūnú-ṣu „у сыновей“, др.-сл. сьнѣ-хъ.

твор. мн. скр. sūnú-bhiḥ „сыновьями“, др.-сл. сьнѣ-ми; ср. гот. sunu-m.!

твор. ед. арм. hars-am-b „невестою“ (-am-b из *-ŋ-bhi).

Огласовка предшествующего окончанию элемента в формах им. ед. с окончанием *-s вполне соответствует этому правилу:

скр. *sūpū-h* „сын“, лит. *sūpū-s*, гот. *supu-s* при им. мн. скр. *sūpāv-aḥ* и т. д.

скр. *svādū-h* „сладкий“, гр. ἡδύς при им. мн. скр. *svādāv-aḥ*, гр. ἡδεις (из */ādsf-es).

скр. *āhi-h* „змея“, гр. ὄφις при им. мн. скр. *āhau-aḥ*, гр. ὄφεις (из *ōfey-es); др.-сл. пѣть, им. мн. пѣтък (с ѣк отражающим, повидимому, *ey-es).

Исключения составляют: во-первых, односложные именительные падежи с долгой гласной, как скр. *dyáu-h* „небо“, гр. Ζεός „Зевс“; скр. *gáu-h* „бык“, гр. βούς; ав. *zā* „земля из *zā-s (им. п. иранской основы *zam-); во-вторых, те основы на *-nt-, которые имеют в именит. падеже гласную в элементе, предшествующем окончанию, как, например, скр. *bṛhán* (из *bṛh-ant-s) „высокий“, гр. ὀδούς (из *ōdout-) „зуб“, лит. *vez-ūs* (из н.-е. *wexhont-s) „везущий“ и т. д.

Именительные падежи муж.-жен. рода, у которых окончание нулевое, характеризуются долгой гласной в элементе, предшествующем окончанию; в таком случае, как мы видели на стр. 187, конечный сонант может отсутствовать:

скр. *mātā* „мать“, им. мн. *mātāg-aḥ*, лит. *mótė* „жена“, им. мн. др.-лит. *moṭer-es*; гр. μήτηρ, им. мн. μήτέρες.

гр. δώτωρ „исдатель“, им. мн. δώτορες.

скр. *vṛṣā* „самец“, им. мн. *vṛṣaḥ*, гр. ἄρσην, им. мн. ἄρσενες.

скр. *áṣtā* „камень“, гр. ἄχμων „наковальня“, им. мн. ἄχμωνες; лит. *akmū* „камень“.

скр. *durmanāḥ* „печальный“, им. мн. *durmanas-aḥ*; гр. δῦσμενής „враждебный“, им. мн. δῦσμενείς (-εις из -h-es).

гом. ἡώς „заря“, вин. ед. ἡόα (из *āus-os-ŋ).

Односложные основы допускают и окончание *-s и вместе с ним долгую гласную элемента, предшествующего окончанию; сонант тогда может отсутствовать:

дор. πός „нога“, им. мн. πόδες; лат. *pēs* „нога“, вин. ед. *ped-em*;

вед. *kṣāḥ* „земля“, им. мн. *kṣāmaḥ*, мест. ед. *kṣāmi*; ав. *zā* (из *zās), мест. ед. *zəmi* (из *zami);

скр. *dyāuḥ* „небо“, мест. ед. *dyāvi*.

Винительный и звательный ед. ч., имен.-зват. мн. ч. и имен.-зват.-вин. двойств. ч. муж.-жен. рода имеют одинаковую огласовку: краткое *е или краткое *о, смотря по основе:

	вин. ед.	зв. ед.	им. мн.	им.-вин. дв.	
{	гр.	μητέρα „мать“	μητρ	μητέρες	μητέρες
	вед.	mātár-am	mátar	mātár-aḥ	mātár-ā
	лит.	móter-i „жену“	—	móter-(e)s	móter-[i]
	др.-сл.	матер-ь	—	матер-[и]	матер-[и]
	гр.	ἄπατρο-α „сироту“	ἄπατρο	ἄπατρο-ες	ἄπατρο-ε

точно так же:

	зв. ед.	им. мн.	им.-вин. дв.
вед.	sūno „сын!“	sūnáv-aḥ	—
лит.	sūpaĩ	—	—
др.-сл.	сыноу	сыноуе	—
гр. (дор.)	—	πᾶχεF-ες	πᾶχεF-ε

„ЛОКТИ“

или в основах на *-i-:

скр.	áhe „змея!“	áhay-aḥ	—
лит.	naktē „ночь!“	—	—
др.-сл.	пѣти „путь!“	пѣтък	—
гр.	—	ῥφε(y)-ες	ῥφε(y)-ε

„ЗМѢИ“

Но здесь в вин. п. ед. ч. вместо форм с огласовкой *е в элементе перед окончанием мы находим формы с огласовкой нулевой ступени по образцу им. п. на *-us и *-is; так, в вин. падеже к индоевропейской эпохе восходят: скр. sūnū-m, лит. sūpu (др.-прусс. sunu-p), др.-сл. сын-ь, дор. πᾶχου-ν; скр. áhi-m, лит. naktj (др.-прусс. nakti-p), др.-сл. пѣтъ, гр. ῥφi-ν; в зват. ед. дор. πᾶχου, ῥφi; в имен.-зват.-вин. двойств. к индоевропейской эпохе восходят: скр. sūpī, др.-сл. сынъ, лит. sūpu (из *sūpū); скр. áhī, лит. nakti (из *naktý), др.-сл. пѣти.

Так же влиянием именительного падежа единств. числа объясняется появление уже в индоевропейскую эпоху, но аномальное, долгой гласной в винит. падеже скр. gām „быка, корову“, дор. βῶν, и.-е. *gʷom, первоначально *gʷou-m, по именит. падежу *gʷou-s (скр. gáuḥ), и скр. dyām „небо“, гом. Ζῆν(α) „Зевса“, лат. diem „день“, и.-е. *dyem, первоначально *dyeu-m, по именит. падежу *dyeu-s (скр. dyáu-ḥ), см. стр. 140. Если бы долгота гласной была старой, то форма винит. падежа имела бы иной вид, как это пока-

зывают формы от основы *nāu- „корабль“, где долгое *ā сохраняется во всем склонении; вин. ед. здесь будет скр. nāv-am, гр. *vāfα (гом. vḥα, ион. véā).

В именительном-звательном-винительном падеже единств. числа среднего рода обычно нулевая огласовка элемента, предшествующего окончанию (само окончание тоже нулевое); так:

скр. mādhu „мед“, гр. μέθυ, др.-прус. meddo (с о, отражающим *ū); скр. svādú „сладкий“, гр. ἴδύ.

скр. nāma „имя“ (с а, отражающим *ŋ), гр. ὄνομα, лат. nōmen.

скр. yákṛt „печень“, гр. ἥπαρ, лат. iecur.

Мы находим, однако, также и долгую ступень огласовки, но при каких условиях — определить невозможно: гр. ὕδωρ „вода“, τέχνην наряду с τέχνηρ „знак“. — Огласовка *о или *е является только тогда, когда в суффиксе нет сонанта, способного вокализоваться:

скр. mán-ah „дух“ гр. μένος „желание, дух“

скр. durtan-ah „печальный“ гр. δυσμεν-ές „зложелательный“

и даже в этом случае огласовка нулевой ступени иногда появляется в элементе перед окончанием при двусложном корне, в котором *э представляет необходимую для произношения гласную:

скр. kraví-h „сырое мясо“ гр. κρέ(f)α-ς

или после *u: скр. áyu-h „век“ (ср. гр. местн. п. αἰf-ές).

Имя собирательное, служащее для именит.-винит. мн. ч. средн. рода, часто имеет долгую ступень огласовки перед конечным *-э (или нулем), как, например:

скр. ghṛtāvānt-i „жирные, масляные“, ав. miždavān „снабженные жалованием“ (где -ān отражает индо-иранское *-ānt); в гр. (τρῆ-)κοιτ-α и арм. (ere-)sun „три десятка“ второй элемент представляет множ. число среднего рода; здесь греческий и армянский не отличают *ō от *ŏ.

скр. satvār-i „четыре“, гот. fidwor.

скр. nāmān-i, ав. nāman (где -ān из иран. *-ān) „имена“, гот. hairton-a „сердца“.

ав. manā (где -ā из иран. *-ās) „мысли“, др.-англ. (нортумбск.) calfur „телята“ (где -ur из *-or, первонач. *-ōsā).

В других случаях элемент, предшествующий окончанию, имеет огласовку нулевой ступени:

вед. trī, др.-сл. три, лат. tri-(gintā) и т. д. (с н.-е. *-ī, т. е. *-у-э) и гр. τρία, лат. tria (с *-iy-э).

вед. mádhū (с и.-е. * \bar{u} , т. е. * $w\text{-}\bar{u}$); лат. genu-a (с * $uw\text{-}\bar{u}$).

вед. nátmā „имена“ (с и.-е. * \bar{n} , т. е. * $n\text{-}\bar{u}$).

Местный ед. ч. имеет характерную огласовку элемента перед окончанием — краткую гласную * e , как, например, в скр. *netár-ī* „у проводника“ с a , отражающим * e , при винит. п. *netár-am*, где \bar{a} предполагает старое * \bar{o} , и при дат. *netr-é* с нулевой ступенью огласовки элемента перед окончанием; точно так же вед. мест. п. *dyáv-i* „на небе“, тождественный с лат. *Iou-e* (из * $dyew-i$), противопоставляется родительному с нулевой ступенью огласовки элемента перед окончанием вед. *div-áh*, ср. гр. *ΔιF-ός*. Эта огласовка сохранилась в двух греческих формах местн. падежа с нулевым окончанием, превратившихся в наречия: *ἀί(F)εῖν* „всегда“, которое напоминает скр. тип *áhan* „днем“, и *ἀί(F)εῖς* „всегда“ (при *ἀιῶ*, т. е. * $\alpha i F o(h)\alpha$), или с окончанием * $-i$, *ἀί(F)εῖ* (-εῖ из -ε(h)-i). — Другие формы местного ед. ч. с нулевым окончанием имеют долгую ступень огласовки; так, скр. *vasáu*, ав. *vavhāu* „в добре, в имени“, с древним * \bar{ou} (или * \bar{eu} ?), чередующимся, по правилу, изложенному на стр. 186, с * \bar{o} , засвидетельствованным древнеславянским наречием дома (от основы на * $-u$: **dom-eu-*); вед. *gíḡá*, ав. *gaga* „на горе“ (от индо-иранской основы * $g^o\text{rai-}$), где конечное индо-иранское * \bar{a} отражает старое * \bar{e} или * \bar{o} , чередующееся с * \bar{e} или * \bar{oi} ; ав. *ayaṇ* „днем“ (где * $-aṇ$ из $\bar{a}ṇ$, первонач. * $\bar{e}-ṇ$ или * $\bar{o}-ṇ$); может быть, гр. наречие *νόχτωρ* „ночью“ и т. д. К этой долгой ступени огласовки, повидимому, восходит долгая гласная греческого типа основ на * $-i$: гом. *πόλη*, др.-атт. *πόλη*, где прибавленным оказывается обычное в греческом окончание дательного и местного * $-i$.

Во всех остальных падежах окончания начинаются либо на гласную, либо на гласный сонант (который способен ослабиться до нулевой ступени) и никогда не бывает нулевого окончания: род.-отлож. ед.: * $-es$, * $-os$, * $-s$, дат. ед.: * $-ei$, $-i$; род. мн. * $-ōm$, * $-ōp$; вин. мн. муж.-жен. р. * $-ns$, род. дв. * $-ou(s)$; им.-зват.-вин. дв. ч. ср. р. * $-ī$. Эти падежи представляют два типа огласовки элемента перед окончанием, различающиеся, смотря по словам:

1. Огласовка * e и, по крайней мере в род.-отлож. п. основ на * $-i$ и * $-u$, огласовка * o в элементе перед окончанием.

Эту огласовку мы встречаем в основах на * $-men$, так, например, вед. *bráh-man-* (ср. р.) „молитва“ и *brah-mán-* (муж. р.) „жрец“ образуют: род. ед. *bráh-man-aḥ*, *brah-mán-aḥ*; дат. ед. *bráh-man-e*, *brah-mán-e*; вин. мн. муж. р. *brah-mán-aḥ*; род. мн. *bráh-man-ām*, *brah-mán-ām*; род. дв. *bráh-man-oḥ*, *brah-mán-oḥ*, им. дв. ср. р. *brah-*

maŋ-i. Точно так же и в славянском существительное ср. р. брѣ-мѧ образует род. ед. брѣ-мен-е, дат. ед. брѣ-мен-и, род. мн. брѣ-мен-ъ, род. дв. брѣ-мен-оу, им. дв. брѣ-мен-и. Равным образом и в греческом: ποι-μέν-ος (род. ед.) „пастуха“, ποι-μέν-ας „пастухов“ (вин. мн.), ποι-μέν-ων „пастухов“ (род. мн.), ποι-μέν-οιν „(двум) пастухам“ (род.-дат. дв.), или с распространением на все склонение ступени *о из вин. ед. и им. мн.: род. ед. στῆ-μον-ος „основы (на ткацком станке)“, вин. мн. στῆ-μον-ας, род. мн. στῆ-μόν-ων, род.-дат. дв. στῆ-μόν-οιν.

Та же огласовка встречается и в большинстве основ на *-и- и на *-i-; так:

род.-отлож. ед.: скр. sūpó-ŋ „(от) сына“, лит. sūpaĩ-s, др.-сл. сѣноу, гот. sunau-s (со звуком *о в элементе перед окончанием); ср. гр. γλυκέ(F)-ος „сладкого“ с обобщенной в греческом языке формою окончания *-ос.

дат. ед.: скр. sūpāv-e, др.-сл. сѣнове-и (с *о из первоначального *е перед v).

род. мн.: др.-сл. сѣнов-ъ, гот. sunīw-e, ср. гр. γλυκέ(F)-ων „сладких“.

род. дв.: др.-сл. сѣнов-оу, ср. гр. γλυκέ(F)-οιν;

или в основах на *-i-:

род.-отлож. ед.: скр. máte-ŋ „(от) мысли“, гот. anstai-s „милости“ (с огласовкой *о элемента перед окончанием).

род. мн.: ав. θραυ-ām „трех“, др.-сл. трь-и (повидимому, из *treu-оп) и т. д.

Единственное исключение представляет вин. мн. основ на *-и- и на *-и- своими формами *-и-ns, *-i-ns: крит. υν-νς, гот. suni-ns „сыновей“; гот. gasti-ns „гостей“, др.-прусс. ausi-ns „уши“.

2. Огласовка нулевой ступени элемента перед окончанием.

Это нормальная огласовка в основах на *i-п-, кроме основ на *-теп-; так, например:

род.-отлож. ед. скр. sū-n-aŋ „(от) собаки“, гр. κυ-ν-ός, лит. šu-ñ-(e)s, др.-ирл. соп (из *ku-n-os).

дат. ед. скр. sū-n-e, др.-ирл. соіп.

вин. мн. скр. sū-n-aŋ, гр. κύ-ν-ας, лит. šū-n-is, др.-ирл. со-п-а.

род. мн. скр. sū-n-ām, гр. κυ-ν-ῶν, лит. šu-n-ū, др.-ирл. со-п n-.

род. дв. скр. sū-n-oŋ, гр. κυ-ν-οῖν.

Эта огласовка, довольно хорошо сохранившаяся в ведийском языке, в остальных языках встречается редко; тем не менее следы

ее сохранил греческий язык, например в род. ед. *ἄρην-ός* (им. ед. атт. *ἄρην* „ягненок“), латинский — в род. ед. *car-n-is* (им. ед. *carō* „мясо“; ср. умбр. отлож. п. *ka-t-pe* при им. п. *karu* „часть“), готский язык — в таких формах, как род. мн. *aúhs-n-e* „быков“ (род. ед. *aúhsin*) и т. д.

Для основ на *-и-, кроме род.-отлож. скр. *dī-v-āh* „(от) неба“, гр. *Δι-f-ός*, в индо-иранском, где тип скр. *sūnúh, sūnoh* является нормальным, есть много хороших примеров, а именно: род.-отлож. ед. вед. *raç-v-āh*, ав. *pas-v-ō* „(от) скота“; дат. ед. вед. *raç-v-é;* вин. мн. вед. *raç-v-āh*, ав. *pas-v-ō*; род. мн. ав. *pas-v-am*. Для основ на *-i-, в которых скр. *mátih* „мнение“, *máteh* является нормальным, можно привести род.-отлож. вед. *áv-y-añ* „(от) овцы“, гр. *οἶός* (из **ōf-y-ος*); впрочем, именно тип *πόλιος* при им. п. *πόλις* „город“ является нормальным почти во всех греческих говорах.

То же относится и к основам на *-nt-; так, в санскрите при вин. п. ед. *bṛhānt-am* „высокий“ мы имеем: род.-отлож. ед. *bṛhat-āh* (где *-at-* из **-nt-*), дат. ед. *bṛhat-é*, вин. мн. *bṛhat-āh*, род. мн. *bṛhat-ām*, имен.-вин. дв. ср. р. *bṛhat-ī*. При вин. ед. *dānt-am* „зуб“, род.-отлож. п. в санскрите будет *dat-āh* и т. д.; огласовка вин. ед. скр. *dānt-am*, сохраненная в гр. *ὀδόντ-α* и в лит. *dañt-į*, была обобщена в греческом и литовском и в прочих падежах, откуда род. мн. гр. *ὀδόντ-ων*, лит. *dant-ų*; с другой стороны, вин. ед. гот. *tunþu* получил огласовку родительного, между тем как в др.-сакс. *tand* сохранилась огласовка винительного пад.; ен латинского *dens* (основа *dent-*: род. мн. др.-лат. *dentum*) и ē др.-ирл. *dēt* могут отражать *en, но скорее всего восходят к распространенному во всем склонении *ṛ, как на это указывает валл. *dant*. — Нулевая ступень огласовки элемента перед окончанием в им.-вин. дв. ср. р. сохранилась в изолированной форме:

ав. *(vi-)saiti*, беот. *(fi-)xat-i*, брет. *ugent*, арм. *(kh-)san* „два десятка“ и т. д., где огласовка **k₁mt-* противопоставлена огласовке мн. ч. гр. *(trá-)konta*, брет. *(tre-)gont*, арм. *(ege-)sun* „три десятка“.

Имена родства на *-г- в указанных падежах имеют также огласовку нулевой ступени в элементе, предшествующем окончанию; так, в род. ед. гр. *πατρ-ός* „отца“, лат. *patr-is*, арм. *hawr* (где *-wr-* отражает **-gr-* с последующей гласной). В именах действующего лица, повидимому, была в тех же падежах гласная, как об этом можно судить по гр. *δῶτορ-ός* и т. д. (с *o вместо старого *e).

Согласно правилу, установленному на стр. 309 и сл., нормально подвергается изменениям только гласная элемента, предшествующего окончанию. Те основы, склонение которых сопрово-

ждается изменением огласовки элемента, предшествующего суффиксу, изменяют также и суффикс, и во всех отношениях являются аномальными.

Это изменение суффикса наблюдается исключительно в именах ср. рода в им.-вин. п., с одной стороны, и в остальных падежах — с другой; и это объясняется легко: действительно, только им.-вин. падеж ед. ч. имеет особую форму среднего рода и тем самым выделяется из остального склонения; форма же, служащая для им.-вин. п. мн. ч. ср. рода, представляет собою им.-вин. ед. ч. основы на **-ā-*, с собирательным значением, производной от основы прочих падежей и не образующей своего склонения.

α. Имена среднего рода. — 1. Основы на **-eu-* и на **-es-* с прибавлением суффикса **-en-*:

скр. *dāru* „дерево“, род.-отлож. ед. *drū-ŋ-aḥ*; гр. *δῆρυ* „копье“, род. ед. *δῆρ(F)-ατος* (старые основы ср. р. на **-en-* в греческом переходят в основы на *-χτ-* (**-ŋt-*). Мы имеем, следовательно, **dōr-*, **dog-*, **der-* (лит. *dervà* „еловое дерево“), **dr-*; прибавление суффикса **-en-* влечет за собою нулевую ступень огласовки элемента, предшествующего суффиксу, по правилу, изложенному на стр. 286: нулевая ступень огласовки корня в скр. *drū-ŋ-aḥ* „дерева“ совпадает с гом. *δρυ-μά* „лес“ и скр. *drū-mā-ḥ* „дерево“, при гр. *δῆρυ* и вед. *dāru*, а также с огласовкой собирательного имени с суффиксом **-ā-* (**-ə-*): гр. *δρῦς* (из **drew-ə-*) „дуб“, ср. мн. ч. ср. р. др.-сл. *дрѣва* при *дрѣво* „дерево“ (из **dervo*, ср. лит. *dervà*). Греч. *δῆρ(F)ατος* получило свою огласовку от *δῆρυ*.

вед. *jānu* „колени“, им.-вин. п. дв. *jānu-n-i*, род. дв. *jānu-n-oh*; *jñi-* в сложном слове *jñi-bādh-* „коленипреклоненный“; гр. *γόνυ*, род. п. *γόν(F)-α-(τος)*; *γυυ-* в сложном *γυύ-πιτος* „падающий на колени“ и в *γυύξ* „на колени“; *γων-*, повидимому, в производном *γωνία* „угол“; лат. *genu* с **e*, ср. хет. *kenu*.

вед. *āyu* „век“, местн. ед. *āyū-n-i*; гр. *αἰψ-έν* „всегда“ (местный падеж, превратившийся в наречие, см. стр. 304); ав. дат. ед. *yav-e* „для вечности“, твор. ед. *yav-a*.

скр. *çīr-aḥ* „голова“, род. ед. *çīr-ṣ-ŋ-áḥ*, местн. *çīr-ṣ-āṇ-i*.

гр. *οῦς* „ухо“, др.-сл. *оухо* — род. ед. гот. *aus-īn-s*, гом. *οῦ-α-(τος)*. Двойств. число среднего рода от этой основы с нулевым суффиксом засвидетельствовано ав. *uš-i* „оба уха“, др.-сл. *оуш-и*, лит. *aus-i*, и, вероятно, по аналогии формы двойственного числа было создано ед. ч. лит. *aus-īs* „ухо“ и мн. ч. лат. *aur-ēs*. Огласовка включает, следовательно, чередования **ous-*, **us-*, **aus-* (последнее с протетическим **a*).

2. Основы с чередующимися *-ег- и *-еп-.

Тип, встречающийся часто (и сохранивший большое значение в хеттском языке, см. выше стр. 274):

гр. ἥπαρ „печень“, род. п. ἥπα-(-τος), ав. yākarə с *ē; скр. yāk-ṛ-t, род. п. yak-n-āḥ, пехлевийское jakar, лит. jek-n(-os); лат. iecur, род. п. iecinoris (вм. *ies-in-is), с *ě в элементе перед суффиксом.

гом. еір (т. е. ἥαρ) „кровь“ с *ē; хет. ešhar; вед. ásṛk, род. п. as-n-āḥ; лат. (диалектальн.) assir, assere; латыш. asins; арм. arīwn, с начальным *а.

гр. ὕδωρ „вода“, род. п. ὕδρα-(-τος), хет. wātar, род. п. wetenaš; скр. (ud-akā-m), род. отлож. ud-n-āḥ, умбр. utur, отлож. п. upe с нулевой ступенью огласовки у элемента перед суффиксом; др.-англ. waeter и др.-в.-нем. wazz-ar, гот. род. ед. wat-in-s с корневой огласовкой *о, являющейся и в др.-сл. производном вода; славянский язык имеет также и ѣ (*ē) в производном вѣдро (первоначально „сосуд для воды“); то же и в др.-исл. vātr (где á отражает *ē) „мокрый“: арм. get (из *wedos) значит „река“.

гр. ἄαρ „весна“, лит. vas-ar-(-ā); скр. vas-an-(-tāḥ), др.-сл. вес-n-(-a), все с огласовкой *е: огласовка *ē является в лат. uēr, др.-исл. vār (с индоевропейским выпадением *s между долгой гласной и *r).

В этих именах *-ег- и *-еп- суть, повидимому, вторичные суффиксы, присоединенные к основе с нулевым суффиксом, часто не засвидетельствованной; так, например, от основы *alk-, засвидетельствованной дат. п. гр. ἀλκί „защите“, мы встречаем форму ἄλκαρ „защита“ с суффиксом *-ег- (и ἄλκη „защита“ с суфф. *-ā-).

Чередование *r- и *n- может сочетаться с предшествующими; так, армянский язык имеет им.-вин. п. сипг „колена“ из *g₁ōp-u-g, где *r чередуется с носовым элементом греческого γονί -α(-τος) и ведийского дв. ч. jānu-n-i „оба колена“. В армянском есть даже такие прилагательные, как сапг „тяжелый“, с *r (происшедшим из ср. р. на *-ur-) в им. п., в род. сапу (нормальный родительный основ на *-u-), без *r и без *n, и в им. мн. сапу-n-(kh), с *n.

Суффиксы *-el- и *-ep- чередуются в:

вед. s(ú)v-ar „солнце“ (и производное sūr-ya-h); гр. ἥλιος (из ἄλ-έλιος), гот. sau-il, лит. saũ-l-(ė), лат. sōl, др.-ирл. súil (значит „глаз“), др.-сл. слъ-н-ьце; гат. xvəng (читай *huvəng, из *suw-an-s), гот. su-n-(no).

β. Имена муж.-жен. рода. — Примеры редки: *-ег- и *-еп- чередуются, повидимому, в:

гр. ἄκμ-ων, „наковальня“, род. п. ἄκμ-ων-ος, лит. akm-ũ „камень“, род. п. akm-eĩ-s, скр. áṣṭā, „камень“, род. п. áṣṭ-an-aḥ —

др.-сл. камъ, род. п. камене, — др.-исл. ham-ar-r „молот“. Корневые чередования сложны: *kōm- (др.-сл. камъ), *kom- (др.-исл. ham-ar-r), *akt- (с протетическим *a: скр. ἀκτᾶ, гр. ἄκμων, лит. актū); следует отметить кроме того несовпадение гуттуральных: скр. ç, но лит. и сл. k.

Первичная сравнительная степень на *-yes- получала вторичный суффикс в косвенных падежах: атт. вин. ед. ἡδῖω „приятнее“ (из *f. ἡδῖοα, *f. ἡδῖοη), род. ед. ἡδῖονος (из *f. ἡδῖονοα, (i по аналогии с ἡδῖω); в индо-иранском и латинском обобщена всюду форма, без вторичного суффикса, откуда род. ед. скр. svādīyasah, лат. suāiōgis; германские и большинство греческих диалектов провели везде форму со вторичным суффиксом, откуда вин. ед. гот. hardizan- „более крепкий“, ион. ἡδῖοα (с кратким ι). Слог, предшествующий суффиксу, не сохраняет чередования гласных.

Нулевой суффикс чередовался с суффиксом *-ei- в:

вед. rānthā-h, ав. rantā „путь“ (индо-иран. *-ās из и.-е. *-ēs или *-ōs, происшедшего из *ēi-s или *ōi-s); твор. мн. вед. pathí-bhīh; род.-отлож. ед. (от основы с нулевым суффиксом) вед. path-āh, ав. раh-ō; корневой огласовке вед. rānthāh соответствуют: др.-сл. пхть, лат. pont „мост“ (род. мн. pontium), а также арм. hup „проход“; корневой огласовке вед. pathí-bhīh и path-āh соответствует др.-прусс. pintis „путь“; ср. также греческое тематическое производное πᾶτος „шаг, тропинка“.

γ. Место тона

Единственные языки, дающие нам сведения об изменении места тона при склонении одной и той же именной основы, — это ведийский, греческий, литовский и те из славянских диалектов, в которых нет определенности места ударения, т. е. главным образом русский и сербский. Данные греческого языка затемняются действием закона, ограничивающего место тона конечными слогами слова, а данные литовского языка и славянских диалектов — многочисленными новшествами, свойственными только этим языкам. В греческом старая подвижность тона очень упростилась вместе с упрощением всего именного склонения. Даже ведийский язык далеко не представляет первоначального состояния. Таким образом, о передвижениях тона мы имеем еще меньше сведений, нежели о чередованиях гласных в элементе, предшествующем окончанию.

Наиболее ясна картина в отношении односложных основ: возьмем основу *ped- „нога“.

		вед.	гр.
<i>Ед. ч.</i>	Им.	rát	πούς (дор. πῶς)
	Вин.	rád-am	πόδ-α
	Род.-отлож.	rad-áh	ποδ-ός
	Мест.	rad-í	ποδ-ί
<i>Мн. ч.</i>	Им.	rád-ah	πόδ-ες
	Вин.	rad-áh	πόδ-ας
	Род.	rad-ám	ποδ-ῶν
	Мест.	rat-sú	гом. ποσ-σί
<i>Дв. ч.</i>	Им.-вин.	rád-ā	πόδ-ε
	Род.	rad-óh	ποδ-οῦν

Согласие ведийского и греческого языков относительно места тона — полное, с единственным исключением вин. мн., где расхождение легко может быть разъяснено — безразлично, произошло ли оно от греческого или от индийского новобразования; совпадение скр. rad-í с гр. ποδ-ί не доказывает того, будто местный падеж первоначально имел тон на конечном слоге, так как другие формы местного падежа имеют тон на элементе, предшествующем окончанию, как, например, вед. kṣám-í „на земле“. Литовский язык дает некоторое подтверждение фактов ведийского и греческого языков, противопоставляя такой вин. ед., как žąs-í „гусь“, такому родительному мн., как žąs-ū, параллельно гр. χήνα (из *χάνα-α) и χηῶν (из *χάνα-ων).

Подвижность тона, наблюдаемая на примерах односложных основ, допускает двойное объяснение: мы можем толковать это явление как перемещение тона либо между окончанием и элементом, предшествующим ему, либо между окончанием и корневым элементом, как в настоящем времени глаголов (см. стр. 254). Есть одно указание, что приведенный факт не ограничен одной только областью односложных основ: греческое правило и ведийское правило не совпадают полностью между собою. В греческом языке перемещения тона определяются односложным характером основы в формах с перемещенным тоном: таким образом, имен. падежу κῶν „собака“ противопоставляется род. п. κων-ός, имен. падежу μήτηρ „мать“ — род. п. μητρ-ός. В ведийском же языке перемещение имеет место лишь в том случае, если основа всегда односложна: в род.-отлож. п. súp-ah тон стоит на sú-, потому что

ведийский имен. п. $\varsigma(u)v\acute{a}$ „собака“ двусложен. Если гр. $\rho\acute{o}\delta\acute{o}\varsigma$ и вед. $\rho\acute{a}d\acute{a}h$ совпадают, то это потому, что в данном случае оба правила приводят к одинаковому результату. Таким образом, греческое правило и ведийское правило суть остатки какого-то более общего правила. Наблюдение над основами, постоянно включающими два слога, должно было бы привести к разрешению этого вопроса. Но тут и начинаются трудности.

Подвижность тона между элементом, предшествующим окончанию, и некоторыми из окончаний засвидетельствована в ряде ведийских слов, как, например:

	ед. ч.	мн. ч.	дв. ч.
Имен. муж. р.	$b\grave{r}h-\acute{a}n$ „высокий“	$b\grave{r}h-\acute{a}nt-\acute{a}h$	$b\grave{r}h-\acute{a}nt-\bar{a}$
Вин. муж. р.	$b\grave{r}h-\acute{a}nt-am$	$b\grave{r}h-at-\acute{a}h$	
Род.-отлож.	$b\grave{r}h-at-\acute{a}h$	$b\grave{r}h-at-\acute{a}m$	$b\grave{r}h-at\acute{o}-h$
Дат.	$b\grave{r}h-at-\acute{e}$	$b\grave{r}h-\acute{a}d-bhya\acute{h}$	$b\grave{r}h-\acute{a}d-bhya\bar{m}$
Им.-вин. ср. р.	$b\grave{r}h-\acute{a}t$	$b\grave{r}h-\acute{a}nt-i$	$b\grave{r}h-at-i$

Но в этом отношении ведийские основы на $-nt-$ и $-ñs-$ стоят одиноко. Другие языки не дают ничего подобного, кроме греческого аномального слова $\gamma\upsilon\upsilon\eta$ „женщина“, вин. ед. $\gamma\upsilon\upsilon\acute{\alpha}\iota\kappa-\alpha$, род. ед. $\gamma\upsilon\upsilon\acute{\alpha}\iota\kappa-\acute{o}\varsigma$. Такие греческие формы, как вин. ед. $\pi\acute{\alpha}\tau\acute{e}\rho-\alpha$ „отца“, род. мн. $\pi\acute{\alpha}\tau\acute{r}-\acute{o}\nu$ „отцов“, не могут быть в данном случае поставлены в параллель, так как здесь огласовка исключает возможность сохранения тона на одном и том же месте.

Балтийские и славянские диалекты, наоборот, дают в некоторых именах передвижение ударения (отражающего индоевропейский тон) между началом и концом слова, как, например, в следующих литовских основах на $-i-$, $-u-$, $-r-$ и $-p-$:

Ед. ч.

Имен.	$\check{s}irdis$	$s\check{u}n\grave{u}s$	$m\acute{o}t\acute{e}$	$akm\check{u}$
	„сердце“	„сын“	„жена“	„камень“
Вин.	$\check{s}ird\grave{i}$	$s\acute{u}n\grave{u}$	$m\acute{o}t\acute{e}r-\grave{i}$	$\acute{a}kmen-\grave{i}$
Род.	$\check{s}ird\check{e}\check{s}$	$sun\acute{a}\check{u}s$	$mot\acute{e}r\check{s}$	$akm\acute{e}\check{n}\check{s}$

Мн. ч.

Имен.	$\check{s}irdys$	$s\acute{u}n\acute{u}s$	$m\acute{o}t\acute{e}r\check{s}$	$\acute{a}km\acute{e}n\check{s}$
Вин.	$\check{s}irdis$	$s\acute{u}n\acute{u}s$	$m\acute{o}t\acute{e}r\check{i}s$	$\acute{a}kmen\check{i}s$
Род.	$\check{s}ird\check{z}i\check{u}$	$s\acute{u}n\check{u}$	$mot\acute{e}r\check{i}\check{u}$	$akmen\check{i}\check{u}$

Дв. ч.

Имен.	$\check{s}irdi$	$s\acute{u}n\acute{u}$	$m\acute{o}t\acute{e}r\check{i}$	$\acute{a}kmen\check{i}u$
-------	-----------------	------------------------	----------------------------------	---------------------------

То же самое в русском языке: им. мн. *кóсти*, род. мн. *костей*; дат. мн. *костям*, в чакавском сербском: им. мн. *kòsti*, твор. мн. *košćami*; и т. д.; в русском им. мн. *нóвост*, род. мн. *новстей*. В единственном числе можно отметить соответствие русского *десять*, род. п. *десяти* и лит. *dešimtis* „десяток“, род. п. *dešimtės*.

Следовательно, между состоянием ведийским и состоянием балтийско-славянским есть расхождение. Греческий язык в этом отношении не дает почти ничего, так как в многосложных основах тон стал неподвижным. Впрочем, противопоставление форм *θυγάτηρ* „дочь“ (вероятно, из **θύγατηρ*), род. п. *θυγατρὸς* подтверждает древний характер балтийско-славянского типа. Даже и в ведийском женский род числительного „четыре“ в им. и вин. имеет форму *cátasrah*, а в твор. *catasṛbhīḥ*; ср. литовские формы муж. р. вин. п. *kėturis* „четыре“, твор. п. *keturiaĩs*. Укажем также на вед. *rūmān* „человек“, вин. ед. *rūmāmsam*, род. ед. *rūmsāh*. С другой стороны, подвижность тона между началом и концом слова может разъяснить много сомнений в вопросе о месте тона. Так, основы на *-*tei-*, имеющие в греческом тон на корне (тип *βάσις* „ход“), в ведийском имеют тон на двух различных местах: в ведийском встречаются и *mātiḥ* и *matīḥ* „мысль“; эти явления могут быть объяснены первоначальной подвижностью тона; например, в ведийском склонении: вин. ед. *mātim*, род. ед. *matēh*, соответственно литовскому вин. ед. *paktj* „ночь“, род. ед. *paktės* или лит. *atmintj* „вспоминание“, род. п. *atmintės*. Точно так же несоответствие гр. *πῆχυς* „локоть“ и скр. *bāhūh* „рука“, гр. *πέλεκυς* „топор“ и скр. *ragāṣūh* можно было бы объяснить перемещением тона в склонении, подобно лит. вин. ед. *sūnc* „сына“, род. ед. *sūnaĩs*.

В весьма многих ведийских, греческих, славянских и балтийских именах место тона неизменно, и таково должно было быть и положение в некоторых индоевропейских именах: в таких случаях чаще всего тон оказывается на элементе, предшествующем суффиксу; так, например, в вин ед. скр. *rūc-ant-am* „блестящий“, род. ед. *rūc-at-aḥ*.

Особо стоит звательный падеж. В ведийском языке он, как общее правило, не имеет тона; когда же он в начале предложения, он получает тон, но на первом слоге: так, *pitar* „отец“, *dūhitar* „дочь!“ при им. пад. ед. ч. *pitá*, *duhitá*. Греческий язык сохранил еще много остатков этого положения тона в начале слова: *πατήρ* „отец“; *Ἄπολλον*: *Ἀπόλλων* „Аполлон“ и т. д. Правило это, впрочем, применяется ко всякого рода основам; так, гр. *δέσποτα*:

δεσπότης „господин“; ἀδελφός: ἀδελφός „брат“ и т. д. Украинский язык также противопоставляет зват. пад. *сестро* именительному *сестра*.

Б. ОСНОВЫ, ОКОНЧИВАЮЩИЕСЯ НА *-ā- (или *-ē-)

Большинство этих основ — женского рода, и мы видели на стр. 293, что *-ā- является одним из признаков женского рода прилагательных. Одна форма имен.-вин. падежа на *-ā- (-ə-) с собирательным значением, при которой нет никакой другой падежной формы на *-ā- (-ə-), служит имен.-зват.-вин. падежом множ. числа имен среднего рода.

α. Окончания

Тип на -ā- является атематическим, и окончания его те же, что и в предшествующем типе, но окончания, начинающиеся на гласную, сливаются с конечной гласной основы.

В именительном падеже ед. числа окончание нулевое, так что конечная гласная будет: скр. -ā, др.-сл. -ā, лит. -ā (из *-o с нисходящей интонацией: так, mergā „девушка“ из *mergō), др. -ā (с острым тоном, если конечная гласная тонична; так, др. ποινά „возмездие“), гот. -a. Конечное -ς в таких греческих именах мужского рода, как πολίτης „гражданин“, есть греческое новообразование, ср. лат. scriba „писец“ (впрочем, судя по др.-лат. patricidas „отцеубийца“, hosticaras „берущий в плен врагов“, в латинском языке была та же тенденция к развитию подобного образования по аналогии, что и в греческом).

Винительный падеж единств. числа: скр. -ā-m, др.-сл. -ж, гр. др. -ā-v (-ā-v — в тонической форме).

Родительный-отложительный единств. числа: скр. āḥ (например, в bhātuāḥ „высокой“), лит. -os (o с восходящей интонацией: -ōs), др. -ās (с облученным тоном, если конечная гласная тонична: -ās), гот. -os, лат. -ās (например, в pater familiās „отец семейства“).

Дательный падеж единств. числа: скр. -ai (например в bhātuai „высокой“), лит. -ai (с восходящей интонацией: -ai), др. -āi, пашется -ā (с облученным тоном, если гласная тонична: -ā), гот. -ai.

Именительный падеж множ. числа: скр. -āḥ, лит. -os (o с восходящей интонацией), гот. -os, оск. -as: вероятно, слияние из *-ā-es.

Винительный падеж множеств. числа: скр. $\bar{a}h$, ав. \bar{a} (из $*\bar{a}s$), лит. -аз (из $*-os$ с о с нисходящей интонацией); отсутствие $*p$ из окончания $*-ns$ было объяснено на стр. 140.

В родительном падеже множеств. числа должно было произойти слияние из $*\bar{a}-\delta m$ (или $*\bar{a}-\delta n$), засвидетельствованное литовским \bar{a} , гот. -о; но большинство языков имеет или новые формы: скр. $\bar{a}p\bar{a}m$, или, по образцу склонения указательных местоимений, гот., фессал., беот. $\bar{a}w$ (из $*\bar{a}hw$), откуда атт. $\bar{a}w$, дор. $\bar{a}w$, лат. $\bar{a}gum$ и умбр. $\bar{a}gum$ (из $*\bar{a}z\delta m$) и т. д. Славянские явления предполагают форму с нулевой ступенью огласовки суффикса, и существованием в древности этого типа (в котором образование перестало быть ясным) объясняется развитие новых форм.

Именительный-звательный-винительный двойств. числа: скр. -е, ав. -е (т. е. индо-иранское $*-ai$), лит. -i (из \bar{e} с нисходящей интонацией, \bar{e} , отражающего и.-е. $*-ai$ с нисходящей интонацией), др.-сл. \bar{e} ; окончание $*-i$, повидимому, совпадает с окончанием именительного-звательного-винительного двойств. числа среднего рода.

β. Огласовка

Основы с суффиксом $*\bar{a}$ - не представляют почти никаких чередований в огласовке элемента, предшествующего окончанию. В именительном-винительном единств. числа среднего рода форма с окончанием и огласовкой нулевой ступени $*\bar{a}$ была использована для выражения именительного падежа множеств. числа среднего рода, наравне с $*\bar{a}$, как это мы видели на стр. 305, и не используется в склонении основ на $*\bar{a}$ -. Конечная гласная форм звательного падежа гот. $v\bar{u}rfa$ „невестка“ и др.-сл. $\bar{e}st\bar{r}o$ „сестра“ должна отражать $*\bar{a}$; конечное а в скр. $am\bar{a}$ „мама!“ не является нормальной формой зательного падежа, ибо здесь дело идет о слове, употреблявшемся только для призывания, и его конечное а следует сближать с конечным а в гр. $t\bar{a}ta$ „тятя“ и т. п. Суффикс имеет форму \bar{a} -, т. е. ступень $*e$ даже перед окончаниями, начинающимися на согласную, как, например, в дательном множ. ч. скр. $\acute{a}sv\bar{a}-bhu\bar{a}h$ „кобылам“, лат. $equ\bar{a}-bus$, др.-сл. ржка-мъ, лит. $g\bar{a}lko-ms$ „рукам“. — С другой стороны, в именительном падеже двойств. числа огласовка элемента перед окончанием — нулевой ступени: и.-е. $*-i$ (и.-е. $*\bar{a}$ дает индо-иранское а перед i). О родительном падеже множеств. числа см. выше, стр. 305.

Основы на $*-u\bar{a}$ - имеют в именительном падеже нулевую ступень огласовки в элементе перед окончанием:

скр. *bḡhat-í* „высокая“, лит. *vežant-ì* (-ì из *-ý) „везущая“, гот. *frijond-í* „подруга“; гр. *πότνια* „госпожа“, *φέρουσα* „несущая“.

гр. *μύα* (из **μύh-уā*) „муха“ при лит. *musē* (из **musjo*).

Нулевая ступень огласовки элемента, предшествующего окончанию, появляется также в индо-иранском в этих основах перед окончаниями, начинающимися на согласную: скр. местн. мн. *bḡhat-í-ṣu*, дат.-отлож. мн. *bḡhat-í-bhyaḥ*.

Чередование гласных в элементе перед суффиксом мы наблюдаем только в слове со значением „жена“: имен. ед. др.-прус. *genna*, др.-сл. *жен-а*, др.-ирл. *ben*, арм. *kin* из и.-е **g^wen-ā*; род. ед. вед. *gnās-(rātīḥ)*, др.-ирл. *mnā*, из и.-е **g^wn-ās*; кроме того, это слово допускало изменение суффикса: греческое склонение его таково: атт. *γυνή*, вин. п. *γυναῖκα*, род. п. *γυναικός*; беот. *βανᾶ*, вин. мн. *βανῆκας* (из *βανᾶικας*): *γυνή* и *βανᾶ* восходят к **g^wnā*; армянское склонение: *kin* [(из **g^wenā*), им. мн. *kanay(kh)* из **g^wnāi-* (ср. гр. *γυναῖκες*). Германский имеет основу на *-i-, гот. *qens* „жена“, при вед. -*jāni-*, и основу на -*ā-* с распространением ее элементом -*n-*: гот. *qīno* „женщина“, род. п. *qīnons* (огласовка корня **g^wen-*) при др.-исл. *kona* (огласовка корня **g^wn-*). Санскрит имеет основу на -*i-*: *jāniḥ* „женщина“ (-*jāniḥ* во второй части сложения). При таких условиях невозможно восстановить индоевропейский прототип слова; но именно изменением суффикса объясняется чередование **g^wen-*, **g^wēn-*, **g^wn-* или **g^wo-* (ср. стр. 286).

γ. Место тона

В части имен этого типа повышение тона перемещалось в склонении. На это указывают балтийские и славянские языки; так, [лит. *galvā* „голова“, русск. *голова́* и сербское чакавское *glāvā* (различие корневой интонации — славянское новшество) имеют следующее склонение:

	лит.	русск.	серб. чак.
Имен. ед.	<i>galvā</i>	голова́	glāvā
Вин. ед.	<i>gálvą</i>	го́лову	glāvu
Род. ед.	<i>galvōs</i>	голови́	glāvī
Имен. мн.	<i>gálvos</i>	го́ловы	glāvi
Твор. мн.	<i>galvomīs</i>	голови́ми	glāvāmi

Основы на -*a-* в греческом не имеют ничего подобного; в основах на *-*uā-* мы имеем: *μία* „одна“, вин. п. *μίαν*, но род. п. *μιάς*, дат. п. *μιά;* пон. *ἄγυια* „улица“, *ἄγυιαν*, но *ἄγυιῆς*, *ἄγυιῆ;* *πλάταια*, *πλάταιαν*, но *πλάταιῆς*, *πλάταιῆ* при лит. *aiški* „ясная“, вин. ед. *aiškią*, но род. ед. *aiškiōs*.

В. ТЕМАТИЧЕСКИЙ ТИП на *-e- (*e/o-).

Тон в склонении не меняет места (ср. стр. 201 и сл.). Один только зват. падеж стоит обособленно: даже греческий язык сохраняет *ἀδελφε* „брат!“ при им. п. *ἀδελφός* (ср. стр. 324). — Тематическая гласная имеет то качество *o, то качество *e, смотря по падежу. — Окончания, отличающиеся частично от окончаний предшествующих двух типов, не всегда могут быть отделены от тематической гласной.

В прилагательных основа на *e/o- характеризует мужской и средний род, но мы видели на стр. 292, что есть и существительные женского рода этой же формы.

Единственное число

Именительный п. муж.-жен. рода: *-o-s: скр. *vŕk-a-ŕ* „волк“, ав. *vəhrkō* (перед *ša* „и“: *vəhrkas-ša* „и волк“), лит. *vilka-s*, гр. *λύκ-ος*, лат. *lup-u-s* (ср. др.-лат. *sakros*), гот. *wulfs* (из **wulf-a-z*); др.-ирл. *beo* „живущий“.

Звательный п. муж.-жен. р.: *-e: скр. *vŕk-a*, ав. *vəhrka*, др.-сл. *вльч-ѣ*, гр. *λύκ-ε*, лат. *lure*. Лит. *vilké*, повидимому, имело древнее *-ē.

Винительный п. муж.-жен. р.: *-om, *-on: скр. *vŕk-a-m*, ав. *vəhrk-ə-m*, лит. *vilka* (где -a из *-a-n; ср. др.-прусс. *deiwan* „бога“ при лит. *dēva*), гр. *λύκ-ο-ν*, лат. *lup-u-m*; точно так же др.-ирл. *fer n* „человека“ при лат. *uir-u-m* и др.-ирл. *beo n* „живущего“.

Именительный и винительный ср. р.: *-o-m, *-o-n: скр. *yuḡ-á-m* „ярмо“, гр. *ζυγ-ό-ν*, лат. *iug-u-m*, гот. *juk*; точно так же ав. *xšādr-ə-m* „царство“, др.-прусс. *labban* „благо“, др.-ирл. *ligedd n* „долг“. — Это окончание отличается от нулевого окончания атематического типа, повидимому, только добавлением неорганической носовой (см. стр. 191).

Родительный п. (отличный от отложительного). — Индоиранская форма: скр. *-a-sya*, гат. *-a-hya* соответствует греческой форме: гом. *-οιο*, ион.-атт. *-ου* (слияние из *-οο*), дор. *-ω* (тоже слияние) и армянской *-ου*; так, например, скр. *vŕk-a-sya*, гом. *λύκοιο*, ион.-атт. *λύκου*, дор. *λύκω*, арм. *gailou*. Германские формы: гот. *-i-s*, др.-в.-нем. *-e-s*, например, гот. *wulf-i-s*, др.-в.-нем. *wolf-e-s*, восходят к *-e-so. — Латинский и кельтский имеют одну форму на -i без тематической гласной: лат. *uir-i* „мужа“. др.-ирл. огамическое *maí* „сына“, галльск. *Segomar-i* (род. ед. от *Segomaros*), др.-ирл. *fir* (предполагающее **wirī*) „человека“; ср. падеж -i санскритских основ на

-а- в сочетании с глаголами, например, вед. *mithuní karoti* „спаривается“ при *mithuná-* „составляющий пару“; эта форма на *i* имеет точную параллель в лат. *multí facio* „высоко ценю“ и т. д. В славянском и балтийском утратилась старая форма родительного падежа и, по аналогии с атематическим типом, и в этом типе форма отложительного падежа служит и для родительного падежа и для отложительного.

Отложительный п.: вед. *-āt*, ав. *-āī* (в обоих окончаниях долгое *ā* часто считается за два слога), др.-лат. *-ōd* (класс. лат. *-ō*), лит. *-o* (с восходящей интонацией), др.-сл. *-a* (лит. *-o* и сл. *-a* служат также для род. пад.): скр. *vīkāt*, ав. *vəhṛkāt*, др.-лат. *lurōd*, лит. *vīlko*, др.-сл. *вѣька*. Наличие особого окончания отложительного падежа единственного числа, отличного от окончания родительного падежа, составляет характерную особенность тематического типа. Это обстоятельство, может быть, объясняется присоединением какого-то послелога *-d* (*-t*), указывающего на исходную точку, ср. лат. *dē* „от, из“.

Творительный п.: **-ē* и, повидимому, также **-ō*: вед. *vīkā* (только в некоторых архаичных словах), ав. *vəhṛka*, лит. *vilkū* (где *-ū* из **-ū*, и.е. **-ō*): на звук **-ē* указывают латинские наречия типа *certē* „конечно“, которые, повидимому, происходят из старых творительных падежей, и санскритское наречие (старый твор. п.) *rasā*, др.-перс. *rasā*, ав. *rasā* „после“, при наречии (старый отлож. п.) ав. *raskāt* „после“: противопоставление *č* и *k* в Авесте предполагает и.е. **-ē* в первом случае, и.е. **-ōt* во втором (ср. стр. 124). Точно так же в склонении указательных местоимений мы встречаем гот. *hwe* „как“, др. *πῆ* (похл). — Существовала также форма с окончанием на **-bh-* или **-m-* (см. стр. 307 и сл.): ее отражают арм. *get-o-v* „рекою“ и др.-сл. *вѣьк-о-мь* „волком“; в таком случае тематической гласной может быть и **e*, как, например, в наречной форме арм. *het-e-w* „после“ при *het-o-v* „следом“.

Местный п.: **-ei* и **-oi*: скр. *vīk-e*, ав. *vəhṛk-e*, др.-сл. *вѣьц-ѣ*; лит. наречие *nam-ė* „дома“; гр. наречия *οἶκ-οι* и *οἶκ-εἰ* „дома“; лат. *dom-i*. — Окончание **-i* вместе с тематической гласной образует дифтонг с восходящей интонацией: лит. *namė*, гр. *ισθμοῖ* „на перешейке“ (отсюда происходит разница в ударении гр. *οἶκος*, при им. мн. *οἶκοι*, ср. *θεοί* „боги“).

Дательный п.: **-ōi*: ав. *vəhṛk-āi*, гр. *λό-χοι* (пишется *λόχ-φ*), *θε-φ*, лит. *vīk-ūi* (где *-ūi* с восходящей интонацией), др.-лат. диал. *Numasioi*, лат. *lur-ō* (где *-ō* из **-ōi*). Окончание дательного падежа слилось с тематической гласной.

Множественное число

Именительный-звательный п. муж.-жен. рода **-ōs*: скр. *vŕk-āh*, ав. *vəhrk-ā* (-ā из **-ās*; старая и малоупотребительная форма), гот. *wulf-os*; умбр. *Ik u v i n u s* „игувинцы“, оск. *Nú v l a p ū s* „ноланцы“; др.-ирл. *fir-u* „люди“ (-u из **-ōs*), служащее только звательным пад. Окончание им. п. мн. ч. слилось с тематической гласной. — Во многих языках эта форма была заменена формой с окончанием им. мн. указательных местоимений **-oi*: гр. *λύκοι*, др.-сл. *вльци-и*, лат. *lup-i* (-i из древнелатинского -oe, отражающего **-oi*); германский имеет этот тип только в прилагательных: гот. *blind-ai* „слепые“; дело в том, что „местоименное“ склонение проникло в склонение существительных через посредство прилагательных; сравнительно новый характер этой замены виден из того, что ирландский язык сохранил форму **wigōs*, отразившуюся в виде *firu*, в качестве звательного падежа и создал в значении именительного форму **wigoi* (превратившуюся в *fir*); в оско-умбрском конечное **-ōs* было сохранено и даже распространено на указательные местоимения. Таким образом, только германский и индо-иранский сохранили в данном случае различие между формами существительных и указательных местоимений.

Винительный п. муж.-жен. рода: **-ōns*: скр. *vŕkān* „волков“ (*vŕkānc-sa* „и волков“), лит. *vilkūs*; др.-ирл. *firu* „людей“; ничего нельзя утверждать о первоначальном количестве **o* в лат. *uirōs* „людей“, критск. *οδελ-ο-νς* „оболы“ (атт. *λύκους*, лесб. *λύκοις*), гот. *wulf-a-ns*; др.-прусс. *deiū-a-ns* „богов“, арм. *get-s* „реки“ (-s из **-ōns*).

Именительный-звательный-винительный ср. р. — Конечное **-ā*: **-ə* есть окончание им. ед. собирательного на **-ā* (ср. стр. 301): вед. *yug-ā* „ярма“, гот. *juk-a*, др.-сл. *иг-а*; точно так же ав. *xšadga* „царства“; и гр. *ζυγά* „ярма“, лат. *iugā*. Индо-иранский противопоставляет тематический тип на **-ā*, вед. *yugā*, атематическому типу на **-ə*: *pātmāni* „имена“; но это противопоставление не встречается ни в одном другом диалекте. Есть два доказательства особого характера конечного **-ā* (**-ə*): 1) перемещение тона, засвидетельствованное славянским и противоречащее правилу тематического типа: русск. ед. ч. *ста́ло*, мн. ч. *стада́*; *письмо́*, мн. ч. *пи́сьма*; эти два противопоставления вполне соответствуют греческому *φῶλον* „род“: мн. ч. *φῶλι*; *νεῦρον* „жила“: мн. ч. *νευρά* и скр. *bhrātrām* „братство“: гр. мн. ч. *φράτρα*; скр. *varṣām* „дождь“: гом. *ἔ(F)έρση*; — 2) множественное число на **-ā* (**-ə*) встречается также

и при единственном муж. р.: гр. *μῆρος* „бедро“, мн. ч. *μῆρα* (с характерным перемещением тона); лат. *locus* „место“, мн. ч. *loci*; русск. *рѡг* (род: ед. *рѡга*), мн. ч. *рѡгѡ* (с перемещением ударения). Собирательное значение иногда ощущается и в историческое время, так, например, мн. ч. гр. *κύκλα* „колеса“ от муж. рода *κύκλος* „круг“, от которого обычае множ. число *κύκλοι*; греческому *κύκλα* соответствует вед. *сакṛā* „колеса“, к которому была создана форма ср. р. ед. ч. *сакṛām* „колесо“. Сербский язык тоже противопоставляет ед. ч. ср. р. *кѡло* „колесо“ множественному ср. р. (собирательному) *кѡла* „повозка“.

Родительный п.: **-ōp*, **-ōp*: гр. *λύκων* „волков“ (и *θεῶν* „богов“); лит. *vilkū* и др.-сл. *влькѣ*; др.-ирл. *fer n*; умбр. *pihaslo* „умилостивлений“; др.-лат. *deum* „богов“.

Творительный п.: **-ōis*: вед. *vṛkaiḥ*, ав. *vəhrkaiš*, лит. *vilkais*, др.-сл. *влькы*, лат. *lupis*; вероятно, также и гр. *λύκοις* (*θεοῖς*).

Местный п.: **-oisu*, в индо-иранском и славянском: скр. *vṛkeṣu*, ав. *vəhrkaēš*, др.-сл. *вльцѣхъ*; ср. гом., лещб., нон. *λύκοισι*.

Дательный-отложительный падеж на **-bh-* или на **-m-*: скр. *vṛkebhyaḥ*, др.-сл. *влькомѣ* и т. д. Невозможно восстановить общую форму.

Двойственное число

Именительный-звательный-винительный муж.-жен. рода: конечное **-ō*: гр. *λύκω*, др.-сл. *влька*, лит. *vilkū* (и из **-ū*), вед. *vṛkā*, ав. *vəhrka*. Ведийское чередование *vṛkav*, *vṛkā*, быть может, образовано по аналогии чередования в числительном вед. *d(u)vāu*: *d(u)vā*, „два“, которое, несомненно, индоевропейское.

Именительный-звательный-винительный ср. рода: скр. *уṛḡē*, др.-сл. *исѣ* („два) ярма“; ав. *xšaθr-e* („два) царства“; окончание — то же, что и в атематическом типе.

Родительный-местный. Др.-сл. *влькѡу* „(двух) волков“ отражает древнюю форму, ср. ирл. *fer* „(двух) людей“ и аркадское *μεσού* „посреди (двух) предметов“; скр. *vṛkauoḥ* имеет форму указательных местоимений.

Дательный-отложительный. Падеж на **-bh-* или **-m-* для которого невозможно восстановить прототип: скр. *vṛkābhyaḥ*, ав. *vəhrkaēībua*, др.-сл. *влькома*.

Б. МЕСТОИМЕННИЯ УКАЗАТЕЛЬНЫЕ, НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ, ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ И ДР.

(Особые случаи тематического типа и типа на -ā)

Местоимения указательные, неопределенные, вопросительные и некоторые сходные с ними прилагательные имели в индоевропейском особое склонение, которое часто называют „местоименным“; это название неудачно: самые важные и самые типичные из местоимений, личные местоимения, если и склонялись, то очень мало, а слова указательные, неопределенные и др. бывают то прилагательными, то местоимениями. Меньшее неудобство представлял бы термин „склонение указательных слов“.

Для женского рода эти слова представляют основы на *-ā-, для мужского и среднего — основы на -e/o-, но окончания отчасти отличаются от окончаний склонения существительных и прилагательных, принадлежащих к этим типам. Более того — и в этом оригинальная черта этого склонения, наблюдаемая и в склонении личных местоимений, — оно имеет часто две различные основы, одну для им. ед. муж. и жен. рода, другую — для остальных форм, в том числе и для имен.-вин. ед. ч. ср. р.

1. ОСНОВЫ

Важнейшие слова, склоняемые по этому склонению, — следующие:

1. Указательное местоимение (анафорическое), указывающее на лицо или вещь, названные раньше или уже известные:

	Им. ед. ч.		Основы остальных форм	
	муж. р.	жен. р.	муж.-ср. р.	жен. р.
скр.	sá	sā	*ta-	tā-
др.	ó	ā (атт. ŷ)	to-	tā-
гот.	sa	so	þa-	þo-

Балтийские и славянские языки распространили основы других форм и на им. пад. ед. ч. муж. и жен. р.: лит. муж. р. ta-, жен. р. to-; др.-сл. муж. и ср. р. to-, жен. р. та-.

Значение этого указательного местоимения не вполне четкое и слабое, явствует из следующего гомеровского стиха:

А 43: ὣς ἔφατ' εὐχόμενος τοῦ δ'ἔκλυε Φοῖβος Ἀπόλλων
„так он сказал, молясь, и его услышал Феб Аполлон“;

понятно поэтому, что в греческом оно сделалось просто артиклем (после того периода языка, который представлен Гомером), а

также в германском (в некоторых диалектах; в готском языке Вульфилы этого нет).

2. Указательные местоимения, указывающие на близкий предмет. — Во всех языках, кроме индо-иранского, на близкий к говорящему лицу предмет указывает элемент *k- (ср. хет. kaš), причем не легко установить индоевропейскую основу; склоняемые формы в лит. šis, род. п. šio; др.-сл. съ, род. п. сего; арм. au-s со значением лат. „hic“ и sa со значением лат. „is“ (для самого близкого предмета); гот. вин. муж. р. hip-(a), ср. р. hit-(a), дат. п. himma: только наречия в лат. si-trā „ко сю сторону“; др.-ирл. сē (то же значение). Точное значение определяется тем, что это указательное местоимение в соединении со словом „день“ дает значение „сегодня“: др.-сл. днь-сь, лит. šėn-dėn, гот. himma-daga, др.-сакс. hip-dag, др.-в.-нем. hiutu (форма, искаженная из hiu tagu), арм. ays-awt, атт. τήμερον, ион. σήμερον (из *ku-āmeron).

В индо-иранском указательное местоимение, указывающее на близкий предмет, имеет сложную форму: скр. им. муж. р. au-ām, жен. р. iu-ām и от той же основы, в виде исключения, и ср. р. id-ām (ср. лат. id); вин. муж. р. скр. im-ām, и ср. р. ав. im-a; родительный и большинство остальных падежей образуются от основы a- (ср. хет. энкл.-aš): скр. a-syā, ав. aiñhe (из *a-sya); и та же основа a- входит в сложное слово скр. a-duā „сегодня“. В латинском ему соответствует анафорическое is, id и eum, eam и т. д.; то же в германском: гот. is, it-a, род. ед. is и т. д.; основа *e- ясна в дат. п. умбр. esmei „этому“. — Наконец, латинский язык имеет одно указательное местоимение, корневой элемент которого не может быть сближен ни с каким корнем других языков, но склонение аналогично склонению предшествующего слова, с i в именительном и с o в прочих падежах: им. п. hi-c, вин. п. hui-c, ср. р. hocs, hoc (из *hod-ce), основа ho- в сложном ho-diē „сегодня“.

3. Указательные местоимения, указывающие на отдаленный предмет.

Мы встречаем три главные характеристики: *w, *n, *l.

Характеристика *w принадлежит востоку: им. ед. муж. и жен. р. скр. asāu, ав. hāu, др.-перс. hauv; вин. ед. скр. am-ūt, род. am-ūṣya; иранский имеет основу ava-, которой соответствует др.-сл. овъ... овъ... „один... другой...“ (в современных славянских языках формы, соответствующие овъ, где они встречаются, обозначают скорее близкий предмет).

Характеристика *n является в хет. aniš, др.-сл. онъ, лит. aiñ(a)s, арм. auñ в значении лат. „ille“, па в значении лат. „is“ (для отда-

ленного предмета), повидимому также и в др.-в.-нем. *jenēg* „тот“ и гр. *ἕν* „послезавтра“. — От этого же указательного слова произведены следующие слова со значением „другой (из двух)“: скр. *āp-taga-h* „отличный от“; лит. *ai-tras* „второй“, гот. *aprag* „другой (из двух), второй“, гр. *ἄ-τερος* „другой из двух“ (измененное в аттическом в *ἑ-τερος*, но сохраненное в слитной форме атт. *ἄττερον*).

Характеристика *l является прежде всего в др.-лат. *ollus*, лат. *ille* и *ul-trā* „по ту сторону“ (противопоставлено *si-trā*); в ирл. *t-all* „по ту сторону“, ан-алл и т. д.; в сл. *ol-ni „прошлый год“ (др.-сл. *лани*, польск. *lani* и т. д.). Отсюда произведены следующие слова со значением „другой (из многих)“: гр. *ἄλλος*, лат. *alius*, ирл. *aile*, гот. *aljis*, арм. *ayl*.

4. Анафорическое и относительное местоимение.

Основа скр. *ya-*, ав. *ya-*, др.-сл. *я-* (со следующей частицей *жт:* им. ед. м. р. *иже*, род. *иже* и т. д.), гр. *ὁ-* служит относительным местоимением; оно образует именительный наравне с прочими падежами. — Кроме того, в славянском оно имеет анафорическое значение, т. е. служит указанием на лицо или вещь, уже известную или раньше упомянутую; в литовском оно имеет только это значение. Как анафорическое, оно является энклитикой и может присоединяться к прилагательным для указания того, что имя, к которому оно относится, определено: др.-сл. *добръи* (из *добръ-и*), *добра-и*, *добро-к*, точно так же и в литовском муж. р. *gerās-is* „хороший“, жен. р. *geró-ji*; авестийская основа *ya-*, поставленная, как общее правило, в том же падеже, что и имя, к которому она относится, следовательно, с указательным, а не относительным значением, служит для соединения имени существительного с другим существительным или прилагательным; так, например, в вин. падеже: *stāram yim tištrīm* „звезду ту Тиштрию“.

5. Неопределенное и вопросительное местоимение.

Две основы, обе с характеристикой *k-, играют двойную роль неопределенного и вопросительного местоимения:

*k^е-, *k^о- (жен. р. *k^ā-): скр. *ka-* (им. п. *kāh*), ав. *ča-* (род. п. гат. *ča-huā*), *ka-* (ср. р. *ka-t*), др.-сл. *че-* (род. п. *че-со*), *ко-* (дат. п. *ко-моу*), лит. *ka-*, гр. *τε-* (род. п. *τέο, τοῦ*), *πο-* (в наречиях, как *ποῦ* „где?“), лат. *quo-* (ср. р. *quo-d*), гот. *hwa-* (им. п. *hwas* „кто?“).

*k^еi: скр. *cit* (первоначально ср. р., превратившийся в наречие), ав. *či-š* „кто?“, др.-сл. *чь-то*, лат. *qui-s*, гр. *τί-ς*, хет. *kui-š*.

Трудно определить распределение этих основ в склонении: *k^wei- (муж.-ср. и жен. р.) образовывало им. ед. муж.-жен. р. и им.-вин. ед. ср. р.: ав. čīš, čīš, гр. τίς, τί, лат. quis, quid, др.-сл. чь, чь-то (только ср. р.), хет. kuīš, kuit, но др.-лат. quo-i (лат. класс. qui) и скр. káñ „кто?“, др.-сл. къ-(то), лит. kàs, гот. hwas и соответствующая форма жен. р. скр. kâ, лит. kâ, гот. hwo, лат. quae (из qua-i), не менее древние формы; *k^we-, *k^wo- мы находим прежде всего в род. п. гат. ča-hyā „кого?“, гр. τέο (τοῦ) „кого? чего?“, др.-сл. че-со „чего?“, как мы только что видели.

Тонические формы имеют вопросительное значение; так, гр. τίς; формы, лишенные тона, внутри предложения, — неопределенное значение, — так, гр. τις.

Как мы видели уже на приведенных примерах скр. an-yá-h, лат. al-iu-s и т. д., эти основы допускают вторичные суффиксы; таким образом, санскрит имеет t-yá- наряду с tá-, i-tara- „другой“ наряду с au-am, i-d-ám, ср. лат. i-tegu-m и т. д. Одни из этих слов усвоили вполне склонение указательных местоимений: таково слово со значением „другой“ (по отношению ко многим): скр. an-yá-h „другой“, ср. р. an-yá-t, лат. al-iu-s, al-iu-d, гр. ἄλλος, ἄλλο и т. д.; другие имеют лишь некоторые формы этого склонения: таково слово со значением „другой“ (из двух): лат. alter, alter-um (по именному склонению), род. п. alterius и дат. п. alteri (по склонению указательных), и вообще все слова, образованные суффиксом *-tero-.

Другие слова, в особенности имеющие значение „один“ и „весь“, „целый“, заимствуют некоторые формы из склонения указательных: таково скр. ékañ „один“, ав. aēvō, др.-сл. «динъ», арм. mī, лат. ūnus; скр. víçvañ и śárgvañ „весь“, ав. vīspō, др.-сл. вьсь, лат. tōtus.

2. СКЛОНЕНИЕ

Формы склонения отчасти совпадают с формами существительных и прилагательных на *-e/o- для мужского-среднего рода и на -ā- для женского, отчасти отличаются от них.

Мужской и средний род

Единственное число

Именительный п. муж. р. — Характерная особенность наличия отдельной основы в этом падеже, типа скр. śa = гр. ó, была отмечена на стр. 332. Эта основа не принимает окончания *-s — особенность, повторяющаяся в скр. au-ám и в др.-лат. quo-ī

(лат. qui) и в лат. hi-c, ille, iste, может быть — и в i-pse при is (ср. вин. п. др.-лат. eum-pse). — Когда основа получает окончание, то оно есть *-s: скр. уá-ñ „который“, гр. ὅς; соответствующий именительный п. этой основы в литовском -i-s в geràs-is „хороший“, jì-z „он“, как и в других основах на *-уо-.

Винительный п. муж. р. — Окончание то же, что и в существительных; скр. tá-m, гр. τό-ν, гот. þan-(a), и т. д.

Именительный-винительный ср. р. *-t: скр. tá-t, ав. ta-ṭ, гр. τό (с нормальным в конце слова отпадением конечной зубной, как и в балтийском и в славянском); др.-прусс. sta, др.-сл. то, гот. þat-a (где t отражает d, являющееся в конце слова перед начальной гласной следующего слова, в данном случае перед частицей -a), лат. (is-)tu-d. — Это окончание мы встречаем и в слове „другой“ (из многих), принадлежащем к группе указательных местоимений с элементами *l или *n (см. стр. 333—334): скр. апуá-t, ав. апуа-ṭ; лат. aliud, гр. ἄλλο; но его нет в словах со значением „один“ и „целый“: лат. ūnu-m, tōtu-m, скр. éka-m „одно“, víçva-m „всё“, sárva-m „всё“, гр. ὅλ(φ)ο-ν „целое“.

Родительный п. — Формы различны в разных языках: скр. tá-sya, гом. τοῖο (атт. τοῦ, дор. τῶ), гот. þ-is, др.-в.-нем. de-s, как в тематическом типе; звук *e тематической гласной засвидетельствован соответствием: гат. ča-huā „кого?“, др.-сл. че-со, гом. τέ-ο (атт. τοῦ), др.-в.-нем. hwe-z.

В некоторых языках обнаруживаются здесь особые, свойственные только им формы, как, например, в латинском языке -ius, в славянском того; в армянском имеется примета -r; так, по-г „того“, а в хеттском примета -l, — так, kueł „кого“; расхождение между армянским и хеттским следует сопоставить с колебаниями между *r и *l, указанными на стр. 188.

Отложительный п. (отличный от родительного, как и в тематическом типе существительных): скр. tá-t (стало наречием), ав. āṭ (стало наречием), лит. tō, др.-лат. istōd, лат. istō.

Дательный п. *-smōi (?): скр. tá-smai, ав. aēta-hmāi; ср. др.-прусс. ste-smi и гот. þa-mma (где -mm- из *-sm-); арм. or-um „кому?“ (где *-um из *-o-smōi?); умбр. e-smei „этому“; др.-сл. то-моу (без следа звука *s).

Местный п. *-smi (?): скр. tá-smin, ав. aēta-hmi; арм. or-um „в котором“ (где *-um из *-o-smōi?); умбр. es-me; др.-сл. то-мь (без всякого следа звука *s).

Творительный п.: ав. tā; наречия в гр. πῶ и дор. πῶ(ποα), гот. þe (наречие), др.-прусс. ste „тем“.

Множественное число

Склонение множественного числа построено в общем на основе, включающей элемент *-i-, которая служит для всех падежей, в именительном падеже является без окончания и обнаруживается также в косвенных падежах.

Именительный п. муж. р. *-i: скр. té (из индо-иран. *ta-i), гом. тоі, др.-сл. ти, лит. tē (-ē из балт. *-ai: др.-прус. stai), лат. istī. Индо-иранский и германский обнаруживают противопоставление им. мн. существительных на *-ōs (скр. á-ṣvāḥ „лошади“, гот. dagos „дни“) и им. мн. указательных на *-oi (скр. té, гот. þai); остальные языки сделали всеобщим один из этих двух типов; так, в латинском equī по образцу istī, а в оскском rús „кто“, по образцу Núv! a nús „ноланцы“. — Им. мн. на *-oi указательных местоимений был распространен на прилагательные в литовском и в германском и на все имена на *-o- в большинстве языков.

Винительный п. муж. р., как и в существительных: скр. tām, крит. tó-v; (атт. тоύς), гот. þans, др.-прус. sta-ns.

Именительный-винительный ср. р., как и в существительных: вед. tá, др.-сл. та и, с другой стороны, гр. τά (с кратким α), лат. istā.

Родительный п. *-isōm, *-isōn: скр. téṣām, ав. aētaēšam, др.-прус. stēison, др.-сл. тѣхъ (из *to-ison); ср. гот. þize и лат. istōrum.

Местный п. *-isu в индо-иранском и славянском: скр. téṣu, ав. aētaēšu, др.-сл. тѣхъ; ср. гом., нон. тоіс.

Дательный-отложительный: скр. tébhyaḥ, ав. aēibyo, др.-лат. hibus; др.-сл. тѣмъ; др.-лит. tiemus, др.-прус. stēi-mans, гот. þaim.

Творительный п.: вед. tébhīḥ, ав. aēibiš, др.-сл. тѣми, гот. þaim; противопоставление с формой существительных ясно выступает в ведийском и древнеславянском языках; само собою разумеется, что различие дательного-отложительного и творительного проведено только в индо-иранском, славянском и балтийском.

Двойственное число не представляет форм, отличных от форм склонения существительных.

Передвижение тона, которое мы видим в род. ед. скр. aśuā при āśuа и tāśuа, в дат. aśmāi при āśmāi и tāśmāi и т. д., представляет нарушение правила о неподвижности тона в тематическом типе. Форме вед. aśmāi, с тоном на конечном слоге, соответ-

ствуют славянские (русск. *тому*) и германские формы: гот. *þamta* из *þamte, предполагающего *to-smē; наоборот, атт. *toū* предполагает *tó-syo*, ибо *to-syō дало бы гр. *toū; др.-прусс. *stēison* имело ударение на корневом элементе.

Женский род

Специальные формы женского рода в указательных местоимениях и менее многочисленны и менее ясны. Мы находим:

Единственное число

Родительный-отложительный *e-syās, *e-sās: скр. *tá-syāh*, ав. *aētaðhā*, др.-прусс. *ste-ssias*; гот. *þi-zos*.

Дательный п.: *e-syāi, *e-sāi: скр. *tá-syai*, ав. *aiðh-āi* (из *a-syāi), др.-прусс. *ste-ssiei*; гот. *þi-zai*.

В этих двух формах мы замечаем: основу *te-; элемент *-sy-, чередующийся с *-s- как и в окончании род. п. муж.-ср. р. *-syo: *-so- (ср. стр. 328—329); конечные элементы -ās и *-āi, тождественные с окончаниями существительных на *-ā-, как и в муж. роде *-di в форме *smōi тождественно с конечным *-oi дательного тематических основ. Место тона на конечном слоге, предполагаемое на основании гот. *þizos*, *þizai*, не согласуется с тоном скр. *tásyāh*, *tásyai*, но соответствует скр. *asyāh*, *asyai*.

Творительный п. скр. *tayā*, ав. *aētaya* напоминает др.-сл. творит. *тож*.

Множественное число

Родительный п.: индо-иранские, греческие, италийские формы оказываются совпадающими: скр. *tā-sām* (и *ā-sām*), ав. *āñham* (из *ā-sām), гом. *τᾶ-ων* (атт. *τῶν*, др. *τᾶν*), лат. *istā-rum*, оск. *eiza-zup(-c)*. В греческом и в италийском это окончание было распространено на существительные; так, умбр. *gracatarum* „границ“.

Перед окончаниями на *-bh- и *-m- славянские и германские языки дают основу с дифтонгом с *i, как и в мужском роде: гот. *þaim*, др.-сл. дат. мн. *тѣмъ*, твор. мн. *тѣми*.

В. ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

* Формы личных местоимений настолько различны в различных языках, что нет возможности восстановить индоевропейское состояние. Но мы можем отметить некоторые особенности этих форм:

1. Единственное число, с одной стороны, и множественное (и двойственное), с другой — для одного и того же лица обозначаются разными словами: лат. ego „я“ и p̄os „мы“, tū „ты“ и ip̄os „вы“. И действительно, у множественного числа здесь особый смысл: p̄os значит „я и другие“, а не „многие я“.

2. Именительный падеж, по крайней мере в первом лице, имеет основу, отличную от основ других падежей: лат. ego „я“ и mē „меня“, гот. weis „мы“ и uns „нас“ и т. д. Аналогичное явление мы видели и в отношении указательных местоимений.

3. Различие грамматического рода ничем не выражается, что вполне согласуется с отсутствием прямого различия мужского и женского рода в существительных: лат. tū „ты“ относится одинаково и к мужчине и к женщине.

4. В тех случаях, когда личные местоимения склоняются, склонение их отличается и от склонения существительных и от склонения указательных; в индоевропейском, как кажется, личные местоимения имели лишь несклоняемые формы. Хеттские факты, которыми мы ныне располагаем, подтверждают, что у личных местоимений индоевропейского не было установившегося склонения.

5. В некоторых падежах наблюдаются формы тонические и формы, лишенные тона, отличные одни от других.

Группа личных местоимений содержит местоимения 1-го и 2-го лица в трех числах и одно возвратное, служащее для всех чисел и для всех лиц. Местоимения личного 3-го лица нет.

Мы рассмотрим лишь те формы, индоевропейский характер которых засвидетельствован приблизительным совпадением по крайней мере двух языков.

Единственное число

Именительный п. — 1-е лицо: гр. ἐγώ, лат. ego (ǝ из ǝ̄), гот. ik, арм. es (из *es), лит. aš (ėš); у Гомера ἐγώ перед гласной и ἐγὼ перед согласной; начальное *ǝ̄- (или *ǝ̄-?), предполагаемое др.-сл. азъ, др.-русск. азъ, стоит одиноко, как и придыхательная скр. ahám, ср. ав. azəm, др.-перс. adam (см. стр. 190). В хеттском — uk.

2-е лицо; гр. tú (и sú), лат. tū, др.-ирл. tū, гот. þu, др.-исл. и др.-англ. þú, др.-в.-нем. |dū, лит. tú, др.-прус. tou, др.-сл. ты; и вед. t(u)v-ám, ав. t(u)vəm, tūm (с индо-иранской частицей *-am).

В санскрите, греческом и латинском нет лишенных тона форм, так как именительный падеж личного местоимения в этих языках, в тех случаях, где он встречался, был обособленным словом

с полным значением: лат. ego uenio „я прихожу“. Но некоторые формы, которые во многих языках ставятся главным образом после глагола (или другого слова), указывают на существование энклитических форм: *tu, с кратким u, в гат. tū (написание ū не указывает на то, чтобы здесь мы имели дело с первоначальной долгой), др.-прус. tu, др.-исл. þu (с звонкой ð), др.-англ. þu, др.-в.-нем. du (-t после s в таких формах, как bis-t), арм. du (с переходом начального t в d, подобно ð в др.-исл. þu; этот переход объясняется тем, что местоимение употреблялось как добавочное неударяемое слово) для 2-го лица; в германском и армянском есть указания на лишенное тона употребление и местоимения 1-го лица; в древнеирландском есть также для всех лиц энклитические формы местоимений, довольно темного происхождения.

Прочие падежи имеют корневым элементом *em-, *m- — в первом лице, *tew-, *tw- и *t- (ср. стр. 188) — во втором.

Формы этих корневых элементов были приспособлены, видоизменены или распространены для выражения различных падежей; но склонения, сравнимого со склонением существительных и прилагательных, налицо нет.

Винительный п. — Гр. ἐμέ, σέ (из τφε, засвидетельствованного у Гесихия как критское), лишенные тона με, σε; начальное *em- в гр. ἐμέ обнаруживается и в арм. is (из *im-s), а *twe в арм. khe-z; в вин. п. хет. amuk имеет *em- при им. п. uk; в хет. uk, amuk, гот. mik, др.-в.-нем. mih и в хет. zik, tuk, др.-в.-нем. dih мы имеем *me, *te с последующей частицей -k, соответствующей гр. γκ, ср. ἐμέγε, σέγε; *me и *te разъясняют также энклитические формы др.-ирл. -m, -t. В индо-иранском: скр. mā, tvā, ав. mā, ŋwā — формы без тона; в тонических формах, скр. mām, tvām, ав. mām, ŋwām, конечный носовой элемент является скорее частицей (как в им. п. вед. ah-ām, t(u)v-ām), а не окончанием винительного пад.; то [же и в отношении сл. ма, та. В др.-лат. mēd, tēd конечная зубная может быть только частицей, как и -om в умбр. tiom „тебя“, оск. ziom „себя“.

Родительный п. топяческий (отличный от отложительного): *méne „меня“ в ав. māna (и скр. māna с внутренним m вместо n), др.-сл. мене, лит. manė, и *téwe „тебя“ в скр. tāva, ав. tava, др.-сл. тевѣ (измененное из *teve под влиянием дат. тѣбѣ), лит. favė; форму *eme „меня“ предполагают арм. im и гр. ἐμοῖο, ἐμέο, ἐμοῦ (*ēms- + окончание род. п. *-yo, прибавленное в греческом по типу τοῖο); *twe, *two „тебя“ предполагаются арм. kho, гр. σέο, σέο (τοῦ).

Дательный п. тонический получился посредством распространения в {скр. máhu-a(m) „мне“, лат. mihī, умбр. mehe, из *meghi, {и арм. in} из *emg₁hi; скр. túbhu-a(m) „тебе“ (где u по аналогии с другими падежами вместо a), гат. taibuā, др.-сл. тѣѣ, др.-прус. tebbeī, лат. tibī, умбр. tefe.

Дательный п. атонический: *moi, *toi: скр. me, te; ав. mē, tē; др.-сл. ми, ти; гр. μοι, гом. τοι (и атт. σοι); эти дательные падежи употребляются также в ряде случаев в значении атонических родительных; в дорийском диалекте имеются тонические формы дательного падежа ἐμίν, τίν, /ίν, а в литовском языке атонические формы mi, ti, si.

Отложительный п., всегда тонический, получается прибавлением того же зубного элемента, что и в скр. типе v{*kāt*, др.-лат. lupōd (см. стр. 329): вед. māt, tvāt, ав. maṭ, ḍwaṭ; лат. mē(d), tē(d).

Для местного п., всегда тонического, получилось: скр. mē, tvé; но гр. μοί (ἐμοί), σοί (из *σφοί) совпадает с дательным.

Творительный п. — Точных соответствий нет: скр. māyā напоминает др.-сл. множ., и скр. tvāyā — др.-сл. тобож; но что-либо вывести из этого не представляется возможным.

Множественное число

Именительный п. — 1-е лицо. Есть два ряда соответствий: скр. vaу-am, ав. vaēm (двусложное, ошибочная вокализация *vaуam), гот. weis, др.-в.-нем. wīg, хет. weš; с другой стороны, лит. mēs, др.-прус. mes, др.-сл. мы (где ы по образцу ы), арм. mekh, лесб. (ἄμ-)μες (из *(*ns-*)mes по образцу вин. п.).

2-е лицо [*уūs: ав. уūš (энклитика), уūž-am, скр. уūу-am (где у вместо ожидаемого г по аналогии с vaу-am „мы“), лит. jūs, др.-прус. ious, гот. {j}us; лесб. {ἄμ}μες, из **us-*(mes) по аналогии с ἄμμες „мы“, и вин. п. ἄμμε „вас“.

Прочие падежи. — Корневые элементы *nō(s)-, *p(s)- для первого лица и *wō(s)-, *u(s)- — для второго. — Корневой элемент в чистом виде служит для атонического родит.-дат.-винит. падежа: скр. naḥ, vaḥ, ав. nō, vō, др.-сл. ны, вы; иные ступени огласовки наблюдаются в тоническом винит. пад. лат. nos, uos, гат. nā, vā, в хет. anpaš „нас“ {и в гот. uns, uns-is (из **ns* „нас“). Частица *-sme прибавляется в греческом и в индо-иранском к тонической форме с нулевой ступенью огласовки, [откуда **nsme*, **usme*, за-свидетельствованные лесб. ἄρμε, ἄρμε, др. ἄρμε, ὕρμε; атт. ἤμας, ὕμας и в скр. asmān, уṣmān (с начальным у по образцу им. п.);

по образцу вин. п. были изменены все остальные тонические формы падежей в греческом и в санскрите; так, род. п. гр. ἡμῶν, ὑμῶν. В славянском склонении род. п. насъ, насъ; дат. п. намъ, вамъ; твор. п. нами, еами и в лат. pōbīs, uōbīs отсутствует *s, характерное для винит. пад.

Древнеирландский имеет формы с начальным s-: spī „нас“, si (ср. валл. chwi) „вас“, которые, повидимому, предполагают *spēs, *swēs; они представляют формы винительного-родительного-дательного и напоминают винит. гот. izwis „вас“ и, пожалуй, двойственное гр. σ-φῶ. В хеттском для 2-го лица žimeš „вас“.

Двойственное число

Именительный п. — 1-е лицо: др.-сл. wѣ, лит. vė-(du), гат. vā, вед. vām (т. е. *vā-am), др.-англ. wi-t (*-t остаток формы числительного „два“).

2-е лицо: вед. uv-ām, лит. jū-(du), др.-англ. gi-(t) (где -i- по аналогии с первым лицом).

В качестве атонической (а также, повидимому, и тонической уже в индоевропейскую пору) формы винит.-родит.-дат. п. мы находим: скр. paу, гат. pā, др.-сл. na, гр. wό (им. и вин. п.); скр. vām (*vā-am?), гат. vā, др.-сл. va.

ВОЗВРАТНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ

Основа возвратного местоимения *sew-, *sw- (*s-) параллельна основе личного местоимения 2-го лица ед. ч. *tew-, tw- (*t-) и склоняется точно так же; именительного падежа, конечно, нет.

Винительный п.: др.-сл. сам; др.-прусс. sien, гом. (F)é (см. стр. 343) и é(F)é; гот. si-(k); лит. savę.

Родительный п. тонический: др.-сл. себе (изменено из *seve), лит. savė, гом. éю, оў (из *Fε-hyo).

Дательный п. тонический: др.-сл. себѣ, др.-прусс. sebbei, лат. sibi, оск. sifei; ср. гр. σφί(v).

Родительный-дательный атонический *soi: пракр. se, ав. hē (и šē после i, u, r), гом. oi (и (F)oi), др.-сл. si.

Лат. sē(d) включает в себе ту же частицу, что и mē(d) и tē(d) и служит для падежей винительного и отложительного; др.-сл. совож представляет собою творительный падеж.

Значение этой основы — „принадлежащий кому-либо“, и она применяется в индоевропейском ко всем числам и ко всем лицам, как и притяжательное прилагательное, от него образованное: скр. svāh, suvāh „свой“, гр. (F)ός, лат. suos и т. д.; это состояние

сохранилось в индо-иранском, славянском, балтийском и даже в гомеровском греческом. Приведем лишь несколько примеров: родит. падеж притяжательного местоимения лит. *sãvo* относится к 1-му лицу в предложении: *aš taĩ sãvo tẽvui pasakýsiu* „я скажу это своему отцу“, притяжательное др.-сл. *скон* относится ко 2-му лицу в следующей фразе: *иди въ домъ свои*; др.-сл. *рече къ себе* „он сказал себе“ и *рѣша къ себе* „они сказали себе“ — одинаково возможны.

Гомер I 27:

οὔτοι ἐγὼ γε

(F)ῆς γαίης δύναμαι ὑλιχερώτερον ἄλλο (F)ιδέσθαι

„я не могу себе представить ничего приятнее своей (родной) земли“, где (F)ῆς относится к 1-му лицу ед. ч.

α 402: δάρασι (F)οῖσι (F)ανάσσοις

„распоряжайся в своем доме“,

где (F)οῖσι относится ко 2-му лицу ед. ч.

β 206: ἐν(f)εκα (F)ῆς ἀρετῆς ἐριδιόνομεν

„мы состязаемся в своей доблести“,

где (F)ῆς относится к 1-му лицу мн. ч.; возвратное местоимение частью переписчиков было устранено в подобных сочетаниях (см. разночтения различных изданий).

Слово, обозначающее „принадлежащий кому-либо“, не относится непременно к подлежащему предложения, как в предыдущих примерах, но может являться и в предложениях, подобных следующим:

лат. *eum suos pater... ab amica abduxit* „его свой же отец... увел от подруги“ (*eum* „его“ и *suos* „свой“ поставлены рядом);

лат. *eos in ciuitates quemque suas dimisit* „отпустил их каждого в свое государство“.

Гомер, Π 753: ἐν τέ μιν ὄλεσεν ἀλήη

„своя же сила его погубила“;

вед. *nahí svám āyuç cikité jāneṣu* „не известен людям свой собственный век“.

У форм без тона, не являющихся обособленными в предложении фонетическими словами, наблюдается тем самым более слабый смысл, и их часто считают — повидимому, основательно — принадлежащими к другой группе слов, но значение „принадлежащий кому-либо“ все же, пожалуй, заметно и в них; гом. (F)ῆς и (F)οῖ, правда, местоимения анафорические, но употребляются они лишь в том случае, если слово, к которому они отсылают, стоит по соседству.

Α 320:

ἀλλ' ὁ γε Ταλθύβιον τε καὶ Εὐρυβάτην προσέ(f)ειπεν,
τῷ (f)οι ἔσαν κήρυκε...

„но он обратился к Талтибию и Эврибату, они были у него вестниками...“

Α 324:

εἰ δέ κε μὴ δώσωιν, ἐγὼ δέ κεν αὐτὸς ἔλωμαι
ἔθρων σὺν πλεόνεσσι· τὸ (f)οι καὶ ῥήγιον ἔσται

„если же он не отдаст, то я сам приду с большим количеством людей и возьму; тогда ему хуже будет“.

Характерный смысл основы *sew-, *sw- (*s-) наблюдается и в производных от нее словах, как, например, в скр. svadhā „привычка, обычай“, гр. (f)έθος „обычай (свойственный одной группе людей)“, гот. sidus „обычай“; др.-сл. свѣтъ („человек из своей собственной группы“), гр. ἑταῖρος (из *set-), ἑτέρος „друг“, лат. sēd- „в стороне“, гр. ἑκᾶς „отдельно, далеко“, ἑκάστος „каждый в отдельности“, лат. sodālis (где sod- из *swedh-) „товарищ“, гот. sibja „семья“, скр. sabhā „сельское собрание“, и т. д.

Г. УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМ СКЛОНЕНИЯ

Употребление категории числа, общей глаголу и имени, было уже изложено выше на стр. 204. Имя во множественном числе (или в форме собирательного среднего рода, заменяющей именительный-винительный падеж множ. числа) указывает на все, что разумеется образующим множество; вследствие этого множественное число обозначает (единичный предмет, состоящий из многих частей, как, например, гр. ἄλες „соли“ в противоположность к ἄλς „соль“ (вещество) и „море“; κρέα „мясо“ и лат. carnēs; гом. ζεᾶί „зерно“ и вед. yavāh (но также и yavāh); гом. ὄχηα „колесница“, др.-сл. кола, лат. bigae „колесница (парой)“, quadrigae „колесница (четверней)“. И такое употребление множ. числа встречается даже тогда, когда дело идет о предмете, состоящем из двух главных частей, как, например „дверь“: вед. dūrah, др.-сл. двѣри, лит. dūrys, арм. durkh, гр. θύραι (и πύλαι), лат. forēs; точно так же: гр. ῥῖνες „нос“ и лит. nasrai „пасть“ (ноздри), др.-сл. оуста (множ. ср. р.) при скр. oštāh „губа“ и т. д. Это объясняет возможность употребления некоторых слов только во множ. числе, как, например, названий городов, вроде гр. Ἀθῆναι, Πλαταιαί, или сложных предметов, как лат. antae „пиластры“, вед. ātāh „косяки“ (ср. арм. (dr-)and „косяки“).

Что касается рода, то единственное противопоставление, выражаемое в склонении, есть противопоставление среднего рода, с одной стороны, и мужского-женского — с другой, притом только в падежах именительном, винительном и звательном (см. стр. 205).

В прилагательных, не сопровождаемых существительными, средний род обозначает „вещи“ в противоположность „лицам“: лат. *aliud* значит „другая вещь“, в противоположность *alius, alia*, которые обозначают „другое лицо“ (мужчину или женщину, смотря по полу). Менее ясно значение среднего рода в существительных, так как они, как общее правило, имеют один только род. Часто, но не исключительно, к среднему роду относятся: имена вещей, как скр. *yugām* „ярмо“, хет. *yugan*, гр. *ζυγόν*, лат. *iugum*, др.-сл. *нго*, гот. *juk* (наряду со следами муж. рода: гр. *ζυγός* и, может быть, также скр. *yugaḥ* и лат. производное *iugulus*); абстрактные имена, как гр. *γένος* „род“, скр. *jānaḥ*, лат. *genus* или вед. *svárṇ(i)yaṃ* „сновидение“, лат. *somnium*, гр. *(ἐν-)ύπνιον*, др.-сл. *сънькъ*; уменьшительные, как гр. *ἀνδρίον* „человек“ от *ἀνήρ*, др.-прусс. *wosistian* „козленок“ от *wosee* „коза“, гот. *gaitein* „козленок“ от *gaits* „коза“.

Чтобы понять значение родов „одушевленного“ и „неодушевленного“, надо иметь в виду понятия, отличные от наших современных. В индоевропейском все, что движется, все, что действует, тем самым подпадает под понятие „одушевленного“. Случается даже, что данному понятию могут соответствовать два имени: одно „одушевленного“ рода, другое „неодушевленного“. Так, например, со значением „огонь“ есть имя среднего рода, гр. *πῦρ* (род. п. *πῦρός*), умбр. *piḡ* (отлож. п. *piḡe*), арм. *hug*, др.-в.-нем. *fiur*, что обозначает „огонь“ как предмет, — и есть имя „одушевленного“ (мужского) рода, скр. *agniḥ*, др.-сл. *огнь*, лат. *ignis*, что обозначает „огонь“, разумеемый как действующее существо; в ведийском языке *agniḥ* есть некое божество. Равным образом вед. *udakam* (род. п. *udnāḥ*) „вода“, родственное гр. *ὔδωρ* (род. п. *ὔδατος*), умбр. *utur* (отлож. п. *utpe*) обозначает „воду“, разумеемую как предмет, в противоположность имени „одушевленного“ (женского) рода *āraḥ* „боды“, употребляемому для обозначения обожествляемых вод. Названия активных органов — одушевленные, как, например, „нога“ (мужского рода): гр. *πούς*, лат. *pes* и т. д., или „рука“ (часто женского рода, так как она есть орган воспринимающий) с довольно разнообразными формами: гр. *χείρ*, лат. *manus* и т. д., тогда как внутренние органы, как, например,

„печень“, скр. *yáktŭ*, гр. *ἥπαρ*, лат. *iesur*, называются именами среднего рода. Названия деревьев относятся к одушевленному роду (женскому, так как деревья производят плоды), а названия плодов — среднего рода: в греческом языке таким образом противопоставляются жен. р. *ἄμλοξ* „грушевое дерево“ и ср. р. *ἄμλιον* „груша“, а в латинском *prŭs* „грушевое дерево“ и *prŭm* „груша“. Если исходить из мышления полуцивилизованного человека, можно почти всегда объяснить, почему то или другое слово относится к „одушевленному“ или „неодушевленному“ роду. Понятно, например, почему имена, обозначающие действия, оказываются одушевленного рода, как гр. *φόνος* „убийство“, *φορᾶ* „несение“, *φῶτις* „речь“, лат. *gemitus* „стенание“ и т. п. Названия орудий на **-tro-*, **-tlo-* (ср. стр. 283) обычно среднего рода; но имена, обозначающие активные силы, относятся к одушевленному роду, как, например, „религиозная формула“, вед. *mántraḥ*, или „ветер“, др.-сл. *вѣтръ*.

Оба подрода одушевленного рода, мужской и женский, имеют общую черту: и в единственном и во множественном числе формы падежей именительного и винительного в них различаются. Именительный падеж рода „одушевленного“, мужского или женского, может, как и именительный-винительный падеж единственного числа среднего рода, иметь форму основы безо всякого окончания; но он может также и характеризоваться особым окончанием. Винительный единств. числа и винительный множеств. числа имеют каждый свое окончание, одинаковое для всех имен одушевленного рода. Важность этого различения обнаруживается в указательных словах, где, например, имен. падеж единств. числа скр. *sá*, *sá* противопоставляется винит. падежу *tám*, *tám* (см. стр. 332), и в личных местоимениях, где лат. *ego* противопоставлено винит. падежу *mē* и даже *tū* — винит. падежу *tē* (см. стр. 339—340).

И в самом деле, различение падежей именительного и винительного существенно для названий одушевленных существ и довольно безразлично для названий вещей: требуется, чтобы язык различал, тем или иным способом, *Павел ли бьет Петра* или *Петр бьет Павла*; но что *Павел видел сон* или *наложил ярмо* — это можно понять по смыслу; в этих последних случаях нет двусмысленности, даже если прямое дополнение ничем не выражено.

Замечательно, что винительный является тем падежом, выражение которого наиболее единообразно: у всех винительных падежей единств. числа одушевленного рода одинаковое оконча-

ние; у винительных падежей множеств. числа также одно и то же окончание во всех типах склонения.

Тождественность форм именительного и винительного во всем среднем роде и в двойственном числе даже „одушевленного“ (мужского-женского) рода показывает, что именительный-винительный падеж в целом противопоставляется прочим падежам. Как мы уже видели, в хеттском языке нет ясного склонения для косвенных падежей множественного числа. К тому же поразительно то обстоятельство, что именительный-винительный падеж среднего рода часто образуется от другой основы, чем прочие падежи, тип скр. *yákiŕt* „печень“, род. п. *yaknāŕ* и гр. *ἥπαρ, ἥπατος* (см. стр. 320).

Пять падежей, кроме именительного, звательного и винительного, образуют обособленные группы: то обстоятельство, что некоторые из них совпадают по своим формам, не приводит к их смешению. Так, отложительный падеж отличим от родительного, во-первых, потому, что у него есть особая форма в единственном числе тематического типа (как в существительных, так и в указательных местоимениях), а во-вторых, потому, что тот падеж, с которым он может совпадать в единственном числе, именно родительный, не есть тот же, с которым он смешивается во множественном числе, по крайней мере в индо-иранском и в итадо-кельтском, именно с дательным.

Особый характер падежей именительного, винительного и звательного отчетливо показывает, что различия падежей не являются однородными. Но пять прочих падежей нельзя рассматривать в одном плане. Падежи родительный и дательный имеют в единственном числе окончания с нормальными и отчетливыми чередованиями гласных; окончание родительного падежа множеств. числа тоже вполне определено. Эти два падежа служат главным образом для выражения грамматических отношений. Наоборот, у падежей, выражающих собственно пространственные отношения, именно у местного и отложительного, а также у творительного, формы не всегда отчетливы и определены.

Значения падежей нельзя выразить абстрактными формулами: они определяются преимущественно типами предложений, в которых употреблен тот или другой падеж. Эти значения часто бывают сложными, и одни и те же падежи употребляются в таких случаях, которые трудно свести к единой формуле, какой бы растяжимой мы ее ни делали.

При чтении нижеприводимых примеров надо иметь в виду, что индо-иранский является единственным диалектом, представляю-

щим, по крайней мере в своих древнейших текстах, полностью все восемь индоевропейских падежей; во всех прочих языках более или менее глубокое смешение падежей затемнило их первоначальное значение. Родительный и отложительный вовсе не различаются в славянском и балтийском, а также в греческом. Далее, в греческом одна и та же форма обслуживает и дательный, и местный, и творительный.

С этими общими оговорками мы представляем нижеследующие указания касательно каждого падежа.

А. ПАДЕЖИ, РАЗЛИЧАЕМЫЕ ТОЛЬКО В ОДУШЕВЛЕННОМ РОДЕ

Именительный

Именительный падеж указывает, о чем идет речь в предложении, т. е. „подлежащее“, а также — в именном предложении — сказуемое: лат. *pater bonus est* „отец добр“, *pater uocat* „отец зовет“.

Звательный

Звательный падеж обозначает лицо, к которому обращена речь; он, следовательно, как общее правило, может быть лишь в „одушевленном“ роде. Когда обращаются к двум лицам, то второе в ведийском языке ставится в имен. падеже: *vāuav indraśca* „о Ваю и Индра!“; у Гомера есть аналогичный пример:

Г 276: *Zeū páter, Ἰδῆθεν μεδέων κῦδιστε μέγιστε,
ἠελίος θ' ὅς πάντ' ἐφορᾷς καὶ πάντ' ἐπακούεις.*

„Зевс отец, с высот Иды царящий, славный, великий,
и Солнце, видящее все и все слышащее!“

Винительный

Винительный падеж служит для определения значения глагола. Один и тот же индоевропейский глагол переводится различно, смотря по тому, есть ли у него дополнение в винительном падеже или нет; возьмем гр. *ἔχω* „держу, держусь“; без винит. падежа значение будет „держусь“: *οὕτως ἔχω* „я нахожусь в таком положении“, с винительным — „держу“: *ἔχω τι* „имею что-нибудь“; точно так же вед. *árago dāt* переводится „другой погиб“, но с дополнением *púro dāt* „он разрушил укрепления“. С несколькими иным значением мы находим сочетание *μάχην* [*ἐμάχοντο* „они бились в битве“; *ὁδὸν ἐλάτρεψαι* „пройти путь“ и скр. *pánthām eti* „он проходит путь“. Различение винительного „внутреннего объекта“ и винительного „внешнего объекта“ — искусственно; и в том

и в другом случае мы имеем дело с определением значения глагола, и нет возможности провести границу между этими двумя употреблениями; например, в следующем стихе Гомера:

А 108: ἐσθλὸν δ' οὐτε τί πω (F) εἶπες (F) ἔπος οὐτ' ἐτέλεσσας
„доброе ты еще никогда ни слова не говорил, ни (дела) не делал“.

Глаголы, допускающие несколько определений такого рода, могут одновременно иметь несколько винительных падежей при себе, как, например, лат. *rogare aliquem* „просить кого“, *rogare aliquid* „просить о чем, чего“, и *rogare aliquid aliquem* „просить кого о чем“; точно так же у Гомера:

Z 17: ἄμφω θυμὸν ἀπλήρα „отнял жизнь у обоих“;

λ 544: ἐν(F)χα νίκης
τὴν μιν ἐγὼ νίκησα

„из-за победы, которую я одержал над ним“;

и в ведийском; так, в „Ригведе“:

IV, 20, 3: tvāyā vauām aryā ajīm jāyema

„с тобою мы врагов в битве да победим“ (букв. „врагов битву да победим“).

Гр. βάλλω „бросаю“ в следующих гомеровских примерах дает разнообразные значения смотря по дополнениям:

Α 722: ἔστι δὲ τις ποταμὸς Μινυθίος εἰς ἄλα βάλλων
„есть некая река Минией, впадающая в море“;

Δ 527: τὸν δὲ Θόας... βάλε δουρί
„его Тоант... ударил копьем“;

β 80: ποτὶ δὲ σκῆπτρον βάλε γαίῃ
„а посох бросил на землю“;

Ε 794: εὔρε δὲ τὸν ἕγε...

ἔλχος ἀναψύχοντα, τό μιν βάλε Πάνδαρος ἰφ

„застал его за обмыванием раны, которую ему нанес Пандар стрелой“ (двойной винительный).

Как дополнение к глаголу движения, винительный падеж обозначает цель этого движения: лат. *eo Romam* „иду в Рим“; у Гомера:

Α 317: χνίσθη δ' οὐρχνὸν ἱκε „запах же ушел в небо“.

Обыкновенно в таком случае значение точнее определяется глагольной приставкой, которая первоначально представляла самостоятельное слово (см. стр. 209 и сл.), а затем примкнула к глаголу, образовав с ним одно слово; так:

А 497: *ἡρίς τε δ' ἀνέβη μέγαν οὐρανὸν Ὀλύμπιον τε*
„утром она взшла на великое небо и на Олимп“;

или предлогом, примкнувшим к имени:

А 169: *νῦν δ' εἰμι Φθίηνδε*

„теперь иду во Фтию“;

Е 239: *ἐς ἄρματα ποικίλα βάντες*

„взойдя на красивые колесницы“.

Прямое дополнение служит для обозначения расстояния в таких оборотах, как следующий: Геродот, VI, 119: *δέκα καὶ διηκοσίουσ σταδίουσ ἀπέχοντι* „тому, который отстоит на 210 стадий“. Гомеровский винительный В 292: *ἐνα μῆνα μένων* „оставаясь один месяц“ ничем не отличается от *μένω τι* „ожидая чего-либо“ или *μένω τινά* „ожидая кого-либо“. Благодаря вторичному распространению таких сочетаний стали говорить по-латыни: *quindecim pedes latus* „шириною в пятнадцать футов“ или по-гречески, Фукидид, IV, 118, 7: *αἱ σπονδαὶ ἐνιαυτὸν ἔσονται* „перемирие будет один год“. — И даже так называемый винительный „отношения“, который так распространен в греческом языке, быть может, есть лишь частный случай обычного употребления; так, у Платона („Государство“, 453b): *διαφέρει γυνὴ ἀνδρὸс τὴν φύσιν* „женщина отличается от мужчины по своей природе“, винит. падеж *τὴν φύσιν* такой же, как и *ὄδον* в выражении *ὄδον ἐλθέμεναι*; значение будет „имеет различие природы“.

Различные случаи употребления винительного падежа все сводятся в последнем счете к дополнению при глаголе. В оборотах: гр. *κύκλωπεσ δ' ὄνομ' ἦσαν* „они были по имени циклопы“, [скр. *kó nátmāsi (náma asi)* „кто ты по имени?“, др.-перс. *ka(n)bujiya náma* „по имени Камбиз“ — слово „имя“ есть именительный падеж, служащий приложением.

Далее, винительный падеж встречается часто при приставке-предлоге без всякого обозначения движения; так, у Геродота, VII, 131, *περὶ Πιερίην διέτριβε ἡμέρας συχνάσ* „в Пиерии он провел много дней“; лат. *accusare aliquem ad rosculum* „обвинять кого-либо перед народом“; об *eam causam* „по этой причине“; арм. *i jer kołmn ē* „он на вашей стороне“; скр. *práti vágam* „по желанию“ и т. д.

Б. ПАДЕЖИ, РАЗЛИЧНЫЕ В ОБОИХ РОДАХ, ОДУШЕВЛЕННОМ И НЕОДУШЕВЛЕННОМ

Родительный

У родительного падежа два различных употребления: это, во-первых, падеж, обозначающий целое, от которого берется часть, и, во-вторых, падеж, в котором ставится дополнение к существительному.

а. Родительный разделительный

Главная роль индоевропейского родительного падежа заключалась, повидимому, в том, что он обозначал целое, от которого берется часть; в таком употреблении родительный падеж служит дополнением к какому угодно слову, к имени или глаголу: лат. *unus eorum* „один из них“, *fortissimus uirorum* „храбрейший из мужей“, *ubicunque terrarum* „где бы ни было на земле“, гр. *τρῖς τῆς ἡμέρας* „трижды в день“ и скр. *dvīr āhnaḥ* „дважды в день“; у Гомера:

А 761: πάντες δ'εὐχέτόωντο θεῶν Διὶ Νέστορι τ'ἀνδρῶν
„все молились из богов Зевсу, а из людей Нестору“;

гр. *νοκτός*, гот. *nahts*, скр. *kṣarāḥ* „ночью“ (т. е. „в какой-то момент ночи“), лит. *dūk man dūpos* „дай мне хлеба“ (вин. п. *dūna* значило бы „хлеб“), гом. *τυρῶν αἰνυμένους* „берущих сыру“ — или:

х 140: ἔδ(F)ατα πόλλ' ἐπιθέσσα. χαρίζομένη παρῶντων
„подавши много кушаний, угощая из того, что было“:

здесь ярко выражена противоположность в значении винительного и родительного разделительного. Родительный разделительный при глаголах „пить, есть“:

ι 102: λωτοῖο σαγῶν „поевши лотоса“; ср. скр. *arām asṇāti* „он вкушает воды“; с глаголом „наполнять“: гр. *ναῦς πληροῦν ἀνδρῶν* „наполнять корабли людьми“; вед. *somasya jaṭhāgam r̥ṇāti* „наполняет свою утробу сомою“, лат. *aquae plenus* „полный воды“; при глаголе „господствовать“:

А 38: Τενεδοῖό τε (F)ἔφι (F)ανάσσεις
„я мощно царишь над Тенедосом“;

лат. *potiri regum* „захватить власть“; др.-в.-нем. *waltan himiles* „царствовать над небом“. При глаголе „слышать“ в греческом и в ведийском слышимое ставится в винит. падеже:

Δ 455: δοῦπον ἐν οὐρεσὶν ἔκλυε ποιμήν
„пастух слышал в горах шум“;

гр. *τὸν λόγον ἀκούειν* „слушать речь“, вед. *vāsam śṛṇoti* „слышит слово“; но источник звука ставится в род. падеже:

А 357: τοῦ δ' ἔκλυε πότνια μήτηρ
„его слышала родная мать“;

точно так же *τῆς σάλπιγγος ἀκούειν* „слышать трубу“ и вед. *devāsya śṛṇoti* „слышит бога“. — Употребление родительного разделительного при глаголе отлично, следовательно, от употребления винительного.

б. Родительный применный

Всякое дополнение к существительному ставится в родительном падеже, какова бы ни была логическая связь двух имен: лат. *metus hostium* значит, смотря по контексту, „страх, испытываемый врагами“, и „страх, внушаемый врагами“; можно сказать *Marcī domus*, *Marcī pater*, *Marcī uxor*, *Marcī filius* „дом Марка, отец Марка, жена Марка, сын Марка“, гр. *γραφὴ κλοπῆς* „обвинение в краже“, *ὄχτῳ σταδίων τεῖχος* „стена в 8 стадий (длиною)“ и т. д.; два родительных, выражающих различные отношения, могут стоять рядом: *τὴν τοῦ Λάχης τοῦ νεῶν ἀρχὴν* „начальство Лакета над кораблями“; родительный выражает только, что существительное определяет другое существительное, и было бы бесполезно — да и невыполнимо — пытаться дать обзор всех оттенков значения, которые может выражать родительный падеж. — Кроме того, родительный падеж выражает такую же зависимость и в именных предложениях, и как можно сказать по-латыни *Marcī domus* „дом Марка“, точно так же можно сказать *ea domus Marcī est* „тот дом — Марка“; родительный падеж имеет, следовательно, конструкцию во всех отношениях параллельную конструкции прилагательного, и один язык употребляет прилагательное (это, быть может, было обычно в индоевропейском) там, где другой употребляет родительный падеж; так, лат. *domus Petri* переводится в др.-сл. домъ Петровъ, и Гомер, сохраняя эолийский оборот, употребляет такие сочетания, как *Ποιάντιον υἱόν* „Поянтова сына“, *βίη Ἡρακλεΐη* „сила Гераклова“, *νῆ Ἀγαμέμνονεῦν* „корабль Агамемнонов“, по-армянски говорится *Noyeap tarap* „Ноев ковчег“ с прилагательным на -ean. Родительный может служить и сказуемым со своим значением; так, у Гомера

π 300: *ἔρός ἐσσι καὶ αἵματος ἡμετέρου*
„ты мой и крови нашей“.

Дательный

Дательный обозначает, кому или для чего вещь предназначена. В гомеровском

Е 174: *Διὶ χεῖρας ἀνασχών* „поднявши руки к Зевсу (к небу)“, в лат. *Romanis de muro manus tendebant* „со стены протягивали руки к римлянам“ или в вед. *rgá víṣṇave... etu mántṛa* „пусть идет молитва к Вишну“, дательный обозначает не цель движения, как винительный падеж, но лицо (или вещь), для которого (или для чего) движение происходит. Типичный пример — лат. *alicuī aliquid dare* „давать кому что“ или гом. Е 396: *εὐτέ μιν... ὀδύνησιν ἔδοχεν* „когда его... предал мучению“. Все случаи употребления датель-

ного падежа легко сводятся к этому главному значению; выпукло выступает значение дательного падежа при глаголах, означающих „слушать“; при них он указывает на лицо, которое слушают, чтобы ему повиноваться:

Ω 335: καὶ τὴ κλύεις ᾧ τ' ἐθέλησθα

„и ты повинуюешься, кому хочешь“.

R. V., VII, 68, 8: utá çrutam çayáve hūyámānī

„и вы оба вняли Шаю, вас призывавшему“;

др.-лат. *alicui auscultare* „слушаться кого“; арм. *pma lsem* „я его слушаюсь“.

Дательный падеж обыкновенно не определяется никаким предлогом; однако мы встречаем с дат. падежом др.-сл. *къ*, скр. *kām*, (последнее является послелогом) и ав. *ā*, др.-сл. *по*, арм. *est*.

Творительный ѝ

Творительный указывает, с кем или с чем действие совершается (откуда значение: кем, чем): вед. *devó devébhīr ā gamat* „пусть бог придет с богами“, и в этом конкретном значении чаще с предлогом, как, например, др.-сл. *съ тоююж*; равным образом вед. *ūt sūryo jūṭiṣā devā eti* „бог солнце с блеском восходит“ или др.-сл. *ѣѣ чловѣкъ нечистоу доухомъ*; лит. *akimi āklas* „слепой на (один) глаз“; вед. *sōmena jāthāram rjñāti* „наполняет свою утробу сомою“; др.-сл. *испльниша сѧ страхомъ*, вед. *adānti dākṣiṇena hāstena* „едят правою рукою“; *antārikṣeṇa patati* „летит по воздуху“; др.-сл. *трьми дньми създати*; и т. д.

Отложительный ѝ

Отложительный обозначает исходную точку: вопрос „откуда?“ В собственном смысле он почти всегда определяется глагольной приставкою (предлогом): вед. *ā gahi divó rocanād ādhi* „приди с блестящего пространства неба“, лат. *ex illo loco uenit* „он пришел из того места“, но также без предлога *Rōmā uenit* „он пришел из Рима“. В переносном смысле часто не бывает глагольной приставки, как, например, вед. *tāsmād gaṇāḥ chidyate* „от него толпа отделяется“; равным образом при глаголах со значением „бояться“: вед. *indrād bhayate* „боятся Индры“, др.-сл. *вога вонтъ сѧ*, и при сравнительной степени: *ghṛtāt svādiyaḥ* „слаще топленого масла“, буквально „особенно сладкий, считая от топленого масла (как меры)“, ав. *akāṭ aṣūō* „злее злого“, лат. *melle suauius* „слаще меда“, гр. *μέλιτος ἥδιον* „слаще меда“, гот. *maiza imma* „больше его“ (здесь „дательный“ замещает старый отложительный), др.-ирл. *ni*

dīliu nech limm aīaliu „один мне не дороже другого“, и т. д. Когда отложительный пад. обозначает „до чего простирается действие“, то это объясняется тем, что считают от указанной точки: скр. éti giribhya ā samudrāt „идет от гор до океана“; точно так же при др.-сл. до, лит. iki, гр. μέχρι „до“ мы находим родительный-отложительный, восходящий к индоевропейскому отложительному.

Местный

Местный падеж указывает, где совершается действие: вопрос „где?“ в самом широком смысле. Так, скр. sindhau значит: „в реке, на реке, у реки“, смотря по контексту; скр. devéṣu значит „у богов, среди богов“; скр. uśási „на заре“; др.-сл. томь часъ „в то время“; точно так же лат. Romae „в Риме“, domī „дома“, гр. наречие οἶκος „дома“ и т. д. Местный падеж в историческое время часто определяется глагольными приставками и предлогами, но у Гомера греческий дательный, который по форме в значительной части представляет старый местный, употребляется еще свободно:

Π 483: πίτυς βλαφρή, τήν τ' οὐρεσι τέκτονες ἄνδρες
ἐξέταμον...

„стройная ель, которую подрубили в горах плотники“;

Γ 45: οὐκ ἔστι βίη φρεσίν

„нет силы в сердце“;

ο 34: νυκτι δ' ὁμῶς πλέειν

„ночью также плыть“.

Д. НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ СЛОВА

Наречия. — Формы изменяемых слов способны закрепляться в некоторых особых случаях, и тогда они уже не подчиняются общим правилам морфологии того языка, к которому они принадлежат. Они могут существовать и после того, как тип, который они представляют, уже исчез, как, например, творительные падежи типа лат. certē „наверно“, или местные падежи типа гр. οἶκος, οἶκος „дома“. Или, при сохранении общего типа, они допускают особые изменения; так, конечное *ō* в лат. modō, отложит. пад. от modus „мера“, сохранило свою долготу, между тем как конечное *ō* наречия modō (по вполне определенным причинам во второстепенном слове ямбической формы) сократилось, откуда modō „только“. В других случаях наречие имеет вполне правильную форму склонения, но основа, представляемая ею, не сохранилась в других формах; так, гр. φύγα-δε „в бегство“ содержит винит. падеж основы φυγ-, в историческом греческом языке не существующей в прочих

надежах. Таким путем каждый язык в течение своего собственного развития создал наречия.

Лишь очень немногие наречные формы свойственны нескольким языкам индоевропейской семьи; одна из наиболее замечательных — это местный пад. скр. *hyáñ* „вчера“, пехлевийское *dik* (перс. *dī*), гр. *χθές*, лат. *heri* (*hesternus* „вчерашний“), гот. *gistra-*, др.-в.-нем. *gestaron*, ирл. *-dē*, валл. *doe*, алб. *dje* (относительно фонетической формы гр. *χθές* и валл. *doe* см. стр. 123 и 155).

Наречия, восходящие к индоевропейскому и не представляющие определенной падежной формы, редки. Главные из них уже были отмечены выше.

Глагольные приставки. — Факты, аналогичные закреплению падежных форм, какие мы наблюдаем в истории греческого, латинского и других языков, происходили и в индоевропейском. Многие глагольные приставки позволяют признать в них падежные формы, большинство которых принадлежит к уже известным типам; таковы:

О с н о в а **регə-* „перед“:

местный п. (с окончанием **i* или нуль, огласовка элемента перед окончанием **e*): скр. *rági*, ав. *raigi*, гр. *πέρι*, лат. *per*, гот. *fair*, лит. *reĩ*, др.-сл. *prъ-* (русск. *пере-*);

родительный-отгласнительный (с нулевой огласовкой элемента перед окончанием): скр. *rigáh* (ср. *rigá*), ав. *ragō*, гр. *πάρος* (с аномальным местом тона);

падеж на *-ō* (творительный?), отражение которого наблюдается в нескольких других приставках: скр. *rga*, ав. *rga*, гр. *πρo*, лат. *rgō* (и *rgō-*), лит. *rga-* (и *rgō*), др.-сл. *prо* (и *pra-*);

несколько других, неясных форм: гр. *παρά* и *παράι*; гот. *faúr*, арм. *aĩ*; лат. *rgae*.

О с н о в а **ер-* „рядом“:

местный п.: скр. *ári*, гр. *ἐπι*, арм. *ew* (последнее значит „а также“, значение близкое к скр. *ári*);

родительный-отложительный: быть может, **ros* в скр. *paç-sā*, лит. *paç-kuĩ*, лат. *ros-t*, *rōnē* (из **ros-ne*); и, может быть, с протетическим **a-* и окончанием **s*: гр. *ᾶψ*, лат. *abs*;

падеж на **-ō*: др.-сл. *по* (и *па-*), лит. *pa*, *po*, лат. *po-* (в *po-situs*) и, с протетическим **a*: скр. *ára*, гр. *ἄπο*; ср. лат. *ab*.

О с н о в а **еп-* „внутри“:

местный п.: гр. *ἐν*, *ἐν* (и с *-ς*, которое встречается во многих греческих наречиях; *ἐνς*, откуда *ἐς* перед согласной, *εἰς* перед гласной), лат. *in*, гот. *in*.

Другого падежа от основы *-ep- не засвидетельствовано с достаточною ясностью; приставка *ni-, обозначающая движение сверху вниз, слишком далека по значению и потому не может быть здесь приведена с полною достоверностью; она часто встречается в индо-иранском; слово *ni-zdo, разобранный на стр. 122–123 и 269, доказывает ее существование в индоевропейском, и, действительно, славянские и германские языки имеют сложные с нею и производные от нее слова: прилагательное др.-сл. ниць (например, паде ниць), при отлож. п. вед. nīcāt „снизу“, и наречия др.-сл. низъ и др.-в.-нем. nīdar „внизу“.

К группе гр. ἔνι „в“ и т. д. примыкают производные: арм. per-, между прочим в per-khin „внутренний“, скр. antāh, antār (antari), лат. inter „между“, с атематическою формою суффикса *-tero- (см. стр. 269) и с протетическим *a-, которое встречается и в др.-прус. an и др.-сл. ж-, умбр. ander и др.-сл. жть „внутри“; к группе скр. ni-, повидимому, судя по смыслу, примыкают гр. ἔνερως „нижний“ и арм. i per-khou „внизу“, оба с суффиксом *-ero-.

О с л о в а *et- „через“:

местный п.: скр. āti, гр. ἔτι, лат. et, гот. iþ;

родительный-отложительный: быть может, др.-сл. отъ с протетическим *a-;

падеж на *-ō: вост.-лит. ata-, которое по форме можно сравнить с гр. ἄπο, и др.-сл. от-, лит. at-, образованное подобно лат. ab.

Формы на *-ō типа гр. про и ἄπο, про- напоминают индо-иранский творительный п. на -ā и, повидимому, латинский отложительный-творительный на e (тип ped-e); их -ō чередуется с e в гом. -de при др.-сл. до-, лит. da-, др.-англ. tó (др.-в.-нем. zuo); а формы без конечной характеристики, как лат. ab при гр. ἄπο, лат. (s)ub, при скр. úra „под“, гр. ὑπο, или др.-сл. оу- (обозначающее отделение), при индо-иран. áva (обозначающем движение сверху вниз), могут представлять нулевую ступень огласовки этого окончания, которое было бы в таком случае *-ē, *-ō, нуль и оказывалось бы параллельным окончанию родительного-отложительного *-es, *-os, *-s.

В скр. út „вне“, ав. us- (из *uts), гот. üt-, ūs-, др.-сл. вы- (из *ūt) можно обнаружить u-, родственное сл. оу-, с зубным элементом, родственным лат. dē, др.-ирл. dí и конечному элементу, характеризующему отлож. п. вед. vīkāt, др.-лат. lupōd (см. стр. 329 и сл.) и скр. māt „от меня“ (см. стр. 341).

Что касается гр. ἐξ „извне“, лат. ex и др.-сл. из-, ис-, лит. iš или гом. πρῶτι, скр. prāti „против“ или др.-перс. ratiy, дор. ποτι (то же значение), — то о них ничего сказать нельзя.

Элемент *-s* прибавляется часто к приставкам-предлогам, не меняя их значения. В древне-иранском, например, встречается *patiš* наряду с *pati*. В греческом есть *ἀμφίς* наряду с *ἀμφί*; в готском — *us-* наряду с *ut-* (повидимому *ūt-*). Различение *ἐνς* (агг. *εις*, гом. *ἐς*) и *ἐν* есть в греческом языке вторичное явление, которое не встречается даже во всех греческих диалектах.

Когда за время исторического развития языков приставки слились с глаголами, то в некоторых из этих языков формы с приставками стали обнаруживать тенденцию выражать, подобно формам армянского аориста, процесс, поскольку он достигает определенного завершения; это между прочим наблюдается в глаголах с приставками *ra-* в литовском языке, *ga-* в готском, *sum-* в латинском. В славянском, где развитие этого явления пошло еще дальше и где установилась в этом отношении целая система, всякая глагольная основа, не имеющая специально длительного значения, принимает в сложении с приставкой значение почти тождественное значению греческого аориста, когда соответствующие бесприставочные формы имеют значение основ настоящего времени, например, др.-сл. *молити са* переводит гр. *προσεύχεται*, а др.-сл. *помолити са* — гр. *προσεύχεται*. Бесприставочные формы (и все имеющие одинаковое значение) называются в таком случае „несовершенными“; а „приставочные“ (и все те, которые, как др.-сл. *дати*, гот. *giban* „дать“, лат. *dare*, имеют даже и без приставки подобное же значение) называются „совершенными“. Древнегреческий, армянский и индо-иранский не знают, скольконибудь систематически, такого влияния приставок на значение глагола.

Частицы. — Частицы никогда нельзя отождествлять с известными падежными формами. Они похожи на основы без окончаний. Это иногда отдельные сонанты, либо вовсе обособленные, либо предшествуемые протетическим *а: таковы:

*й: инд.-ир. *й*, лит. (ba-)u, гот. u, и гр. *αῖ*, гот. au-k „ибо“, лат. au-i;

*г: гр. *ἦ*, *ῥα*, *ἄρα*; лит. *iŕ* „и“; пракр. *iga*.

Обыкновенно же это согласные с последующей гласной **ē/ō*; может присоединяться сюда и частица, состоящая из сонанта, и тогда предшествующая гласная может выпадать. Примеры:

скр. са „и“, иран. *ša*, гр. *τε*, лат. *que*, гот. *-h* в слове *nih* „и не“, ср. лат. *ne-que*; эта частица, означающая „и“, быть может, первоначально тождественна с другою частицею, одинаковою с нею по форме, которая является в группе местоимений неопределенных и вопросительных: скр. са в *kaç-sa* „кто бы ни“, лат. *quis-que*

„каждый“, арм. o-kh „кто-нибудь“, гр. τε во многих гомеровских оборотах. С прибавлением второй частицы: лат. qu-om; лат. qu-am, арм. kh-an „чем“; лит. -k-i. Ведийская частица сапá часто встречается в отрицательных оборотах, как, например, pá kác сапá „никто“; в германском в отрицательных предложениях встречается подобная же частица: гот. -hup, др.-исл. -ge, др.-шведск. -ghin, др.-англ. -gep, так, например, гот. ni hwashun kann „никто не знает“.

*wě „или“: скр. vā, ав. vā, гр. (F)ε в гом. ἢ(/)ε „или“, лат. ue, тохарское В (кучинское) wa-t.

скр. gha и ha, др.-сл. го (в не-го „как“) и же, гр. -δέ в εἰ-δέ, χῖ-δέ „о если бы“; с прибавлением других частиц: лит. -g-i и g-u.

Отрицание изъявительного наклонения: хет. na(tta), скр. ná, др.-сл. не, лат. ne-(scio) „не знаю“, ne-(que) „(и) не“, гот. ni(-h) „и не“ и т. д.; с другою частицею *ne-i: ав. naē(-čiš), др.-сл. ни(-къто), лит. nei „ни“, лат. ni. В одной группе языков отрицание запретительное есть *mé: скр. má, ав. mā, гр. μή, арм. mi (в латинском mē), и эта форма отрицания нашла всеобщее распространение в тохарском В mā; но в хеттском языке lē. — От отрицания *ne следует отличать *ne „как“: скр. ná и с частицею *ei лит. péi „как“, а также гат. (kas-)nā „кто?“, фессалийское (τῶ-)νε, лат. (sicci-)ne, др.-сл. но; с прибавлением других частиц: лат. n-um „разве“ и n-am „ибо“, др.-сл. н-ъ и т. д.

гр. хэ, лат. (nos-)se, гот. (sa-)h „этот“, лит. (eik-)š „(иди) сюда“; гр. үэ, хет. -k, гот. -k в (mi-)k „меня“, (au-)k „ибо“;

лат. (quip-)re „ибо“, лит. (kaĩ-)p „как“; с прибавлением второй частицы: гр. пэ-р „именно“; лат. (quis-)p-i-am;

русск. é(-тот); оск. e(-tanto), умбр. e(-tantu) „столько“, скр. a(-sau) „тот“, гр. é(-χαῖνος), „тот, оный“.

Этого рода частицы многочисленны; некоторые из них при-
мыкают к основам указательных, неопределенных и других место-
имений; другие стоят обособленно. Многие из них лишены тона.
Частицы эти в индоевропейском имели большое значение: нет иного
индоевропейского способа передачи значений „и“, „или“, отрицания
и т. д., кроме указанных словечек, в санскрите представленных
в виде са, vā, ná, má и т. д.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

С точки зрения лингвистической, оставляя в стороне всякие логические и психологические соображения, предложение может быть определено как группа связанных между собою грамматическими отношениями артикуляций, которые, не завися грамматически ни от какой другой группы, довлеют сами себе.

Число и природа элементов, составляющих эту группу, могут изменяться бесконечно: один простой звательный падеж, как лат. *Aule*, употребленный, чтобы позвать кого-либо, или один глагол, как лат. *venit*, употребленный для сообщения о том, что ожидаемый человек „приходит“, достаточны для образования предложения в пределах индоевропейского языкового типа, и, с другой стороны, число элементов, которые могут заключаться в предложении, не ограничено.

I. ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Индоевропейское предложение слагается из неопределенного числа непроницаемых, самостоятельных элементов, имеющих каждый свое значение, которые мы называем словами.

Слова, с точки зрения фонетической, определяются особым характером конца слова (см. стр. 158 и сл.), а с точки зрения морфологической — правилами образования грамматических форм. Слова непроницаемы в том смысле, что они не допускают никаких вставок и никакого перемещения их элементов. Сравним греческое *λέλοιπας* и французское *tu as laissé* „ты оставил“. Французское слово одно, так как ни один из трех его элементов, которые только по традиции пишутся отдельно, не имеет ни собственного

смысла, ни отдельного существования, и в особенности *tu* не существует обособленно и независимо от глагольной формы; но мы можем изменить порядок элементов *tu* и *as* для выражения вопроса *as-tu laissé?* „оставил ли ты?“; мы можем также вставлять различные элементы между *tu* и *as*, между *as* и *tu*, например: *tu l'as laissé* „ты его оставил“, *tu ne l'a pas laissé* „ты его не оставил“, *tu as déjà laissé* „ты уже оставил“, *tu ne l'as pas encore laissé* „ты его еще не оставил“, *ne l'as-tu pas laissé?* „не оставил ли ты его?“ и т. д. Ничего подобного в греческом: форма $\lambda\acute{\epsilon}\lambda\omicron\iota\tau\alpha$; остается одинаковой во всех предложениях, где она встречается, и не допускает ни вставки посторонних элементов, ни перемещения своих составных частей.

Кроме смысла, выражаемого основой, словоизменение указывает ту роль, которую каждое слово играет в предложении; поэтому слово самостоятельно и способно само указать свой смысл и свою роль в речи.

2. ИМЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ГЛАГОЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Индоевропейская морфология отмечает глубокое различие двух рядов форм: форм именных и форм глагольных. Если сказуемое, представляющее существеннейший элемент предложения, является именем, предложение называется именным; если же сказуемое есть глагол, или по меньшей мере какой-нибудь глагол кроме глагола „быть“, иначе связки, то предложение называется глагольным.

Именное предложение служит для того, чтобы утверждать, что какое-либо качество или состояние присуще какой-то вещи. Так, у Гомера:

А 80: $\kappa\rho\epsilon\iota\sigma\sigma\omega\nu \gamma\acute{\alpha\rho} \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$
„ибо царь сильнее“;

А 174: $\pi\acute{\alpha\rho}' \xi\mu\omicron\upsilon\tau\epsilon \kappa\alpha\iota \acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\iota$
„за меня и другие“;

в древнеперсидском *manā pitā Vištāspa* „мой отец — Виштаспа“; в ведийском R. V. II, 1, 2: *tāva... hotrām* „тебе (принадлежит) жречество“; в латинском: *haec admirabilia* „это удивительно“ и т. д. Такого рода предложения не выражают никакой глагольной идеи, и в индоевропейском в них, повидимому, не было глагола в том случае, когда не надо было выразить ни наклонения, ни лица, ни времени, т. е. когда глагол, если бы он был, стоял бы в 3-м лице настоящего времени изъявительного наклонения. Но так как наклонение,

лицо и время не имеют нормально другого выражения, кроме глагольного спряжения, то во всех других случаях нужно было ввести в предложение глагол, лишенный собственного реального значения и являющийся только носителем спряжения, в целях выражения этих различных категорий; так, например, мы читаем в древнеперсидском: *tuaiu raguvam xšāuadīuā āha* „эти были царями прежде“, где „были“ выражено через *āha*; и далее: *adam pavama* „я девятый“, где 1-е лицо выражено местоимением *adam* „я“, а потому глагола „быть“ нет вовсе, как излишнего; у Гомера мы тоже встречаем *ἔστω* для выражения повелительного наклонения:

А 144: *εἰς δέ τις ἀρχὸς ἀνὴρ βουλευφόρος ἔστω*

„а один кто-нибудь пусть будет начальником и советником“.

Глагол „быть“ не только не есть глагол по преимуществу, как долгое время думали, но он даже появился в индоевропейском лишь вследствие того значения, какое в нем вообще приобрел глагольный тип предложения, что и определило в некоторых случаях обязательность употребления глагольной формы.

Именное предложение включает обычно два именных члена. Связка — там, где она имеется, — служит лишь для выражения связи между обоими членами; иногда, как, например, в латинском языке, она стремится стать привеском сказуемого, за которым она непосредственно следует и к которому примыкает; так, *Aulus bonus est* „Авл добр (есть)“. Тот член именного предложения, который указывает, к чему относится названное качество, „подлежащее“, может заменяться глаголом „быть“, спрягаемая форма которого покажет, о ком идет речь; так, например, у Аристофана, *Ach. 591: ἰσχυρὸς εἶ* „ты силен“. Иногда именное предложение состоит из одного члена, например прилагательного, как лат. *mirum* „удивительно!“

Что касается глагольного предложения, то оно служит для выражения таких процессов, как „он ест“, „он спит“, „он стареет“, „он умер“ и т. п. Единственным существенным и постоянным его элементом является глагол; действительно, индоевропейский глагол заключает в себе указание лица и числа и потому оказывается самодовлеющим: лат. *uenio, uenis, uenimus* „прихожу, приходишь, приходим“ и т. д. могут каждое в отдельности составлять целое предложение.

То же относится и к таким глаголам, чьим подлежащим было более или менее определенное божество, как скр. *várṣati*, гр. *ὕει* „дождь идет“ (ср. выше стр. 256 и сл.): таково, быть может, происхо-

ждение большинства безличных глаголов, которые в индоевропейских языках не имеют выраженного подлежащего.

Глагол может определяться именами в различных падежах: лат. *donum fero* „приношу дар“, *tibi placet* „тебе нравится“, *Tusculo proficiscor* „отправляюсь из Тускула“, *Romae maneo* „остаюсь в Риме“, или наречиями: лат. *heri uenis* „ты пришел вчера“, или, наконец, приставками, которые, как мы видели (на стр. 209 и сл.), служат для определения и глагола и именного дополнения к глаголу и потому примыкают то к глаголу, то к имени, принимая в последнем случае роль предлогов. Все эти определения могли скопиться в одном и том же предложении; так, например, у Гомера в предложении

А 369: ἐκ δ' ἔλον Ἀτρείδῃ Χρυσίδα

„а Атриду выбрали Хрисеиду“

мы имеем одну глагольную приставку и два дополнения.

Определяющие слова не „управляются“ глаголом. Приставки представляют самостоятельные слова, которые могут примыкать и к глаголу и к имени, но могут и стоять отдельно от них как угодно далеко. Падеж, в котором стоит дополнение, зависит не от глагола, а только от выражаемого смысла. Возьмем греческий глагол κλύω, который всегда и везде значит „слышу“; он может быть употреблен независимо (с приложением), как, например, у Эсхила, *Prom.*, 868:

κλύειν ἀναλκίς μᾶλλον ἢ μικρόνος

„слыть скорее слабой, чем преступной“;

или с винит. падежом, обозначающим то, что слышат: ἔκλυον αὐδὴν (Гомер) „услышали голос“, или с родительным, показывающим источник звука: ἔκλυον αὐτοῦ „услышали его“, или с дательным, показывающим, к кому прислушиваются: εὐχομένῳ μοι ἔκλυον (Феогнид) „молящемуся мне внимали“, см. стр. 352–353. В самом деле, употребление винительного, родительного и дательного в этих предложениях не зависит от глагола более, чем употребление творительного падежа (в греческом не отличается от дательного) в выражении οἴασι κλύω „слышу ушами“, или местного (ставшего в греческом наречием) в выражении οἴκοι κλύω „слышу дома“. Точно так же и приставки не оказывают влияния на падеж, в котором ставится имя; они только точнее определяют значение, как, например, πρὸς в примерах, приведенных на стр. 209. Каждое слово имеет ту форму, какой требует смысл, а не форму, зависимую от другого слова в предложении; в индоевропейском не было „упра-

вления“ одного слова другим, как, например, в латинском; самостоятельность слова есть основной принцип, определяющий структуру индоевропейского предложения.

Именное предложение и глагольное предложение могут примыкать одно к другому и сочетаться в одно предложение, одновременно и именное и глагольное, которое имеет, таким образом, двойное сказуемое; так, например, лат. *uictor uictorum cluet* „слывет победителем победителей“, вед. *vṛṣā ṣṛṇiṣe* „ты называешься мужчиной“, гр. *κόλαχες ἀκούουσιν* „они называются льстецами“ и т. д., или гр. *ἦριτε πρηνής* „упал ничком“, др.-сл. *паде ниць*, лат. *rgaesers cadit* „падает вниз головой“ и т. д. Приложения подобного рода могут быть связаны с глаголом менее тесно, как, например:

Гом. А 43: *ὡς ἔφατ' εὐχόμενος*
„так он сказал молясь“,

или могут указывать лишь побочное обстоятельство; так

Гом. А 424: *χθιζός ἔβη κατὰ δαίτα*
„вчера он ушел на пир“.

В таких именно предложениях, одновременно и именных и глагольных, глагол *es-, который собственно значит „существовать“, мог принять указанную выше роль связи.

Именное предложение может сочетаться с глагольным еще и иным способом, когда одна из его составных частей является дополнением, как, например, лат. *creat aliquem consulem* „избирает кого-нибудь консулом“, гр. *τὸν Μῆδον ἴσμεν ἐλθόντα* „мы знаем, что мидиец пришел“, скр. *hatám vṛtrám vidma* „мы знаем, что Вритра убит“.

Из этих фактов явствует, что „примыкание“ есть тот прием, который наиболее существенно характеризует индоевропейский синтаксис.

Прилагательное не составляло словосочетания с существительным, которое оно определяло; оно только примыкало к нему; так, у Платона, Кратил, 414f: *πάν ἀνπαντί τις ὄνομα πράγματι προσαρμόσει* „можно всякое ко всякой прилагать название (к) вещи“, порядок слов уже показывает, что прилагательные примыкают к определяемым ими словам или сочетаются с ними. Примыкающий характер конструкции прилагательного еще яснее обнаруживается из следующей фразы Менандра, *Epitrep.* 9:

κρίτην τοῦτου τινά
ζητοῦμεν ἴσον

„для этого дела мы ищем какого-нибудь беспристрастного судью“.

Геродот пишет II, 17: Νεῖλος μέσῃν Αἴγυπτον σχίζει „Нил рассекает Египет посередине“.

Так становится понятным, почему приставки-предлоги не связываются ни с именем, ни с глаголом (стр. 209 и сл.).

Таким образом, существует большое разнообразие типов предложений: чисто именное предложение или сопровождаемое глаголом „быть“, чисто глагольное предложение или сопровождаемое различными дополнениями, предложение именное и глагольное одновременно, причем именной элемент примыкает либо к глаголу, либо к дополнению.

Поскольку каждый из членов предложения является самостоятельным, при именной группе в единственном числе может стоять глагол во множественном числе, относясь к совокупности единиц; так, у Гомера:

I 656: οἱ δὲ (f) ἕκαστος ἑλὼν δέπας ἀμφικύπελλον
σπείσαντες παρὰ νῆας ἴσαν πάλιν

„Они же каждый, взявши двойной кубок,
совершивши возлияние, пошли обратно к кораблям“.

Когда есть необходимость особо выделить лицо или ввести лицо, которое глагол не может выразить, или вещь, которую необходимо назвать, то предложение получает, сверх сказуемого, вторую группу членов, примыкающую к глаголу и к определяющим его словам, группу „подлежащего“; так, у Гомера:

A 180: σέθεν δ' ἐγὼ οὐκ ἀλεγίζω
„тебе я не препятствую“;

A 178: θεός που σοὶ τόγ' ἔδωκεν
„бог, видно, дал тебе это“;

A 317: κνίσθη δ' οὐρανὸν ἴκε
„запах ушел в небо“.

Личное местоимение, как гр. ἐγὼ „я“, имеет в индоевропейском значении обособленного, примыкающего слова, как фр. *moi*, а не простого привеска к глаголу, как фр. *je*.

Каждое имя, в каком бы употреблении оно ни встречалось, в именном или в глагольном предложении, может, как глагол, уточняться различными определяющими словами; так, например, (берем примеры у Гомера) существительным в родит. пад.:

A 9: Διὸς υἱός „сын Зевса“;

прилагательным или указательным словом:

A 7: *δῖος Ἀχιλλεύς* „божественный Ахилл“;

A 11: *τὸν χρύσειον* „того Хриса“;

существительным в роли приложения (которое может в свою очередь быть определено другим существительным или прилагательным):

A 7: *Ἀτρεΐδης τε (F) ἄναξ ἀνδρῶν* „Атрид, царь мужей“;
числительным:

A 309: *ἑρέτας ἔκριεν ἐείκοσιν* „выбрал двадцать гребцов“.

Прилагательные также допускают при себе определяющие слова:

A 215: *πόδας ὠκὺς Ἀχιλλεύς* „(быстрый ногами) быстроногий Ахилл“;

A 122: *φιλοτεχνώτατε πάντων* „самый любостыжательный из всех“;

A 107: *φίλα φρεσὶ* „любезное сердцу“;

A 114: *οὐ (F) ἔθεν ἐστὶ χειρῶν
οὐ δέμας οὐδὲ φηῖν*

„нет хуже его

ни по виду, ни по характеру“.

Эти различные определяющие слова могут накапливаться вокруг одного и того же слова, и каждое из слов предложения может ими сопровождаться, так что сложность индоевропейского предложения не знает никаких границ:

A 101: *τοῖσι δ' ἀνέστη
ἦρωσ Ἀτρεΐδης εὐρυκρείων Ἀγαμέμνων
ἀχνύμενος*

„среди них встал

герой Атрид, широко властвующий Агамемнон,
гневающийся“;

A 315: *(F) ἔρδον δ' Ἀπόλλωνι τελέεσσασ ἐκτόμβας
ταύρων ἠδ' αἰγῶν παρὰ θῖν' ἄλός ἀτρυγέτοιο*

„приносили Аполлону чистые гекатомбы
быков и коз на берегу бесплодного моря“;

A 481: *ἀμφὶ δὲ κύμα
στεῖρη πορφύρεον μεγάλ' ἴαχε νηὸς ἰούσης*

„по обе стороны кия плывущего корабля сильно шумела
темная волна“.

Наконец, однородных членов предложения может быть несколько: в предложении может быть два или несколько подлежащих, два или несколько дополнений каждого вида, два или несколько прилагательных (лат. Iuppiter optimus maximus); в таком случае два члена, играющие одинаковую роль, могут меж собою соединиться лишенными тона частицами, означающими „и“, „или“, „как“ и т. д.

Слово, обозначающее „и“, — скр. ca, гр. τε, лат. que (ср. стр. 357), — присоединяется либо к первому слову каждой из групп, которые оно соединяет, либо к первому слову каждой группы, кроме первой:

Α 70: (F)εἶδη τὰ τ'έοντα τὰ τ' ἐσσόμενα πρό τ' έόντα

„знал и настоящее, и будущее, и прошедшее“.

Θ 49: ἔνθ' ἵππους ἔστησε πατήρ ἀνδρῶν τε θεῶν τε

„там поставил лошадей отец и людей и богов“.

Α 4: αὐτοῦς δὲ (F)ελάρια τεύχε κύνεσσιν
οἰωνοῖσιν τε πᾶσι

„а самих сделал добычею собак и всех хищных птиц“.

Α 156: μάλα πολλά μεταξύ

οὐρεά τε σκιόεντα θάλασσα τε (F)ηχήεσσα

„много в промежутке

— и тенистые горы и шумное море!“.

Слово, обозначающее „или“ — скр. vā, гр. -(F)ε, лат. ue; оно употребляется так же, как „и“:

лат. dei hominesue или deive hominesue „люди или боги“.

R. V. I, 108, 7: brahmāṇi rājani vā „у брахмана или у царя“.

R. V. I, 6, 10: itó vā sātīm ímahe

divó vā pāthivād ádhi

índram mahó vā rájasaḥ

„мы молим (ímahe) Индру о милости (satim) либо отсюда, либо с земного неба, либо из великого пространства“.

Мы видим, насколько разнообразно индоевропейское предложение. Это впечатление подтвердит чтение любой страницы ведийского или древнегреческого текста.

3. СОГЛАСОВАНИЕ

Хотя каждое слово в предложении самостоятельно, все же связь между этими словами отмечается соответствиями форм.

В глагольном предложении согласование между глаголом и примыкающим к нему именем, которое мы называем подлежащим, существует только в одной категории числа, так как она одна *обща* и имени и глаголу и так как индоевропейский глагол не имеет рода; и это согласование не является результатом управления одного элемента другим, как если бы число глаголов определялось примыкающим к нему именем, но вытекает только из того, что категория единства, двойственности и множественности одинакова для имени и для глагола. Если мы читаем у Гомера τὸ... ἀνστήτην „они двое... выступили“, οἱ... πένοντο „они... приготовили“, ὁ... προσέειπε „он... молвил“, то это не значит, что τὸ, οἱ, ὁ требуют двойственного, множественного, единственного числа, но мы имеем τὸ и ἀνστήτην потому, что речь идет о двух лицах, οἱ и πένοντο потому, что речь идет о многих, ὁ и προσέειπε потому, что речь идет об одном. Двойственное число употребляется тогда, когда речь идет о двух лицах, названных отдельно, например двойственное число в ведийском:

R. V. IV, 51, 11: *tád dyáuḥ sa dhattám pṛthiví sa deví*
 „да сотворят (dhattám) это небо и богиня земля“.

Если речь идет о двух или нескольких вещах, то возможно и единственное число:

Z 328: *ἄυτή τε πτόλεμός τε*
(F)ίστη τόδ' ἀμφιδέδης

„крик и война
 разгорелась вокруг этого города“.

То же самое относится и к тому случаю, когда речь идет о совокупности предметов, обозначенной именем собирательным среднего рода, заменяющим именительный множ. среднего рода (стр. 301); отсюда правило согласования: τὰ ζῷα τρέχει „животные бегают“.

В сущности согласование существует только между двумя именами либо в случае именного предложения или именного и глагольного вместе, либо в том случае, когда одно имя поясняет другое или в качестве приложения или эпитета.

В именном предложении наличие или отсутствие согласования зависит от смысла, который нужно выразить. Согласование в числе, надежде и роде является правилом в таком предложении, как:

Г 56: *ἀλλὰ μάλα Τρῶες δειδήμονες* „но троянцы очень трусливы“.

Согласование в падеже существенно в типе лат. *aliquem facio herēdem* „делаю кого-либо наследником“. С другой стороны никакого согласования не бывает, если имя, указывающее на то, что утверждается, должно стоять не в том падеже, в каком стоит другое имя:

А 63: *ὄναρ ἐκ Διὸς ἐστίν* „сон — от Зевса“.

R. V. I, 4, 6: *syāméd indrasya çármaṇi*
„да будем под защитою Индры“.

Возможно и согласование только в падеже в таком предложении, как:

Г 178: *οὗτός γ' Ἀτρεΐδης εὐρυκρείων Ἀγαμέμνων*
ἀμφότερον, βασιλεύς τ' ἀγαθὸς κρατὴρὸς τ' ἀίχμητῆς
„этот Атрид, широковластвующий Агамемнон
и то и другое, хороший царь и сильный копейщик“.

В приложении согласование в падеже необходимо, но род и число могут и не совпадать, как, например, в следующем стихе (Софокл, Эд. в Кол., 473):

κρατῆρές εἰσιν, ἀνδρὸς εὐχαιρὸς τέχνη
„кратеры, работа лсвкого ремесленника“.

Только прилагательное в роли эпитета непременно согласуется в числе, падеже и роде с определяемым существительным. На стр. 292 и сл. мы видели, что именно только прилагательное или местоимение указательное показывает, относится ли данное слово к мужскому-среднему роду или к женскому. Слово, при котором никогда бы не встречалось сопровождающее его прилагательное или отсылающее к нему указательное местоимение, не имело бы никаких признаков родов мужского-женского или среднего. Здесь согласование является абсолютным правилом, и оно указывает, какое имя определяется данным прилагательным; так, например:

Г 200: *πολύμητις Ὀδυσσεύς*
ὃς τράφη ἐν δήμῳ Ἰθάκης, κραναῆς περ ἐούσης
(f)εἰδῶς παντοίους τε δόλους καὶ μῆδεα πυκνά
„многоумный Одиссей,

который возрос в народе Итаки, очень каменистой,
знающий разные хитрости и мудрые советы“.

Здесь имен. п. ед. ч. муж. р. *πολύμητις* относится к *Ὀδυσσεύς*, а *εἰδῶς* к *ὃς* (которое указывает на *Ὀδυσσεύς*), родительные падежи ед. ч. ж. р. *ἐούσης* и *κραναῆς* относятся к *Ἰθάκης*, а имен.-винит. п. мн. ч. ср. р. *πυκνά* — к *μῆδεα*.

Это согласование в разных его видах, в одних случаях частичное, в других — полное, составляет главнейший способ связи членов индоевропейского предложения; оно вытекает непосредственно из структуры предложения, не являясь целью само по себе.

4. ПОРЯДОК СЛОВ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ТОНА

Отношения между различными частями предложения обозначались формами склонения и согласованием, а не порядком слов, как это имеет место в большей части новых европейских языков; слова расставлялись таким образом, чтобы привлекать внимание к более важным по смыслу частям предложения. Итак, порядок слов имел экспрессивное, а не синтаксическое значение; он относился к области реторики, а не к области грамматики. Это, конечно, не исключает наличия привычного порядка слов в некоторых оборотах: в точно сравнимых предложениях одного и того же языка обычный порядок слов почти постоянен; но не этот порядок слов определяет грамматическую роль слов, и всегда можно прибегнуть к другому их расположению.

Ни у одного слова не было в индоевропейском предложении своего определенного и постоянного места. Большинство индоевропейских языков стремилось в большей или меньшей степени установить определенный порядок слов, и санскритская проза, например, представляет строго установленный порядок. Но этот порядок слов различен в разных языках, и почти всюду сохранились ясные следы прежней свободы. Глагол нормально находится в конце предложения в древней санскритской прозе, а в древнеирландском языке стоит нормально в начале; но он может занимать любое место в языках греческом, латинском, древнеславянском и древнеармянском, например, а также в древнейших индоиранских текстах.

Греческий язык лучше всего сохраняет индоевропейский обычай ставить на первом месте главное слово. Примеров этого можно приводить до бесконечности; так, у Гомера:

А 207: ἤλθον ἐγὼ παύσουσα τὸ σὸν μένος

„пришла я укротить твой гнев“; глагол ἤλθον стоит в начале предложения, так как Афина подчеркивает свой приход; в следующем предложении в начале стоит глагольная приставка:

А 203: πρὸ δέ μ' ἦκε θεὰ λευκώλενος Ἥρη

„а прислала меня белолокотная Гера“;

затем Афина запрещает Ахиллу обнажать меч:

А 210: μηδέ ξίφος ἔλκειο χειρὶ

„а меча не обнажай рукою“ — здесь подчеркивается дополнение ξίφος; а далее она говорит:

А 212: τὸ δὲ καὶ τεταλασμένον ἔσται

„и вот что совершится“ — здесь „подлежащее“ τὸ выдвинуто на первое место.

Слова, соединенные по смыслу, могут быть разъединены, как, например, у Платона, Федон, 178 с:

μεγίστων ἀγαθῶν ἡμῖν αἰτιός ἐστιν

„величайших благ для нас учинитель“, где главные слова μεγίστων ἀγαθῶν поставлены в начале перед ἡμῖν, которое важно по смыслу, тогда как слова, необходимые для строя предложения, но не имеющие экспрессивного значения, αἰτιός ἐστιν поставлены в конце; и, еще резче, там же 184 b:

μία δὲ λείπεται τῷ ἡμετέρῳ νόμῳ ὁδός

„одна остается нашему закону дорога“, где прилагательное μία, к которому должно быть привлечено внимание, отделено от существительного ὁδός всеми остальными словами предложения: разъединение слов есть средство придания выразительности, и средство нередко очень сильное. Но, за исключением случаев такого рода, слова, взаимно друг друга поясняющие, обыкновенно ставятся рядом.

Когда несколько слов составляют таким образом словосочетание, определяющее слово обычно ставится перед определяемым: лат. *trēs hominēs* „три человека“, гр. ἀγαθὸς ἀνὴρ „хороший человек“, скр. *devānam dīk* „страна богов“ и т. д. Изменяя этот наиболее обычный порядок, обращают внимание на определяющее; так, лат. *hominēs trēs* скорее значит „люди числом три“, нежели „три человека“. Всякое изменение обычного в данном типе предложения порядка слов имеет экспрессивное значение.

Вслед за первым словом предложения сначала идут частицы и неопределенные местоимения, лишенные тона или тонические, а далее энклитические личные местоимения; эти второстепенные слова вставляются даже между главными словами, естественно связанными по смыслу; так, например, у Гомера:

А 104: ὅσα δὲ (f)οι πυρὶ λαμπρόωντι (F)εἶκτεν

„глаза же у него были похожи на пылающий огонь“;

А 106: οὐ πώ ποτέ μοι τὸ χεῖρον εἶπες

„никогда еще ты мне не говорил приятного“;

А 150: πῶς τίς τοι πρόφρων (F)ἔπειν πείδητι Ἀχαιῶν;

„неужели какой-нибудь благоразумный ахеец станет повиняться твоим словам?“ (связанные смыслом сочетания: Ἀχαιῶν τίς „кто-нибудь из ахейцев“ и (F)ἔπειν τοι „твоим словам“).

Большинство слов в предложении могли быть либо тоническими, либо лишенными тона, смотря по обстоятельствам. На стр. 173 мы уже приводили один ведийский стих, в котором одно только первое слово имеет тон, а все прочие — лишены тона.

Вопрос о том, когда слово тонично и когда лишено тона, возникает главным образом относительно глагола: в ведийском языке, если глагол стоит в начале предложения, он обычно имеет тон; внутри предложения у него обычно нет тона (за исключением некоторых случаев, которые здесь не место излагать, так как ведийские правила касательно тона в глаголе не находят себе соответствия ни в одном другом языке); эта противоположность сохранена греческим языком только в одном случае: ἔτι в значении „существует“, стоя в начале предложения, тонично; ἔτι как связка не имеет тона и, следуя, повидимому, древнему обыкновению, стоит обычно после сказуемого (или после первого тонического члена сказуемого, если оно — сложное). К тому же постоянство места тона в большинстве личных форм греческого глагола объясняется тем, что эти формы в индоевропейском часто были лишены тона; но место тона уже не является в греческом одною из характерных черт личных глагольных форм.

Когда два слова, связанные по смыслу, стояли в предложении рядом то одно из них могло иметь тон, а другое могло быть без тона. Это особенно ясно в отношении глагольной приставки и глагола: в ведийском, если глагол, например bhāratī, тоничен, то приставка, непосредственно ему предшествующая, не имеет тона: pra bhāratī; если же глагол не имеет тона, то тонична предшествующая ему приставка: prá bharatī. В греческом определяющая глагол приставка всегда лишена тона, предшествует ли она непосредственно глаголу, или отделена от него; если в таком случае, как συμπρόσ, глагольная приставка тонична, то это потому, что она получает тон энклитики, как на это указывает ἀπόδος (а не *ἄποδος); следовательно, между санскритом и греческим есть расхождение. Если же приставка предшествует имени, играя роль „предлога“, то она в греческом всегда лишена тона, объединяясь

с последующим именем: ἀπό ποταμοῦ „от реки“ („тяжелый“ тон указывает на отсутствие повышения голоса) при ποταμοῦ ἄπο, где ἄπο есть тоническая форма. В славянском, наоборот, часто случается, что предлог несет ударение, а имя остается без ударения: русск. *на́ берег, по́ морю*; некоторые застывшие формы, как διάπεντε „квинта“ и ὑπέρμορον „против судьбы“, показывают, что подобное употребление не было чуждо в древнейшее время греческому языку.

Сохранившиеся примеры сочетания двух имен менее многочисленны и менее ясны; скр. *dvā-daśa*, гр. *δώ-δέκx* „двенадцать“, букв. „два-десять“, имеют, каждое, только один тон на первом из двух слившихся слов. Такое указательное местоимение, которое часто тонично, как скр. род. п. *asyá* или славянское относительное и-(жѣ) „который“, бывает энклитикою и не имеет тона в том случае, если оно только анафорично: скр. род. п. *asya*, др.-сл. и, например, в др.-сл. *видит и*.

Принцип этот, следовательно, имеет всеобщее значение. Примеры показывают, что тон не привлекает внимания к тому слову, на котором он стоит: существенным является то, что у словосочетания в целом есть только одно повышение голоса, а не два.

Если в ведийском языке глагол придаточного предложения тоничен в противоположность глаголу главного предложения, то это потому, что вообще тоничен глагол такого предложения, которое отсылает к другому предложению. Тон в этого рода случаях показывает, следовательно, что одно слово находится в каком-то отношении к другому слову. В ведийском предложении тоничность глагола показывала, что предложение, в котором он находится, не самостоятельно по смыслу. Тот же принцип применялся и к именам; есть лишенные тона имена, сохранившиеся в некоторых слитных словах: в ведийском, наряду с *jáspatīh* „глава семейства“ (где оба слова тоничны), встречается и *jáspatīh* с тоном только на первом слове, поскольку оно отсылает ко второму. То же в гр. *Νεάπολις* „Неаполь“ (букв. „новый город“), *Κυνόσουρα* „Киносура“ (букв. „собаки хвост“) и т. п.

Энклиза состоит в том, что слово в произношении так примыкает к предшествующему, что конец слова оказывается только один. Энклитики не имеют тона; но не все лишенные тона слова суть энклитики: лишенные тона глаголы санскрита не примыкают так тесно к предшествующему слову, и в греческом языке лишенное тона *φημι* „говорю“ может даже начинать предложение: греческие приставки, которые всегда лишены тона, за исключением того

случая, когда они получают тон энклитики, как в слове *ἀπόδος*, не примыкают ни к какому слову, ни к предшествующему, ни к последующему, и в случае надобности начинают предложение, даже не соединяясь с глаголом; лишенное тона *ἀλλά* „но“, служа союзом, также может начинать предложение. В индоевропейском было лишь ограниченное число энклитик, односложных или самое большее двухсложных; например, частица скр. са „и“, ав. *ša*, гр. *τε*, лат. *que*, гот. *-h*; неопределенное местоимение гр. *τις* „кто-то“, лат. *quis* (в *nē quis*, *sī quis* и т. д.); такие личные местоимения, как скр. *me* „мне“, гр. *μοι*, лит. *mi* и т. д. Хеттский язык широко пользуется такими энклитиками, пишущимися слитно со словом, за которым они следуют. Нет никаких указаний на существование проклитик, т. е. второстепенных лишенных тона слов, примыкающих к следующему слову так, что проклитика не имеет собственно фонетического конца слова. Таким образом, лишенные тона слова, за исключением особого случая энклизы, сохраняли свою полную фонетическую самостоятельность; что же касается морфологической и синтаксической самостоятельности, то даже энклитики ею обладают.

Второстепенные члены предложения, как тонические, так и лишенные тона, ставятся непосредственно после первого из главных членов, какова бы ни была связь по смыслу между теми и другими. Это единственное существующее в индоевропейском правиле порядка слов. Оно характеризует индоевропейский тип тем самым, что показывает самостоятельность слова. Так, у Гомера:

Δ 514: *νημερτές μὲν δὴ μοι ὑπόσχεο καὶ κατάνειπον*

„непреложно же мне обещай и подтверди мановением;

Α 522: *ἀλλὰ σὺ μὲν νῦν αὖτις ἀπόστηθε...*

„но ты же теперь удались...“

Δ 93: *ἢ ῥά νύ μοι τι πείσοιο...*

„станешь ли теперь мне повиноваться...“

Θ 143: *ἀνὴρ δὲ κεν οὔ τι Διὸς νόον εἰρύσσειτο*

„человек же помысла Зевса не предложит“.

Грамматическая свобода порядка главных членов предложения, расположение частиц, неопределенных и личных местоимений, как лишенных тона, так и тонических, — все это относится к наиболее характерным чертам индоевропейского синтаксиса. Они являются результатом морфологической структуры языка и природы тона, существенно отличающегося от силового ударения новых европейских языков; лишь только морфологическая структура и при-

рода тона изменились, эти характерные черты сгладились, и мы, пожалуй, можем измерять степень сохранения индоевропейского типа в языке тем, насколько сохранились в нем эти указанные здесь черты. Современные романские и германские языки, с их неподвижным порядком слов,* не имеют почти ничего индоевропейского в общем строе своего предложения; наоборот, балтийские и славянские языки, с их богатым падежами склонением и, в связи с этим, с их относительно свободным порядком слов, с постановкою второстепенных слов после первого слова в предложении, с чередованием ударяемых и неударяемых форм, сохранили больше всего пережитков индоевропейского типа предложения.

5. ПРЕДЛОЖЕНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ И ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ

Нет никаких указаний на то, чтобы вопросительные и отрицательные предложения подчинялись особым правилам.

Отрицательное предложение отличается одним только отрицанием *ne (скр. ná, др.-сл. не и т. д.): лат. ne-scio „не знаю“ лит. áš nègeriu „я не пью“; скр.:

R. V. I, 81, 5: ná tváivān indra kác caná
 ná jātó ná janīṣyate
 „подобный тебе, о Индра, никто
 не родился и не родится“,

или запретительным отрицанием *mē в греческом, в армянском и в индо-иранском, — в греческом и армянском с повелительным наклонением: гр. μή φέρε, арм. mi berer „не носи“, в санскрите с сослагательным или с так называемым инъюнктивом: má bhagaḥ.

Вопросительной частицы нет. Вопросительное предложение характеризуется только особой манерой произношения, например:

E 872: Ζεῦ πάτερ, οὐ γέμισσον ὄρων τάδε χερτέρᾳ (F)έρυα;
 „Зевс отец! ты не гневаешься, видя эти насилия?“

Нет никакого указания на то, какова была особенность произношения, характерная для вопроса.

Основа вопросительного местоимения (гр. τίς, лат. quis и т. д.) ничем не отличается от основы неопределенного местоимения; гр. τίς ἔβη „кто пришел?“ представляет выражение, которое, повидимому, первоначально значило „кто-то пришел?“, но затем в греческом установилось то различие, что вопросительное местоимение тонично (гр. τίς „кто?“ никогда не имеет „тяжелого“ тона), а неопределенное — атонично (гр. τις „кто-то“ всегда без тона), так что в тех случаях, когда основа неопределенного

вопросительного местоимения является в своей тонической форме, вопрос имеет свое особое выражение. Лат. *quis* имеет значение неопределенного местоимения только там, где оно лишено тона в сочетании с другими словами, например, *ne quis* „никто“; наоборот, скр. *káh* („кто“) остается тоничным даже в смысле неопределенного местоимения.

II. СОЕДИНЕНИЕ НЕСКОЛЬКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Нет никаких следов существования в индоевропейском какой-либо частицы, служащей для „сочинения“ двух предложений. В огромном числе случаев — повидимому в большинстве, а может быть, и во всех — предложения только ставились рядом, как, например, в известном выражении Цезаря: *ueni, uidi, uici* „пришел, увидел, победил“ или в следующих двух стихах Гомера:

А 10б: *μάντι κακῶν, οὐ πῶ ποτέ μοι τό κρήγυρον εἶπας,
αἰεὶ τοι τὰ κακ' ἐστὶ φίλα φρεσὶ μαντεύεσθαι*

„предсказатель зла! еще никогда ты не сказал мне приятного, всегда тебе приятно предсказывать несчастья“.

Частицы, которые в исторически засвидетельствованных диалектах обозначают переход от одного предложения к другому, в более древнее время играли ту роль, что обращали внимание на отдельное слово; но так как это слово стояло в начале предложения, как мы это видели выше (стр. 369—370), а вслед за ним стояла частица, то стало казаться, будто частица указывает на переход от одного предложения к другому. Так, гр. *δέ* служило для подчеркивания слова, и это значение видно в указательном местоимении *ὃ-δέ ἢ-δέ*, или в таком предложении, как:

А 15: *λίστετο πάντας Ἀχαιοῦς
Ἀτρεΐδα δὲ μάλιστα δύω, κοσμήτορε λαῶν*
... „молил всех ахейцев,

а больше всего двух Атридов, правителей народов“;

но уже в гомеровскую эпоху это же *δέ*, как слово самостоятельное, неэнклитическое, играет главным образом роль частицы, противопоставляющей одно предложение другому. Гр. *-χι* в *μήχι, ναίχι* служит только для усиления *μή* „не“ и *ναί* „да“, точно так же как и соответствующее этой частице скр. *hí* в *nahí* „не“; но скр. *hí* (всегда тоническое) обычно значит „ибо“.

Тем не менее все же возможно, что употребление скр. са „и“, гр. τε, лат. que, гот. -h или лат. -ue „или“, скр. -vā для соединения предложений восходят к индоевропейскому. Нет абсолютного различия между соединением нескольких слов или словосочетаний внутри предложения и соединением двух разных предложений; и действительно, два различных предложения могут иметь общие слова: так, у Гомера:

А 108: ἐσθλὸν δ' οὐτε τί πω (F)εἶπες (F)ἔπος οὐτ' ἐτέλεσσας

„доброе ты еще никогда ни слова не говорил, ни (дела не) делал“.

С другой стороны, соединение двух слов может служить в то же время и соединением двух предложений; так, например:

А 37: Χρύσην ἀμφιβέβηκας

Κίλλαν τε ζαθέην Τενέδοιο τε (F)ἔφι (F)αγάσσεις

„хранишь Хрису

и священную Киллу и мощно властвуешь над Тенедосом“.

На этих фактах, не представляющих ничего особенного, нет надобности долее останавливаться.

Гораздо важнее вопрос, в какой мере подчинение предложений восходит к индоевропейскому периоду.

Много такого, что в других языках выражается при помощи придаточных предложений, могло в индоевропейском выражаться в пределах того же предложения при помощи различных именных форм. И действительно, с одной стороны, каждая глагольная основа наряду с личными формами имела и прилагательное, которое называют причастием: это причастие есть форма именная, но оно допускает при себе те же дополнения, что и личные формы той основы, к которой оно принадлежит; с другой стороны, корни, от которых образованы глаголы не отыменные, образуют в то же время и имена, обладающие, по самой своей природе, значениями, близкими к глагольным; наконец, эти самые имена могут входить в состав сложных слов. Благодаря этим трем обстоятельствам было бесполезно прибегать к придаточным предложениям в целом ряде случаев, где большинство новых индоевропейских языков, например французский, пользуется ими. Несколько примеров пояснят это.

Значение причастия в древнейших текстах индоевропейских языков громадно. Причастие, как и всякое прилагательное, может относиться к любому члену предложения; к „подлежащему“:

А 4': βῆ δὲ κατ' Οὐλύμπου καρήνων χωόμενος κῆρ
„сошел с вершин Олимпа, гневаясь сердцем“;

к дополнению глагола (которое не должно непременно быть выражено):

А 56: κήδετο γὰρ Δαναῶν ὅτι ῥα θνήσκοντες ὄρᾳτο
„ибо жалела данайцев, потому что видела их умирающими“;

к дополнению имени:

А 46: ἐκλαγῆσαν δ' ἄρ' οἱσται ἐπ' ὤμων χωόμενοι
αὐτοῦ κινηθέντος
„завучали стрелы у него, разгневанного, на плечах,
когда он двинулся“.

Причастие может быть вторым элементом именного предложения, комбинированного с глагольным, как в скр. *stāyān manyate* „он думает, что спрятан“ и др.-сл. *тыя сѧ мынитъ* „думает, что прячется“. Благодаря свободе порядка слов причастие очень удобно в рассказе о событии: скр. (*Ṣat. Brah. I, 8, 1, 1*) *tasyāvanéniḥānasya* (т. е. *tāsyā avanéniḥānasya*) *mātsyaḥ pāṇī ā pede* „в то время как он мылся, рыба упала ему в руки“, буквально: „в руки его моющегося рыба упала“. Оно удобно также для подчеркивания противоположностей; так, в ведийском:

R. V., VIII, 14, 8: *ūd gā ājad āngirobhya*
āviṣ kṛvān gūhā satīḥ
„он выгнал коров для Ангирасов,
открывая бывших скрытыми“.

Нужно было бы еще увеличить число примеров, чтобы дать представление обо всем том, что могут выражать причастия, и о крайнем разнообразии их употребления. Важная роль причастий простирается из того, что они служат для примыкания, являющегося основным синтаксическим приемом индоевропейского. — Что касается первичных имен, то ни один язык не сохранил свободного употребления имен с нулевым суффиксом и иных имен, непосредственно связанных с корнями. Впрочем, ведийские тексты обнаруживают еще кое-что из такого употребления. Возьмем для примера:

R. V., VIII, 65, 3: *ā tvā gīrbhīr mahām urīm*
huvé gām iva bhōjase
indra sōmasya pitāye,

т. е. буквально, сохраняя в общем тот же порядок слов:

„тебя песнопениями, великого, сильного,
я зову, как корову для вкушения,
о Индра, для питья сомы“.

Это предложение содержит три первичных глагольных имени: *gír-bhiḥ* — твор. п. мн. ч. от *gír* „песнопение“, ср. *járate, gṛṇāti* „поет, прославляет“, лит. *giriù* „хваляю“; *bhójase*, дат. пад. от *bhójas* — „вкушение, пользование“, ср. глагол с носовым инфиксом *bhuñkte* „пользуется“; *pítáue* — дат. пад. от *pítáu-* „питье“, ср. гр. *πίω* „пью“. Вместо двух, по крайней мере, из этих имен мы употребили бы придаточное предложение, и можно было бы перевести: „Как корову, чтобы она ела, я своими песнопениями зову тебя, о Индра, великий и сильный, чтобы ты пил сому“. В древнеирландском есть аналогичное явление, но несколько менее свободного характера. Из всех индоевропейских диалектов только индо-иранские и ирландский представляют еще в историческое время такое употребление первичных имен.

Во всех прочих языках некоторые из этих форм закрепились при глаголах. Как общее правило, они примкнули к глагольному спряжению и образовали инфинитивы (см. стр. 290 и сл.). В западногерманском и, в особенности, в армянском инфинитив еще склоняется, хотя и принадлежит по своему образованию к одной из глагольных основ, именно к основе настоящего времени; например, при настоящем времени арм. *lkhanem* „оставляю“ (аорист *lkhi* „я оставил“) имеется инфинитив *lkhanel* „оставлять“, являющийся нормальной формой именительного-винительного-местного основ на *-о-; родительный-дательный-отложительный будет *lkhanelou*, а творительный *lkhanelov*, как ото всех имен этого типа и с одинаковым употреблением. В славянском -ти, например в *пи-ти*, может быть древним дательным, а в литовском -ti, например в *gér-ti* „пить“, древним местным падежом; но эти формы не осознаются как падежные формы существительного, и употребление у них особое. Единственные языки, где у каждой глагольной основы есть свой инфинитив, как в индоевропейском было свое причастие, и где у инфинитива, как и у причастия, средний залог отличается от действительного, — это языки греческий и латинский. Но латинские формы и греческие формы глубоко различны: ясно, что ничего нет общего, например, между гр. *ἄγειν* „вести к себе, приходить“ и лат. *agí* „быть гонимым, ведомым“. В греческом языке, где инфинитив получил исключительное при-

менение, образования его различаются по отдельным диалектам, по отдельным говорам; из этого явствует, что в общегреческом образовании инфинитива еще не установилось. Инфинитив, форма которого в каждом языке является результатом позднейшего развития, позже эпохи общегреческой, общеталийской и т. д., играет до некоторой степени роль древних первичных имен, но менее свободно и с более или менее глагольным характером, смотря по языкам.

Наконец, достаточно привести несколько гомеровских примеров, чтобы показать, как сложные слова дают возможность в некоторых случаях избегать придаточных предложений:

A 231: *δημοβόρος βρασιλεύς*

„царь, который пожирает свой народ“ („народопожирающий“);

A 247: *Νέστωρ*

ἴ(F)ηδυ(F)επής

„Нестор, который имеет сладкие слова“ („сладокоречивый“).

Точно так же *φθισίμβροτος* „истребляющий людей“ и т. д. Здесь опять то же обстоятельство, что первичные индоевропейские имена тесно связаны с глаголами, принадлежащими к тем же корням, облегчило употребление именных форм со значением почти совершенно глагольным.

Указательное местоимение, поставленное в начале предложения, достаточно обозначает связь с предшествующим предложением; указательное *to- часто играет эту роль; так, у Гомера:

A 247: *τοῖσι δὲ Νέστωρ*

*ἴ(F)ηδυ(F)επής ἀνόρουσε, λιγύς Πυλίων ἀγορητής,
τοῦ καὶ ἀπὸ γλώσσης μέλιτος γλυκίων ῥέεν αὐδή·
τῷ δ' ἤδη δύο μὲν γενεαὶ μερόπων ἀνθρώπων
ἐφείσθ'...*

„среди них поднялся сладокоречивый Нестор, скромный оратор пилосский; с его языка текла речь слаще меду; при нем уже сменились два поколения людей...“

Указательное местоимение при таком употреблении могло вследствие этого принимать значение относительного; это именно и случилось с немецким указательным местоимением *der*, которое в древнем употреблении было только указательным.

Однако в индоевропейском были и относительные придаточные предложения в собственном смысле. Действительно, индоиранскому относительному местоимению скр. *yáñ, yá, yát*, ав. *yō*,

ya, yaҫ соответствует в греческом ὅς, ἦ, ὅ, в древнеславянском и-же, ѡ-же, к-же; ja- сохраняется в литовских наречиях; все индоевропейские языки уже в самых древних текстах регулярно употребляют относительные предложения. Относительное местоимение является то с соотносительным указательным в главном предложении:

R. V., III, 53, 21 yó no dvéṣṭy ádharah sáh padīṣṭa
„кто (yó) нас ненавидит, тот (sáh) да падет вниз“.

Ясна (гата) XXXIV, 13: tām advānēm... yām mōi mraoṣ „тот (tām) путь, который (yām) ты мне указал“.

Гом. Е 319: οὐδ' υἱὸς Καπαρνῆος ἐλήθετο συνδεσίων
τάων, ἃς ἐπέτελλε βοῶν ἀγαθὸς Διομήδης;

„и сын Капанея не забыл тех поручений, которые дал ему до- блестный Диомед“.

A 218: ὅς κε θεοῖς ἐπιπέθῃται, μᾶλα τε κλύον αὐτοῦ
„кто повинуется богам, тому они внимают“;

то без соотносительного указательного местоимения:

R. V., X, 14, 10:

áthā pitṛn suvidátrāñ úpehi
yaména yé sadhamádam mádanti
„и иди к милостивым отцам,

которые опьяняются на общей пирушке вместе с Ямою“.

A 161: καὶ δὴ μοι γέρας αὐτὸς ἀφαιρήσασθαι ἀπειλαῖς
ᾧ ἐπι πολλὰ μόγησα

„и сам грозисься отнять у меня почетный дар, из-за которого я принял много трудов“.

Относительное предложение стоит как угодно, либо перед главным, либо после него, и относительное местоимение не должно непременно стоять непосредственно рядом со словом, к которому оно относится: это есть просто следствие принципа свободного порядка слов.

Изю всех видов придаточных предложений только относительные предложения мы можем с достаточным основанием считать индоевропейскими. Другие типы придаточных предложений, в том числе условные предложения, в каждом диалекте имеют свои особые формы. Можно предполагать, что связь предложений в случае надобности указывалась особой манерой произношения, как это имеет место во французском словосочетании:

il vient; je le chasse „придет он, я его выгоню“.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О ЛЕКСИКЕ

Когда мы встречаем в нескольких языках, родственных или неродственных, слова, похожие и по форме и по смыслу, мы должны прежде всего спросить себя, не результат ли это заимствования одного языка у другого; так, в значении „выкуп, наказание, пеня“ мы находим: гр. ποινή, лат. роена, др.-ирл. ríap, валл. роен, др.-в.-нем. rípa (нем. Reim), др.-англ. rīn (англ. ríne, rāin). Здесь мы имеем дело не с индоевропейским словом, сохраненным независимо каждым из этих языков: кельтское р никогда не отражает индоевропейское *р, точно так же германское р; ирландское, валлийское, немецкое и древнеанглийское слово заимствованы из латинского языка, а латинское слово само заимствовано из греческого др. ποινή. Действительно, индоевропейское слово *k^woinā, означавшее первоначально цену, платимую в возмещение убытка, причиненного роду (например за убийство одного из его членов), отражено в ав. kaēna-, гр. ποινή и др.-сл. цѣна (см. стр. 275, ср. производное лит. kainė „ценность, цена“); оно относится к тому же корню, что и греческий глагол τίω(t)ω „плачú, искупаю“, будущ. вр. τείσω, где начальное τ не есть отражение старого *t, но первоначального *k^w, как на это указывает фессалийская форма аориста τείσσι, т. е. в диалекте, отражающем начальное *k^w через π даже перед ε; и действительно, гр. ἀπό-τισι; (где -σι- из *-ti-) точно соответствует скр. ара-citih „отплата“; ср. также ав. čida „искупление“; если бы индоевропейское слово непосредственно было отражено в латинском языке, оно должно было бы иметь форму *quoína, откуда *cūna.

За вычетом слов, сходство которых объясняется заимствованиями, остается значительное число таких, которые, принимая во внимание изменения в произношении, определяемые „фонетическими законами“, могут быть признаны тождественными, как ав. kaēna, др.-сл. цѣна, гр. ποινή.

Одни из таких совпадений объясняются, повидному, тем, что соответствующие слова существовали уже в общендоевропейском, а другие могут объясняться более или менее поздним распространением некоторых слов по всей или по части индоевропейской территории. Нет сомнения, что вед. *t(u)v-ám*, др.-сл. *ты*, лат. *tu* и т. д. предполагают и.-е. **tū* „ты“, совершенно так же, как фр. *tu*, итал. *tu*, исп. *tu* предполагают лат. *tū*. Наоборот, различные археологические и филологические факты позволяют утверждать, что гр. *χάυυαβις* (в первый раз у Геродота, IV, 74) и др.-исл. *harpgr*, др.-в.-нем. *haraſ* „конопля“, — хотя и представляющие правильные фонетические соответствия, были заимствованы независимо греческим языком, с одной стороны, и германскими, с другой, из какого-то языка юго-восточной Европы.

Эти два случая — первоначальное тождество и распространение после распада языков (т. е. заимствование) — по существу своему совершенно различны, но по большей части не представляется возможным установить, что относится к одному и что к другому. Поэтому приходится под „индоевропейскими словами“ разуметь слова, общие нескольким индоевропейским диалектам, при условии, чтобы они представляли все фонетические и морфологические изменения, характеризующие те диалекты, к которым принадлежат, и чтобы исторические свидетельства не указывали на позднейшее их появление. Однако никогда не следует забывать, что термин „индоевропейские слова“ покрывает два различных понятия, не различаемые только за отсутствием критерия, который бы давал возможность их отличать; и доисторических заимствований одним диалектом у другого или несколькими диалектами у языков иных семей было, несомненно, громадное число.

За исключением таких полуграмматических слов, как глагол „быть“, местоимения личные и указательные, глагольные приставки, мы никогда не можем утверждать а priori, что данное слово передавалось из поколения в поколение от индоевропейской эпохи до того времени, когда оно засвидетельствовано в определенной форме в данном говоре.

Но есть, по крайней мере, один случай, который следует рассматривать особо: это касается слов, встречающихся изо всех индоевропейских диалектов только в наиболее близко сопрягающихся; так, есть слова, которые встречаются только в индо-иранском и в балтийско-славянском, другие встречаются только в языках Европы (и в армянском), не встречаясь в индо-иранском,

третьи встречаются только в славянском, в балтийском, в германском, в кельтском, в италийском. Ниже мы встретимся с примерами различных этих случаев: из подобных сопоставлений можно заключать только о существовании слова в определенных индоевропейских диалектах (или о заимствовании в одной группе диалектов), а не во всей индоевропейской области. Область распространения каждого слова есть одно из существенных данных его этимологии, и, изучая слово, мы должны всегда задаваться вопросом, какое место оно занимает на карте; география индоевропейской лексики, к сожалению, слишком обща и неопределенна; но это не дает нам права ею пренебрегать.

Совпадения, распространяющиеся не более чем на два диалекта, мало достоверны, если нет особых подтверждающих фактов; ибо сходство двух слов с одинаковым значением в двух различных языках может быть и случайным: например, английское *bad* „дурной“ не имеет даже отдаленного родства с персидским *bad*, обозначающим тоже „дурной“, но нельзя было бы приписать случаю, если бы *bad* обозначало „дурной“ еще и в третьем языке, вне связи с английским и персидским. Поэтому совпадение трех несмежных языков практически является достаточным ручательством за „индоевропейский“ характер слова в указанном выше смысле.

Однако в некоторых определенных случаях мы можем признать достоверность сопоставления слов даже двух только диалектов; так, гр. *πίον* и скр. *řivā* „жирный“ не встречаются нигде, кроме греческого и индо-иранского, но характерное образование женского рода, гр. *πίσις*, скр. *řivāgī*, вместе с совершенным тождеством значения, склонения и места тона, устраняет всякое сомнение; точно так же др.-перс. *gādiy* „ради“ и др.-сл. *ради* не встречаются в других языках, но употребляются совершенно одинаково и входят в состав целого ряда слов, общих славянскому и иранскому.

Если нет особых причин, мы должны считать сомнительным всякое сближение слов, не идущее дальше двух диалектов: если бы даже сопоставление гр. *ἀΐεται* „благоговееет“ и скр. *yājati* „приносит жертву“ было безупречным в фонетическом, морфологическом и семантическом отношении — чего, однако, нет, так как гр. *h-* () может соответствовать не одному только скр. *y-*, а скр. *a-* — не одной только гр. *α*, чередование гласных возбуждает сомнение (см. стр. 186), образование обоих глаголов не одинаково, значение не совпадает и т. д. — все же сопоставление не могло бы быть признано достоверным, но — самое боль-

шее — лишь возможным; и действительно, лучше от него воздержаться.

Наконец, даже при указанных выше оговорках, нельзя сказать, чтобы совокупность слов, сопоставляемых в различных индоевропейских диалектах, давала точное или хотя бы приблизительное представление о лексике племен, говоривших на индоевропейском языке.

За исключением четырех — хеттского, индо-иранского, греческого и италийского — все прочие индоевропейские диалекты засвидетельствованы лишь спустя несколько столетий после христианской эры, и притом, почти все, памятниками литературы, стоящей под влиянием либо римской, либо греческой, и притом христианской, культуры; от недавно открытого „тохарского“ языка сохранились лишь тексты, составленные в среде буддийского населения, и значительно позже христианской эры; даже италийские языки становятся нам известны лишь после того, как они испытали на себе эллинское влияние, и в начертаниях алфавитов греческого происхождения; пример — лат. *роена*, которое распространилось по всей Западной Европе, а само между тем представляет заимствование из греческого языка, показывает, что уже в древности существовала „европейская лексика“, распространение которой совпадает с распространением греко-римской цивилизации.

Языки санскритский, иранские, греческий и латинский представляют, с самых первых своих памятников, литературные формы речи; хеттские тексты также свидетельствуют о развитой культуре. Ни один из индоевропейских диалектов не дает представления о том, чем мог быть, в отношении лексики, язык полудивилизованного населения. Вопрос о грамматическом роде затмнен тем обстоятельством, что индоевропейские языки известны нам лишь с такого времени, когда понятия, отражающиеся в родовых различиях (см. стр. 345), утратили уже, либо утрачивали свою четкость, как это имело место в ведийском обществе и, еще в большей степени, в древнегреческом, или полностью исчезли, как в языках, известных лишь в христианскую эпоху. Ясно, что еще затруднительнее оказывается, используя лексический состав литературных языков, обслуживавших культуры более высокого развития, восстанавливать систему той лексики, которая отражала сознание полудивилизованного населения общиндоевропейского мира. — В известной мере сохранилась лексика только аристократическая; мы почти не имеем сведений о просторечных словах.

Уже самый прием, при помощи которого определяется индоевропейский характер слова, исключает возможность знакомства с тем, что в индоевропейской лексике было конкретным и определенным, что служило для повседневной жизни; единственные термины, сохранившиеся в нескольких различных языках, — это корни, обозначающие обыденные действия общего характера: „вкушать“, „нести“, „итти“, „знать“, „связывать“ и т. п., и названия наиболее общих понятий: „отец“, „глаз“, „бык“ и т. п., одним словом, то, что употреблялось во всех говорах индоевропейской области, а не то, что было свойственно одному какому-нибудь из них.

Далее, при сопоставлении слов различных языков приходится рассматривать, что в них есть общего, и потому устранять смысловые оттенки, развившиеся в каждом отдельном языке: после этого остается одна абстракция, которая дает средство для оправдания сопоставления, но не для установления первоначального значения слова. Просматривая этимологический словарь, мы получаем такое впечатление, будто индоевропейский язык обладал словами и корнями абстрактного и общего значения, между тем как каждый из индоевропейских говоров надо представлять себе вроде какого-нибудь современного литовского говора, бедного общими понятиями и изобилующего точными названиями конкретных действий и мелочей домашнего обихода.

Наконец, технические термины по большей части различны в разных языках, потому что в промежуток между индоевропейской эпохой и временем, когда засвидетельствован данный диалект, культура претерпевала глубокие изменения и слова менялись по несколько раз вместе с изменениями самой техники. Изучение слов не может быть успешно без изучения обозначаемых ими вещей, и в работах последнего времени лексические исследования сопровождаются обычно необходимыми рисунками.

Современный лингвист знает из индоевропейской лексики лишь небольшой запас общих терминов, драгоценный по тем выводам, которые он позволяет сделать в области фонетики и морфологии, но непригодный для того, [чтобы дать представление о реальном составе лексики какого-либо индоевропейского говора. Кроме того, лексика каждого индоевропейского языка существенно отличается от лексики любого другого языка той же семьи, и лишь у меньшинства слов каждого языка есть надежная индоевропейская этимология.

Этимологисты часто рассуждают так, будто все слова исторически [засвидетельствованных языков, заведомо не заимствованные из известных нам наречий, должны быть индоевропейского происхождения, и чтобы дать индоевропейскую [этимологию каждому слову какого-либо языка этой семьи, они напрягают все силы своего остроумия: но это значит забывать, что между индоевропейским периодом и самыми древними текстами любого языка протекло много сотен лет, в течение которых могло быть произведено неограниченное число заимствований из языков, в настоящее время неизвестных. Индоевропейские народы встречались в Западной Европе, и в особенности в Средиземноморском бассейне, с народами более высокой материальной культуры, чем их собственная. Но языки этих народов нам неизвестны. Поэтому у нас нет никакого способа определить, например, насколько греческий и латинский языки заимствовали свои слова из языков блестящей эгейской цивилизации, открытой раскопками последних лет. Гр. *Φῶνος*, лат. *vinum* и умбр. *vinu*, арм. *gini* „вино“ представляют, повидимому, заимствования из языка одного из средиземноморских народов, который возделывал виноградную лозу до прихода народностей индоевропейского языка.

Беглый обзор главных элементов индоевропейской лексики позволит нам составить обо всем этом более точное представление.

1. КОРНИ

Мало сохранилось индоевропейских корней, обозначающих технические действия, и значения этих корней, в некоторой своей части, не отличаются определенностью.

Корень скр. *tāṣti* „строит, изготавливает“, повидимому, прилагался к изготовлению всякого рода предметов. Вед. *tāṣti*, *tākṣati* и ав. *taṣaṭ* имеют общее значение „изготавливать“, но обозначают главным образом то, что делается при помощи топора; скр. *tākṣā*, ав. *taṣa*, гр. [τέκτων] значат „плотник“, др.-в.-нем. *dehsala* и нрл. *tāl* „топор“, а др.-сл. *tāsatn* и лит. *tašyti* значит „работать топором“. Можно было бы счесть это значение единственно древним, если бы лат. *texere* не обозначало другого ремесла — ткацкого, а ср.-в.-нем. *dehsen* не значило бы „ломать (коноплю)“. Ав. *taštəm* „чашка“, с которым сближают лат. *testa* „глиняный сосуд“ и т. п., не доказывает, что этот корень служил для обозначения гончарной работы, ибо эти слова первоначально могли обозначать посуду, плетеную из ивы и обмазанную глиной; это значение можно сблизить с лат. *texere* „ткать“.

Значение „придавать земле форму, лепить“ мы находим в корне гот. *đigan*, лат. *ingere*, но здесь может разумеаться либо гончарная работа: лат. *figulus* „горшечник“, гот. *daigs*, др.-в.-нем. *teig* „тесто“; либо наваливание земли для сооружения стен: скр. *dehī* „вал“, ав. *daēzaueiti* „насыпает“, др.-иран. **pari-daiza-* „огороженное место“ (которое греки заимствовали в форме *παράδεισος*, а армяне в форме *partēz* „сад“), др.-перс. *didā* „укрепление“, арм. *dēz* „куча“, гр. *τείχος, τοῖχος* „стена“, оск. *feihúss* „стены“ (вин. мн.). др.-ирл. *conutuig* (из **con-udding*) „строить“.

Корень **snē-* „прясть“ засвидетельствован лат. *pēre*, гр. *πέω*, аор. *ἔννη, νῆμα* „нитка“, ирл. *snīm* „прядение“, *snāthe* „нитка“, может быть, также скр. *snāva* „связка, жила“, др.-в.-нем. *spuog* „веревка“; но др.-в.-нем. *pājan* значит „шить“.

Корень др.-в.-нем. *weban* „ткать“ сохраняет свое точное значение в греческом *ὠφαίνω* и в иранском: ав. *ubdaēna* „ткань“, н.-перс. *bāfad* „ткет“, также и в „тохарском“; но вед. *unap* значит просто „он привязывал“, и значение „ткать“ является в санскрите только в (*ūgra*)-*vābhīh* „паук“, буквально „ткущий (шерсть)“.

Понятие „шить“ ясно выражается в скр. *syūtāh* „сшитый“, *sīvyati* „шьет“, лит. *siūti* „шить“, др.-сл. *шити*, гот. *siujan*, лат. *suere*; лат. *sūbula* (из **sūdhlā*) и др.-сл. *шило* (польское *szydło*), др.-в.-нем. *siula* „шило“.

Корень, означающий „одевать, одеваться“, обычно является в простой форме в лат. *ind-uō* „надеваю“, *ex-uō* „раздеваю“, умбр. *an-ouihimu* „одевается“, лит. *aūti* „обуваться“ и *avēti* „быть обутым“, др.-сл. *об-оути*, арм. *aganim* „одеваюсь“, *awd* „башмак“, ав. *aodgæt* „башмак“, и в распространенной определителем форме **wes-* в хет. *wašanzi* „одеваются“, скр. *vāste* „одевается“, гом. (*F*)*έσται* „он одет“, лат. *uestis* „одежда“, арм. *z-gest* „одежда“, тохар. *B wastsi* „одежда“, гот. *wasjan* „одевать, одеваться“.

„Везти, ехать“ выражается скр. *vāhati*, ав. *vazaiti*, др.-сл. *везъ*, лит. *vežù*, лат. *uehō*; „повозка“ — др.-сл. *возъ*, гр. *ὄχος*, др.-в.-нем. *wagan*, ирл. *fēn*; „дорога, по которой проходят возы“ — гот. *wigs*, др.-в.-нем. *weg*; особо стоит германский глагол, означающий „двигать“, гот. *ga-wigan*. С другой стороны, скр. *yāti*, др.-сл. *идъ*, лит. *jóju* имеют значение „ехать (в повозке или лодке)“, и наряду с этим корнем, который встречается только в индо-иранском и балтийско-славянском, есть западное слово со значением „ехать“, засвидетельствованное др.-в.-нем. *gitan*, др.-англ. *gīdan*, др.-исл. *gīða*, ирл. *gīadaim* и галльск. *gēda* „колесница“.

„Грести“ будет: др.-исл. *góa*, лит. *irti*; „гребец“: скр. *arítar-*, гр. *ἑρέτης* „весло“: лат. *rēmus*, др.-в.-нем. *ruodar*.

Европейские языки для обозначения действия „пахать“ имеют одинаковый корень, засвидетельствованный др.-сл. *орѣж*, лит. *arū*, гот. *arja*, ирл. *airim*, лат. *arō*, гр. *ἀρόω*, и даже в армянском есть слово *агавт* „плуг“ = лат. *agātrum*. Но индо-иранский не знает этого слова, повидимому, потому, что племена, говорившие на индо-иранских языках, утратили его в переходный период кочевой жизни. Корень **melə-* со значением „молоть“ при помощи „жернова“ ((скр. *grāvan-*, ирл. *brō*, валл. *breuan*, лит. *gīrnos*, др.-сл. *жръны*, арм. *erkan*), являющийся в гр. *μύλη* „мельница“, лат. *molō* „мелю“, и хет. *malanzi* „дробят“ (см. стр. 219) неизвестен в индо-иранском; но [при гр. *ἀλέω*, арм. *ałam* „мелю“, хинди имеет *ālā*, согдийский язык — *’rδ* (читай *arδ*) „мельница“ и новоперсидский язык — *ard* „мука“; следовательно, индоевропейский корень со значением „молоть“ засвидетельствован и в индо-иранском. Кроме того, есть индоевропейский корень **reis-*, означающий „толоть (в ступе)“: скр. *pinaṣti* „толчет“, *piṣṭāh* „толченный, раздавленный“, *piṣṭām* „мука“; лат. *pīnsō* „толку“, *pistor* „мельник“, *pīlum* „пест“, *pīla* „ступка“; гр. *πίσσω* „толку“; лит. *paisýti* „обдирать (ячмень)“; др.-сл. *пъхати* „пинать“, *пъшница*.

Глагол со значением „ковать“: др.-сл. *ковж*, лит. *káuju*, др.-в.-нем. *houwan* и, с определителем, лат. *cūdbō*, как и некоторые другие „культурные“ слова, неизвестен греческому, армянскому и индо-иранскому и в своем распространении ограничен северными и западными индоевропейскими диалектами.

Название „бурава“, гр. *τέρετρον*, лат. *terebra*, др.-ирл. *tarathar*, произведено от корня **terə-*, **trē-* „тереть“: [гр. *τέρω*, лат. *terō*, др.-сл. *търж* и т. д.

Скр. *kriṇāmi* (древнее *kriṇāmi*), др.-русск. *крьну*, др.-ирл. *crenim*, валл. *grunaf* свидетельствуют о настоящем времени с носовым инфиксом, означающим „покупаю“; другие формы того же корня обнаруживаются в скр. *krauyāh* „покупка“, тох. В *kaγuor* „покупка“ и в греческом аористе *πρίχθαι* „купить“. Но из этого вовсе не следует, чтобы понятия „продавать“ и „покупать“ сознательно противопоставлялись одно другому; ибо те же языки для понятия „продавать“ не имеют общего термина.

Корень **reiḱ-* означал, повидимому „делать отметки“, при помощи надрезов или при помощи цветных знаков; он дал: скр. *riṃśāti* „украшает, приводит в порядок“, др.-перс. *ni-riṣ-* „писать“, др.-сл. *пишж*, тох. В *riṃkaṣ* „пишет“, скр. *reṣaḥ* и ав. *paēsō*

„форма, цвет“, лит. *paššinti* „мазать сажей“, др.-в.-нем. *fēh*, др.-англ. *fāh*, гот. *filufaihs* „разноцветный“, синонимы гр. *ποικίλος* и др.-сл. *пѣстръ* (тогда как гр. *πικρός* значит „горький“, буквально „кусающий, режущий“, как гот. *baitrs*, нем. *bitter*).

„Доить“ обозначается в большинстве европейских языков одним и тем же корнем: лат. *mulgeō*, ср.-ирл. *bligim* (из **mligim*) „дою“, др.-в.-нем. *milchu*, лит. *mélzu* (*mélz-*, повидимому, из **mēlg-*), др.-сл. *мльж*, алб. *miel'*, гр. *ἀμέλω* (с протетической гласной). С другой стороны, индо-иранские языки имеют другой корень архаичного вида: вед. *duhé* „доит“ (средний залог), н.-перс. *dōxtan* „доить“.

Скр. *anākti* „мажет“ (3-е л. мн. ч. *añjānti*) родственно лат. *unguō* „мажу“, умбр. *umtu-* „пусть помажет он“ и, вероятно, арм. *awcanel* „мазать“; скр. *ājyam* „жертвенное масло“, др.-прусс. *anktan* „масло“, др.-в.-нем. *ancho*, др.-ирл. *imb*, лат. *unguen*, *unguentum* „мазь“, умбр. *umēn*.

„Проводить ночь под кровом“ обозначается корнем гр. *ἰαύω* „ночую“, *αὐλός* „ночлег“, *αὐλή* „двор“ (место, где ночует скот) арм. *aganim* „ночую“, *awth* „место ночевки“. Отсюда распространенный определителем корень **awes-* (гом. *ἄεσα* „я провел ночь“), **wes-* „жить“ в скр. *vasati* „живет“, гот. *wisan* „жить, быть“, арм. *goy* „существует“, ирл. *foss* „жилище, отдых“. Отношение **au-* к **awes-*, **wes-* то же самое, что и отношение **au-*, **u-* „одевать“ к **wes-*, ср. выше стр. 387.

Очень [неопределенны и шатки, как мы видим, те данные, которые представляется возможным извлечь из рассмотрения индоевропейских корней с целью выяснить условия существования племен, говоривших на индоевропейском языке. Большинство корней показывает нам только то, что язык различал понятия „жить“ и „умирать“, „пить“ и „есть“, „спать“ и „бодрствовать“, „лизать“ и „кусать“, „брать“ и „оставлять“, „видеть“ и „слышать“, „итти“ и „бежать“ и т. п.

Однако некоторые корни представляют последовательность в развитии значений, восходящую к индоевропейскому. Один из интересных в этом отношении случаев представляет корень **bheudh-*: первоначальное, повидимому, его значение, вполне конкретное — „бодрствовать“, сохранившееся в восточных диалектах: скр. *budhyate* „бодрствует, просыпается“, др.-сл. *вѣдѣти* (инфин. *вѣдѣти*), лит. *budėti* „бодрствовать“; скр. *bodhayati* „будит“, др.-сл. *воудитъ* (инфин. *воудити*), др.-сл. *вѣнжти* „проснуться“, лит. *bundū* „просыпаюсь“; лит. *budrūs* значит „проснувшийся“. Но др.-сл. *вѣдръ* переводит гр. *πρόθυμος*, — сле-

довательно, приняло уже более отдаленный смысл; тематическое настоящее время скр. *bódhati* значит „бодрствует, внимает, замечает“, подобно соответствующему др.-сл. *блудж* (где смягченное *л* нормально развилось между губной и *т* звука *ю*, отражающего и.-е. **eu*) и гомеровскому *πείθομαι* „разведываю“, аор. гр. *ἐπίθουμι*; точно так же ав. *baodah-* значит „сознание“; ирл. *buide* развило особое значение — „признательность“ („сознание благодеяния“). От значения „замечаю“ произошел переход к значению „чувствую“, как, например, в ав. *baodəntō* (Яшт XIX, 69) и, в особенности, „чувствую запах“, откуда ав. *baodīš* „запах“: Яшт XVII, 5: *hubaoīdīš baodaite mātānəm* „благоухание наполняет дом“. С другой стороны, с понудительным оттенком, мы получаем значение „пробуждать, привлекать внимание“, откуда „предлагать, приглашать“ в др.-исл. *biōða*, др.-в.-нем. *biotan* и с глагольной приставкой, гот. *ana-biudan*, др.-в.-нем. *gi-biotan* „приказывать“, гот. *faūr-biudan* „запрещать“ (нем. *ver-bieten*); из того же понудительного оттенка происходит значение „бранить, наказывать“ в лит. *baudziù*, *baūsti*.

Наиболее конкретное и, повидимому, самое древнее значение корня **geus-* сохранилось в гр. *γεύομαι* „пробую“ и в лат. *gustus* „вкус“. Но в индо-иранском у этого корня значение „принимать с удовольствием, любить“; так, скр. *jūṣate* „охотно берет, любит“, др.-перс. *daūstar-* „друг“, точно так же и в албанском, где *deša* значит „я любил“. С другой стороны, значение „выбирать“ развилось в др.-ирл. *do-roí-gu* „он выбрал“ и в гот. *kīusan*, каузатив *kauſjan* „испытывать, выбирать“, но первоначальное значение „пробовать“ сохранилось в славянском заимствовании *вѣ-коуѣсити*, а французский глагол *choisir*, также заимствованный из германского, воспроизводит новое значение.

Значение корней может быть определено только общими формулами, но на самом деле каждый из них имел и узкое и специальное употребление; так, например, корень **prek-* значит „спрашивать, просить“: скр. *ṛ̥śchati*, др.-сл. *просити*, лит. *prašyti*, гот. *frāihnān*, др.-в.-нем. *frāgēn*, лат. *poscō*, арм. *harṣanem* — все эти глаголы значат „спрашивать“ в общем смысле; но было и специальное употребление этого корня в смысле „просить женщину в замужество“, засвидетельствованное лат. *prosus* „жених“, лит. *piš̄sti* „свататься“, сербск. *pròsiti* (то же значение), арм. *harsn* „невеста, сноха“; было и другое, юридическое и религиозное употребление, засвидетельствованное лат. *precēs* „мольба, молитва“, скр. *prāṭ* „тяжба“. — Корень **wedh-* значит „вести“

в ав. *vādayeiti* „ведет“, др.-сл. *вѣдѣж*, лит. *vedù*, ирл. *fedim*, но специальное значение — „приводить невесту в дом“ (лат. *uxorem ducere*), откуда скр. *vadhūh* „сноха“, *vāhate* (из **vādhate*, в отличие от *vāhate* „везется“) „женится“, ав. *vādayeiti* „женится“, лит. *vedù* „женюсь“, валл. *dy-veddio* „жениться“. — Корень гр. *φέρω*, лат. *ferō* и т. д. значит „нести“ и очень часто также „носить“ в смысле „быть беременной“; так, ав. *barədri* „беременная“, гр. *φορός*; „беременная“, эол. *ἔφρασεν* в значении *ἐκόντισεν* у Гесиохия („понесла, зачала“); др.-сл. *прѣжда* „беременная“, лат. *forda* „стельная (корова)“; гот. *gabaigan*, др.-исл. *bega* „рождать“ (нем. *gebären*). — Корень, имеющий значение вообще изливания жидкости, в скр. *supóti* „выжимает жидкость“, лит. *sulà* „сок (березы)“, др.-в.-нем. *soh* „сок“, употреблялся уже в индоевропейскую пору для обозначения дождя, как это видно из совпадения гр. *ὕει* „идет дождь“ с тохарским В *suwat* ! „идет дождь“, *swese* „дождь“. — Чтобы иметь точное представление о значении какого-либо индоевропейского [корня, надо [знать его специальные употребления, точно так же как действительно узнать слово какого-либо языка можно лишь, узнав, в каких сочетаниях оно обычно употребляется.

2. ОТДЕЛЬНЫЕ СЛОВА

Отдельные слова не так интересны, как корни, с точки зрения общего строя языка, но они дают более четкие понятия. Пользуясь ими с подобающей осторожностью, мы можем получить несколько общих указаний относительно общественного строя и культуры населения, говорившего на индоевропейском языке.

А. НАЗВАНИЯ РОДСТВА

Есть целый ряд названий родства со вполне определенным значением, которое в некоторых диалектах иногда расширяется; многие из них принадлежат к типу на **-er*:

отец: скр. *pitár-*, гр. *πατήρ*, лат. *pater*, др.-ирл. *athir*, гот. *fadar*, арм. *haur*, тох. А *pāsar* и В *pātar*;

мать: скр. *mātár-*, др.-сл. *матер-*, гр. дор. *μάτηρ*, лат. *māter*, др.-ирл. *māthir*, др.-исл. *móðer*, арм. *maur*, тох. А *māsar* и В *mātar*;

брат: скр. *bhrátar-*, др.-сл. *вратръ* (и *вратъ*), гр. *φράτωρ*, *φράτηρ* (член фратрии), лат. *frāter*, др.-ирл. *brāthir*, гот. *broþar*, арм. *elbayr*, тох. А *prasar* и В *proser*;

сестра: скр. *svāsar-*, лит. *seser-*, др.-сл. *сестра*, лат. *sogor*, др.-ирл. *siur*, гот. *swistar*, арм. *khoyr*;

сын: скр. *sūnūh*, др.-сл. **сынъ**, лит. *sūnūs*, гот. *sunus* (нем. *sohn*); ср. гр. *υῖος, υἱός*; тох. В *soyā* и А *se*; неизвестно в итало-кельтском, как и следующее слово

дочь: скр. *duhitār-*, гр. *θυγάτηρ*, др.-сл. **дъштер-**, лит. *dukter-*, арм. *dustr*, гот. *daúhtar*, тох. А *skāsar* и В *tkāser*;

сноха: гр. *νύος*, арм. *nu* (род. п. *nuoy*); перешло в основы на *-ā-* в скр. *snuzā*, др.-сл. **снъха**, др.-англ. *snogu*, лат. народное *poras*; в основы на **-u-* в лат. *nurus*;

свекор: скр. *ṣvāṣuraḥ*, ав. *xvasurō*, лит. *šėšuras*, гом. *(F)εκυρός*, лат. *socer* (со значением „тесть“), алб. *vjeher*, др.-в.-нем. *swehur*; отсюда произошло с „*vřddhi*“ (см. стр. 270) др.-в.-нем. *swāgur* „деверь“, образованное подобно скр. *ṣvāṣuraḥ* „принадлежащий свекру“;

свекровь: скр. *ṣvaṣrūh*, др.-сл. **свекры**, лат. *socrus*, др.-в.-нем. *swigar-* и гр. *(F)εκυρά*, арм. *skesur*; гот. *swaihra*, валл. *chwegr*;

деверь: скр. *devār-*, др.-сл. **дѣверь**, лит. *dėveris*, гр. *δῆτηρ*, лат. *leuir*, арм. *taugr* и, с отражением древнего **g*, темного происхождения, др.-англ. *tacor*, др.-в.-нем. *zeihhur*;

золовка: гр. *γάλως*, лат. *glōs*; русск. *золова* и сербск. *злова* предполагают слав. **zülŭva* (и арм. *tal*);

жена брата мужа: скр. *yātar-*, др.-сл. **ятры**, лит. *įentėr-*, гом. *ἐνωτῆρες* (и дат. п. *ἐνωτρι* в одной поздней малоазиатской надписи), лат. *ianitricēs* (и арм. *per*);

вдова: скр. *vidhāvā*, ав. *vidava*, др.-сл. **вѣдова** (из **вѣдова**), др.-прусс. *widdewū*, гот. *widuwo*, ирл. *fedb*, лат. *uidua*; неизвестно греческому и армянскому языку.

Таким образом, все ступени непосредственного родства в семье мужа обозначаются определенными терминами; важнейшие из них принадлежат к одному и тому же типу основ на **-г-*. Слово, обозначающее „мужа“, совпадает с названием „хозяина (дома)“:

скр. *patih*, ав. *patiš*, гр. *πάσις*, лит. диал. *patis*, ср. гот. *(bruþ-)faþs* „жених“; женский род от этого слова обозначает жену как хозяйку дома: скр. *patni*, др.-лит. *patni* (ср. гр. *πότνια*).

Для семьи жены названия родства неустойчивы и неопределенны; значения расходятся в различных языках, различны и формы слов: [гр. *τενδερός*, которое иногда значит „тесть“, принадлежит к корню гот. *bindan* „связывать“, а потому значит собственно „союзник, свойственник“, подобно лит. *beñdras*, значение которого в настоящее время „товарищ“, др.-перс. *ba(n)daka* (н.-перс. *banda*) „слуга“ и скр. *bāndhuḥ* „свойственник“ (*cognātus* в самом [широком смысле]; поэтому-то и *τενδερός* обозначает вся-

кого свойственника, как то: „зять“, т. е. „мужа дочери“ и „мужа сестры“. — „Зять“ (муж дочери) имеет название: скр. *jāmātar-*, ав. *zāmātar-*, — др.-сл. *zъть*, лит. *žentas*, лат. *genta* (слово из глоссария), алб. *đendër*, — лат. *gener*, — гр. *γαμβρός* (также „тесть“ и „шурин“); все это формы сходные, которые, однако, невозможно свести к общему источнику.

Для ступеней более отдаленного родства нет определенных терминов. Лат. *avos* значит „дед“ (и со стороны отца и со стороны матери); лат. *avunculus* „дядя“, валл. *ewythr* „дядя“, др.-в.-нем. *ōheim* „брат матери“, гот. *awo* „бабка“, др.-прусс. *awis* и др.-сл. *оуи* „брат матери“, арм. *haw* „дед“. Индо-иранское *pārāt* обозначает „потомка“ и в особенности „внука“; лат. *perōs* „внук“, *peritis* „внучка“; ирл. *niae* „сын сестры“, *necht* „дочь сестры“; др.-в.-нем. *nevo* „племянник“; др.-лит. *perotis* „внук, племянник“; серб. *нѣјак* „сын сестры“ и т. д.

Все это указывает на такой общественный порядок, когда жена переходила в семью мужа, но муж не считался родством с семьей жены. Мы имеем здесь дело с тою „большой семьей“ по мужской линии, какую мы встречаем еще и теперь у сербов (задруга) и у армян.

Дом составляет общественную группу, стоящую под властью „домовладыки“: скр. *pātir dān* или *dāmpatiḥ*, гр. *δεσπότης* (из **demsrot-ā* „господин дома“), лат. *dominus*. Более широкий термин — это название „группы домов, племени“, которое с различными оттенками значения является в скр. *viç*, ав. *vis*, др.-перс. *við-*, др.-сл. *вьсь*, гот. *weihs*; лат. *uicus*, ср. гом. *τριά-φικ-ες* „разделенный на три клана“; гр. *φοῖκος* (или также атематическая форма *φοῖκ-* в наречии *φοῖκα-δε* „домой“) имеет значение „дом“, первоначально „большой дом“, содержащий многочисленные постройки, где обитают различные члены „большой семьи“, и потому слово *φοῖκος* обозначает также совокупность более близких родственников; название „владыки деревни“ скр. *viç-pātiḥ*, ав. *vis-paitiḥ* приняло в балтийском то же общее значение, что и „домовладыка“, гр. *δεσπότης*, и мы имеем лит. *vėšpatz* „господин“, др.-прусс. *waispattin* „госпожа“. — Древнее название „царя“ засвидетельствовано только скр. *gāj-*, *gājan-* и в самых западных диалектах: лат. *gēx*, кельт. *rig-* (германское слово, засвидетельствованное гот. *geiks* „вождь“, заимствовано из кельтского). — Слово, обозначающее целый народ, засвидетельствовано только в западных диалектах, до балтийского включительно, и не встречается ни в славянском, ни в индо-иранском, ни в армянском, ни в грече-

ском: др.-прусс. *tauto* „страна“, латышск. *tauta* „народ“, гот. *þiuda* (откуда *þiudans* „царь“, образованное как лат. *dominus, tribūnus*), др.-ирл. *tūath* „народ“, оск. *touto* и умбр. *tota* „государство“.

Нет слова, которое обозначало бы „город“: скр. *ṛiḥ* (род. п. *ṛurāḥ*), лит. *piris* обозначают „укрепленное место“, и соответствующее греческое слово *πόλις* (со вторичным суффиксом) первоначально имело то же значение, которое ясно проглядывает в слове *ἀκρόπολις*.

Б. НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ

Из названий животных одни обозначают домашних животных, как овца или корова, другие диких зверей; в некоторых случаях мы не можем провести границу между теми и другими. Единственными общенидоевропейскими названиями домашних животных являются те, которые обозначают главнейшие элементы стада главы рода или племени. Эти названия обозначают зоологический вид без различия по полу: у самцов и самок нет особых названий:

стадо: скр. *ṛāṣu, ṛāṣuḥ*, лат. *resu, pecus*, др.-з.-нем. *fihu*; стада были предметом торговли, и этим объясняется значение „деньги, богатство“, которое получило гот. *faihu* и латинское производное *resūnia*, а также заимствованное от одного из западных диалектов (о чем свидетельствует звук *k*), др.-лит. *pekus* и др.-прусс. *resku* „стадо“.

вол и корова: скр. *gauḥ*, ав. *gāuš*; арм. *kov* (корова), латыш. *gāws* (корова), гр. *βοῦς*, лат. *bōs* (самнитское деревенское слово, а не латинское в собственном смысле), ирл. *bō*, др.-в.-нем. *chuo* (корова), др.-сл. *говѣдо*. Название „быка“ гр. *ταῦρος*, лат. *taurus*, др.-прусс. *tauris*, др.-сл. *тоуръ* встречается не везде. Между прочим, его нет в индо-иранском; это технический термин; его огласовка *а характерна для народной лексики (см. стр. 124); др.-прусс. *tauris* обозначает дикое животное и в словаре Эльбинга стоит как перевод нем. *Wiesunt*; кельтская форма (галльск. *tarvos* и т. д.) представляет такое же изменение просторечного характера, как лат. *paruos* „малый“ при гр. *παῦρος*. Скр. *ukṣān-*, ав. *uxšān-*, гот. *aúhsa*, др.-в.-нем. *ohso*, валл. *usch* представляют, позидимому, древний эпитет („вращивающий, способствующий росту“?). „Телѣк“ и „телка“ обозначаются гр. *πόρις*, др.-в.-нем. *fargo* (муж. р.), ср.-в.-нем. *verse* (жен. р.) и скр. *ṛṭhukaḥ*, арм. *orth*, гр. *πόρτις, πόρταξ*.

баран и овца: скр. *áviḥ*, лит. *avis*, гр. *οἶς*, лат. *ovis*, ирл. *oí*, др.-в.-нем. *ouwi*; др.-сл. *овьнъ, овьца* (= скр. *avikā*). У „ягненка“

два названия, одно скр. *úraṇāḥ*, пехлев. *varrak*, арм. *gaṛn*, гр. *Γάρην*, *Γαρνός* и другое др.-сл. агньць, гр. *ἀγνός*, лат. *agnus*, ирл. *úan*. „Шерсть“ обозначается широко засвидетельствованным названием: др.-сл. *вѣтна* (серб. *вѣна*), лит. *vilnos* (мн. ч.), гот. *wulla*, лат. *lāna*, скр. *úṅrā*: ирл. *olann*, валл. *gwlan*; расширенное суффиксом **-es-*: гр. *λῆνος*, др. *λᾶνος*, лат. *lānerum*, *lānestris* „шерстяной“ и *uellus* „шерсть“; с **-men-*: арм. *gełmn* „руно“.

жеребец и кобыла: скр. *áçvaḥ*, ав. *azrō*, др.-перс. *aza*, др.-англ. *eoh*, лат. *equos*, ирл. *eśh*, галльск. *epo-*, гр. *ἵππος*; женск. род: скр. *áçvā*, лит. *ašvā*, лат. *equa* „кобыла“ являются результатом независимого развития каждого диалекта (см. стр. 292).

козел и коза: скр. *ajāḥ* „козел“, *ajā* „коза“, лит. *ožys* „козел“, *oškā* „коза“; иное, но близкое название засвидетельствовано гр. *αῖξ*, арм. *auc* „коза“, ав. *iz-aēna-* „кожаный“ (собственно „из козьей кожи“, ср. скр. *ajnam* „кожа“ при *ajāḥ* и др.-сл. *лѣно* „кожа“ при лит. *ož-ys*); своеобразные колебания в этом слове объясняются тем, что дело идет о малоценном животном, название которого поэтому и обнаруживает неустойчивость, свойственную многим индоевропейским словам просторечной лексики. Ав. *būza-*, др.-в.-нем. *boc*, др.-исл. *bokkr*, ирл. *bosc* значат „козел“ (но арм. *buc* „ягненок“). Западные диалекты имеют особые слова: лат. *caper*, валл. *caer*, др.-исл. *hafr*, — лат. *haedus* „козел“, гот. *gaitz* „коза“. Следовательно, для „козла“ и „козы“ нет такого единства обозначения, как для предыдущих животных; это опять — черта просторечной лексики.

кабан, свинья: лат. *sūs*, гр. *ὕς*, др.-в.-нем. *sū*, *swīn*, валл. *hwch*, др.-сл. *свиньѣ*, ав. *hū-*, скр. *sūkarāḥ* (кабан); другое слово, обозначающее исключительно „домашнюю свинью“, встречается только на севере и западе Европы и не засвидетельствовано ни в индоиранском, ни в армянском, ни в греческом: лат. *porcus*, ирл. *orc*, др.-в.-нем. *farah*, лит. *pařšas*, др.-сл. *прасѣ*.

собака: вед. *ç(u)vā* (род. п. *çúnaḥ*), ав. *spā* (род. п. *sūpō*), лит. *šū* (род. п. *šūns*), гр. *κύων* (род. п. *κύνος*), ирл. *cū* (род. п. *con*); гот. *hunds*; у лат. *canis* форма не ясна.

волк: скр. *vŕkaḥ*, ав. *vəhrkō*, др.-сл. *вѣлкѣ*, лит. *vilkas*, гот. *wulfs* (и гр. *λύκος*, лат. *lupus*); женский род со значением „волчица“ был создан самостоятельно в каждом языке: скр. *vŕkīḥ*, русск. *волчи-ца*, лит. *vilkė* и *vilkėnė*, др.-исл. *ulgr* (из **wulŕiz*, древнее **wlkīs*); гр. *λύχινχ*; лат. *lupa*.

медведь: скр. *ḥkṣaḥ*, ав. *arəžō*, гр. *ἄρκτος*, лат. *ursus*, др.-ирл. *art*, арм. *arj*.

мышь: скр. *mūþ*, др.-сл. *мъшь*, гр. *μῦς*, алб. *mi*, лат. *mūs*, др.-в.-нем. *mūs*; арм. *mukn*.

олень: др.-сл. *клень*, лит. *ėlnis*, арм. *եփ*, гр. *ἔλαφος, ἑλλός*, валл. *elain* (жен. р. „лань“); ирл. *elit* (жен. р.) значит „козуля“. — Др.-в.-нем. *elaho* „лось“, лат. *alcēs* (мн. ч.). Олень часто называется своим эпитетом „рогатый“ (*ἔλαφος κερκός*, Гомер, Г, 24), повидимому, потому, что у полудициализованных народностей есть обычай не называть по имени животное, за которым они охотятся; отсюда лат. *ceruus*, др.-в.-нем. *hiruz*: в древнепрусском есть имя *gagingis* „олень“, т. е. „рогатый“, производное от *gagis* „рог“.

птица: скр. *vēþ*, ав. *vay*, лат. *avis*, арм. *հաւ*, гр. *οἰωνός*;

орел: хет. *haraš*, др.-сл. *орьль*, лит. *arėlis*, гот. *aga*, валл. *egur*; гр. *ὄρνις* означает „птицу“ вообще.

дрожд: лит. *strāzdas*, русск. *дрожд* (начальное *d* по ассимиляции), др.-исл. *þrǫstr*, лат. *turdus*.

журавль: гр. *γέρανος*, бритт. *garan* (и галло-лат. *tri-garanus* „трехжуравлиный“), др.-англ. *cran*, др.-в.-нем. *chranuch*, лит. *gėrvė*, др.-сл. *жеравь*, лат. *grūs*, арм. *kfunk*.

гусь: гр. *χην*, *χηνός* (дор. *χῆν*, *χηνός*), лит. *žąsis*, др.-сл. *гъсь*, др.-в.-нем. *gans*, лат. *anser* (сельское слово, с утратою начального *h*); скр. *hamsāh*, означающее „фламинго, лебедь“ и ирл. *gēis* „лебедь“ стоят особняком.

утка: лат. *anas* (*anitis*), др.-в.-нем. *anut*, лит. *ąntis*, др.-сл. *жты* и гр. *νῆσσα*, дор. *νῆσσα*; ср. скр. *ātīh* „род водяной птицы“.

рыба: на западе есть слово: лат. *piscis*, ирл. *iasc*, гот. *fisks*; в центре индоевропейской области мы встречаем другое слово: гр. *ἰχθύς*, арм. *jukn*, лит. *žuvis*; наконец, сл. *рыба* и скр. *mātsyah*, ав. *masyō* совершенно обособлены. Названия отдельных видов рыб по большей части в каждом языке свои; очень немногие из них имеют этимологию, и область их распространения невелика; наоборот, два достоверных старых названия птиц относятся к водяным птицам, и мы имеем также в скр. *udrah*, ав. *udrō*, др.-сл. *вѣдра*, лит. *údra*, др.-в.-нем. *ottar*, имя водяного животного, производное от названия „воды“, обычно со значением „выдра“ (но гр. *ὕδρος*, *ὕδρᾱ* „водяная змея“); а в др.-сл. *вьбрь*, *вобрь*, лит. *bėbrus*, др.-в.-нем. *bibar*, галльск. *bibro-*, *bebro-* (в именах собственных), лат. *fiber*, *feber* мы имеем производное от прилагательного „коричневый“ (лит. *bėras*) имя со значением „бобер“ (или похожее на него животное в скр. *babrūh* и ав. *bawriš*).

змея: скр. áhih, ав. ažiš, гр. ὄφις, арм. iž (из *eg^hi-); лат. anguis, ирл. (esc-)ung („угорь“), лит. angis, польск. wąż (отражает *qži); и гот. padrs, ирл. pathir, лат. patrix „гадюка“.

муха: др.-сл. мѡуѡа (и мѡшница „мошка“), лит. musõ, гр. μύα, лат. musca, арм. мун (см. стр. 267).

шершень: др.-сл. сръшень (серб. сръшѣн), лит. širšũ (род. п. širšeñs) и širšlỹš (вин. п. širšlĩ), лат. crābrõ (из *crāsgrõ), валл. creugyn.

оса: лит. vapsà, др.-сл. оса (из *vosa), др.-в.-нем. wafsa, лат. uespa (из *wopsà), др.-брет. guohi.

пчела: индоевропейское слово *medhu в восточных диалектах значит и „мед“ и „приготавливаемый из меду напиток, вареный мед“ (а иногда, в тех странах, где была разводима виноградная лоза, в дальнейшем и „вино“): скр. mádhu, ав. mađu, др.-сл. медъ, лит. medūs, midūs; в других языках сохранилось только значение „мед — напиток“ (или „вино“): гр. μέθυ, др.-в.-нем. meto, ирл. míd: другое слово, менее распространенное, обозначает „мед“ в собственном смысле: хет. milit, гр. μέλι, μέλιτος (с производным, весьма древней формы, см. стр. 287, атт. βλίττω „подрезаю соты“), гот. milif, лат. mel, ирл. mil, арм. mełr. Название „пчелы“ *bhei- с различными суффиксами мы находим в др.-англ. béo, др.-в.-нем. bini, лит. bitis, др.-прусс. bitte, ирл. bech, др.-сл. бѡуела; название „медовой мухи“ мы имеем в гр. μέλισσα, алб. mial'tse, арм. mełu; слово это было образовано, повидимому, для того, чтобы не употреблять собственного имени пчелы во время собирания меду. Нет названия „улья“, потому что собирали мед только диких пчел из дуплистых деревьев и не существовало искусственных ульев.

червяк: скр. křmih, н.-перс. kirm, лит. kirmis, ирл. cruim, валл. gryf и лат. ueremis, др.-в.-нем. wurm, гр. ῥόμος.

Эти имена, как общее правило, подобно названиям родства, не могут быть сведены к глагольным корням.

Названия растений еще реже, чем названия животных, имеют этимологию, и даже те из них, которые восходят к индоевропейскому, обычно встречаются в меньшем количестве языков. Любопытно, что „лес“ не имеет названия, которое с достоверностью могло бы быть признано индоевропейским. Сохранившиеся слова представляют названия предметов повседневного употребления; итак, имеются следующие названия:

дерево [(материал): хет. taru „дерево“, скр. dāru „дерево“, dārvih „ложка“; гр. δῶρον „дерево, древко копья, копье“, δένδρον

„дерево“ (с интенсивным удвоением, см. стр. 196 и след.), др.-сл. *дрѣво* (множественное собирательное *дрѣва*), лит. *dervà* „еловое дерево“, галльск. *dervo-*, брет. *derv* „дуб“; гот. *triu* „дерево“; др.-ирл. *daug* „дуб“ и т. д.

Некоторые деревья имеют древние названия, обычно женского рода (см. стр. 346); так, например:

бук: лат. *fāgus*, др.-исл. *bók*, др.-в.-нем. *buohha*; гр. *φηγός* (дор. *φᾶγός*) — слово женского рода на *-о-, как и соответствующее латинское — обозначает вид дуба.

береза: скр. *bhūrjāh*, лит. *bėržas* и др.-сл. *врѣза* (русск. *берѣза*), др.-в.-нем. *birihha*, др.-исл. *birrk*; индоевропейское слово было основой женского рода на *-о- (см. стр. 292), которое нигде непосредственно не сохранилось, потому что было заменено мужским родом на *-о-, как в санскритском и литовском, и женским родом на -ḗ-, как в германском и славянском; ср. лат. *fraxinus* и *farnus* „ясень“.

ива: ав. *vaēitiš* (н.-перс. *bēd*), др.-прусс. *witwan*, гр. (*F*) *ἰτέζ*, др.-в.-нем. *wīda*; в действительности здесь имеется в виду гибкая ветвь, которая может получать весьма разнообразное применение, и это значение „гибкой ветви“ мы находим в скр. *vetasāh* „бамбук“, др.-сл. *вѣтвь*, *вѣтвьк*, лит. *vūtis*, ирл. *fēith* „связка, веревка“ и т. д.; слово это принадлежит к корню скр. *vāyati* „плетет, ткет“, лит. *vejū* „вью (веревку)“, лат. *uīere* „плести“, *uītis* „виноградная лоза“ и т. д. Особое название для „ивы“ мы встречаем в лат. *salix*, др.-ирл. *sail* (род. п. *sailech*), др.-в.-нем. *salaha*.

дуб: др.-в.-нем. *foha* „сосна“, лат. *quercus* (из **perkʷus*, как *quinque* „пять“ из **penkʷe*) и др.-в.-нем. *eih*, др.-англ. *ác*, ср. лат. *aesculus*(?), гр. *αἰγίλωψ* „род дуба“(?). Есть общеиндоевропейское название „желудя“ **gʷel-*, известное по производным: лат. *glans*, гр. *βάλανος*, лит. *gilė*, др.-сл. *желѣдъ*, арм. *kaḥin*.

Существование названий нескольких злаков согласуется с наличием корня, обозначающего „пахать“ (ср. стр. 388), и иных терминов, относящихся к земледелию: скр. *yāvāh*, ав. *yavō* обозначают различные хлебные растения, и в особенности „ячмень“; точно так же лит. *javai* значит „зерновой хлеб“, гом. *ζεαί* обозначает сорт крупы, ирл. *eoḡna* „ячмень“; кроме того, „ячмень“ имеет свое особое название в гр. *κρέι*, *κρεῖθή*, др.-в.-нем. *gersta*, лат. *hordeum*, арм. *gari* (формы, которые трудно свести к одному общему типу). Слова подобного рода меняют свое значение с изменением культур; например, гр. *πυροί* и лит. *pūgai* обозначают „пшеницу“, но др.-сл. *пыро* переводит гр. *ὄλυρα* „полба“ и *κέχυρος* „просо“. Суще-

ствоваши, следовательно, культурные знаки, но лингвистика не дает возможности определить, какие именно. Слово для обозначения „соломы“: скр. palāvaḥ, др.-сл. plъka, др.-прус. pelwo, лит. pelaĩ, лат. palea. Название „зерна“ (др.-сл. зръно, др.-прус. syrne, гот. kairn, др.-ирл. grān, лат. grānum) засвидетельствовано только в языках, знающих корень *sē- „сеять“ (др.-сл. сѣти, лит. sėti, гот. saian; др.-ирл. sīl „посев“, лат. sēmen „семя“) и не существует ни в индо-иранском, ни в армянском, ни в греческом. Это те же языки, в которых есть название „яблока“ и „яблони“, повидимому, заимствованное у какого-то не-индоевропейского языка Европы: др.-сл. ябълко, лит. óbūlas „яблоко“, obelis „яблоня“, др.-в.-нем. arful „яблоко“, др.-ирл. aball „яблоко“; Abella в Кампании (области оскского языка) была „городом яблок“, недаром Вергилий называет ее malifera „яблоконосная“; название „яблока“, распространенное в северных и западных диалектах, в Италии было вытеснено словом, в дорийском диалекте известным в виде μάλον (откуда лат. mālum), заимствованным из неизвестного языка; это слово обозначало культивируемое яблоко; здесь обнаруживается результат появления средиземноморской и эллинской цивилизации на месте северноевропейской, которая была первоначально и культурой латинов и оско-умбрийцев.

„Соль“, особенно необходимая при растительной пище, имеет свое название: лат. sal (род. п. salis), умбр. s a l u (вин. п.), ирл. salann, гот. salt, др.-прус. sal, латышск. sāls, арм. ał и ałtkh, гр. ἄλς, тох. В sālyi; этого названия нет в индо-иранском, где нет также индоевропейского корня, обозначающего „пахать“ (см. стр. 388).

Смысловая неопределенность и малочисленность засвидетельствованных названий растений составляют резкий контраст с определенностью значения и обилием терминов для животных; отсюда можно сделать вывод, что „мясо“ диких и домашних животных (скр. māmsām, др.-сл. maso, арм. mis, гот. mims, тох. В misa) составляло вместе с молоком (названия которого, употреблявшиеся, вероятно, преимущественно женщинами, имеют различные формы, хотя отчасти и родственные друг другу) важнейшую часть пищи индоевропейцев; лат. iūs, скр. уй̄ḥ, лит. jūšė, др.-сл. юхъ обозначают похлебку из мяса. Слово, отражающееся в скр. sargīḥ „масло“, алб. g'ałre, др.-англ. sēalf, др.-в.-нем. salba, гр. ἔλπος (толкуемое как ἔλαιον, στέαρ, Гесихий) (ср. ὄλη „бутылка для масла“) обозначало в индоевропейском род „масла“; и ав. гаоупэт, н.-перс. гōуап „масло“ нельзя отделить от ср.-в.-нем. roum „сливки“ (нем. rahm), др.-англ. géam, др.-исл. gíöme.

В. НАЗВАНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ РЕЛИГИИ

Если оставить в стороне небесные светила, как солнце, луну, или явления природы, как заря, гром, огонь и т. д., которые под своими именами обожествлялись в древней Индии и древней Греции, то мы не найдем ни одного общеиндоевропейского названия божества: вед. *Indraṅ* не имеет соответствий вне индо-иранских языков, а гр. *Ἀπόλλων* не имеет соответствий вне греческого. Некоторые на первый взгляд заманчивые сближения, как, например, вед. *Gandharvāḥ*, ав. *Gandarəwō*, с гр. *Κένταυρος* или вед. *Saṅguyā* с гр. *Ἑρμῆς*, не идут далее двух языков, что делает их сомнительными, и сверх того не выдерживают строгой фонетической критики; так, по поводу *Gandharvāḥ* и *Κένταυρος* можно заметить: 1) что место тона различно; 2) что индо-иранск. *g* не соответствует гр. *x*; 3) что первое *a* в слове *Gandharvāḥ* может отражать первоначальное **a* или **o*, но не **e*, так как иначе в начале должно было бы быть *j*, а не *g*; 4) что скр. *dh* не соответствует гр. *τ*; 5) что скр. *-agvaḥ* не соответствует гр. *-χυρος*; поэтому, если даже и возможно сближать миф о Гандарвах с мифом о Кентаврах (что, однакоже, не очевидно), все же мы не имеем права сближать имена. — Нет ни одного общего нескольким языкам слова, которое бы обозначало жертвоприношение или какой-либо обряд.

Но название „бога“ сохранилось в ряде языков: скр. *devāḥ* (ав. *daēvō* „демон“), лит. *dēvas*, др.-прус. *deiwan* (вин. п.), др.-исл. *tívar* „боги“, гальск. *dēvo-*, др.-ирл. *día*, лат. *deus* (род. п. *dīci*), оск. *deivaí* „богини“; отсюда произведено прилагательное: скр. *divyāḥ* „божественный“, гр. *δῖος* (из **di-fuos*), лат. *dīus*, ирл. *dēa*. Но это слово нельзя отделять от названия дня, светлого неба, которое часто обожествлялось: скр. *dyáuḥ* „небо, день“, гр. *Ζεὺς*, род. п. *Διός*, лат. *Iuppiter* (= умбр. *Iupater*, гр. *Ζεῦ πάτερ* „о небо-отец!“; „отец-небо“, вед. *pitā dyáuḥ*, противопоставляется „матери-земле“, вед. *mātā pṛthivī*, например в „Ригведе“, I, 89, 4), лат. *Iovis* (род. п.) и *dīes* „день“, оск. род. п. *Iúveis*, дат. п. *Djúveí*, *Iúveí*, др.-в.-нем. *Zio*, арм. *tiw* „день“. Люди называются смертными и земными, боги — бессмертными и небесными; это противопоставление выражается в именовании людей то „смертными“: скр. *mártaḥ* „смертный, человек“, гр. *μῆρτός* (толкуемое Гесихием как *ἄνθρωπος* „человек“, „смертный“, *θνητός*) и гом. *βροτός*, др.-перс. *martiya* „человек“, арм. *mart*, „человек“, то „земными“ (гр. *ἐπιχθόνιοι*, Гомер, *ἄ*, 479): лат. *homō*, гот. *guma*, ирл. *duine*, лит. *žmogùs* (ср. лит. *žemė* „земля“ и т. д., см. стр. 266); эти выражения так широко распространились, что ста-

рое название „человека“ (скр. *mānuṣ* и *mānūṣaḥ*, др.-сл. мжжь, гот. *mann* [род. п. *mans*]) в большинстве языков исчезло. Боги — богаты и раздают богатства (δουτῆρας ἐάων); отсюда собственное имя ведийского бога *Bhāgaḥ* (буквально „наделитель“ или „хорошо наделенный, богатый“) и нарицательное имя др.-перс. *bagā* „бог“, др.-сл. *богъ* (ср. др.-сл. *оу-богъ, богать*); совпадение иранского и славянского, повидимому, не случайно, так как есть другие слова, касающиеся религии, которые совпадают в этих двух языках, а именно ав. *srəntō* = др.-сл. *святъ*, лит. *šventas* „святой“ и ав. *sravō* = др.-сл. *слово* (тогда как скр. *ṣrávaḥ* и гр. *κλέ(f)ος* значат „слава“, как др.-сл. *слава*, лит. *šlovė*) и, по крайней мере, в этих двух случаях предположение о заимствовании славянским из иранского, которое возможно было бы поддерживать по отношению к слову сл. *богъ*, вовсе исключено.

Индо-иранские и итало-кельтские языки представляют здесь много лексических совпадений, из которых самое замечательное это скр. *ṣrād dadhāti* „верит“, *ṣraddhā* „вера“, лат. *credō* (перфект *credidī*), др.-ирл. *cretim* (читай: *kredim*) „верю“. Замечательно, что лат. *lēx* (род. п. *lēgis*) „закон“ находит себе точное соответствие в вед. *tāj-āp-i* „правильный“, ав. *gāz-ap*, а др.-лат. *iūs* (лат. класс. *iūs*) „право“ — в вед. *uóh*, ав. *uaos* (религиозное слово темного значения). Ввиду этого ничего нельзя возразить против сближения скр. *brahmān-* „жрец (индийский)“ и лат. *flāmen* „жрец (римский)“; но утверждение этого было бы произвольным. Во всяком случае название жреца вед. *prābharta* (основа *prābhartar-*) и ав. *frabarəta* (букв. „приноситель“) находит себе любопытную параллель в умбр. *arsfertur* „жрец“. Устойчивость древних терминов религиозной и юридической лексики в индо-иранском и в итало-кельтском, повидимому, объясняется тем, что жреческие коллегии, составлявшие замкнутые группы, сохранились на территориях распространения этих языков, и только на них.

Нигде лексики индоевропейских языков не расходятся так разительно, как в терминах, касающихся религии, вероятно, потому, что у каждого племени были свои особые культы; нигде мы не встречаем столь мало достоверных сближений, а потому индоевропейская лингвистика может дать сравнительной мифологии мало надежных данных.

Г. О НАЗВАНИЯХ НЕКОТОРЫХ ВЕЩЕЙ

Названия вещей подвержены изменениям. Как только торговля или подражание соседям вводят новую форму вещи или новое

усовершенствование, новые слова, либо иностранные, либо туземные, входят в употребление и заменяют старые, так что с течением времени названия одинаковых предметов, имеющих одно и то же назначение, оказываются различными в языках, вообще довольно сходных между собою. Этим, между прочим, объясняется, почему гончарные термины столь различны в разных языках; самое большее, что мы можем установить, это общность корневого элемента в скр. *saṅh* „сосуд“, др.-исл. *huegr* „чашка“, ирл. *coige* и валл. *raig* „сосуд“, др.-сл. *уѣра*. Этим объясняется и то, что ни одно известное название одежды не восходит к общиндоевропейскому, хотя и существуют общие корни, значащие „надевать“, как в лат. *ind-uō* „надеваю“, ех-иō „раздеваю“ или в гом. (f)έσται, скр. *vāste* „одевается“.

„Топор“ был известен; и все же названия его различны почти в каждом языке. Корень вед. *tāṣṭi* „строит, тешет“ дал др.-сл. *тѣсла*, др.-в.-нем. *dehsala*, др.-ирл. *tāl*; корень лат. *secō* „режу“, др.-сл. *сѣкъ* дал лат. *secūris* и др.-сл. *сѣкъра*; гот. *aqizi* напоминает гр. *ἀξίς* и лат. *ascia*, хотя трудно все эти три формы свести к одному общему оригиналу; скр. *svādhitih* имеет отдаленное сходство с лит. *vedegà*, др.-прусс. *wedigo*; самое разительное сходство наблюдается в скр. *paṅaṣūh* и гр. *πέλεκυς*, но это слово, столь неиндоевропейского вида, является, повидимому, очень древним заимствованием; с ним сближают ассирийское *pilakku* „топор“. Ни одно из названий „топора“ не встречается более чем в трех языках.

Название „колеса“ в западных диалектах: лат. *rota*, др.-ирл. *roth*, др.-в.-нем. *rad*, лит. *rātas* не встречается ни в славянском, ни в армянском, ни в греческом; а в индо-иранском соответствующее слово скр. *gáthaḥ*, ав. *gaḥō* значит „повозка“: оба значения независимо одно от другого восходят к корню **reth-* „бежать“: др.-ирл. *rethim* „бегу“, [лит. *gītū* „качусь“. [Скр. *saktām*, ав. *śaxra-*, др.-англ. *hweoh*], гр. *κόλος* и, в форме без удвоения, др.-прусс. *kelan*, др.-исл. *huel* (а также др.-сл. *коло* с измененной огласовкой по образцу форм мужского рода) обозначали круглый катящийся предмет — гр. *κόλος* значит еще „круг“ — и были использованы для именованья „колеса“ (имен.-вин. мн. ср. р. др.-сл. *кола* значит „повозка“); корень в нем тот же, что и в скр. *sāṅati* „вращается“, ср. гом. *περιπλομένων* и *περιτελλομένων ἐνιαυτῶν* „в круговороте лет“, *ἀμφίπολος* „прислужник“ (буквально „ходящий вокруг, ухаживающий“; ср. др.-лат. *ap-culāre* „служить“ и лат. *ancilla* „служанка“), гр. *πόλος* „ось“ и лат. *colus* „прялка“. Гр. *τροχός* и ирл. *droch* „колесо“ тоже родственны гр. *τρέχω* „бегу“, будущее вр. *τρέξομαι*.

Таким образом, названия „колеса“ довольно разнообразны. Наоборот, „ось“ всюду обозначается основою *aks-, распространенною различными вторичными суффиксами: скр. ákṣaḥ, гр. ἄξων, др.-в.-нем. ahsa; др.-исл. oxoll; др.-сл. ось, лит. ašis, валл. eshel (из *aksi-la), лат. axis. Одно и то же название служит для обозначения „пула“ и „ступицы“ колеса: скр. pábhīh (и pábhuam), др.-прусс. pavis, др.-в.-нем. paва (наряду с pavalō „пуп“). Корень *weg₁h- „ехать“ был отмечен выше, на стр. 387.

„Судно“ называется скр. náuḥ (вин. п. návam), н.-перс. nāv (др.-перс. nāviyā „флотилия“), арм. naw, гр. ναῦς (вин. п. гом. νῆα, ион. νῆα), лат. nāuis (по образцу вин. пад. nāuem), ирл. nau, др.-исл. þór. „Корма“ также имеет свое название: др.-сл. крѣма, гр. πρῶμυ. Корень, выражающий понятие „грести, гребец, весло“, был отмечен выше, на стр. 388.

Есть одно название металла, засвидетельствованное соответствиями трех отдаленных друг от друга языков — индо-иранского, германского и латинского: скр. áyaḥ, ав. ауō „бронза (?), железо“, гот. aiz, др.-в.-нем. ēg, др.-исл. eigr, лат. aes „бронза“; трудно сказать, было ли это названием „меди“ или уже „бронзы“. Это слово, либо индоевропейское, либо распространившееся тогда, когда индоевропейские языки еще соприкасались между собою, отсутствует в прочих языках семьи, в которых имеются новые названия, различные по языкам. Укажем еще на скр. lohāḥ „медь, железо“, н.-перс. gōi „медь“, др.-сл. роуда и др.-исл. gauri, лат. gaudus „руда“.

Названия драгоценных металлов заметно различаются по форме в разных языках, но родство их несомненно. Для „золота“, употребление которого, как показала археология, столь же древне или еще древнее использования меди, гот. gulþ (др.-в.-нем. gold), латышск. zelts и др.-сл. злато (русск. золото, польское złoto) имеют общий корень с тремя различными степенями огласовки: нуль, *е и *о; скр. híraṇyam = ав. zaṛaṇim имеют тот же корень, но иные суффиксы; но гр. χρῦσός; заимствовано, быть может, из финикийского; лат. aurum, др.-прусс. ausin (и лит. áuksas), тох. A wās не ясны. Что касается „серебра“, древнее использование которого тоже засвидетельствовано, но реже, скр. gajatām и ав. эгэ-затэм (др.-перс. ardatam) различаются огласовкой корня, лат. argentum, ирл. argat, корн. argant, с одной стороны, и арм. argath, с другой, имеют одинаковую огласовку корня, засвидетельствованного в индо-иранском, но не вполне совпадающие суффиксы; еще более отличается суффикс гр. ἄργυρος; в германском, балтий-

ском и славянском для обозначения серебра оказываются совершенно другие слова, родственные между собою, но, повидимому, заимствованные в очень давнее время, неизвестно, из какого языка.

Каждое из этих названий „меди“, „золота“ и „серебра“ встречается в нескольких индоевропейских языках: но каждое отсутствует в большинстве языковых групп, и нет доказательств того, чтобы обозначаемые этими названиями предметы были широко распространены уже в общиндоевропейский период. „Индоевропейская“ эпоха в той — точно неопределимой — области, где говорили на общиндоевропейском, совпадает, повидимому, с концом периода полированного камня и началом периода меди и бронзы; следовательно, разделение индоевропейских племен произошло приблизительно в течение третьего тысячелетия до хр. эры.

„Железо“, несомненно, не было известно: названия его различны в разных языках; нет общего индо-иранского имени, отчасти, конечно, потому, что скр. *áyah* и ав. *ayō*, древние названия „меди“ или „бронзы“, были перенесены на „железо“; лат. *ferrum* и гр. *σίδηρος* стоят особняком; если в германском, гот. *eiþarn*, др.-исл. *ísarn*, др.-в.-нем. *Isarn*, и в кельтском, др.-ирл. *íarn*, валл. *haiarn*, мы находим одно и то же слово, то это происходит оттого, что развитие употребления железа имело место в то время, когда народы кельтских и германских языков имели общую культуру; славянский и балтийский, по той же, повидимому, причине, имеют одно название, почти полностью совпадающее: др.-сл. *жѣлѣзо*, лит. *geležis*, др.-прусс. *gelso* (сопоставление с гр. *χαλκός* „бронза“ — висит в воздухе). Поздний характер названий „железа“ вполне согласуется с тем, чего мы могли бы ожидать на основании данных археологии.

Д. ЧАСТИ ТЕЛА

Многие из названий частей тела относятся к числу тех, которые, согласно древнему индоевропейскому употреблению, представляют изменения суффиксов в склонении, что влечет за собою изменения огласовки элемента, предшествующего суффиксу; выше, на стр. 319 и сл., мы уже познакомились с названиями „колена“ „уха“, „печени“, „крови“.

Среди этих названий есть большое число основ с нулевым суффиксом. Название „ноги“ было указано на стр. 266, название „сердца“ там же (ср. стр. 190); но часто эти основы с нулевым суффиксом бывают распространены при помощи различных вто-

ричных суффиксов; так, мы имеем скр. *hṛdayam*, ав. *zəgədaēm* наряду с скр. *hṛd-*, гат. *zəgəd-*, и-перс. *dil* „сердце“; гр. *καρδίᾱ*, гом. *καρδίη* и др.-ирл. *críde* наряду с гр. *κῆρ* и лат. *cor* (им.-вин. мн. *corda*), др.-пруц. *seyr*, *siran-*; хет. *kardi-*, лит. *širdis*, др.-сл. срѣдѣцѣ, арм. *sirt* (твор. ед. *stri-w*) представляют распространение основы суффиксом *-ei-, которое мы находим в им.-вин. п. скр. *hārdi* от основы *hṛd-*; германский во всем склонении провел суффикс *-en-; так, гот. *hairto* (род. п. *hairtins*). Общий прием распространения основ, принципы которого указаны выше, на стр. 268, привел к тому, что названия частей тела сильно отличаются в различных языках даже в таких случаях, когда в сущности мы имеем дело с одинаковыми наименованиями; вот несколько примеров этого явления:

гом. ὄσσε „глаза“ (им.-вин. дв. ч. ср. р.) и ὄπτα (вин. ед. м. р.); др.-сл. оун (им.-вин. дв. ч. ср. р.) = лит. *akī* „глаза“, арм. *ačkh* „глаза“; это имя представляет основу с нулевым суффиксом от корня, засвидетельствованного также глагольными формами: гр. ὄπωπα, ὄφομαι „увидел“, „увижу“, скр. *īkṣate* „смотрит“. К литовскому двойственному *akī* по аналогии было образовано единственное число: *akis*. Распространение при помощи *-es- дает славянское единств. число око (род. п. *оуѣстѣ*) и двойственное скр. *ākṣ-i* = ав. *aš-i*; распространение этой основы при помощи *-ei- в именительном-винительном единств. числа и при помощи *-er- в других падежах дает прочие санскритские формы: *ākṣi*, род. п. *akṣṇāḥ*; лат. *oculus*, беот. ὀκταλλος, тох. В *eṣane*. — Производное от сложного слова с тематической формой или с суффиксом *-ā- встречается в скр. *āṇikam*, гр. ἐνωπία (и ἐνώπιον), др.-ирл. *enepch*, валл. *enep* „лицо“ и в скр. *prāṭikam*, гр. πρόσωπον „лицо“.

ав. *uš-i* (им.-вин. дв. ч. ср. р.) „уши“, др.-сл. *оуш-и* = лит. *ausi* (к которому было образовано ед. ч. *ausis*; лат. *auris* „ухо“ получено, повидимому, аналогичным путем): распространение при помощи *-es- в гр. οὖς, др.-сл. *оухо* (род. п. *оушесѣ*), др.-ирл. *au*, *ō* (род. п. *aeu*); распространение при помощи *-en- в гот. *auso* (род. п. *ausins*) и гом. οὖχτος.

лат. *os* „рот“ (род. п. *ōris*), ирл. *ā*, скр. *āsāḥ* = ав. *ānhō* „рта“ (род. п.); распространение при помощи *-en- в скр. *āsnaḥ* (род. п.); распространение при помощи *-iyo- в скр. *ās(i)yam* (им. п.). — Гр. ὄχλος „край (одежды), пола“ = лат. *ōra* „край (воды), берег“ есть производное на *-ā-; лит. *ūstas*, *ūsta* „устье“ есть производное на *-to-, *-tā-.

гом. *κέφαλον* „голова“; часто встречается форма, распространенная при помощи *-es-, в свою очередь принимающая суффиксы; таким

образом, мы имеем: скр. *çiraḥ* (род. п. *çir-ṣ-ṛ-āḥ*), ав. *saḡō*, лат. *cerebrum* (**ḱerə-s-ro-m*) „мозг“, атт.-дор. *χαρῶνον* (**ḱ⁰rə-s-no-n*), гр. *χόρη* „висок“ (**ḱorə-s-a*), др.-в.-нем. *hirni* (**ḱerə-s-n-iyo-m*).

скр. *bhrūḥ* (род. п. *bhruvāḥ*) „бровь“, др.-сл. бръва (из вин. п. **bhruw-ṛ*), др.-англ. *brū*; или с начальной гласной: гр. *ὄφρυς* (род. п. *ὄφρυ(φ)ος*), сербск. *обрва* (перешло в славянские основы на -а); мы имеем производное на *-ā- с корневой огласовкой *е в др.-в.-нем. *brāwa*, кельт. *brīva* „мост“ и производное на *-et- в ав. *brvat-*, ирл. *brūad* (род. дв. ч.), ирл. *abraít* (им. мн.).

скр. *nāsā* — ав. *nāḍha* (им.-вин. дв. ч.) „нос“ (род. дв. ч. скр. *nasóḥ*), др.-перс. *nāham* (вин. ед.) лат. *nāgēs*, лит. *nósis* (перешло в основы на *-ei-), др.-в.-нем. *nasa*, др.-англ. *posu*; тематическая форма в др.-сл. *нось*, др.-лат. *nassus* (экспрессивная форма с удвоенным *s*). — Корневая огласовка не ясна.

скр. *dāntam* (вин. ед.), *datāḥ* (род. ед.) „зуб“, лат. *dēns*, *dentum* (род. мн. у Варрона), лит. *dantų* (род. мн.), *dantis* (перешло в основы на *-ei-), гот. *tunþu*, *tunþuns* (вин. ед. и мн. ч., откуда им. ед. *tunþus*), др.-в.-нем. *zand*, др.-ирл. *dēt*: греческий язык имеет форму с начальной протетической гласной: *ὀδών* (род. п. *ὀδόντος*).

ав. *ast-* „кость“; с суффиксами *-ei- и *-en-; хет. *haštāi-*, скр. *ásthī* (им.-вин. п.), *asthnāḥ* (род. п.); с суффиксом *-es-: лат. *os* (род. п. *ossis* из **osth-s-es*); с суффиксом *-eu-: арм. *oskr* (из **osth-w-er?*), ср. лат. *ossua*; с суффиксом *-euo-: гр. *ὀστέον*.

гр. *ὄνυξ* (род. п. *ὄνυχος*) „ноготь“; лат. *unguis*; др.-ирл. *ingen*; др.-в.-нем. *pagal*; лит. *pāgas*; др.-сл. *ногѣтъ*; скр. *pakhaḥ* и *pakhām* (см. стр. 190); ни одна форма не совпадает вполне с другою.

Случается, что основа с нулевым суффиксом непосредственно не засвидетельствована, и мы имеем только производные от нее; такова основа **ḱl-* в скр. *áratniḥ* „локоть“ и „локоть (мера)“, ав. *arəḍna-* „локоть“ и *frāgāḍniš* „локоть (мера)“, др.-прусс. *woltis* „предплечье“ и *woaltis* „локоть (мера)“ — гр. *ὀλένη* „локоть“, лат. *ulna* (с выпадением краткой гласной *ḱ* между *l* и *n*), др.-ирл. *uile* (род. п. *uilen*), валл. *elin*, гот. *aleina*, др.-в.-нем. *elina* — лит. *alkūné* „локоть“, *ūlektis* „локоть (мера)“, др.-сл. *лакѣтъ*, гр. *ἄλαξ* „предплечье“ (глосса) и *ὀλέκρῶνον*, *ὀλέκρῶνον* „локоть“, лат. *lacertus*. — Другой пример: гр. *χορδή* „кишка“ (из **ghorə-dā*, со вторичным суффиксом *-*dā*); лит. *žarna* „кишка“, др.-исл. *gǫgn* (мн. ч. *garnar*), алб. *zoḱe*; лат. *haru-(s)peh*; скр. *hirā* „вена“.

Некоторые имена, хотя и имеют некоторое сходство, но все же настолько различаются между собою, что невозможно установить общий прототип. В названиях „языка“ есть внутри слова общий

арм. *beran* „рот“, лит. *burnà* — скр. *óṣṭhaṅ* „губа“, ав. *aošta* и *aoštra* „губы“, др.-сл. *оуста* (им.-вин. мн. ср. р.) и *оустьна* „губа“, др.-прус. *austa* и *austin* „рот“ — лат. *labium* и *labrum* „губа“, др.-англ. *lipra* „губа“ — и т. д.

Е. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Довольно значительное число прилагательных несомненно индоевропейского происхождения; большинство из них обозначает такие общие представления, как „новый“ и „древний“, „молодой“ и „старый“, и не дают никаких сведений относительно культуры.

Отметим некоторые названия цветов:

„красный“: лат. *ruber*, гр. *έρυθρός*, др.-сл. *ръдръ* (*рьдръ*), скр. *rudhiráh*, тох. *B ratrem* и лит. *raiðas*, сербск. *рӯд*, гот. *rauþs*, ирл. *gúad*, лат. диал. *gūfus*, *gōbus*.

„желтый“ и „зеленый“: формы в значительной степени запутанные, так как нет возможности различить начальные *gh* и **gʰh*, между собою перепутавшиеся; отметим между прочим: скр. *háriḥ*, *háritaḥ* „желтый“, ав. *zairitō* „желтый“, др.-сл. *зелень* и лит. *zālias* „зеленый“, др.-сл. *жальть* и лит. *geĩtas* „желтый“, др.-в.-н. *gelo* „желтый“, лат. *flāuos* и *fuluos*. К этой же группе относится название „зелени“: др.-сл. *зелык*, лат. (*h*)*olus*, гр. *χλόη* и т. д., а также название „желчи“: гр. *χόλος*, др.-в.-нем. *galla*, др.-сл. *жальць*, с одной стороны, и лат. *fei*, др.-сл. *жальць* — с другой. Слова этой группы многочисленны и разнообразны.

„серый, бледный“: скр. *raítáḥ* „серый“ (жен. р. *rálikni*), н.-перс. *pr̥g* „седой, старый“ (др.-иран. **raua-*), гр. *πελιός*, *πλιός* „серый“, арм. *alikh* „волны“ и „седые волосы“, лат. *palleō* „бледнею“. Суффикс **-we/o-* мы встречаем в др.-сл. *пальць* „белый“, лит. *raĩvas* „бледножелтый“, др.-в.-нем. *falo* „бледный“; этот суффикс, который мы уже видели в лат. *fuluos*, *flāuos* и в др.-в.-нем. *gelo*, часто встречается в прилагательных, обозначающих цвета; ср., например, скр. *суāváḥ* „темный“, др.-сл. *снвь* „серый“.

Прилагательные, обозначающие телесные недостатки, вообще имеют незначительное распространение, и форма их часто представляет неправильный тип в индоевропейском. Так, прилагательное лат. *caecus* „слепой“, др.-ирл. *caech* и гот. *haihs* „кривой“ („видящий одним глазом“) имеет **a* в корневом элементе и не встречается нигде, кроме указанных трех западных языков; даже значение не вполне совпадает и в этих трех языках.

Имеется прилагательное архаичной формы со значением „большой“; склоняется оно в ведийском: вин. ед. *таhá-т* (см. стр. 190),

им.-вин. ед. ср. р. máhi, род.-отлож. ед. mah-áh (ср. хет. meki-; гат. mazā); гр. μέγας, μέγαν, μέγα; др.-исл. miqk; арм. мес (твор. ед. меса-w); это склонение основы *megā-, *megō-, *meg- (перед гласной) заменено было, повидимому, производными образованиями, среди которых надо отметить гот. mikils и такие формы, как гр. μεγάλοι „большие“, дополняющие в греческом языке склонение μέγας. В латинском производное magnus.

В значении „малый“ нет столь же архаичного слова; скр. ārañ „малый“ напоминает лит. aīpti „ослабляться“; но это не есть древнее слово, значащее „малый“, подобно тому как μέγας и т. д. значит „большой“; слово это не было словом высокого стиля; оно не встречается в „Ригведе“, и наличие в нем фонемы l указывает, что оно не принадлежало к говорам северо-западной Индии, не различавшим г и l.

Ж. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Нормальная индоевропейская система счисления — система десятичная; для первых десяти чисел существует десять особых названий; далее счет идет по десяткам и т. д., а промежутки заполняются единицами, как у нас *двадцать пять, тридцать восемь* и т. д., наконец, есть особое слово для „ста“. — Порядковые числительные образуются от количественных при помощи вторичных суффиксов с некоторыми изменениями в гласных (см. стр. 287).

Названия единиц представляют три группы:

а) „Один“:

Индоевропейское прилагательное *sem- сохранилось в гр. εἷς „один“, εἷν „одно“ (при женском р. μία), тох. В seme, арм. mi (со словопроизводственным суффиксом *-iyc-) и, кроме того, в составе сложных слов, как, например, скр. sakñt „один раз“, лат. sim-plex „простой“, ср. гр. ἅ-πλᾶς „один раз“, ἅ-πλῶς „простой“ и т. д. Оно часто замещается производным от слова *oi-, которое, как это явствует из гом. οἶ(f)ος, обычно значило „единственный“: др.-перс. aiva, [ав. aēvō; лат. ūnus (из oīnos), др.-ирл. óen, гот. ains, др.-прусс. aīnan (вин. п.), гр. οἷνῆ („одно очко“ в игре в кости). — Порядковое числительное „первый“ произведено от корня гр. πέρ-, πᾶρος, πρῶ и т. д., т. е. от слова со значением „передний“: скр. pūrv(i)yañ, др.-сл. пръвьин, тох. В. paṛwe „сперва“ (?) — гр. πρῶτος — лит. pirmas — лат. primus — скр. prathamāñ и т. д. — В значении „первый“ по отношению только к одному предмету употребляется производное на *-tero-, *-tro-: гр. πρότερος, ав. fratarō

„первый из двух“ и с огласовкой, повидимому, более приближающейся к индоевропейскому типу, др.-в.-нем. *fordago*.

б) „Два“, „три“ и „четыре“:

Эти три числительных, по согласному свидетельству индо-иранского, армянского, балтийского, славянского, кельтского и греческого, склоняются и имеют особые формы для каждого рода; следовательно, носят характер прилагательных.

„Два“: муж. р. вед. *d(u)vā́*, *d(u)vāu*, ав. *d(u)va*, др.-сл. дѣва, гом. *δύω* (гр. *δύο*), арм. *erku*, лат. *duo*, др.-ирл. *dau*, *dā*; жен. р.: скр. *d(u)vé*, ав. *duvē*, др.-сл. д(ъ)вѣ, лит. *dvī*, лат. *duae*, др.-ирл. *dí*; средн. р.: скр. *d(u)vé*, др.-сл. д(ь)вѣ. В сложении употребляется форма **dwi-* (с **w*, а не **uw*): скр. *dvī-rāt*, гр. *δί-πους*, лат. *bi-pēs*, др.-англ. *twi-fēte*, ср. лит. *dvī-kójis* „двуногий“, арм. *erkeam* „двулеггий“ (**erki-am*). В значении „дважды“ употребляется: скр. *dvīh*, ав. *biš* (с *b-* из **dw-*, как в латинском), гр. *δῖς*, лат. *bis*. — Есть еще слово, означающее „оба“, которое склоняется, как **duwō(u)*; но его начало различно в разных языках: скр. *ubháu*, *ubhé*, гат. жен. р. *ubē*; др.-сл. оба, овѣ, лит. *abù*, *abi*; гр. *ἄμφω*, лат. *ambō*, тох. *A āmpī*; гот. *bai*. — Собирательная форма: скр. *dvaya-*, *ubháya-*, гр. *δωοί* (из **dwoiyo*s, следовательно, с удвоенным *y*), др.-сл. дѣвон, огон, лит. *dveji*, *abeji* и лат. *binī* (ср. лит. *dvynū*, „близнецы“), др.-исл. *tuennr*, гот. *tweihnai*. — В значении порядкового числительного используется либо форма слова „другой“ с суффиксом **-tero-*, **-tro-*: гот. *anþar*, лит. *añtras*, др.-сл. вѣторъ (см. стр. 282), лат. *alter*, либо вторичное производное от количественного: скр. *dvitīyaḥ* „второй“, ав. *bit(i)uō*, либо иные слова.

„Три“: муж. р. скр. *trāyaḥ*, гр. *τρεῖς*, др.-сл. трѣк, арм. *erekh*, лат. *trēs*, гот. (вин. п.) *þrins*, др.-ирл. *trī*, тох. *A tri*, *B traīy* и т. д.; ср. р.: вед. *trī*, др.-сл. три, гр. *τρία*, лат. *tria*; древний женский род сохранился только в индо-иранском и кельтском: скр. *tisráh*, ав. *tīsarō*, др.-ирл. *teoír*, ср.-валл. *teir*. Собирательная форма: скр. *traya-*, др.-сл. трои, лит. *treji* и лат. *trīni*, *ternī*, др.-исл. *þrennr*. — „Трижды“: скр. *trīh*, ав. *ðriš*, гр. *τρίς*. — Ав. *ðrit(i)uō*, гр. *τρίτος*, тох. *A trit*, *B trite*, арм. *eḡir* сохраняют **i* количественного числительного; но есть порядковые числительные, где этого **i* нет: скр. *tṛtīyaḥ*, др.-прус. *tirtis*, с **tṛ-*, и лит. *trėčias*, др.-сл. третин с **tre-*; формы других языков более или менее двусмысленны.

„Четыре“: муж. р. скр. *catvāraḥ*, вин. п. *catūraḥ*; дор. *téttores*, атт. *téttares*, беот. *πέτταres*; др.-сл. четыре; арм. *çorkh*; др.-ирл. *cethir*, валл. *pedwar*, лат. *quattuor* (ставшее неизменяемым; относительно а см. стр. 127); жен. р.: скр. *cátasrah*, ав. *čatañrō*, др.-

ирл. *cetheora*, валл. *pedair*; тох. А *çtwar*, В *çtwār*, *çtwer*. Собира-
 тельная форма: скр. *catvarām* „четыреугольное место“, др.-сл.
 четвори, лит. *ketveri* и лат. *quaterni*. — „Четыре раза“: скр. *catūh*,
 ав. *šadruš*, лат. *quater*. — Порядковое числительное имеет довольно
 различные формы: в первом слоге первоначально была нулевая
 ступень огласовки (см. стр. 287): скр. *turīyaḥ*, ав. *tūriyō* (ср. ав.
ā-xtūiriṃ „в четвертый раз“), гр. *τῆρτο-* в *τῆρτη-μόριον* „четверть“,
 лат. пренестинское *Quorta* (лат. *quartus*, по аналогии с *quattuor*);
 почти во всех языках позднее было восстановлено *e: скр. *catu-*
thāh, гр. *τέταρτος*, др.-сл. *четвертъь*, лит. *ketviŕtas*.

в) От „пяти“ до „десяти“:

От „пяти“, представляющего число пальцев одной руки, до
 „десяти“, представляющего число пальцев обеих рук, мы имеем
 новый ряд слов, несклоняемых (это напоминает первые части
 сложения) и не различающих рода; порядковое числительное обра-
 зуется на *-e/o- или на *-te/o-:

„пять“: скр. *pañca*, арм. *hing* (ср. *hngē-tasan* „пятнадцать“), гр.
πέυτε, лат. *quinque*, др.-ирл. *cōic*, гот. *fimf*, тох. А *pañā*, В *piš*,
piç. — Порядковое: гр. *πέυλτος*, лат. *quintus*, др.-в.-нем. *fimfto*, лит.
penktas, др.-сл. *пятьь*, тох. А *pañt*, В *piṅkce*; огласовка нулевой
 ступени др.-в.-нем. *funfto* (у Ноткера) отражает индоевропейское
 состояние, которое в прочих языках было изменено под
 влиянием количественного числительного (ср. выше форму
 „четвертого“).

„шесть“: скр. *ṣaṭ*, ав. *xšvaš*, арм. *veç*, гр. *(f)έξ (ἕξ)*, лат. *sex*, др.-
 сакс. *sehs*, др.-ирл. *sē*, валл. *chwech*, тох. А *ṣak*. — Порядковое:
 скр. *ṣaṣṭhāh*, гр. *ἕκτος*, лат. *sextus*, др.-в.-нем. *sehto*, лит. *šėštas*,
 др.-прус. *uschts* (с древней нулевой ступенью огласовки элемента
 перед суффиксом), др.-сл. *шестьь*. Относительно начала *sw-, *s-,
 *w- см. стр. 189.

„семь“: вед. *saptā*, арм. *ewthn*, гр. *ἑπτά*, лат. *septem*, др.-ирл.
secht n-, тох. А *ṣpat*. — Порядковое: скр. *saptamāh*, лат. *septimus*,
 лит. *sėkmas* и, со звонкою, др.-сл. *сѣдмьь*, гр. *ἑβδομος*.

„восемь“: вед. *aṣṭā*, *aṣṭāu* (где *ṣt* произошло из *kṭ), арм. *uth*,
 гр. *ὀκτώ*, лат. *octō*, гот. *ahtau*, др.-ирл. *ocht n-*, тох. А *okat*, В *okt*. —
 Порядковое: гр. *ὀγδο(F)ος*, лат. *octāuōs* (другие формы образованы
 по аналогии).

„девять“: скр. *pāva*, арм. *inn*, гр. *ἑννέ(F)α*, лат. *novem*, гот. *niun*,
 др.-ирл. *pōi n-*, тох. А и В *ñū*. — Порядковое: лат. *nōnus*, скр. *navat-*
māh (где -m- под влиянием аналогии), и гр. **ἑννατος* (гом. *ἑννῆτος*,
 атт. *ἑνωτος*), гот. *niunda*, др.-прус. *newints*.

„десять“: скр. *daça*, арм. *tasn*, гр. *δέκα*, лат. *decem*, гот. *taihun*, др.-ирл. *deich n.* — Порядковое: скр. *daçamāh*, лат. *decimus* и гр. *δέκατος*, гот. *taihunda*, лит. *dešimtas*, др.-сл. **ДЕСАТЬ**.

Эти шесть числительных в славянском заменены абстрактными именами: первые пять — основами на *-ь* (основы жен. р. на **-i-*): **ПЯТЬ** „пяток“ (ср. скр. *pañktih* „пяток“), **ШЕСТЬ** „шестерка“ и т. д.; а название „десяти“ — основой муж. р. на **-t-*: **ДЕСАТ-** (им. мн. **ДЕСАТЕ**); основа на **-t-* является и [в балтийском в отличие от предшествующих случаев: лит. *dešimt-*, ср. греческую основу на **-d-*: *δεκάδ-* (им. п. *δεκάς*).

От „десяти“ до „двадцати“ в большинстве языков мы встречаем соединение названий единиц с „десятью“: гр. *ἑνδεκά* „11“, *δωδεκά* „12“ и т. д.

Десятки

Десятки выражаются словами, производными от слова „десять“, с предшествующим названием каждой из единиц; это производные среднего рода с суффиксом **-t-* (ср. лит. *dešimt-* и т. д.) и с нулевой ступенью огласовки в первом слоге; таким образом, получается форма со сложным начальным сочетанием **dkmt-*, **dkomt-*, которая упрощается в **kmt-*, **komt-*; вследствие этого упрощения сложение перестало осознаваться. В германском, в балтийском и в славянском была восстановлена полная форма названия „десятка“ мужского рода: „тридцать“ — др.-сл. **ТРИ ДЕСАТИ** „три десятка“ (но ср. **ЧЕТЫРЕ ДЕСАТЕ**), лит. *trīs dešimtys*, гот. *þrins tiguns* (вин. п.), др.-в.-нем. *drizug*. В армянском, в греческом и в латинском упрощенная форма продолжала существовать, но во всеобщее употребление вошла форма имен.-вин. пад. ср. р. и под влиянием несклоняемого характера предыдущих числительных стала служить для всех падежей: „двадцать“ представляет, таким образом, старый имен.-вин. п. дв. ч.: арм. *khsan* (из **gisan*), др.-., беот. *ἑξήκτα*, лат. *uiginti*, брет. *ugent*, ав. *visaiti*, тох. В *ikam* (ср. стр. 306 и 318); следующие десятки представляют имен.-вин. п. множ. числа (т. е. собирательные, см. стр. 301), так, „30“: арм. *eresun*, гр. *τριάκοντα*, лат. *trigintā*, брет. *tregont* (ср. стр. 305 и 318). Индо-иранские и ирландский языки употребляют производные формы, склоняемые в единств. числе; так, для „30“: др.-ирл. *tri-cha* (со следующим родит. падежом), ав. *θrisat-* (им. п. *θrisas*), скр. *triṃśát-*. Склонение двойств. числа **wi-kmti* „20“ или множ. ч. **tri-kōmta* „30“ и т. д. в историческое время нигде не сохранилось.

В и.-е. *wī-kmtī „20“ *wī- есть форма, означающая „два“, которая нигде не сохранилась; она, быть может, получилась из *dwi- путем диссимиляции. Следует отметить долгую гласную и.-е. *penk*ē в: скр. pañcā-ṣat- „50“, ав. pañcā-sat-, гр. πεντήκοντα, арм. yisun (из *hingisun) „50“.

Начиная с „60“, десятки в индо-иранском выражаются абстрактными именами, как, например, скр. ṣaṣṭiḥ (по форме тоже-ственно с др.-сл. шесть „шестерка“), ав. xšvaštiš „60“, скр. navatiḥ, ав. navaitiš „90“. В греческом, начиная с „70“, десятки производятся от порядковых числительных: ἑβδομήκοντα „70“, ὀδομήκοντα „80“, латинский язык тоже имеет p̄nāgintā „90“ (и septuāgintā? „70“). В германском с „70“ начинается особый тип: гот. sibuntehund „70“, ahtautehund „80“, niuntehund „90“, др.-сакс. antsihunta „70“, antahtōda „80“, nigonda „90“. В древних германских диалектах слово, отражающее индоевропейское „сто“, приняло значение „120“, так что „100“ обозначается при помощи особого указания на то, что дело идет о десятичной сотне. Поскольку еще более ясные следы двадцатичной системы встречаются и в кельтской области, возникает вопрос, не является ли это пережитком доиндоевропейского счета.

„Сто“ выражается производным ср. р. от *dékm̥, с суффиксом *-to- и регулярным склонением: *(d)kmtó-: скр. ṣatam, ав. satəm, др.-сл. съто (см. стр. 143), лит. šimtas (перешло в муж. р. вследствие исчезновения среднего рода в литовском языке); лат. centum представляет старый имен.-вин. п. ед. ч., превратившийся в неизменяемую форму, как uiginti „20“, trigintā „30“ и т. д.; точно так же и гр. ἑκατόν (буквально „одна сотня“), гот. hund, валл. cant, тох. А kant, В kante.

Для „тысячи“ нет индоевропейского числительного в собственном смысле: отношение скр. sahasram, ав. hazavr̥am к др. гр. χίλιοι, лесб. χέλλιοι, атт. χίλιοι — не ясно; еще темнее отношение гот. þusundi, др.-в.-нем. dūsunt к др.-сл. тышита, др.-прусс. tūsimtons, лит. tūkstantis. Скр. sahasram, повидимому, родственно слову sāhaḥ „сила“, подобно тому как гот. þusundi и т. д. родственны санскритскому tavāḥ „сильный“, лит. tūlas „несколько“, др.-сл. тьма „множество“ и т. д.; в „тохарском“ название „тысячи“ — А wälts, В yaltse — явно родственно словам, обозначающим „большой“ и принадлежащим к группе др.-сл. велни „большой“; следовательно, „тысяча“ это „большое число“.

Рассмотренные выше слова принадлежат к основной части общиндоевропейской лексики. Но эта лексика, из которой нами приводились лишь отдельные примеры, включала и иные элементы, употреблявшиеся только в определенных слоях населения или в определенных условиях. У такого слова, как гр. πατήρ, лат. pater, была своя социальная и религиозная значимость; оно обозначало отца как главу; наименование πατήρ прилагается к главнейшему из божеств мужского пола (ср. лат. Iuppiter „Юпитер“ и т. п.); санскритские pitārah — это предки; латинское patrēs — это сенаторы, управляющие римским государством. Иного характера такое слово, как *atta; это вовсе не слово детского языка, соответствующее нашему папа, как иногда утверждают; это есть фамильярное обращение, с оттенком нежности, к лицу более или менее низшего общественного положения; в „Илиаде“ Ахилл и Менелай обращаются следующим образом к Фениксу: Φοῖνιξ, ἄττα γεραιέ „Феникс, о старец-отец“ (I, 607, P, 561), в „Одиссее“ Телемах говорит ἄττα не своему отцу, а Эвмею, который только δῖος ὑφ' ὀρέβος „славный свинопас“; именно: ἔσεται οὕτως, ἄττα „так будет, о отец...“ (π 31, ρ 599). У латинского слова Acca, соответствующего скр. akkā, такой же характер: Acca Lārentia, или Lārentina была кормилицей Рема и Ромула, и ей были посвящены празднества — Accalia или Lārentalia.

Судя по фактам греческого и ведийского языков, слова типа гр. ἄττα, скр. amba, akka, alla служили только для обращения; они не склонялись, и стали склоняться они лишь вторично; таково, например, склонение основ на -п- в гот. atta (род. п. attins); они заключают в себе, и в корневом и в конечном элементе, гласную *ā, не подвергаемую чередованиям; три слова, служащие в санскрите для обращения к матери, amba (повидимому, из *amma), akka и alla, были лишь впоследствии отнесены к типу на *-ā, откуда именительные падежи: ambā, akkā, allā.

Здесь мы имеем образцы просторечия с характером экспрессивности; принимая во внимание способ распространения индоевропейских языков, понятно, что нам известны преимущественно термины общей и изысканной речи; но лексика просторечия должна была играть большую роль; следы ее обнаруживаются во всех индоевропейских языках. Слова с удвоением согласной внутри, как лат. lippus „гнойливый“, гр. γύνικς „неженка“, дельф. λεχῶ, восходят к этой категории терминов, просторечных и экспрессивных. Многообразны специфические черты просторечия; мы уже указывали на использование глухих придыхательных

(см. стр. 116—117); в то время как термины общей лексики включают гласную *е, чередующуюся с *о, в словах экспрессивных и просторечных часто является гласная *а, не участвующая в чередованиях, нормально используемых индоевропейской морфологией; так, например, в названиях телесных недостатков, как лат. *claudus* „хромой“, — в прилагательных, означающих „левый“, как лат. *laeuos*, гр. *λαίος*, др.-сл. *лѣвъ*, или лат. *scaeuos*, гр. *σκαίος*, — в таких глаголах, как лат. *caedō* „бью“, *laedō* „толкаю“ и т. п. Впрочем, слова просторечные и экспрессивные характеризуются не только фонетическими особенностями. Некоторые просторечные формы получались путем префиксации к слову какой-то частицы, играющей роль первого элемента сложения. Так, наряду с лат. *os* „кость“, род. п. *ossis*, с двойным *s*, и скр. *ásthi*, *asthnāh*, с глухой придыхательной в суффиксе (ср. гр. *ὀστέον*), в славянском мы имеем *кость*, с первым элементом *k*; тот же первый элемент встречается и в латинском производном *costa* „ребро“; если гр. *βοῦς* „корова, бык“, *ὄ(φ)ις* „овца, баран“ суть названия животных, составлявших стада старейшин и вождей, то в названии более скромного животного, козы, имеется гласная *а, например в гр. *αἴζ*, арм. *аус*, а в славянском языке соответствующее слово будет *коза*, при скр. *ajá*.

Как и следовало бы ожидать, технические слова принадлежат к просторечной лексике и часто обнаруживают присущие ей особенности. Так, например, в лат. *осса* „борона“ имеется двойное *k*.

Удвоение, служащее в глаголах одним из нормальных приемов образования, в именах является одной из черт экспрессивной лексики. Так, в греческом языке уже в гомеровское время было слово *τιθήνη* „кормилица“; аттическое же слово *τιτή* обнаруживает и удвоение основы и внутреннее удвоение. От употребительного в общем языке корня **k^wel-* „крутить“ произведено было название „колеса“ с нормальной огласовкой тематических имен ср. рода типа *ἑρέων*, именно др.-пруск. *kelan*, др.-исл. *huel*; но поскольку это термин технический, то встречается и форма с удвоением: гр. *κόχλος*, вед. *sakráh*, др.-в.-нем. *hwéol*.

О РАЗВИТИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Все языки индоевропейской группы восходят к наречию, которое мы только что охарактеризовали в главных чертах. Единство языка, которое заставляют предполагать соответствия между исторически засвидетельствованными языками, мыслимо лишь в том случае, если в течение некоторого периода времени существовал соответствующий народ, представлявший некоторое единство. Народы, ставшие разными, могут сохранять один и тот же язык; но чтобы создать единство языка, необходим народ, ощущающий свое единство. Нет никаких данных для того, чтобы говорить об „индоевропейской расе“, но необходимо должен был существовать — мы не знаем точно, где и когда — „индоевропейский народ“.

Этот народ должен был быть настолько обширным, чтобы еще во времена его единства у него обнаруживались заметные диалектальные различия; единство его, следовательно, не было полным.

И в самом деле, если судить о политическом состоянии общиндоевропейского мира по тем данным, которые у нас имеются относительно населения индийского, иранского, эллинского, италийского, кельтского, германского, балтийского или славянского, в начальные периоды их истории, надо допустить, что население, говорившее на общиндоевропейском наречии, хотя и ощущало свое родство, хотя и имело общие обычаи и учреждения, хотя и способно было при случае объединяться и выступать сообща, все же не составляло единого политического целого, не подчинялось сколько-нибудь длительным образом единому вождю и не обладало никаким постоянным политическим единством. Политическое состояние древнего индоевропейского мира надо себе представлять по образу самостоятельных греческих городов, а не по образу единого ахеменидского государства.

Но самостоятельность греческих городов не препятствует единству эллинизма: эллинское единство не было никогда единством политическим, но было культурным единством. То же относится и к древнему индоевропейскому единству.

Последовательные приращения территории, занятой индоевропейскими языками, не давали возможности сохраниться единству народа, а следовательно, и единству языка. Образовались таким образом новые общие языки: индо-иранский, греческий, славянский, балтийский, германский, итало-кельтский и т. д. Так же дело обстоит и с типом хеттского языка и с типом „тохарского“, в которых уже есть признаки диалектального дробления. Каждый из этих общих языков предполагает, в свою очередь, существование народа, который, подобно „индоевропейскому народу“, в течение некоторого времени должен был ощущать свое единство. Были, следовательно, народы индо-иранский, греческий, славянский, итало-кельтский и т. д. Каждый из этих народов, обладавший своим особым общим языком, т. е. какой-то разновидностью индоевропейского языка, в свою очередь распался на отдельные народы, у которых опять образовались свои народные языки, т. е. новые формы индо-иранского, греческого, славянского, итало-кельтского и т. д.

Лингвистика не дает основания утверждать что-либо определенное относительно степени единства тех сменявшихся народов, существование которых она заставляет предполагать; но она вынуждает признать, что это единство было достаточно сильным для того, чтобы установить в каждом из них распространение одного общего языка. Но везде, где мы наблюдаем такое распространение одного общего языка, должно было существовать какое-то единство цивилизации, как это уже в историческую эпоху было в эллинском мире или в арабском мире.

Итак, сравнительная грамматика индоевропейских языков позволяет предположить существование определенных народов: „индоевропейского“ народа прежде всего, а затем народов „хеттского“, „индо-иранского“, „греческого“, „германского“ и др., носителей особых общих языков, и так далее.

Число народов, определяемое числом ныне нам известных индоевропейских языков, ничего не говорит о том, сколько их могло существовать в действительности. Во втором тысячелетии до христианской эры существовало в Малой Азии могущественное хеттское царство, но ничего не осталось от хеттского языка, кроме того, что сохранилось в недавно открытых архивах этого

царства. Кельтское завоевание распространилось на значительную часть Западной Европы и достигло даже Малой Азии, но галльский язык давно вышел из употребления, и нам едва известны кое-какие жалкие его обрывки. Некоторые народы, некогда процветавшие, в дальнейшем утрачивали свою самостоятельность, и языки их исчезли, не оставив следов. До открытий последнего времени, сделанных в Центральной Азии, никто не подозревал о существовании особого языка, а следовательно, и особого народа, обнаруженных ныне так называемыми „тохарскими“ текстами. И с другой стороны, ничто не доказывает, что раньше тех народов, существование которых устанавливается на основании сохранившихся языков, не было, хотя бы на части совокупной территории индоевропейского языка, одного или нескольких народов, говоривших также на индоевропейских языках, вытесненных потом языком новых завоевателей. В историческое время мы видим, как латинский язык сменяет оско-умбрский, греческий, мессапский, галльский, венецкий и т. д. в большей части Италии или как дорийский диалект вытесняет говоры ионийского или аркадско-кипрского типа в Пелопоннесе, на Крите и на южных Кикладах, а позднее ионийско-аттическая койне вытесняет в свою очередь дорийский диалект. Явления такого рода происходили во все времена. Народы индоевропейского языка, существование которых позволяет предположить сравнительная грамматика, представляют только часть — возможно, небольшую — из числа тех, которые действительно существовали.

I

Системы соответствий, совокупность которых составляет индоевропейский язык, не всегда представляют для каждого из засвидетельствованных языков ему одному свойственные особенности; в большом числе случаев целый ряд языков обнаруживает совпадающие черты, противопоставленные особенностям прочих языков: а так как эти сходные черты являются обыкновенно в языках, либо соседящих друг с другом в историческое время, либо расположенных таким образом, что те диалекты, из которых они произошли, должны были соприкасаться до момента расселения, то нам приходится возводить часть расхождений к эпохе индоевропейского единства.

И действительно, если область распространения какого-либо языка достаточно обширна, между различными местностями этой области всегда существуют диалектальные различия. Обыкновенно

эти различия группируются по сплошным территориям, что дает нам возможность проводить линии изоглосс. Мы уже отметили выше (на стр. 82) изоглоссу произношения латинского ударяемого а как е и как а в Галлии и изоглоссу отражения лат. р между сонантическими элементами в виде b или в виде v: каждая изоглосса независима от всех прочих (см. стр. 82 и сл.). Таким образом, системы соответствий между индоевропейскими языками позволяют предположить существование изоглосс уже в самом индоевропейском.

Самая яркая из этих линий та, которая характеризует отражения гуттуральных, причем мы наблюдаем две группы языков: одну — типа *centum* (западная группа: греческий, итальянский, кельтский, германский), которая, как это стало ясно из языков хеттского и „тохарского“, восходит к древнейшему типу и не обнаруживает общих нововведений, и другую — типа *satəm* (восточная группа: индо-иранский, славянский, балтийский, армянский, албанский); см. стр. 117 и сл.

Другая линия, тоже достаточно яркая, касается отражения **ǵ*: хеттский, индо-иранский, славянский, балтийский, албанский и германский смешивают **ǵ* и **ǵ̃* в одном отражении а (славянское о, вероятно, получилось из старого а), тогда как армянский, греческий, итальянский и кельтский различают *ǵ* и *ǵ̃*; см. стр. 123 и сл.

Двойное **tt*-, возникающее на стыке двух различных морфологических элементов, отражается как *ss* в итальянском, кельтском и германском, как *st* в греческом, балтийском, славянском и иранском (и как *tt* из **tst* в санскрите); см. стр. 153 и сл.

В середине слова между согласными **ə* сохраняется, с одной стороны, в санскрите, с другой — в греческом, итальянском и кельтском, а также в „тохарском“, но исчезает в иранском, славянском, балтийском, армянском и германском; см. стр. 126.

После *i*, *u*, *g* и *k* свистящая *s* стремится перейти в шипящую в индо-иранском, славянском, балтийском (и до некоторой степени в армянском); в прочих языках *s* сохраняется; см. стр. 121 и сл.

Приращение существует в индо-иранском, армянском и греческом: оно неизвестно ни в одном из остальных языков; см. стр. 255.

Языки славянские, балтийские и германские в некоторых падежах, в особенности в дательном-отложительном множественного числа, имеют окончания с **-m*- при окончаниях с **-bh-* в других языках. Эти окончания на **-bh-* и на **-m-* существуют в одном только виде (различающемся в разных языках) в греческом, итальянском, кельтском и германском; они являются в различных видах,

в зависимости от падежа и числа, в индо-иранском, балтийском и славянском; см. стр. 307.

Не говоря уже о заимствованиях, свойственных смежным языкам, как, например, название „яблока“, приведенное на стр. 399, некоторые особенности лексики являются диалектальными, как запретительное отрицание **mé* (стр. 358) или формы названия „снега“, атематическая в гом. *śr̥z*, лат. *nix, nivem* (и в кельтском), тематическая — в др.-сл. *snѣгъ*, лит. *snėgas*, гот. *snaiws*.

Подобного рода примеры можно было бы умножить; но и только что приведенные показывают одновременно и существование изоглосс в индоевропейском, и независимость каждой отдельной линии от остальных: в числе приведенных линий не найдется и двух таких, которые полностью совпадали бы. Индоевропейский язык не представлял, следовательно, совершенного единства. Сохранившаяся группировка языков, географически наиболее близких друг к другу, соответствует первоначальному их расположению: произошло распространение этих языков, а не их перемещение. И индоевропейские языки не отражают говора одной только местности, подобно романским языкам, представляющим различные формы говора города Рима, распространившегося на его окрестности, на Италию и на всю империю; индоевропейские языки представляют различные формы уже дифференцировавшихся говоров одной области, имевшей значительное протяжение.

С другой стороны, нельзя допустить, чтобы распространение индоевропейских языков по территории, которую они занимают, произошло путем внезапного и однократного разделения народа. Отдельные группы могли отделяться от общей массы народностей индоевропейского языка и уже впоследствии распадались на новые группы. Эти периоды совместного развития отражаются в более или менее многочисленных мелких чертах сходства. Санскритский и иранский настолько сходны в подробностях, что мы вынуждены предположить существование индо-иранского периода, продолжительность которого должна была быть довольно значительна. Некоторые общие характерные черты, как родительный падеж типа лат. *uir* „мужа“, др.-ирл. огамическое *taqi* „сына“, заставляют предположить существование итало-кельтского периода, повидимому, меньшей продолжительности. В этих двух группах растворялись люди из разных областей; и некоторые из указанных изоглосс проходят между санскритским и иранским, между кельтским и италийским. Поэтому существование итало-кельтской группы не исключает предположения, что греческий и италийский

языки представляют говоры групп населения, живших по соседству одна от другой в эпоху индоевропейского единства, и что этим и объясняются некоторые черты сходства между языками греческим и италийским.

II

После того как каждая из групп стала развиваться независимо, параллельные новшества в них все же продолжали появляться. Конечно, подробности изменений были различны в каждом отдельном языке. Но в широкой мере изменения происходили в одном и том же направлении, так что по прошествии многих веков взаимной разобщенности языки индоевропейской семьи, оказывается, одинаково изменили тип языка периода единства. Черты сходства общей структуры, наблюдаемые в современных индоевропейских языках, происходят в большей степени от параллельных, независимых новшеств, нежели от сохранения индоевропейского типа. За исключением случайных совпадений, эти черты сходства имеют чисто общий характер и не доходят до тождества средств выражения. Так, многие индоевропейские языки создали сложное прошедшее, состоящее из причастия и вспомогательного глагола; но французский тип *j'ai porté* „я нес“, кроме общности приема соединения именного термина с вспомогательным глаголом, не имеет ничего общего с польским *posiłem*.

Причины такого параллелизма в развитии отчасти могут быть указаны:

1. Несмотря на легкие отличия, засвидетельствованные указанными выше изоглоссами, индоевропейские говоры имели одинаковую структуру. Поэтому, поскольку развитие исходит из этого первоначального единства, оно должно быть сходным в различных языках. И те языки, которые, как балтийский и славянский, произошли из в общем сходных индоевропейских говоров, не прерываемых ни одною изоглоссою, представляют как раз наиболее замечательный параллелизм в своем последующем развитии.

2. Принципы развития языка всюду в общем одинаковы; на морфологических изменениях, например, всюду сказывается стремление одинаковым признаком отмечать одинаковую функцию, стремление всюду одинаково обозначать единственное или множественное число, первое, второе и третье лицо и т. д. Следовательно, всюду существует стремление устранять разнообразие и сложные образования, влекущие за собою чрезмерные расхо-

ждения в средствах выражения. Этот принцип господствует во всем развитии морфологии и синтаксиса.

3. В различные эпохи народности индоевропейского языка изменили условия жизни и ступень своей культуры. А некоторые языковые явления, повидимому, стоят в определенном отношении к данному уровню культуры. Так, двойственное число прочно держится у народов низкой культуры и не удерживается с прогрессом цивилизации. В греческом языке, например, оно исчезает в диалектах Малой Азии раньше, нежели в континентальной Греции, и в настоящее время в Европе двойственное число сохраняется только у деревенских жителей Литвы, словинцев и других народностей, культурный уровень которых можно назвать несколько отсталым; и даже там оно уже начинает выходить из употребления. Двойственное число исчезло также в семитском и финноугорском по мере развития цивилизации. До сих пор установлено только небольшое число подобных фактов; но внимательное исследование, вероятно, откроет еще не мало очень важных явлений такого рода.

4. Группы людей, переносивших индоевропейские языки в новые области либо путем завоевания, либо путем колонизации, должны были состояться, как это обыкновенно бывает, из членов различных кланов, живших в разных местностях и имевших вследствие этого несколько различные говоры. Такое языковое положение влечет за собою устранение мелких местных особенностей и приводит в результате к широкому распространению нормализации форм. Язык такого рода группы осуществляет грамматическую регулярность, устраняя в широкой мере формы, уклоняющиеся от нормального типа и сохраняемые только памятью, именно так называемые „сильные“ формы, образующие только небольшие ряды, и формы аномальные, т. е. вовсе разобщенные. Язык народа-кочевника и завоевателя, как, например, язык готы, представляет поэтому максимум новообразований по аналогии, а следовательно, согласно принципу, изложенному выше в п. 2, и максимум грамматической регулярности: готский язык есть, так сказать, схематизованный германский язык, подобно тому как арабский является своего рода схематизованным семитским языком. Такого рода регуляризация, доводящая до конца заложенные в индоевропейском тенденции, должна была происходить в результате отделения каждой из тех групп, которые разнесли индоевропейские языки почти по всей Европе и по части Азии.

5. Области, где распространялся язык какой-либо индоевропейской народности, не всегда теряли вследствие этого свое

прежнее население; многие представители его перенимали новый язык; им, конечно, трудно было усвоить вполне все наиболее оригинальные особенности и тонкости индоевропейского, и из старинных оборотов речи они сохраняли только те, которые наиболее соответствовали нормальным оборотам языка. Распространение языка на большое количество новых лиц упрощает его формы; наиболее оригинальны языки наиболее мелких социальных групп. Таким образом, наиболее оригинальные черты индоевропейского языка постепенно утрачивались. Например, падеж подлежащего имел в индоевропейском особую форму, форму именительного падежа, вместо того чтобы быть, как в большинстве языков, самою формою слова, к которой смотря по надобности присоединяются характеристики других падежей; эта особенность клонится к исчезновению, и даже там, где именное склонение удерживается, как в современном армянском языке, форма подлежащего стремится стать основною формою слова и, так сказать, словом самим по себе: в этом отношении, как и во многих других, литовский язык и большинство славянских диалектов сохраняют своеобразно архаичный вид; но почти во всех прочих языках именительный падеж ед. числа утратил свои особые характеристики. Тем самым звательный падеж, который уже в индоевропейскую эпоху имел основную форму имени и совпадал с основою, перестает обладать особою формою. Таким образом, особенность, которую представлял именительный падеж с особыми характеристиками рядом со звательным падежом, отличным от падежа подлежащего, постепенно исчезает по мере развития различных индоевропейских языков, и исчезает главным образом потому, что эти особенности являлись в общей морфологии языка настоящими аномалиями.

Мы не знаем, сколько времени действовали эти различные причины. Но потребовались века, чтобы осуществить распространение индоевропейских языков по тому пространству, которое они занимают на заре исторической эпохи, когда они начинают закрепляться в письменности, т. е. к началу второго тысячелетия до хр. эры — в отношении хеттского, и около VIII в. до хр. эры — в отношении прочих языков. Каково бы ни было число этих столетий, они должны были быть для индоевропейских языков периодом быстрых изменений. В момент своего появления эти языки уже значительно разнятся между собою, и все они достаточно далеки от первоначального индоевропейского типа. Почти все они представляют различные ступени одних и тех же изменений.

Однако те три языка, которые засвидетельствованы в наиболее древнее время, именно хеттский, греческий и индо-иранский, еще не осуществили всех этих изменений ко времени составления их древнейших текстов и в своем архаичном периоде обнаруживают эти изменения лишь отчасти; этим и определяется исключительная важность этих языков для сравнительной грамматики.

Со времени, по крайней мере, последнего тысячелетия до хр. эры заимствования слов индоевропейскими языками производились преимущественно из других индоевропейских языков: латинский язык многое перенял из греческого, германские языки усвоили латинские слова, западные романские языки производили заимствования из германских говоров и так далее во многих других случаях. Эти заимствования тем самым не влекли за собою отклонений от индоевропейского типа и, поддерживая контакт между различными языками семьи, они способствовали сохранению между ними в целом некоего общего сходства. Вообще говоря, это общее сходство удержалось по тому, что за последние три тысячи лет культурное взаимодействие осуществлялось главным образом между отдельными индоевропейскими языками.

III

В отношении произношения мы наблюдаем три главных изменения:

1. Конечные фонемы склонны видоизменяться. Конечные смычные сохраняются только в индо-иранском, хеттском, италийском: скр. *ábhārat* „он нес“, ав. *baraŋ* (то же значение), др.-лат. *fēsed* „он сделал“, но гр. *ἔφερε* „он нес“, др.-сл. *паде* „он упал“. Количество гласной в конечном слоге склонно сокращаться, а качество ее склонно видоизменяться: латинский язык, например, совершенно изменил почти все гласные конечных слогов: *-us* соответствует гр. *-ος*, *ām* — гр. *-ᾶν*, и т. д. Древнеармянский язык вообще не сохраняет ни конечной согласной, ни предшествующей ей гласной: *eber* соответствует скр. *ábhārat*, гр. *ἔφερε* и *ed* „он положил“ соответствует скр. *ádhāt*. Поскольку конечный слог слова заключает окончание, характеризующее грамматическую форму, то эти изменения имели для грамматики весьма серьезные последствия.

2. Самой оригинальной и в то же время самой сложной стороной индоевропейской фонетики была система сонантов. Тройная роль каждого сонанта (как гласной, как согласной и как второго элемента [дифтонга]) на заре исторического периода не

сохранилась полностью почти нигде. Дифтонги очень рано начинают упрощаться и дают простые гласные. Дифтонги *ei и *eu, *oi и *ou, превратившиеся в *ai и *au в индо-иранском и сохранившиеся в этой форме в древнеперсидском, в санскрите уже представляют долгие e и o; только самые архаичные латинские тексты сохраняют дифтонги ei и ou: Плавт уже произносил i и ū. Гласные i и u приравниваются к другим гласным a, e, o, а гласные сонанты *r̥, *l̥, *ŋ, *m̥ теряют характер простых и кратких гласных: в историческое время *r̥ и *l̥ сохраняют этот характер только в санскрите (в форме r̥); *ŋ и *m̥ уграчивают его всюду и являются в греческом и индо-иранском в виде a; в германском, например, *r̥, *l̥, *ŋ, *m̥ отражаются в виде дифтонгов ur, ul, un, um; точно так же и в латинском — в виде or, ul, en, em; и т. д. Наконец, согласные формы сонантов все более и более переходят в настоящие согласные, неспособные вокализоваться: так, *w (согласное u) переходит в губнозубной спирант v в романских языках, в немецком, в славянском, в санскритском, или в g (gw) или в b (в начале слова) в бриттском, в армянском, в новоперсидском (в некоторых случаях) и т. д. Все эти изменения рано привели к разрушению системы сонантов и тем самым к затемнению чередований гласных. С того момента, когда *e и *o утратили свою ясность в дифтонгах *ei, *eu, *oi, *ou, чередования гласных оказались нарушенными; они нарушились еще больше, когда *i, *u, *r̥, *l̥, *ŋ, *m̥, утратив свою параллельность, перестали ясно отражать нулевую ступень огласовки. Разрушение системы сонантов влекло за собою изменение и сокращение чередования гласных, т. е. одного из существеннейших явлений индоевропейской морфологии.

3. Тон, состоявший в простом повышении голоса, исчезает, либо оказав некоторое действие, как в германском, либо без всяких следов, как в кельтском, или же осложняется элементами силового ударения, как в балтийском или славянском; в первом случае известный морфологический элемент вовсе устраняется, во втором — он преобразуется. С другой стороны, ритм перестает быть чисто количественным; количество само изменяется или исчезает совершенно, как в греческом (со II века хр. эры), в латинском (в течение императорского периода) и в армянском. Перед такими сочетаниями, как *tr, слоги меняют количество: в скр. *pitré* и гом. *патрі* первый слог долог, но в атт. *πατρί*, лат. *patrī* и т. д. первый слог краток; в лат. *equos* „лошадь“ первый слог краток, как в *sequor* „следую“, тогда как санскрит противопоставляет начальный долгий слог в слове *áçvaḥ* „лошадь“

краткому слогу слова *sácate* „следует“ (ср. стр. 118). Литовский, латышский и новоперсидский языки, которые почти только одни и сохранили до настоящего времени долгие и краткие гласные внутри слова, сильно сгладили их или вовсе утратили в конце слова. Таким образом, изменяется структура слова; равенства различных частей его уже не существует, начинает образовываться его силовая вершина, что вызывает глубокие изменения, начинающие проявляться, впрочем, едва ли ранее христианской эры. В латинском языке особенность в произношении начального слога нарушила весь склад индоевропейского слова. В германском и в галльской группе кельтского развилось силовое ударение в начале слова, которое в дальнейшем оказало свое действие и прочно удержалось. Утрата количественного ритма и развитие силового ударения совершенно разрушили общую структуру индоевропейской морфологии, как это мы видели на стр. 203.

Итак, фонетическая система изменилась повсюду, и ее изменения повлекли за собою нарушение системы морфологической и синтаксической. Другие изменения, менее общего характера, чем только что упомянутые, действовали в том же направлении; так, например, совершенное исчезновение *у в греческом языке разрушило единство типа настоящего времени на *-ye/o- и привело к установлению многих типов настоящего времени (и типов глаголов вообще): глаголы на -άω, -έω, -όω, -άζω, -ίζω, -εύω, -άινω, -ύω и т. д. Во всех языках встречаются подобные явления: фонетических изменений было достаточно, чтобы сделать неизбежным преобразование морфологии.

IV

Но и независимо от фонетики преобразовывалась морфологическая система.

Индоевропейский морфологический тип был чрезвычайно своеобразен и вместе с тем крайне сложен.

Слово являлось в нем лишь в сочетании со словоизменятельными элементами: во французском языке есть слово *piéd* „нога“, а в индоевропейском были лишь именит. падеж единств. ч. **róts*, винит. падеж единств. ч. **ródm*, родит.-отложит. единств. ч. **pedé/ós*, именит. п. множеств. ч. **ródes* и т. д. Иначе говоря, „слово“ со значением „нога“ не выступало отчетливо. Правда, в морфологической системе индоевропейского явно выделялась основа, особенно в атематическом типе. Но по мере того как, в результате фонетических изменений и грамматических новообразований, про-

исходило сращивание основы и флексии и устанавливалось преобладание тематического типа, становилось все меньше и меньше ясно выделяемых основ: в латинском языке для значения „волк“ нет ни слова, ни выделяемой основы; есть только совокупность форм: *lupus, lupo, lupum, lupi, lupō, lupōs, lupōrum, lupis*. Нет ничего менее ясного, чем подобный прием.

Итак, все индоевропейские языки в большей или меньшей степени, одни раньше — другие позже, обнаружили склонность упростить или даже вовсе упразднить словоизменение и довольствоваться словами как можно менее изменяемыми, а в конце концов и вовсе не изменяемыми. Система индоевропейского словоизменения оказывается, таким образом, переходным состоянием между доиндоевропейским типом без словоизменения или с малоразвитым словоизменением, каковой тип мы можем предполагать для далекого прошлого (см. стр. 170 и сл. и стр. 208), и теми современными системами без словоизменения или с весьма упрощенным словоизменением, которые мы находим в новоперсидском, в английском, во французском и т. д.

Из этого следует коренное преобразование и отдельных форм и всего морфологического и синтаксического типа.

Но если общее направление изменений всюду одно и то же, сами эти изменения все же могли осуществляться лишь мало-помалу. Морфология есть наиболее устойчивый элемент языка. Система ее может видоизменяться лишь в результате постепенных преобразований. Так, например, греческий язык упразднил индоевропейское желательное наклонение и индоевропейский перфект. Но перед тем как упразднить желательное наклонение, он видоизменял в нем много подробностей. Перед тем как упразднить перфект, он значительно расширил его употребление и развил новые формы, образуя, например, перфекты от производных глаголов, чего не было в индоевропейском. Итак, линия эволюции оказывается извилистой, и факты отличаются сложностью.

Черты, концы всюду характеризуется общая линия развития, суть следующие.

Тип образования при помощи корней выходит из употребления и, за исключением древнего периода индо-иранских диалектов, уже не наблюдается в известных нам языках. Так, для глагола, вместо нескольких независимых глагольных основ, которые сохранились в индо-иранском и которые мы можем отчасти наблюдать в гомеровском и даже в аттическом языке, мы всюду замечаем стремление к установлению систем „спряжений“, различаю-

щих только две основы, взаимное отношение которых более или менее постоянно. В греческом древнее разнообразие основ, связанных непосредственно с корнем, заменяется спряжением с двумя основами уже в историческое время: от и.-е. корня *men- „оставаться“ древнегреческий язык имел два настоящих: μένω и μένω, одно будущее μένω (атт. менѡ), один аорист ἔμενον и один перфект μένην, т. е. пять различных основ; новогреческий язык имеет только две основы, основу настоящего μένω и аориста ἔμενον, и так как отношение формы μένω к форме ἔμενον для говорящего уже неясно, то к форме ἔμενον было создано настоящее время μένω. В латинском языке установление спряжения с двумя основами древнее самых древних памятников: от того же корня мы имеем в латинском, с одной стороны, основу „инфекта“ manēō, к которой относятся, кроме собственно настоящего, повелительное manē, сослагательное maneam, имперфект manēbam, сослагательное имперфекта manērem, будущее manēbō, инфинитив manēre, причастие manens; с другой стороны, основу перфекта, к которой относятся настоящее перфекта mansi, сослагательное manserim, плюсквамперфект manseram, сослагательное плюсквамперфекта mansissem, предварительное будущее manserō, инфинитив mansisse; супин mansum и связанные с ним формы образуют группу именных форм, часто близкую к перфекту, но иногда от него независимую; и притом надо заметить, что manēō есть глагол аномальный, поскольку у него форма „перфекта“ (совершенного) не выводится из формы „инфекта“ (несовершенного): во всех „правильных“ глаголах, как amāre „любить“, audire „слушать“ и т. д., форма „инфекта“ дает возможность предвидеть форму „перфекта“. Сказанное относительно греческого и латинского более или менее приложимо и к другим языкам, и всякое правильное изложение спряжения индоевропейских языков с определенного момента, различного для каждого отдельного языка, обнаруживает эту характерную систему спряжения с двумя основами; в славянском, в балтийском, в армянском есть этому прекрасные примеры, не прибавляющие, однако, ничего нового к ясным явлениям языков греческого и латинского.

С установлением типа спряжения, сначала сложного, как в древнегреческом, потом более простого, постепенно сведенного к двум основам, имена перестают непосредственно связываться с корнями: они либо изолируются, как латинское menz „ум“, которое уже не имеет ничего общего ни с monēre „увещевать“ ни с meminiscor „припоминаю“, comminiscor „придумываю“, либо

производятся от глагольных форм: в индоевропейском от корня *g₁eu- „пробовать“ есть абстрактное существительное на *-tei-, засвидетельствованное санскритским jūstih „удовлетворение“, гот. (ga-)kusts „проба“; в греческом есть только γεῦσις „вкус“, которое образовано к глаголу γεύομαι „вкушаю“. Наоборот, латинский язык сохранил от того же корня абстрактное существительное на *-teu-, gustus „вкус“, ср. гот. kustus, но утратил старый глагол и употребляет отыменный глагол gustāre, точно так же и др.-в.-нем. kōston или др.-англ. costian. Эти два случая, гр. γεῦσις и лат. gustāre, отмечают обе возможности: сохранение глагола, от которого производятся имена, или сохранение имени, от которого производятся глаголы; и в том и в другом случае не сохраняется индоевропейский корень с его и глагольными и именными образованиями; и в этом отношении опять греческие и латинские примеры представляют то, что произошло во всей индоевропейской области.

Понятие основы, еще приложимое к древним формам индоиранского, перестает быть приложимо к другим языкам. И действительно, окончания соединяются с конечными элементами некоторых основ атематического типа в такие конечные сочетания, в которых мы уже не различаем ни основы, ни окончания, как это случилось с тематическим типом уже в индоевропейскую эпоху (см. стр. 201). Возьмем, например, греческое окончание дат.-мест.-твор. мн. ч. -σι; оно соединяется с -εσ- основ на -εσ- и образует такие формы, как νέφεσ-σι „облакам“; поскольку *-s- между гласными в греческом исчезает (род. ед. νέφος, дат. νέφει, им.-вин. мн. νέφεσ, род. мн. νεφέων), то в -εσσι- стали видеть окончание падежа, и это -εσσι- в эолийских и северо-западных говорах было использовано для всякого рода основ, откуда такие формы, как беот. χριτ-εσσι, ἀνδρ-εσσι, νικητ-εσσι, βοῦ-εσσι, лесб. Μαχεδόν-εσσι, πολί-εσσι и т. д.; в северо-западной Греции точно так же было впоследствии использовано -σις из тематического типа λόγος „словом“, в значительной мере заменившее -εσσι, что дало ἀνδρσις „мужам“, ὄντ-σις „сущим“, βο-σις „коровам“ — тип, в элейском диалекте древний, который потом распространился в этолийской и ахейской „койна“ III в. до хр. эры. В других случаях наблюдается использование i из основ на -i-, откуда лат. homin-i-bus „людям, людьми“, gener-i-bus „родам, родами“ или сл. камен-ь-мъ, словес-ь-мъ и т. д. Во всех подобного рода случаях создается окончание с начальной гласной, включающее часть основы, ставшей неузнаваемой, и окончание; такое новообразование позво-

ляет избегать встречи согласной начала окончания с конечной согласной основы; но это новообразование могло создаться только ценою затемнения понятия основы. С точки зрения латинского языка нельзя уже говорить об основах на *-i-*, на *-u-* и т. д.; в таком склонении, как *senātus*, вин. п. *senātum*, род. п. *senātūs*, язык уже не выделяет основы и окончания; еще менее выделяются основа и окончания в таком склонении, как атт. *πόλις* „город“, род. п. *πόλιως*, и так во всех других случаях.

В индоевропейском были два рода основ, различавшиеся по своему словоизменению: тематический тип (на **-e/o-*) и атематический тип. Тематический тип, а также именной тип на **-ā-*, имея в конце основы гласную, удержались повсюду, причем конечная гласная основы и окончания, частью уже в индоевропейскую эпоху, сливались в одно целое, не разлагаемое в сознании говорящего. Что касается атематического типа, то он прежде всего утратил свое единство: именные основы на **-i-* и на **-u-* сблизилась с основами на **-o-* и на *-ā-*; другие основы исчезали; легче всего удерживались основы на **-n-* и на **-r-* благодаря особому характеру этих сонантов. В глаголе атематический тип (тип глаголов на *-ni*, называемый так по форме 1-го л. ед. ч. наст. вр. действ. зал., например гр. *τίθημι* „кладу“) исчезает еще скорее, чем в имени: такой древний язык, как греческий, уже имеет почти только те глагольные типы, где основа оканчивается на гласную: *δάμνᾱμι* „укрощаю“ (ион.-атт. *δάμνημι*) и *δείκνυμι* „показываю“; языки, известные нам из более позднего времени, сохраняют лишь отдельные черты этого типа; наиболее стойким здесь оказался глагол „быть“: скр. *ásmi*, гр. *εἶμι*, др.-сл. *късмь*, гот. *im* и т. д. Таким образом стремилось осуществиться единообразие спряжения.

Из различных атематических типов раньше всего стал исчезать и полнее всех исчез тип именных и глагольных основ с нулевым суффиксом, представителем которых может служить для глагола гр. *εἶμι* „пойду“, а для имени гр. *πούς*, род. п. *ποδός* „нога“. Одни из них просто исчезли; другие влиянием аналогии были перенесены в категории форм, происшедших из индоевропейских типов с суффиксом: так, основа **ped-* (**pod-*, **rōd-*) „нога“ в готском перешла в основы на **-u-*: *fotus*, под влиянием винительного падежа ед. ч. *fotu* и мн. ч. *fotuns*, где *u* происходит из носовой гласной в конце слова; наконец, некоторые основы были распространены различными суффиксами: так, слово **sem-* „лето, год“, засвидетельствованное в авестийском (род. ед. *hamō*, твор. ед. *hama*), представлено основой на **-ā-* в санскрите: *sāmā* и в армянском: *am*

„год“ (из *s^opā), основой на *-о- в кельтском: ирл. sam, валл. hâf, основой ср. рода на *-г- (чередующееся с *-п-) в германском: др.-в.-нем. sumar, и в армянском (с распространительным суффиксом) amān „лето“. Даже в тех языках, где эти слова сохраняются, они отрываются от корня, к которому принадлежали: так, скр. основа diç- значит „страна“ и стоит в стороне от корня diç- „показывать“; соответствующее латинское слово употребляется только в стереотипном выражении dicis caussā (или gratiā) „так сказать“; гр. δίκη „право“ представляет распространение той же основы суффиксом *-ā-, и техническое значение слова очень далеко от значения глагола δείκνυμι „показываю“. Лучшее всего удержался корневой элемент во второй части сложения типа лат. au^sprex „птицегадатель“; но и здесь это скорее пережиток, и корень лишь в исключительных случаях служит также и основой. Утрата живого значения корня и утрата основ с нулевым суффиксом идет параллельно, и одно изменение облегчает другое.

Каждая часть индоевропейского слова имела определенную степень огласовки, которая и характеризовала его форму; тонкая система чередований, нарушенная в фонетическом отношении изменением характера сонантов и гласных и затемненная в морфологическом отношении утратою ощущения корней и основ, мало-помалу упрощается и теряет большую часть своего грамматического значения. Так, в греческом языке уже в эпоху, предшествующую древнейшим текстам, чередование звуков *е и *о в склонении исчезло, и, тогда как литовский язык еще противопоставляет им. ед. актй „камень“ (с *о) родительному актей̃с (с *е), греческий язык имеет ἄκμων, ἄκμωνος, где род. п. ед. ч. изменен по образцу именительного ἄκμων, вин. п. ἄκμωνα и т. д. Некоторые языки, как славянский и балтийский, сохранили чередования в некоторых определенных случаях. Но ни один из известных индоевропейских языков, даже в самое древнее время, не сохраняет древнего типа, при котором каждый из трех элементов слова — корень, суффикс и окончание — имел в каждой грамматической форме характерную для нее степень огласовки. Тем самым эти три элемента теряли свою самостоятельность.

Что касается перемещения тона в связи с изменением формы, то многие языки уже в самых древних текстах не сохраняют никакого следа этого явления, а те, которые кое-что сохраняют, в значительной мере ограничили его размеры: санскрит почти не допускает перемещения тона, кроме как между окончанием и предшествующим ему слогом; греческий ограничивает перемещение тона

концом слова; балтийский и славянский, быть может, раньше в этом отношении сохраняли большую свободу, но они известны нам в сравнительно позднюю эпоху и только дают возможность умозаключать о первоначальной роли тона. Поэтому мы можем только предполагать, какую роль играло передвижение тона в индоевропейском. И эта утрата еще более лишала самостоятельности морфологические элементы, каждый из которых в индоевропейском мог получать тон в различных формах того же слова.

Все только что указанные изменения превращают в неразложимое целое те три первоначально различных элемента индоевропейского слова, единство которого сопровождалось внутренним его членением. Возьмем такое индоевропейское слово, как именительный пад. *r̥l̥nos; скр. r̥iŋ-ná-ŋ „полный“ еще дает представление о его членении, так как существуют также r̥iparti „наполняет“, r̥iŋpáti и т. д. Но такие отдельные слова, как гот. fulls, др.-сл. пълнь, др.-ирл. lān „полный“, являются не поддающимися анализу единицами; и не являются самостоятельными, а от них же произведены глаголы со значением „наполнять“, как гот. fulljan (нем. füllen), др.-сл. пълнити, др.-ирл. (com-)jalpur.

В то же время богатое и сложное индоевропейское словоизменение стремится к упрощению. У каждой из грамматических категорий индоевропейского не было своей особой приметы, отличной от примет других категорий (см. стр. 207); существование среднего залога удваивает количество глагольных окончаний; существование двойственного числа прибавляет три окончания первичных и вторичных, действительного и среднего залога, настоящего-аориста и перфекта к окончаниям единственного и множественного числа. Многочисленность грамматических категорий в индоевропейском влекла за собою огромное число различающихся между собою форм.

Количество этих форм постепенно сокращалось в различных языках вместе с уничтожением некоторых грамматических категорий.

Мы уже отмечали всеобщее исчезновение двойственного числа, совпадающее с прогрессом цивилизации.

В глаголе особый тип окончаний среднего залога сохранился вполне только в двух языках, засвидетельствованных в наиболее древнее время: в греческом и в индо-иранском (утративших, с другой стороны, страдательный залог на *-r-, засвидетельствованный итало-кельтским), но и в них этот тип исчезает в течение исторического развития. В италийском и в кельтском, а также

в хеттском и в „тохарском“, некоторые окончания стали комбинироваться с окончаниями на *-r-, что создало италийские и кельтские отложительные глаголы; но так как эти отложительные формы не сосуществуют в одном и том же глаголе с формами действительного залога, то они стали лишними и были утрачены; романские языки и среднеирландский их уже не имеют. Готский язык еще сохраняет часть окончаний среднего залога исключительно в страдательном значении; германские языки, известные из более позднего времени, утратили и этот обломок.

Желательное и сослагательное наклонения сохранились в древних формах греческого и индо-иранского, но в течение их исторического развития эти два наклонения свелись к одному. В италийском, хотя известном с относительно древнего времени, есть только одно наклонение, отличное от изъявительного, и это наклонение в значительной мере оказывается независимым по своему происхождению и от сослагательного и даже от желательного, засвидетельствованных совпадениями греческого и индо-иранского; то же в кельтском и в германском. Славянский ушел еще дальше вперед: в нем есть только изъявительное наклонение и нет ни сослагательного, ни желательного.

Перфект — атематическое корневое образование, характеризуемое особыми окончаниями и особой основой иногда с удвоением, — в конце концов исчез всюду, либо будучи вовсе устранен, как в средних индо-иранских диалектах и в армянском, либо сохранившись лишь в причастии действительного залога, как в славянском и в балтийском, или среднего залога, как в новогреческом, либо слившись с аористом, как в латинском, в ирландском и в германском. В греческом и в индо-иранском утрата перфекта совершилась в историческое время, а в других диалектах она предшествует древнейшим документам.

Склонение представляло вид непоследовательный (см. стр. 347). Некоторые падежи, как именительный, дательный, имеют одно только грамматическое значение; другие, как местный, отложительный, творительный, наоборот, имеют конкретное значение; иные, наконец, имеют и грамматическое и конкретное значение: винительный есть падеж прямого дополнения и в то же время падеж направительный; родительный есть падеж именного дополнения и имеет разделительное значение. Сверх того каждый падеж выражается разнообразными формами. И здесь произошли большие упрощения. Одни языки стремятся устранить падежи конкретного значения, как, например, греческий язык, не имеющий

уже особой формы ни местного, ни отложительного, ни творительного падежей. Другие, наоборот, подобно армянскому, сохраняют различие конкретных падежей — местного, отложительного и творительного, но склонны к смешению грамматических падежей: армянский язык смешивает по большей части именительный единств. числа с винительным единств. числа, родительный с дательным и совсем не различает именительного от звательного. Иные языки представляют упрощения, промежуточные между этими двумя крайними типами. Итальянские диалекты сохранили падежи пространственного значения: в оскском есть еще и местный и отложительный. Наоборот, германский хорошо сохраняет только грамматические падежи. Впрочем, индоевропейские языки так и не дошли до полного устранения употребления одних и тех же форм для конкретных и грамматических падежей, и винительный падеж всегда сохранял свою двойственную функцию.

Только прибавка предлогов позволила точно выражать конкретные оттенки; так, в латинском *eo in urbem* „иду в город“, *sunt in urbe* „нахожусь в городе“, *uenio ex urbe* „прихожу из города“. С течением времени стало устанавливаться обыкновение пользоваться предлогом, всякий раз как надо было выразить конкретный смысл. В таком языке, как греческий, где число падежей сократилось, предлог оказался необходимым: *ἐν* предупреждает, что у *οἶκος* значение „местное“ — в *ἐν οἶκῳ* „в доме“; *εἰς*, в большинстве говоров дифференцированное от *ἐν*, указывает, что у *οἶκος* значение „направительное“ — в *εἰς οἶκον* „в дом“; и *ἐξ* указывает, что у *οἶκος* значение „отделительное“ — в *ἐξ οἶκου* „из дома“. Но и в таком языке, как славянский, где сохранились недвусмысленные падежи конкретного значения, употребление предлогов стало постоянным в случаях конкретности смысла, так что формы, казалось бы, столь определенные, славянского местного падежа сопровождаются предлогами. В латинском языке общая форма отложительного-творительного-местного, когда она без предлога, имеет несколько неопределенный смысл — орудия или способа; она получает конкретный смысл лишь с предлогами *ex* „из“, *ab* „от“ — для обозначения точки отправления, с предлогом *in* „в“ — для обозначения местонахождения, с предлогом *sunt* „с“ — для обозначения сопровождения.

С другой стороны, всегда были окончания, обслуживавшие несколько падежей, например окончание **-es* (**-os, *-s*) атематического родительного-отложительного единств. числа, и это повлекло за собою полнейшее смешение падежей родительного и отло-

жительного в языках греческом, балтийском и славянском; падежи на *-bh- и на *-m- (см. стр. 307 и сл.), имевшие первоначально характер наречий, облегчали и, повидимому, даже вызвали смешение падежных форм, особенно в италийском, кельтском и германском.

Упрощение словоизменения, общее всем индоевропейским языкам, продолжается в новых языках: склонение совершенно исчезло во многих языках, именно в новоперсидском и в главнейших романских языках. Даже спряжение, до некоторой степени еще сохраняющееся в современном иранском и в романских языках, сошло почти на-нет в английском, где не существует, собственно говоря, и грамматического рода и где слова поэтому почти не изменяются. Наиболее эволюционировавшие из индоевропейских языков почти настолько же стали отличаться от общиндоевропейского типа, насколько он отличается от типов полинезийского или суданского.

V

Изменения морфологического типа сопровождаются параллельными изменениями предложения.

Индоевропейское предложение слагалось из самостоятельных слов, из которых каждое было способно выражать и полный смысл и определенную функцию в предложении. Когда же с течением времени у имен стало сокращаться, а потом и вовсе исчезло склонение, функцию имен в предложении стали выражать два новых приема, неизвестные индоевропейскому:

1. Порядок слов, обладающий грамматическим значением. Во французском или в английском языке место, занимаемое именем, как правило, достаточно ясно обозначает его функцию: *le père aime le fils* порядком слов выражает то, что в латинском языке выражалось формами словоизменения: *pater filium amat* „отец сына любит“, *filium pater amat* „сына отец любит“, *amat filium pater* „любит сына отец“, и т. д., — и порядок слов есть единственный признак различия грамматических значений, так что, опрокинув его и сказав: *le fils aime le père*, мы тем самым опрокидываем и смысл.

2. Вспомогательные слова. Французский язык посредством *de* выражает то, что латинский язык выражал различными формами склонения: *patris domus* (фр. *la maison du père*) „дом отца“, *viri domus* (фр. *la maison de l'homme*) „дом мужчины“, *mulierum domus* (фр. *la maison des femmes*) „дом женщин“ и т. д. Лица выражаются словечками: *je* „я“, *tu* „ты“, *il* „он“ *elle* „она“, *pous* „мы“, *vous*

„вы“, *ils (elles)* „они“; во французском эти словечки самостоятельно не существуют и встречаются только вместе с глаголом: таким образом, в формах *j'aime* „я люблю“ или *je finis* „я кончаю“ французский язык близок к восстановлению спряжения, но спряжения с префиксами вместо индоевропейского суффиксального спряжения.

Вспомогательные слова, присоединяясь к другим словам, теряют свою самостоятельность и свое собственное значение и становятся простыми грамматическими орудиями; приставки, бывшие в индоевропейском самостоятельными словами, весьма рано стали примыкать либо к имени, либо к глаголу: они превратились в своего рода префиксы — явление новое в индоевропейском: в классическом греческом языке можно сказать *ἀνδρὶ σύνεστιν* или *σὺν ἀνδρὶ ἐστὶν* „находится вместе с человеком“, но *σὺν* уже не есть наречие; латыни можно сказать *agmine сое* или *cum agmine eo* „иду с войском“, но одно *cum* не употребляется. И так во всех языках по прошествии архаичного периода.

Таким образом, строй предложения изменился, и это изменение было более или менее полным, смотря по тому, в какой мере было упрощено словоизменение; но всюду оно происходило в том же направлении и приводило к закреплению определенного порядка слов, которому стало придаваться грамматическое значение, и к созданию вспомогательных слов — предлогов, союзов, вспомогательных глаголов, функция которых состоит в том, чтобы указывать роль других слов в предложении.

От своеобразного флективного типа индоевропейского произошел переход к распространенному типу с тенденцией к неизменяемости имен.

Тем самым предложение стало члениться не на самостоятельные слова, а на сочетания слов, зависящие одни от других. Появилось „управление“; появились „дополнения“ глаголов и „дополнения“ имен. В индоевропейском дательный падеж имел свое особое значение, но в лат. *hominī* посеб „врежу человеку“, дат. п. *hominī* только „управляется“ глаголом посеб.

То состояние языка, которое представлено языком Гомера, еще знает предложение, состоящее из самостоятельных слов; но уже в языке аттической прозы Платона и афинских ораторов предложение состоит из именных сочетаний, где имена связаны между собою. Классическая латынь пользуется самостоятельными словами, а романские языки, в особенности французский, — словосочетаниями.

Этому преобразованию языка содействовало появление артикля, который не есть явление всеобщее. В гомеровском языке еще нет артикля, а в аттическом он уже вполне оформился. Классическая латынь не знает артикля, являющегося существеннейшим элементом романских языков. В армянском языке, в котором артикль во всех отношениях отличен от греческого артикля и от артикля романских языков, с самых ранних текстов появляются связанные между собою именные сочетания и обнаруживается тенденция строить предложения при помощи застывших словосочетаний со все более и более строгим порядком слов. — В славянском, где артикль не развился и сохранилось богатое склонение, порядок слов относительно свободен и словосочетания относительно гибки.

VI

Лексика каждого индоевропейского языка, как уже было указано на стр. 385, существенно отличается от лексики другого языка, и число индоевропейских слов, сохраненных во всех или, по крайней мере, в большинстве языков семьи, не велико. В каждом языке есть много терминов, не имеющих соответствий ни в одном из остальных языков. Вследствие многочисленности индоевропейских языков и разнообразия их лексики и в связи с тем обстоятельством, что количество допускаемых каждым данным языком комбинаций фонем не является безграничным, мы часто находим для этих терминов в том или ином языке кое-какие правдоподобные этимологические сопоставления; но мало значения имеет этимология не очевидная, а только вероятная.

Мы не знаем, какие языки были вытеснены индоевропейским в тех областях, где он распространился; не знаем мы и тех языков, на которых говорили народности, культурно влиявшие на народы индоевропейского языка. Когда какое-либо слово данного языка не имеет точного соответствия в других языках семьи, мы не в праве во что бы то ни стало искать его индоевропейской этимологии; ведь каждая лексика непременно включает в себе заимствования из неизвестных нам языков, не оставивших по себе, быть может, никакого следа; одна из самых грубых и чаще всего встречающихся ошибок состоит в убеждении, что всякое слово санскритского, греческого, германского и других языков, не заимствованное из известных нам языков, должно быть индоевропейским; никто прямо не выставляет такого нелепого принципа, но искать, как это часто делается, индоевропейского объяснения всех слов

каждого языка—это значит рассуждать так, как будто этот принцип принимается.

Делая такие попытки, нередко ссылаются на то, что то или иное слово имеет индоевропейский облик; но нет ничего обманчивее этого впечатления: иностранные слова, заимствованные устным путем, почти тотчас же подводятся под общий тип языка и по внешнему виду едва ли чем отличаются от исконных слов языка: ничто не указывает на то, что французское слово *rail* „рельс“ в недавнее время заимствовано из английского языка (конечно, если не принимать во внимание педантичного произношения *rèl*). В форме нет ничего, что бы показывало, что гр. *τέινω* „голод“ или *δίψα* „жажда“, что лат. *famēs* „голод“ или *sitis* „жажда“, что гот. *hūhgus* и др.-в.-нем. *hungar* „голод“, что др.-сл. *алъкати* и лит. *alkti* „алкать“ — не индоевропейские слова; но, так как эти слова стоят одиноко, то опасно для каждого из них искать индоевропейского источника.

Достоверны только такие соответствия, которые позволяют устанавливать определенные индоевропейские слова, характеризующиеся особыми грамматическими формами и особым смыслом, и не ограничиваются одною общностью корня. Подробности лексики в каждом языке свои, и нельзя льстить себя надеждою понять текст неизвестного нам индоевропейского языка, не связанного с установленными группами (германскою, славянскою, индо-иранскою и т. д.) при помощи лексики других языков. Без санскритских подлинников, имеющих в нашем распоряжении в полном или частичном виде, открытые в Центральной Азии „тохарские“ тексты оставались бы непонятными, и это несмотря на определенно индоевропейский характер языка; без идеограмм, помогших разгадать общий смысл текста, хеттский язык не был бы истолкован; значение хеттских слов было установлено отнюдь не с помощью этимологии; разве что этимология кое-когда принесла лишнее подтверждение их истолкованию.

VII

Дифференциация индоевропейских говоров началась еще во времена единства индоевропейского народа, а разделение его еще более углубило древние диалектальные различия индоевропейской эпохи. Так, выражение прошедшего времени при помощи одних только окончаний не было достаточно определенным: в дальнейшем в тех говорах, где не было приращения, т. е. во всей северо-западной группе, от славянского до итало-кельтского, для характери-

стики прошедшего времени потребовались особые формы основы, и случилось это уже очень рано. Эта особенность, восходящая к индоевропейскому диалектальному различию, объясняет между прочим множество структурных различий между языками греческим и латинским.

В дальнейшем внутри каждой из племенных групп, образовавшихся до начала исторической эпохи народов индоевропейского языка, произошли новые расхождения, приведшие к образованию диалектов внутри самих этих групп. И исторические события, устанавливая обширные группы внутри одного более или менее единого языка, как в греческом языке группы ионийская, дорийская и т. д., создали в каждой большой группе различающиеся между собою более мелкие группы.

Под именем языка общегреческого, общеславянского, общегерманского и т. д. разумеют совокупность особенностей еще доисторической эпохи, свойственных всем диалектам греческим, славянским, германским и т. д., т. е. каждой племенной группе в целом, и восходящих к особенностям, установившимся в эпоху более или менее общей племенной жизни тех групп населения, которые пользуются говорами греческими, славянскими, германскими и т. д., следовательно, общегреческий язык так же относится к ионийскому, дорийскому, эолийскому и т. д., как индоевропейский к греческому, славянскому, германскому, кельтскому и т. д.

Но какое-либо явление, встречающееся во всей совокупности диалектов языка, не восходит непременно к периоду единства. Например, какое-либо общегреческое явление не должно непременно предшествовать диалектальному раздроблению греческого языка; так, переход *k^w в π наблюдается во всех греческих говорах; тем не менее он произошел позже перехода *k^w в зубную перед ε в начале слова, что имело место в ионийском и дорийском, но не в эолийском: начальное *k^w числительного „четыре“ дает, таким образом, τ в атт. τέτταρες, но π в беот. πέτταρες. Всегда надо считаться с возможностью параллельного и независимого развития. То, что естествоиспытатели называют явлениями „конвергенции“, часто происходит в истории языков.

VIII

Каждый из общих языков, на которые в древности распался индоевропейский, характеризуется особыми чертами.

Смешение звуков *а, *е и *о придает своеобразный облик индо-иранскому вокализму; следствием этого смешения была утрата

чередований гласных в отношении их качества и широкое применение чередований в отношении количества. Поскольку словоизменение продолжало играть большую роль, грамматические формы часто подвергались распространению, что способствовало большей их ясности: родительный пад. на *-āpām* основ на *-a-* и на *-ā-*, прибавление *-mi* к тематическим формам 1-го лица вроде скр. *bhāgāmi* (вместо **bharā*) — новообразования характерные.

В греческом языке общее ослабление произношения согласных, повлекшее еще до исторической эпохи глубокое изменение **s*, **y* и **w* и, как следствие выпадения этих согласных между гласными, многочисленные случаи зияния, — преобразовали облик индоевропейских слов. Морфология упростилась: уже в самых древних текстах падежи конкретного значения — местный, отложительный и творительный — лишены особого выражения. В глаголе, наряду с сохранением старых форм, развилось спряжение с многообразными основами.

Индоевропейские смычные подверглись в германском полному передвижению, вследствие чего внешний вид слов сильно в нем отличается от их облика в других языках. В глаголе развилось спряжение с двумя основами — настоящего времени и прошедшего. Образовалось особое склонение прилагательных.

Итак, каждый из общих языков, происходящих от индоевропейского, можно узнать по его оригинальным чертам. Задолго до исторической эпохи индоевропейское единство сменилось рядом новых, различающихся между собою единств, характеристика которых не представляет затруднения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

I

Уже в те времена, от которых до нас дошли первые письменные памятники индоевропейских языков, каждая из индоевропейских диалектальных групп уже заметно отличалась от прочих и характеризовалась своими новшествами, и существенными и многочисленными. Таким образом, даже древнейшие исторически засвидетельствованные языки представляются нам в виде, существенно отличном от индоевропейского. Уже с самого начала исторической традиции каждый язык образует систему, элементы которой восходят к индоевропейскому, но которая не совпадает с системой индоевропейской.

Общие условия, в которых происходят изменения языков, еще слишком мало изучены, чтобы можно было что-либо утверждать относительно причин, вызвавших новообразования, свойственные каждой индоевропейской диалектальной группе. Но имеющиеся у нас данные приводят к мысли, что, по крайней мере, некоторые черты этих изменений являются результатом смешения народностей индоевропейского языка с народностями, говорившими на других языках. Если, например, в доисторическую эпоху греческий язык сократил до пяти восемь падежей индоевропейского склонения, устранив все формы падежей конкретного значения — отложительного, местного, творительного — и сохранив только грамматические падежи, именительный, звательный, винительный, родительный и дательный, — если ни у Гомера, ни в одном из диалектов не сохранилось шестого падежа, то мы склонны объяснять это новшество влиянием населения, с которым смешались говорившие на индоевропейском переселенцы, обосновавшиеся на греческой почве; ибо в тех случаях, когда склонение встречало условия, благоприятные для сохранения, оно лучше удерживалось, и армянский, литовский и славянский поныне обладают богатым склонением.

нием; падежи конкретного значения сохранились в них особенно хорошо: литовский, польский, украинский, а также современный восточноармянский различают семь падежей из числа восьми, бывших в индоевропейском, и восточноармянский употребляет постоянно еще и теперь отложительный, местный и творительный, которых не знает греческий язык уже на заре истории.

Всюду, где водворялись индоевропейские диалекты, они вытесняли туземные языки, так что по большей части мы ничего не знаем о тех не-индоевропейских языках, место которых они заняли. А в тех случаях, когда по соседству с индоевропейскими диалектами мы находим языки, несомненно родственные языкам древних жителей страны, мы еще не изучили всех фактов и смогли отметить пока только некоторые черты сходства, главным образом между санскритом и дравидскими языками Индии, между армянским и кавказскими языками (ср. выше стр. 58). — Впрочем, перемена языка есть не единственная и даже, быть может, не важнейшая из причин, вызывающих языковые изменения: различие географических и материальных условий существования, различие в величине социальных групп и в их общественной организации — все это способствовало, повидимому, развитию в разных направлениях одного и того же языка; само собою понятно, что усвоение языка детьми и вытекающая отсюда его дальнейшая эволюция происходят не одинаково в такой небольшой социальной группе, как древнегреческая городская община, где браки происходят между членами своей группы, сравнительно с такой обширной группой, как Римская империя, где жены могут быть разнообразного происхождения, или, наконец, у народностей, имеющих сложную систему брачных обычаев, как это наблюдается у австралийцев.

Таким образом, при современном состоянии знаний мы можем только определять нововведения, свойственные каждому отдельному индоевропейскому языку, не претендуя на точное выяснение причин этих перемен.

II

Если оригинальный характер каждого языка указывает до некоторой степени на влияние народностей, говоривших на различных языках, которые были вытеснены индоевропейскими диалектами, то единство происхождения проявляется, как мы это видели в главе IX, в параллелизме их развития. В подробностях каждый из индоевропейских языков имеет свою особую историю, и, как и следовало бы ожидать, все особенности фонетики, мор-

фологии и лексики становятся все более и более различными в различных языках, по мере того как мы удаляемся от древнего периода единства языков. Но в целом развитие шло параллельно, и потому современные языки, имеющие каждый свой особый грамматический состав, представляют все же больше сходных общих черт, чем мы могли бы ожидать, судя по самостоятельности развития каждого из них.

Только сравнительная грамматика индоевропейских языков позволяет изучить эти независимые и параллельные пути развития. Определение того общего языка, позднейшими формами которого являются индоевропейские языки, не имеет в виду удовлетворить праздное любопытство тех, кто желал бы познакомиться с обликом этого языка; это определение, которое к тому же полностью недостижимо, не составляет предмета сравнительной грамматики, оно служит ей только средством.

История индоевропейских языков представляет, таким образом, единое целое: сравнительная грамматика всей группы в целом позволяет описать, с некоторою, а иногда и с большою точностью, те изменения, которые произошли между эпохою первоначального единства и самыми древними памятниками каждого данного языка; с другой стороны, исследование текстов всех эпох и всех областей, а также сравнение живых говоров дает возможность проследить вплоть до настоящего времени развитие крупных языковых групп, образовавшихся в доисторическое время. Большую часть работы еще остается сделать; однако главные черты этой истории выяснены уже всюду, а в некоторых пунктах начинают проясняться и детали. Если индоевропейская группа языков самая важная на свете, то и развитие ее известно, хотя и недостаточно, но все же лучше всех других и уже теперь позволяет наметить общие законы языкового развития.

Действительно, сравнительная грамматика была создана для того, чтобы объяснять особенности, наблюдаемые в историческое время: на почве французского языка спряжение *il est, ils sont* — необъяснимо; не более объяснимы и латинские формы *est* „есть“, *sunt* „суть“, но в латинском языке еще встречаются некоторые аналогичные, ныне утраченные, формы, как *fert* „несет“, *ferunt* „несут“: только в индоевропейском было нормальным то спряжение, единственным остатком которого во французском языке является *il est, ils sont*; таким образом, только в индоевропейском этот французский глагол находит свое объяснение, принимая вид нормального образования. Такова первая услуга сравнительной

грамматики: она разъясняет формы, восходящие к индоевропейской эпохе. С другой стороны, именно сохранение древних форм внутри новой системы и сделало возможной сравнительную грамматику. Язык тем менее допускает сравнительное изучение, чем регулярнее его морфология.

Регулярные формы, образовавшиеся в промежутке между индоевропейским периодом и началом исторического периода каждого данного языка, как, например, греческий аорист на $-\acute{\alpha}\lambda\upsilon$, часто остаются не объясненными так как они появились в грамматических системах, переходных от индоевропейской системы к исторически засвидетельствованным системам; поскольку эти переходные системы неизвестны, всякое объяснение того, что могло в них происходить, висит в воздухе: пытаюсь объяснить греческий аорист на $-\acute{\alpha}\lambda\upsilon$, мы выходим из нормальных условий применения методов сравнительной грамматики.

Задача сравнительной грамматики — это, во-первых, объяснить, что в языках сохранилось древнего, именно так называемые „сильные“ формы и формы аномальные, и, во-вторых, дать, по возможности, представление о том материале, из которого построены исторически засвидетельствованные языки.

Именно потому, что для объяснения языковых явлений оказалось необходимым по возможности до мельчайших подробностей проследивать их историю от периода древнего единства до настоящего времени, накоплено было огромное количество наблюдений над развитием языков. Безгранично разнообразие внешнего облика языков индоевропейской семьи в различные времена и в различных местностях. И рядом с собственно историей различных языков, где, как во всякой истории, мы наблюдаем только преемственность отдельных явлений, на основании тех же данных создается общая теория условий развития языков; другими словами, история индоевропейской группы языков, ныне известная в своих общих чертах, дает прекрасные наблюдения, которыми может воспользоваться начинающая, наконец, создаваться наука о языке; в свою очередь эта наука, выясняя общие законы языка, дает возможность заменять эмпирические объяснения связными и систематическими теориями. По мере осуществления этого, факты, которые мы обозрели, начинают освещаться новым светом; но результаты, достигнутые уже сравнительной грамматикой, в их целом, неопровержимы; наука, ныне создаваемая, освещает их по-новому и вводит их в новые комплексы фактов, но не потрясает их.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ОЧЕРК РАЗВИТИЯ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ

Сравнительная грамматика была создана в начале XIX в. немецкими и датскими учеными.

Греки находились в тесных сношениях со множеством других народов, чьи языки имели с их языком поразительные черты сходства; но греки не обращали на чужие языки никакого внимания, а если и замечали совпадения, то видели в них лишь странные случайности и из этих разрозненных наблюдений не выводили никакой теории. Происшедшая от этого потеря огромна и непоправима: ведь греки могли наблюдать и описать языки, впоследствии исчезнувшие бесследно или же сильно изменившиеся в дальнейшем; если бы у нас были точные сведения о диалектах иранских, фригийских, иллирийских, италийских, кельтских III или IV в. до хр. эры в том виде, в каком их несомненно должны были знать греческие переводчики, сравнительная грамматика индоевропейских языков была бы гораздо точнее и полнее, чем она есть и чем она когда-нибудь может стать. Но у греков не было и мысли о том, чтобы все эти варварские наречия представляли формы одного языка, близкого к их языку; они никогда не воображали, что единственным средством объяснить особенности их собственного языка было бы сопоставить его с разнообразными говорами, с которыми повсюду сталкивались их переселенцы и их моряки. Единственным языком, ими изучавшимся, был язык их народа, и в этом деле они во многих отношениях достигли больших успехов; когда им потребовалось писать на своем языке, они сумели, не следуя слепо заимствованному ими семитскому слоговому алфавиту, создать звуковое письмо с изображением всех гласных, единственно пригодное письмо для индоевропейских языков: чтобы как должно оценить услугу, которую греки этим оказали, достаточно вспомнить, сколько неясности вносит в иран-

ские тексты арамейское письмо пехлевийского языка и арабское письмо новоперсидского. Греческие философы точно определили грамматические категории своего языка; грамматики описали диалектальные особенности литературных текстов. Но они не пошли дальше констатации фактов, а от их попыток объяснения, чисто априорных, ничего не осталось, ибо они не знали, каким образом можно разъяснять языковые явления.

Индийцам представлялась возможность хорошо изучить иранские языки, во всех отношениях весьма схожие с их языком, и — в эпоху Александра и Бактрийского царства — греческий язык: из этого они ничего не извлекли. Зато свой собственный язык они наблюдали с удивительной точностью: мельчайшие подробности артикуляции не ускользнули от внимания их грамматиков; они определили все существенные черты своей морфологии, так что сравнительная грамматика во многих отношениях просто применила к индоевропейскому языку те наблюдения, которые индийским грамматикам удалось сделать над санскритом. Наконец, подобно грекам, они с самого начала приспособили заимствованный ими алфавит к характеру своего языка и тщательно обозначили гласные.

Индийцам, как и грекам, недоставало понятия исторического развития. В XVII и XVIII вв. это понятие было еще столь же неизвестно, как и во времена Аристотеля или индийца Панини; чтобы дать себе отчет в языковом факте, прибегали не к предшествующим фактам, а к априорным соображениям; теория предложения была приложением теории суждения, общая грамматика — частью нормальной логики: знаменитые примеры этого представляют грамматика Пор-Рояля и грамматика Кондильяка.

В начале XIX в. новая идея возникает везде и во всех областях науки: логические понятия перестают считаться достаточными объяснениями; наблюдение и абстрактное изучение механических, физических и химических явлений, начатые еще греками и возобновленные с новой силой с XV в., давали с каждым годом все более точные и многочисленные результаты и позволяли все с большей уверенностью предугадывать действие сил природы и все полнее и полнее пользоваться ими. Но факты жизни органической и общественной продолжали быть темными, так как их считали нужным изучать, прилагая априорные понятия; теперь же поняли, что их надо наблюдать в них самих, как это делается в отношении физических и химических фактов.

Но явления, наблюдаемые в живых существах, и особенно в обществах, — явления сложные; они в большинстве своем не могут быть сведены к абстрактным формулам, как явления физического порядка. Рассматривая какое-нибудь социальное установление, мы обнаруживаем, что оно есть результат целого ряда последовательных действий; следовательно, его нельзя объяснить, не проследив его развития. Методичное исследование исторических причин — вот то самое оригинальное и новое, чем мы обязаны истекшему столетию. В механике, в физике, в химии методами Архимеда, Галилея, Ньютона добыто было великое множество новых результатов, но сам метод уже достиг своего совершенства, и оставалось только применять его со все более возрастающей точностью ко всем объектам, которые он позволяет изучать. Метод же исторического объяснения был созданием XIX века (и уже, в некоторой мере, конца XVIII-го). Земная кора, организмы, общества и общественные учреждения были осознаны как продукты исторического развития, подробности которого не могут быть угаданы а priori и о котором можно составить себе представление только наблюдая и определяя, на основании имеющихся данных и со всею возможной точностью, последовательность и взаимодействие отдельных фактов, составляющих это развитие. И только на основе собранных таким образом наблюдений начинают складываться общие теории развития организмов и обществ. В конце концов признано было, что и у неорганических тел есть своя история.

Сравнительная грамматика составляет часть предпринятых в XIX в. систематических исследований исторического развития явлений природы и общества.

Она возникла с того момента, как стали систематически сближать санскрит с языками греческим, латинским и германскими. Лишь только установившиеся регулярные сношения между Индией и Европой дали некоторым европейцам возможность познакомиться с санскритом, было признано родство его с европейскими языками; на это указали французский иезуит Кёрду в сообщении, посланном в 1767 г. Академии надписей, англичанин Вильям Джонс в докладе Калькуттскому обществу в 1786 г., немецкий иезуит Паулин а Sancto Bartholomaeo — примерно, тогда же. Наконец, внимание Европы к важности санскрита с лингвистической точки зрения привлечено было книгой Фр. Шлегеля „О языке и мудрости индийцев“ („Ueber die Sprache und die Weisheit der Indier“, Heidelberg, 1808).

Знакомство с санскритом в двух отношениях имело решающее значение для создания сравнительной грамматики. Прежде всего, санскрит сохранил архаичную морфологию и систему согласных, позволяющие составить себе представление о том, чем мог быть индоевропейский язык; без этого ряд существенных черт этого языка остался бы навсегда неизвестным или плохо известным. Во-вторых, индийские грамматики произвели до самых мельчайших подробностей анализ фонетики и грамматики этого древнего языка; с начала XIX в. грамматики Кольбука, Уилкинса (1808), Кери, Форстера, список корней Уилкинса (1815), издание „Амаракоши“ и других туземных словарей, предпринятое Кольбуком (Калькутта, 1807), ознакомили европейских ученых с важнейшими результатами работы индийских грамматиков; в той широкой мере, в какой санскрит представляет индоевропейскую фонетику и морфологию, здесь уже был налицо независимый от греческих теорий анализ индоевропейской грамматики, достаточный для обновления лингвистических представлений и покоящийся на наблюдении фактов.

Первым, построившим систематическую теорию на основе сближений между санскритом и языками Европы, был Франц Бопп, родившийся в Майнце в 1791 г. После пребывания в Париже, главном тогдашнем центре востоковедения, где он выучился санскриту почти самоучкою и с помощью весьма несовершенных пособий (словарь Уилсона появился лишь в 1819 г.), Бопп опубликовал в 1816 г. во Франкфурте-на-Майне свою первую работу „О системе спряжения санскритского языка в сравнении с системою спряжения греческого, латинского, персидского и германского языков, с приложением эпизодов из Рамаяны и Махабараты в точном стихотворном переводе с подлинника и некоторых отрывков из Вед“ („Ueber das Conjugationssystem der Sanskritsprache, in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen, und germanischen Sprache, nebst Episoden des Ramajan und Mahabharat in genauen metrischen Uebersetzungen aus dem Originaltexte und einigen Abschnitten aus den Veda's“, 8°, XXXXVI—32 стр.). Сравнительная грамматика была создана. „Мы должны, — говорит Бопп, — прежде всего познакомиться с системою спряжения древнеиндийского языка и обозреть сравнительно с нею греческое, латинское, германское и персидское спряжение; тем самым мы обнаружим их тожество, вместе с тем увидим последовательное и постепенное разрушение простого языкового организма и усмотрим тенденцию к замене его механическими сочета-

ниями, из чего возникло подобие нового организма, когда элементы этих сочетаний сделались неузнаваемы". Уже в этой первой работе определился основной предмет его изысканий: он сближает грамматические формы различных индоевропейских языков, пользуясь преимущественно санскритом, и верность его взгляда в этом отношении изумительна; но сближение для него только средство, и прежде всего он стремится объяснить формы, определяя их древнейший вид, наименее искаженный, наиболее первоначальный, — насколько это ему возможно. Уже в этой книге Бопп объясняет санскритское будущее на -суа прибавкою к глагольному корню глагола „быть“, скр. аз-: это первая попытка тех объяснений с помощью агглютинации, которым предстояло занять столь большое место в последующей работе Боппа; призрачное, но тогда обычное, разложение глагола на связку и сказуемое заставляло его считать естественным разделение скр. tap-sua-ti „он будет гореть“ на „он будет горящий“. Сравнение засвидетельствованных языков дает, по его мнению, возможность восходить к „первобытному состоянию“, в котором грамматические формы допускают непосредственное объяснение и их возможно анализировать; в этом отношении Бопп еще человек XVIII века; он полагал, что восходит к началу явлений, но прогресс созданной им науки убедил его преемников, что возможно лишь проследивать историческое развитие явлений. Выяснение начального тождества индоевропейских языков не является для него, следовательно, конечной целью сравнительной грамматики, и в изменениях, происходивших после эпохи единства, он усматривает только последовательно осуществляющийся упадок. Бопп открыл сравнительную грамматику в поисках за объяснением индоевропейского языка, подобно тому как Христофор Колумб открыл Америку в поисках пути в Индию.

Приглашенный в 1821 г. по рекомендации Вильгельма фон Гумбольдта в Берлинский университет, Бопп систематически продолжает свои исследования. Их первые результаты он излагает в шести докладах, представленных с 1824 по 1833 г. Берлинской академии и носящих общее весьма характерное заглавие: „Сравнительный анализ санскрита и родственных языков“. Выход в свет к этому времени литовских грамматик и развитие славянской филологии дают ему возможность присоединить балтийско-славянский к языкам санскритскому, греческому, латинскому и германским; расшифровка авестийского языка, выполненная строгим методом Эжена Бюрнуфа, позволила в то же время заметить ново-

персидский более архаичным иранским языком, языком Авесты. В 1833 г. выходит первый выпуск сравнительной грамматики санскрита, венда (авестийского), греческого, латинского, литовского, готского и немецкого, законченной только в 1849 г.; древнеславянский появляется на заглавном листе начиная со второго тома; начало предисловия к этой книге может дать наиболее точное представление о взглядах автора: „В этой работе я имею в виду дать сравнительное, сопоставляющее все родственное, описание организма названных в заголовке языков, исследование их физических и механических законов и происхождения форм, обозначающих грамматические отношения. Мы не касаемся только тайны корней или причины наименования первичных понятий теми или иными звуками. . . Но кроме того мы пытаемся проследить язык в его образовании и развитии. . . В большинстве случаев первоначальное значение, а с ним вместе и происхождение грамматических форм выясняются сами собою благодаря расширению нашего лингвистического кругозора путем простого сопоставления языков-братьев, разлученных тысячелетия тому назад, но все еще хранящих на себе несомненные черты общего происхождения“.

Бопп, таким образом, создал сравнительную грамматику индоевропейских языков; он распознал большую часть тех сопоставлений, которые возможно сделать между грамматическими формами различных языков, и, в этом отношении, он оставил своим преемникам только подбирать колосья после жатвы; ни один из языков семьи не ускользнул от его внимания: армянский язык упомянут им в заголовке второго издания сравнительной грамматики (1857—1861); относительно древнепрусского и албанского он опубликовал отдельные статьи; он не оставил без внимания и кельтских языков. — Но, как ни была проникательна его интуиция, как ни широко было поле его изысканий, и после Боппа оставалось много работы. Заслуга его заключается в том, что он держался положительных фактов, избегая расплывчатых общих умозрений; этим именно он и обновил языкознание; но, не имея определенных общих идей, он не сознавал ясно своего метода, и с ним случилось то, что он причислил к индоевропейской семье малайско-полинезийские языки и языки южного Кавказа, которые к ней не принадлежат. Он почти исключительно занимался морфологией и в морфологии — анализом словоизменения, но пренебрегал изучением фонетической эволюции и ее законов; он не исследовал ни употребления форм, ни структуры предложения. После Боппа оставалось строго проследить развитие каж-

дого языка, построить историческую фонетику, теорию употребления форм и теорию предложения, установить строгие законы и в особенности устранить умозрительные заключения о происхождении форм, в чем Бопп является приверженцем старых идей, а отнюдь не основоположником нового учения.

Эта работа началась еще при жизни учителя с самого появления его первых трудов.

В одно время с Боппом, но независимо от него, датчанин Раск открыл сходство германских языков с греческим, латинским и балтийско-славянским и изложил эту теорию в сочинении под заглавием „Разыскания о древнесеверном языке“ („Undersögelse om det gamle Nordiske“), которое было закончено уже в 1814 г., но появилось в свет только в 1818, в Копенгагене; вторая его часть была переведена на немецкий язык и появилась в „Сравнительных таблицах основных европейских языков“ („Vergleichungstafeln der europäischen Stammsprachen“) Фатера под заглавием „О фракийском классе языков“ („Ueber die thrakische Sprachklasse“, Halle, 1822). Раск значительно уступает Боппу в том отношении, что не привлекает санскрита; но он указывает на исконное тожество сближаемых языков, не увлекаясь тщетными попытками объяснения первоначальных форм; он довольствуется, например, утверждением, что „каждое окончание исландского языка можно в более или менее ясном виде отыскать в греческом и в латинском“, и в этом отношении его книга более научна и менее устарела, чем сочинения Боппа.

Тогда как Бопп пренебрегал общими идеями, предпочитая выяснять точные подробности, Вильгельм фон Гумбольдт, наоборот, в своих сочинениях излагал почти исключительно общие идеи; но кроме личной деятельности, способствовавшей развитию сравнительной грамматики, он оказал могучее влияние и на направление исследований; исходя из положения, что язык есть деятельность — *ἐνέργεια*, а не вещь — *ἔργον*, он в речи каждой народности видел характерное проявление ее интеллектуальной деятельности и полагал поэтому, что всякий язык должен быть изучаем сам по себе. Факты, обнаруженные этими наблюдениями, не позволили определить особый характер психической деятельности каждого народа, как надеялся Гумбольдт; но исследование явлений, как они есть, и особенностей каждого наречия привело к созданию новой исторической науки.

Поскольку переворот в лингвистике был сделан германскими учеными, было вполне естественно, что первую подверглась раз-

работке новыми методами группа германских языков. Уже в 1811 г. Раск говорил в предисловии к своей исландской грамматике: „Дело грамматики не предписывать, как должно образоваться слова, но описывать, как они образуются и как изменяются“, а в 1812 г. Яков Гримм (род. в 1795 г., ум. в 1863 г.) в своем отзыве об этой книге писал: „Всякая индивидуальность должна быть священной, даже в языке; нужно желать, чтобы всякий диалект, пусть даже самый незначительный, самый презираемый, был предоставлен самому себе, чтобы он не подвергался никакому насилию, ибо у него, конечно, есть свои преимущества перед самыми великими и самыми уважаемыми“. Следуя этому принципу, надо было заняться тщательным описанием каждой формы германского языка и в особенности его древнейшими формами, в которых, согласно воззрениям того времени, — Гримм был романтиком — ожидали найти национальный дух в его чистоте, язык в его первобытном совершенстве. Немецкая грамматика Гримма, первый том которой вышел в 1819 г. (за четырнадцать лет до первого тома сравнительной грамматики Боппа), была первым описанием целой группы диалектов, начиная с самых древних засвидетельствованных форм, и тем самым послужила образцом для последующих исследований других групп диалектов, засвидетельствованных древними документами; самые мелкие подробности отмечаются в ней со старанием или, лучше сказать, с благоговением; но тонкая и сложная игра действий и воздействий, которыми разъясняются языковые явления, еще полностью не освещена; это скорее собрание наблюдений, а не объяснений. Законы „передвижения звуков“ (*Lautverschiebung*), в силу которых вся система смычных была, так сказать, подвинута на одну ступень — герм. *f*, *þ*, *h*, соответствующие гр. *π*, *τ*, *κ*, и лат. *p*, *t*, *c*; герм. *p*, *t*, *k*, соответствующие гр. *β*, *δ*, *γ* и лат. *b*, *d*, *g*; в.-нем. *d*, соответствующее гот. *þ*, и т. д. — были открыты и изложены в 1818 г. Раском, а в 1822 г. самим Гриммом; они являются первым примером и первым образцом „фонетических законов“, на познании которых покоится современная историческая лингвистика; они были плодом строгого наблюдения диалектов и изыскания оригинальных черт каждого языка.

Потт (1802—1887), бывший на одиннадцать лет моложе Боппа, воспользовался трудами своих предшественников, но с самого начала избрал себе особую область — этимологию, и работал в ней самостоятельно, проявляя изумительную эрудицию, которая к тому же не ограничивалась только индоевропейскими языками. Первое издание его „Этимологических разысканий“ (*„Etymologische For-*

schungen“) относится к 1833 г. (1-й том) и к 1836 г. (2-й том), а следовательно, совпадает по времени с первым изданием грамматики Боппа. Вне законов соответствий между сближаемыми языками этимология только игра остроумия и лишена доказательной силы; Потт понял это и уже в 1833 г. написал следующие решительные слова: „Буква — более надежный проводник в лабиринте этимологии, нежели значение, которое часто подвержено неожиданным скачкам“, и еще: „Одно изложение фонетических превращений в германских языках, сделанное Гриммом, имеет больше ценности, чем несколько философий языка“. Потт одновременно создал и этимологию и сравнительную фонетику индоевропейских языков; и прогресс лингвистического метода в течение нескольких лет обнаруживается уже в том, что в работе Потта меньше устаревших частей, чем у Боппа.

Одновременно с возникновением сравнительной грамматики складывался и целый ряд частных филологий: санскритская, древнеиранская, германская, славянская и т. д.; все они использовали новые лингвистические методы и, каждая со своей стороны, способствовали быстрому прогрессу новой науки. Истолкование „Авесты“, произведенное Бюрнуфом с его строгим методом, где сила здравого смысла приближается к гениальности, и расшифровка древнеперсидских надписей позволили пополнить и уточнить данные санскрита об индо-иранском, т. е. о том из диалектов, который наиболее проливает свет на индоевропейский язык.

Новому направлению некоторое время сопротивлялась классическая филология, и в этом нет ничего удивительного; еще и поныне многие классические филологи не знают сравнительной грамматики, а если и пытаются ею овладеть, то плохо справляются с ее методом. Когда создавалась сравнительная грамматика, классическая филология находилась уже в периоде обновления; после Вольфа (1759—1824), который стал изучать филологию ради нее самой и записался в университете как *studiosus philologiae*, такие люди, как Г. Герман (1781—1848), глава собственно филологической школы, и А. Бёк (1784—1868), настоящий основатель „археологической“ школы и инициатор больших собраний надписей, не проявляли интереса к сравнительной грамматике или даже были ей враждебны: им было досадно созерцать, как какие-то выскочки высказываются по вопросам греческой или латинской грамматики, ссылаясь при этом на плохо известные языки и используя методы, недоступные контролю эллинистов и латинистов, и вдобавок еще мало определенные; представители сравнительной грамматики

внушали тем меньше доверия, что познания их в классической филологии часто страдали неточностью (Бопп был посредственным латинистом), и они пренебрегали синтаксисом, столь существенным для каждого филолога. Это вполне понятное недоброжелательство не помешало, однако, тому, что труды этих ученых и их учеников сослужили хорошую службу сравнительной грамматике. Буттман мог пребывать в неведении о том, что в противопоставлении дор. *istām* и ион.-агт. *istm* дорийское *ā* представляет в неприкосновенности общегреческое состояние, а ионийское *η* — позднейшее изменение, но его греческая грамматика (1-е изд. 1819 г., 2-е изд. 1830 г.) очень пригодилась для сравнительных исследований, равно как и работы Лобека, ученика Г. Германа, и переиздание „Сокровищницы“ („*Thesaurus linguae graecae*“) Анри Этьенна парижскую фирмой Дидо (с 1831 по 1865 г.) под редакцией Хаза и при сотрудничестве некоторых других немецких ученых. Хотя и чуждые методам сравнительной грамматики, труды эти, давая богатые собрания фактов, не мало содействовали ее успехам.

В 1852 г. Адальбертом Куном, занимавшимся преимущественно сравнительной мифологией, был основан журнал „*Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*“: перелистывая его первый том, поражаешься, сколь шатки и неопределенны были в то время принципы исследования. Новому поколению лингвистов предстояло выяснить и установить их, и последующие тома этого журнала свидетельствуют о непрерывном прогрессе лингвистического метода.

А. Шлейхер (1821—1868) был одушевлен совсем иным духом, чем Бопп. Бопп был филологом, сблизившим друг с другом грамматические формы древних индоевропейских языков; Шлейхер, проникнутый методами естественных наук, был своего рода естествоиспытателем, систематизировавшим добытые факты и стремившимся установить общие законы. Занявшись с самого начала фонетикой, он в своих „Исследованиях по сравнительному языкознанию“ („*Sprachvergleichende Untersuchungen*“, 1848) пытается определить законы развития звукосочетаний, включающих *у; он стремится установить всеобщие законы, приложимые не к одному только данному языку, — попытка тогда еще преждевременная, по впоследствии поставленная винов.

Он не ограничивается древними языками: пребывание в прусской Литве дает ему возможность изучить литовский язык, самый архаичный изо всех живых индоевропейских языков, и в 1856 г. он

выпускает в Праге свою литовскую грамматику, которая и поныне остается наиболее систематичным описанием этого языка. Фонетика исследована здесь ради нее самой на равных правах со словообразованием и словоизменением; посвященная ей глава содержит 79 страниц при 85 страницах, уделенных словоизменению; и поскольку исследование ее опирается на непосредственное наблюдение живого языка, а не на изучение старинных текстов, оно касается — новшество решающего значения — артикуляции и изменений в ней, а не букв и их соответствий в различных языках. Подробный синтаксис дополняет эту действительно превосходную грамматику, позволившую литовскому языку занять подобающее ему место в ряду сравниваемых между собой индоевропейских языков. В следующем 1857 г. Шлейхер издает материалы, послужившие основой для его грамматики, — собрание литовских сказок, песен, загадок и пословиц с приложением словаря: к литературным языкам, изучавшимся до того времени, наконец-то присоединился подлинно народный язык. И по содержанию и по способу изложения „Handbuch der litauischen Sprache“ является знаменательной вехой в развитии сравнительной грамматики.

Из того положения Шлейхера, что развитие языка подчинено строгим и постоянным законам, вытекала возможность от исторически засвидетельствованных языков восходить к более древней форме, предполагаемой совпадениями, которые в них обнаруживаются: Шлейхер был первым, кто попытался восстановить индоевропейский язык и проследить его развитие в каждом из его разветвлений; таково содержание его книги „Компендиум сравнительной грамматики индогерманских языков. Краткий очерк фонетики и морфологии индогерманского праязыка, языков древнеиндийского, древнеэранского, древнегреческого, древнеиталийского, древнекельтского, древнеславянского, литовского и древнегерманского“ („Compendium der vergleichenden grammatik der indogermanischen sprachen. Kurzer abriß einer laut- und formenlehre der indogermanischen ursprache, des altindischen, alteranischen, altgriechischen, altitalischen, altkeltischen, altslawischen, litauischen und altdeutschen“). Первое ее издание появилось в 1861 г. — в год окончания второго издания грамматики Боппа — и труд этот удовлетворял столь настоятельной потребности, что в течение менее 15 лет вышло еще три его издания. Фонетика занимает целую треть книги; объяснения индоевропейских форм, бывшие для Боппа самым главным делом, встречаются еще, но играют лишь второстепенную роль. Бопп и Потт делали сопоставления и ввели срав-

нительный метод: Шлейхер реконструировал общий язык, определил его существенные черты и его эволюцию; он был не прав, видя в этой эволюции только упадок, он не сумел всегда быть верным принципу закономерности, который он теоретически признавал, но метод, им примененный, сделался с тех пор методом всех лингвистов и подчинил себе все последующее развитие науки.

Через несколько лет после появления „Компендиума“, в 1868 г., Фик выпустил в свет первое издание своего этимологического словаря индоевропейского языка. Здесь каждое указываемое сближение уже определяется индоевропейским прототипом: представление об индоевропейском языке получало, таким образом, материальное воплощение. Эта работа выдержала с тех пор еще три издания (первый том 4-го издания, принадлежащий еще самому Фику, вышел в 1890 г.): автор с чисто юношеской энергией старался не отставать от развития науки.

Между тем фактический материал, на котором основана сравнительная грамматика, расширялся, пополнялся и уточнялся во всех областях.

В первое время сравнительная грамматика опиралась на классический санскрит; санскритские публикации Боппа (грамматика, словарь, тексты) касаются исключительно классического языка, равным образом и публикации В. Шлегеля, Лассена, Бюрнуфа. В 1848 г. Бенфей выпускает свое издание „Самаведы“ с переводом и словарем; в 1849 г. Макс Мюллер приступает к изданию „Ригведы“, а в 1851—1863 гг. Ауфрехт дает новое более удобное издание того же текста; в 1849—1859 гг. стараниями А. Вебера издана была „Шятапатабрахмана“; в 1856 г. издается Ротом и Уитни „Атхарваведа“: к 1860 г., таким образом, главные ведийские тексты были уже опубликованы. Полная грамматика Бенфея (1852) охватывает и ведийский язык. Наконец, монументальный петербургский словарь Бётлингга и Рота включает всю санскритскую лексику с самых древних ведийских текстов. — Примерно тогда же „Авеста“ была издана Вестергордом (1852) и Шпигелем (1852—1858), а в 1864 г. Юсти в своем „Руководстве зендского языка“ („Handbuch der Zendsprache“) дает полное собрание всех слов и всех грамматических форм „Авесты“. С другой стороны, к 1850 г. закончена была расшифровка ахеменидских надписей. — Тем самым все древнейшие памятники индо-иранских языков оказались в распоряжении лингвистов; для Индии стало возможным пользоваться гимнами „Ригведы“, а для Персии — непосредственным воспроизведением крупных текстов, вышедших из самой канцелярии Дария

и его преемников, а также гатами „Авесты“; эти вполне достоверные тексты представляют самые разнообразные и самые архаичные грамматические формы. Достаточно было использовать эти материалы, чтобы поставить вопросы по-новому.

Классическая филология пренебрегала сравнительной грамматикой; но изучение диалектов, стимулированное книгой Аренса „О диалектах греческого языка“ („De linguae graecae dialectis“, 1839—1843) и обусловленное открытием многочисленных диалектальных надписей, показало все неудобства такого предубеждения: формы, наблюдаемые в различных говорах, друг другом не объясняются, между тем как их легко понять, если привлечь общегреческий и индоевропейский. Георгу Курциусу (1820—1885) принадлежит двойная заслуга ознакомления классических филологов со сравнительной грамматикой и введения в лингвистику результатов, добытых эллинистами. Его „Основы греческой этимологии“ („Grundzüge der griechischen Etymologie“, 1858—1862) явились первым хорошим этимологическим словарем древнего языка: сближения здесь лучше проверены, филологические факты указаны полнее, чем в ценном для своего времени „Греческом корнеслове“ („Griechisches Wurzellexikon“) Бенфея (появился в 1839—1842 гг.). Г. Курциус не принес никакой существенно новой общей идеи; но своими филологическими познаниями и своим старанием объяснять подробности греческого языка с помощью сравнительной грамматики он значительно содействовал прогрессу науки и выполнял работу, ставшую необходимой: успех его этимологического греческого словаря, выдержавшего пять изданий (последнее в 1879 г.), и плодотворность его преподавательской деятельности свидетельствуют о важности его роли в истории науки.

В отношении латинского языка Корссен с меньшим талантом выполнил то же, что Курциус в отношении греческого. „Кельтская грамматика“ („Grammatica celtica“) Цейсса (1-е изд. 1853 г.; переиздана в 1871 г. Эбелем) положила основание кельтской лингвистике. Наконец, публикации Шлейхера и особенно Миклошича ввели в научный оборот древнеславянский язык: „Древнеславяно-греко-латинский словарь“ („Lexicon palaeoslovenicō - graeco - latinum“) Миклошича появился в 1862—1865 гг. С другой стороны, прекрасные исследования Вильгельма Томсена о германских словах, заимствованных финским языком (1870), показывали, как можно использовать заимствования для освещения истории языков.

Отовсюду, как мы видим, притекали новые точные факты, а главное, вместо рассмотрения относительно поздних форм язы-

ков, исследователи стали восходить к древнейшим памятникам каждого из них.

Две главные черты характеризуют это развитие сравнительной грамматики: установление Шлейхером понятия индоевропейского языка и увеличение числа, точности и древности исследуемых фактов.

Только к концу этого периода сравнительная грамматика индоевропейских языков, до тех пор разрабатывавшаяся одними немецкими учеными (и несколькими датчанами, как, например, Раск и Томсен), стала распространяться за пределами Германии. С 1866 до 1872 г. Мишель Бреаль переводит на французский язык грамматику Боппа, предпослав ей блестящее введение; тогда же, в 1866 г., окончательно учреждается Парижское лингвистическое общество; в 1875 г. Бреаль выпускает издание, перевод и полное исследование Эвгубинских таблиц.

Одновременно с этим распространением сравнительной грамматики подготовлялся и новый период в ее развитии.

В связи с тем, что стал изучаться весь ряд текстов от самых древних языков до современных говоров и складывались сравнительные грамматики языков романских (Диц, Г. Парис, Шухардт), славянских (Миклошич), германских и т. д., утрачивалось представление, будто предмет лингвистических изысканий сводится к объяснению первоначальных форм, и укреплялось стремление проследивать эволюцию каждого данного языка. Все более углублявшееся изучение современных языков, во всех их видах, позволяло составить себе более верное представление о языковом развитии, и на индоевропейский язык начинал устанавливаться взгляд как на язык относительно древний, но отнюдь не первобытный. С другой стороны, приемы доказательства, применяемые для установления положительных фактов в истории языков, оказывались бессильными подтвердить точность анализа индоевропейских форм, и по мере того как эти приемы становились все более строгими, оказывалось все труднее скрывать от себя невозможность изыскивать доказательства для объяснения грамматических форм индоевропейской эпохи. После 1875 г. такого рода объяснения уже более не встречаются в новых изданиях: окончательно порывается связь между концепциями XVIII века и концепциями сравнительной грамматики. Сравнительная грамматика индоевропейских языков уже более не имеет своим объектом воображаемый органический период языка, период образования, о котором доподлинно ничего не известно; она продолжает только, в несколько

более отдаленном прошлом, изыскания романистов, германистов, кельтистов, славистов, иранистов и т. д., получая результаты того же порядка и теми же методами.

С другой стороны, изучение тех форм, которые принимает язык в какой-либо момент в каждой отдельной местности, показывало, что изменения происходят не спорадически и произвольно, а по определенным законам.

Успехи сравнительной грамматики вскрывали закономерное действие строгих соответствий там, где поверхностное наблюдение обнаруживает только аномалию. Уже в 1863 г. в XII томе журнала Куна („Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung“) математик Грасман изложил, каким образом разъясняется кажущаяся аномалия соответствия скр. *b*, гр. *π*, гот. *b* в таком случае, как скр. *bódhate* „наблюдает“, гом. *πεύδεται* „разузнает“, гот. *-biudan* „приказывать“; это объяснение было приведено выше на стр. 75.

Индоевропейские глухие смычные **p*, **t*, **k* отражаются в германском в положении между сонорными (гласными или сонантами в собственном смысле) то через *f*, *þ*, *h*, то через *b*, *d*, *g* (гот. *b*, *d*, *g*); долгое время ограничивались констатацией этого двойного отражения: в 1877 г. в XXIII томе журнала Куна датчанин К. Вернер показал, что глухой спирант сохраняется в том случае, если предшествующий гласный элемент соответствует санскритскому (или греческому) тоническому элементу, и озвончается, если предшествующий гласный элемент не имеет тона: скр. *bhrátā* „брат“, гр. *φράτηρ* „член фратрии“ в готском соответствует *broþar* „брат“, а гот. *fadar* „отец“ соответствует скр. *pitā́*, гр. *πατήρ*.

Это открытие, устанавливая сохранение индоевропейского тона в общегерманском и в то же время объясняя целый ряд фактов германской грамматики, подтверждало следующую мысль Августа Лескина, высказанную им годом раньше в книге о балтийско-славянском склонении (Лейпциг, 1876): „В своем исследовании я исхожу из принципа, что дошедшая до нас форма падежа никогда не основывается на исключении из фонетических законов, соблюдаемых в других случаях... Допускать произвольные, случайные отклонения, не согласуемые между собой, это в сущности значит признать, что объект исследования, язык, не доступен для науки“. Принцип этот уже носился в воздухе; он, действительно, был последним звеном в цепи исканий Шлейхера и Курциуса; на него указывал Шерер уже в 1874 г.; Остгофф и Бругман в предисловии к первому тому своих „Морфологических исследований“ („Morphologische Untersuchungen“, 1878) облакают его в строгую формулировку:

„Всякое фонетическое изменение, поскольку оно происходит механически, совершается по законам, не знающим исключений, т. е. направление фонетического изменения у всех членов одного и того же языкового коллектива всегда одинаково, если не считать случая диалектального разделения, и все слова, заключающие подверженный изменению звук в одинаковых условиях, подчиняются ему безо всякого исключения“. Этот принцип с самого начала вызвал оживленные споры, и теоретическая его ценность сможет быть окончательно определена лишь тогда, когда точная природа и причины различных фонетических изменений будут установлены с учетом всей их сложности и всего их разнообразия. Но в целом он оказался в соответствии с фактами, наблюдаемыми в развитии новых языков (романских, германских, славянских и т. д.), в особенности местных говоров и наречий, безусловно точным в применении ко многим случаям из ряда наиболее важных, правильным в своей общей формулировке и всегда пригодным в качестве методологического руководства: он стал господствующим во всех последующих исследованиях, и даже те лингвисты, которые, как Шухардт, высказывали оговорки в отношении его теоретической ценности, на практике его применяли; работы, не соблюдающие систематически этого принципа, не заслуживают внимания.

Вместе с тем открытие Вернера вполне подтверждало то положение, что историческая фонетика кладет в основу не сходства, а системы соответствий. Тот факт, что различие в отражении внутреннего *t в гот. *broþar* и *fadar* объясняется различием в месте тона в вед. *bhṛātā* и *pitā*, гр. *φράτηρ* и *πατήρ*, показывало, что лингвист имеет дело не с более или менее однозначными конкретными фактами, но с соответствиями, которые могут касаться и разнородных фактов. Фр. *feu* „огонь“ и нем. *feuer* сходны по звучанию, но восходят к разным источникам, тогда как лат. *inguen* „опухоль“ и гр. *ἄδύς* „жолудь“, возможно, отражают то же индоевропейское слово, а гом. *δύρον* и арм. *erkar* „длинный“ восходят к одному и тому же прилагательному и.-е. **dwāro-*. Чтобы понимать подобные соответствия и знать, что является допустимым, а что нет, надо всегда располагать точными сведениями по фонетике.

Внимание, которое лингвисты стали уделять физиологическим приемам артикуляции и блистательным свидетельством которого являются „Основы фонетики“ Зиверса („Grundzüge der Phonetik“, 1-е изд. 1876), приводило с своей стороны к небывалой до той поры строгости фонетических исследований.

Принцип постоянства фонетических законов привел к пересмотру представлений о фонетической системе индоевропейского языка.

Вслед за Боппом, Шлейхер полагал, что в индоевропейском было три гласных: *а, *i, *u, как в семитском (судя по арабскому). С 1864 г. Курциус начинает указывать, что в некоторых словах, как, например, лат. *decem* „десять“, гр. *δέκα*, др.-сакс. *tehan* и т. п., все языки Европы согласно дают е при а в скр. *dāca*; но из этого делали только тот вывод, что языки Европы в какой-то момент, когда индо-иранский уже отделился, составляли единство. В своем большом труде о вокализме, появившемся в 1871—1875 гг., Иог. Шмидт (1843—1901), крупнейший из прямых учеников Шлейхера, выяснил только некоторые частные вопросы. К 1874 г. со всех сторон обращают внимание на невозможность допущения, чтобы единая фонема без определенных причин в одинаковом положении расщепилась на несколько других. В 1874—1876 гг. Ашелунг и в 1876 г. К. Бругман (1849—1919) устанавливают, что различие *е, *о и *а, как оно является в греческом ε, ο, α, в итальянском е, о, а, в кельтском е, о, а и, со смещением о и а, в германском и балтийско-славянском, представляет индоевропейское состояние; к тому же и в индо-иранском, согласно Бругману, есть след существования и.-е. *о, обнаруживающийся в том, что во многих грамматических формах гр. ο, лат. о и т. д. соответствует там не ā, но ā: к сожалению, это мнение было недостоверным, и чисто фонетический характер этого индо-иран. ā не представляется допустимым. Доказательством того, что различие *е и *о является индоевропейским, послужило другое наблюдение: литовским к и g в санскрите соответствуют то k, g, gh, то с, h, j, в иранском то k, g, то č, ĵ: около 1877 г. со всех сторон начинают замечать, что скр. k, ав. k появляются перед индо-иран. а, соответствующим а или о других языков, а скр. с, ав. č — перед индо-иран. а, соответствующим е других языков; так, скр. са „и“ = гр. τε = лат. que, но káh „кто?“ = лит. kàs; это наблюдение было впервые опубликовано К. Коллицем и Ф. де Соссюром, излагалось на лекциях И. Шмидтом, Тегнером (в Швеции), Вернером и В. Томсеном (в Дании). Сразу стало ясно, что греческий и оскский вокализм верно отражает вокализм индоевропейский и что сравнительную грамматику необходимо строить на сравнении всех языков; индо-иранские языки утрачивали свое первенствующее значение; вместе с тем, поскольку единственная существенная особенность, свойственная всем языкам Европы и чуждая индо-иранскому, оказывалась, таким образом, соответ-

ствующей индоевропейскому состоянию, не было уже основания предполагать период европейского единства, после отделения индо-иранского. Рассуждения о первоначальности трех основных гласных *а, *i, *u были оставлены. Наконец, принцип постоянства фонетических законов получил подтверждение: *а в языках Европы не расщепилось произвольно на а, е, о; двойное отражение *k в индо-иранском в виде k и c зависит от определенных условий; с тех пор стали считать а ргіогі неправдоподобным всякое произвольное расщепление.

Одновременно усложнялся и индоевропейский консонантизм. Шлейхер признавал в индоевропейском языке наличие только одного ряда гуттуральных. Но выдающийся итальянский лингвист Асколи (ум. в 1907 г.) обнаружил два ряда особых соответствий:

скр. k (с) = лит. k = лат. qu = гр. π (τ)
 скр. ç = лит. š = лат. c = гр. χ.

Фик, А. Авэ и И. Шмидт выяснили вполне, что в индоевропейском было два ряда гуттуральных и что эти два ряда представляют совершенно различные фонемы наравне с губными и зубными. Поскольку эти фонемы по-разному отражаются в индо-иранском, балтийском, славянском, армянском и албанском, с одной стороны, и в греческом, латинском, кельтском и германском — с другой, то благодаря этому внутри индоевропейского языка обнаружилось диалектальное различие.

В 1876 г. Бругман показал, что индоевропейские фонемы, определяемые соответствиями: скр. а, гр. α, лат. ep, гот. up, лит. ip и скр. а, гр. α, лат. ep, гот. up, лит. ip играли в морфологических элементах, содержащих п и m, ту же роль, что и скр. ġ в элементах, содержащих ġ; иными словами, что наряду с согласными п и m существовали и *ŋ и *m̥, т. е. гласные п и m. Это открытие весьма способствовало прогрессу сведений об индоевропейском вокализме, показав, сколь разнородны элементы, отраженные в скр. а и гр. α. А главное, оно позволило определить понятие сонантов и построить общую теорию индоевропейского вокализма.

Это было сделано Фердинандом де Соссюром (ум. в 1913 г.): его „Исследование о первоначальной системе гласных индоевропейских языков“ („Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes“), появившееся в 1878 г., извлекло выводы из открытий предшествующих годов и окончательно установило теорию индоевропейского вокализма. Наиболее закрытые гласные *i и *u перестали рассматриваться как подлинные гласные и опреде-

лились как вокалические формы *у и *w, подобно тому как *ṛ, *ḷ, *ṇ, *ṃ, суть вокалические формы *r, *l, *n, *m: в индоевропейском имеется собственно только одна гласная, выступающая в виде звуков *е и *о или же отсутствующая. Каждый морфологический элемент имеет огласовку ступени *е, ступени *о или ступени без гласной; важность этих чередований гласных в индоевропейской морфологии была отныне освещена полностью. Из наблюдения чередований выяснилось наличие еще одной фонемы, которой раньше не замечали: ступени без *е таких прилагательных, как скр. *ṣrutáḥ* = гр. *κλυτός* или скр. *tatáḥ* = гр. *τατός* (из **tytós*), от корней **k̑leu-* „слышать“ и **tep-* „тянуть“, соответствует в ряду скр. *sthítáḥ* = гр. *στατός* = лат. *status*, от корня **sthā-* „стоять“, гласная скр. *i* = гр. *α* = лат. *a*. Следовательно, ступень огласовки без *е в корнях с долгою гласною представляет фонему, определяемую соответствиями скр. *i* = гр. *α* (или *ε*, *ο*) = лат. *a* и т. д. Но эта фонема, которую мы, по примеру Бругмана, обозначаем чрез *э, является и во втором слоге некоторых корней, как скр. *janí-* = гр. *γενε-* „рождать“. Следовательно, существуют двусложные корни; старое учение об односложности индоевропейских корней рухнуло. Сочетаясь с предшествующим сонантом, фонема *э дает так называемые долгие сонанты (фонетической их природы Ф. де Соссюр не касался, не имея в том надобности, так как это не затрагивает системы): *ū есть *u + ə: скр. *pūtáḥ* „очищенный“ является наряду с *rāvítum* „очищать“, и это при наличии *ṣrutáḥ* „услышанный“ наряду с *ṣrotum* „слышать“ (скр. *o* отражает *a + u); поэтому сочетания *n + ə, *r + ə можно назвать *ṇ, *ṛ: санскрит имеет *jā-táḥ* „рожденный“ = лат. *nātus* при *janí-tum* „рождаться“, но *hā-tá* „убитый“ при *hán-tum* „убивать“. Итак, Ф. де Соссюр ввел в систему использование *э в индоевропейском языке.

Его взгляды сразу же получили подтверждение благодаря открытию, сделанному русским ученым Фортунатовым: литовский грамматик Куршат еще раньше заметил, что литовские долгие гласные и дифтонги могут иметь две разные интонации; Фортунатов же установил, что дифтонги *ir, il, in, im* принимают ту или иную интонацию, смотря по тому, соответствуют ли они скр. *ṛ, a* или же скр. *ṛ (ūr), ā* (т. е. именно долгим сонантам Ф. де Соссюра): лит. *miřtas* соответствует скр. *mṛtáḥ* „мертвый“, но *girtas* „пьяный“ оказывается соответствием к скр. *gīṛnāḥ* „проглоченный“ (с другим суффиксом). Реальность долгих сонантов была, таким образом, подтверждена иным путем по сравнению с тем, которому следовал Ф. де Соссюр.

Названная работа Ф. де Соссюра не только подводила итоги и уточняла предшествующие открытия в области вокализма, но и в том смысле была новым словом, что благодаря ей возникла стройная система, обнимающая все факты, ставящая на свое место факты уже известные и вскрывающая множество новых. С этого времени непозволительно стало в каком бы то ни было вопросе пренебрегать тем положением, что каждый язык образует систему, где все между собою связано и подчинено весьма строгому общему плану. Появившиеся после того работы по вокализму, именно Хюбшмана и Хирта, уточнили подробности, но в целом лишь подтвердили теорию Ф. де Соссюра.

Принцип постоянства фонетических законов оказался плодотворен не только для самой фонетики и для теории вокализма с его чередованиями, подчиняющими себе всю индоевропейскую морфологию; он предопределил существенный прогресс еще в двух отношениях.

Прежде всего он заставил лингвистов обратить внимание на важное значение аналогии. Конечно, и раньше в общем признавалась некоторая роль новообразований по аналогии; но пока допускалась возможность спорадических фонетических изменений, не было никакого способа определить, что именно надо относить к действию аналогии; теперь же, установив в каждом данном случае, какую форму следует ожидать фонетически, пришлось объяснять и отклонения от действия фонетических законов, причем оказалось, что значительная часть этих отклонений вызвана влияниями аналогии. Если древнее *k отражается в санскрите в виде k перед a, восходящим к *o, и переходит в c перед a, восходящим к *e, то следовало бы ожидать скр. *sákate* „следует“ при гр. *ἔπειτα*, но **sákante* при гр. *ἔπειτα*, лат. *sequuntur*; однако же мы имеем скр. *sákante* „следуют“ с c; это с вызвано аналогией с формой *sákate*; с другой стороны, греческое π в *ἔπειτα* вызвано аналогией с формами *ἔπειρα* „следую“, *ἔπειτα* „следуют“ и т. д. Таким образом, открытие касательно санскритских k и c требовало широкого применения объяснения аналогией. В 1880 г. Г. Пауль в первом издании своих „Принципов истории языка“ (*Prinzipien der Sprachgeschichte*) изложил психологическую теорию аналогии; Остгофф (ум. в 1909 г.) и Бругман (ум. в 1919 г.) дали примеры новообразований по аналогии в своих „Морфологических исследованиях“ (*Morphologische Untersuchungen*, 1878 и след.; см. также книгу Остгоффа о перфекте, 1884 г.), а В. Анри (ум. в 1907 г.) изложил в 1883 г. действие этого фактора в своем „Исследовании

об аналогии вообще и об аналогических образованиях в греческом языке“ („Étude sur l'analogie en général et sur les formations analogiques de la langue grecque“).

Но аналогия не объясняет всего, что стоит в противоречии с фонетическими законами. Многие затруднения разъясняются тем, что данные формы не являются исконными, но заимствованы из соседнего языка, из другого „диалекта“ или даже из литературных текстов. У каждого местного говора, у каждого диалекта свое самостоятельное развитие; и область распространения одного какого-либо явления ничего не говорит о степени распространения другого явления, как это показал Иог. Шмидт („Родственные отношения индогерманских языков“ — „Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen“, 1871) и как это обнаруживали романисты (Шухардт, П. Мейер, Жильерон и др.). Принцип „постоянства фонетических законов“ заставлял, таким образом, анализировать исторические влияния, оставившие следы в каждом данном языке. Оказалось, например, что латинский полон греческих слов, германский — латинских слов и т. д. Самым решающим результатом всего этого ряда наблюдений мы обязаны Хюбшману (ум. в 1908 г.): исходя из рассмотрения слов, заимствованных армянским языком из иранского, этот ученый показал в XXIII томе журнала Куна (в том же томе, где появилась и статья Вернера, упомянутая выше, см. стр. 459), что армянский язык заключает в себе элемент, который нельзя свести к иранскому, а следовательно, образует особую языковую группу; это позволило Хюбшману заложить основание сравнительной грамматики армянского языка, получившей затем дальнейшее развитие.

Приложение теории постоянства фонетических законов к системе гласных, к аналогии, к диалектам и к заимствованиям и открытия, явившиеся в результате этого, заставляли пересмотреть сравнительную грамматику каждого языка во всех ее подробностях. Сверх уже поименованных ученых следует еще упомянуть имена Малова — для индоевропейского, Бартоломе (ум. в 1925 г.) — для индо-иранского, Вакернагеля, Сольмсена (ум. в 1911 г.), В. Шульце — для греческого, В. Стокса (ум. в 1909 г.), Вайдиша (ум. в 1918 г.), Турнейсена, Циммера (ум. в 1910 г.) — для кельтского, Пауля, Клуге, Зиверса, Нореена, Аксея Кока — для германского, Бодуэна-де-Куртенэ — для славянского и других. Еще не пришло время указывать, что в сделанных тогда открытиях принадлежит каждому лингвисту, а тем менее оценивать роль тех ученых, которые пришли непосредственно после, как Кречмер, Мерингер, Штрейтберг,

Хирт, Иоханссон, Ульянов, Педерсен и т. д.; заслуги, например, Лескина в области балтийско-славянского и Л. Авэ в области латинского не могут быть достаточно выделены в столь кратком обзоре, единственная цель которого отметить существеннейшие моменты в развитии сравнительной грамматики.

В промежуток времени от 1875 до 1880 г. произошел полный переворот: четвертое издание „Компендиума“ Шлейхера в 1874 г. было еще полезным; в 1880 г. переиздание работ Боппа и Шлейхера имело бы только исторический интерес. Греческая грамматика Густава Мейера, вышедшая в 1880 г., является первым руководством, построенным на новых принципах. С 1886 г. начинает выходить обширный „Grundriss“ Бругмана, подытоживающий и дополняющий работу предшествующих десяти лет; благодаря исследованиям Г. Мейера и Хюбшмана, языки албанский и армянский впервые заняли подобающее им место в руководстве по сравнительной грамматике индоевропейских языков. В своем „Grundriss“ Бругман касался лишь фонетики и морфологии; но появилась потребность в новой части, которой еще не было ни у Боппа, ни у Шлейхера; стали понимать важность вопросов семантики, на которые обращал внимание особенно Бреаль; Б. Дельбрюк, положивший своими публикациями основание сравнительному синтаксису и начавший с 1871 г. выпускать сборник под названием „Syntaktische Forschungen“, написал для „Grundriss“ Бругмана ставший необходимым синтаксис; последний том этого сравнительного синтаксиса датирован 1900 годом. Есть целая область сравнительной грамматики, именно употребление форм и теория предложения, которой положил начало Б. Дельбрюк, долго оставаясь в ней почти единственным работником. Вопросы смысла наконец заняли подобающее место; одновременно тонкий анализ изменений в значении грамматических форм и особенно слов производил Бреаль в ряде заметок и в своем „Опыте семантики“ („Essai de sémantique“, 1897).

Здесь не место рассматривать работу, проделанную после 1880 г.; в частных вопросах было добыто множество ценнейших результатов, между прочим Иог. Шмидтом, и по разным областям появились прекрасные руководства; но ни ученые, принимавшие с самого начала участие в движении 1875 г., ни те, которые после присоединились к ним, не вводили новых принципов и в общем преимущественно занимались извлечением дальнейших выводов из уже установленных принципов.

В Германии мы различаем два главных направления. В Лейпциге, под влиянием сперва Курциуса, затем Бругмана, укрепилась

тенденция заниматься чистой лингвистикой, принимая филологические факты за установленные, и составлять систематические изложения каждого вопроса; именно в Лейпциге были в законченном виде сформулированы принципы поворота 70-х годов; именно из лейпцигской школы вышло большинство руководств и словарей; органом школы был журнал „Indogermanische Forschungen“, руководимый Бругманом и Штрейтбергом. В Берлине под влиянием Боппа, затем Йог. Шмидта и, наконец, В. Шульце, недавно вышедшего в отставку, наблюдается большее стремление исследовать непосредственно филологические факты и склонность к построению общих систем. Другие лингвисты, виднейшими представителями которых являются Фик и Беценбергер, отличаются большей независимостью в исследовании фактов. „Zeitschrift“ Куна, перешедшая под редакцию А. Беценбергера, Э. Куна и В. Шульце, и журнал „Glotta“, основанный Кречмером и Скуччем, представляют тенденции, противоположные лейпцигскому направлению. Эти различные направления удачно дополняли друг друга. За пределами Германии можно указать до 1925 г. только на две особые школы: русскую школу, испытавшую влияние Бодуэна-де-Куртена и особенно Фортунатова, и французскую школу, основанную Бреалем и получившую свой характерный отпечаток в результате десятилетнего преподавания Ф. де Соссюра в *École des hautes études* (1881—1891). Органами французской школы являются „Записки“ („*Mémoires*“) и „Бюллетень Парижского лингвистического общества“ („*Bulletin de la Société de linguistique*“). Впрочем, между всеми этими школами не наблюдается никакого существенного различия в принципах и методах. Влиянию Ф. де Соссюра, после опубликования его „Курса общей лингвистики“ („*Cours de linguistique générale*“, 1916), надо еще приписать широко развернувшуюся деятельность Пражского лингвистического кружка. К тому же, личное преподавание Ф. де Соссюра по вопросам общей лингвистики продолжается ныне в Женеве г-дами Балли и Сешезе, придавшими ему новый характер.

Принципы, на которых построено историческое изучение индоевропейских языков, прилагаются одинаково и к изучению других языковых семей, в особенности же языков семитских, языков угрофинских, языков индонезийских, языков банту (и вообще африканских) и т. д. Если другие языки не допускают возможности построения столь же полных сравнительных грамматик, как сравнительная грамматика индоевропейских языков, то это потому, что ни одна языковая группа не представляет столь сложной

морфологии, как индоевропейская; сравнительное изучение тем надежнее, чем больше аномальных форм в изучаемых языках; в этом отношении индоевропейский материал не имеет себе равных.

В одном отношении мы к 1900 г. достигли предела, дальше которого идти было нельзя: не было к этому времени ни одного языка, в какую бы эпоху — древнюю или новую — он ни был засвидетельствован, который можно было бы добавить к группе индоевропейских языков; надписи греческие, индийские и иные, которые открывают от времени до времени, находят свое место в ряду установленных фактов и вносят новый материал только в подробностях; новые пехлевийские манихейские тексты, тексты согдийские и на языке „сака“, обнаруженные экспедициями в Центральную Азию (см. выше, стр. 92) расширяют и уточняют прежнее представление об иранском языке, но не меняют его. Случайная находка в Центральной Азии текстов, вскрывших новую индоевропейскую группу — „тохарскую“ (от которой, впрочем, не сохранилось живых представителей), не приносит ничего, кроме ценных подробностей или подтверждений уже установленных теорий. Даже совершенно неожиданная находка, доставившая нам материал значительно более древний, чем материал древнейших ведийских, иранских или греческих текстов, не меняет нашего представления об индоевропейском; расшифровка г. Грозным хеттского языка не заставляет вносить никаких существенных изменений в изложенные нами взгляды; хеттский язык освещает многие факты, но не нарушает теории в целом; к тому же сравнение его с прочими индоевропейскими языками еще не закончено.

В ожидании того, что удастся сблизить с индоевропейской какую-нибудь другую группу языков (например, семитскую вместе с родственными ей так называемыми хамитскими языками, или угрофинскую, или кавказские языки) и таким образом объяснить происхождение индоевропейского языка, или что общая лингвистика нам даст новые точки зрения, мы можем пока только уточнять подробности уже добытых результатов, с учетом данных „тохарского“ и хеттского языков; но и для этого требуется продолжительная работа (особенно в отношении лексики, изучение которой, несколько заброшенное в период 1875—1900 гг., ныне оживляется), ибо нет почти ни одного вопроса, который можно было бы считать выясненным вполне.

Но если границы и структура индоевропейского языка, при современном состоянии доступных нам данных, могут почитаться уже установленными, то, с другой стороны, мы только еще начи-

наем исследовать развитие каждого языка на всем его протяжении, выяснять подробности исторических влияний — сводить факты к общим принципам и определять их причины.

Именно потому, что история индоевропейских диалектов уже не представляется нам как упадок и что новшества, свойственные каждому отдельному языку, оказываются настолько же или даже более важными, чем его потери, — уже недостаточно, описав индоевропейскую систему, ограничиваться только указаниями, что стало на почве каждого языка с элементами этой системы: каждый язык в каждый момент своей истории представляет оригинальную систему, которую необходимо описать и образование которой надо объяснить в целом. Дело сравнительной грамматики — показать, какими путями на почве каждого отдельного языка индоевропейская система перешла в новую систему; а составить себе представление об оригинальности каждой из этих систем можно лишь следя за ее эволюцией с самого начала исторической эпохи, наблюдая в нынешних говорах тончайшие особенности устной речи и освещая таким образом неясности фактов, засвидетельствованных текстами прошлого. Не говоря уже о языках, известных только в новейшее время, как язык албанский, историю которого позволили наметить личные наблюдения Г. Мейера, Педерсена и Йюкля, нужно особенно упомянуть работы Ф. де Соссюра о литовском языке: так, в своей статье, помещенной в VI томе „Indogermanische Forschungen“, Ф. де Соссюр показал на одном примере, сколько предварительной критики нужно для того, чтобы дать надежное истолкование одной формы, взятой из древнего текста; своими исследованиями литовской интонации он одновременно установил и необходимость наблюдений нынешних говоров и невозможность давать какие-либо объяснения, не установив теории, обнимающей все факты.

С течением времени индоевропейские языки стали все менее и менее походить друг на друга; это произошло отчасти от самостоятельного развития каждого из них, но также и в силу различия исторических влияний, которым они подвергались. Ис другой стороны, поскольку некоторые из них подвержены были общим влияниям, они стали представлять черты сходства, не объяснимые единством отправной точки: со времени вступления индоевропейских языков в область средиземноморской культуры и, в особенности, со времени распространения христианства и греко-римской цивилизации, все языки Европы получили значительное число общих черт в области лексики и значения слов: этим объясняется,

что легче научиться любому современному западноевропейскому языку, нежели древнему языку или восточному языку. Мало-помалу начинают проясняться многочисленные и сложные действия и воздействия языков друг на друга, вызванные историческими событиями; и все более и более обнаруживается, сколь далеки от реальности попытки объяснить факты данного говора, исходя из наивного предположения, что этот говор развился путем непрерывной передачи индоевропейского языка от поколения к поколению вплоть до исторической эпохи. Установление мелкой сети местных фактов в лингвистических атласах, особенно в „Лингвистическом атласе французских говоров“ Жильерона и Эдмона, а затем в атласе Восточной Швейцарии и Италии, составленном Ябергом и Юдом, показало, как огромно влияние некоторых центральных говоров, в особенности же общих языков; самостоятельность развития местных говоров не может отныне предполагаться а priori, а роль заимствования оказывается гораздо значительнее, чем это предполагалось раньше. Приходится определять условия, в которых передается каждое слово, каждая форма.

Фонетические и морфологические изменения, наблюдаемые в языке, являются лишь частными фактами, хотя и они происходят в речи неограниченного числа лиц. Но к настоящему времени проведены уже наблюдения весьма большого числа этих частных фактов в течение достаточно долгой истории различных наречий с индоевропейской эпохи до наших дней; наряду со сравнительной грамматикой индоевропейских языков образовались и другие для языков семитских, угрофинских, индонезийских (и, еще шире, малайо-полинезийских), берберских, банту и т. д. Таким образом, мы располагаем обширным собранием фактов и можем изучать общие условия эволюции языка. Уже в 1891 г. Руссело в своей работе „Фонетические видоизменения языка, изученные на говоре одного семейства из Сельфруэна“ („*Modifications phonétiques du langage étudiées dans le patois d'une famille de Cellerouin*“) изложил, на основе точных наблюдений, каким образом происходят фонетические изменения. В 1895 г. оригинальнейшая книга М. Граммона „Диссимиляция согласных в индоевропейских языках и в языках романских“ („*Dissimilation consonantique dans les langues indo-européennes et dans les langues romanes*“) явилась первым опытом в направлении общей фонетики; за нею последовал длинный ряд работ того же автора по другим общим проблемам, подытоженный в капитальном труде „Трактат по фонетике“ („*Traité de phonétique*“, 1933). Благодаря все более и более ясному познанию

физиологии артикуляционных движений, благодаря точности, которой достигают приемы экспериментальной фонетики (Розапелли, Пиппинг, Руссело и др.), становится возможной строжайшая интерпретация исторических фактов. Выясняется структура и функция нервной системы; психология теряет свой абстрактный характер, стремясь установить положительные факты, и Вундт прилагает некоторые ее результаты к лингвистике; приближается время, когда нельзя будет ссылаться на явления психической ассоциации, не подчиненной никакому общему принципу, как это слишком часто делалось в таких случаях, когда не было иного средства выйти из затруднения; повидимому, уже не далек тот день, когда и в этой области станут применять определенные правила.

Наконец, начинают методически изучаться условия существования и развития общества; понять же язык, явление социальное, можно лишь с учетом его социальной природы. Определение „фонетического закона“, как мы видели, предполагает наличие нововведений, общих целой общественной группе. Изменения в значениях по большей части являются следствием перехода употребляемых слов от одной группы людей к другой.

Оттолкнувшись в начале XIX в. от общей грамматики, лингвистика теперь возвращается к постановке общих вопросов. Научная лингвистика долгое время отождествлялась с исторической лингвистикой; история языков в настоящее время уже настолько изучена, что становится необходимым заново устанавливать общие принципы. Но тогда как прежняя общая грамматика опиралась на логику и старалась объяснить а priori первоначальные факты воображаемого органического периода, нынешняя общая лингвистика, опирающаяся на исследование фактов прошлого и настоящего, стремится выяснить не то, как образовался язык, как впервые возникли грамматические формы, но в каких условиях, согласно каким законам — либо ограниченным в пространстве и во времени, либо постоянно действующим — наблюдаемые факты сосуществуют и сменяются одни другими.

II. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ

Указывая здесь главнейшие труды, к которым читатель мог бы обратиться для пополнения и проверки сведений, сообщенных в нашей книге, мы намеренно опустили издания старше последней четверти XIX в., представляющие в настоящее время только исторический интерес, как популярные книжки Макса Мюллера, а также, конечно, и все новые работы, авторы которых не применяют строго научного метода. Входить в подробности было невозможно, и поэтому упомянуты только новейшие работы общего характера, особенно появившиеся примерно с 1890 г. Имена таких ученых, как Фортунатов, Остгофф, Циммер, Сольмсен, Цупица, Блаумфильд, не нашли себе места только потому, что ученые эти не писали руководств и не редактировали журналов.

Упомянутые здесь книги содержат более или менее обширные библиографические указания, которые помогут отыскать специальную работу по каждому отдельному вопросу. Более других упоминаются труды на французском языке как более доступные для многих читателей, но желающему изучать сравнительную грамматику необходимо знание немецкого языка.

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

W. D. Whitney, *Language and the Study of Language*, New York, 1867, и *The Life and Growth of Language*, New York, 1875 [рус. пер. „Жизнь и рост языка“ соч. Уитнея начат печатанием в журн. „Филологические записки“ 1885—1886 гг., но не закончен],

H. Paul, *Prinzipien der Sprachgeschichte*, 1880; 5-е изд., Halle, 1920 (свод принципов, господствовавших в лингвистическом движении последней четверти XIX в.).

Wegener, *Untersuchungen über die Grundfragen des Sprachlebens*, Halle, 1885.

F. de Saussure, *Cours de linguistique générale*, Lausanne et Paris, 1916 [рус. пер. *Ф. де Соссюр*, Курс общей лингвистики. М., 1933] (посмертный труд, отредактированный учениками автора на основе студенческих записей лекций, неполный, но заключающий глубокие мысли и заслуживающий пристального изучения с начала до конца).

E. Sapir, *Language*, New York, 1921 [рус. пер. *Э. Сепир*, Язык. М., 1934.] (ясно, толково; привлечены разнообразные языки, главным образом американские).

J. Vendryes, *Le langage*, Paris, 1921 [рус. пер. *Ж. Вандриес*, Язык. М., 1937] (ясно, полно, хорошо документировано).

O. Jespersen, *Language*, London, 1922 (много фактов и оригинальных рассуждений).

A. Meillet, *La méthode comparative en linguistique historique*, Oslo et Paris, 1925 (краткое изложение принципов).

Небольшие книжки *A. Grégoire*, *Petit traité de linguistique*, Liège, 1915, и *J. Marouzeau*, *La linguistique*, Paris, 1921 — совсем элементарны. Довольно

суммарна также книга *Leonard Bloomfield, An Introduction to the Study of Language*, New York, 1914. Новое ее издание, переработанное и улучшенное, появилось в 1933 г. под заглавием *Language (New York)*. Заслуживает внимания удобная для пользования книжка *J. Marouzeau, Lexique de la terminologie linguistique*, Paris, 1933.

Отныне надо еще иметь в виду публикации, примыкающие к посмертному курсу *Ф. де Соссюра*, именно: *Travaux du cercle linguistique de Prague (Praha, с 1929 г.)* и *Ch. Bally, Linguistique générale et linguistique française (Paris, 1932)*.

G. von der Gabelentz, Die Sprachwissenschaft, 2-е изд., Leipzig, 1901.

J. van Ginneken, Principes de linguistique psychologique, Paris, 1907 (замечательно точною взглядом автора в области как психологии, так и лингвистики).

Ch. A. Sechehaye, Programme et méthodes de la linguistique théorique, Paris, 1908.

W. Wundt, Völkerpsychologie, I том (в двух выпусках): *Die Sprache*, Leipzig, 1900 (2-е изд., переработанное, 1904; 3-е изд. 1911—1912); критика *Дельбрюка: Grundfragen der Sprachforschung...*, Strassburg, 1901, и ответ *Вундта: Sprachgeschichte und Sprachpsychologie*, Leipzig, 1901; см. также „*Année sociologique*“ *Дюргейма*, 5-й год издания (Paris, 1902), стр. 595 и сл., и последующие годы; *Sütterlin, Das Wesen der sprachlichen Gebilde*, Heidelberg, 1902, и *Jan von Rozwadowski, Wortbildung und Wortbedeutung*, Heidelberg, 1904.

R. Lenz, La oración y sus partes, Madrid, 1920 (с интересными точками зрения).

A. Meillet, Linguistique historique et linguistique générale, Paris, 1921 (не систематическая работа, а сборник статей).

Hugo Schuchardt, Brevier. Ein Vademekum der allgemeinen Sprachwissenschaft, Halle, 1922 (сделанная Шпитцером выборка важнейших высказываний великого австрийского лингвиста).

F. N. Finck, Die Sprachstämme des Erdkreises und Die Haupttypen des Sprachbaus, Leipzig, 1909 и 1910 (две небольшие книжки, очень увлекательные).

Les langues du monde, sous la direction de A. Meillet et M. Cohen, Paris, 1925.

O. Dittrich, Die Probleme der Sprachpsychologie, Leipzig, 1914.

Rousselot, Les modifications phonétiques du langage étudiées dans le patois d'une famille de Cellefrouin, Paris, 1892 (важно для изучения фонетических изменений).

O. Jespersen, Progress in Language, London, 1894 (2-е изд., 1909) и *Sprogets Logik*, København, 1913.

J. Baudouin de Courtenay, Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen, Strassburg, 1895.

V. Henry, Antinomies linguistiques, Paris, 1896 (опровержение некоторых чрезвычайно распространенных грубых заблуждений).

M. Bréal, Essai de sémantique, 3-е изд., Paris, 1904.

Chr. Nyrop, Das Leben der Wörter (на немецкий перевод Vogt), Leipzig, 1903, и *Grammaire historique de la langue française*, том IV (полное изложение семантики с примерами из французского языка).

E. Wechsler, Gibt es Lautgesetze? Halle, 1903, отгук из „*Festgabe für H. Suchier*“ (лучшее изложение вопросов, возникающих в связи с фонетическими законами; с библиографией).

H. Oertel, Lectures on the Study of Language, New York and London, 1901 (поверхностно и часто ненадежно).

W. Meyer-Lübke, Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft, Heidelberg, 2-е изд. 1909 (ценные общие замечания по поводу фактов романских языков).

Ch. Bally, Traité de stylistique française, Heidelberg et Paris, 1909, и Le langage et la vie, Genève, 1913 (много оригинального; подчеркивание роли чувства).

Mélanges linguistiques offerts à *M. A. Meillet* par *Barbelenet, Dottin, Gauthiot, Grammont, Laronde, Niedermann, Vendryes*, Paris, 1902 (сборник статей, из коих некоторые касаются общих вопросов).

A. Dauzat, Essai de méthodologie linguistique dans le domaine des langues et des patois romans, Paris, 1906 (ясно, мало самостоятельно; те же мысли воспроизведены автором в более простой форме и с иными указаниями в La vie du langage, Paris, 1910, и La philosophie du langage, Paris, 1912).

H. Sweet, History of language, 1901 (популяризация).

V. Porzeziński, Einleitung in die Sprachwissenschaft (перевод с русского Boehme), Leipzig, 1910 [русский оригинал *В. Поржезинский*, Введение в языковедение, вышел 4-м изданием в 1916 г.] (касается преимущественно исторической лингвистики).

Elise Richter, Wie wir sprechen (Sechs volkstümliche Vorträge), Leipzig, 1912 [рус. пер. *Элизе Рихтер*, Как мы говорим? СПб, 1913] (небольшая содержательная книжка, из серии Aus Natur- und Geisteswelt).

Gillieron, Mongin et Roques, Études de géographie linguistique, Paris, 1912; по лингвистической географии см. также: *G. Huber*, Sprachgeographie в Bulletin de dialectologie romane, I (1909) и отдельно; *Jaberg*, Sprachgeographie, Aarau, 1908, и рассуждения у *Terracher*, Les aires morphologiques dans les parlers populaires du Nord-Ouest de l'Angoumois, Paris, 1914 (капитальная работа). Труды *Gillieron*, именно Généalogie des mots qui désignent l'abeille, Paris, 1918, и Études de géographie linguistique, Pathologie et thérapeutique verbales, Paris, 1915—1921, касаются исключительно французских говоров, но имеют большое методологическое значение. Небольшая книжка *Dauzat*, La géographie linguistique, Paris, 1922, хорошо ориентирует в этом вопросе в целом.

По общей теории предложения следует посмотреть работы *M. J. Ries*: Was ist Syntax? Prag, 1927; Zur Wortgruppenlehre, Prag, 1928; Was ist ein Satz? Prag, 1931. Наиболее полезная работа — это изобилующее фактами и мыслями руководство *M. W. Havers*: Handbuch der erklärenden Syntax, Heidelberg, 1931.

В области фонетики нижеследующие книги дадут лучше всего представление о различных течениях:

E. Sievers, Grundzüge der Phonetik, 5-е изд., Leipzig, 1901.

P. Passy, Études sur les changements phonétiques, Paris, 1890, и Petite phonétique comparée des principales langues européennes, Leipzig, 1906.

H. Sweet, A primer of Phonetics. 3-е изд., Oxford, 1906.

O. Jespersen, Lehrbuch der Phonetik, Leipzig, 2-е изд., 1913 (сокращенное изложение по-немецки более обширного сочинения на датском языке) и Phonetische Grundfragen, Leipzig, 1904; Elementarbuch der Phonetik, Leipzig, 1912.

Rousselot, Principes de phonétique expérimentale, Paris, 1897—1903 (много места занимает описание личных опытов автора). — С 1911 г. Rousselot совместно с *Pegnot* издавал „Revue de phonétique“; четвертый том остался не законченным.

E. Wheeler Scripture, *The Elements of Experimental Phonetics*, New York and London, 1902 (свод сведений, которыми должен обладать лингвист по физике, анатомия и физиологии).

H. Gutzmann, *Physiologie der Stimme und Sprache*, Braunschweig, 1909 (точно и обстоятельно).

L. Roudet, *Éléments de phonétique générale*, Paris, 1910 (хорошие определения).

Poirot, *Phonetik*, Leipzig, 1911 (составляет часть *Handbuch der physiologischen Methodik*; точное и обстоятельное описание приемов экспериментальной фонетики, но наиболее существенное из этого можно найти и в упомянутой ниже фундаментальной работе Граммона).

M. Grammont, *Traité pratique de prononciation française*, 2-е изд. Paris, 1920 (важно по заключающимся в нем общим принципам).

M. Grammont, *Traité de phonétique*, Paris, 1933 (фундаментальная работа, где можно найти и описание произносительных приемов, и теорию изменений фонем).

Библиографию по вопросам фонетики см. в журнале *Vox*, редактируемом г-дами Gutzmann и Panconcelli-Calzia, Berlin, 1913 и след.

2. ОБЩАЯ СРАВНИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Есть только одно изложение современного состояния наших знаний по всей совокупности сравнительной грамматики индоевропейских языков:

K. Brugmann und B. Delbrück, *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*, Strassburg, I том, *Einleitung und Lautlehre*, 2-е изд. 1897; II том посвящен морфологии, 1888—1892 (2-е издание, переработанное и очень расширенное: 1-я часть [словообразование], 1906; 2-я часть [склонение и употребление именных форм], 1909—1911; 3-я часть [глагол], 1-й выпуск 1913, 2-й выпуск 1916), — III, IV и V тома, посвященные синтаксису, 1893—1900, написаны Б. Дельбрюком (III и IV в значительной своей части заменены частями выпущенного Бругманом 2-го издания II тома).

K. Brugmann, *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*, Strassburg, 1902—1904, основывается на только что упомянутом большом труде, но гораздо короче, и рассматривает в подробностях только наиболее известные языки: санскритский, греческий, латинский, германские и славянские. Французский перевод под заглавием *Abrégé de grammaire comparée*, Paris, 1905; перевели J. Bloch, A. Cuny и A. Ernout под редакцией A. Meillet и R. Gauthiot.

Эти работы заключают множество правильных положений и хорошо проверенных сведений.

С тех пор появлялась новая книга, но идеи, в ней развиваемые, не пользуются общим признанием: *H. Hirt*, *Indogermanische Grammatik*, Heidelberg: I — *Einleitung, Etymologie, Konsonantismus* (1927), II — *Der Vokalismus* (1921), III — *Das Nomen* (1927), IV — *Doppellung, Zusammensetzung, Verbum* (1928), V — *Der Akzent* (1929). Объявлено о выпуске в ближайшем будущем заключительного тома, содержащего синтаксис.

Элементарные руководства, которыми можно пользоваться, суть следующие:

R. Meringer, *Indogermanische Sprachwissenschaft*, Leipzig (Sammlung Götschen), 3-е изд., 1903 (очень кратко, популяризация).

Jos. Schrijnen, *Inleiding tot de studie der vergelijkende indogermanische taalwetenschap*, Leiden, 1905 (мало самостоятельно, но очень хорошо документиро-

вано; обильная библиография). Немецкое издание: Einführung in das Studium der indogermanischen Sprachwissenschaft (перевед Fischer), Heidelberg, 1921.

Полезно использовать и такие работы, которые, казалось бы, судя по их заглавиям, относятся только к языкам греческому и латинскому, именно:

V. Henry, Précis de grammaire comparée du grec et du latin, 6-е изд. (воспроизводящее 5-е издание 1894 г. почти без изменений), Paris, 1908 (очерк общей сравнительной грамматики в применении к греческому и латинскому языкам; единственное хорошее пособие по общей сравнительной грамматике на французском языке вплоть до выхода в свет перевода Бугмановского Grundriss, но ныне устаревшее).

Giles, A Short Manual of Comparative Philology for Classical Students, 2-е изд. London, 1901; немецкий перевод: Leipzig, 1896.

Kretschmer, статья „Sprache“ в Einleitung in die Altertumswissenschaft под редакцией Gerekke и Norden, I (хороший обзор истории греческого и латинского языков).

A. Meillet et J. Vendryes, Traité de grammaire comparée des langues classiques, второе, просмотренное издание, Paris, 1927.

C. D. Buck, Comparative Grammar of Greek and Latin, Chicago, 1933.

Долгое время существовал только один этимологический словарь индоевропейских языков в целом:

A. Fick, Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, 4-е изд., Göttingen, 1890 (книга ценная и любопытная, но слишком краткая и неудобная по расположению материала; ею следует пользоваться критически, ибо она заключает множество ошибок в приводимых словах, а автор не всегда обнаруживает достаточно строгости в области фонетики).

Мы имеем теперь посмертный труд *Walde*, выпущенный в свет г-ном Pokoyuz: Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, Leipzig, 1928—1933; 2 тома и указатель особым выпуском. Обработка подробностей не безупречная и документация недостаточная; но фактов собрано множество.

Надо упомянуть еще:

O. Schrader, Realexikon der indogermanischen Altertumskunde, Strassburg, 1901 (удобная сводка всего известного о названиях животных, вещей, учреждений и т. д.; не всегда надежно как в лингвистическом, так и в археологическом отношении); 2-е изд. (Berlin und Leipzig, 1917—1928) редактировал Nehring, внесший в работу заметные улучшения.

Чтобы подготовиться к пониманию сравнительной грамматики, можно воспользоваться следующими работами:

B. Delbrück, Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen, 5-е изд., Leipzig, 1908 [рус. пер. Б. Дельбрюк, Введение в изучение языка, приложен к книге С. Булича, Очерк истории языкознания в России СПб 1904] (интересно для истории сравнительной грамматики).

Fr. Bechtel, Die Hauptprobleme der indogermanischen Lautlehre seit Schleicher, Göttingen, 1892 (то же замечание, что и о предыдущей работе).

H. d'Arbois de Jubainville, Les premiers habitants de l'Europe, 2-е изд. в 2 томах, Paris, 1889—1894.

P. Kretschmer, Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache, Göttingen, 1896 (интересен разбор многих общих вопросов в первой части книги).

V. Thomsen, Sprogvidenskabens historie, København, 1902 [рус. пер. В. Томсен, История языковедения до конца XIX в., М. 1938] (изложение всей истории лингвистики, исполненное со свойственной автору широтой взглядов и уверенностью).

Ratzel, Geographische Prüfung der Thatsachen über den Ursprung der Völker Europas („Berichte der sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften“, phil.-hist. Cl., 1900, стр. 25 и сл.).

M. Much, Die Heimat der Indogermanen im Lichte der urgeschichtlichen Forschung, 2-е изд., Berlin, 1904.

H. Hirt, Die Indogermanen, ihre Verbreitung, ihre Urheimat und ihre Kultur, Strassburg, 1905—1907 (легко читается, интересно и хорошо документировано).

O. Schrader, Sprachvergleichung und Urgeschichte, 3-е изд., Jena, 1906—1907 [рус. пер. *О. Шрадер*, Сравнительное языковедение и первобытная история, 1886] (книга, изобилующая фактами).

O. Schrader, Die Indogermanen, Leipzig, 1911 [рус. пер. *О. Шрадер*, Индоевропейцы. СПб 1913] (небольшая книжка из серии Wissenschaft und Bildung).

S. Feist, Europa im Lichte der Vorgeschichte, Berlin, 1910 (кратко, но ясно, толково и на уровне современных знаний). — Kultur, Ausbreitung und Herkunft der Indogermanen, Berlin, 1913 (последнее большое изложение вопроса). — Indogermanen und Germanen, Halle, 1914, 2-е изд. (брошюра, излагающая окончательную установку автора).

A. Carnoy, Les Indo-Européens (Préhistoire des langues, des mœurs et des croyances de l'Europe), Bruxelles, 1921 (мало оригинального и посредственной точности).

Следует, наконец, указать на некоторые работы, касающиеся частных вопросов, но затрагивающие и многие общие вопросы:

Ferdinand de Saussure, Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes, Leipzig, 1879; переиздание, Paris, 1887 (изложение основных принципов индоевропейского вокализма; капитальная работа, заслуживающая внимательного изучения, несмотря на свою давность). Переиздано вместе со всеми прочими работами Ф. де Соссюра под заглавием: Recueil des publications scientifiques de F. de Saussure, Genève, 1922.

H. Hübschmann, Das indogermanische Vocalsystem, Strassburg, 1885.

Joh. Schmidt, Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra, Weimar, 1889 (оригинально и очень интересно).

J. Wackernagel, Vorlesungen über Syntax mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch, вышло 2 тома, Basel, 1920—1928 (работа фундаментальная и глубокомысленная).

M. Grammont, La dissimilation consonantique dans les langues indo-européennes et dans les langues romanes, Dijon, 1895 (работа фундаментальная для общей лингвистики).

Dottin, Les désinences verbales en r en sanskrit, en italique et en celtique, Rennes, 1896 (совершенно устарело).

A. Meillet, Les dialectes indo-européens, Paris, 1908 (в 1922 г. вышло новое издание с предисловием, дающим много нового); составляет первый том серии Collection linguistique, выпускаемой издательством Champion при содействии Société de linguistique de Paris.

R. Gauthiot, La fin de mot in indo-européen, Paris, 1913 (важно для общей фонетики и для теории индоевропейского языка).

J. Lohmann, Genus und Sexus, Göttingen, 1932 (изобилует фактами и мыслями).

По истории развития сравнительной грамматики см. Geschichte der indogermanischen Sprachwissenschaft под редакцией W. Streitherg (Strassburg, с 1916 г. Berlin); вышли в свет: греческий язык, автор Thumb, латинский — Walde, кельтский — Thurneussen, славянский и балтийский — Brückner, албанский Jokl и т. д.

По вопросу, вызывающему столько споров, о родстве индоевропейского языка с иными языковыми группами, можно в особенности рекомендовать *A. Cuny, Études prégrammaticales sur le domaine des langues indo-européennes et chamito-sémitiques, Paris, 1924*, и *B. Collinder, Indo-uralisches Sprachgut, Uppsala, 1934*.

Несколько немецких периодических изданий специально посвящены сравнительной грамматике индоевропейских языков:

Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, с 1852 г., сперва Berlin, потом Gütersloh, основатель — *Ad. Kuhn* (откуда наименование „журнал Куна“, *Kuhn's Zeitschrift*, сокращенно *K. Z.*); в дальнейшем его редактировали *E. Kuhn* и *Joh. Schmidt*, затем *E. Kuhn* и *W. Schulze*. С 1877 г. стали выходить *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*, Göttingen, основатель — *Ad. Bezzenberger* (откуда наименование *Bezzenberger's Beiträge*, сокращенно *B. B.*); потом редакторами были *Bezzenberger* и *Prellwitz*; последний вышедший том — XXX; в дальнейшем это издание слилось с упомянутым раньше; оба объединившиеся журнала — редакторы сперва *A. Bezzenberger* и *W. Schulze*, затем *W. Schulze* и *H. Oertel* — выходят ныне в Геттингене под названием и с нумерацией первого (*K. Z.*); т. LXI печатается.

Indogermanische Forschungen (сокращенно *I. F.*), *Zeitschrift für indogermanische Sprach- und Altertumskunde*, основатели — *K. Brugmann* и *W. Streitberg*; ныне редактируется г-дами *F. Sommer* и *A. Debrunner*, выходит с 1892 г., Strassburg (ныне Berlin); т. LXX печатается (1934).

Glotta, Zeitschrift für griechische und lateinische Sprache, основатели и редакторы — *Kretschmer* и *Skutsch*, выходит с 1907 г., Göttingen; после смерти Скютча латинскую часть редактирует *Kroll*.

Wörter und Sachen, журнал этот первоначально редактировали *Meringer*, *Meyer-Lübke*, *Mikkola*, *R. Much* и *Murko*; выходит с 1909 г., Heidelberg (журнал посвящен параллельному изучению дома, утвари, орудий и т. п. и тех слов, которыми они называются).

В этих важных журналах иногда встречаются статьи по-английски и по-французски. Большинство французских статей по сравнительной грамматике являются в:

Mémoires de la Société de linguistique de Paris (секретарем общества долгое время был *Bréal*), выходит с 1868 г., Paris (сокращенно *M. S. L.*), т. XXIII печатается; другое издание *Bulletin de la Société de Linguistique* (*B. S. L.*) содержит многочисленные рецензии, начиная с 1907 г., а теперь также и самостоятельные статьи.

Американское лингвистическое общество (*Linguistic Society of America*) ныне выпускает свое периодическое издание, охватывающее всю совокупность лингвистических знаний: *Language* (Baltimore, с 1925 г.); общество публикует также серии монографий и диссертаций.

Органом весьма деятельной группы норвежских лингвистов является очень содержательный и разнообразный журнал, статьи в котором излагаются или по крайней мере резюмируются по-немецки, по-французски или по-английски: *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskab*, основатель и редактор — *C. Marstrand* (выходит с 1928 г., Oslo; т. VI вышел в свет).

Некоторые работы на английском языке появляются в *The American Journal of Philology*, Baltimore, с 1880 г., и в *Classical Philology*, Chicago, с 1906 г.

В итальянском журнале *Rivista indo-greco-italica*, Napoli, с 1917 г., под редакцией Ribezzo, печатается много лингвистических статей. Есть лингвистические статьи и в новом испанском журнале *Emerita* (Madrid, с 1933 г.).

Библиографию литературы по сравнительной грамматике за годы 1892—1907 можно найти в издававшемся под редакцией W. Streitberg:

Anzeiger für indogermanischen Sprach- und Altertumskunde, в виде приложения (отдельно в продажу не поступало) к упомянутым выше *Indogermanische Forschungen* (полный перечень всех появившихся за каждый год работ по всем древним индоевропейским языкам: сокращенно I. F. Anz.);

а теперь в *Indogermanisches Jahrbuch*: издается в Берлине (фирмой W. de Gruyter) от имени *Indogermanische Gesellschaft* под редакцией сперва A. Thumb и W. Streitberg, затем W. Streitberg и A. Walde, ныне A. Debrunner и W. Porzig. I том, помеченный 1914 годом, содержит библиографию за 1912 г., с замечаниями о новых вопросах. XVIII том, с библиографией за 1932 г., вышел в свет. Сборник этот, оповещающий обо всех новинках, незаменим.

Критические журналы, именно *Revue critique* во Франции, *Litterarisches Zentralblatt*, *Deutsche Literaturzeitung* и *Gnomon* в Германии, обычно извещают о появлении и дают разбор важнейших работ по сравнительной грамматике, вскоре же после их выхода в свет. Нельзя пренебрегать и теми рецензиями, очень оригинальными, которые публикует Grammont в *Revue des langues romanes*, Montpellier.

3. СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ГРАММАТИКИ ОТДЕЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

Здесь будут указаны только работы, относящиеся специально к сравнительной грамматике. Чисто описательные грамматики, как, например, превосходная санскритская грамматика *Renou* или классическая грамматика *Whitney* (где широко использован и ведийский язык), или столь полезная книга того же автора о санскритских корнях, или большая грамматика праkritов, которую составил *Pischel* (в *Grundriss der indo-arischen Philologie*, имеющей задачей дать общую картину всей индийской филологии), или работа *Franke* о среднендийском (*Pali und Sanskrit*, Strassburg, 1902) не войдут в наш обзор.

А. Индо-иранские

а. Санскрит

J. Wackernagel, *Altindische Grammatik*: I. Lautlehre, 1896; II, I, Einleitung zur Wortlehre, Nominalkomposition, 1905; III (в сотрудничестве с Debrunner), *Deklination der Nomina, Zahlwörter, Pronomina*, 1929—1930, Göttingen (превосходная книга, с подробной библиографией по каждому вопросу; морфология еще не закончена; глагол отсутствует).

Uhlenbeck, *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache*, Amsterdam, 1898 (можно рекомендовать; очень кратко и без библиографических указаний), *Etymologisches Wörterbuch der Sanskrit-Sprache* von E. und J. Leumann, Leipzig, 1907 (вышли только первые буквы). — Объявлено о скором выходе в свет очень подробного этимологического словаря, составленного Walther Wüst.

A. A. Macdonell, *Vedic Grammar*, Strassburg, 1910 (мало самостоятельно: много фактов).

Хорошим образчиком монографии является: *L. Renou*, *La valeur du parfait dans les hymnes vediques*, Paris, 1925.

О развитии языков Индии смотри:

Jules Bloch, *La formation de la langue marathe, 1914—1920*: фундаментальная книга, подытоживающая всю предшествующую работу и кладущая основы теории развития арийских языков Индии.

J. Bloch только что выпустил труд небольшого объема, но любопытный, ясный, глубокомысленный и включающий все существенное: *L'indo-aryen du Vêda aux temps modernes* (Paris, 1934).

6. Иранские

Grundriss der iranischen Philologie, под редакцией *W. Geiger* и *E. Kuhn*, I том, Strassburg, 1895—1901 (этот первый том посвящен изложению развития иранских диалектов с индоевропейской эпохи вплоть до нашего времени; с редким знанием дела *Bartholomae* изложил в нем сравнительную грамматику иранских языков. Но важные открытия, сделанные в Центральной Азии, и особенно открытие манихейских текстов на двух пехлевийских диалектах, текстов согдийских и „сака“, а также пересмотр древнеперсидских надписей и исследования Авесты обновили иранскую лингвистику и делают необходимым новое издание).

Ch. Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch*, Strassburg, 1904 (словарь древнеиранских диалектов, с краткими этимологическими указаниями; служит основой для всяких исследований; в отношении древнеперсидского надо принять во внимание новые издания, сверенные с подлинниками); его дополняет *Beiheft*, приложенный к тому XIX *Indogermanische Forschungen: Zum altiranischen Wörterbuch*, Strassburg, 1906.

A. Meillet et E. Benveniste, *Grammaire du vieux-perse*, Paris (пересмотренное издание), 1931.

Ch. Bartholomae, *Zur Kenntnis der mittliranischen Mundarten*, I—VI, Heidelberg, 1916—1925.

H. S. Nyberg, *Hilfsbuch des Pehlevi*, I—II, 1928—1931.

Horn, *Grundriss der neupersischen Etymologie*, Strassburg, 1893; см. критику *Hübschmann* в *Persische Studien* (Strassburg, 1895), где можно к тому же найти превосходную историю персидской фонетики.

R. Gauthiot, *Essai de grammaire sogdienne*; первая часть 1923; вторая часть (составил *Benveniste*) 1929.

Sten Konow, *Saka Studies*, Oslo, 1932 (грамматика и словарь диалекта сака).

G. Morgenstierne, *Indo-iranian frontier languages*, Oslo, I, 1929.

В. Хеттский

E. H. Sturtevant, *A Comparative Grammar of the Hittite Language*, Philadelphia, 1933 (первая сравнительная грамматика хеттского языка; налагает отчасти взгляды, лично принадлежащие автору, и слишком отдаляет хеттский язык от прочих индоевропейских).

В. Греческий

G. Meyer, *Griechische Grammatik*, 3-е изд., Leipzig, 1896 (только фонетика и морфология; устарела, но собрание фактов продолжает быть ценным).

K. Brugmann, *Griechische Grammatik*, 4-е изд. под ред. *A. Thumb*, München, 1913; составляет часть *Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft* под ре-

дакней I. von Müller (это 4-е издание, очень расширенное по сравнению со вторым, является лучшим изложением, систематическим и полным, сравнительной грамматики отдельного индоевропейского языка). E. Schwyzer подготовил пятое издание; первый его выпуск (введение и фонетика), в совершенно переработанном виде, уже вышел (München, 1934). Незаменимая работа.

H. Hirt, Griechische Laut- und Formenlehre, Heidelberg, 1902 (ясно и интересно, местами спорно; 2-е издание, 1912, собственно новая книга, очень улучшенная).

J. Wright, Comparative Grammar of the Greek Language, Oxford, 1912 (кратко и ясно, но мало самостоятельно; не обращено внимания на диалекты; некоторые положения устарели).

Hoffmann, Geschichte der griechischen Sprache, I, Berlin und Leipzig (Sammlung Göschen), 1911, 2-е изд. 1916 (кратко, но точно, талантливо и поучительно).

A. Meillet, Aperçu d'une histoire de la langue grecque, Paris, 1913; 3-е изд. 1930.

Kühner, Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache, 3-е изд., Hannover, I-я часть (редактировал Blass) в 2 томах, 1890—1892 (хорошее описание греческой морфологии, но указания по сравнительной грамматике лишены значения); 2-я часть (редактировал Gerth) в 2 томах, 1898—1904 (синтаксис, отнюдь не сравнительный).

R. Wagner, Griechische Grammatik (в Grundzüge der klassischen Philologie, II), Stuttgart, 1908 (много фактов и указаний).

Hoffmann, Die griechischen Dialekte, Göttingen, вышло три тома, 1891—1898.

A. Thumb, Handbuch der griechischen Dialekte, Heidelberg, 1909 (изобилует точными фактами; превосходная библиография); второе издание, с учетом новых данных и очень увеличенное, выпускает E. Kieckers; пока вышел только I том, Heidelberg, 1932.

C. D. Buck, Introduction to the Study of the Greek Dialects, Boston, 1910 (ясно и очень хорошо по расположению материала). Переиздание 1928 г. содержит много добавлений и дополнений.

Fr. Bechtel, Die griechischen Dialekte, I том (эолийский и аркадо-кипрский), Berlin, 1921; II том (западные говоры и памфилийский), 1923; III том (ионийский), 1924 (точно и на уровне современных знаний, интересно в отношении лексики, сравнительная грамматика сведена к минимуму).

A. Thumb, Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus, Strassburg, 1901.

G. Curtius, Grundzüge der griechischen Etymologie, 5-е изд., Leipzig, 1879 (устарело).

Prellwitz, Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache, 2-е изд., Göttingen, 1905 (удобно, но пользоваться можно только критически; 2-е издание значительно улучшено).

E. Boisacq, Dictionnaire étymologique de la langue grecque, Paris et Heidelberg 1909—1916 (много фактов и богатая библиография).

F. Müller Jzn, Grieksch Woordenboek, Groningen-s'Gravenhage, 1920 (кратко, но с обильными и точными данными, хорошие этимологические указания).

Passow-Crönert, Wörterbuch der griechischen Sprache, новое издание (с этимологическими указаниями Fraenkel), Göttingen, 1912 и след. (к июню 1914 г. вышло 3 выпуска).

J. Vendryes, Traité d'accentuation grecque, Paris, 1904 (хорошая элементарная книга с краткими указаниями по сравнительной грамматике).

A. Debrunner, Griechische Wortbildungslehre, Heidelberg, 1917 (точно, но чересчур кратко).

P. Chantraine, La formation des noms en grec ancien, Paris, 1933 (очень содержательная книга).

A. Sany, Le nombre duel en grec, Paris, 1906 (хороший образчик историко-сравнительной монографии).

V. Magnien, Le futur grec, Paris, 1912 (то же замечание, что и о предыдущей работе).

P. Chantraine, Histoire du parfait grec, Paris, 1927 (образчик истории развития одного грамматического типа).

Г. Итальянские

а. Латинский

A. Ernout et A. Meillet, Dictionnaire étymologique de la langue latine, Histoire des mots, Paris, 1932.

F. Stolz, Historische Grammatik der lateinischen Sprache, I, Einleitung, Lautlehre, Stammbildungslehre, Leipzig, 1894. Продолжение этой *Historische Grammatik* было поручено нескольким ученым: том III, 1, не сравнительного характера, вышел в 1903 г.

F. Stolz und Schmalz, Lateinische Grammatik, 4-е изд., München, 1910; составляет часть *Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft* под ред. I. von Müller (книжки Штольца содержат обильную библиографию и много материала; имеющийся в *Handbuch* синтаксис, составленный Шмальцем, не является сравнительным). Пятое издание переработали *M. Leumann* и *J. B. Hofmann, München, 1924—1928* (это новое издание в сущности новая работа, и работа превосходная).

F. Stolz, Geschichte der lateinischen Sprache, Berlin und Leipzig, 1911; 2-е издание редактировал *A. Debrunner, 1922* (*Sammlung Götschen*; хорошее краткое изложение внешней истории латинского языка).

Lindsay, The Latin Language, Oxford, 1894; на немецкий язык перевел, с поправками и добавлениями, *Nohl: Die lateinische Sprache, Leipzig, 1897* (очень хорошее изложение, преимущественно с латинской точки зрения; синтаксиса нет).

F. Sommer, Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre, 2-е издание (значительно исправленное, улучшенное и дополненное; с особым приложением *Kritische Erläuterungen*), Heidelberg, 1914 (ясно и точно, вполне на уровне современных знаний и вместе с тем оригинально; синтаксиса нет).

Kühner, Ausführliche Grammatik der lateinischen Sprache, I, Elementar Formen- und Wortlehre, neubearbeitet von F. Holzweissig (на самом деле не было переработано ни в филологическом, ни в лингвистическом отношении; пользоваться этой работой не стоит).

A. Meillet, Esquisse d'une histoire de la langue latine, 3-е изд., Paris, 1933.

M. Niddermann, Précis de phonétique historique du latin, Paris, 1906 (просто, ясно и точно); было переведено на языки немецкий (2-е изд. 1911 г.), английский и русский [*М. Нидерман, Историческая фонетика латинского языка, М. 1910*] в более полном и исправленном виде. Новое французское издание вышло в 1931 г.

A. Ernout, Morphologie historique du latin, Paris, 1914 (составлено с латинской точки зрения, но с полным объяснением форм). Книга эта имеется и в не-

мецком переводе (Heidelberg). Новое французское издание вышло в 1927 г. — Полезное дополнение к этой работе дает *Recueil de textes latins archaïques* того же автора, Paris, 1916 (с комментарием).

A. Walde, Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 2-е изд., Heidelberg, 1910 (изобилует фактами и ссылками; вполне на уровне современных знаний; превосходная работа). Новое издание выпускает Hofmann; это новое издание собственно новая книга, исключительной ценности.

Thesaurus linguae latinae, Leipzig, 1900 и след. (издание продолжается; монументальный словарь латинского языка, с точными и безупречными, но несколько краткими указаниями по этимологии, принадлежащими Thurneysen).

L. Job, Le présent et ses dérivés dans la conjugaison latine, Paris, 1893.

J. Vendryes, Recherches sur l'histoire et les effets de l'intensité initiale en latin, Paris, 1902 (касается одного частного вопроса, но оказавшего решающее влияние на историческое развитие латинского языка).

A. Meillet, De quelques innovations de la déclinaison latine, Paris, 1906.

A. Ernout, Les éléments dialectaux du vocabulaire latin, Paris, 1909 (показывает сложность происхождения латинской лексики).

C. Juret, Dominance et résistance dans la phonétique latine, Heidelberg, 1913 (очень продумано). Те же вопросы и вся совокупность латинской фонетики изложены в хорошо составленной книге того же автора: *Manuel de phonétique latine*, Paris, 1921.

L. Havet, Manuel de critique verbale appliquée aux textes latins, Paris, 1911 (многочисленные наблюдения над языком; важные методологические положения).

E. Löfstedt, Syntactica, Lund, I, 1928; II, 1933 (капитальное исследование вопросов латинского синтаксиса и стилистики).

6. Оско-умбрские

R. von Planta, Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte, 2 тома, Strassburg, 1892—1897 (фундаментальная книга).

R. S. Conway, The Italic Dialects, 2 тома, Cambridge, 1897 (во многих отношениях хорошо дополняет предыдущую работу).

C. D. Buck, A Grammar of Oscan and Umbrian, Boston, 1904 (есть также сокращенное немецкое издание: Heidelberg, 1905; книга очень удобная и ясная).

Conway — Whatmough — Johnson, The prae-italic Dialects of Italy, 3 тома, London, 1933 (труд фундаментальный по богатству представленного материала).

Д. Кельтские

H. Pedersen, Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen, т. I (фонетика), 1908—1909, т. II (морфология) 1911—1913, Göttingen (очень оригинальная работа, изобилующая фактами и идеями).

J. Vendryes, Grammaire du vieil irlandais, Paris, 1908 (не сравнительная). — *Pokorny* выпустил более краткое руководство: A concise old Irish grammar and reader, Halle, 1914.

Thurneysen, Handbuch des Altirischen, Heidelberg, 1909 (фундаментальная работа).

J. Morris Jones, A Welsh Grammar, Oxford, 1913 (ценно для истории валлийского языка; не всегда надежно).

W. Stokes und A. Bezzenger, Wortschatz der keltischen Einheit, Urkeltischer Sprachschatz, Göttingen, 1894; составляет вторую часть 4-го издания

упомянутого выше *Vergleichendes Wörterbuch* под ред. А. Fick (основное пособие, но пользоваться им надо критически).

Macbain, An Etymological Glossary of the] Gaelic Language, Inverness, 1896, 2-е изд. 1911 (не улучшенное и полное грубых ошибок).

V. Henry, Lexique étymologique des termes les plus usuels du breton moderne, Rennes, 1900.

G. Dottin, Manuel pour servir à l'étude de l'antiquité celtique, 2-е изд., Paris, 1915.

G. Dottin, La langue gauloise, Paris, 1920.

Парижский журнал *Revue celtique* извещает о выходе и дает оценку (стараниями г-на Vendryes) касающихся кельтской лингвистики работ и помещает статьи; статьи по кельтской лингвистике можно найти также в *Annales de Bretagne (Rennes)*, в *Zeitschrift für celtische Philologie* и в *Eriu (Dublin)*.

Е. Германские

Grundriss der germanischen Philologie, под редакцией Н. Paul, I том, 2-е изд., Strassburg, 1897, с замечательной *Vorgeschichte der altgermanischen Dialekte (Kluge)* и очерком каждого из германских диалектов (авторы: *Kluge, Noreen, Behaghel, te Winkel, Siebs*). С 1911 г. стало выходить, отдельными томами, 3-е издание; вышли уже: описание готского языка — *Kluge*, история немецкого — *Behaghel*, доистория германского — *Kluge*, скандинавский — *Noreen*.

Noreen, Abriss der urgermanischen Lautlehre (очень оригинально).

W. Streitberg, Urgermanische Grammatik; объявленное второе издание не вышло. У того же издателя *Hirt* выпустил совсем иного рода книгу, несколько слишком оригинальную, подобно большинству работ этого автора: *Handbuch des Urgermanischen* (3 тома; последний вышел в 1934 г.).

F. Dieter, Laut- und Formenlehre der altgermanischen Dialekte, Leipzig, 1900.

V. Henry, Précis de grammaire comparée de l'anglais et de l'allemand, 2-е изд., Paris, 1907.

Loewe, Germanische Sprachwissenschaft, Berlin und Leipzig, 3-е изд., 1918 (очень краткая книжка, Sammlung Göschen).

A. Meillet, Caractères généraux des langues germaniques, 3-е изд., Paris, 1926.

H. Hirt, Geschichte der deutschen Sprache, München, 1919 (с интересными замечаниями об индоевропейском и общегерманском). §

Uhlenbeck, Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache, 2-е изд., Amsterdam, 1900 (удобно и точно). 3-е издание, под редакцией Lidén, подготавливается (Heidelberg).

S. Feist, Etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache, 2-е изд., Halle, 1923 (исобилует материалом и удобно).

H. Falk und A. Torp, Wortschatz der germanischen Spracheinheit, Göttingen, 1909; составляет 3-й том 4-го издания Etymologisches Wörterbuch под ред. А. Fick (пользоваться можно только критически).

Fr. Kluge, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache; 11-е изд., под редакцией Götze, вышло почти все; Berlin, 1930 и след. (превосходная книга).

Franck, Etymologisch woordenboek der nederlandsche taal, 2-е изд., под редакцией N. van Wijk, s'Gravenhage, 1910 и след. (новое издание вполне исправно; очень хорошая работа).

Jahresbericht über die Erscheinungen auf dem Gebiete der germanischen Philologie, Leipzig, 1880 и след. (ежегодные обзоры, очень хорошо составленные).

Здесь же следует отметить два превосходных собрания грамматик старых германских диалектов — одно под многолетней редакцией *Braune* (в издательстве Niemeyer, Halle), другое под редакцией *Streitberg* (в издательстве Winter, Heidelberg), хотя вопросы сравнительного характера в них в общем занимают мало места.

Статьи по сравнительной грамматике германских языков можно найти в различных периодических изданиях, посвященных германской филологии, особенно же в *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Litteratur*; журнал этот в 1874 г. начал выходить в Halle под редакцией *Paul* и *Braune*; потом редактором стал *Sievers* (в ссылаках сокращенно: PBB. или PBSB.).

Ж. Балтийские

Berneker, Die preussische Sprache, Texte, Grammatik, etymologisches Wörterbuch, Strassburg, 1896.

R. Trautmann, Die altpreussischen Sprachdenkmäler, Göttingen, 1910 (хорошее издание текстов и полное и точное исследование). Того же автора: Baltisch-slavisches Wörterbuch, Göttingen, 1923 (точно и хорошо документировано).

Wiedemann, Handbuch der litauischen Sprache, Strassburg, 1897 (посредственно; не устраняет необходимости обращаться к *Schleicher*, Litauische Grammatik, Prag, 1856, и к *Kurschat*, Grammatik der litauischen Sprache, Halle, 1876).

A. Leskien, Litauisches Lesebuch mit Grammatik und Wörterbuch, Heidelberg, 1919 (только фонетика имеет отчасти сравнительный характер).

A. Leskien, Der Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen, отгиск из тома IX Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der kön. sächsischen Academie der Wissenschaften; его же Die Bildung der Nomina im Litauischen, отгиск из т. XII того же сборника (две превосходные работы, с многочисленными библиографическими указаниями).

Harold H. Bender, A Lithuanian Etymological Index, Princeton, 1921 (только указатель этимологий, имеющихся в словарях).

R. Gauthiot, Le parler de Buividze, Paris, 1903 (хороший образец исследования одного из литовских говоров, с важными замечаниями общего характера).

Для латышского языка есть два капитальных труда: *Endzelin*, Lettische Grammatik, Riga, 1922 (много места уделено сравнению с литовским языком; работа фундаментального значения для изучения балтийской группы) и *K. Mühlenschach*, Lettisch-deutsches Wörterbuch, Riga, 1923—1932 (издан тем же Эндзелином; богатое собрание фактов, с компетентными этимологическими указаниями).

З. Славянские

A. Meillet, Le slave commun, Paris, 1924; 2-е изд. 1934, переработанное в сотрудничестве с *Vaillant*.

A. Leskien, Handbuch der altbulgarischen Sprache, 5-е издание, Weimar (ныне повторенное, Heidelberg), 1910 [рус. пер. *А. Лескин*, Грамматика старославянского языка с дополнением по языку Остромирова ев. Д. Щелкина и А. Шахматова, 1890] (фундаментальная работа знаменитого слависта, но преимущественно описательная; 5-е издание воспроизводит, с довольно заметными изменениями, 2-е издание, 1885).

A. Leskien, Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache, Heidelberg, 1909 [рус. пер. *А. Лескин*, Грамматика древнеболгарского (древне-

церковнославянского) языка. Казань, 1915 (кратко, но очень точно; более сравнительного характера, чем только что упомянутая работа; первый появившийся том из собрания пособий по славянской лингвистике).

Vondrák, *Vergleichende slavische Grammatik*, Göttingen, I, 1906 и II, 1908 (на уровне современных знаний, но методология очень уж ненадежна). Большая и весьма полезная *Altkirchenslavische Grammatik* того же автора (2-е изд., Berlin, 1912) не имеет почти совсем сравнительного характера.

Mikkola, *Urslavische Grammatik*, 1-й выпуск (вокализм и ударение), Heidelberg, 1913.

В. Портезинский, Сравнительная грамматика славянских языков, 1-й выпуск, Москва, 1914 (краткое изложение взглядов школы Фортунатова).

С. Кульбакин, Древнецерковнославянский язык, 3-е изд., Харьков, 1917 (удобный очерк древнеславянского языка в его отношении к общеславянскому).

О. Hujer, *Slovanská deklinace jmenna* (Rozpravy Пражской академии, 3-й кл. № 33), Praha, 1910 (на уровне современных знаний).

Ф. Фортунатов, Лекции по фонетике старославянского языка, Петроград, 1921 (курс, напечатанный после смерти автора).

N. van Wijk, *Geschichte der altkirchenslavischen Sprache*, Berlin — Leipzig, I, 1931.

P. Diels, *Altkirchenslavische Grammatik*, Heidelberg, I, 1932.

F. Miklosich, *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*, Wien, 1886 (составлено главным образом со славянской точки зрения; устарело; предпочтительнее пользоваться ниже упоминаемым словарем).

E. Berneker, *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg; выходит с 1908 г., еще не закончен (дошел до буквы М) (словарь обстоятельный, на уровне современных знаний и хорошо документированный).

О. Broch, *Slavische Phonetik*, Heidelberg, 1911 (превосходная работа); немецкое издание труда, появившегося по-русски в „Энциклопедии славянской филологии“, вышедшей в Петрограде под редакцией Ягича, [под заглавием: *О. Брок*, Очерк физиологии славянской речи, СПб, 1910].

Rocznik slawistyczny, под редакцией *J. Łoś*, *K. Nitsch*, *J. Rozwadowski*, Kraków, 1908 и след. (превосходный сборник; оригинальные статьи, подробные обзоры важнейших публикаций и ежегодная полная библиография, с хорошими резюме всего появляющегося по славянской лингвистике).

К указанным сочинениям можно добавить работы, касающиеся каждого из славянских языков. Так, например, в отношении польского языка есть теперь хороший сводный труд, изданный Краковской академией (1915): *Język polski i jego historia* (тома II и III *Encyklopedia polska*); авторами отдельных статей являются: *Baudouin de Courtenay*, *Benni*, *Brückner*, *Kryncki*, *Łoś*, *Nitsch*, *Rozwadowski*, *Ułaszyn*.

Отзывы о важнейших трудах по славянской лингвистике и самостоятельные статьи появляются в *Archiv für slavische Philologie*, основанном Ягичем (в дальнейшем издании прекратилось), в *Listy filologické* и *Časopis pro moderní filologii* (Прага), в Известиях отделения русского языка и словесности Академии наук (Ленинград) и в *Jужнословенски филолог* (Београд), выходящем под редакцией А. Белича. *Revue des études slaves* (первый том вышел в Париже в 1921 г.) уделяет много места лингвистике и в отделе хроники регулярно следит за всеми публикациями.

И. Албанский

G. Meyer, *Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache*, Strassburg, 1891 (с обширной библиографией).

G. Meyer, *Albanesische Studien*, III, *Lautlehre der indogermanischen Bestandteile des Albanesischen*, Wien, 1892 (оттиск из *Sitzungsberichte* Венской академии, phil.-hist. Cl., т. 125). *Albanesische Grammatik* того же автора не является сравнительной, равно как и *Albanesische Grammatik Pekmezi* (Wien, 1908). Сводной и вполне современной работы по сравнительной грамматике албанского языка все еще нет.

Краткий обзор, под названием *Albanisch*, который составил *Jokl* для *Geschichte der indogermanischen Sprachwissenschaft* под ред. *W. Streitberg*, II, 3 (упомянуто выше на стр. 477), дает представление о современном положении албано-ведения; следует также иметь в виду библиографические указания того же автора в *Indogermanisches Jahrbuch*.

К. Армянский

H. Hübschmann, *Armenische Grammatik*, I. Theil, *Armenische Etymologie*, Leipzig, 1895 (превосходный образец этимологического словаря; автор, к сожалению, умер, не написав продолжения грамматики).

A. Meillet, *Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique*, Wienne, 1903 (краткий очерк). Предполагается новое издание этой книги. *Altarmenisches Elementarbuch* (Heidelberg, 1913) того же автора не имеет сравнительного характера.

О современном положении армянской лингвистики см. работы, появившиеся после 1903 г., именно статьи *Pedersen*, *K. Z.*, XXXVI—XXXIX, и в *Reallexikon* под редакцией *Ebert* (статья „Armenisch“), книгу *Lidén*, *Armenische Studien* (Göteborg, 1906), статью *Grammont*, *Mém. Soc. ling.*, XX, стр. 213 и след.

Revue des études arméniennes, Paris, с 1920 г., отмечает все касающееся армянской лингвистики и печатает лингвистические статьи.

Л. „Тохарский“

Sieg und Siegling, *Tocharisch*; оттиск из *Sitzungsberichte der kön. preussischen Akademie der Wissenschaften*, Berlin, 1908, стр. 915 — 934 (статья, установившая главные элементы проблемы).

E. Smith, *Tocharisch*, Kristiania, 1911 (преждевременная попытка; нет новых фактов).

S. Lévi et A. Meillet, *Études des documents tokhariens de la mission Pelliot*, *Journal asiatique*, 1911 и след. (частные наблюдения) и *Mémoires de la Société de linguistique de Paris*, XVII—XVIII.

A. Meillet, *Le tokharien* в *Indogermanisches Jahrbuch*, I (1914), стр. 1 и след.

E. Lidén, *Tokharische Studien*, Göteborg, 1917.

По диалекту А есть теперь превосходная *Tocharische Grammatik*, не сравнительная, *Schulze, Sieg und Siegling* (Göttingen, 1931). О характере диалектов А и В см. точные указания в книге: *S. Lévi*, *Fragments de textes koutchéens*, Paris, 1933.

ПРИМЕЧАНИЯ

Важнейший этап развития, пройденный русским языкознанием за два десятилетия после Великой Октябрьской социалистической революции, привел к значительному повышению интереса к общим методологическим проблемам, — в частности, к тем теоретическим положениям, которые лежат в основе построения сравнительно-исторической грамматики группы „родственных“ языков.

Новое издание книги А. Мейе „Введение в сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков“ не могло поэтому ограничиться перенесением в старый перевод проф. Д. Н. Кудрявского 1911 года многочисленных дополнений и изменений, внесенных автором в текст последнего вышедшего при его жизни издания.

Значительное обогащение и стабилизация русской лингвистической терминологии за названный период заставила нас при пересмотре перевода устранить некоторые замены терминов, которые были допущены в старом переводе (как, например, замену термина и понятия „фонем“ термином и понятием „звук“). С другой стороны, необходимость критического подхода к общим теоретическим положениям автора заставляет нас в предлагаемых кратких примечаниях отметить некоторые характерные моменты в построениях Мейе и указать те особенности на русском языке, которые покажут читателю возможность иной, чем у Мейе, интерпретации излагаемых фактов. Общая же критическая оценка лингвистической концепции Мейе и историческое ее освещение даны в вводной статье проф. М. В. Сергиевского, предпосланной переводу.

„Введение в сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков“ распадается на две различные по объему части: главы III—VIII дают сравнительно-историческое описание основных соответствий в строе индоевропейских языков в области фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики, главы I—II, IX и заключение формулируют общие принципы, из которых, по мнению автора, должно исходить построение сравнительной грамматики. Естественно, что именно вокруг положений, изложенных в этих главах, и ведутся споры в современном языковедении, тогда как факты, собранные в главах III—VIII, в основном могут лишь подвергаться той или иной перегруппировке и перетолкованию.

ГЛАВЫ I и II

Выдвигаемые здесь принципы исследования на первый взгляд резко отличны от тех принципов, изложение которых мы находим у старших младограмматиков — Бругмана например. Контрастно переосмыслив выдвинутые младограмматиками основные для исторического изучения языка понятия „фонетического закона“ и „новообразования по аналогии“ как „формулы регулярного

соответствия между двумя последовательными формами либо между двумя диалектами одного и того же языка" (стр. 64), Мейе вполне логично сводит и всю задачу сравнения объединяемых в группу языков к установлению „соответствий“ между ними (стр. 73, 79 и др.).

„Восстановление“ индоевропейского языка-предка, „праязыка“, становится не только невозможным (стр. 74), но и ненужным: „положительными фактами являются только соответствия“ (стр. 74). В согласии с этим воззрением на „праязык“ Мейе в самом изложении фактов сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков последовательно избегает термина и понятия „праязык“, пользуясь лишь двумя терминами: l'indo-européen — „индоевропейский (язык)“ для обозначений совокупности индоевропейских языков, рассматриваемых как некоторое единство при всем их диалектальном разнообразии, и les langues indo-européennes — „индоевропейские языки“ для обозначения тех же индоевропейских языков, рассматриваемых как самостоятельные единицы. Понятие „родства“ языков определяется, наконец, как понятие, „чисто исторически“ (стр. 69).

Последовательно продолжая развитие этих положений в главе II, посвященной обзору языковых групп, входящих в состав индоевропейской „семьи языков“, Мейе в категорической форме отрицает антинаучные утверждения о связи языка и расы: „язык зависит от исторических условий и вовсе не зависит от расы, которая есть понятие физического порядка“ (стр. 106); „есть индоевропейские языки, но нет индоевропейских народов“ (стр. 108). И опять, в соответствии с этими воззрениями Мейе предпочтительно говорит в дальнейшем не об „индоевропейских народностях“, но о „народностях индоевропейского языка“.

Однако с этими верными и ценными принципами исследования в теоретической концепции Мейе соединены другие положения, по существу им противоречащие и препятствующие решительному отходу автора от старых позиций шлейхеровского эволюционизма: это — принцип „лингвистической непрерывности“ (стр. 52 и далее) и принцип „абсолютности языкового родства“ (стр. 51). Эти два принципа, отнюдь не являющиеся лингвистическими аксиомами, как может предположить читатель по изложению Мейе, исходят из недиалектического, типичного для эволюционизма, понимания развития как развития только количественного, не допускающего революционизирующих переходов количества в качество. В приложении к историческому процессу в языке эти принципы — в противоречии с положениями Мейе, изложенными выше, и с действительным положением вещей — приводят его к признанию необходимости искомого существования исторически засвидетельствованных групп „родственных“ языков, а тем самым — *mutatis mutandis* — к допущению соответствующих „праязыков“ и „пранародов“ (стр. 57; см. подробнее — примечание к главе IX).

Следует отметить, что оба утверждаемых Мейе принципа весьма оспариваются даже в пределах той же „социологической“ школы, в частности принцип абсолютного родства языков (ср. например главу „Родство языков“ в книге „Язык“ Ж. Вандриеса, русск. пер. 1937), и что самому Мейе пришлось отстаивать свои позиции от основательной критики Шухардта. Но если оппоненты Мейе в западноевропейской лингвистике настаивают в основном лишь на возможности „смещения“ в языке, то в современном советском языковедении подвергся пересмотру самый принцип количественной эволюции, а следовательно,

и необходимость исходить из допущения „непрерывности языковой преемственности“. Подчеркивая значение революционизирующих скачков в развитии языка, ак. Н. Я. Марр указывает на возможность и необходимость перерастания одних систем языка в другие в результате смены одних общественно-исторических формаций другими. В частности, появление индоевропейской „семьи языков“ с их столь своеобразной типологией на территории, ранее занятой языками совершенно иных систем, может быть примером подобного рода перестройки. Это положение, впервые высказанное ак. Н. Я. Марром в небольшой заметке „Индоевропейские языки Средиземноморья“ в 1924 г. (см. „Избранные работы“, т. I), в настоящее время завоевало себе полное признание в советском языковедении; мы вернемся к нему ниже, в примечании к главе IX, здесь же ограничимся указанием на книгу ак. И. И. Мещанинова „Новое учение о языке“ (Л., 1936), где читатель найдет изложение современного состояния вопроса.

К стр. 40. Следуя примеру проф. Д. Н. Кудрявского, мы — в отличие от французского оригинала — приводим все примеры из славянских языков в славянских написаниях; латинская же транскрипция применяется нами лишь для реконструируемых, исторически не засвидетельствованных форм „общеславянского“.

К стр. 52. Подробное обоснование определения языка как системы знаков и значений, являющейся достоянием известного коллектива и обязательной для каждого его члена, дано в „Курсе общей лингвистики“ Ф. де Соссюра (русс. пер. М., 1933). Основное идеалистическое искажение действительности в этом определении, базирующемся на социологическом учении Дюргейма, заключается в отрыве языка и сознания от общественной практики и материального бытия людей; поэтому-то в построениях „социологической школы“ язык теряет свой основной характер, активного, действительного момента общественной практики человека, „практического действительного сознания“ (Маркс), и ряд кардинальных проблем языковедения, как, например, проблема происхождения языка, становится неразрешимым.

К стр. 52—53. Определение языка как „деятельности (ἐνέργεια), а не законченного дела (ἔργον)“ принадлежит одному из основоположников сравнительно-исторического языковедения — Вильгельму фон Гумбольдту (1767—1835); см. его „О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода“ (русс. пер. П. Билярского, СПб., 1859, стр. 40—41).

К стр. 58. Объяснение различий романских языков диалектальными различиями, существовавшими еще в самом латинском языке соответствующих областей Римской империи, выдвигалось многими романистами, — в особенности, Модем (Mohl, „Introduction à la chronologie du latin vulgaire“, Paris, 1899).

К стр. 71. Соответствия между языками индоевропейскими и угрофинскими отмечались особенно Андерсоном (N. Anderson, „Studien zur Vergleichung der ugrofinnischen und indogermanischen Sprachen“, Дерпт, 1879) и Кёппеном (Th. Köppen, „Beiträge zur Frage nach der Urheimat und Uverwandtschaft des indoeuropäischen und finnisch-ugrischen Volksstammes, СПб., 1886), выдвинувшими гипотезу общего для этих языков „праязыка“; в дальнейшем эту гипотезу поддерживали англист Суит (Sweet), финнолог Викаунд, индоевропеист Шрадер, тюрколог Томсен, кельтолог Педерсен и мн. др. Соответствия между языками индоевропейскими и семито-хамитскими отмечались

многими учеными, как, например, Асколи и Деличем, но особенно гипотезу семито-хамито-индоевропейского „праязыка“ отстаивает датский ученый Н. Möller („Semitisch und Indogermanisch“, Коп., 1906; „Vergleichendes indogermanisch-semitisches Wörterbuch“, Gött., 1911). Более современные воззрения на соответствия семито-хамитских и индоевропейских языков высказывает Кюни („Études prégrammaticales sur le domaine des langues indo-européennes et semito-chamitiques“, Paris, 1924). Что касается соответствий между языками индоевропейскими и яфетическими, в свое время ошибочно истолкованных еще Боппом как доказательство принадлежности их к одной „семье“ („Die kaukasischen Glieder des indo-europäischen Sprachstammes, 1842), то соответствия эти получили новое освещение в учении ак. Н. Я. Марра о стадияльном равнении языка (см. „Избранные работы“, тт. I—V).

К стр. 80. Учение об „органическом“ или „творческом“ периоде развития языка свойственно всему сравнительно-историческому языковедению до конца 60-х гг. XIX в.; философски его обосновывал В. фон Гумбольдт, а возможность разъяснить процесс возникновения грамматических форм путем сравнительно-грамматического исследования допускали и Бопп и Шлейхер. Только младограмматики выступают с решительным отрицанием этой возможности; см. В. Томсен, „История языковедения до конца XIX в.“, русск. пер., М., 1938.

К стр. 81. Объяснение личных окончаний индоевропейского глагола как агглютинировавшихся с основами местоименных суффиксов восходит еще к Боппу и с некоторыми изменениями повторяется у многих позднейших языковедов; в середине XIX в. эта теория получила значительную поддержку со стороны тюркологов, устанавливавших аналогичное происхождение личных окончаний в тюркском глаголе, — в частности, большое значение имела работа О. Бётлингга о якутском языке („Die Sprache der Jakuten“, СПб., 1851).

Объяснение чередования гласных явлениями акцентуации было выдвинуто Бругманом и поддержано другими младограмматиками; в новейшее время его особенно энергично отстаивает Хирт. Напротив, Ф. де Соссюр, фонетическое учение которого в основном продолжает Мейе, относится скептически к этому объяснению. обстоятельное изложение истории этого вопроса — см. в книге А. Десницкой „Чередование гласных в германских языках“ (Л., 1937).

К стр. 84. Соответственно излагаемому им воззрению на индоевропейские языки как на диалекты „индоевропейского языка“ (ср. примечание к главам I—II и IX), Мейе применяет в своем изложении два способа обозначения каждой группы индоевропейских языков: l'indo-iranien, le slave, le germanique и т. д., когда совокупность языков данной группы рассматривается как единый диалект в его отаичии от остальных индоевропейских диалектов, и les langues indo-iraniennes, les langues slaves, les langues germaniques и т. д., когда эти языки рассматриваются как самостоятельные единицы. В переводе не удалось всюду провести это различие, так как введение термина „индо-иранский язык“, „славянский язык“, „германский язык“ и т. д. двусмысленно и может повести к недоразумениям. Поэтому во всех случаях, где нельзя было говорить просто об „индо-иранском“, „славянском“ и т. д., в переводе название соответствующей группы языков дается как „индо-иранские языки“, „славянские языки“ и т. д., как это делает и проф. Д. Н. Кудрявский.

К стр. 96. Объединение италийских и кельтских наречий в одну общую подгруппу отнюдь не разделяется всеми учеными, — во всяком случае, объединение это имеет не более оснований, чем объединение языков балтийских

и славянских, от которого Мейе отказывается; так, например, в русском языкознании школа Ф. Ф. Фортунатова настаивает на существовании балтийско-славянского языкового единства, не признавая единства итало-кедьского. Ср. Ф. Ф. Фортунатова „Сравнительное языковедение“ (Общий курс, читанный в 1901—1902 гг., автограф. издание), а также популярное изложение воззрений Фортунатова в работах его учеников — В. К. Поржезинского, „Введение в языковедение“ (1916) и Д. Н. Ушакова „Краткое введение в науку о языке“ (1925).

К стр. 99. „Огамические“ надписи сделаны особым письмом, в котором отдельные буквы латинского алфавита заменены известным количеством насечек на грани камня, расположенных в той или иной последовательности (надписи на надгробиях и т. п.). Позднее письмена эти воспроизводятся и в старо-ирландских рукописях.

К стр. 103. В современном советском языковедении термин „русская группа“ обычно заменяется термином „восточно-славянская группа“.

ГЛАВА III¹

Новым и принципиально важным моментом в изложении сравнительно-исторической фонетики у Мейе является построение ее на основе учения о фонеме как дифференцирующем значения звуковом типе. Исходя из задачи сравнительно-исторической фонетики — установить соответствия между системами фонем отдельных индоевропейских языков, Мейе вскрывает недостаточность установления „голых соответствий“ и требует, чтобы „сближения делались не по сходству, но на основе системы соответствий“ (стр. 76). Точно так же в ряде случаев Мейе, в отличие от своих предшественников, справедливо различает между фонемой и ее вариантами, как, например, в вопросе об индоевропейских свястящих (стр. 120—123), в вопросе о вариантах носового согласного „n“ (стр. 140) и др.

Однако при ознакомлении с системой индоевропейской фонетики в изложении Мейе следует учитывать два момента. Прежде всего приходится отметить, что устанавливаемая Мейе система звукосоответствий в индоевропейских языках отражает до некоторой степени субъективные воззрения автора: субъективны, в особенности, в области шумных — теория двух (а не трех, как предполагают обычно) рядов заднеязычных и в области сонорных — теория сонантов, до известной степени схематически объединяющая в один ряд дифтонги на *i* и *u* и сочетания гласной с сонорной. Далее следует помнить, что приводимые соответствия даны у Мейе без многих деталей, обычно лишь между исходными формами развития соответствующих фонем в разных языках, тогда как для понимания приводимых примеров необходимо учитывать дальнейшее развитие системы фонем в каждом из сопоставляемых языков.

Чтобы ознакомиться с интерпретацией некоторых моментов в фонетической системе индоевропейских языков, отличной от интерпретации Мейе, и с некоторыми деталями звуковых соответствий хотя бы в пределах языков балтийско-славянских, латинского и греческого, следует обратиться к трудам ак. Ф. Ф. Фортунатова, прежде всего к его курсам: „Краткий очерк сравнительной фонетики индоевропейских языков“ (П., 1922) и „Лекции по фонетике старославянского языка“ (П., 1921); популярное изложение взглядов Ф. Ф. Фортунатова дано в работе его ученика, проф. В. К. Поржезинского „Очерк сравнительной фонетики древнеиндийского, греческого, латинского и старославянского языков“ (М., 1912). Представление о „казанской школе“ сравнительной грамматики дает

популярное пособие „Краткий очерк сравнительной грамматики арио-европейских языков“ В. Богородицкого (Казань, 1917), и его более полная, но незаконченная „Сравнительная грамматика арио-европейских языков“ (1914). Важнейшие из частных соответствий, необходимые для обоснования проводимых в главах IV—VIII сопоставлений слов и грамматических форм, вкратце упомянуты в дальнейшем.

К стр. 111. При рассмотрении лексических соответствий, приводимых в дальнейшем, следует учитывать и комбинаторные изменения глухих смычных согласных в отдельных языках, как, например, исчезновение *p* и *t* перед *n* или *k* перед несмягченным *t* в славянском, переход *t* в *s* перед неслоговыми *e* и *i* в ряде доэнегреческих диалектов, в том числе ионическом и аттическом, переход *t* в группу *θo* в *e* в латинском и т. д. и т. п.

К стр. 115. При рассмотрении лексических соответствий необходимо учитывать также комбинаторные изменения, как исчезновение *b* перед *n* и *d* перед *m* в славянском, исчезновение *g* перед *d*, *dh* с их церебрализацией и заместительным продолжением (предшествующей гласной в древнеиндийском, диалектальное чередование *d* и *i* в латинском и т. п.

К стр. 117—120. Излагаемая Мейе теория двух рядов „гutturальных“ при всем своем остроумии нарушает выдвинутый им в первой главе принцип построения сравнительной грамматики — отказ от „исторических объяснений“ тех соответствий, которые устанавливаются в индоевропейских языках (стр. 81). Действительно, соответствия между индоевропейскими языками приводят лишь к установлению трех рядов „гutturальных“: лабиовеларного, чистого и палатального, выведение же последнего ряда из второго является чистой конструкцией осуждаемого Мейе типа, не имеющей опоры в засвидетельствованных фактах индоевропейских языков.

К стр. 121. Изложение звуковых соответствий в области свистящих носит у Мейе более суммарный характер, чем изложение соответствий в области шумных смычных; поэтому при прослеживании приводимых в дальнейшем слов и грамматических форм следует учесть все многообразные изменения, создаваемые ассимиляциями *s* с соседними звуками, как, например, переход в древнегреческом *st*, *sl*, *sm*, *sn*, *ms*, *ns* и т. д. в середине слова в долгие сонорные и затем упрощение их по диалектам с заместительным продолжением предшествующей гласной, или переход в латинском группы *st* в *ft* в начале и *br* в середине слова, исчезновение *s* в ряде положений и т. п.

К стр. 123. Многие языковеды конструируют на основании отмеченного здесь расхождения в отражениях спирантов в греческом и индо-иранском два ряда спирантов в индоевропейской системе фонем: ряд *s* и ряд *š*. На необходимости двух рядов настаивает и школа Фортунатова.

К стр. 125. При анализе приводимых в дальнейшем сопоставлений в области морфологии и лексики и.-е. языков следует учитывать и многообразные изменения кратких гласных в отдельных языках. Так, в латинском языке вместо ожидаемого по схеме Мейе *e* даже в ударных слогах появляется *o* (перед твердым *l*, перед и согласным), *o* *i* (под влиянием последующего *i*); вместо *o* в ряде случаев появляется и даже в ударном слоге (например перед *p* + заднеязычная, перед *l* + согласная); еще сильнее изменены гласные безударных слогов. В готском языке в положении перед *g* и *h* *i* переходит в более открытое *e*, обозначаемое в транскрипции готских слов через *ai* (в отличие от дифтонга *ai*). В старославянском вместо ожидаемого по схеме *e* перед *v*

находим *o*, перед *j* — *i* и даже *ï*(*ь*), вместо *o* в конечном закрытом слоге *ï*(*ь*), а внутри слова вместо *o* после мягкого неслогового звука *je* и т. п. Эти изменения гласных по отдельным языкам образуют дополнительную систему соответствий к основным соответствиям, отмеченным Мейе, и должны учитываться при анализе сопоставлений.

К стр. 127. При анализе приводимых в дальнейшем сопоставлений следует учитывать и многочисленные случаи изменения количества гласных в отдельных языках, как, например, правила сокращения долгот в латинском языке (сокращение долгот перед гласной, но не после гласной, сокращение долгот в закрытом слоге перед *m* и *t*, но не перед *s*, сокращение долгот в открытом конечном слоге при ямбаческом сочетании слогов) и т. п.

К стр. 129. Учение о различии интонации долгих гласных в индоевропейском, а именно о возникновении в них — наряду с обычной длительной долготой — долготы прерывистой в известных условиях (например при образовании долготы путем стяжения) разрабатывает, в частности, фортунатовская школа.

К стр. 130 и сл. Объединение в общем изложении дифтонгов на гласные *i* и *u* и дифтонгических сочетаний с сонорными является, как уже указывалось, оригинальной чертой системы фонетики Мейе; большинство языковедов воздерживается от подобного объединения.

Одним из неудобств избранного автором способа изложения является крайне обобщенное освещение всей сложной системы соответствий согласных *u* и *w* в сочетании с различными звуками; при сопоставлении элементов грамматики и лексики индоевропейских языков особенно важно учитывать многообразные явления ассимиляции этих звуков со смежными, как, например, развитие из сочетаний согласных с *u* долгих шумных и аффрикат, перенос влентетической гласной, образующей дифтонг с гласной предшествующего слога, в древнегреческом или — в славянском — развитие аффрикат и шипящих из сочетаний *ku*, *gu*, *hu*, развитие *ч* перед гласными *ï* в абсолютном начале слова и т. д. и т. п.

К стр. 132. Наряду с предлагаемым Мейе объяснением расхождений между языками индо-иранскими и европейскими в отражениях плавных выдвинута была ранее теория трех индоевропейских плавных (Фортунатов), в сущности, устанавливающая наличные соответствия без дальнейших объяснений (ср. примечание к стр. 117).

К стр. 134. По вопросу о зетаизме греческого языка не существует единой точки зрения; в то время как Зоммер объясняет появление *ζ* как новобразование греческого языка, Бругман и Фортунатов относят различие в греческих отражениях к разланию качества *i* (его большей или меньшей фрикативности) уже в индоевропейском.

К стр. 137. Вопрос о появлении в славянском *i* на месте дифтонга **oi* вместо ожидаемого *ě*(*ь*) разрешается Ф. Ф. Фортунатовым следующим образом: появление *i* внутри слова после мягкого неслогового звука объясняется переходом **o* в **e*, а следовательно, совпадением дифтонга **oi* с дифтонгом **ei* с дальнейшими его изменениями; так появляется „*ишнѣ*“ при „*нистѣ*“. Появление же *i* в открытом конечном слоге как на месте долготого *ě*, так и на месте дифтонга *oi* объясняется влиянием интонации, именно прерывистой долготой слога (ср. примечание к стр. 129); так появляется *i* (из **ě*) в „*матѣ*“ и *i* (из **oi*) во 2-м лице ед. числа повелительного наклонения „*иши*“.

К стр. 144. В споре о характере слоговых сонантов немецкие ученые, в частности Бругман и Дельбрюк в „Grundriss der vergleichenden Grammatik“, настаивают на слоговом характере самих сонорных, тогда как Фортунатов и его школа считают необходимым существование иррациональной неслоговой гласной при сонорных, поскольку та же иррациональная гласная, будучи слоговой, дает особые отражения в некоторых индоевропейских языках.

К стр. 158. Характеристика индоевропейского слова вполне приложима к тем из современных индоевропейских языков, которые сохранили в основном синтетический строй; так, например, в русском языке легко найти примеры выклитического употребления самостоятельных по смыслу и употреблению в предложении слов при сохранении в целом автономности слова в предложении.

К стр. 160. Гесихий (V в. хр. эры) — составитель древнегреческого глоссария, представляющего переработку и компиляцию аналогичных более ранних работ, в основном глоссария Диогениана (II в. хр. эры); несмотря на то, что глоссарий Гесихия сохранился лишь в позднейшей византийской переработке в искаженном и сокращенном виде, он все же является самым полным трудом античной лексикографии, дошедшим до нас.

К стр. 161. Дионисий Галикарнасский (V в. до хр. эры) — знаменитый историк и ритор времени Августа. В своем сочинении „О сочетании имен“ (*Περὶ συνδέσεως ὀνομάτων*) он уделяет внимание и вопросам фонетики.

К стр. 162. Основные отклонения балтийско-славянского ударения от места индоевропейского тона изучены и формулированы Ф. де Соссюром и Ф. Ф. Фортунатовым.

К стр. 162—163. Помимо повышения тона на одном слоге слова (*udātta*), индийские грамматики различают [еще: произнесение слога с низким тоном (*anudātta*); облеченный тон (*svarita*), появляющийся в слоге за тоническим сонантом, утратившим слоговой характер, и произносимый с повышенным тоном, большим, чем *udātta*; максимальное понижение тона (*anudātṭara*) на слоге, предшествующем слогу *udātta* или *svarita*. Впрочем, в определении деталей тона индийские грамматики расходятся друг с другом.

ГЛАВЫ IV—VII

Главы IV—VII посвящены основным соответствиям в морфологии и синтаксисе индоевропейских языков. В изложении грамматических фактов, как и в построении системы фонем индоевропейских языков, мы находим у Мейе стремление установить новую точку зрения, соответствующую его общей социологической концепции языка; так, для Мейе характерно изучение развития грамматических форм не только как механического отражения действия фонетических законов, но и в связи с развитием семантики грамматических категорий; следует, например, отметить его интерпретацию чередования гласных в индоевропейских основах слов как явления морфологического, а не узкофонетического (стр. 203), его анализ семантики окончаний (стр. 207), наконец, его метод анализа грамматических категорий языка не в статике, а в динамике (ср. например, анализ инфинитива, стр. 290—291, или анализ неизменяемых частей речи, стр. 354 и сл.).

Но именно это расширение задач сравнительно-исторической морфологии индоевропейских языков обнаруживает ограниченность применяемого метода и необходимость для исследования выйти за пределы одной группы „родственных“ языков. Такие категории, как категории падежа, рода, залога в языках

индоевропейских, даже самых древних, даны на поздней стадии их развития, уже с утратой первоначального облика. То же надо сказать и об основных типах предложения, не дающих уже материалов для объяснения столь глубокого пережитка древности, как безличное предложение. Объяснение всех этих грамматических явлений становится возможным лишь при выходе за пределы системы индоевропейских языков и обращении к языкам иных систем, сохранившим более архаическую структуру предложения, а тем самым и более древний облик названных грамматических категорий. Сравнительно-историческое исследование грамматического строя группы „родственных“ языков необходимо приводит таким образом к исследованию стадийно-типологическому. Для ознакомления с принципами последнего следует обратиться к книге ак. И. И. Мещанинова „Новое учение о языке. Стадийная типология“ (Л., 1936), развивающей на богатом лингвистическом материале ряд положений, выдвинутых в трудах ак. Н. Я. Марра.

К стр. 166. В разъяснении некоторых основных принципов морфологии индоевропейских языков Мейе исходит из тех трудностей, которые эти принципы представляют с точки зрения грамматики аналитического языка, каким является язык французский. Напротив, в грамматике современного синтетического языка, как, например, русский язык, в сущности повторяются те же принципы, что и в древних индоевропейских языках, и положение об автономности слова в предложении, как совершенно ясно из структуры русских параллелей к греческому „ὁ δῶτωρ ἦλθε“ и т. д., не представляет никакого затруднения для русского читателя.

К стр. 171. Попытка уяснить происхождение морфологических элементов индоевропейского слова, естественно, приводят автора к вопросу о „доиндоевропейской форме слова“, т. е. заставляет его выйти за пределы „семьи языков“ и нарушить принцип „непрерывности языка“. Действительно, как уже указано выше, проблема генезиса тех или иных грамматических явлений разрешима только путем типологического анализа, выходящего за пределы отдельной семьи (системы) языков.

К стр. 173. В грамматике семитских языков принято различать „породы“ глагола, образование которых вносит в значение глагола оттенки усилительности, взаимности, каузативности, итеративности и т. п. Количество „пород“ в разных семитских языках различно, например 7 в древнееврейском, 15 (употребительных 10) в арабском и т. д.

К стр. 204. Противопоставление имени глаголу как двух основных морфологических классов изменяемых слов в индоевропейских языках все же несколько схематично; в действительности личные местоимения выпадают из общего класса склоняемых слов — имен, поскольку объединение нескольких основ в разных падежных значениях лишь условно может быть названо склонением. Ср. С. Кацнельсон, „К генезису номинативного предложения“ (Л. 1935). Выпадают из класса склоняемых слов и числительные, что отмечает и сам Мейе (стр. 171 и сл.). Таким образом, стройное трехчленное деление частей речи, принятое Мейе, не вполне согласуется со сложной системой индоевропейских языков.

К стр. 205, 268, 296, 345. Теория грамматического рода, выдвинутая Мейе и развивающаяся им и в ряде отдельных статей (перепечатанных в его сборнике „Linguistique historique et linguistique générale“, Paris, 1921), бесспорно представляет известный шаг вперед по сравнению с традиционными грамматическими объяснениями (ср. исчерпывающий обзор всех теорий рода от древности

до новейшего времени в книге Royen. „Die nominalen Klassifikationssysteme in den Sprachen der Erde“ („Anthropos“, 1929, IV); однако сущность основного в этой категории противопоставления, что Мейе называет „одушевленным“ и „неодушевленным“ родами, и того, что удобнее было бы назвать „активным“ и „пассивным“ родами, может быть раскрыта лишь путем анализа развития предложения (и суждения). При исследовании систем классификаций имен в языках более архаических по строю предложения, чем языки индоевропейские, становится очевидною связь противопоставления „активного“ и „пассивного“ родов (с их дальнейшими подразделениями) не столько с образным мышлением, персонализирующим природные явления, как полагает Мейе, сколько с постепенным осознанием отношений между предметами и действиями, с осмыслением предмета как действующего и, соответственно, с развитием в языке более дифференцированных форм глагольного предложения. См. ак. И. И. Мещанинов, „Новое учение о языке“, Л., 1936.

К стр. 237 и сл. Характеристика категории наклонения в индоевропейских языках дана Мейе несколько схематически; в частности, он опускает весьма существенное указание на сохранившееся еще в ведийском наречии различение трех оттенков „нереального“ наклонения — сослагательного, желательного и побудительного; а между тем это различие конкретных оттенков модальности связывает языки индоевропейские с языками более архаическими по строю, где обилие конкретных оттенков наклонений выступает еще отчетливее, вскрывая пути осознания человеком различий между реально существующим и только называемым, — осознания, объясняющего самый генезис категории наклонения.

К стр. 240 и сл. См. еще на русском языке специальные исследования о личных окончаниях индоевропейского глагола: Р. Брандт, „Грамматические заметки“, ч. I, 1882; Ф. Фортунатов, „Старославянское -тъ в 3-м лице глаголов“ („Изв. АН“, т. XIII, 1908); Л. Щерба, „К личным окончаниям в латинском и других италийских диалектах“ (Ж. М. Н. П., 1908, V).

К стр. 243. Согласно учению индийских грамматиков об изменениях звуков в конце слова (т. н. sandhi) и после краткого а „удваивается“ перед следующим гласным. В основу этого правила положены, очевидно, наблюдения над долгими носовыми, получившимися в результате ассимиляции и с последующей согласной и сохранившимися после краткого гласного в положении между гласными; а так как вторичное окончание 3-го лица множ. ч. -an подчиняется этому правилу, то, очевидно, за и приходится предполагать наличие еще одной согласной (t). Это и есть явления „синтаксической фонетики ведийского языка“, о которых говорит Мейе.

К стр. 256. Объяснение безличных предложений, выдвигаемое Мейе (ср. также и ниже, стр. 361), полностью базируется на том строе предложения („активном строе“), который представлен в языках индоевропейских; поэтому и объяснение это в сущности не выходит за пределы того истолкования, которое было предложено уже античными грамматиками. Между тем изучение строя предложения в языках наиболее архаических — языках полисинтетических — вскрывает в безличном предложении индоевропейских языков обломок глубокой древности — основной тип предложения той стадии развития языка и мышления, когда действие еще не осознается как связанное с известным действующим. Ср. ак. Н. Я. Марр, „Verba impersonalia...“ „Изв. АН“, 1932; ак. И. И. Ме-

щанинов, „Новое учение о языке“, Л., 1936; С. Кацнельсон, „К генезису номинативного предложения“, Л., 1935.

К стр. 257. Анализ категории залога, даваемый автором здесь и в отдельных замечаниях уже раньше (стр. 213, 245), носит опять характер статического описания. Справедливо отметив, что „индоевропейский глагол представляет действие прежде всего как деятельность определенного действующего“ (стр. 257) и что он „не является сам по себе ни переходным, ни непереходным“ (стр. 213), Мейе не касается совсем вопроса о генезисе этой своеобразной категории. Между тем без генетического объяснения трудно понять ряд моментов в категории залога в индоевропейских языках — в частности то обстоятельство, что известные глагольные корни первоначально обладают только одним залогом — либо действительным, либо средним (материал по этому вопросу подобран в „Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen“ Бругмана и Дельбрюка), в зависимости от переходности или непереходности значения: скр. *ádmī* „ем“ (акт.), но *áste* „сидит“ (средн.). Не разъясненным остается и противоречие между грамматической формой и семантикой предложения, возникающее в результате развития страдательного залога и в свое время отмеченное уже А. Потемный (замечание о „фактивности“ грамматического субъекта при страдательной форме глагола — см. „Из записок по русской грамматике“). Действительно, разрешение этих затруднений, связанных с появлением категории залога, возможно лишь при изучении ее в ее генезисе, другими словами, при изучении тех связей, которые существуют между этой категорией и предшествующей ей в развитии предложения (в языках т. н. „эргативной стадии“) категорией переходности, более конкретно и детально выражающей возможные связи между действием и действующим; при таком подходе возникновение категории залога разъясняется как дальнейший этап отвлечения и обобщения существующих связей действующего и действия, как закрепление „формально-активной“ стадии в развитии предложения. См. акад. Н. Я. Марр, „Сдвиги в технике языка и мышления“, 1933; акад. И. И. Мещанинов, „Новое учение о языке“, Л., 1936; С. Кацнельсон, „К генезису номинативного предложения“, Л., 1935; С. Быховская, „Пассивная конструкция в яфетических языках“ (сб. „Язык и мышление“, т. II); С. Быховская, „Объективный строй *verba sentiendi*“ (сб. „Язык и мышление“, т. VI—VII).

К стр. 260. Семантика категории вида, к объяснению которой Мейе возвращается несколько раз (ср. выше, стр. 212—213, 222—223), учитывая ее трудности для французского читателя, в родном языке которого существует лишь категория соотносительного времени, не представляет особого затруднения для русского читателя, поскольку русский язык сохранил категорию вида, хотя и развил для выражения ее другую систему морфологических средств, чем та, которой обладают древние индоевропейские языки. Прекрасный анализ семантики категории вида на материалах русского языка дал в своем „Критическом разборе сочинения проф. Ульянова“ Ф. Ф. Фортунатов; ср. также замечания о категории вида в „Синтаксисе русского языка“ А. А. Шахматова.

К стр. 264. Следует отметить, что синтаксическая характеристика прилагательного как согласуемой части речи с точки зрения соотношений, наблюдаемых в древнейших индоевропейских языках (ведийском наречии и языке Гомера), является несколько модернизированной. См. ниже примечание к стр. 367.

К стр. 265. Под „специальным языком“ (*langue speciale*) Мейе и другие представители социологической школы обычно понимают: а) профессиональ-

ную лексику, выделяющую языки различных производств, и б) условные языки малых общественных групп, как, например, школьные, воровские, нищенские и т. п. арг., — объединяя, таким образом, два весьма различных социальных явления.

К стр. 287. Некоторые факты древнейших индоевропейских языков (обзор их дан в „Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen“ Бругмана и Дельбрюка) свидетельствуют о том, что система причастий в индоевропейских языках в том виде, как ее излагает Мейе, является уже результатом дальнейшего развития и упорядочения соотношений форм глагола и отглагольных имен, первоначально образовывавшихся непосредственно от глагольных корней, — упорядочения, выразившегося в том, что причастия стали входить в систему времен и залогов и образовываться от соответствующих основ.

К стр. 290. Взгляд Мейе об отсутствии „подлинных инфинитивов“ на древнейшей стадии развития индоевропейских языков вполне согласуется с теми фактами, которые дает нам изучение языков более архаического строя, чем языки индоевропейские. См. богатый фактический материал в сборниках „Языки народов Севера“ (Л., 1934 и след.), например, в статье В. Тана-Богораза о чукотском языке.

К стр. 300. Разъяснения форм индоевропейского склонения, в особенности на материале славянских языков, дают Б. М. Ляпунов, „Формы склонения в старославянском языке“ (1905); Г. Ильинский, „Праславянская грамматика“ (1916). Возвращения Фортунатова на формы склонения излагает его ученик В. К. Поржезинский в своем конспекте „Сравнительная морфология древнеиндийского, греческого, латинского и старославянского языков“ (1916). В ряде деталей эти возвращения расходятся с возвращениями Мейе.

К стр. 332. Вопрос о местоимении поставлен Мейе узко морфологически: местоимение, как склоняемое слово, включено им в класс имени. Однако (ср. выше, примечание к стр. 204) даже чисто морфологически местоимение отделено от имени своим супплетивизмом и — по крайней мере в отношении личных местоимений — отсутствием склонения в собственном смысле. Еще отчетливее особенности местоимения как особой части речи выступают при анализе его семантики, в которой диалектически разрешается задача создания способа выражения, одновременно и более обобщенного и более индивидуализирующего, чем данные в категориях знаменательных слов. Ср. ак. Н. Я. Марр, „Яфетическая теория“ (бакинский курс) („Избранные работы“, т. II); ак. И. И. Мещанинов, „Новое учение о языке“, Л., 1936.

К стр. 347 и сл., стр. 433. Обращаясь к категории падежа, Мейе справедливо отмечает сложность семантики индоевропейских падежей. Очевидно, что категория падежа в индоевропейских языках, как категория исторически сложившаяся, нуждается в историческом (генетическом) рассмотрении.

Изучение же категории падежа на материале более архаических языков, чем языки индоевропейские, вскрывает в этой категории, как категории специфически именной, объединение нескольких первоначально почти независимых семантических линий, которые в языках индоевропейских почти не различимы. Одну из этих линий образуют локальные падежи, генетически связанные — в процессе развития языка и мышления — с осознанием пространственных отношений. По существу, локальные падежи не связаны с развитием строя предложения, они выступают не столько как категория синтаксическая, сколько как категория словообразовательная. Эта синтаксическая обособленность локальных паде-

жей прослеживается даже в языках индоевропейских, поскольку именно эти падежи используются для образования неизменяемых слов — наречий, частиц — и абсолютных конструкций (ср. стр. 308). Но категория локальных падежей в индоевропейских языках пересекается, сливается и объединяется с оформляющейся в развитии глагольного предложения категорией падежей активных и пассивных, выражающих субъектно-объектные отношения и связанных с осознанием отношений сущности и признаков, с возникновением понятия предмета как действующателя (ср. выше, примечание к стр. 256). Развитие падежей субъектно-объектных в свою очередь приводит к осмыслению падежа как основного морфологического признака имени, а тем самым — к втягиванию в систему склонения ряда конструкций, не являющихся по генезису своему падежными (как, например, использование родительного падежа как падежа атрибутивной конструкции). Таким образом, в системе падежей древних индоевропейских языков закреплён один из поздних моментов длительного развития. См. ак. И. И. Мещанинов, „Новое учение о языке“, Л., 1936.

К стр. 359. Как понимание структуры отдельного слова (ср. выше, примечание к стр. 166), так и понимание структуры предложения древнейших индоевропейских языков не представляет с точки зрения русского языка — языка синтетического строя — тех затруднений, которые оно представляет с точки зрения французского языка — языка аналитического строя.

В частности, русский язык не только обладает той автономностью слова в предложении, которая обуславливает свободный порядок слов и вариации интонации (стр. 369—373), но и поныне сохранил отчетливое различие глагольных и именных, не имеющих связи, предложений (стр. 360—366), так же как и особенности структуры вопросительных и отрицательных предложений (стр. 374—375). В этом нетрудно убедиться, сопоставляя русские переводы с греческими примерами в этой части книги.

К стр. 367. Следует добавить, что в древнейших индоевропейских языках согласование носит не столько грамматический, сколько эмфатический характер, что отмечалось неоднократно языковедами (Гиннекен, Есперсен, еще раньше Штейнгаль).

К стр. 376. Широкое использование отглагольных имен, и в частности причастий, для выражения сложной мысли в древнейших индоевропейских языках не является специфической чертой этих языков, но свойственно послеархаической стадии развития предложения едва ли не во всех языках. Ср. исследование конструкций, параллельных к описываемой Мейе структуре предложения, в языках других систем — в ст. А. Рифтина „О двух путях развития сложного предложения“ (сб. „Советское языковедение“, т. III).

ГЛАВА VIII

Анализ лексического состава индоевропейских языков, приводимый в этой главе, дан в основном как область приложения звуковых и морфологических соответствий (ср. стр. 385). Лишь очень осторожно касается автор вопросов семантики анализируемых слов и тех исторических выводов, к которым этот анализ может привести, — как, например, при анализе терминов родства (стр. 393—394), названий металлов (стр. 403 и сл.) или числительных (стр. 413).

Эта осторожность, бесспорно, имеет свои основания, и нельзя отрицать положительного значения некоторых общих методических положений, выдвинутых Мейе в вводной части главы, — о значении заимствований в развитии словаря

(стр. 382), о специфическом характере письменной традиции древних индоевропейских языков (стр. 384), о значении метода географии слов в применении к лексике древних индоевропейских языков (стр. 382—383), наконец, о значении увязки истории слов с изучением реалий, ими обозначаемых (стр. 385). Действительно, нарушение основных требований методики исследования, как известно, совершенно скомпрометировало и лишило авторитета построения так называемой „науки об индогерманских древностях“ (indogermanische Altertumskunde) и привело часть современных ученых к полному отказу от возможности связать чисто формальные этимологические исследования сравнительной грамматики с данными истории и археологии (ср. Боас, „Ум первобытного человека“, рус. пер. М., 1925; Ж. Вандриес, „Язык“, М., 1937). К позиции Вандриеса близка и позиция Мейе (стр. 385). Советское языковедение не может, однако, примириться с простым отказом от столь важной области исследования. В трудах ак. Н. Я. Марра открывается новый путь исследования языковых материалов как источника для истории и до-истории; но исследование это возможно лишь при условии выхода за пределы одной семьи языков и обращения к изучению типологически однородных явлений в семантике и структуре самых разнообразных языков как отложений определенного этапа развития языка и мышления (ср. „Избранные работы“, в частности „Право собственности по сигнализации языка“).

К стр. 384. Противопоставление лексики аристократической (noble, de l'aristocratie) и лексики просторечия (populaire, familier), на которое Мейе неоднократно ссылается и в других главах своей книги (ср., например, стр. 110, 124, 154, 174, 287 и др.), является очевидным анахронизмом. Действительно, не подлежит сомнению, что особый характер письменных памятников, в которых дошли до нас древнейшие индоевропейские языки, — памятников культовой поэзии, государственных декретов и героического эпоса, — не мог не повлиять на отбор лексики. Но у нас нет никаких оснований предполагать, что как отбрасываемые, так и отбрасываемые слова были достоянием равных общественных классов, что до-гомеровское или до-ведийское общество обладало несколькими классовыми языками. Предположение Мейе переносит в эту древнюю эпоху отношения, которые наблюдаются на поздних этапах развития рабовладельческого общества — в Римской или Византийской империи, — переносит их, так же нарушая историческую перспективу, как и в вопросе об „общем языке“ (ср. ниже, примечание к главе IX).

К стр. 399. На связи индоевропейской лексики в области культурных терминов, в частности терминов садоводства и виноделия, с лексикой яфетических языков, неоднократно указывает акад. Н. Я. Марр (см. „Избранные работы“, т. I—V, в частности „Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в союзе средиземноморской культуры“, а также „Яфетические названия красок и плодов в греческом“, „Изв. Акад. ист. мат. культуры“, т. II, 1922).

К стр. 400. Критика Мейе направлена против опытов построения сравнительной мифологии и истории религий по образцу сравнительной грамматики, которым было положено начало А. Куном и М. Мюллером; приводимые Мейе этимологии имен греческих и ведийских богов принадлежат к числу наименее спорных из этимологий этой школы.

К стр. 413. Ряд интересных материалов по индоевропейским числительным см. в сб. под редакцией ак. Н. Я. Марра „Языковедные проблемы по числительным“, А., 1927.

ГЛАВА IX

Глава IX и Заключение возвращаются к вопросу о путях развития группы „родственных“ языков. Разумеется, и эти главы включают ряд ценных частных указаний. Так, анализируя раскоjenная индоевропейских языков, Мейе справедливо отмечает необходимость установить связь между этими раскоjenными и строем тех языков, которые так или иначе должны были воздействовать на отдельные группы индоевропейских языков (стр. 441). Очень важны указания Мейе на параллелизм в самостоятельном развитии грамматического строя отдельных языков (стр. 421), хотя он и не делает из этих наблюдений всех возможных выводов. Наконец, в вопросе о соотношениях синтетического строя к аналитическому Мейе занимает более правильную позицию, чем большинство современных ученых, уделявших внимание этому вопросу (как, например, Есперсен); он не видит в аналитическом строе прогресса в сторону большей логичности и экономии выразительных средств, но справедливо устанавливает в синтетическом и аналитическом строях речи два почти равноценных способа разрешения одной и той же задачи — регуляризации грамматических средств языка (стр. 423).

Но обилие ценных частных указаний не изменяет ошибочности основной концепции развития „родственных“ языков, развѣртываемой Мейе в этой части его труда, — утверждения последовательной сменѣ „общих языков“ (*langues communes*), все более дифференцирующихся, как основной формы этого развития. Это утверждение, как уже указывалось выше, является выводом из принципов „лингвистической непрерывности“ и „абсолютного родства“, отстаиваемых Мейе в противоречии с другими своими положениями. В качестве исходной ситуации для каждой системы или подсистемы „родственных“ языков Мейе считает необходимым период существования единого „общего языка“ (*langue commune*); но „чтобы создать единство языка, необходим народ, ощущающий свое единство“ (стр. 417); так, положение о периоде существования единого индоевропейского языка обосновывает положение о периоде существования „индоевропейского народа“ (*nation*). Дальнейшее развитие отдельных групп индоевропейских языков рисуется в тех же формах образования новых „общих языков“ и новых народов — индо-иранского, греческого, итапо-кельтского и т. д., — в свою очередь распающихся на отдельные народы и языки (стр. 417). Так, начав с доказательства ненужности понятия „праязыка“, Мейе приходит в конце своей работы к утверждению этого понятия и к построению схемы, мало чем отличной от „генеалогического дерева“ Шлейхера. Точно так же, начав с отказа от понятия „индоевропейского народа“ (стр. 108), он заканчивает признанием этого народа (стр. 416) и более чем гипотетическими суждениями о его общественно-политическом укладе (стр. 416).

Нетрудно убедиться, что вся концепция Мейе построена на явном анахронизме. Действительно, сам Мейе указывает в другой связи (стр. 80) на то, что „народности, говорившие по-индоевропейски, должны были стоять на уровне цивилизации, близком к уровню африканских негров или североамериканских индейцев“; но для общественного строя североамериканских племен совершенно немыслимо наличие „общего языка“, захватывающего значительную территорию, как рисует Мейе: для племенного или родового союза характерно лишь наличие групп „родственных наречий одного и того же языка“ (см. Ф. Энгельс, „Происхождение семьи, частной собственности и государства“), т. е. именно та исходная ситуация, которую и дает нам сравнительная грамматика соответствий и раскоjenний индоевропейских языков. Что же касается

единого общего языка, единой „койны“, конструируемой Мейе за названной исходной ситуацией, то предполагаемая здесь форма существования языка, притом языка не только письменного, но и устного, есть явление неизмеримо позднейшее, — явление, характеризующее эпоху становления наций, т. е. эпоху поднимающегося капитализма (см. В. И. Ленин, „О праве наций на самоопределение“; И. В. Сталин, „Марксизм и национальный вопрос“). Конструируемый Мейе „общий индоевропейский язык“, фактически „праязык“, возможен, таким образом, лишь в результате смещения исторической перспективы.

Как же разрешается вопрос об исходной ситуации для построения сравнительно-исторической грамматики группы родственных языков? Здесь приходится обратить внимание еще на одно важное положение, совершенно правильно сформулированное Мейе по одному частному вопросу в следующих словах: „система индоевропейского словоизменения оказывается, таким образом, переходным состоянием между до-индоевропейским типом без словоизменения или с малоразвитым словоизменением, каковой тип мы можем предполагать для далекого прошлого..., и современными системами...“ (стр. 427); ср. еще стр. 171, 208 о возможности разглядеть за индоевропейским типом языка другой существенно отличный тип языка.

Другими словами, „семья“ индоевропейских языков есть бесспорно особая языковая группировка с характерной типологией. Но нужно ли возводить эту типологию к обособленному единому „общему языку“? На этот вопрос сравнительно-историческая грамматика не дает и не может дать ответа. Подобно тому как младограмматики отказались как от ненаучного, научно недоказуемого, от учения о двух эпохах существования индоевропейского „праязыка“, так современному сравнительно-историческому языковедению предстоит отказаться и от самого понятия „праязыка“, „общего языка“ индоевропейской древности. Ибо разрешение вопроса о том, какими путями создавалась та совокупность обладающих четкими диалектальными различиями индоевропейских языков, которую открывает нам сравнительная их грамматика, лежит уже за пределами возможностей сравнительной грамматики; оно мыслимо лишь в плане развертывания стадийного изучения языка, в тесной связи с изучением истории первобытных обществ.

Устранение понятия „праязыка“, однако, отнюдь не обозначает отказа от сравнительно-исторической грамматики соответствий в системе индоевропейских языков; более того, оно влечет за собой значительное расширение области применения сравнительно-исторического метода как частного метода лингвистической науки; ибо наряду со сравнительной грамматикой соответствий возникает необходимость сравнительной грамматики раскождений индоевропейских диалектов, — другими словами, систематическое и стоящее на высоте современных научных методов исследование связей между известным индоевропейским диалектом и языками иных систем (ср. Мейе, стр. 441). Задача Бопповых „Die kaukasischen Glieder des indoeuropäischen Sprachstammes“, в течение почти столетия оценивавшихся как его ошибка, поставлена в новой научно точной формулировке перед современным языковедением. Перефразируя заключительные слова книги Мейе, мы можем сказать: результаты, достигнутые уже сравнительной грамматикой, неопровержимы; но они приобретут всю полную значимость лишь тогда, когда новая, ныне создаваемая наука о языке по-новому осветит их и введет их в новые системы.

УКАЗАТЕЛЬ

- Авеста („авестийский“ диалект) 91
 Адбанский язык 104
 Аналогия 62
 Анафорическое (относительное) местоимение 334, 343
 Анафорическое (указательное) местоимение 332
 Англо-саксонский (древнеанглийский) язык 101
 Аорист 212, 260
 Арийские диалекты 83
 „Арийские народы“ 108
 Аркадский диалект 94
 Армянский язык 104
 Атематические основы 200
 Атонический слог 161
 Аттический диалект 94
 Афганский язык 92
 Ахейская группа диалектов 94

 Балтийская группа языков 101
 Баскский язык 105
 Безличный глагол 256
 Безударный слог 161
 Бестийский диалект 95
 Болгарский язык 102
 Бретонский язык 99
 Бриттский язык 98
 Будущее время 229

 Валлийский диалект 98
 Ведийский язык 89
 Веларные звуки 110, 117
 Венетский язык 105
 Вид 220
 Внятельный падеж 348
 Возвратное местоимение 342
 Возможные замены языка 68
 Вопросительное местоимение 334

 Вопросительные предложения 375
 Восстановление индоевропейского языка 72
 Восходящее ударение (в. интонация) 45, 128
 Временные основы 212
 Вторичные окончания 240, 242, 258.
 Вторичные суффиксы 202

 Галльский язык 98
 Гаты „Авесты“ 91
 Гаэльский язык 99
 Германская группа языков 99
 Глагол 204, 211
 Глагольные предложения 360
 Гласные 123, 149
 Глухие придыхательные 116
 Глухие простые 111
 Глухие согласные 109
 Гомеровский язык 96
 Готский язык 99
 Греческая группа языков 93
 Губные звуки 110
 Гutturальные звуки 110, 117

 Дательный падеж 352
 Датский диалект (язык) 100
 Двойные согласные 153
 Двойственное число 204
 Двусложные корни 180
 Двуязычие 59
 Действительный залог 241, 257
 Детские слова 61
 Диалекты 51, 83, 416
 Диссимиляция (в индоевропейском языке) 188
 Дифтонг 134
 Длительность действия 261
 Долгие гласные 127

- Долгий слог 151
 Дорийский диалект 95
 Древнеперсидский язык 91
 Древнепруссский язык 101
 Древнеславянский язык 102
 Единичность языковых явлений 49
 Желательное наклонение 239
 Женский род 206, 291, 346
 Животные (названия животных) 394
 Задненёбные звуки 110
 Заимствования (в языке) 55, 62, 381
 Закономерность развития языка 60
 Залог 257
 Западногерманская группа 100
 Звательный падеж 348
 Звонкие придыхательные 113
 Звонкие согласные 109, 115
 Земледелие (термины земледелия) 388, 398
 Зенд 91
 Зубные звуки 110
 Изменение языка 54
 Иаоглосса 419
 Иъявительное наклонение 238
 Имена личные 300
 Именительный падеж 348
 Именные основы 264
 Именные предложения 360
 Имперфект 260
 Имплозия 109, 150
 Имя 204, 264
 Индийская группа языков 88
 Индоевропейские слова 382
 Индоевропейский язык 68, 81, 107
 Индо-иранская группа языков 88
 Интенсивы (усилительные глаголы), 197, 223
 Интонация 157
 Инфиксация 171, 230
 Инфинитивы 290, 378
 Инъюнктив 259
 Ионийский диалект 93
 Иранская группа языков 88, 90
 Ирландский язык 99
 Исавдский диалект (язык) 100
 Итальянская и кельтская группа языков 96
 Итальянские диалекты (языки) 97
 Итеративы 227
 Карийский язык 105
 Каузативы 227
 Кельтские диалекты (языки) 98
 Кипрский диалект 94
 Конец слова 158
 Корень 167, 203, 386
 Корнский диалект 99
 Краткие гласные 123
 Краткий слог 151
 Кучинский язык 87
 Лабио-велярные звуки 117
 Латинский язык 97
 Латвийский диалект (язык) 102
 Лексика 381
 Лесбийский диалект 95
 Лидийский язык 105
 Ликийский язык 105
 Литовский язык 101
 Лицо 205, 256
 Личные местоимения 338
 Лувийский язык 87
 Луижцкий язык 103
 Македонский язык 105
 Македонский (славянский) язык 103
 Мгновенные согласные 109
 Мессапский язык 105
 Местный падеж 354
 Место тона 172
 Местоименное склонение 332
 Мужской род 206, 292, 346
 Наречие 208, 354
 Настоящее время 212, 260
 Нёбные звуки 110
 Немецкий язык (верхне-немецкий и нижне-немецкий) 100
 Немые согласные 109
 Неодушевленный род 205
 Неопределенное местоимение 334
 Непереходные глаголы 213
 Непрерывность (лингвистическая) 52
 Несовершенный вид 220
 Нисходящее ударение (н. интонация): 45, 128
 Новоперсидский язык 91
 Норвежский диалект (язык) 100

Нордидская группа 99
Носовая (конечная) 191
Нулевая ступень огласовки 174
Нулевое окончание 167
Нулевой суффикс 167, 266
Общий язык 51, 417, 439
Огамические надписи 99
Однословные корни 192
Одушевленный род 205
Окончание 167, 202
Определители корней 193
Осетинский язык 92
Оскский язык 98
Основа 167, 170
Отглагольные глаголы 233
Отложительный падеж 353
Относительное местоимение 334, 379
Относительное придаточное предложение 379
Отрицание 358
Отрицательные предложения 374
Отыменные глаголы 212, 232
Падеж 207, 346
Паан 90
Памфилийский диалект 94
Парсик 91
Парфянские говоры 92
Пахлавик 92
Первичные имена 377
Первичные окончания 240, 258
Первичные суффиксы 202
Переднеязычные звуки 110
Переходный глагол 213
Персидский язык 90
Перфект 220, 245
Пехлевийский язык 91
Плюсквамперфект 223
Повелительное наклонение 248
Подчинение предложений 376
Полабский язык 103
Польский язык 104
Порядок слов 369
Пракричи 90
Превосходящая степень 280, 282
Предлоги 209
Предложение 359
Придыхательные 109—110
Применный (родительный) падеж 352

Прилагательное 264, 408
Примыкание 363
Приращение 255
Приставки 209, 355
Притяжательные сложные слова 299
Причастия 205, 287, 376
Прошедшее время 259
Разделительный (родительный) падеж 351
Раса и язык 106
Растения (названия растений) 397
Религия (названия, касающиеся религии) 400
„Ригведы“ язык 89
Ритм 164
Род 205
Родительный падеж 350
Родства (названия) 391
Родство языков 50
Рунические надписи 99
Русская группа 103
Русский язык 103
Сака 92
Санскрит 89
Свистящие согласные 120
Семья языковая 50
Сербо-хорватский язык 103
Сигматический аорист 228
Сильные смычные 109
Скандинавская группа 100
Скифская группа 92
Слабые смычные 109
Славянская группа языков 102
Словацкий язык 103
Словинский язык 103
Слово 157, 166, 359
Словосочетание 370
Слог 149
Сложение основ 296, 379
Смычные согласные 109
Собирательная форма среднего рода 301
Совершенный вид 220
Согдийский язык 92
Согласные 109
Согласование 367
Сонанты 129
Сонанты гласные 140

- Сонанты долгие 145
Соответствия 61
Сорабский (лужицкий) язык 103
Сослагательное наклонение 238
Социальная реальность языка 52
Сочетания согласных 154
Сочинение предложений 375
Спонтанное развитие языка 55
Спряжение 211, 427
Сравнительная грамматика 48, 77
Сравнительная степень 281, 282
Средний залог 245, 257
Средний род 205, 345
Страдательный залог 257
Ступени огласовки (е, о, нуль и т. д.)
174
Суффикс 167, 199, 203
Существительное 264
- Творительный падеж 353
Тематическая гласная 192
Тон, тонический 161, 371
Тохарская группа языков 87
- Ударение, ударяемый 161
Удвоение 196, 219, 220, 287
Удвоение экспрессивное 154
Указательные местоимения 332
Умбрский язык 98
- Фессалийский диалект 95
Флективный (тип языка) 208
Фонема 109
- Фонетическая система индоевропей-
ского языка 165
Фонетический закон 60, 64
Форма корней 191
Форма окончаний 202
Форма суффиксов 199
Фракийский язык 105
Фризский диалект 101
Фрикативные 120
- Хеттская группа языков 86
Части тела (названия их) 404
Частицы 209, 357
Чередования гласных 173
" согласных 176
Чешский язык 103
Числительные 409
Число 204, 256, 344
- Шведский диалект (язык) 100
Шипящие 121
- Эксплозия 109, 150
Экспрессивные слова 154, 414
Элейский говор 95
Элемент, предшествующий оконча-
нию 200, 309
Элемент, предшествующий суффи-
ксу 200, 319
Элементы подстановки 169
Энклитики 372
Эолийский диалект 95
Этрусский язык 49, 97
Ягнобский язык 92.
-

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
М. СЕРГИЕВСКИЙ. Аятуан Мейе и его „Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков“	5
Предисловие автора к первому изданию русского перевода	27
Предисловие переводчика	—
Предисловие к седьмому изданию	31
Сокращения	38
Транскрипция	40
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Метод. Что такое индоевропейские языки	49
1. Единичность языковых явлений	—
2. Лингвистическая непрерывность	52
3. О закономерности развития языков	60
I. Принципы	—
II. Приложение общих принципов к определению индоевропейских языков	68
1. Определение понятия „индо-европейские“ языки	—
2. „Восстановление“ индоевропейского языка	72
ГЛАВА ВТОРАЯ. Индоевропейские языки	82
I. Хеттская	86
II. „Тохарская“	87
III. Индоиранская	88
1. Индо-иранские языки Индии	—
2. Индо-иранские языки Ирана	90
IV. Греческая	93
1. Ионийско-аттическая	—
2. Ахейская (аркадо-кипрская)	94
3. Северо-восточные говоры	95
4. Западная группа	—
V. Итальянская и кельтская	96
1. Итальянские диалекты	97
2. Кельтские диалекты	98
VI. Германская	99
VII. Балтийская и славянская	101
1. Балтийская группа	—
2. Славянская группа	102
VIII. Албанская	104
IX. Армянская	—

	Стр.
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Фонетика	109
I. Фонемы	—
1. Смычные и свистящие	—
2. Гласные в собственном смысле	123
3. Сонанты	129
II. Слог	149
III. Слово и предложение. Интонация. Ритм	157
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Принципы морфологии	166
I. Анализ слова	—
II. Чередования	173
1. Чередования гласных	—
2. Чередования согласных	186
3. Конечная носовая	191
III. О форме морфологических элементов	—
1. Форма корней	—
2. Форма суффиксов	199
3. Форма окончаний	202
IV. О различных классах слов	204
ГЛАВА ПЯТАЯ. Глагол	211
I. Общие замечания	—
II. Образование и значение глагольных основ	213
1. Общие основы	—
2. Основы наклонений	237
III. Спряжение глаголов	240
A. Окончания	—
B. Огласовка элемента, предшествующего окончанию	250
B. Место повышения тона	253
Г. Приращение	255
Д. Значение глагольных форм	256
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Имя	264
A. Существительные и прилагательные	—
1. Образование основ	—
2. Склонение	300
B. Местоимения указательные, неопределенные, вопросительные и др.	332
1. Основы	—
2. Склонение	335
B. Личные местоимения	338
Г. Употребление форм склонения	344
Д. Неизменяемые слова	354

	Стр.
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Предложение	359
I. Простое предложение	—
1. Общие замечания	359
2. Именные предложения и глагольные предложения	360
3. Согласование	366
4. Порядок слов и употребление тона	369
5. Предложения отрицательные и вопросительные	374
II. Соединение нескольких предложений	375
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. О лексике	381
1. Корни	386
2. Отдельные слова	391
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. О развитии индоевропейских диалектов	416
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	441
ПРИЛОЖЕНИЯ	445
I. Очерк развития сравнительной грамматики	—
II. Библиографические указания	472
ПРИМЕЧАНИЯ	488
УКАЗАТЕЛЬ	504

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стран.	Строка сверху	Напечатано	Следует
41	33 и 39	г	* ģ
128	39	кроме тех же долгих с восходящим ударением	кроме тех же долгих с нисходящим ударением
146	11	наряду с ĭ, ū	наряду с ī, ū
"	18	*ġ, *ĵ, *ñ, *m̄	*ġ, *ĵ, *ñ, *m̄
156	30	старым *г	старым *ġ
181	28	скр. pāg-pāh	скр. pūr-pāh
228	11	др.-сл. вѣзь	др.-сл. вѣсь
234	24	hatraizzi	hatraizzi
249	16	скр. -tat	скр. -tāt
260	12	raik á	āraik
261	13	λείποιμι	λείποιμι
271	38	zanu-drājā	zānu-drājā
282	2	скр. svād-iṣṭha-ḥ	скр. svād-iṣṭha-ḥ
288	23—24	ксть, сжть	ксть, сжть
293	8	лат. -clita-	лат. -clitā-
295	23	φύγα-δε „изгоняй“	φύγα-δε „в бегство“
297	14	скр. á-jñataḥ	скр. á-jñātaḥ
301	28	locos, но и locā	locōs, но и locā
303	21	ав. sū-n-o	ав. sū-n-ō
307	28	лит. sūnu-im	лит. sūnu-mì.
309	26	сохранилось	сократилось
316—317	41—1	brahmān-i	brāhmaṇ-i
317	35	лит. šū-n-is	лит. šū-n-is
319	38	лит. aus-i	лит. aus-i
372	16	др.-сл. ВИДИТ Н	др.-сл. ВИДИТЬ Н
391	38	скр. svāsar-	скр. svāsar-
428	7	перфект μεννηα	перфект μεμένηα

Ответственный редактор Р. Шор.
Оформление и переплет технического
редактора А. Лаврова.
Корректор М. Покровская.

Сдано в набор 14 VIII 1938 г. Подпи-
сано к печати 2 X 1938 г. ОГИЗ № 2123.
Тираж 10 000 экз. Ленибгортит № 3355.
Зак. № 1315. Формат бум. 60 × 92/16.
Уч.-авт. л. 32,7. Печ. л. 32. Бум. л. 16.
Тип. зн. в 1 бум. л. 96 000

Цена 6 р. 50 к. Переплет 2 р.

Типография Изд-ва Академии Наук
СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, 12